

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»**

ГЕОПОЛИТИКА И ЭКОГЕОДИНАМИКА РЕГИОНОВ

Научный журнал

Том 7 (17) Выпуск 3

2021

**Симферополь
2021**

ISSN 2309-7663

Журнал основан в 2005 году.

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-61822 от 18.05.2015 г.

*Печатается по решению Ученого совета ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(протокол №х от xx.xx.2021 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – д. геогр. наук, профессор ВОРОНИН И. Н.
Заместитель главного редактора – д. геогр. наук, профессор ВАХРУШЕВ Б. А.
Ответственный редактор – к. геогр. наук СИКАЧ К. Ю.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

к. полит. наук **БЕДРИЦКИЙ А. В.**; д. геогр. наук, профессор **БОКОВ В. А.**;
к. геогр. наук **ГОРБУНОВ Р. В.**; д. экон. наук, доцент **ИБРАГИМОВ Э. Э.**;
д. биол. наук, профессор **ИВАНОВ С. П.**; д. биол. наук, профессор
ИВАШОВ А. В.; д. геогр. наук, доцент **ИВЛИЕВА О. В.**; д. полит. наук
ИЛЬИН М. В.; д. биол. наук, профессор **ЛИТВИНСКАЯ С. А.**; д. геогр. наук,
профессор **ПЛОХИХ Р. В.** (Казахстан); д. геогр. наук, профессор
ПОЗАЧЕНЮК Е. А.; д. эконом. наук **РОТАНОВ Г. Н.**; д. геогр. наук, профессор
ХОЛОПЦЕВ А. В.; д. эконом. наук, профессор **ЦЕХЛА С. Ю.**; д. геогр. наук,
профессор **ЯКОВЕНКО И. М.**; д. геогр. наук, профессор **ÇALIŞKAN V.**
(Турция); PhD of geogr. and polit. **EDİRİPPULIGE S.** (Австралия); д. геогр. наук,
профессор **ГЪАТО Р.** (Республика Сербская Босния и Герцеговина); д. геогр.
наук, профессор **ИБРАГИМОВ А. И. оглы** (Турция).

*Статьи публикуются в авторской редакции и корректуре.
Мнение автора может не совпадать с позицией редакции.
Редакция не вступает в переписку с читателями.*

Подписано в печать xx.xx.2021. Формат 60x84/8
39,53 усл. п. л. Заказ № НП/324. Тираж 25 экз. Бесплатно
Дата выхода в свет xx.xx.2021 г.
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://geopolitika.cfuv.ru>

РАЗДЕЛ I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ**

УДК 314.04(477.75)

А. В. Баранов

Этнодемографические процессы в сельских сообществах Крыма: пространственный аспект

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар, Российская Федерация
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация. Автор статьи выясняет тенденции развития этнодемографических процессов в сельских сообществах Крыма (2001–2020 гг.). Работа выполнена на основе конструктивистской парадигмы. Внимание сосредоточено на изменениях ареалов расселения основных народов Крыма, влиянии социально-экономических и политических факторов на этническую географию сельских сообществ полуострова. Установлено размывание ареала проживания украинцев, снижение уровня этнической мозаичности в большинстве сельских сообществ.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, Крым, сельские сообщества, пространственный аспект.

Введение

Тематика географии этнодемографических процессов в современном Крыму имеет нарастающую актуальность. Рождаемость, смертность и миграции неравномерно проявляются как среди многочисленных народов Крыма, так и в сравнении городских и сельских сообществ. При этом этнический фактор наиболее отчётливо проявляется в сельской местности. Демографические параметры (численность и плотность расселения этнических групп, компактность расселения различных народов, соотношение внутри них возрастных групп, этнический состав миграционных потоков) непосредственно влияют на социальную и политическую стабильность в Крыму. В условиях воссоединения Крыма с Россией направленность этнодемографических процессов весомо изменилась. Тема работы является остро дискуссионной, оставаясь одним из вопросов политизированной полемики между российскими и зарубежными исследователями. Особую актуальность теме придаёт предстоящая Всероссийская перепись населения 2021 г. Работа практически важна при анализе состава электората накануне выборов в Государственную Думу Российской Федерации и для составления географического атласа Крыма.

Материалы и методы

Пространственный аспект этнодемографических процессов в Крыму исследован достаточно подробно, но неравномерно. Состояние этнодемографических процессов на полуострове до 2014 г. объективно оценивается в монографии ряда видных крымских географов, социологов и политологов [1, с. 175–201, 245–256, 292–296], а также в исследованиях историков [2, с. 46–128]. Уже тогда зарубежные и украинские эксперты искажали реальные процессы, стремясь преувеличить конфликтность этнодемографических

процессов в Крыму и укрепить «образ жертвы» в сознании крымских татар и других репатриированных народов [3; 4].

В современной научной литературе исследуются изменения ареалов проживания этнических групп, влияние межрегиональной и внутрирегиональной миграции на данные ареалы. Следует упомянуть обобщающие работы И. Н. Воронина, Л. А. Ожеговой и А. Б. Швеца [5], С. Я. Суция [6], А. Н. Яковлева [7]. Специальное исследование этнополитических аспектов миграции провели Д. А. Мамина и Д. Н. Мищенко [8]. Повышенное внимание уделяется изменениям этнической географии крымских татар (работы А. Н. Яковлева [9]). Работы украинских экспертов на этом фоне отличаются слабостью эмпирической базы и односторонностью выводов [10, с. 411-438]. Некоторый интерес представляет статья британской исследовательницы Э. Кнотт о русской идентичности крымчан [11]. Но наряду с достижениями сохраняется обособленность между демографическими, географическими и этносоциальными исследованиями темы. Редко учитывается смена либо неопределённость этнического самосознания. Слабо изучены демографические факторы потенциального конфликта между постоянным населением и новосёлами.

Цель нашей работы — определить тенденции развития этнодемографических процессов в сельских сообществах Крыма с 2001 по 2020 г.

Методология исследования основана на социальном конструктивизме применительно к этничности (теоретически значимы работы Ф. Барта [12, с. 9–48], Э. Хобсбаума) [13]. Признание конструируемости этничности, её отличительных признаков и границ той или иной этнической группы обеспечивает осмысление причин двойной и гибридной этнической самооценки, дрейфа (смены) «национальности», которые ярко проявляются в постсоветском Крыму. В статье также применён компаративный метод в его кросс-темпоральном, кросс-территориальном и синхронном измерениях. Данный метод даёт возможность аргументировать изменения пространственных ареалов основных народов Крыма — русских, украинцев и крымских татар, суммарно достигающих 96% постоянного населения. Используются процедуры картографирования.

Эмпирическая основа статьи состоит из опубликованных статистических данных, отчетных докладов Госкомитета по делам межнациональных отношений Республики Крым, географических карт и диаграмм. Используются также материалы проведённых с участием автора анкетного опроса крымской молодёжи ($n = 380$, две волны 2018 и 2019 г., выборка представительна по гендеру, этничности, возрастным когортам) и экспертного опроса ($n = 30$, пропорциональное участие преподавателей вузов, государственных служащих и активистов неправительственных организаций). Материалы данного анкетного опроса цитируются по первой публикации в нашей статье 2019 г. [14], а материалы экспертного опроса цитируются впервые по текущему архиву автора. Опросы проводились в рамках проекта РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Результаты и обсуждение

Крым в качестве курортного региона, расположенного в благоприятном для земледелия и садоводства, скотоводства климате, всегда отличался повышенной долей сельского населения. Кроме того, значительная часть малых городов де-факто

имеет население с отчасти сельскохозяйственными занятиями. Так, Всеукраинская перепись населения 2001 г. зафиксировала на Крымском полуострове численность населения 2 412,9 тыс. чел., в том числе сельских жителей — 37,3%, а жителей городов с населением более 50 тыс. чел. — суммарно 1 143,2 тыс. чел. (47,4%) [15]. Региональная перепись в октябре 2014 г. установила численность населения Крымского федерального округа — 2 293,7 тыс. чел., из них 42,3% — сельских жителей (в том числе 49,0% — в Республике Крым и 8% — в г. Севастополе) [16, с. 8-9]. В среднем на сельское поселение в 2014 г. приходилось 3846,8 постоянных жителей, но размеры сел значительно различаются по районам в зависимости от природных и экономических условий [16, с. 8; 17, с. 171–172].

Политические трансформации общества всегда весомо отражались на этнической структуре крымского сообщества. Так, последняя Всесоюзная перепись в январе 1989 г., проведённая до репатриации крымских татар и других репрессированных народов, зафиксировала на полуострове население 2458,6 тыс. чел. В том числе, русские тогда составляли 66,3% жителей полуострова (в том числе 74,5% в г. Севастополе), украинцы — 25,5% (в том числе 20,7% — в г. Севастополе), крымские татары — 1,6% (в том числе 0,06% — в г. Севастополе) [18]. В течение 1990-х гг. состоялась массовая репатриация реабилитированных народов. По Всеукраинской переписи 2001 г., русские составляли 60,2% совокупного населения Автономной Республики Крым и г. Севастополя, украинцы — 23,9%, крымские татары — 10,2% [15]. Согласно убедительным доводам С. А. Ефимова, уменьшение удельного веса русских на 11% произошло вследствие распада СССР, приведшего к повышению политического статуса украинцев в качестве «титупной нации». При этом смена языка русских в Крыму не происходила. Отмечались весомые приписки количества украинцев в Крыму [19, с. 182–188].

В том числе, качественные изменения этнической структуры в постсоциалистический период характерны для сельского населения Крымского полуострова.

Республика Крым и г. Севастополь, как и 25 муниципальных сообществ РК имеют качественно различную этническую структуру (см. табл. 1). Удельный вес русского населения прямо-пропорционально связан с уровнем урбанизации, тогда как удельный вес крымских татар имеет обратно-пропорциональную связь с процентом горожан в том или ином муниципальном образовании. Например, по переписи 2001 г. русские составляли 71,6% постоянных жителей г. Севастополя, 66,7% — Симферополя, 78,7% — Керчи. В то же время крымские татары составляли 0,5% севастопольцев, 7,0% симферопольцев и 1,9% керчан. В сравнении 14 сельских районов АРК наибольший удельный вес русских на 2001 г. был установлен в Ленинском районе — 54,8%, Бахчисарайском — 54,2%, Черноморском — 52,8%, а наименьший — в Красноперекопском районе — 33,2%, Первомайском — 35,1%, Джанкойском — 38,9%. Украинцы по переписи 2001 г. составляли наиболее высокую долю населения в Красноперекопском районе — 43,4%, Раздольненском — 40,1% и Первомайском — 37,9%, а наименьшую долю — в Ленинском районе — 15,5%, Нижнегорском — 16,0% и Белогорском — 16,2%. Крымские татары по переписи 2001 г. имели повышенный удельный вес в населении Белогорского и Ленинского районов — по 29,2%, Нижнегорского — 28,8% (см. табл. 1).

Перепись 2014 г. зафиксировала значительное убывание численности украинцев в Крыму, что при отсутствии сколько-нибудь массового выезда может

быть объяснено только сменой самоидентификации. По сути, русская и украинская идентичности в крымском сообществе дистанцированы и разделены по маркерам самооценки слабо, соединены переходными состояниями двойного самосознания, что подтверждают социологические опросы [14]. На 2014 г. репатриация крымских татар из стран Средней Азии в основном завершена, и в миграционном притоке стали преобладать русские.

Русское население Крыма по переписи 2014 г. имеет повышенную долю в населении Ленинского района — 64,0%, Черноморского — 63,1%, Нижнегорского — 56,6%, Бахчисарайского — 56,5%, Симферопольского — 56,1%, а наименьшую долю — среди жителей Краснопереконского района — 41,3%, Первомайского — 45,7%, Джанкойского — 46,1%. Украинское (по самооценке) население Крыма на 2014 г. в наибольшей мере сосредоточено в Краснопереконском районе — 32,5%, Раздольненском — 30,3%, Первомайском — 28,6%, Джанкойском — 23,5%, Сакском районе — 21,5%. В наименьшей степени украинцы проживают в Белогорском районе — 10,1%, Кировском — 10,7%, Бахчисарайском — 12,9%. Крымские татары (в том числе, назвавшие себя при переписи «татарами»), сконцентрированы в основном в Белогорском районе — 34,3%, Кировском — 33,2%, Советском — 28,6%, Бахчисарайском — 28,6%, Джанкойском — 26,1%. Наименьший процент крымский татар отмечен в населении Черноморского — 14,8%, Раздольненского — 16,2% и Ленинского — 17,2% постоянных жителей [16, с. 135-142].

Увеличение доли русского и крымскотатарского населения в связи с его повышенной моноэтничностью ведут к снижению этнической мозаичности большинства сельских сообществ Крыма.

Для понимания тенденций и перспектив этнодемографических процессов в Крыму нужно учесть различия возрастной структуры сравниваемых этнических групп. Например, среди русских жителей всего полуострова в 2014 г. лица младше трудоспособного возраста составляли 18%, в трудоспособном возрасте — 56%, а старше трудоспособного возраста — 26%. Украинцы имеют ещё более «пожилую» возрастную структуру: соответственно, 9, 54 и 37%. Крымские татары — наиболее «молодой» по возрастной структуре народ: младше трудоспособного возраста — 23%, в трудоспособном возрасте — 59%, старше трудоспособного возраста — 18% [16, с. 110]. Среднее число рожденных женщинами в возрасте 15 лет и более детей составляет в Республике Крым 1 534 чел., в том числе 1 534 у русских, 1 421 — украинок и 1 921 — крымских татарок [16, с. 112]. По текущему учёту численности населения (январь–февраль 2021 г.), рождаемость постоянного населения в Крыму ниже смертности на 51,1% [14]. Следовательно, в будущем удельный вес украинцев и, в меньшей мере, русских в регионе будет снижаться, а крымских татар — повышаться.

Ввиду отрицательного естественного прироста населения его численность растёт за счёт миграции. По сведениям Крымстата, за январь — апрель 2021 г. в Республику Крым прибыли 17 177 чел., а выбыли 13 426 чел. В числе прибывших — переселенцы из других субъектов Российской Федерации составили 33,6%, внутрикрымские — 36,6%, а 29,0% — из стран СНГ и 0,8% — из других зарубежных стран. Внешняя для региона миграция составляет 63,4% прибывших [20]. В сравнении с соседями — Краснодарским краем и Ростовской областью удельный вес иностранцев в миграционном потоке значительно увеличен.

Восприятие миграции в общественном мнении крымчан, бывшее в сравнении с соседними регионами Юга России повышенно-толерантным, в

последние годы становится более сдержанным и настороженным. Это подтверждает анкетный опрос молодёжи, проведённый коллективом под руководством И. В. Юрченко в 2018 и 2019 г. (выборка охарактеризована выше). Так, 28,8% опрошенных полагали, что в Республике Крым существует проблема трудовой конкуренции между постоянным населением и мигрантами. Считают, что для РК больше подходит стратегия ограничения миграции, 52,9% респондентов. Удельный вес желающих ужесточить миграционное законодательство, втрое превышает желающих его ослабить (34,0% в сравнении с 11,0%). Полагают, что мигранты чаще местных жителей совершают правонарушения, 19,5% опрошенных при том, что 27,3% не увидели разницы в уровне правонарушений.

В сравнении, экспертный опрос 2019 г., проведённый в Республике Крым с участием автора, показал, что влияние программ социальной интеграции мигрантов на эффективность национальной политики оценивается в среднем на 3,17 балла из 10 максимальных. Выражен повышенный запрос на эффективный миграционный контроль (5,17 баллов). Направленность изменений миграционной политики в Крыму оценивается экспертами противоречиво. Относительное большинство опрошенных — 45,8% считает, что миграционная политика смягчается, а 29,2% — что она ужесточается. Направленность влияния миграции в регионе воспринимается контрастно, но в целом по выборке экспертов негативные и положительные оценки уравновешены [21].

Таблица 1

Этнический состав территориальных образований Крымского полуострова по переписям населения 2001 и 2014 гг. (в % от общей численности населения)

Территориальное образование	Русские		Украинцы		Крымские татары*	
	2001 г.	2014 г.	2001 г.	2014 г.	2001 г.	2014 г.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Бахчисарайский район	54,3	56,5	19,6	12,9	21,3	27,6
Белогорский район	49,2	52,6	16,2	10,1	29,2	34,3
Джанкойский район	38,9	46,1	33,8	23,5	21,6	26,1
Кировский район	50,5	51,9	17,6	10,7	25,5	33,2
Красногвардейский район	48,7	54,3	27,3	19,0	16,7	21,7
Краснопереконский район	33,2	41,3	43,4	32,5	17,2	21,5
Ленинский район	54,8	64,0	15,5	15,2	29,2	17,2
Нижнегорский район	50,4	56,6	16,0	19,6	28,8	20,2
Первомайский район	35,1	45,7	37,9	28,6	21,5	22,2
Раздольненский район	41,1	49,8	40,1	30,3	13,3	16,2

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Сакский район	45,2	52,2	31,5	21,5	17,5	21,8
Симферопольский район	49,4	56,1	23,5	15,0	22,2	25,3
Советский район	48,5	53,5	22,1	13,5	22,2	28,6
Черноморский район	52,8	63,1	23,0	18,9	12,7	14,8
г. Алушта	67,1	72,8	23,0	16,5	5,9	7,0
г. Армянск	55,7	61,4	36,2	29,5	3,5	4,5
г. Джанкой	59,8	68,0	25,9	16,9	8,1	9,6
г. Евпатория	64,9	73,7	23,3	14,8	6,9	7,4
г. Керчь	78,7	87,3	15,4	8,5	1,9	1,8
г. Краснопереконск	51,0	60,5	40,9	30,5	3,0	4,5
г. Саки	65,1	72,2	24,3	16,6	5,8	7,4
г. Симферополь	66,7	72,4	21,3	13,1	7,0	9,9
г. Судак	59,2	59,9	17,6	12,4	17,4	24,7
г. Феодосия	72,2	79,7	18,8	12,3	4,6	4,3
г. Ялта	65,6	74,0	27,6	19,3	1,3	2,6
Республика Крым	58,3	65,0	24,3	16,0	12,0	12,6
г. Севастополь	71,6	81,0	22,4	14,2	0,5	0,7
Крымский полуостров	60,3	67,9	24,0	15,7	10,2	12,7

**Суммированы «крымские татары» и «татары» по самооценке.
Составлено по [16, с. 135-141].*

Выводы

Влияние социально-экономических факторов на этническую географию сельских сообществ Крыма проявляется во внутрирегиональном перетоке населения из малопродуктивных северных в предгорные и прибрежные районы. Политические факторы состоят в прекращении искусственной украинизации, проводившейся до марта 2014 г. Этнические идентичности русских и украинцев в Крыму имеют гибридный характер, доминирует русский язык. Вследствие этого грань между русской и украинской этничностью размыта, с 2014 г. идет принятие русской самооценки многими украинцами. В сравнении, крымскотатарская этничность выражена более отчетливо. Ареал крымских татар расширяется ввиду повышенной рождаемости из степной части полуострова на Судак, Саки и Евпаторию, прилегающие к ним сельские районы. Трудовая миграция выступает основным источником роста численности населения Крыма, удельный вес иностранцев в миграционном потоке увеличен.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.).

Литература

1. Киселёва Н. В., Мальгин А. В., Петров В. Н., Форманчук А. А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
2. Балагура О. В., Прохоров Д. А., Тур В. Г. Исторические особенности и современные проблемы этнокультурных и этнополитических процессов в Крыму. Симферополь: Антиква, 2012. 156 с.
3. Kuzio T. The Crimea: Europe's Next Flashpoint? Washington: The Jamestown Foundation, 2010. 41 p.
4. Якість життя жителів Криму та перспективи її покращання в контексті реалізації стратегії економічного та соціального розвитку АР Крим на 2011–2020 рр. // Національна безпека і оборона. Київ: Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова, 2011. № 4-5 (122-123). С. 71-135.
5. Воронин И. Н., Ожегова Л. А., Швец А. Б. Факторы и механизмы трансформации территориальной структуры и характера протекания социокультурных процессов в Республике Крым и городе Севастополе // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Симферополь, 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 36–49.
6. Суший С. Я. Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX – середина XXI века // Региональная экономика. Юг России. Волгоград, 2018. № 4. С. 139-149.
7. Яковлев А. Н. Картографическое изучение динамики этноконфессиональных противоречий в Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2020. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 314–323.
8. Мамина Д. А., Мищенко Д. Н. Этнополитические факторы внутренней миграции в Республике Крым // Гуманитарий Юга России. Ростов н/Д, 2020. Т. 9 (44). № 4. С. 137-149.
9. Яковлев А. Н. Особенности и география социокультурных противоречий в современном Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2019. Т. 5 (15). № 2. С. 58-66.
10. Донбас і Крим: ціна повернення / за заг. ред. В. П. Горбуліна, О. С. Власюка, Е. М. Лібанової, О. М. Лященко. Київ: Національний інститут стратегічних досліджень, 2015. 474 с.
11. Knott E. What Does it Mean to Be a Kin Majority?: Analyzing Romanian Identity in Moldova and Russian Identity in Crimea from Below. *Social Science Quarterly*. 2015. Vol. 96, Issue 3. pp. 830–859.
12. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: Сборник статей / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
13. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетейя, 1998. 306 с.
14. Баранов А. В. Межэтнические и конфессиональные отношения молодежи в Крыму и Севастополе (на материалах массовых опросов) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2019. № 4 (61). С. 66–73. DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-066-073.
15. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Всеукраинская перепись населения 2001 г. [Электронный

- ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>
16. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики, пред. редкол. А.Е. Суринов. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
 17. Кучеров А. П., Супрычева Л. И., Засухина В. И. Типологизация сельских населенных пунктов Республики Крым по численности постоянного населения // Крымский научный вестник. Ялта, 2015. № 6 (6). С. 169-180.
 18. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц по полу // Демоскоп: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php
 19. Ефимов С. А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. Волгоград, 2009. № 1. С. 177-189.
 20. Оперативные данные по естественному движению населения Республики Крым // Крымстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2003_2020\(1\).pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2003_2020(1).pdf)
 21. Баранов А. В. Межэтнические и межконфессиональные отношения народов Крыма в современных условиях: сравнительный анализ массового и экспертного мнения // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V Международной научной конференции (г. Севастополь, 2-6 июня 2021 г.). Севастополь: Институт востоковедения РАН, 2021. С. 36-39.

A. Baranov

Ethnodemographic processes in rural communities of Crimea: spatial aspect

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. *The author of the article finds out the trends in the development of ethnodemographic processes in rural communities of the Crimea (1926–2020). The work is based on the constructivist paradigm. Attention is focused on changes in the areas of settlement of the main peoples of the Crimea, the influence of socio-economic and political factors on the ethnic geography of rural communities of the peninsula. The blurring of the area of residence of Ukrainians, a decrease in the level of ethnic mosaic in most rural communities is established.*

Keywords: *ethnodemographic processes, Crimea, rural communities, spatial aspect.*

References

1. Kiseljova N. V., Mal'gin A. V., Petrov V. N., Formanchuk A. A. Etnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih reshenija. Simferopol': Salta, 2015. 352 p. (in Russian)
2. Balagura O. V., Prokhorov D. A., Tur V. G. Istoricheskie osobennosti i sovremennye problemy etnokul'turnyh i etnopoliticheskikh processov v Krymu. Simferopol': Antikva, 2012. 156 p. (in Russian)
3. Kuzio T. The Crimea: Europe's Next Flashpoint? Washington: The Jamestown Foundation, 2010. 41 p.
4. Jakist' zhittja zhiteliv Krimu ta perspektivi ii pokrashhannja v konteksti realizacii strategii ekonomichnogo ta social'nogo rozvitku AR Krim na 2011–2020. Nacional'na bezpeka i oborona. Kiev: Ukraïns'kij centr ekonomichnih i politichnih doslidzhen' imeni Oleksandra Razumkova, 2011. no. 4–5 (122–123). pp. 71–135. (in Ukrainian)
5. Voronin I. N., Ozhegova L. A., Shvec A. B. Faktory i mehanizmy transformacii territorial'noj struktury i haraktera protekanija sociokul'turnyh processov v Respublike Krym i gorode Sevastopole. Uchjonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografija. Geologija. Simferopol', 2020. Vol. 6 (72). no. 3. pp. 36–49. (in Russian)
6. Suschhij S. Ja. Demograficheskij potencial i nacional'naja struktura naselenija Kryma: konets XX — seredina XXI veka. Regional'naja ekonomika. Jug Rossii. Volgograd, 2018. no. 4. pp. 139–149. (in Russian)
7. Jakovlev A. N. Kartograficheskoe izuchenie dinamiki etnokonfessional'nyh protivorechij v Krymu. Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Simferopol', 2020. Vol. 6 (16). Ussue 3. pp. 314–323. (in Russian)
8. Mamina D. A., Mishhenko D. N. Jetnopoliticheskie faktory vnutrennej migracii v Respublike Krym. Gumanitarij Juga Rossii. Rostov-on-Don, 2020. Vol. 9 (44). no. 4. pp. 137–149. (in Russian)
9. Jakovlev A. N. Osobennosti i geografija sociokul'turnyh protivorechij v sovremennom Krymu. Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Simferopol', 2019. Vol. 5 (15). no. 2. pp. 58–66. (in Russian)
10. Donbas i Krim: cina povnennja. V. P. Gorbulina, O. S. Vlasjuka, E. M. Libanovoï, O. M. Ljashenko. Kiev (eds.): Nacional'nij institut strategichnih doslidzhen', 2015. 474 p. (in Russian)
11. Knott E. What Does it Mean to Be a Kin Majority?: Analyzing Romanian Identity in Moldova and Russian Identity in Crimea from Below. Social Science Quarterly. 2015. Vol. 96, Ussue 3. pp. 830–859.
12. Jetnicheskie gruppy i sotsial'nye granicy. Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij: Sbornik statej. F. Barta (ed.). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 200 p.
13. Hobsbaum J. Nacii i nacionalizm posle 1780 goda. Saint-Petersburg: Aleteja, 1998. 306 p. (in Russian)
14. Baranov A. V. Mezhjetnicheskie i konfessional'nye otnoshenija molodjozhi v Krymu i Sevastopole (na materialah massovyh oprosov). Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. Astrakhan', 2019. no. 4 (61). pp. 66–73. DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-066-073. (in Russian)

15. Chislennost' i sostav naselenija Ukrainy po itogam Vseukrainskoj perepisi naselenija 2001 g. Vseukrainskaja perepis' naselenija 2001 g. [Electronic resource]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (in Russian)
16. Itogi perepisi naselenija v Krymskom federal'nom okruge. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki, pred. redkol. A. E. Surinov. M.: IIC «Statistika Rossii», 2015. 279 p. (in Russian)
17. Kucherov A. P., Suprycheva L. I., Zasuhina V. I. Tipologizacija sel'skih naselennyh punktov Respubliki Krym po chislennosti postojannogo naselenija. Krymskij nauchnyj vestnik. Jalta, 2015. no. 6 (6). pp. 169–180. (in Russian)
18. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1989 g. Chislennost' naselenija sojuznyh respublik SSSR i ih territorial'nyh edinic po polu. Demoskop: jelektronnyj zhurnal. [Electronic resource]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (in Russian)
19. Efimov S.A. Kuda ischezli russkie, ili «soobshhajushhiesja sosudy» jetnojazykovoju samoidentifikacii: Ukraina, 1989–2001 gg. Istorija i sovremennost'. Volgograd, 2009. no. 1. pp. 177–189. (in Russian)
20. Operativnye dannye po estestvennomu dvizheniju naselenija Respubliki Krym. Krymstat. [Electronic resource]. URL: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2003_2020\(1\).pdf](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2003_2020(1).pdf) (in Russian)
21. Baranov A. V. Mezhjetnicheskie i mezhkconfessional'nye otnoshenija narodov Kryma v sovremennyh uslovijah: sravnitel'nyj analiz massovogo i jekspertnogo mnenija. Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svjazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (g. Sevastopol', 2–6 ijunja 2021 g.). Sevastopol': Institut vostokovedenija RAN, 2021. pp. 36–39. (in Russian)

Поступила в редакцию 15.06.2021 г.

УДК 911.373 (314.7)

Т. Ю. Гусаков

Сельское расселение и миграции населения на Крымском полуострове

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: gusakov.timur@mail.ru

Аннотация. Современное сельское расселение Крымского полуострова формировалось под воздействием множества факторов. Миграционный фактор является одним из ключевых. Статья рассматривает особенности изменения сельского расселения региона с начала научного изучения Крыма в конце XVIII века. Реконструированы схемы размещения населенных пунктов Крымского полуострова за отдельные годы с помощью программного обеспечения QGIS, чтобы определить специфику расселения на отдельных этапах исторического развития. За период научного изучения Крыма сельское расселение из очагового с пастбищным животноводством трансформировалось в среднеселенное расселение.

Ключевые слова: география сельской местности, сельские территории, сельское расселение, миграция населения, поселенческая сеть, геоинформационные системы, Крымский полуостров

Введение

Проблема депопуляции российских сельских территорий вырисовалась еще в советское время. Но она была пространственно-неоднородной. Какие-то территории были аграрно-перенаселены (например, национальные республики), а какие-то — начали резко терять сельское население. Причиной депопуляции выступал глобальный процесс урбанизации, постепенно проникавший и в изолированный Советский Союз. Особенно активно он проявился после начала паспортизации сельского населения в начале 1960-х годов и продолжается до настоящего времени. Изначально сельское население покидало малые населенные пункты, лишённые какой-либо инфраструктуры, но позже это распространилось и на крупные села, и на малые города. Немаловажное значение в ускорении депопуляции играла и попытка реконструкции сельского расселения 1960–1970 гг. — деление сельских населенных пунктов (СНП) на перспективные и неперспективные [1].

Появление признаков кризиса сельской местности закономерно привлекло внимание властей и научного сообщества к проблемам советской деревни уже в конце 1960-х гг. Оказалось, что и у властей, и в научном сообществе нет четкого понимания, куда движется сельская местность. Поэтому началось активное научное изучение сельских территорий, прерванное в середине 1930-х гг. В последующие годы предпринималось множество сельских исследований. Среди активных исследователей деревни можно выделить Т. И. Заславскую [2], С. А. Ковалева [3], А. И. Алексеева [4], А. А. Ткаченко [5], Т. Г. Нефедову [6],

В. Р. Беленького [7] и др., которые изучали сельскую местность как в целом, так и по аспектам.

Данное исследование рассматривает процесс изменения сельского расселения Крымского полуострова с момента присоединения региона к Российской империи в 1783 году до настоящего времени. Его практическая значимость заключается в следующем: понять, какие процессы сейчас происходят в сельской местности, что было их предтечей, оценить роль миграций населения в изменении расселения.

Материалы и методы

При изучении эволюции сельского расселения Крымского полуострова использовались статистические материалы — результаты переписей населения и статистические отчеты, в которых были собраны данные по людности отдельных населенных пунктов. Сельское расселение времен Российской империи проанализировано с помощью статистических отчетов за 1805, 1864, 1892 и 1915 гг., т. к. отсутствуют альтернативные источники. Поздний период рассмотрен по данным переписей населения 1926, 1989, 2001 и 2014 г.

Полученные данные были сопоставлены с картами Крымского полуострова для определения географических координат отдельных поселений и их идентификации в разные исторические эпохи. Проблема идентификации присуща немногим регионам России, но в Крыму имеет место из-за особенностей национальной политики правительства в регионе (например, переименование населенных пунктов с крымскотатарскими наименованиями в 1948 г. [8]).

С помощью программного обеспечения QGIS были построены схемы расселения Крымского полуострова отдельных лет. Особенности механического движения населения Крыма оценивались путем рассмотрения статистики и других источников информации по отдельным миграционным волнам. В итоге они были сопоставлены и проанализированы.

Результаты и обсуждение

Изначально необходимо обозначить ключевую гипотезу исследования, которую необходимо доказать либо опровергнуть — сельское расселение Крымского полуострова изменялось, главным образом, вследствие воздействия на него миграционного фактора.

Присоединение территории Крымского ханства к Российской империи в 1783 г. запустило процесс социально-экономического преобразования региона, в том числе и расселенческого. Существовавшая до начала XIX века поселенческая сеть соответствовала особенностям социально-экономического развития Крымского ханства, но была архаичной относительно уровня развития Российского государства. Поэтому логично, что населенные пункты, ориентированные на близость к природным объектам (балкам, рекам), пастбищам и оборонительным рубежам постепенно теряли свое значение. Этому способствовало и импульсивное переселение крымских татар в Османскую империю, продолжавшееся на протяжении всего XIX века, и трансформация форм хозяйствования, и изменение этносоциального состава населения региона.

Следующая коренная перестройка расселения случилась в советский период, когда в ручном режиме поселенческая сеть адаптировалась под социалистическую модель хозяйствования. Мелкие поселения, порожденные капиталистическими

отношениями и частной формой собственности, интегрировались в коллективные хозяйства. Отдаленные населенные пункты сселялись, соседние — объединялись в одно крупное поселение.

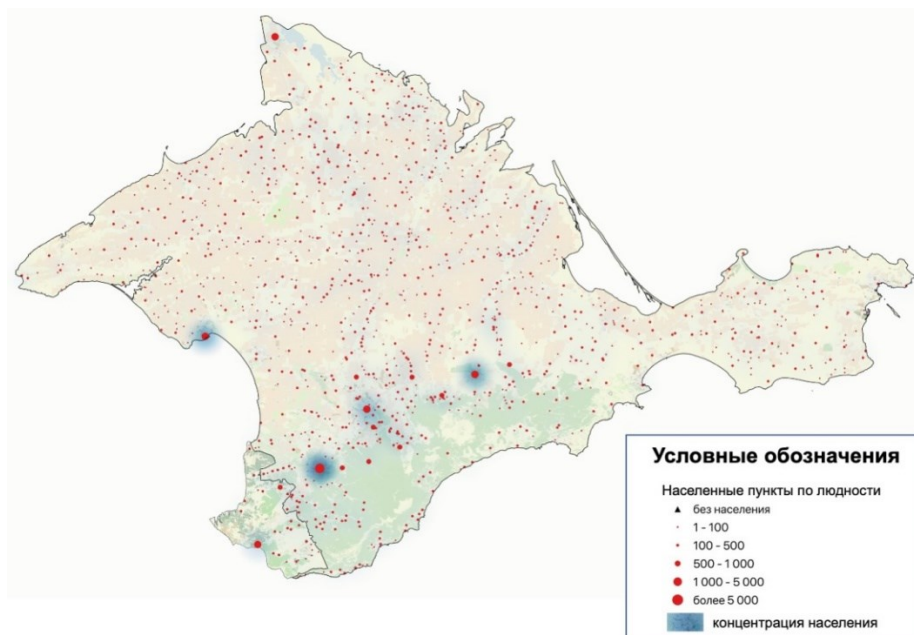

Рис. 1. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 1805 г.

Составлено автором по материалам [9].

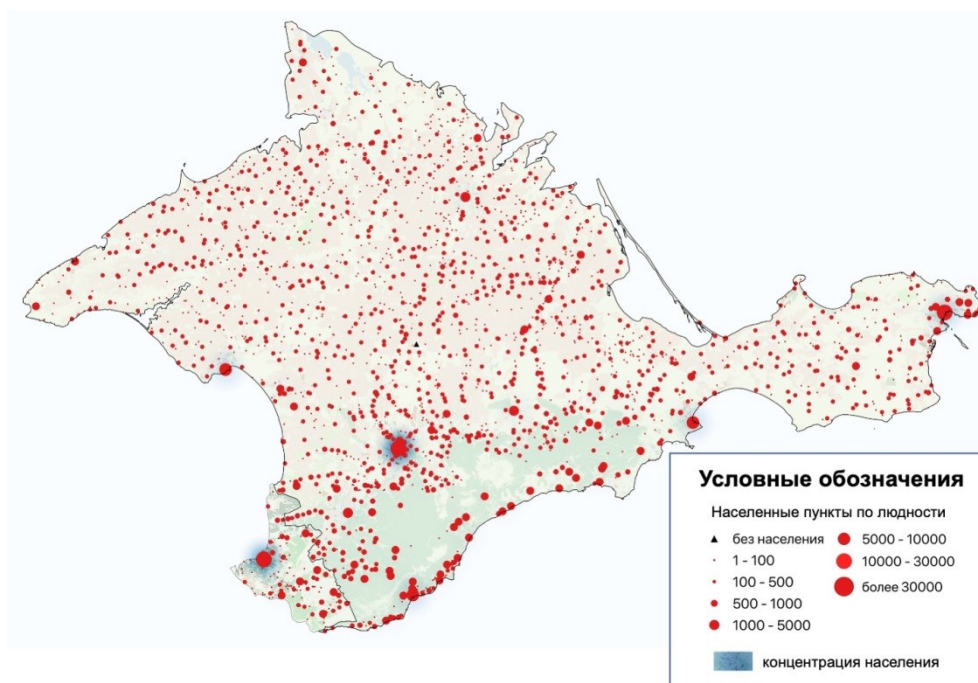

Рис. 2. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 1926 г.

Составлено автором по материалам [10].

Основным инструментом преобразований расселения в обоих случаях выступала миграция. Эмиграция крымских татар и их замещение русским крестьянством и колонистами в первом случае, депортация народов Крыма и послевоенное переселенческое движение, санкционированное властями, во втором.

При более детальном рассмотрении эволюции расселения Крымского полуострова очерчиваются основные этапы его преобразований, чередующиеся с периодами относительного затишья (см. Табл. 1).

Таблица 1

Эволюция расселения Крымского полуострова с конца XVIII века

Этап	Причины	Последствия
1	2	3
Переходный период (1774–1820-е гг.)	эмиграция крымскотатарского населения, вызванная утратой Крымским ханством своей государственности, социально-экономическим кризисом	забрасывание СНП у пастбищ в степной зоне, развитие СНП у основных торговых путей, строительство усадеб военными и чиновниками, основание первых колоний иностранцами в предгорной зоне, активное развитие городов и волостных центров
Разрушение поселенческой сети степных уездов (1850-е–1864 гг.)	всплеск эмиграции крымских татар и ногайцев после окончания Крымской войны	исчезновение 315 СНП, ранее населенных крымскими татарами и ногайцами (около четверти населенных пунктов Крымского полуострова) [11]
Восстановление поселенческой сети степных уездов (1860–1890-е гг.)	переселение русского крестьянства и активизация иностранной колонизации	восстановление части заброшенных крымскотатарских поселений, создание этнических систем расселения (немецкой, болгарской), увеличение городского населения
Развитие расселения (начало XX в.)	реализация мероприятий Столыпинской аграрной реформы, открытие и развитие ж/д движения	покупка крестьянами-эмигрантами земель за счет ссуд Крестьянского поземельного банка и создание мелких населенных пунктов в степной зоне — хуторов, отрубов, переселенческих участков, развитие поселков при железнодорожных станциях
Создание новых поселений в степной зоне (1920-е гг.)	аграризация еврейского населения по программе Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР (КомЗЕТ)	формирование еврейской этнической системы расселения (основание 88-ми еврейских поселений и создание еврейских национальных районов в 1930-е гг.) [12], исчезновение частных хозяйственных (имений, экономий, хуторов) и возникновение коллективно-хозяйственных (коммун, колхозов, совхозов, отделений хозяйств) типов поселений, деградация бывших волостных центров, индустриальное развитие городов

Продолжение таблицы 1

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Разрушение систем этнического расселения (1940–1944 гг.)	серия депортаций немцев, крымских татар, болгар, греков, армян и холокост	исчезновение 127 СНП из-за военных операций немецких войск и 184 СНП вследствие депортаций [13]
Послевоенный восстановительный период (1944–1950-е гг.)	послевоенное переселенческое движение колхозников из других регионов СССР	сохранение каркаса сельского расселения и системы коллективных хозяйств за счет стремительного переселения колхозников из других регионов СССР, укрупнение колхозов
Оптимизация сельского расселения (конец 1950-х–1980-е гг.)	управленческие решения	селение неперспективных мелких населенных пунктов, разработка и реализация проектов по застройке многоэтажными домами центральных усадеб хозяйств и крупных поселений, перепланировка экспериментально-показательных сел по проектам Института «УкрНИИгипросельхоз» [14], преобразование крупных СНП в поселки городского типа (в период с 1957 по 1963 г. появилось 22 пгт [15]), развитие агломераций
Деграляция сельского расселения (с 2000-х гг.)	урбанизация и депопуляция сельских территорий	депопуляция периферийных мелких населенных пунктов преимущественно в степной зоне, прирост населения пригородов, развитие агломераций

Составлено автором.

Наиболее радикальные преобразования сельского расселения произошли в послевоенный период. Согласно материалам статистики поселенческая сеть в период с 1954 до 1986 г. потеряла 566 СНП [15–18]. Реконструкция сельского расселения Крыма осуществлялась посредством решений властей и ручного перенаправления потоков переселенцев в периферийные районы, испытывавшие дефицит трудовых ресурсов. Поэтому ослабление государственного контроля в постсоветский период привело к депопуляции именно этих территорий, населяемых искусственно.

За время «ручного управления» расселением сформировался каркас поселенческой сети сельской местности, состоящий из СНП с населением более 1 тыс. человек. Они равномерно рассеяны по территории Крымского полуострова и соединены асфальтированными автомобильными дорогами. Основные устойчивые оси сельского расселения сконцентрированы вокруг железнодорожных линий, по которым осуществляются регулярные пригородные пассажирские перевозки. Автомобильные дороги регионального, федерального и международного значения не имеют такого значения и не способствуют сохранению демографической стабильности поселений, которые при них расположены.

Современное сельское расселение Крымского полуострова было сформировано в позднесоветский период и практически никак не изменилось с тех пор, несмотря на исчезновение абсолютного большинства коллективных хозяйств, разрушение

социальной инфраструктуры села и миграций населения (репатриация крымских татар и эмиграция славянского населения).

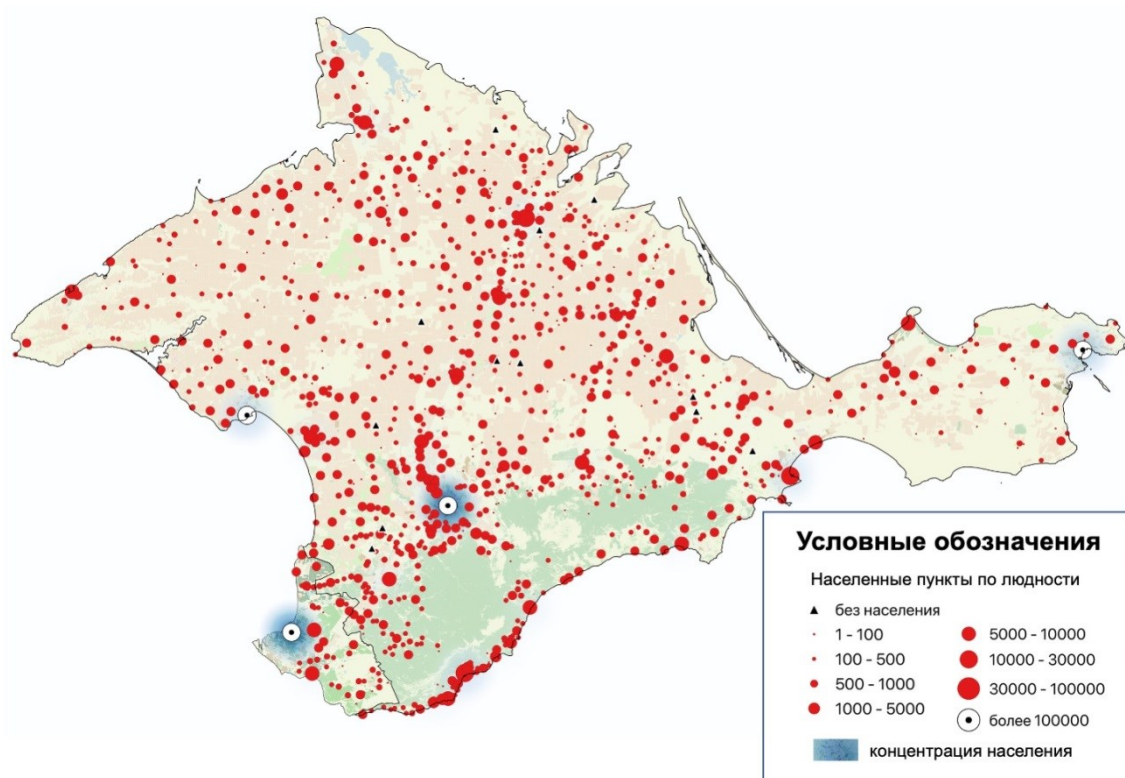

Рис. 3. Схема расположения и численность населения населенных пунктов на Крымском полуострове в 2014 г.

Составлено автором по материалам переписи населения.

Совмещение в большинстве случаев функций центральных усадеб и сельских советов способствовало их большей устойчивости к социально-экономическим потрясениям постсоветского периода. В современности наметились некоторые негативные процессы, способствующие деградации сельского расселения: депопуляция поселений периферийных и полупериферийных районов региона, в особенности — населенных пунктов с населением менее 100 человек, лишенных инфраструктуры и возможностей реализации человеческого потенциала.

Выводы

Миграции населения оказывали существенное влияние на эволюцию расселения Крымского полуострова с XVIII в., что заметно из приведенных данных. Если до 1960-х гг. это были внешние миграции (из/в другие регионы и государства), то в позднесоветское время миграции стали преимущественно внутренними — начался стремительный отток населения в города. Но широкая сельскохозяйственная освоенность Крымского полуострова, послевоенное переселенческое движение, а позже и репатриация депортированных народов способствовали замедлению депопуляции села, а в отдельные периоды — наращиванию демографического потенциала на фоне теряющих население городов. Увеличение численности населения еще с довоенных времен не

способствовало равноценному увеличению количества населенных пунктов, а наоборот происходило их сжатие.

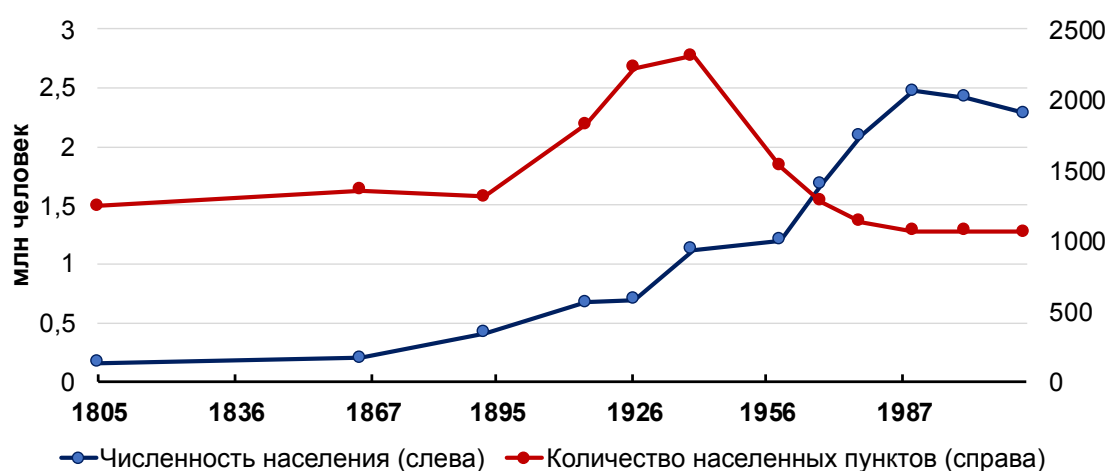

Рис. 4. Динамика численности населения и количества населенных пунктов на Крымском полуострове.

Составлено автором по материалам [9, 10, 15–22].

Зато в период с 1805 по 2014 г. средняя численность населенного пункта в Крыму выросла почти в 17 раз, с 128 чел. до 2 151 чел. соответственно. Но нельзя утверждать, что значение 2014 года максимальное, т. к. отток населения из мелких поселений только усиливается и все больше СНП находятся под угрозой исчезновения.

В современности продолжается постепенный выход из социально-экономического кризиса переходного периода, изменение жизненного уклада сельского человека на фоне деградации социальной инфраструктуры и советского хозяйственного комплекса. Все это способствует оттоку населения из населенных пунктов, наиболее отдаленных от городов, относимых к периферии. Очевидно, что в современный период сельское расселение Крыма нуждается в оптимизации. Хотя бы потому, что в сельской местности сконцентрировано огромное количество населения, несоизмеримое с количеством мест приложения труда. Но как и кем должна проводиться оптимизация — непонятно.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Литература

1. Смирнов И. П., Смирнова А. А., Ткаченко А. А. Итоги проведения политики сселения малых деревень в Нечерноземье (на примере Тверской области) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2020. № 4. С. 105–115.
2. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 344 с.
3. Ковалёв С. А. Сельское расселение (географическое исследование). М.: Изд-во МГУ, 1963. 371 с.

4. Алексеев А. И. Многоликая деревня (население и территория). М.: Мысль, 1990. 266 с.
5. Вихрёв О. В., Ткаченко А. А., Фомкина А. А. Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 2. С. 30–37.
6. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
7. Беленький В. Р. Российская деревня: из прошлого в будущее. М.: О-во «Знание» РСФСР, 1991. 56 с.
8. Указ Президиума ВС РСФСР «О переименовании населённых пунктов Крымской области» от 18.05.1948 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.cc/4Muxpg>
9. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения // ИТУК. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 1897. Т. 26.
10. Список населенных пунктов Крымской АССР по всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Симферополь: Крымское центральное статистическое управление., 1927. 219 с.
11. Список деревням и сельбищам, оставшимся после выхода татар за границу с 1860 по 1866 год // Памятная книга Таврической губернии / под ред. К. В. Ханацкого. Вып. 1. Симферополь: Тип. Тавр. губ. правления, 1867. С. 416–438.
12. Пасик Я. Еврейские населенные пункты в Крыму до 1941 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evkol.ucoz.com/crimea_settlements.htm
13. Шевчук А. Г., Швец А. Б. Политико-географический фактор эволюции крымской системы расселения населения в XX–начале XXI вв. // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2010. Вып. 1. С. 71.
14. Социалистическое народное хозяйство Крымской области (1945–1970 гг.): сб. док. и мат. Симферополь, 1980. С. 196–197.
15. Крымская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1968 года. Симферополь: Изд-во «Крым», 1968. 141 с.
16. Справочник административно-территориального деления Крымской области на 15 июня 1960 года. Симферополь: Крымиздат, 1960. 158 с.
17. Крымская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1977 года. Симферополь: Крым, 1977. 136 с.
18. Крымская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года. Симферополь: Крым, 1986. 136 с.
19. Таврическая губерния. Список населённых мест по сведениям 1864 г. / М. Раевский. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. СПб: Типография Карла Вульфа, 1865. 137 с.
20. Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1892 год. Симферополь: Таврическая Губ. Тип-фия, 1892. 250 с.
21. Статистический справочник Таврической губернии. Ч. 2. Список населенных пунктов по уездам: Бердянскому, Днепровскому, Мелитопольскому, Перекопскому, Евпаторийскому, Симферопольскому, Феодосийскому и Ялтинскому / под ред. М. Е. Бененсона. Симферополь, 1915.

22. Национальный состав населения Крымской АССР по данным Всесоюзной переписи на 17.01.1939 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.cc/c2S2dI>

T. Gusakov

Rural settlement and population migration on the Crimean Peninsula

Russian Academy of National Economy and P, Moscow, Russian Federation

e-mail: gusakov.timur@mail.ru

Abstract. *The settlement system on a separate territory is taking shape with the development of production and service systems within the settlement systems. In Russia, the following categories of settlement systems are distinguished: local, the system of cities — central places, sectoral production, regional and national. This article is devoted to the regional category of territorial settlement systems. In modern times in Russia there is an active development of urban areas and the degradation of rural areas. The growing influence of the global process throughout the 20th century contributed to the rapid growth of the urban population, including at the expense of the rural population. The depopulation of rural areas in modern Russia has been going on for more than a decade and has made significant adjustments to the settlement systems of many regions. But there are regions where population migration determined the transformation of rural settlement. The modern rural settlement of the Crimean Peninsula was formed under the influence of many factors. The migration factor is one of the key ones. The article examines the features of the change in the rural settlement of the region since the beginning of the scientific study of the Crimea at the end of the 18th century. The main stages of the evolutionary change in rural settlement and the role of population migration in this are highlighted. The layouts of Crimean settlements for individual years were reconstructed using the QGIS software to determine the specifics of settlement at individual stages of historical development. During the period of scientific study of Crimea, rural settlement from focal with pasture animal husbandry transformed into a medium-sized settlement. Many settlements have disappeared, and instead new settlements have emerged, endowed with their own economic functions. But the role of migration was different in the transformation process: throughout the 19th century. resettlement was transformed by international external migrations of the population, in the XX century — internal migrations of the population under the strong influence of the state. In modern times, a new wave of changes in rural settlement is likely to come, since many residents live in rural areas, which does not correspond to the changed socio-economic situation of rural Crimea. Fair optimization of regional rural settlement can be a solution to the development problems faced by the rural areas of the Crimean Peninsula in the post-Soviet period.*

Keywords: *rural geography, rural areas, rural settlement, population migration, settlement network, geoinformation systems, Crimean Peninsula.*

References

1. Smirnov I. V., Smirnova A. A., Tkachenko A. A. The results of the “resettlement of small villages” policy in the non-chernozem area (case study of the Tver region).

- Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5, Geografiya. 2020. no. 4, pp. 105–115 (in Russian)
2. Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoy derevni. Novosibirsk: Nauka, Sib. otdelenie, 1980. 344 p. (in Russian)
 3. Kovalyov S. A. Sel'skoe rasselenie (geographicheskoe issledovanie). M.: Izdatel'stvo MGU, 1963. 371 p. (in Russian)
 4. Alekseev A. I. Mnogolikaya derevnya (naselenie i territoriya). M.: Mysl', 1990. 266 p. (in Russian)
 5. Vikhryov O. V., Tkachenko A. A., Fomkina A. A. Rural settlement systems (case stude of the Tver oblast). Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5, Geografiya. 2016. 2, pp. 30–37 (in Russian)
 6. Nefedova T. G. Desyt' aktual'nykh voprosov o sel'skoy Rossii: Otvety geografa. M.: LENAND, 2013. 456 p. (in Russian)
 7. Belen'kiy V.R. Rossiyskaya derevnya: iz proshlogo v budushee. M.: Obschestvo "Znanie" RSFSR, 1991. 56 p. (in Russian)
 8. Ukaz Prezidiuma VS RSFSR "O pereimenovanii naselyonnykh punktov Krymskoy oblasti" ot 18.05.1948 [Electronic resource]. URL: <https://vk.cc/4Muxpg> (in Russian)
 9. Lashkov F. F. Sbornik dokumentov po istorii Krymsko-tatarskogo zemlevladieniya. ITUK. Simferopol': Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, 1897. Vol. 26. (in Russian)
 10. Spisok naselennykh punktov Krymskoy ASSR po vsesoyuznoy perepisi 17 dekabrya 1926 goda. Simferopol': Krymskoe central'noe statisticheskoe upravlenie., 1927. 219 p. (in Russian)
 11. Spisok derevnyam i sel'bishham, ostavshimsya posle vyhoda tatar za granitsu s 1860 po 1866 god. Pamyatnaya kniga Tavricheskoy gubernii. K. V. Hanackogo (ed.). Ussue. 1. Simferopol': Tip. Tavr. gub. pravleniya, 1867. pp. 416–438. (in Russian)
 12. Pasik Y. Evreyskie naselennye punkty v Krymu do 1941 g. [Electronic resource] URL: http://evkol.ucoz.com/crimea_settlements.htm (in Russian)
 13. Shevchuk A. G., Shvec A. B. Politiko-geograficheskii faktor yevolyucii krymskoy sistemy rasseleniya naseleniya v XX–nachale XXI vv. Geopolitika i yekogeodinamika regionov. 2010. Ussue. 1. pp. 71. (in Russian)
 14. Socialisticheskoe narodnoe hozyaystvo Krymskoy oblasti (1945–1970 gg.): sb. dok. i mat. Simferopol', 1980. pp. 196–197. (in Russian)
 15. Krymskaya oblast'. Administrativno-territorial'noe delenie na 1 yanvarya 1968 goda. Simferopol': Izd-vo "Krym", 1968. 141 p. (In Russian)
 16. Spravochnik administrativno-territorial'nogo deleniya Krymskoy oblasti na 15 iyunya 1960 goda. Simferopol': Krymizdat, 1960. 158 p. (in Russian)
 17. Krymskaya oblast'. Administrativno-territorial'noe delenie na 1 yanvarya 1977 goda. Simferopol': Krym, 1977. 136 p. (In Russian)
 18. Krymskaya oblast'. Administrativno-territorial'noe delenie na 1 yanvarya 1986 goda. Simferopol': Krym, 1986. 136 p. (in Russian)
 19. Tavricheskaya guberniya. Spisok naselyonnykh mest po svedeniyam 1864 g. M. Raevskiy. Central'nyy statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennih del. SPb: Tipografiya Karla Vul'fa, 1865. 137 p. (in Russian)
 20. Kalendar' i pamyatnaya knizhka Tavricheskoy gubernii na 1892 god. Simferopol': Tavricheskaya Gub. Tip-fiya, 1892. 250 p. (in Russian)

21. Statisticheskiy spravochnik Tavricheskoj gubernii. Ch. 2. Spisok naselennykh punktov po uezdam: Berdyanskomu, Dneprovskomu, Melitopol'skomu, Perekopskomu, Evpatoriyskomu, Simferopol'skomu, Feodosiyskomu i Yaltinskomu. M. E. Benenson (ed.). Simferopol', 1915. (in Russian)
22. Nacional'ny sostav naseleniya Krymskoj ASSR po dannym Vsesoyuznoj perepisi na 17.01.1939 [Electronic resource]. URL: <https://vk.cc/c2S2dI> (in Russian)

Поступила в редакцию 15.06.2021 г.

DOI: 10.37279/2309-7663-2021-7-3-26-33.

УДК 911.8

Р. В. Дмитриев¹,
С. А. Горохов²

Сельское население в системах центральных мест

¹ФГБУН «Институт географии РАН»; ФГБУН «Институт Африки РАН», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: dmitrievrv@yandex.ru

²ФГБУН «Институт географии РАН», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: stgorohov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен равномерного размещения сельского населения в системах центральных мест в рамках классической (кристаллеровской) решетки. Показано, что наши предшественники — специалисты в области теории центральных мест — в своих исследованиях на самом деле имели дело с изолированной решеткой, а не частью непрерывного и бесконечного континуума расселения. Установлено, что в пределах изолированных систем центральных мест сельское население размещается не равномерно, а в соответствующих иерархических населенных пунктах. Выведено уравнение зависимости доли сельского населения в общей численности населения системы от фундаментальных параметров последней.

Ключевые слова: теория центральных мест, сельское население, уровень иерархии, континуум расселения, изолированная решетка, доля сельского населения.

Введение

Все отечественные и зарубежные исследования в рамках теории центральных мест (ТЦМ) (к примеру, [1; 2; 3; 4; и др.]) исходят из положения, что, «сопоставляя теорию с эмпирической реальностью, мы должны рассматривать системы городского расселения не как закрытые системы, а как фрагменты континуума расселения» [5, с. 85]. Это же относится и к сельскому населению: оно, будучи размещенным равномерно — в соответствии с самой ТЦМ — создает «некоторую несамосогласованность теории Кристаллера–Лёша (применительно к размещению городских поселений)», поскольку «территории, расположенные ближе к городу, обычно характеризуются более высокой интенсивностью использования земли, более высокой плотностью населения» [6, с. 40]. Попытаемся преодолеть указанную несамосогласованность.

Материалы и методы

Главный количественный показатель в ТЦМ, обеспечивающий возможность выдвижения многих ее положений — доля центрального места в населении обслуживаемой им зоны (k). Насколько нам известно, впервые гипотеза о постоянстве значения k для всех уровней иерархии была выдвинута в [5]. Ее доказательство производилось путем перебора некоторых значений, однако не

охватывало всего их множества — следовательно, оно не может считаться полным. В [7] нами предложен полный вариант доказательства для любых значений k , а также установлена верхняя граница их множества в виде нестроого инварианта. Однако что же есть k само по себе? На первый взгляд, ответ очевиден: этот параметр представляет собой частное от деления численности населения центрального места на численность населения обслуживаемой им зоны. В то же время какую численность населения брать для рассмотрения, если решетка бесконечна — в соответствии с классической ТЦМ?

В кристаллеровском варианте теории число центральных мест на любом уровне иерархии под номером $n > 1$ равно $(K-1) \cdot K^{n-2}$, где K — число центральных мест данного уровня иерархии, обслуживаемых одним центральным местом более высокого уровня, уменьшенное на единицу (уровни нумеруются сверху). Представим, что численность населения некоего «участка» решетки равна (вернее, для бесконечной решетки — стремится к, если последовательность сходится) некоему P_a и выразим ее через численность населения только лишь входящих в него центральных мест. Начнем с некоего уровня a :

$$P_a = p_a + (K - 1) \times K^0 \times p_{a+1} + (K - 1) \times K^1 \times p_{a+2} + \dots + (K - 1) \times K^{n-2} \times p_n + \dots \quad (1)$$

Применяя уравнение Бекманна-Парра выразим в (1) численность населения каждого центрального места через p_a :

$$\begin{aligned} P_a &= p_a + (K - 1) \times K^0 \times p_a \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)^1 + (K - 1) \times K^1 \times p_a \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)^2 \\ &\quad + \dots + \\ &\quad + (K - 1) \times K^{n-2} \times p_a \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)^{n-1} + \dots = \\ &= p_a + (K - 1) \times p_a \times \\ &\quad \times \left[\frac{1-k}{K-k} + K \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)^2 + \dots + K^{n-2} \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)^{n-1} + \dots \right] \quad (2) \end{aligned}$$

Очевидно, выражение в квадратных скобках представляет собой сумму членов бесконечно убывающей геометрической прогрессии со знаменателем $0 < K \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right) < 1$. Тогда (2) может быть приведено к виду:

$$P_a = p_a + (K - 1) \times p_a \times \left[\frac{1-k}{k \times (K-1)} \right] = p_a \times \left[1 + \frac{1-k}{k} \right] = \frac{p_a}{k} \quad (3)$$

Само по себе полученное выражение соответствует аксиоматике ТЦМ и не представляет собой чего-то экстраординарного — за исключением того, как оно было выведено. Из последовательности вычислений становится понятно, во-первых, почему сельское население, не будучи размещенным в иерархических поселениях, в определенной степени «вынужденно» расселяется в рамках всего оставшегося пространства классической кристаллеровской решетки — у него просто не остается иного «выбора», и его расселение должно иметь равномерный пространственный характер. Во-вторых, если мы хотим перейти к выявлению соответствия реальных

систем расселения теоретическим построениям [8], то, рассматривая определенную часть бесконечной решетки и учитывая не-вхождение сельского населения в формулы, мы вынужденно приходим к необходимости не только что-то делать с самым последним уровнем иерархии (k для которого не равно таковому для всех вышележащих уровней), но и — что крайне важно! — должны для установления значения k всех уровней (кроме последнего, взятого для рассмотрения) поделить численность населения центрального места первого уровня на численность населения не всего анализируемого участка решетки, а только лишь системы центральных мест, располагающихся в его пределах без учета сельского населения.

Учитывая приведенные выше расчеты, мы приходим к выводу, что заключения наших предшественников могли быть не совсем верными: в рамках классической ТЦМ, имеющей дело с бесконечной решеткой, население всего рассматриваемого ее участка (P) включает только население собственно центральных мест без учета сельского населения.

Результаты и обсуждение

Подойдем к рассмотрению этого вопроса с несколько иной стороны, взяв для рассмотрения изолированную систему центральных мест — островную или замкнутую границами, то есть, в конечном счете, развивающуюся относительно самостоятельно вне общего континуума расселения. Пусть данная система имеет n уровней иерархии — от первого, представленного одним центральным местом, до уровня под номером n , представленного только сельскими населенными пунктами, которые обслуживают только самих себя и не имеют собственных заселенных дополняющих районов (уровни нумеруются сверху). Тогда для одной зоны n -го уровня $P_n = p_n$. Тогда получаем:

$$P_{n-1} = p_{n-1} + K \times P_n - p_n \Leftrightarrow p_{n-1} \times \left(\frac{1-k}{k} \right) = p_n \times (K-1).$$

В этом случае уравнение Бекманна-Парра, связывающее численность населения предпоследнего и последнего уровней иерархии, будет иметь вид:

$$\frac{p_{n-1}}{p_n} = \frac{k \times (K-1)}{1-k}. \quad (4)$$

Уравнение (4) было получено в [9]. Очевидно, k в данном случае равно k для всех остальных уровней иерархии. Соотношение же численности населения l -го и n -го уровней составляет:

$$\frac{p_1}{p_n} = \frac{k \times (K-1) \times (K-k)^{n-2}}{(1-k)^{n-1}}. \quad (5)$$

Для n -го уровня $k=l$, что ни в коей мере не противоречит общим положениям теории — нам нужно будет лишь ввести в них соответствующее пояснение. Теперь попытаемся установить, как же вычислить k для изолированных систем центральных мест — вернемся к уравнению (1). В этом случае оно сохраняет свой вид для n уровней иерархии, за исключением

многоточия в конце, поскольку изолированная система конечна. Учитывая это, а также (4) и (5), перепишем (1):

$$\begin{aligned}
 P_1 &= p_1 + (K-1) \times K^0 \times p_2 + (K-1) \times K^1 \times p_3 + \dots + (K-1) \times K^{n-2} \times p_n = \\
 &= p_1 + (K-1) \times p_1 \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right) + (K-1) \times K \times p_1 \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)^2 + \dots + \\
 &\quad + (K-1) \times K^{n-2} \times p_1 \times \frac{(1-k)^{n-1}}{k \times (K-1) \times (K-k)^{n-2}} \\
 &= p_1 \times \left(1 + \frac{K^{n-2} \times (1-k)^{n-1}}{k \times (K-k)^{n-2}}\right) + \\
 &+ p_1 \times (K-1) \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right) \times \left[1 + K \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right) + \dots + K^{n-3} \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)^{n-3}\right].
 \end{aligned}$$

Выражение в квадратных скобках представляет собой сумму членов геометрической прогрессии со знаменателем $K \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)$. Тогда, продолжая определять P_1 , имеем:

$$\begin{aligned}
 P_1 &= p_1 \times (K-1) \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right) \times \left[\frac{K^{n-2} \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right)^{n-2} - 1}{K \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right) - 1} \right] + \\
 &+ p_1 \times \left(1 + \frac{K^{n-2} \times (1-k)^{n-1}}{k \times (K-k)^{n-2}}\right) = p_1 \times \left(1 + \frac{K^{n-2} \times (1-k)^{n-1}}{k \times (K-k)^{n-2}}\right) + \\
 &+ p_1 \times (K-1) \times \left(\frac{1-k}{K-k}\right) \times \left[\frac{K^{n-2} \times (1-k)^{n-2} - (K-k)^{n-2}}{(K-k)^{n-2}} \times \frac{K-k}{-k \times (K-1)} \right] \\
 &= \\
 &= p_1 \times \left(1 + \frac{K^{n-2} \times (1-k)^{n-1}}{k \times (K-k)^{n-2}}\right) + p_1 \\
 &\quad \times \left[\frac{(K-k)^{n-2} \times (1-k) - K^{n-2} \times (1-k)^{n-1}}{k \times (K-k)^{n-2}} \right] = p_1 \times \left[\frac{1-k+k}{k} \right] \\
 &= \frac{p_1}{k}
 \end{aligned}$$

Теперь подойдем к рассмотрению изолированных систем центральных мест с другой стороны и выясним, происходит ли их эволюция по схожему с бесконечной решеткой сценарию [10] или же имеет свои особенности. Для этого вернемся к уравнению (2), переписав его только лишь для городских поселений — без учета сельских населенных пунктов последнего уровня n :

$$\begin{aligned}
 P_{\text{гор}} &= p_1 + (K - 1) \times p_1 \times \left(\frac{1 - k}{K - k} \right) \times \\
 &\quad \times \left[1 + K \times \frac{1 - k}{K - k} + K^2 \times \left(\frac{1 - k}{K - k} \right)^2 + \dots + K^{n-3} \times \left(\frac{1 - k}{K - k} \right)^{n-3} \right] = \\
 &= p_1 + p_1 \times (K - 1) \times \left(\frac{1 - k}{K - k} \right) \times \left[\frac{K^{n-2} \times \left(\frac{1 - k}{K - k} \right)^{n-2} - 1}{K \times \left(\frac{1 - k}{K - k} \right) - 1} \right] = \\
 &= p_1 + p_1 \times \left[\frac{(K - k)^{n-2} \times (1 - k) - K^{n-2} \times (1 - k)^{n-1}}{k \times (K - k)^{n-2}} \right] = \\
 &= p_1 \times \left[\frac{k \times (K - k)^{n-2} + (K - k)^{n-2} - k \times (K - k)^{n-2} - K^{n-2} \times (1 - k)^{n-1}}{k \times (K - k)^{n-2}} \right] = \\
 &= P_1 \times \left[1 - \frac{K^{n-2} \times (1 - k)^{n-1}}{(K - k)^{n-2}} \right]
 \end{aligned}$$

Разделив левую и правую части на P_1 , получаем:

$$\varphi = 1 - (1 - k) \times \left(\frac{K \times (1 - k)}{K - k} \right)^{n-2}, \quad (6)$$

где φ – доля городского населения.

Полученное для конечной решетки уравнение (6) отличается от такового для бесконечной решетки [10] лишь показателем степени, уменьшенным на единицу. Это вполне объяснимо: в бесконечной решетке показатель степени равен $n-1$, поскольку мы берем в качестве «стартового» лишь одно место условно первого уровня, ограничивая решетку сверху. Ограничивая решетку и снизу — то есть делая ее окончательно изолированной — мы «убираем» центральные места последнего иерархического уровня: n в нашем случае включает и первый уровень, представленный одним центральным местом (вычитаем «1» из n), и последний, включающий сельские населенные пункты (вычитаем еще раз «1» из n). В конечном счете, из (6) получаем следующее выражение для вычисления доли сельского населения (γ) в изолированной решетке центральных мест:

$$\gamma = (1 - k) \times \left(\frac{K \times (1 - k)}{K - k} \right)^{n-2}.$$

Выводы

Таким образом, для изолированных систем центральных мест P_1 включает в себя численность не только собственно центральных мест, но и *сельского населения*. Последнее в этом случае размещено не равномерно, а тяготеет к тому или иному центральному месту в той степени, в какой это центральное место велико по численности своего населения, то есть больше или меньше другого. Иными словами, во всех работах наших предшественников системы центральных мест на самом деле рассматривались НЕ как часть континуума расселения, а именно как самостоятельные системы. При этом нами обоснована

возможность существования таковых в рамках изолированных участков — в пределах государственных границ или к примеру, на островах. Рассмотрение последних было предпринято и ранее [11], однако не была доказана возможность их существования и, как следствие, не было обосновано их рассмотрение с позиции ТЦМ.

Литература

1. Валесян А. Л. Синхронность в пространственной эволюции систем расселения и транспортных сетей: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1995. 232 с.
2. Худяев И. А. Эволюция пространственно-иерархической структуры региональных систем расселения : дис. ... к-та геогр. наук. М., 2010. 161 с.
3. Шупер В. А. Устойчивость пространственной структуры систем городского расселения: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1990. 223 с.
4. Parr J. V. City Hierarchies and the Distribution of City Size: a Reconsideration of Beckmann's Contribution. *Journal of Regional Science*. 1969. Vol. 9, no. 2. pp. 239–253.
5. Шупер В. А. Самоорганизация городского расселения. М.: Российский открытый университет, 1995. 168 с.
6. Гусейн-Заде С. М. Модели размещения населения и населенных пунктов. М.: Изд-во МГУ, 1998. 92 с.
7. Дмитриев Р. В. К вопросу о постоянстве значения доли центрального места в населении обслуживаемой им зоны для всех уровней кристаллеровской иерархии // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2019. № 1. С. 128–135.
8. Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Парадоксы урбанизации современной Индии // *География в школе*. 2009. № 2. С. 17–23.
9. Архипов Ю. Р. Системное моделирование регионального расселения: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2002. 342 с.
10. Дмитриев Р. В. Эволюция систем расселения в аспекте классической теории центральных мест // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2021. Т. 85, № 2. С. 165–167.
11. Важенин А. А. Применимость теории центральных мест к изучению систем расселения на островах // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2008. № 2. С. 7–12.

R. V. Dmitriev¹,
S. A. Gorokhov²

Rural population of central place systems

¹Institute of Geography RAS; Institute for African Studies RAS,
Moscow, Russian Federation

e-mail: dmitrievrv@yandex.ru

²Institute of Geography RAS, Moscow, Russian Federation

e-mail: stgorohov@yandex.ru

Abstract. *The main quantitative indicator of the Central Place Theory (CPT), which makes it possible to put forward many of its provisions, is the share of the central place in the population of the area it serves (k). Earlier, we proposed a complete version of*

the proof of the constancy of k for all hierarchical levels for any values of k , and also established an upper bound for their set in the form of a nonstrict invariant. However, what is k in itself? At first glance, the answer is obvious: this parameter is the quotient of dividing the population of the central place by the population of the area it serves. At the same time, what population size should be taken for consideration? All domestic and foreign studies within the CPT proceed from the assumption that, comparing theory with empirical reality, we should consider urban settlement systems not as closed systems, but as fragments of the settlement continuum. The article examines the phenomenon of uniform distribution of the rural population in the systems of central places. It is shown that in the works of our predecessors, the systems of central places were actually considered not as part of a continuous and infinite continuum of settlement, but as independent systems. It has been established that within the isolated systems of central places, the rural population is not distributed evenly, but in the corresponding hierarchical settlements. An equation is derived for the dependence of the share of the rural population in the total population of the system on the fundamental parameters of the latter:

$$\gamma = (1 - k) \times \left(\frac{K \times (1 - k)}{K - k} \right)^{n-2}.$$

Thus, for isolated systems, the total population includes the number of not only the central places, but also the rural population. At the same time, we substantiated the possibility of the existence of such within isolated areas – within state borders or, for example, on the islands. Consideration of the latter was undertaken by researchers earlier, however, the possibility of their existence was not proved and, as a result, their consideration from the point of view of the CPT was not substantiated.

Keywords: central place theory, rural population, hierarchy level, settlement continuum, isolated grid, rural population share.

References

1. Valesjan A. L. *Sinhronnost' v prostranstvennoj jevoljucii sistem rasselenija i transportnyh setej*: Doctor's thesis. M., 1995. 232 p. (in Russian)
2. Hudjaev I. A. *Jevoljucija prostranstvenno-ierarhicheskoj struktury regional'nyh sistem rasselenija*: candidate's thesis. M., 2010. 161 p. (in Russian)
3. Shuper V. A. *Ustojchivost' prostranstvennoj struktury sistem gorodskogo rasselenija*: Doctor's thesis. M., 1990. 223 p. (in Russian)
4. Parr J. B. City Hierarchies and the Distribution of City Size: a Reconsideration of Beckmann's Contribution, *Journal of Regional Science*. 1969. Vol. 9, no. 2. pp. 239–253.
5. Shuper V. A. *Samoorganizacija gorodskogo rasselenija*. M.: Rossijskij otkrytyj universitet, 1995. 168 p. (in Russian)
6. Gusejn-Zade S. M. *Modeli razmeshhenija naselenija i naselennyh punktov*. M.: Izd-vo MGU, 1998. 92 p. (in Russian)
7. Dmitriev R. V. K voprosu o postojanstve znachenija doli central'nogo mesta v naselenii obsluzhivaemoj im zony dlja vseh urovnej kristallerovskoj ierarhii, *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja*. 2019. no. 1. pp. 128–135. (in Russian)
8. Gorohov S. A., Dmitriev R. V. *Paradoksy urbanizacii sovremennoj Indii, Geografija v shkole*. 2009. no. 2. pp. 17–23. (in Russian)

9. Arhipov Ju. R. Sistemnoe modelirovanie regional'nogo rasselenija: dis. ... d-ra geogr. nauk. M., 2002. 342 p. (in Russian)
10. Dmitriev R. V. Jevoljucija sistem rasselenija v aspekte klassicheskoj teorii central'nyh mest, Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja. 2021. Vol. 85, no. 2. pp. 165–167. (in Russian)
11. Vazhenin A. A. Primenimost' teorii central'nyh mest k izucheniju sistem rasselenija na ostrovah, Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja. 2008. no. 2. pp. 7–12. (in Russian)

Поступила в редакцию 15.06.2021 г.

УДК 911.3

А. Г. Дружинин

Основные особенности трансформации этнической структуры сельских территорий Ростовской области в XX–начале XXI века

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ФГБУН «Институт географии РАН», г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: alexdru9@mail.ru

Аннотация. На основе анализа данных всесоюзных и всероссийских переписей населения (в том числе и в разрезе отдельных муниципалитетов) выявлены основные тенденции изменения этнической структуры сельских территорий Ростовской области в XX–начале XXI столетия. Показано, что общий тренд (рост удельного веса русского населения, дополняемый наличием традиционной для региона повышенной доли украинцев и армянского населения) сочетался с чётко выраженным с 1970-х годов формированием новых иноэтнических локалитетов. Осуществлена типология сельских районов области с учётом: общей динамики численности населения в 1989–2010 гг., изменения удельного веса в населении этнических русских, а также наличия в структуре населения иных крупных этнических компонент. Идентифицированы основные ареалы с выраженной этнодемографической спецификой: Ростовская агломерация (армяне), восток области (чеченцы и даргинцы), центральные районы (локализация турок-месхетинцев).

Ключевые слова: этническая структура населения, сельские территории, Ростовская область

Введение

Российская Федерация органично совмещает в себе характеристики преимущественно моноэтнического государства (в рамках последней переписи населения из числа лиц, указавших свою национальность, 81% заявили себя как «русские») с многочисленными (зачастую обширнейшими по занимаемой площади) полиэтническими (и иноэтническими) территориями. В 12 (из 85) регионах современной России удельный вес русских не превышает половины их совокупного населения (в 4-х — он ниже 20%) [1; 2]. Ещё сложнее (и «дробнее») этническая «мозаика» на субрегиональном (муниципальном) уровне, где формально-статистическая этническая гомогенность того или иного субъекта Федерации сочетается с наличием в его границах различного рода чётко выраженных (и динамичных) этнических ареалов, формирующихся и воспроизводимых, как правило, именно в сельской местности. Черты локализованной полиэтничности демонстрирует и Ростовская область — один из ведущих (по демографическим и социально-экономическим параметрам) регионов в масштабе Юга России, относимый (в рамках имеющихся схем структурирования российской территории) к «этническому мегаядру страны» [9], «великорусскому мононациональному ядру» [10].

Цель статьи — выявление присущих сельским территориям Ростовской области пролонгированных этнодемографических процессов, анализ современной (в том числе сложившейся под воздействием факторов постсоветского периода) этнической структуры сельских муниципалитетов, их соответствующая группировка и типология.

Материалы и методы

Объектом исследования выступили сельские территории Ростовской области, их этнодемографическая структура и её динамика с конца XIX столетия (сфокусированное внимание, при этом, уделено именно постсоветскому периоду). Информационно-аналитической основой статьи послужили данные Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года, Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., а также материалы Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. При этом для анализа и сопоставлений в рамках непосредственно постсоветского периода задействованы результаты переписей в «разрезе» не только региона в целом, но и его 43 сельских административных районов. Сама категория «сельская территория» в контексте данного анализа объединяла все областные муниципальные структуры за исключением городов областного подчинения. Анализ этнической структуры на субрегиональном уровне базировался на их соответствующей компаративистике, группировке и типологизации.

Результаты и обсуждение

Формирование этнической структуры на территории Нижнего Дона (а именно в этом историческом регионе в 1937 г. была учреждена Ростовская область) — пролонгированный многовековой процесс [5], чьи современные тренды напрямую связаны с Россией, её геополитической историей, с масштабом и векторами освоения русским народом (а наряду с ним — и другими этносами Российской Империи — СССР) обширнейших степных пространств Евразии. Как это констатировал столетие назад выдающийся географ-экономист П. Н. Савицкий, «важнейшим историческим фактом после татарской эпохи, стало распространение русской народности на степь, политическое и этнографическое освоение степи. К началу XX века процесс этот завершился заселением черноморских и азовских, а также части каспийских и среднеазиатских степных пространств». Своеобразие русского отношения к степи заключается в том, что русская этнографическая стихия превращает это, от века отданное кочевому быту пространство, в земледельческую область» [8, с. 346–347].

Процесс «русского освоения» и заселения современной территории Ростовской области был изначально специфичен, учитывая многовековую локализацию здесь представителей казачества, а также существенный приток переселенцев из сопредельных малороссийских (украинских) регионов страны. Так согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года в пределах Области Войска Донского (современная Ростовская область занимает лишь около 64% её былой территории) из 2,6 млн жителей 1 026 тыс. (40%), относились к «войсковым казакам», а 720 тыс. (28%) — указали малороссийский (украинский) язык в качестве родного. Подавляющая масса

87,6% всего населения проживала, при этом, непосредственно в сельской местности.

Завершение Гражданской войны привело к ещё более выраженной «украинизации» сельской местности. По данным переписи 1926 года в качестве «украинцев» идентифицировало себя 55% сельского населения Донецкого округа Северо-Кавказского края, 54% сельского населения Донского округа, 90% сельского населения Таганрогского округа, 44% сельского населения Сальского округа и 13% сельского населения Шахтинско-Донецкого округа.

В последующие десятилетия в русле разворачивающегося процесса урбанизации численность сельского населения постепенно сокращалась, а основной демографический массив области (уже с середины прошлого века) оказался сконцентрирован в городах. Параллельно с «перетоком» в них населения на территории области проявились устойчивые (и мощные) ассимиляционные процессы, в результате которых, в частности, многие украинцы и белорусы консолидировались с русскими [6]. Процесс конструирования русской этнической составляющей населения Ростовской области (включая и её сельскую местность) оказался, тем не менее, достаточно пролонгированным, объединившим два своих характеризующих высокой интенсивностью трансформации идентичности этапа (переходом от «казачьей», «украинской», «белорусской» — на русскую). Свой первый (по хронологии) и, кстати, наиболее интенсивный импульс «русификация» этнической структуры получила непосредственно в предвоенный период: в 1939 году очередная перепись населения зафиксировала ситуацию фактической «моноэтничности» (92,6% сельских жителей региона оказались идентифицированы как «русские»). Судя по данным переписей населения, в последующие десятилетия (вплоть до разрушения СССР) число и доля этнических украинцев видоизменялась незначительно (табл. 1).

Таблица 1
Динамика этнической структуры сельского населения Ростовской области за 1939–2010 гг.*

	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2010 г.
1	2	3	4	5	6	7
Численность сельского населения области, тыс. чел.	1 628	1 413	1 409	1 285	1 236	1 403
Удельный вес сельского населения в общей численности населения области, %	56,3	42,7	36,8	31,5	28,8	32,8
В составе сельского населения Ростовской области численность (чел.) и удельный вес (%)						
Русские	1 507 758 92,6	1 325 667 93,8	1 212 950 86,0	1 163 547 90,5	1 082 384 87,5	1 198 182 85,4
Украинцы	47 786 2,9	42 190 3,0	45 760 3,2	43 187 3,4	49 035 4,0	27 318 1,9

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Белорусы	2 727	6 073	16 676	15 426	14 387	7 281
Армяне	20 359 1,3	17 312 1,2	18 596 1,3	19 345 1,5	23 184 1,9	45 859 3,3
Немцы	27 991	1 113	2 124	2 740	3 023	1 849
Чеченцы	15	...	2 155	8 433	15 307	9 674
Даргинцы	3	...	294	2 092	5 638	7 251

*Составлено по данным всесоюзных и всероссийских переписей населения

События Великой Отечественной войны существенно (в 25 раз!) сократили ранее значительную «немецкую составляющую» сельского населения области. В то же время в этнодемографической структуре практически неизменным остался традиционно весомый для региона его «армянский компонент» (укоренённый здесь с последней четверти XVIII века и в своей «сельской составляющей» территориально приуроченный к г. Нахичевани и Ростову-на-Дону).

В 1960–1980-е годы восток области (с его выраженной овцеводческой специализацией) оказался привлекателен первоначально для чеченского, а затем — и даргинского населения. По итогам переписи 1989 г. в шести сельских районах восточной периферии области (Дубовском, Заветинском, Зимовниковском, Орловском, Пролетарском и Ремонтненском) было сконцентрировано 90% всех проживающих в регионе чеченцев.

К концу советского периода, Ростовская область, тем не менее, отличалась в целом моноэтническим сельским населением; в её территориальной структуре, при этом, выделялись две сложившиеся специфические (в этнодемографическом отношении) субрегиональные структуры: Мясниковский район (в нём по ситуации на 1989 г. было локализовано 72% всех армян, проживающих в сельской местности Ростовской области), а также «овцеводческий» восток–юго–восток (соотношение численности чеченцев и русских в Заветинском районе по последней «советской переписи» составляло 1 к 3,5; в Ремонтненском — 1 к 7,5; в Дубовском — 1 к 9). В 1989 году оказался сформированным и третий «этнический» ареал, связанный с переселением на территорию области турецкого населения (турок-месхетинцев).

В постсоветский период, сохраняя свою общую устойчивость, этническая структура населения (в своём территориальном аспекте) под влиянием урбанизации, депопуляции и миграции испытала коррекцию, усложнилась.

Во-первых, существенный (естественный) прирост в своём компактном ареале расселения демонстрировали турки-месхетинцы (табл. 2), к 2010 году ставшие третьим по численности этносом на территории Ростовской области (уступая русским и армянам, но опередив украинцев).

Таблица 2
Территории приоритетной локализации турецкого населения
в Ростовской области*

	2002 г.		2010 г.		Динамика за 2002 – 2010 гг.	Удельный вес турок в общей численности населения, 2010 г. %
	Численность турецкого населения, чел.	% от общей численности этноса в регионе	Численность турецкого населения, чел.	% от общей численности этноса в регионе		
Мартыновский район	6 803	24,6	7 672	21,2	1,13	21,0
Сальский район	4 921	17,8	6 558	18,1	1,33	6,1
Волгодонской район	2 583	9,4	3 638	10,1	1,41	10,8
Багаевский район	2 538	9,2	3 270	9,0	1,29	9,4
Семикаракорский район	2 167	7,9	2 988	8,3	1,38	5,7

* Составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2010 г.

За два межпереписных периода (1989–2010 гг.) часть турецкого населения (демонстрируя центростремительный вектор) переместилась в пределы Ростовской агломерации. По ситуации на 2010 год 4% всех «ростовских» турок-месхетинцев проживали в Азовском районе; втрое возросла численность соответствующей диаспоры и непосредственно в г. Ростове-на-Дону (тем не менее, до 94% представителей турецкого этноса согласно последней переписи проживают именно в сельской местности).

Во-вторых, наблюдалось некоторое «замещение» чеченцев (в их традиционном ареале проживания и хозяйствования) представителями аварского и даргинского этносов; последние, при этом, оказались более рассредоточенными к востоку области, по сравнению с чеченцами. Характерно, что за все «нулевые» годы XXI в. в пределах Ростовской области рост суммарной численности представителей двух наиболее крупных народов Дагестана (в 1,22 раза) практически соответствовал темпу их естественного воспроизводства. Численность чеченцев на сельских территориях, напротив, сократилась (за 1989–2010 гг. в 1,6 раза), фактически вернувшись к уровню 1979 года.

В-третьих, в 1990-е годы благодаря международным миграциям на сельских территориях региона существенно приросла армянская этнодемографическая составляющая. «Поток» прибывающих в Ростовскую область армян (главным образом — из государств Южного Кавказа) практически в равной пропорции оказался ориентирован и на города, и на сельские административные районы. Особое предпочтение мигранты отдавали сельской местности в пределах Ростовской агломерации, а также сопредельным с ней южным территориям области, включая Азовский, Аксайский, Егорлыкский, Кагальникский, Октябрьский, Матвеево-Курганский районы (табл. 3).

Таблица 3

Динамика и удельный вес армянского населения на сельских территориях Ростовской области за 1989-2010 годы*

	Прирост численности армянского населения за 1989–2002 гг.		Общая численность армянского населения в 2010 году, чел.	Доля района в общей численности армянского населения, проживающего в сельской местности, %	Удельный вес армянского населения в общем числе жителей в 2010 году, %
	чел.	раз			
Мясниковский район	3 635	1,2	22 108	43,0	55,8
Егорлыкский район	1 034	1,7	3 011	5,8	8,4
Аксайский район	1 830	7,5	2 899	5,6	2,8
Азовский район	1 318	4,7	1 995	3,9	2,1
Октябрьский район	925	4,4	1 297	2,5	1,8
Матвеево-Курганский район	1 090	7,0	1 266	2,5	2,9
Кагальницкий район	817	4,9	1 168	2,3	3,8

* Составлено автором по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 г.

Результатом миграционных процессов явилось некоторое пространственное рассредоточение армянской диаспоры: если в 1989 г. почти 73% всех проживающих в сельской местности Ростовской области армян были сконцентрированы в пределах лишь одного Мясниковского района (традиционного для армянского населения ареала), то к 2002 г. соответствующий показатель снизился до 44,9%, а к 2010 г. — до 43% (свидетельствуя о стабилизации расселения). При этом на первые (по числу армянского населения) семь сельских районов области суммарно приходилось 65,6% всего армянского населения, локализованного вне городов области. Пространственная диффузия диаспоры (чья позитивная демографическая динамика на территории Ростовской области в постсоветский период практически наполовину оказалась обеспечена внешней миграцией), таким образом, дополнялась действием центростремительных векторов.

Преимущественно центростремительный характер носил и миграционный приток на территорию области представителей других народов СССР. Азербайджанская и грузинская диаспоры резко приросли в 1989–2002 гг. (в 2,2 и 2,7 раза соответственно). В последующий межпереписной период численность азербайджанцев (лишь 38% от их общей численности приурочена к сельским территориям) выросла в пределах естественного тренда; грузин (в сельских районах проживает лишь 27% представителей данной диаспоры) — сократилась на четверть.

Несмотря на некоторый прирост, весьма незначительной к 2010 году оставалась и численность зафиксированных переписью на сельских территориях

области представителей узбекского и таджикского этносов. Одновременно сократилось число казахов, киргизов, молдаван (табл. 4).

Таблица 4
Изменение численности казахов, киргизов, молдаван, таджиков и узбеков, проживающих на сельских территориях Ростовской области*

	1989 г.		2010 г.		Динамика за 1989-2010 гг., раз	Доля представителей диаспоры, проживающих в сельской местности, 2010 г. %
	Чел.	Удельный вес в населении, %	Чел.	Удельный вес в населении, %		
Казахи	2 366	0,19	2 096	0,14	0,89	69,0
Киргизы	348	0,03	141	0,01	0,41	8,5
Молдаване	4 103	0,33	3 388	0,24	0,83	50,8
Таджики	363	0,03	434	0,03	1,19	26,8
Узбеки	404	0,03	799	0,06	1,98	29,0

* Составлено автором по данным переписей населения 1989 и 2010 г.

На этом фоне важнейшим фактором трансформации этнической структуры (как в целом по сельским территориям области, так и в разрезе отдельных её районов) по-прежнему выступала динамика русского этноса: его продолжающиеся консолидация, конструирование и, наряду с этим, миграция в «центры роста», а также депопуляция, присущая тем или иным территориям (в первую очередь — периферийным, дистанцированным от крупных городов).

Характерно, что, если за 1989-2010 гг. общая численность проживающего на сельских территориях Ростовской области населения возросла на 13%, то русских — лишь на 10,6%, что соответствует и общероссийской тенденции, удачно охарактеризованной как «коррозия моноэтничности» [7]. Доля «русской составляющей» в сельском населении, в итоге, сократилась с 87,6 до 85,4%. Как свидетельствует проведённый анализ (табл. 5) к 2010 году ниже этого «медианного» (для всех аграрных территорий в целом) значения доля русского населения имела место в 14 из 43 сельских районов (в 11 из них существенны иноэтнические составляющие). Минимальное значение удельного веса русских (38,8%) характерно для «армянского» Мясниковского района; максимальное (96,9 %) зафиксировано в наиболее «моноэтничном» Верхнедонском районе. При этом за 1989–2010 гг. лишь в 15 сельских районах имел место рост численности этнических русских.

Таблица 5

Группировка сельских административных районов Ростовской области по динамике численности русских и их удельному весу в населении*

		Удельный вес русских в населении, 2010 г., %				
		38–50	50–75	75–85	85–90	90–97
Изменение численности русских за 1989–2010 годы, раз	1,05–1,32	<i>Мясниковский**</i>		Веселовский, Дубовский, Волгодонской	<i>Азовский, Аксайский, Кагальницкий, Родионово-Несветайский</i>	Неклиновский, <i>Октябрьский</i> Усть-Донецкий
	1,0–1,05			Заветинский	Орловский	Красносулинский, Цимлянский
	0,95–1,0			Багаевский, Егорлыкский, Куйбышевский, Пролетарский,	<i>Матвеево-Курганский,</i>	
	0,85–0,95			Зимовниковский, Семикаракорский, Целинский	Зерноградский, Морозовский, Сальский, Советский,	Каменский, Кашарский, Константиновский, Миллеровский, Песчанокопский, Тарасовский, Тацинский, Чертковский, Шёлоховский
	0,72–0,85		Мартыновский***, Ремонтненский****		Обливский	Белокалитвенский, Боковский, Верхнедонской, Милютинский,

* Составлено автором по данным переписей населения 1989 и 2010 г.

** *Мясниковский* — территории приоритетной локализации армянского населения

*** *Мартыновский* — территории приоритетной локализации турецкого населения

**** *Ремонтненский* — территории приоритетной локализации турецкого населения, чеченцев, даргинцев и аварцев

«Переток» русского населения из сельской местности в Ростов-на-Дону [3], непосредственно примыкающие к нему города-спутники Батайск и Азов, а также Аксайский и некоторые другие сопредельные районы (включая Азовский, Кагальницкий, Октябрьский, продемонстрировавшие притягательность и для армянской диаспоры), сформировал, параллельно, специфический обширный ареал (преимущественно на севере области), сочетающий моноэтничность и интенсивную («русскую») депопуляцию. В целом ряде сельских районов востока области уменьшение численности русского населения дополнялось укоренением северокавказской иноэтнической компоненты (Ремонтненский, Зимовниковский и Пролетарский районы). В центральной части области в ряде сельских районов сокращение численности русских протекало на фоне формирования здесь же ареала расселения турецкой (Мартыновский, Семикаракорский, Сальский, Багаевский) и армянской (Егорлыкский и Матвеево-Курганский районы) диаспор. Геодемографическое «поведение» самих русских является для формирования этнодемографической структуры области, тем не менее, наиболее значимым, преобладающим.

Выводы

Итогом более чем векового этнодемографического тренда в пределах сельских территорий Ростовской области явилась их практически повсеместная «русская моноэтничность» с «вкраплениями» трёх иноэтнических ареалов: армянского, северо-кавказского (чеченцы, даргинцы, аварцы) и турецкого. В постсоветский период данная структура окончательно сложилась, продемонстрировала свою устойчивость. Её основные метаморфозы последних десяти лет (о которых пока можно лишь предполагать, поскольку данные очередной переписи населения будут доступны не ранее, чем в начале 2022 года) связаны, вне сомнения, с дальнейшим перераспределением сельского населения (в первую очередь — самих русских) в системе «центр-периферия». Определённое влияние на этническую структуру способен также оказать «приток» в регион жителей Донецкой и Луганской областей Украины, а также (в русле общероссийской тенденции [4]) рост диаспор народов Центральной Азии. Сама же Ростовская область, её сельские территории, тем не менее, в целом сохраняют присущую им (почти повсеместно) моноэтничность, продолжая и далее оставаться одним из базовых, ключевых компонент русского «присутствия» в донских степях, а также в Приазовье.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Литература

1. Дружинин А. Г. Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012, № 1 (4). С. 3–16
2. Дружинин А. Г. «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам

- всероссийских переписей населения 2002 и 2010 г.) // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013, № 2 (7). С. 3–15
3. Дружинин А. Г. Этнодемографические трансформации в центро-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды) // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 78–85
 4. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. 2021. 270 с.
 5. История Дона (с древнейших времён до падения крепостного права). Ростов-на-Дону: из-во РГУ, 1973.
 6. Лубский А.В., Бедрик А.В. Антропоток и трансформация этнодемографической структуры населения Ростовской области // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 131–138.
 7. Манаков А. Г. Русские в этническом пространстве России: региональная динамика с 1987 по 2010 г. // Региональные исследования. 2018. № 1 (59). С. 57–71.
 8. На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон. 1922. 357 с.
 9. Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении России в конце XX – начале XXI веков // Южно-российский форум. 2011. № 1 (2). С. 51–72
 10. Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994, 576 с.

A. Druzhinin

The main features of the transformation of the ethnic structure of rural areas of the Rostov region in the XX – beginning of the XXI century

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Institute of Geography RAS, Moscow, Russian Federation
e-mail: alexdru9@mail.ru

Abstract. *Were identified the main trends in the ethnic structure of rural territories of the Rostov region in the XX–early XXI century based on the analysis of the data of the All-Union and All-Russian population censuses (including in the context of individual municipalities). It is shown that the general trend (the growth of the share of the Russian population, supplemented by the presence of the region's traditional increased share of Ukrainians and Armenians) was combined with the clearly expressed formation of new non-ethnic localities since the 1970s. Implemented a typology of rural areas, taking into account: the overall dynamics of the population in 1989–2010, changes the specific weight of the ethnic Russian population, and the population structure of other major ethnic component. The main areas with pronounced ethnodemographic specifics are identified: Rostov agglomeration (Armenians), east of the region (Chechens and Dargins), central regions (localization of Meskhetian Turks).*

Keywords: *ethnic structure of the population, rural areas, Rostov region*

References

1. Druzhinin A. G. Demografo-ekonomicheskaya dinamika regionov YUga Rossii: dolgoremennye trendy i novye tendencii v rossijskom i global'nom kontekste [Demographic and economic dynamics of the regions of the South of Russia: long-term trends and new trends in the Russian and global context]. YUzhno-rossijskij forum: ekonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ekonomicheskaya geografiya. 2012, no. 1 (4). pp. 3–16. (in Russian).
2. Druzhinin A. G. “Severokavkazskaya sostavlyayushchaya” transformacii etnicheskoy struktury regionov Rossii: (analitika i kommentarii k itogam vserossijskih perepisej naseleniya 2002 i 2010 g.). [“The North Caucasian component” of the transformation of the ethnic structure of the Russian regions: (analysis and comments on the results of the All-Russian population censuses of 2002 and 2010)]. YUzhno-rossijskij forum: ekonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ekonomicheskaya geografiya. 2013, no. 2 (7). pp. 3–15. (in Russian).
3. Druzhinin A. G. Etnodemograficheskie transformacii v centro-periferijnoj strukture Rostovskoj oblasti (postsovetskie trendy) [Ethnodemographic Transformations in the Central-peripheral Structure of the Rostov Region (post-Soviet trends)]. Regional'nye issledovaniya. 2015. no. 3 (49). pp. 78–85. (in Russian).
4. Druzhinin A.G. Idei klassicheskogo evraziystva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskij analiz [Ideas of Classical Eurasianism and Modernity: socio-geographical analysis]. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta. 2021. 270 p. (in Russian).
5. Istoriya Dona (s drevnejshih vremèn do padeniya krepostnogo prava). [History of the Don (from the earliest times to the fall of serfdom)]. Rostov-na-Donu: iz-vo RGU, 1973. (in Russian).
6. Lubskij A. V., Bedrik A. V. Antropopotok i transformaciya etnodemograficheskoy struktury naseleniya Rostovskoj oblasti [Anthropopotok and transformation of the ethnodemographic structure of the population of the Rostov region]. Social'no-gumanitarnye znaniya. 2016. no. 7. pp. 131–138. (in Russian).
7. Manakov A. G. Russkie v etnicheskom prostranstve Rossii: regional'naya dinamika s 1987 po 2010 g.[Russians in the ethnic space of Russia: regional dynamics from 1987 to 2010]. Regional'nye issledovaniya. 2018. no. 1 (59). pp. 57–71. (in Russian).
8. Na putyah. Utverzhdenie evraziycev [On the tracks. Approval of the Eurasians]. Kniga vtoraya. Berlin: Gelikon. 1922. 357 p. (in Russian).
9. Streleckij V. N. Sdvigi v etnicheskom rasselenii Rossii v konce XX–nachale XXI vekov [Shifts in the ethnic settlement of Russia in the late XX–early XXI centuries]. YUzhno-rossijskij forum. 2011. no. 1 (2). pp. 51–72. (in Russian).
11. Sushchij S. YA., Druzhinin A. G. Oчерki geografii russkoj kul'tury [Essays on the Geography of Russian Culture]. Rostov-na-Donu: izd-vo SKNCVSH, 1994, 576 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 04.03.2021 г.

УДК 91

Н. А. Иванищева

Сельский туризм в формировании имиджа территории

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Российская Федерация
e-mail: geo_ospri@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сельский туризм как особый вид туризма, который предполагает временное пребывание туристов в сельской местности с целью отдыха и/или участия в сельскохозяйственных работах. Он приносит новый экономический смысл в существо туристской деятельности, выступая в качестве эффективного инструмента социально-экономической стабилизации на селе. Направленность туриста на выбор места посещения напрямую зависит от его восприятия окружающей действительности. Имидж территории складывается на фоне общегеографического образа территории благодаря яркой туристской (культурно-досуговой, рекреационно-оздоровительной, санаторно-курортной и др.) составляющей. Обязательно заложенная в имидже эмоциональная основа базируется на каком-либо чувстве потребителя. Для успешного формирования имиджа необходимы регулярные маркетинговые исследования, которые позволяют выявить определенные закономерности и причинно-следственные связи, дать оценку привлекательности сельской территории для туристов.

Ключевые слова: сельский туризм, имидж территории, хронологический принцип, сельская идентичность, доминанты местности, маркетинг сельской территории

Введение

Значительная часть современных научных исследований ориентирована на изучение различных концептов сельских территорий. Географическое разнообразие отдельных регионов, стран и континентов делает практически невозможным представление о некоем едином имидже какой-либо территории в ее цивилизационных, социальных, политических и экономических контекстах. Наше обращение к идее «имиджа» в ходе анализа исследуемой проблемы обусловлено широко бытующим в современном методологическом сознании представлением об «образах науки» (картина мира). Необходимость специального обращения к данной теме вызвана еще и тем соображением, что важной чертой науки Нового времени, по мысли В. И. Вернадского, стала зависимость картины мира от целенаправленной деятельности субъекта, от тех концептов, которым научное сообщество придает ценностный вес [1]. Имидж строится на включении эмоциональных апелляций, на сходстве, порой скрытом от внешнего взора. Поэтому имидж, как целенаправленно формируемый образ территории, является прототипом и служит некой заменой, способной представить реально существующую вещь. В. П. Максаковский, обосновывая «язык образов» как один из языков географической науки, отмечает: «Образ того или иного предмета, воспроизводимый с помощью языка, формирует представление о предмете в отсутствие самого предмета. Тем самым образ существенно дополняет

теоретическое мышление, делая его абстрактным и более эмоционально значимым» [2, с.240-241]. Опора на образ важна потому, что человеку не всегда очевидны признаки, по которым он может идентифицировать, найти критерии, которые ему следует использовать в поисках сходства.

Материалы и методы

Методологическую основу настоящего исследования составили:

– ключевые положения системного, территориального и конструктивного подходов, определяющие сложные взаимосвязи между различными объектами и явлениями конкретной территории как арены жизни людей с их национальными и духовными интересами, потребностями и привязанностями [3–8]. Они рассматриваются нами в плоскости изучения феномена «имидж территории», проблем сельской идентичности, отношения территориальных сообществ к среде их обитания и жизнедеятельности, представлений об окружающем их географическом пространстве в границах региона;

– методология географической науки и пространственного познания, основополагающие идеи когнитивного конструирования образов территории в общественном сознании и их репрезентации в культуре;

– социологический метод исследования в рамках количественного подхода к ассоциативным характеристикам, возникающим в сознании широкой общественности в связи с тем или иным местом (локусом) и формирующим в их представлении «географический имидж территории».

Результаты и обсуждение

В условиях пандемии COVID-19 наблюдается переключение туристско-рекреационного спроса российских граждан с зарубежного туристского продукта на отечественный продукт туристско-рекреационных регионов. В этой связи изучение проблемы формирования имиджа сельских территорий становится актуальной. Большое значение приобретают исследования туристских возможностей отдельных территориальных образований, в частности сел, поскольку в сельских населенных пунктах создаются условия для отдыха, оздоровления, досуга и этим они привлекают все большее число туристов.

Практика туристского маркетинга показывает, что стремление человека проводить больше времени на природе способствует развитию сельского туризма. В данном контексте сельскую местность можно рассматривать не только как географическую единицу, но и как «продукт», обладающий потребительской ценностью, или своеобразный объект продвижения. Актуальным элементом маркетинга туристских объектов достопримечательности в сельской местности становится имидж территории. В рыночных условиях территория использует имидж (от англ. — «образ», «изображение», «метафора», «икона») как инструмент привлечения ресурсов.

В географической науке не существует единого устоявшегося определения «имиджа территории», как, впрочем, и фундаментальных разработок в данной области. Можно говорить лишь об отдельных результатах концептуального и методологического планов, значимых для познания такого сложного социально-психологического образования, как имидж территории. Разными авторами имидж территории трактуется как: визуальный образ, символический образ, компонент

«Я-концепции» личности, система социальных представлений, специально проектируемый образ и т.п.

Приведем несколько толкований категории «имидж территории», опубликованных в разных источниках:

– визуальный образ, в котором делается акцент на привлекательности местности для посещения туристами [9];

– система социального программирования духовной жизни и поведения субъектов (индивидов и групп) общецивилизационными, ментальными стереотипами и символами группового поведения, опосредованную мощью мотивации успеха, эталоном желаемого впечатления, миметическими способностями субъекта и ситуаций» [10];

– относительно устойчивая и воспроизводящаяся в массовом и (или) индивидуальном сознании совокупность эмоциональных, рациональных представлений, убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу особенностей региона, складываются на основе всей информации, полученной из разных источников, а также собственного опыта и впечатлений [11];

– представление, существующее на уровне сознания и подсознания людей, включающее в себя семиотическую (знак), наглядно-образную (визуальные, аудиальные, ольфакторные образы территории), когнитивную (мнение, репутация) и аффективную (отношение к месту) компоненты [12];

– многомерный образ в глазах внешнего и внутреннего мира и населения, проживающего на ней, разноплановый, иногда искусственно создаваемый, который формируется в сознании людей [13].

В ряде исследований подчеркивается двойственность маркетинга сельских территорий, которая проявляется в том, что, «с одной стороны, это территориальный продукт есть совокупность материальных благ и услуг, которые производятся на основе конкурентного позиционирования сельских территорий, с другой — сама территория выступает как комплекс факторов социально-культурной идентификации (имидж территории, ее социокультурные и экономические особенности), которые ориентируют туристов на потребительское поведение» [13, с. 180].

А. Геттнер считал, что «...рассматривать вещи и процессы земной поверхности с хронологической точки зрения — это значит, их принимать не как таковые и не в их развитии во времени, а как наполнение пространства» [14]. Именно А. Геттнер делает переход от географического описания территории к географическому изложению. Он считал, что изложение в географии долго было только описанием, но география должна оставить эту одностороннюю точку зрения и начать выявлять в изложении причинно-следственную связь явлений. Выделяет виды описаний: образное (*schilderung*), отвлеченное, объяснительное и эстетическое (или практическая оценка).

Рассмотрение имиджа природных, социальных, культурных и других объектов свидетельствует о том, что сельские территории являются специфическим продуктом, который пользуется спросом на внутреннем и внешнем рынках ввиду того, что в границах сельского пространственного сегмента проживает $\frac{1}{4}$ часть населения России, которое выполняет важные функции, в том числе продовольственного обеспечения, социальную, оздоровительно-рекреационную, природоохранную, по осуществлению социального контроля над сельской территориальной подсистемой общества. Туристская деятельность в сельских территориях призвана обеспечить их

комплексное развитие. Для этого, прежде всего, необходимо отойти от традиционного маркетингового подхода относительно позиционирования сельских территорий исключительно как пространства для размещения товаров и услуг. Более актуальной с научной прагматической точки зрения является задача репрезентации этих образований как социализированного пространства, интегрального территориального потенциала, места производства общественно значимых товаров, услуг и ментального пространства.

Е. А. Джанджугазова отмечает, что имидж территории «создает совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта людей, их предпочтений и мнений, влияющих на создание определенного образа» [15, с. 20]. Важнейшей объективной составляющей имиджа сельской территории является совокупность конкурентных преимуществ или существенных слабых сторон. Как правило, они обусловлены особенностями специализации, близостью или удаленностью от центра, наличием ресурсов (природных, трудовых, финансовых и др.), уровнем развития социальной сферы и т. д. [16].

Сельские туристские территории должны иметь продуманную коммуникационную стратегию и уметь поддерживать связи с клиентурными группами, контактными аудиториями и широкой общественностью. Основные каналы продвижения территории — реклама, пропаганда, стимулирование сбыта [17]. В последнее десятилетие сформировалось целое направление маркетинговых коммуникаций — формирование фирменного стиля. Фирменный стиль выступает своеобразной инструментальной основой для формирования имиджа сельской территории, создания её определенного образа в сознании потребителей. Хорошо продуманный фирменный стиль позволяет создать и закрепить позитивный имидж сельской территории, повышает ее статус, привлекает потребителей и партнеров, способствует увеличению продаж.

С позиции автора успешное развитие сельского туризма невозможно без широкого применения маркетингового инструментария. Современный подход к развитию туризма в сельской местности базируется на выделении точек экономической активности и роста, в качестве которых выступают достопримечательности и привлекательные объекты показа. Эти объекты притягивают повышенное внимание туристов и тем самым создают дополнительные импульсы для ускоренного социально-экономического развития территории.

Сельский туризм следует рассматривать как ресурс формирования имиджа территории на каком-то отдельном свойстве, черте, факте. Отсутствующие детали и признаки появляются в образе в результате достраивания, конструирования. Это означает, что, будучи объективным по способу своего происхождения, образ сельской территории является в то же время некой произвольно создаваемой системой. Весь процесс «достраивания» может протекать не вербально, оставаться эксплицитно не выраженным. И все же образ сельской местности служит для отображения модели целиком [18].

Вышесказанное позволяет заключить, что в образе территории «вещи имеют дело не с самой вещью», а с тем впечатлением, которое складывается при взаимодействии с нею. Во внутреннем устройстве образа отдельные черты территории уже не будут играть роль изолированных рядоположенных свойств, а войдут в состав интермодального динамического образования, которое обладает своеобразным калейдоскопом свойств.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического опроса студентов направления подготовки 44.00.00 «Образование и педагогические науки» разных уровней образования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет». Опрос проводился в форме анонимного анкетирования через интернет-платформу Google Forms. Набор респондентов осуществлялся в марте 2021 г. с использованием официальной группы программы в социальной сети «ВКонтакте», а также рассылки анкеты на электронную почту. Анкета включала четыре блока закрытых и полузакрытых вопросов. Выборка составила 34% генеральной совокупности; она зависела от готовности опрашиваемых безвозмездно предоставлять данные, характеризующие собственную позицию в отношении ресурсов сельского туризма для формирования имиджа территории. Социально-демографический портрет участников представлен 102 чел. в возрасте от 18 до 45 лет (средний возраст — 23 года), 72% женщин и 28% мужчин. Интерпретация полученных результатов велась с помощью пакета компьютерных программ статистической обработки данных IBM SPSS Statistics.

Вопросы анкеты были сгруппированы нами по отраслям географической науки, в которых имидж сельской территории для туристской деятельности рассматривается в самых разных вариантах.

При ответе на вопросы отрасли «Страноведение» 74,2% респондентов связывали имидж сельской территории с внешними морфологическими чертами, главным образом пейзажными — ландшафтом природным или культурным (согласно хронологическому наследию А. Геттнера). При этом 46,7% указывали на усиление туристской привлекательности сельской территории «как ландшафта с самобытными характеристиками», 34,1% на использование маркетинговых инструментов, предполагающих реализацию мероприятий по созданию положительных факторов, характеризующих «сельскую глубинку» и 19,2% на учет степени насыщенности системными туристскими аттракторами, формирующими системный туристский продукт.

В отраслях «Физической географии» понимание имиджа сельской территории также большинством респондентов (82,3%) сводится к описательным характеристикам ландшафта, но скорее с точки зрения взаимодействия и функционирования структурных элементов, как единой иерархической системы туристской индустрии. 47,0% опрошенных в числе примеров ландшафтов «любопытных для посещения туристами» назвали водные и наземные, равнинные и горные.

В отраслях «Гуманитарной географии» имидж сельской территории соотносится с описанием «культурных образов». По мнению Д. Н. Замятина, в условиях усиления процессов глобализации и регионализации, такие пространственные таксоны как страны, регионы существуют как сложные специализированные географические виртуальные образы от формирования, функционирования и продвижения которых в информационном, экономическом и социокультурном пространстве «зависят политика, экономика социальные отношения, культурные репрезентации территории» [4, с. 37].

Формирование имиджа туристской территории в сельской местности заключается в определении ее места на туристском рынке и выявлении основных предпочтений потенциальных потребителей туристических услуг. Развитие системного туристского продукта посредством рационального использования сельской территории выступает одним из факторов, создающих территориальный

продукт и положительно влияющих на привлекательность «места», которое становится объектом туристского интереса, как среди соотечественников, так и зарубежных туристов, а также и инвесторов. 62,4% респондентов отметили, что в сознании потребителя имидж сельской территории воспринимается в социально-экономическом контексте. На вопрос «Какой экономический эффект обеспечит сельский туризм как сфера туристской индустрии» ответы респондентов распределились следующим образом: 73,8% создание привлекательных рабочих мест, 67,7% обустройство сельских территорий, 52,0% комплексное использование природных и культурных потенциалов сельских территорий, 43,3% сокращение оттока молодежи из сельской местности в города, 27,3% улучшение бытового и социально-культурного обслуживания населения.

В ответах на вопросы отрасли «Картография» опрашиваемые связывали имидж сельской территории с визуализацией образа пространства на карте. Географическая карта представляет собой одновременно ментальную карту, «сообщая о природном, хозяйственном, социокультурном наполнении конкретной территории в период времени своего создания» [19, с.58].

Картографические формы отображения сельской территории средствами картографических и художественных приемов порождают у туристов разнообразные географические образы (космографические карты, карты-анаморфозы, геоконические карты). 51,8% респондентов заняли однозначную позицию в отношении того, что чтение картографического изображения туристских объектов воспроизводит систему картографических образов сельской территории. Вся система условных знаков карты создает наглядную «композицию» имиджа благодаря их пространственной упорядоченности.

В нашем исследовании различные грани имиджа сельской территории раскрыты респондентами в следующих доминантах (рис. 1):

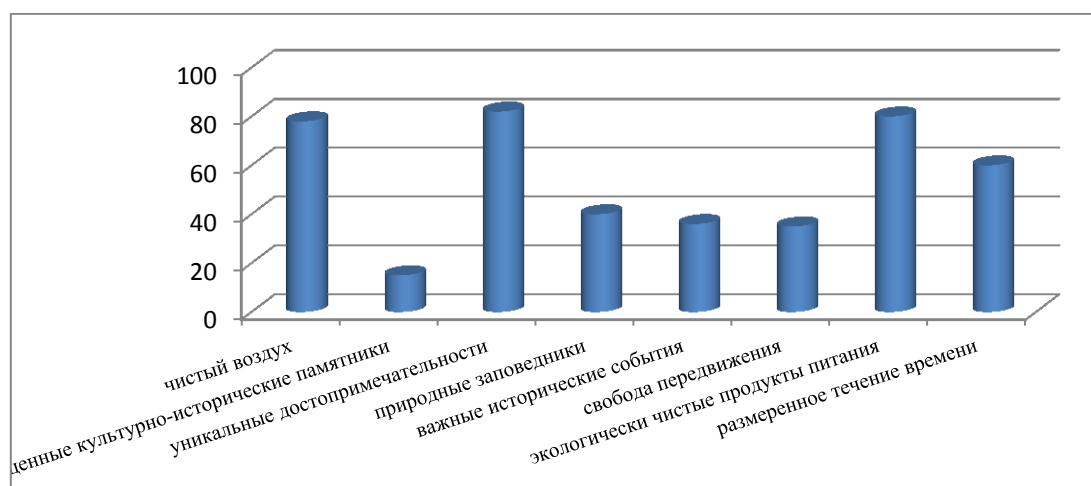

Рис. 1. Положительные доминанты формирования имиджа сельской территории для туристов.

Составлено автором.

Выводы

Все вышесказанное свидетельствует о том, что сельский туризм, интегрирующий формы организованного и неорганизованного отдыха туристов, в

сельской местности обеспечивает приобщение к природе, знакомит с сельским образом жизни и традициями ведения сельского хозяйства на профессиональном и любительском уровне. Посетители стремятся почувствовать специфику сельского быта, научиться работать на земле, увидеть красоту агроландшафтов.

Результаты исследования подтверждают, что имидж территории формируется на основе территориальной идентичности, системно выраженной в ярких, привлекательных, ценностных характеристиках сельской территории для туристов. Это визуальные, вербальные и виртуальные объекты, события, процессы и явления, символы, «фирменные» признаки, по которым туристы идентифицируют местность.

Осмысление имиджа территории происходит на основе хронологического принципа — географической характеристики сельской местности с выделением специфических, неповторимых, уникальных черт, формирующих региональную идентичность. Имидж территории содержательно складывается всей совокупностью элементов природных и социально-экономических геосистем во взаимосвязи «природа-население-хозяйство».

Результаты социологического опроса позволили нам выделить положительные доминанты формирования имиджа сельской территории для туристов. Главными факторами, формирующими имидж сельской территории, являются её природные составляющие, как наиболее устойчивые компоненты регионального пространства.

Важным является подача и продвижение в информационном пространстве туризма стержневых элементов, составляющих имидж. Это, как правило, прием максимально воздействующий, прежде всего, на эмоционально-чувственное восприятие информации большинством потребителей (деревенская пища, народный фольклор, домашний быт и др.).

Литература

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
2. Максаковский В. П. Географическая культура. М.: ВЛАДОС, 1998. 416 с.
3. Ivanisheva N., Semenov E., Popova O. Image Of The Region: Explication Of Conceptual Theoretical Representations. European Proceedings of Sosial and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 92. pp. 1922–1933. [Electronic resource]. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.10.05.254>
4. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
5. Квартальнов В.А. Туризм: монография. М.: Финансы и статистика, 2014. 336 с.
6. Gomez Jr. The size of cities: A synthesis of multi-disciplinary perspectives on the global megalopolis. Progress in Planning. 2017. no. 116. pp. 1–29.
7. Mansfeld Y. From motivation to actual travel. Annals of Tourism Research. 1992. Vol. 19, Ussue 3. pp. 399–419. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/016073839290127B>
8. Farmaki A., Khalilzadeh J., Altinay L. Travel motivation and demotivation within politically unstable nations. Tourism Management Perspectives. 2019. Vol. 29. pp. 118–130. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S221197361830103X>

9. Шепель В. М. Имиджология: секреты личного обаяния. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1994. 320 с.
10. Фирсов Ю. И. Формирование имиджа территории для обеспечения ее инвестиционной привлекательности: автореф. ...канд. эконом. наук (специальность 08.00.05). М., 2013. 24 с.
11. Погорелова Н. В., Немыкина С. А. Имидж территории как инвестиционный актив региона // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 4–3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2015/pdf/16714.pdf>
12. Петрова Е. А. Имиджевая политика территорий в эпоху цифровых трансформаций // Имидж и маркетинг территорий: опыт и перспективы развития в бизнесе, культуре, туризме и образовании: матер. XV междунар. симпозиума по имиджологии (Астрахань, 14–16 сент. 2017 г.) / под ред. Е. А. Петровой. М.: Акад. Имиджологии, 2017. С. 16–26.
13. Маркетинг территорий: учебник и практикум для академического бакалавриата / А. А. Угрюмова [и др.]; под общ. ред. А. А. Угрюмовой, М. В. Савельевой. М.: Юрайт, 2019. 381 с.
14. Геттнер А. География. Ее история сущность и методы / перев. Е. А. Торнеус. М.: Юрайт, 2020. 490 с.
15. Джанджугазова Е. А. Маркетинговые технологии в туризме: маркетинг туристских территорий. М.: Юрайт, 2021. 208 с.
16. Джанджугазова Е. А., Черникова Л. И., Фаизова Г. Р. Туризм и региональное развитие в условиях новых российских реалий // монография. М.: Ru Science, 2015. 232 с.
17. Зырянов А. И. География туризма: от теории к практике: монография. Пермь: [Б. и.], 2018. 415 с.
18. Иванищева Н. А. Формирование географического образа региона у обучающихся // Современное географическое образование: проблемы и перспективы развития: матер. IV Всерос. науч-практ. конф. (Москва, 2 нояб. 2019 г.) / науч. ред. Е. А. Таможняя. М.: Перо, 2020. С. 54–59.
19. Калуцков В. Н. Географические подходы к созданию историко-культурных образов // Культура и пространство. Кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2010, 182 с.

N. Ivanishcheva

Rural tourism in the formation of the image of the territory

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation
e-mail: geo_ospu@mail.ru

Abstract. *The article considers rural tourism as a special type of tourism, which involves a temporary stay of tourists in rural areas for the purpose of recreation and / or participation in agricultural work. It brings a new economic meaning to the essence of tourist activity, acting as an effective tool for socio-economic stabilization in the village. The focus of a tourist on the choice of a place to visit directly depends on his perception of the surrounding reality. A rural area can be viewed not only as a geographical unit, but also as a “product” with consumer value, or a kind of promotion*

object. The image of the territory is becoming a topical element of the marketing of tourist attractions in rural areas.

Different authors interpret the image of the territory as: a visual image, a symbolic image, a component of the “self-concept” of a person, a system of social representations, a specially designed image, etc. Comprehension of the image of the territory is based on the chorological principle — the geographical characteristics of the countryside with the allocation of specific, inimitable, unique features that form regional identity. Their consideration of natural, social, cultural and other objects indicates that rural areas are a specific product that is in demand on the domestic and foreign markets due to the fact that ¼ part of the population of Russia lives within the boundaries of the rural spatial segment, which fulfills important functions, including food supply, social, health-improving and recreational, environmental, in the implementation of social control over the rural territorial subsystem of society. Tourism activities in rural areas are designed to ensure their comprehensive development.

The image of the territory is formed against the background of the general geographic image of the territory due to the bright tourist (cultural and leisure, recreational, health resort, etc.) component. The emotional basis of the image that is necessarily inherent is based on any feeling of the consumer.

The empirical basis of the study was the results of a sociological survey of students (N=102) of the direction of training 44.00.00 “Education and Pedagogical Sciences” of different levels of education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Orenburg State Pedagogical University”.

The results of the sociological survey allowed us to create organic food, organic food, and organic food. The main factors that form the image of the territory are the natural components of the territory of the territory, the most stable components of regional spaces.

It is important to present and promote in the information space for tourists the core elements that form the image. This, as a rule, most effectively affects, first of all, the emotional and sensory perception of the majority of consumers.

For the successful formation of the image, regular marketing research is necessary, which allows to identify certain patterns and cause-and-effect relationships, to assess the attractiveness of rural areas for tourists.

Keywords: *rural tourism, image of the territory, chorological principle, rural identity, dominants of the area, marketing of rural areas.*

References

1. Vernadsky V. I. Scientific thought as a planetary phenomenon. M.: Nauka, 1991. 271 p. (in Russian).
2. Maksakovsky V. P. Geographic culture. M.: VLADOS, 1998. 416 p. (in Russian).
3. Ivanisheva N., Semenov E., Popova O. Image Of The Region: Explication Of Conceptual Theoretical Representations. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 92. pp. 1922–1933. [Electronic resource]. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.10.05.254>. (in Russian).
4. Zamyatin D. N. Culture and Space: Modeling Geographic Images. M.: Znak, 2006. 488 p. (in Russian).
5. Kvartalnov V. A. Tourism: monograph. M.: Finance and Statistics, 2014. 336 p. (in Russian).

6. Gomez Jr. The size of cities: A synthesis of multi-disciplinary perspectives on the global megalopolis. *Progress in Planning*. 2017. no. 116. pp. 1–29.
7. Mansfeld Y. From motivation to actual travel. *Annals of Tourism Research*. 1992. Vol. 19, Ussue 3. pp. 399–419. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/016073839290127B>. (in English).
8. Farmaki A., Khalilzadeh J., Altinay L. Travel motivation and demotivation within politically unstable nations. *Tourism Management Perspectives*. 2019. Vol. 29. pp.118-130. [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S221197361830103X>
9. Shepel V. M. *Imageology: secrets of personal charm*. M.: Culture and Sport, UNITI, 1994. 320 p. (in Russian).
10. Firsov Yu. I. Formation of the image of the territory to ensure its investment attractiveness: author. ... Cand. economy Sciences (specialty 08.00.05). M., 2013. 24 p. (in Russian).
11. Pogorelova N. V., Nemykina S. A. Image of the territory as an investment asset of the region. *International student scientific bulletin*. 2015. № 4–3. [Electronic resource]. URL: <https://www.scienceforum.ru/2015/pdf/16714.pdf> (in Russian).
12. Petrova E. A. Image policy of territories in the era of digital transformations. *Image and marketing of territories: experience and development prospects in business, culture, tourism and education: mater. XV int. Symposium on Imageology (Astrakhan, September 14-16, 2017)*. (ed.) E. A. Petrova. M.: Acad. Imi-Gelogy, 2017. pp. 16–26. (in Russian).
13. *Territory marketing: textbook and workshop for academic bachelor's degree*. A. A. Ugryumova [and others]; under total. (ed.) A. A. Ugryumova, M.V. Savelyeva. M.: Yurayt, 2019. 381 p. (in Russian).
14. Gettner A. *Geography. Her story, essence and methods*. transl. E. A. Thorneus. M.: Yurayt, 2020. 490 p. (in Russian).
15. Dzhandzhugazova E. A. *Marketing technologies in tourism: marketing of tourist territories*. M.: Yurayt, 2021. 208 p. (in Russian).
16. Dzhandzhugazova E. A., Chernikova L. I., Faizova G. R. *Tourism and regional development in the context of new Russian realities: monograph*. M.: Ru Science, 2015. 232 p. (in Russian).
17. Zyryanov A. I. *Geography of tourism: from theory to practice: monograph*. Perm: [B. and.], 2018. 415 p. (in Russian).
18. Ivanishcheva N. A. Formation of the geographical image of the region among students. *Modern geographical education: problems and development prospects: mater. IV All-Russia. scientific-practical. conf. (Moscow, November 2, 2019)*. (ed.) E. A. Ta-mozhnyaya. M.: Pero, 2020. pp. 54–59. (in Russian).
19. Kalutskov V. N. *Geographic approaches to the creation of historical and cultural images. Culture and space. Book. 2. Historical and cultural brands of territories, regions and places*. (ed.) V. K. Malkova, V. A. Tishkov. M.: IEA RAN, 2010. 182 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 25.07.2021 г.

УДК 911.3

Л. Р. Имангулов¹,
М. С. Савоскул²

**Этнические процессы и трансформация
сельского расселения в сельской
местности Башкирии (на примере
Федоровского района)**

^{1,2}ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
e-mail.ru: linar.imangulov.1999@mail.ru¹, savoskul@yandex.ru²

Аннотация: в статье на примере Федоровского района, расположенного на юго-западе республики Башкортостан, проанализирована эволюция сельского расселения. Определены ключевые факторы развития сельских поселений в периоды формирования сети населенных пунктов, становления и развития системы расселения и ее «размывания» на современном этапе. Наряду с классическими факторами развития сельской местности рассмотрен этнокультурный фактор. Этот фактор ярко проявляется в Федоровском районе, и определяет разные типы трансформации сельского расселения из-за дифференциации этнических групп по демографическим показателям (прежде всего уровня рождаемости), а также вследствие различий миграционного поведения разных этнических групп.

Ключевые слова: этнические процессы, эволюция сельского расселения, межэтнические взаимодействия, ассимиляция.

Введение

Проблемам развития сельской местности России посвящено немало публикаций [1, 2, 4, 6, 9, 10]. Тема «умирающего» села является животрепещущей темой для многих регионов РФ. Депопуляция «русской деревни» достигает максимальных показателей в Нечерноземье, где «нежизнеспособность» сельских поселений определяется длительным миграционным оттоком, отсутствием мест приложения труда, современным массовым оттоком молодежи в города и т. д. На фоне Центральной России выделяется «живая сельская местность» Черноземья, Поволжья, Урала, юга страны и Северного Кавказа. Сельская местность обозначенных территорий имеет разные драйверы развития, основным из которых является более рентабельное сельское хозяйство. Несмотря на наличие мест приложения труда на селе, сельская местность указанных территорий претерпевает изменения.

Сельская местность республики Башкортостан отражает характер социально-экономических процессов на уровне этого региона. Аграрная специализация Башкирии определяет более высокую устойчивость сельского расселения к различного рода процессам, однако в настоящее время уже не является определяющим фактором, удерживающим население в сельской местности. В условиях оттока сельских жителей в крупные промышленные города, был значительно подорван потенциал развития села. Наряду с классическими факторами развития сельских территорий в пределах Урало-Поволжья отдельно выделяется роль этнокультурного фактора, который

обозначает не только дифференциацию этнических групп по различным демографическим показателям, но и различия в этнических процессах, определяющих направления развития сельских территорий. Цель исследования — выделить направления влияния этнокультурного фактора на социально-экономическую ситуацию в сельской местности.

Материалы и методы

Статья основана на материалах полевых исследований, проведенных в августе 2019 г. в Федоровском районе Республики Башкортостан. Главной задачей экспедиции было изучение трансформации сельской местности в постсоветский период на локальном уровне. Во время полевых исследований проведены интервью с сотрудниками администрации Федоровского района, главами сельских поселений, руководителями и работниками сельскохозяйственных предприятий.

При написании статьи, кроме данных полевых исследований, использованы материалы Росстата и муниципальной статистики, а также итоги переписей населения разных лет и текущий учет населения, характеристики сельских населенных пунктов за разные годы, взятые из дореволюционных и советских публикаций [13]. Выводы об этнических процессах в сельской местности основаны на анализе 15 глубинных интервью с представителями разных национальностей — русских, татар, башкир, мордвы и чувашей, данных статистики межэтнических браков Федоровского ЗАГСа на начало 2000-х гг., полевых наблюдениях (обследовано более 30 населенных пунктов района).

В работе использовался математико-статистический, аналитический, сравнительный, картографический и метод экспертного интервью.

Результаты и обсуждение

Особенности размещения этнических групп Федоровского района. Система расселения Федоровского района начала формироваться в начале XVIII в. В пределах современных границ района отмечается сочетание территорий с различными физико-географическими условиями — север и восток района располагается в пределах восточной оконечности Бугульмино-Белебеевской возвышенности, юг и восток района является частью Предуральской степной зоны. Фактор неоднородности природных условий определил различия в размещении этносов на территории района на этапе заселения и освоения территории. Юго-запад района исторически был заселен башкирским населением. Пришлой население проживало на землях с менее благоприятными природными условиями на севере и западе района вдоль рек (верховья р. Ашкадар, Дёма и т. д.).

На начальном этапе эволюции системы расселения возникали изолированные друг от друга «опорные» населенные пункты, ставшие каркасом будущего освоения территории. «Пришлой население» было достаточно разнородным по этническому составу (мордва, татары, чуваша и русские), конфигурация расселения этносов определялась различными факторами. Так, «оседание» мордвы в пределах севера Федоровского района обусловлено схожестью природных условий с местом бывшего проживания и некоторыми

этнопсихологическими универсалиями населения (желание вести скрытной ото всех образ жизни).

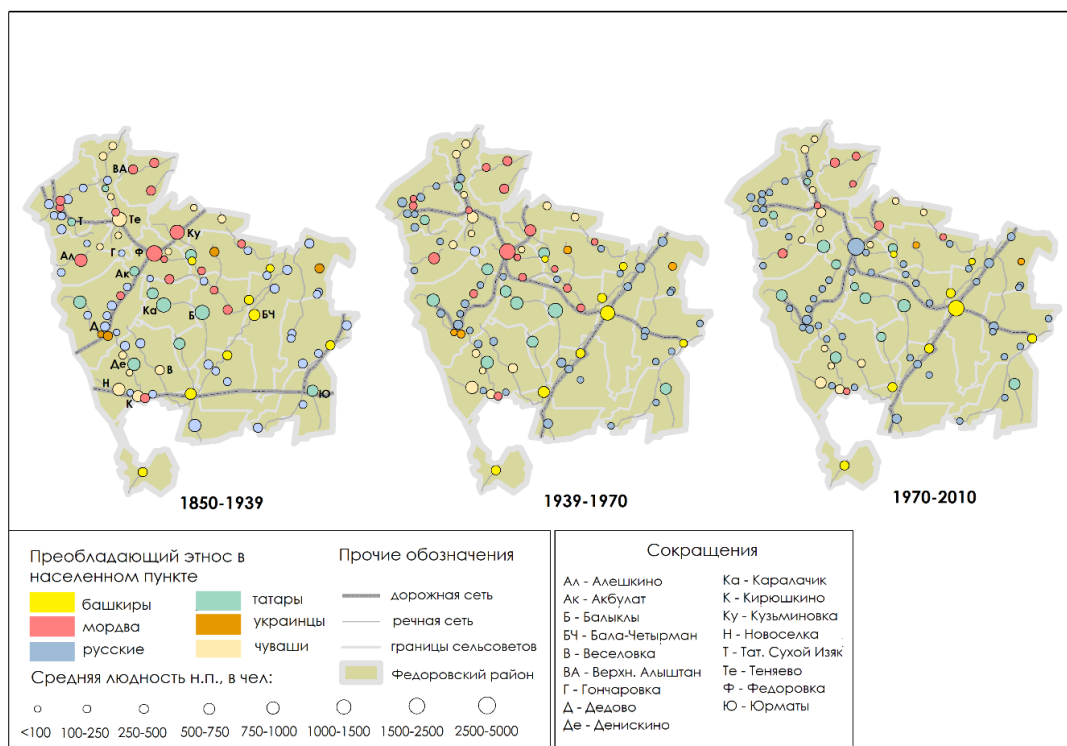

Рис. 1. Изменения систем расселения этнических групп Федоровского района в сер. XIX – наст. вр.

Составлено авторами на основе [3, 8, 13].

Размещение татар определялось фактором наличия свободных земель и тяготением к водным источникам (например, д. Акбулат, д. Татарский Сухой Изяк и т. д.). Часть татар вместе с башкирами и образовывала общие поселения (например, д. Балыклы). Одновременно с татарскими, появляются первые чувашские деревни (например, д. Кирюшкино). Русские поселения основываются позднее — в 20–40 гг. XVIII в., они размещены на территории района повсеместно за исключением юго-западной части (рис. 1). Для данной этнической группы характерно поляризованное расселение относительно прочих этносов.

К началу XX в. численность населения многих деревень и сел возрастает практически в несколько раз, происходит увеличение густоты сети населенных пунктов (количество населенных пунктов увеличивается практически в два раза вследствие развития хуторской сети поселений). Наибольший рост численности населения характерен для мордовских и татарских населенных пунктов (прирост более чем в 4 раза), (рис. 2). Максимальный прирост лодности мордовских деревень связан с транзитным положением деревень на межволостных дорогах, а также меньшей подвижностью населения и его хозяйственной специализацией (выращивание огородных культур).

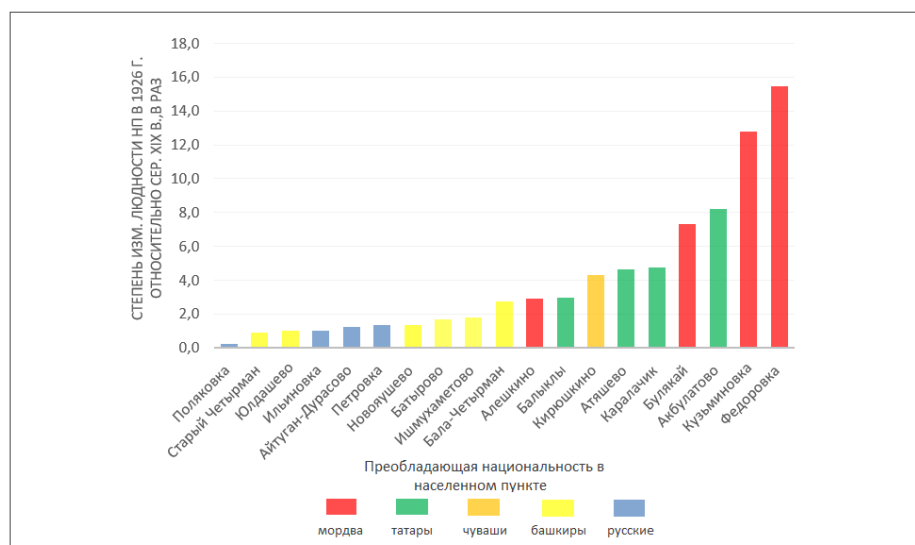

Рис. 2. Изменение людности населенных пунктов Федоровского района в 1926 г. относительно середины XIX в.

Составлено авторами на основе [3, 13].

В период развития и структурирования сети сельского расселения формируется скопление деревень низовых чувашей на юго-западе (д. Кирюшкино, Новоселка, Веселовка). Позднее на северо-западе верховыми чувашами основывается Теняево. Географическая удаленность сел верховых и низовых чувашей и как следствие незначительное количество взаимодействий способствовало сохранению этнической идентичности, как внутри этноса, так и вне. Среди всех деревень минимальные темпы прироста населения характерны для башкирских сел, что связано с возникшими ограничениями в хозяйственной деятельности.

В XX в. происходят серьезные трансформации в размещении населения на территории района. В результате различного рода процессов и явлений (например, индустриализация, ликвидация неперспективных деревень), значительно сократилось число и людность населенных пунктов, окончательно оформились центральные населенные пункты. В меньшей степени данные явления повлияли на расселение татар и башкир, в большей степени — на мордву, русских и чувашей.

Усиление внутрирегиональной миграции русского населения в близлежащие города способствовало увеличению доли прочих народов в районе. К концу XX в. это получило отражение в малолюдности и «старении» сохранившихся русских деревень. Ощутимое уменьшение численности населения и количества населенных пунктов коснулось и мордвы. Положение мордовских деревень ухудшилось в связи с развитием процессов ассимиляции, что привело к трансформации этнической структуры деревень, ранее населяемых этим этносом (например, Федоровка).

Устойчивое к внешним факторам расселение характерно для населенных пунктов с преобладанием татар, башкир и чувашей. Если к середине XVIII в. татарское население было меньшинством и концентрировалось в основном на северо-западе района, на современном этапе оно характеризуется максимальной долей в этнической структуре района и представлено практически везде. Система

расселения чувашских деревень также претерпела такие изменения как укрупнение сел на юго-западе района и ликвидацию деревень на границе с Стерлибашевским районом, но, в отличие от мордвы сохранила людность населенных пунктов на прежнем уровне по причине мощного национального самосознания (например, население д. Кирюшкино, Веселовка, Теняево). Башкирские деревни не были затронуты ликвидацией неперспективных деревень по причине многолюдности, в результате чего расселение осталось практически неизменным.

На начальном этапе формирование системы расселения прослеживается наибольшее влияние физико-географического фактора и позиционного. В период развития и структурирования сети населенных пунктов значительный вклад в эволюцию системы сельского расселения вносил экономический, демографический, институциональный и административный факторы. На современном этапе ведущими факторами трансформации сельского расселения Федоровского района являются позиционный, инфраструктурный, экономический и миграционный.

Совокупность обозначенных выше факторов определяет социально-экономическую ситуацию в отдельных населенных пунктах, частях района. Если на первом этапе факторы определяли «рисунок расселения», на втором — были драйверами развития системы расселения, то на современном этапе они выполняют функцию «сдерживания» населения в пределах района. Современные факторы развития сельской местности района очень сильно перекликаются с прошлыми, однако по своей природе различаются. Если ранее вклад демографического фактора в дифференциацию рождаемости между этническими группами был минимальным, то в настоящее время отмечается противоположная тенденция — изменение людности населенного пункта зависит от этнической структуры поселения.

Влияние этнокультурного фактора сводится не только к этническим различиям в завершенности демографического перехода. В условиях возрастания подвижности и как следствие увеличение частоты взаимодействий между представителями этнических групп в сельской местности появляются и развиваются процессы, ранее не характерные для нее в виду транспортной, культурной и социальной дистанции этнических групп. Этнические процессы приводят к изменению этнической структуры населенных пунктов, что впоследствии отражается на устойчивости системы расселения (различия в темпах прироста населения, в психологических установках и мотивах поведения представителей разных этносов).

Какие же процессы характерны для полиэтничной сельской местности Башкирии?

Ассимиляция. Среди всех этнических групп мордва в большей степени подвержена изменению этнической идентичности. Усиление ассимиляционных процессов в советское время связано с увеличением взаимодействия этноса с представителями других национальностей. Мордовские сообщества оказались более уязвимыми по причине психологических особенностей. При проведении глубинных интервью, была выявлена всеобщая пассивность населения относительно любых инициатив. Отсутствие сильных родственных и внутриэтнических связей и как следствие безразличие ко всему является неплохим субстратом для растворения этнических границ.

Выдержка из глубинного интервью: *«Самый пассивный народ в районе — это мордва. Очень тяжелый народ. Вот чувашки, очень активные, они просто везде. Нас нужно уговаривать, придите пожалуйста. Вот в Альштане приглашали ансамбль выступить, но он отказался, а вот чувашки всей деревней поехали — автобусов не хватило»* (Женщина, работник сельсовета, мордовка. Август, 2019 г. д. Кузьминовка).

В территориальном разрезе протекание ассимиляционных процессов различно по причине дифференциации формирования сельских сообществ. Так, поведение представителей мордовского населения изменяется в зависимости от характеристик внешней среды (степень культурного разнообразия, состав населения, характер и условия взаимодействий). В этнически изолированных населенных пунктах межличностные взаимодействия протекают внутри однородной среды. Например, в Кузьминовке степень ассимиляционных процессов в деревне достаточно низка по причине ряда факторов. Один из основных — влияние окружения на сохранение этнической самоидентификации. С психологической точки зрения человек не испытывает давления со стороны представителей преобладающих по численности этнических групп, поэтому при выборе этнической принадлежности ощущает себя частью мордвы, несмотря на более частое использование в быту русского языка.

Выдержка из глубинного интервью: *«У меня очень много знакомых и друзей среди мордвы... В детстве родители часто разговаривали на родном языке... В мокшанских семьях деревни все говорят почти на нем...»* (Женщина, работник сельсовета, мордовка. Август, 2019 г. д. Кузьминовка).

В крупных населенных пунктах как правило выше степень этнического разнообразия по причине стягивания населения с окрестных территорий. Взаимодействия между представителями одной этнической группы заменяются на межэтнические, отмечается повсеместное использование русского языка. Существенное влияние внешней среды ощущается для малочисленных этносов, имеющих меньше всего отличий от преобладающего по численности этноса. Именно в таких населенных пунктах степень ассимиляционных процессов крайне высока.

Ярким примером может послужить административный центр района — село Федоровка с трансформированной этнической структурой. В недалеком прошлом крупное мордовское село — в настоящее время населено преимущественно русскими и татарами (31 и 27% соответственно). Однако в данном случае спектр факторов, влияющих на смену самосознания достаточно широкий. Помимо влияния внешней среды (рост числа контактов с представителями других национальностей, использование русского языка и т. д.), прослеживается давление со стороны системы среднего образования. Так, при проведении глубинного интервью один из респондентов признался, что при получении паспорта родители настаивали на указании принадлежности к русским. Данное обстоятельство связано с негативным опытом родителей, которые в детстве при смене национальной школы на обычную стали отставать от программы вследствие незнания русского языка.

Это не единичный случай — дети из мордовских семей часто становились этническим меньшинством в классах и потому часто примыкали к русским ребятам. Со временем происходила «утрата родного языка» и смена этнического самосознания ребенка. В настоящее время «выпадение» крупных частей целых

поколений, подвергшихся ассимиляции, привело к сдвигам возрастно-половой структуры этнической группы, что обуславливает «старение» этноса и снижение его численности в пределах района.

Выдержка из глубинного интервью: *«Старшая дочь не учила родной язык, потому что жила в Дедово — в русскоязычной среде. В Федоровке сейчас даже отменили преподавание мордовского языка в садиках. Старшая идентифицирует себя как русская...»* (Женщина, сотрудник учреждения культуры, мордовка. Август, 2019 г. Федоровка).

Среди прочих этнических групп района ассимиляция получила широкое распространение лишь в татаро-башкирской среде, что обусловлено высокой частотой взаимодействия и близостью культуры, религии и языка. Наиболее интересным моментом является трансформация этнически смешанных татаро-башкирских сел в татарские (д. Балыклы, Каралачик, Атяшево), несмотря на изначально достаточно низкую долю татар. Вероятно, явление ассимиляции башкирского населения обусловлено усилением позиции татар в пределах района в XX в. Нельзя отрицать роль религии и языка, на котором велось обучение детей в школах. Часто муллами и учителями в национальных школах являлись татары.

Консолидация. Слияние этнических групп достаточно сложный и длительный процесс. Консолидационные процессы в территориальном разрезе протекают с различной скоростью. Данный факт обусловлен различиями в характеристиках сред. Так, в ядрах формирования этнических групп они практически отсутствуют в связи с моноэтнической языковой и культурной средой (единство диалекта, общность традиций и т. д.). В этноконттактных зонах ситуация обстоит иначе — при взаимодействии с представителями прочих этнических групп происходит постепенное культурное и языковое заимствование с обеих сторон, которое со временем ведет к потере тех этнических черт, которые были ранее характерны для одной из этнических групп.

Наиболее интенсивно консолидационные процессы протекают за пределами этнических территорий, где формирование этнических сообществ происходило иначе [15]. Так, наиболее ярким примером консолидации является формирование этнической общности между субэтносами татар Федоровского района. Пришлое татарское население оказалось разнородным в отношении этнического самосознания — заселение района осуществлялось, как поволжскими (мишари из Пензенской и Симбирской губерний), так и казанскими татарами [3].

Одним из факторов, определивших начало консолидации между субэтносами татар в начале XIX в., являются особенности расселения. В силу изначально малочисленности групп, татары чаще всего селились в населенных пунктах вместе. Впоследствии данное соседство в пределах одной деревни/села способствовало увеличению взаимодействия между представителями разных субэтносов. Таким образом, на начальном этапе происходило постепенное «смешивание» татар между собой и потеря некоторых особенностей в бытовой и культурной жизни при сохранении исторической памяти.

Межэтническая интеграция. По причине довольно разнообразной этнической структуры Федоровского района взаимодействия между этническими группами вызывают особый интерес. Полиэтнические территории наиболее подвержены межэтнической напряженности [12]. Её проявления могут быть разными — от недовольства до прямой агрессии. Однако изучаемый район —

один из немногих полиэтничных территорий, где конфликты на межэтнической основе минимальны.

Особое внимание следует уделить характеру взаимодействия между этническими группами. В прошлые века взаимодействия этнических групп были практически исключены между собой помимо нескольких этнически смешанных деревень (татаро-башкирских), где взаимоотношения выстраивались положительным образом (рис. 3). Лишь в советское время начало происходить уменьшение изолированности многих населенных пунктов по причине изменения организации сельского хозяйства. Так, создание единого колхоза для Денискино, Новоселки и Кирюшкино способствовало усилению взаимодействия татар и чувашей.

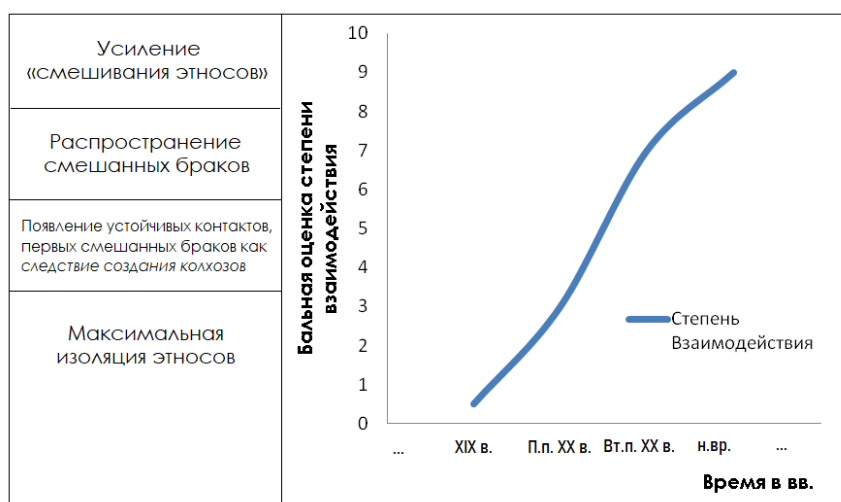

Рис. 3. Этапы эволюции характера взаимодействия между этническими группами Федоровского района РБ.

Составлено авторами.

Различия на культурной и религиозной почве никак не повлияли на обострении межэтнических взаимоотношений. Опрашиваемые с обеих сторон респонденты положительно оценили свое отношение к представителям прочих этносов. Однако в полиэтничной Гончаровке, наоборот, респондент поделился случаем негативного отношения со стороны русского населения на работе (причина — использование родного татарского языка). Со схожей ситуацией столкнулось население многонациональной Федоровки, но до открытых конфликтов ситуация не обострялась.

Со временем степень изолированности многих этнических групп значительно снизилась — возросла мобильность населения, сократилась межкультурная дистанция, стали заключаться смешанные браки (общая доля смешанных браков в районе — ок. 60%, среди мордвы — 87%, башкир — 81%, русских — 67%, татар — 56%, чувашей — 38%) [2003 г.]. Однако не все этнические группы и их локальные формы оказались открытыми для интеграции. Например, для татарского населения Денискино характерна высокая степень религиозности и почитание традиций относительно всей этнической группы района. Местное население достаточно консервативно и даже, несмотря на

тенденцию увеличения смешанных браков, стремится создавать семью только с представителями своей этнической группы.

Выдержка из глубинного интервью: *«Старшее население религиозное, молодые тоже. Чтоб держать порядок, чтобы у всех были хорошие отношения. Многие держат намазы... В деревне очень мало смешанных браков, дома многие говорят на родном языке...»* (Женщина, учитель, татарка. Август, 2019 г. Денискино).

Большая традиционность характерна также для чувашского населения юго-запада района — низовых чувашей Кирюшкино, Новоселки и Веселовки. Чувашское население этих деревень обращает внимание исследователей своей зажиточностью и практически единственной в районе благоприятной демографической ситуацией (в семьях в среднем около 3–4 детей). Чувашское население этих деревень достаточно охотно идет на контакт с прочими этническими группами, но проживает изолированно и всячески стремится сохранить свои традиции и обычаи.

Выдержка из глубинного интервью: *«Каждое село видно по характеру. С древних времен нам говорили старожилы, что мы всегда танцевали, гуляли, были активными. Раньше даже, если кто-то строит дом — то мы помогаем всем селом. Как одна семья. В других селах такого нет. Это сплачивает нас — когда у одного беда, то и у всех. Эта атмосфера очень сильно влияет...»* (Женщина, домохозяйка, чувашка. Август, 2019 г. д. Кирюшкино).

Вышеперечисленное является довольно уникальными случаями, поскольку взаимодействия между этническими группами постепенно усиливаются, что, несомненно, приводит к их сближению и соответственно формированию толерантной в этническом отношении атмосферы. Важно отметить, что при опросах респондентов четко обозначалось положительное отношение к особенностям прочих этнических групп по причине всеобщего сознательного представления района, как многонационального образования.

Выводы

Неоднородность природных условий Федоровского района на начальном этапе формирования системы расселения оказала значительное влияние на размещение отдельных этнических групп. На последующих этапах направления изменения сельского расселения определяются влиянием позиционного, демографического, экономического и этнокультурного факторов.

Возрастание «подвижности» населения способствовало проявлению и со временем усилению этнических процессов. Ассимиляция, консолидация и межэтническая интеграция приводят к изменению этнической структуры населенных пунктов, что впоследствии находит отражение в изменении людности населенных пунктов, их хозяйственных функций в районной системе расселения.

В условиях возрастания межэтнических взаимодействий устойчивость сельского расселения разных этнических групп зависит от этнопсихологических установок (консервативность, изолированность, привязка к земле). Наиболее устойчивыми к внешним процессам являются башкиры и чуваша, характеризующиеся меньшей миграционной подвижностью, относительно высоким суммарным коэффициентом рождаемости и сильной психологической привязкой к территории.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ (проект № 21-17-00112).

Литература

1. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2017. № 6. С. 55–61.
2. Алексеев А. И., Сафронов С. Г., Савоскул М. С., Кузнецова Г. Ю. Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX – начале XXI вв. // ЭКО. 2019. № 4 (538). С. 26–49.
3. Асфандияров А. З. «История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий» // Уфа: «Китап», 2009 год. С. 741.
4. Вихрёв О. В., Ткаченко А. А., Фомкина А. А. Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2016. № 2. С. 30–37.
5. Дробижева Л. М. «Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России» // Москва: Издательство института социологии РАН, 1998 г. С. 385.
6. Имангулов Л. Р., Максименко М. Р., Савоскул М. С., Сафронов С. Г. Влияние этнокультурного фактора на эволюцию сельского расселения на примере полиэтничных районов Башкирии и Марий Эл // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2021. № 1. С. 109–119.
7. Лурье С. В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 122–148.
8. Население Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: статистический сборник // Уфа: Башкортостанстат, 2013. С. 222.
9. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: УРСС, 2012. С. 180–187.
10. Нефедова Т. Г. Основные тенденции изменения социальноэкономического пространства сельской России // Известия РАН. Серия географическая. 2012б. № 3. С. 5–21.
11. Сагатгареев Р. М. О социальных и экономических факторах развития сельских территорий республики Башкортостан // Инновации и инвестиции. 2016. № 9. С. 149–154.
12. Солдатова Г. У. «Психология межэтнической напряженности» // Москва: «Смысл», 1998 г. С. 387.
13. Список населенных пунктов Стерлитамакского уезда // Стерлитамак: Типография А. В. Кузнецовой, 1902. С. 143.
14. Тахаев Х. Я. «Природные условия и ресурсы Башкирской АССР» // Уфа: Башкирский филиал АН СССР. 1959. С. 296.
15. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 544.
16. Эльдаров Э. М. Дагестан: факторы развития сельской системы расселения в постсоветский период // Кавказ & Глобализация. 2008. Том 2. № 1. С. 105–115.

L. R. Imangulov¹,
M. S. Savoskul²

Ethnic processes and transformation of rural settlement in rural areas of Bashkiria (on the example of the Fedorovsky district)

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
e-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru¹, savoskul@yandex.ru²

Abstract: *the article analyzes the evolution of rural settlement on the example of the Fedorovsky district, located in the south-west of the Republic of Bashkortostan. The key factors of the development of rural settlements during the periods of the formation of the network of settlements (physical-geographical, positional), the formation and development of the settlement system (demographic, economic, institutional, etc.) and its “erosion” at the present stage (positional, infrastructural, economic and ethno-cultural) are determined.*

Along with the classical factors of rural development, the ethnocultural factor is considered. This factor is clearly manifested in the Fedorovsky district, and determines different types of transformation of rural settlement due to the differentiation of ethnic groups by demographic indicators (primarily the birth rate), as well as due to differences in the migration behavior of different ethnic groups. The most resistant to external factors settlement is typical for settlements with a predominance of Tatars, Bashkirs and Chuvash.

The paper also considers the role of ethnic processes in changing the settlement of individual ethnic groups. It is revealed that assimilation makes the maximum contribution to the change of settlement (especially in the Mordovian environment). As a result of in-depth interviews, the differentiation of ethnic groups was revealed according to the dominant ethno-psychological attitudes (for example, traditionalism, distance and “attachment to the native land”), which determine migration mobility and a tendency to mixed marriages.

Keywords: *ethnic processes, evolution of rural settlement, interethnic interactions, assimilation.*

References

1. Alekseev A. I., Safronov S. G. Tipologiya sel'skih naseleennykh punktov Evropejskoj chasti Rossii v sovremennoj demograficheskoj i social'no-ekonomicheskoj situacii. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 5. Geogr. 2017. no. 6. pp. 55–61. (in Russian).
2. Alekseev A. I., Safronov S. G., Savoskul M. S., Kuznecova G.YU. Osnovnye tendencii evolyucii sel'skogo rasseleniya Rossii v XX – nachale XXI vv. EKO. 2019. no. 4 (538). pp. 26–49. (in Russian).
3. Asfandiyarov A. Z. “Istoriya sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nyh territorij”. Ufa: “Kitap”, 2009. pp. 741. (in Russian).
4. Vihryov O. V., Tkachenko A. A., Fomkina A. A. Sistemy sel'skogo rasseleniya i ih centry (na primere Tverskoj oblasti). Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 5. Geogr. 2016. no. 2. pp. 30–37. (in Russian).
5. Drobizheva L. M. “Social'naya i kul'turnaya distancii. Opyt mnogonacional'noj Rossii”. Moskva: Izdatel'stvo instituta sociologii RAN, 1998. pp. 385. (in Russian).

6. Imangulov L. R., Maksimenko M. R., Savoskul M. S., Safronov S. G. Vliyanie etnokul'turnogo faktora na evolyuciyu sel'skogo rasseleniya na primere polietnichnyh rajonov Bashkirii i Marij El. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 5. Geogr. 2021. no. 1. pp. 109–119. (in Russian).
7. Lur'e S. V. Mezhetnicheskie braki v sovremennom rossijskom nacional'nom scenarij. Peterburgskaya sociologiya segodnya. 2018. no. 10. pp. 122–148. (in Russian).
8. Naselenie Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 g.: statisticheskij sbornik. Ufa: Bashkortostanstat, 2013. pp. 222. (in Russian).
9. Nefedova T. G. Desyat' aktual'nyh voprosov o sel'skoj Rossii: otvety geografa. M.: URSS, 2012. pp. 180–187. (in Russian).
10. Nefedova T. G. Osnovnye tendencii izmeneniya social'noekonomicheskogo prostranstva sel'skoj Rossii. Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2012b. no. 3. pp. 5–21. (in Russian).
11. Sagatgareev R. M. O social'nyh i ekonomicheskikh faktorah razvitiya sel'skih territorij respubliki Bashkortostan. Innovacii i investicii. 2016. no. 9. pp. 149–154. (in Russian).
12. Soldatova G. U. “Psihologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti”. Moskva: “Smysl”, 1998. pp. 387. (in Russian).
13. Spisok naselennyh punktov Sterlitamakskogo uezda. Sterlitamak: Tipografiya A. V. Kuznecovoj, 1902. pp. 143. (in Russian).
14. Tahaev H. YA. “Prirodnye usloviya i resursy Bashkirskoj ASSR”. Ufa: Bashkirskij filial AN SSSR. 1959. pp. 296. (in Russian).
15. Tishkov V. A. Rekviem po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii; In-t etnologii i antropologii im. N.N.Mikluho-Maklaya. M.: Nauka, 2003. pp. 544. (in Russian).
16. El'darov E. M. Dagestan: faktory razvitiya sel'skoj sistemy rasseleniya v postsovetskij period. Kavkaz & Globalizaciya. 2008. Vol. 2. no. 1. pp. 105–115. (in Russian).

Поступила в редакцию 25.06.2021 г.

УДК 338.4

И. С. Кусов¹,
Н. В. Шабалина²,
Е. С. Каширина³

Развитие сельского туризма в Севастополе в контексте создания агропромышленного кластера

^{1,2,3}ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт развития города, г. Севастополь, Российская Федерация

² ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация

³ Филиал МГУ в г. Севастополе, г. Севастополь, Российская Федерация

e-mail: ISKusov@sevsu.ru¹, natshab@yandex.ru²

e_katerina.05@mail.ru³

Аннотация. В статье приводятся результаты исследований тенденций развития сельского туризма в Севастополе в контексте создания агропромышленного кластера. Проанализирована динамика создания объектов туристской инфраструктуры — предприятий размещения и питания. Определено, что туризм становится важной частью экономики сельских жителей, о чем свидетельствует двукратный рост числа гостиниц и аналогичных средств размещения. Сельский туризм в Севастополе представлен такими видами как агротуризм, экотуризм, этнотуризм. Анализ отечественного и зарубежного опыта показал, что для эффективного развития сельского туризма необходима нормативно-правовая база, а также непосредственно программа развития сельского туризма в Севастополе.

Ключевые слова: сельский туризм, агротуризм, этнотуризм, виноградарство, модель развития, агротуристский кластер, Севастополь, Крым

Введение

С каждым годом в мире и в России набирает популярность такой вид путешествий, как сельский туризм. В России доля сельского туризма составляет 1,5–2%, тогда как в европейских странах доля данного вида туризма в структуре туристских потоков достигает 15–20% [1].

Сельский туризм — деятельность по организации отдыха в сельской местности или в малых городах (при отсутствии промышленных зон и застройки), с предоставлением услуг гостеприимства в частном секторе с возможностью трудового участия, ориентированная на использование природных, культурно-исторических и других ресурсов, традиционных для данной местности. Такая трактовка сельского туризма подразумевает его многофункциональность [2].

Для большинства регионов Российской Федерации сельский туризм выступает как одно из условий перехода экономики к социально-ориентированному типу ведения хозяйства, инструмент повышения социально-экономических показателей субъекта, способ поддержания устойчивости территории. Сельский туризм является катализатором возрождения фермерских предприятий и продвижения малых винодельческих предприятий [3].

Мультипликативно сельский туризм, особенно в условиях реализации целевых программ развития, оказывает положительное влияние на экономику регионального туризма, рациональное использование туристско-рекреационного потенциала, стимулирует работу аграрных компаний, активизирует строительство предприятий, способствует сохранению традиций и обычаев местных жителей. Все эти факторы в совокупности влияют на уровень конкурентоспособности сельских территорий.

Согласно «Стратегии устойчивого развития сельских территорий до 2030 года» (Подготовлено Минсельхозом во исполнение поручения Президента России по итогам заседания Госсовета и Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 21 апреля 2014 года) [4], сельский туризм признан одним из инструментов территориального развития.

В странах Европы существует два подхода к формированию политики в сфере сельского туризма:

1) разрабатываются специализированные нормативные документы, регламентирующие развитие сельского туризма отдельно от общего туристского законодательства. Такой подход, например, распространен на юге Европы: в Италии, Греции, Испании (разработано 17 различных документов);

2) отсутствует специализированная нормативная база по сельскому туризму, что характерно для большинства стран ЕС, где предприниматели в сфере сельского туризма работают так же, как и все остальные предприятия туристской индустрии. Однако в этих странах могут применяться специально разработанные положения и стандарты для услуг, которые можно условно назвать «услугами в сфере сельского туризма». Такие критерии касаются вопросов качества, продвижения и рекламы [5].

Модели развития сельского туризма в значительной степени определяются государственным регулированием в тех или иных странах (табл. 1).

Таблица 1

Модели сельского туризма и страны их практикующие

Модели сельского туризма	Страны
Англо-американская	Великобритания, США, Канада
Азиатская	Шри-Ланка, Малайзия, Япония
Западноевропейская	Франция, Италия, Испания, Германия, Дания, Финляндия, Австрия
Восточноевропейская	Болгария, Польша, Чехия, Литва, Кипр, Греция

Составлено на основе материалов [5; 6].

В рамках англо-американской модели, возникшей в англоязычных странах в послевоенный период, сельский туризм стал средством выхода из экономического кризиса. Ключевыми потребителями услуг сельского туризма были автотуристы, что обусловило характерные черты модели:

- ориентированность на внутренних туристов;
- предоставление стандартного набора услуг средств размещения;
- отсутствие национальной специфики.

В данной модели дополнительные услуги представлены пешими и конными прогулками, маршрутами по природным и живописным местам, охотой, рыбалкой и т. п.

В последние годы наблюдается тенденция к интеграции сельского и культурно-познавательного туризма. У туристов прослеживается потребность в знакомстве с культурой, историей и традициями конкретной территории и народа, который на ней проживает.

Азиатская модель сельского туризма, будучи полной противоположностью англо-американской модели, подразумевает:

- присутствие национального колорита;
- наличие в средствах размещения широкого спектра дополнительных услуг;
- размещение в специально построенных «VIP-деревнях» или аутентичных гостиницах высокого класса, расположенных в сельской местности.

Для азиатской модели сельского туризма характерны активные виды отдыха, например, сплавы по горным рекам, подводное плавание, сафари, альпинизм, скалолазание и т. д.

Западноевропейская модель сельского туризма возникла в 1960-е годы во Франции и Италии по инициативе государственных органов власти и была внедрена Евросоюзом в качестве механизма предотвращения деградации (и депопуляции) аграрного сектора, вызванной потерей конкурентоспособности аграрной продукции на международном рынке и возникновением кризисных явлений в сельском хозяйстве. В основе данной модели — предоставление услуг полноценного отдыха в сельской местности, включающих:

- предоставление отдельного домика вблизи воды;
- погружение в сельский уклад жизни;
- возможность дегустаций и занятия виноделием и сыроварением;
- посещение культурно-исторических мест и объектов туристского показа.

Восточноевропейская модель сельского туризма, в отличие от западноевропейской, подразумевает наличие специальных программ по реконструкции деревень и создание специальных условий для приема туристов. Это обусловлено относительно низким уровнем развития жилищно-коммунального хозяйства в сельской местности. Работы по реконструкции/реновации являются затратными, что влияет на отпускную стоимость услуг сельского туризма.

Восточно-европейская модель предполагает:

- нахождение туриста в сельской местности в населенном пункте, с численностью жителей не более 5 000 человек;
- получение стандартных и специализированных услуг, направленных на погружение туриста в сельскую жизнь, ее традиции и быт [6].

Город Севастополь, в своих административных границах, имеет перспективные территории для развития сельского туризма, к которым относятся прилегающие 38 сельских населенных пунктов, Балаклава, Инкерман и др. Развитие сельского туризма происходит в настоящее время стихийно, благодаря частным инициативам [7]. Модель развития сельского туризма только

формируется. По мнению авторов, развитие сельского туризма в Севастополе будет способствовать диверсификации услуг туристско-рекреационного комплекса города, формированию современной туристской дестинации, туристские продукты и услуги которой будут соответствовать трем основным критериям: круглогодичности, востребованности и конкурентоспособности.

Цель статьи — провести анализ и выявить тенденции развитие сельского туризма в городе Севастополе в контексте создания агропромышленного кластера.

Материалы и методы

Для изучения современного состояния сельского туризма в городе Севастополе использован комплекс методов, включающий анализ статистических данных и литературных источников, полевые наблюдения авторов и интервьюирование участников рынка, факторный анализ и метод экстраполяции.

Аналитическая база исследования опирается на данные Федеральной службы статистики Российской Федерации и экспертные оценки субъектов регионального туристского рынка.

Полевые наблюдения авторов проведены в сельской местности Севастопольского региона в период 2014–2021 гг. Зафиксированы объекты инфраструктуры, главным образом, предприятия размещения туристов, которые продемонстрировали количественный рост числа объектов и их емкости. В качестве информационных источников также использованы рекламные туристские порталы и социальные сети, предоставляющие данные о коллективных средствах размещения, расположенных в сельской местности.

Географический охват исследования — административная территория субъекта — города федерального значения Севастополя.

Результаты и обсуждение

Сельская местность Севастопольского региона относится к районам низкого, но перспективного туристского-рекреационного освоения, которые характеризуются недостатком объектов туристской инфраструктуры и представлены сельскохозяйственными угодьями, селами, промышленными районами или лесными массивами [8; 9]. Площадь сельхозугодий составляет около 26 тыс. га. В 38 сельских населенных пунктах проживает около 8% населения Севастополя.

Туризм становится важной частью экономики сельских жителей, о чем свидетельствует рост числа гостиниц и аналогичных средств размещения и их номерного фонда. Так, номерной фонд гостиниц сел Байдарской и Варнутской долин Севастополя за период 2010–2017 гг. увеличился в 2 раза (рис. 1).

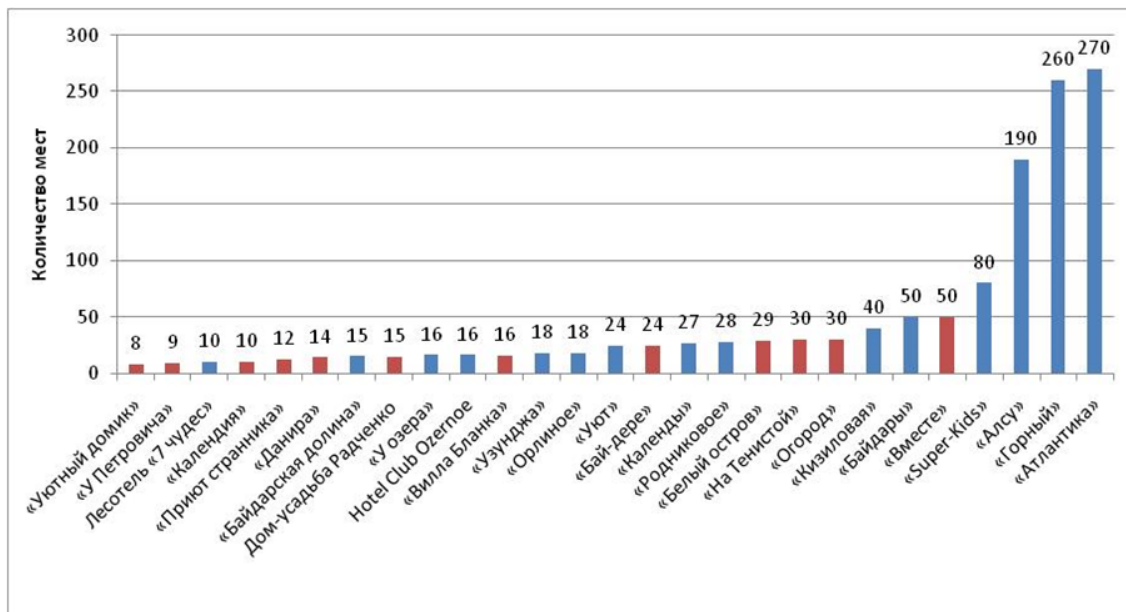

Рис. 1. Номерной фонд гостиниц сел Байдарской и Варнутской долин, 2010–2017 гг.

*Красным отмечены предприятия размещения, введенные после 2010 г.

Составлено авторами по полевым данным.

Современный туризм в агроландшафтах Севастополя многогранен и представлен в регионе разными формами туристско-рекреационной деятельности (рис. 2).

Агротуризм и сельский туризм («пожить» в деревне) — это отдых в сельских населенных пунктах. Он представлен короткими (уикэнд) или длинными каникулярными (неделя и более) периодами. В настоящий момент в Севастополе, на границах населенных пунктов и сельскохозяйственных территорий, преимущественно, а долинах рек сформировалась модель агроусадьбы (агротуристской усадьбы). Модель предполагает наличие ключевой функции — выращивание сельскохозяйственных культур, а также развитие туристской инфраструктуры, включая объекты размещения.

Гастротуризм и энотуризм (винный туризм) в Севастопольском регионе получил развитие в последние годы. Он представлен услугами по дегустации местных продуктов: вина, меда, сыров, чая и т.п. Для объединения винодельческих предприятий разработан брендовый маршрут «Винная карта Севастополя».

Этнотуризм в сельской местности включает посещение исторических поселений. Особое внимание привлекают объекты культурного наследия крымско-татарского и греческого народов.

Активный туризм в агроландшафтах представлен системой маршрутов, входящих в Большую севастопольскую тропу (БСТ). Необходимо отметить, что основной маршрут БСТ пересекает 7 сельских населенных пунктов. В зону тяготения маршрута, радиусом до 10 км, попадают 15 сельских населенных пунктов, причем 4 из них расположены в соседнем субъекте: Бахчисарайском районе и городском округе Ялта Республики Крым. В целом, влияние БСТ

сказывается на 30 сельских населенных пунктах. Суммарная численность сельского населения, проживающая в зоне тяготения БСТ, достигает 50 тыс. чел.

Экотуризм в агроландшафтах возник благодаря интересу к природе и отдыху в сельской местности [9].

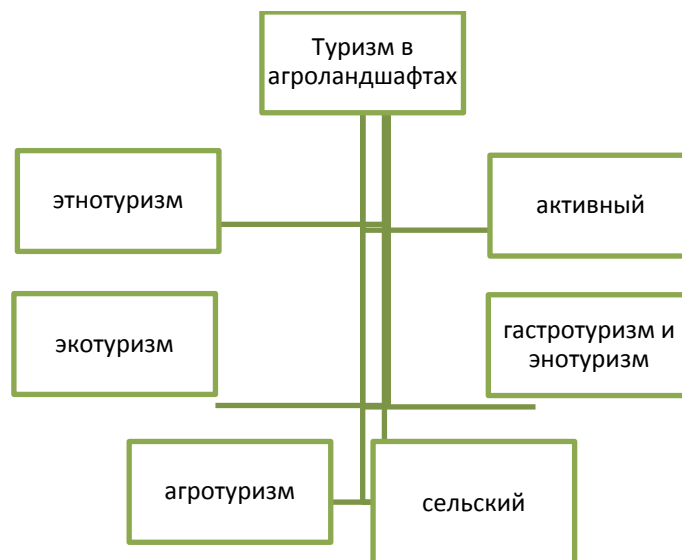

Рис. 2. Классификация туризма в агроландшафтах.
Составлено авторами

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. определяет тренд концентрации производства сельскохозяйственной продукции на территориях с наиболее благоприятными агроклиматическими и почвенными условиями и выгодным положением относительно ёмких потребительских рынков. Севастополь отличается благоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства, расположен в густонаселённом районе, что обеспечивает хороший сбыт продукции и услуг.

Уже сегодня, без дополнительной рекламы, одно малое винодельческое хозяйство способно привлекать 600–700 человек в год, а при дополнительном продвижении поток можно увеличить примерно до 2,5 тысяч человек. Таким образом, только за счет винодельческих хозяйств города и развития этнотуризма Севастополь может получить дополнительно 500 тысяч гостей в год. Это обеспечит не только дополнительные доходы предприятиям и, как следствие, расширение налогооблагаемой базы (средние суточные расходы одного туриста составляют 5 000–7 000 рублей), но и создание новых рабочих мест (в среднем один турист обеспечивает 4 рабочих места) [10].

На региональном уровне принятая Стратегия социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года [11] определила векторы развития агропромышленного комплекса на территории города, которыми стали развитие сельского хозяйства и виноделия. Кластерный подход к развитию агропромышленного комплекса направлен на создание конкурентоспособных отраслей, увеличению добавленной стоимости продукции, снижению издержек. Кластеризация сельского туризма должна обеспечиваться за счет включения в производственные цепочки с агропредприятиями и предприятиями смежных отраслей.

Применяя метод SWOT-анализ для выбора ключевых направлений развития сельского туризма в г. Севастополе, можно выделить следующие сильные и слабые стороны, возможности и угрозы для развития данного направления туристско-рекреационной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

SWOT-анализ сельского туризма в г. Севастополе

Преимущества (сильные стороны)	Недостатки (слабые стороны)
1	2
<p>1. Наличие сельскохозяйственных территорий</p> <p>2. Высокий туристско-рекреационный потенциал для развития различных видов туризма (пляжный, культурно-познавательный, экологический, сельский, активный и т.д.)</p> <p>3. Наличие культурных и исторических памятников не только федерального, но и мирового значения</p> <p>4. Наличие общественных организаций, которые могут содействовать развитию туризма в сельской местности</p> <p>5. Многоотраслевая направленность крестьянских и личных подсобных хозяйств</p> <p>6. Наличие спроса и моды на новые направления туризма, включая винный и гастрономический</p> <p>7. Наличие предпринимательских инициатив в развитии сельского и винного туризма</p> <p>8. Заинтересованность региональной и муниципальных администраций в развитии сельского туризма</p>	<p>1. Низкий уровень развития туристской инфраструктуры в сельской местности</p> <p>2. Отсутствие нормативно-правовой базы развития сельского туризма на федеральном и региональном уровнях, несовершенство законодательства, связанное с вопросами выделения земельных участков для туристско-рекреационных нужд</p> <p>3. Отсутствие стандартов качества предоставляемых туристских услуг фермерскими хозяйствами</p> <p>4. Отсутствие программы развития сельского туризма в Севастополе и программ поддержки сельских территорий</p> <p>5. Слабая система продвижения турпродуктов на региональном, национальном и международном туристских рынках и популяризация сельского туризма</p> <p>6. Низкий уровень подготовки туристских кадров, отсутствие специальных образовательных программ для жителей сельской местности, желающих начать предпринимательскую деятельность в сфере туризма</p> <p>7. Недостаток механизмов государственно-частного партнерства для поддержки туристских проектов локального и регионального уровней</p> <p>8. Отсутствие комплексных работ по определению рекреационной емкости и природных рисков развития сельского туризма</p>

Продолжение таблицы 2

1	2
Возможности	Угрозы
1. Рост доходов местного населения и регионов в целом 2. Создание дополнительных рабочих мест 3. Развитие малого предпринимательства на селе 4. Оживление объектов социальной инфраструктуры села 5. Привлечение иностранных туристов 6. Снижение проблем туристской сезонности 7. Снижение рекреационной нагрузки на прибрежные территории 8. Дополнительный приток населения в сельскую местность	1. Растущая конкуренция среди туристских рынков других субъектов РФ, стран ближнего и дальнего зарубежья 2. Потеря туристов из европейских стран вследствие санкций в отношении России и Крыма 3. Рост цен на туристские услуги 4. Снижение спроса платежеспособного населения вследствие сокращения доходности основных отраслей экономики 5. Ухудшение экологической обстановки 6. Потеря доли туристского рынка из-за низкого уровня сервиса на селе

Составлено авторами.

Государственная программа № 511 «Развитие сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности города федерального значения Севастополя на 2015–2020 годы», государственная программа развития города Севастополя № 369 — ПП «Развитие сельскохозяйственного, рыбохозяйственного и агропромышленных комплексов города Севастополя до 2025 года» [12] направлены на обеспечение и поддержку благоприятных условий для развития агропромышленного сектора города, стимулирование развития крестьянских (фермерских) хозяйств. Однако этого недостаточно.

Анализ основных факторов и условий развития сельского туризма в Севастополе показал необходимость концептуальных разработок по созданию Программы развития сельского туризма в городе Севастополе.

Согласно самым последним Рекомендациям UNWTO по развитию сельского туризма (изданы в сентябре 2020 г.), для успешного и устойчивого развития туристской деятельности в сельской местности необходимо соблюсти 5 базовых условий [13]:

1. Туризм необходимо признать одним из драйверов развития сельских территорий.
2. Туризм — это деятельность, осуществляемая, прежде всего, в интересах и для блага местного сельского населения.
3. Новые возможности для развития сельского туризма и развития сельских территорий — это новые технологии, инновации и цифровизация.
4. Развитие турпродукта и формирование стоимостной цепочки должны привести к созданию более совершенного и устойчивого туристского опыта.

5. В интересах агротуристских дестинаций необходимо внедрение политики устойчивого развития и лучших практик.

В соответствии с рекомендациями UNWTO, сельский туризм может стать основным направлением для выхода туристской индустрии из кризиса в связи с последствиями пандемии КОВИД-19, способом оздоровления и реабилитации населения г. Севастополя и всей страны в целом.

Выводы

С каждым годом набирает популярность такой вид путешествий, как сельский туризм. Доля сельского туризма в структуре туристских потоков европейских стран составляет 15–20%, в России — 1,5–2%, в г. Севастополе — не более 0,3%. Однако для развития сельского туризма в городе Севастополе есть все объективные предпосылки: рост заинтересованности со стороны туристов в отдыхе в сельской местности и дополнительных услугах фермерских хозяйств и виноделен, рост числа объектов размещения туристов, рассмотрение сельского туризма как приоритетного направления социально-экономического развития территорий, формирование агропромышленного кластера в г. Севастополе и др.

Развитие сельского туризма в г. Севастополе должно опираться на лучшие отечественные и мировые практики, которые свидетельствуют о необходимости разработки комплекса мер по стимулированию туристских инициатив в сельской местности, расширению туристских аттракций, внедрению стандартов качества услуг предприятий туристско-рекреационного комплекса, объединению предприятий туризма и агропромышленного комплекса на основе кластерных инициатив и механизмов государственно-частного партнерства, совместного брендинга.

Основой государственной поддержки развития сельского туризма должна стать нормативная база развития сельского туризма, а также Программа развития сельского туризма в г. Севастополе.

Литература

1. Лучшие региональные практики развития сельского туризма. Министерство культуры РФ, Калуга, 2016.
2. Сарафанова А. Г., Шабалина Н. В., Сарафанов А. А. Сельский и агротуризм: подходы к определению // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. Т. 14. № 1. С. 100–108.
3. Волков С. К. Сельский туризм в РФ: тенденции и перспективы развития // Экономика, предпринимательство и право. 2012. № 6 (17). С. 30–38.
4. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий до 2030 года Распоряжение от 2 февраля 2015 года № 151-р.
5. Заричная А. А. Европейский опыт развития сельского туризма // Экономика Крыма. 2011. № 4 (37). С. 265–269.
6. Крутиков В. К., Федорова О. В., Гворыс В. Развитие сельского туризма: преодоление инерции торможения (анализ отечественного и зарубежного опыта) // Российское предпринимательство. 2013. № 23 (245). С. 96–103.
7. Шабалина Н. В., Валькова Т. М., Прыгунова И. Л., Кудакаев А. Я. Развитие сельского туризма в Большом Севастополе-путь диверсификации туристско-

- рекреационного комплекса региона // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 7 (68). С. 27–41.
8. Валькова Т. М., Тюфанов С. Р., Каширина Е. С., Прыгунова И. Л. Туристско-рекреационное районирование Севастополя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Естественные науки». МГОУ. 2019. № 2. С. 132–143.
 9. Каширина Е. С., Калининченко А. В., Прыгунова И. Л., Новиков А. А. Основные подходы к концепции природоохранного и рекреационного природопользования нижнего течения реки Бельбек (г. Севастополь) // Проблемы региональной экологии. 2015. № 2. С. 150–154.
 10. Иванова Л. Н., Андреева Л. И. Проблемы и перспективы развития туризма на сельских территориях города Севастополя // Устойчивое развития сельских территорий и повышение эффективности агропромышленного производства Севастополя: сб. матер. I региональной науч.-практ. конф. Севастополь, 2015. С. 30–35.
 11. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года: Закон города Севастополя от 18.07.2017 № 357-ЗС
 12. Государственная программа № 511 «Развитие сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности города федерального значения Севастополя на 2015–2020 годы», государственная программа развития города Севастополя № 369.
 13. World Tourism Organization (2020), UNWTO. Recommendations on Tourism and Rural Development — A Guide to Making Tourism an Effective Tool for Rural Development [Electronic resource]. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/epdf/10.18111/9789284422173>

I. S. Kusov¹,
N. V. Shabalina²,
E. S. Kashirina³

The rural tourism development in Sevastopol in the context of an agro-industrial cluster creation

^{1,2,3}Sevastopol State University, Institute for Urban Development, Sevastopol, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³Branch of the Lomonosov Moscow State University in the Sevastopol, Sevastopol, Russian Federation

e-mail: ISKusov@sevsu.ru1, natshab@yandex.ru2,

e_katerina.05@mail.ru3

Abstract. *The paper is focused on the trends in the rural tourism developing in Sevastopol in the context of an agro-industrial cluster creation. The dynamics of tourist infrastructure objects — accommodation and catering enterprises are analyzed. It is determined that tourism is becoming an important role in the rural economy, as evidenced by a twofold increase in the number of hotels and similar accommodation facilities. The rural tourism in Sevastopol is represented by such types as the agritourism, the ecotourism, the wine tourism. Analysis of domestic and foreign experience has shown that the regulatory and legal framework is needed for the effective rural tourism developing. The regional program of the rural tourism is also necessary in Sevastopol.*

Keywords: *rural tourism, agritourism, wine tourism, viticulture, Sevastopol, Crimea, development model, agritourism cluster.*

References

1. Luchshie regionalnye praktiki razvitiya selskogo turizma. Ministerstvo kultury RF. Kaluga. 2016. (in Russian)
2. Sarafanova A. G., SHabalina N. V., Sarafanov A. A. Selskij i agroturizm podhody k opredeleniyu. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 2020. Vol. 14. no. 1. pp. 100–108. (in Russian)
3. Volkov S. K. Selskij turizm v RF tendencii i perspektivy razvitiya. *EHkonomika predprinimatelstvo i pravo*. 2012. no. 6 (17). pp. 30–38. (in Russian)
4. Ob utverzhenii Strategii ustojchivogo razvitiya selskih territorij do 2030 goda. *Rasporyazhenie ot 2 fevralya 2015 goda*. no. 151-p (in Russian)
5. Zarichnaya A. A. Evropejskij opyt razvitiya selskogo turizma. *EHkonomika Kryma*. 2011. no. 4 (37). pp. 265–269. (in Russian)
6. Krutikov V. K., Fedorova O. V., Gvorys V. Razvitie selskogo turizma preodolenie inercii tormozheniya analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opyta. *Rossijskoe predprinimatelstvo*. 2013. no. 23 (245). pp. 96–103. (in Russian)
7. SHabalina N. V., Valkova T. M., Prygunova I. L., Kudakaev A. YA. Razvitie selskogo turizma v Bolshom Sevastopole — put diversifikacii turistsko rekreacionnogo kompleksa regiona. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2016. Vol. 10. no. 7 (68). pp. 27–41. (in Russian)
8. Valkova T. M., Tyufanov S. R., Kashirina E. S., Prygunova I. L. Turistsko rekreacionnoe rajonirovanie Sevastopolya. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Estestvennye nauki. MGOU* 2019. no. 2. pp. 132–143. (in Russian)
9. Kashirina E. S., Kalinichenko A. V., Prygunova I. L., Novikov A. A. Osnovnye podhody k koncepcii prirodoohrannogo i rekreacionnogo prirodopolzovaniya nizhnego techeniya reki Belbek g Sevastopol. *Problemy regionalnoj ehkologii*. 2015. no. 2. pp. 150–154. (in Russian)
10. Ivanova L. N., Andreeva L. I. Problemy i perspektivy razvitiya turizma na selskih territoriyah goroda Sevastopolya. *Ustojchivoe razvitiya selskih territorij i povyshenie ehffektivnosti agropromyshlennogo proizvodstva Sevastopolya. Sbornik materialov I regionalnoj nauch.- prakt. konf. Sevastopol*. 2015. pp. 30–35. (in Russian)
11. Ob utverzhenii Strategii socialno ehkonomicheskogo razvitiya goroda Sevastopolya do 2030 goda. *Zakon goroda Sevastopolya ot 18, 2017 no. 357-ZS*. (in Russian)
12. Gosudarstvennaya programma 511. Razvitie selskogo hozyajstva i pererabatyvayushchej promyshlennosti goroda federalnogo znacheniya Sevastopolya na 2015–2020 gody. *Gosudarstvennaya programma razvitiya goroda Sevastopolya*. no. 369. (in Russian)
13. World Tourism Organization (2020), UNWTO. Recommendations on Tourism and Rural Development — A Guide to Making Tourism an Effective Tool for Rural Development [Electronic resource]. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/epdf/10.18111/9789284422173>

Поступила в редакцию 22.02.2021 г.

УДК 379.85

Л. Ю. Мажар

***Научно-методические основы освоения
туристского пространства***

АНО «Смоленский научно-образовательный центр»,
г. Смоленск, Российская Федерация
e-mail: larisamazhar@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыты теоретические основы пространственной организации туризма, в основе которой лежит территориальная туристско-рекреационная система (ТРС). Данная система базируется на опорном туристско-рекреационном каркасе территории, изучение которого способствует тотальному освоению туристского пространства. Предложенная методика была апробирована при разработке Межрегионального туристского проекта «Западный фасад России», который выполнялся под эгидой Русского географического общества. Данный подход может быть рекомендован к внедрению и в других регионах России.

Ключевые слова: туристское пространство, территориальная туристско-рекреационная система, опорный туристско-рекреационный каркас территории, туристский центр, туристский объект.

Введение

Эффективность развития туризма во многом зависит от его пространственной организации. Особое значение это имеет для России с её необъятными просторами, природным и историко-культурным разнообразием и огромным туристско-рекреационным потенциалом. Действующие в настоящее время туристские маршруты и освоенные туристские зоны дают возможность россиянам и зарубежным туристам познакомиться с наиболее интересными и привлекательными достопримечательностями нашей страны. Но сейчас этого уже мало. Приоритетное развитие внутреннего туризма выдвигает новые требования к организации туристско-рекреационной деятельности, что в свою очередь определяет социальный заказ науке: необходимо передовые научно-методические разработки более активно внедрять в практику [1]. Начинать надо именно с туристского освоения географического пространства Российской Федерации, что совсем не просто из-за масштабов страны и её административно-территориального устройства. Каждый субъект федерации имеет свои региональные органы управления и административно-правовую базу, а также свои региональные программы развития туризма. Всё это способствует эффективной организации туристско-рекреационной деятельности на национальном и региональном уровнях, но «разрывает» единое туристское пространство и осложняет разработку межрегиональных туристских проектов. А ведь именно межрегиональные туристские проекты призваны стереть административные границы в туризме и помочь освоить национальное туристское пространство. В настоящее время в России уже действуют межрегиональные туристские маршруты (например, «Золотое кольцо», «Серебряное ожерелье России», «Великий шелковый путь», «Золотое кольцо Боспорского царства» и др.), но каждый из них создавался по собственному «рецепту» и является

эсклюзивным по методике формирования. Однако межрегиональные туристские проекты должны стать нормой, а не исключением. Для этого необходимо разработать единые научно-методические основы и создать алгоритм действий для всех участников процесса формирования межрегиональных туристских проектов [2]. Идея разработки простого и понятного алгоритма пространственного развития туризма была поддержана Комиссией Русского географического общества по развитию туризма. Это позволило провести исследование в рамках гранта РГО на базе Смоленского научно-образовательного центра. В результате исследования была разработана методика тотального освоения туристского пространства и апробирована на конкретном межрегиональном туристском проекте «Западный фасад России», охватывающем территории Московской (западный сектор), Смоленской, Калужской и Брянской областей. Данная методика детально описана в научно-методическом пособии [3] и рекомендована Комиссией РГО по развитию туризма к внедрению. Практическим воплощением проекта является стартовая версия web-портала «Межрегиональный туристский проект “Западный фасад России”», размещенная в сети интернет: <https://westfacad.ru/>. Методика тотального освоения туристского пространства может быть использована для развития всех видов туризма, в том числе сельского туризма, так как позволяет паспортизировать и внести на web-портал информацию о соответствующих объектах, что сделает информацию более доступной для туристов. В свою очередь, сельский туризм может стать действенным фактором социально-экономического развития сельских территорий [4].

Материалы и методы

Освоение туристского пространства во многом предопределяет территориальную организацию туризма, для изучения которой используется широкий арсенал традиционных методов [5]. Однако, наиболее эффективным для анализа пространственной организации туризма является геосистемный подход, сущность которого состоит в своеобразном «препарировании» окружающей нас действительности с целью выявить отдельные системы и структуры для более детального изучения. Геосистемный подход имеет глубокие корни в отечественной географии и опирается на теорию территориальных систем и структур [6], а также на теорию территориальных рекреационных систем [7], что стало основой дальнейшего развития концептуальных представлений о пространственной организации туризма [8]. Анализ современных особенностей пространственной организации туризма показал, что он имеет «дуалистическую» природу: территориальную («географическую») и маркетинговую («экономическую»). Условно говоря, пространственные образования в сфере рекреации и туризма представляют собой двухуровневые конструкции: первый уровень — базовый (географический) — это территориальная основа (туристско-рекреационные системы, комплексы, центры, объекты и др.), а второй уровень — маркетинговый (экономический) представлен пространственными образованиями рыночного типа (кластеры, туристские маршруты, проекты и др.). Подобная трактовка территориальной организации туризма показывает, что без устойчивого базового уровня невозможно создать эффективные экономические конструкции. В свою очередь, отсутствие эффективных рыночных форм лишает базовый

уровень «финансовой» подпитки и возможностей продвижения на туристском рынке [9]. Более того, понимание дуалистической природы туризма позволяет грамотно осуществлять туристско-рекреационную деятельность, а именно: сначала необходимо осваивать туристское пространство на базовом (географическом) уровне, а уж затем приступать к созданию экономических форм взаимодействия с туристами.

Базовый уровень пространственной организации туризма определяют территориальные туристско-рекреационные системы (ТТРС), являющиеся схематичной и упрощенной моделью туристско-рекреационной деятельности. ТТРС — это дискретные образования, они отражают взаимное расположение объектов сферы рекреации и туризма на конкретной территории. Именно ТТРС определяют сущность туристско-рекреационного пространства, наполняя это пространство реальным содержанием. ТТРС лежат в основе туристско-рекреационных зон и районов, туристских дестинаций, являясь своеобразным «остовом» и определяя их сущность. Преимуществом ТТРС как объекта изучения является нацеленность на анализ внутренних связей, характера отношений между элементами системы, познание сущности явления. При всей своей кажущейся простоте, ТТРС позволяют достаточно полно проанализировать пространственные особенности организации рекреации и туризма, элементарный состав и внутренние связи [8]. Именно поэтому при разработке туристских проектов (в том числе межрегиональных) необходимо опираться на соответствующую ТТРС.

Территориальная туристско-рекреационная система, как любая геосистема, обладает «триединой территориальной структурой», в составе которой рассматриваются: линейно-узловая, территориально-отраслевая и территориально-функциональная структуры [6]. Линейно-узловая структура ТТРС, представляющая собой взаимосвязанные в пространстве точечные (узловые) элементы, роль которых выполняют туристско-рекреационные центры (ТРЦ), и линейные элементы, в качестве которых выступают транспортные пути сообщения (дороги), фактически представляет собой опорный туристско-рекреационный каркас территории. Территориально-отраслевая структура ТТРС включает в себя туристские объекты одного (или близких по характеристикам) вида, что позволяет (на втором «экономическом» уровне) развивать соответствующие виды туризма и формировать тематические маршруты. Территориально-функциональная структура ТТРС предполагает последовательное использование туристских объектов, а также объектов туристской инфраструктуры, в процессе организации тура на конкретной территории (средства размещения, объекты общественного питания, объекты «индустрии развлечений» и др.), что позволяет грамотно выстраивать логистику и в дальнейшем формировать туристско-рекреационные кластеры [3].

Из всех указанных выше структур именно линейно-узловая (т. е. опорный туристско-рекреационный каркас территории), определяет территориальные параметры всей системы. Лишь на основе устойчивого и «здорового» опорного туристско-рекреационного каркаса можно конструировать разнообразные формы пространственной организации туризма. Туристско-рекреационный каркас территории состоит из туристско-рекреационных центров и связывающих их транспортных артерий. В нашем понимании туристско-рекреационный центр — это населенный пункт (или обустроенная локальная территория), обладающий

туристско-рекреационными ресурсами, средствами размещения, объектами общественного питания, транспортной и иной инфраструктурой, обеспечивающей обслуживание туристов [3, С. 15]. Транспортные артерии могут быть представлены полимагистралями, транспортными коридорами, а также железнодорожными магистралями, автомобильными дорогами, речными путями и иными средствами транспортной связи.

Таким образом, проведенный теоретический анализ показал, что в основе пространственной организации туризма лежит территориальная туристско-рекреационная система, опирающаяся на соответствующий туристско-рекреационный каркас территории. Эта конструкция представляет собой базовый уровень, на основе которого создаются многочисленные экономические образования, в том числе туристские маршруты и туристские кластеры. Туристские кластеры (по определению) не могут заменить территориальные туристско-рекреационные системы, так как они формируются на другом — «экономическом» уровне пространственной организации туризма. Геосистемный подход к освоению туристского пространства позволил предложить алгоритм разработки туристских проектов. Сущность его состоит в том, что для эффективного развития туризма на конкретной территории необходимо тотальное освоение туристского пространства, что позволит получить полное представление о туристско-рекреационном потенциале территории. Начальный этап освоения туристского пространства — обследование и картирование опорного туристско-рекреационного каркаса территории и главных его элементов — туристско-рекреационных центров. Современные цифровые технологии позволяют не только составить обширную базу данных о туристско-рекреационных центрах, но и разместить эту информацию на Яндекс.Картах с точной координатной привязкой. На web-портале может быть визуализирован опорный туристско-рекреационный каркас территории. Для проведения прикладных работ по сбору фактической информации был разработан макет электронного Паспорта туристско-рекреационного центра, апробированный на межрегиональном туристском проекте «Западный фасад России» [3, С. 134–139]. В рамках проекта в качестве туристско-рекреационных центров рассматривались города — центры сопредельных областей (Смоленск, Брянск, Калуга), а также районные центры и крупные поселения со значительным туристско-рекреационным потенциалом. Именно эти поселения «связывают» транспортную сеть, что позволяет формировать опорный туристско-рекреационный каркас и развивать туризм на межрегиональном уровне. Фактически это является началом тотального освоения туристского пространства, так как именно туристско-рекреационный каркас позволяет развивать массовый туризм, создавая условия для движения туристских потоков. Именно в этот каркас должны быть «встроены» туристские объекты, создающие туристско-рекреационный потенциал территории.

Паспортизация туристских объектов является следующим шагом в тотальном освоении туристского пространства. Для этих целей также был разработан макет электронного Паспорта туристского объекта [3, С. 127–133]. Паспортизация туристских объектов предполагает не только сбор и обработку большого массива фактической информации, но и экспертную оценку степени готовности объекта к включению в межрегиональный проект (по 100-балльной шкале), а также официальную информацию об организации деятельности юридического лица. Эта информация носит конфиденциальный характер, но она

необходима для обеспечения взаимодействия всех участников процесса формирования межрегионального туристского проекта.

Результаты и обсуждения

Проведенное под эгидой Русского географического общества исследование привело к разработке алгоритма освоения туристского пространства с последующей апробацией на примере конкретного межрегионального туристского проекта «Западный фасад России», охватывающего территорию четырех сопредельных субъектов Российской Федерации. По итогам работы была создана модель пространственной организации межрегионального туристского проекта, основные черты которой отражены в следующих позициях:

– Межрегиональный туристский проект предполагает туристское освоение всей территории (а не отдельных участков) сопредельных областей, входящих в зону реализации проекта.

– Пространственной основой проекта является межрегиональная территориальная туристско-рекреационная система (ТТРС), которая состоит из соответствующих региональных ТТРС, формирующихся в пределах Московской (западный сектор), Смоленской, Калужской и Брянской областей.

– Базовой структурой, определяющей пространственные параметры межрегиональной ТТРС, является опорный туристско-рекреационный каркас территории, который включает в себя туристско-рекреационные центры (города, центры административных районов и др.) и связывающие их транспортные артерии.

– Туристское освоение зоны реализации проекта предполагает первоочередное изучение туристско-рекреационного опорного каркаса на территории всех входящих в зону реализации проекта областей.

– Обследование всех туристско-рекреационных центров осуществляется посредством паспортизации, для чего был создан электронный макет «Паспорта туристско-рекреационного центра» [3, С. 134–139]. При разработке проекта «Западный фасад России» была осуществлена паспортизация 90 туристско-рекреационных центров на территории Брянской (29 центров), Смоленской (30 центров), Калужской (26 центров) и Московской (западный сектор) (5 центров) областей [3, С. 161–163].

– Визуализация опорного туристско-рекреационного каркаса территории осуществляется с использованием Яндекс.Карт на соответствующем web-портале. Там же размещена актуальная фактическая информация по каждому туристско-рекреационному центру, что регламентировано «Спецификацией к разработке web-портала».

– Межрегиональная территориальная туристско-рекреационная система, «опирающаяся» на туристско-рекреационный каркас, включает в себя не только все его элементы, но и основные туристские объекты, которые являются доминантами туристского показа, формирующими туристский поток. Для сбора информации и включения её на web-портал был разработан электронный макет «Паспорта туристского объекта» [3, С. 127–133]. При обследовании зоны реализации проекта «Западный фасад России» было паспортизировано 53 основных туристских объекта на территории сопредельных областей [3, С. 140–149].

– Информационный портал «Западный фасад России» является визуальным интерактивным отражением модели пространственной организации межрегионального туристского проекта. Творческий процесс работы над web-порталом позволил придать «лицо» проекту в виде логотипа, слогана «Познай свою Россию!», основных символов и т. д. Фактически был сформирован бренд, позволяющий продвигать на туристский рынок различные виды турпродукта (туристские маршруты, мероприятия событийного туризма и др.), которые могут быть организованы в рамках единого проекта. Современные технологии позволили не только отразить информацию на web-портале, но и предоставить техническую возможность для «конструирования» собственных маршрутов и практической организации туров в пределах зоны межрегионального туристского проекта.

Разработанная модель представляет собой лишь первый этап межрегионального туристского проекта со стартовой версией web-портала. Дальнейшее развитие проекта предполагает включение в него новых туристских объектов (с соблюдением процедуры паспортизации и экспертной оценки), а также расширение зоны реализации проекта за счет включения новых регионов (областей) с обязательной паспортизацией туристско-рекреационных центров и анализом опорного туристско-рекреационного каркаса территории.

Таким образом, в результате исследования были получены следующие результаты:

– Подготовлены научно-методические рекомендации [3] и предложен алгоритм тотального освоения туристского пространства и формирования межрегиональных туристских проектов (на примере Межрегионального туристского проекта «Западный фасад России»).

– Создана база данных основных туристских объектов и туристско-рекреационных центров в зоне реализации проекта «Западный фасад России» на территории Московской (западный сектор), Смоленской, Калужской и Брянской областей. Для этих целей были разработаны электронные макеты Паспорта туристского объекта и Паспорта туристско-рекреационного центра. Всего паспортизировано 53 туристских объекта на территории четырех субъектов федерации и 90 туристско-рекреационных центров. Все паспортизированные туристские объекты указаны на интерактивной Яндекс.Карте web-портала с точной координатной привязкой.

– Создана стартовая версия Информационного портала Межрегионального туристского проекта «Западный фасад России», который размещен в открытом доступе сети Интернет: <https://westfacad.ru/>. Web-портал представляет собой информационно-технологическую основу туристского проекта, позволяющего не только получать актуальную информацию о туристских объектах и центрах, но и создавать индивидуальные маршруты на собственной Яндекс.Карте в личном кабинете (раздел «Мой маршрут») за счет инновационной функции портала «Туристский конструктор». Для создания полноценных туристских маршрутов на портале указан ещё один вид элементов, а именно: памятники, памятные места, краеведческие и тематические музеи и др. Эти элементы получили название «Туристские объекты на маршруте». Таким образом, стартовая версия портала включает более 250 объектов сферы туризма с актуальной информацией. Функциональные возможности портала позволяют выходить на сайты всех туристских объектов и туристско-рекреационных центров, включенных в проект «Западный фасад России», что позволяет конструировать групповые и индивидуальные туры. Главными элементами портала выступают уникальные

туристские объекты. Вместе с тем, технические возможности портала позволяют дополнять его многочисленными новыми элементами, что способствует дальнейшему эффективному развитию проекта. Одним из перспективных направлений развития проекта является включение на портал объектов сельского туризма, что подчеркнет важность тотального освоения туристского пространства.

Предложенная методика освоения туристского пространства и разработанный межрегиональный проект «Западный фасад России» были представлены широкой общественности и профессиональному сообществу во главе с Федеральным агентством по туризму (Ростуризм) на презентации в июне 2020 года. Комиссия Русского географического общества по развитию туризма в мае 2021 года официально рекомендовала методику тотального освоения туристского пространства к внедрению в практику развития туризма. В настоящее время работы по проекту «Западный фасад России» перешли в практическую плоскость: научно-методическим сопровождением реализации проекта занимается Лаборатория туристско-рекреационных исследований Смоленского научно-образовательного центра; административное сопровождение проекта организует Туроператор по внутреннему и международному въездному туризму «Смоленск Трэвел» (г. Смоленск); техническую поддержку портала осуществляет ООО «Твинс» (г. Смоленск). Кроме того, в реализации проекта задействованы представители всех регионов, входящих в зону проекта, и муниципальных образований, а также руководители основных туристских объектов и представители туристского бизнеса. При этом разработанный проект нуждается в создании Координационного совета при поддержке региональных администраций и Федерального агентства по туризму. Научно-методические разработки и проектные решения на этапе внедрения нуждаются в политической воле руководителей региональных администраций и административном ресурсе Ростуризма.

Выводы

Впервые теоретические разработки, базирующиеся на геосистемном подходе и теории территориальных туристско-рекреационных систем (ТТРС) с использованием опорного туристско-рекреационного каркаса территории, были воплощены в реальном туристском проекте. В частности, в стартовой версии web-портала Межрегионального туристского проекта «Западный фасад России» <https://westfacad.ru/> визуализирован опорный туристско-рекреационный каркас территории: на Яндекс.Карте, содержащей транспортные пути, были размещены (с точной координатной привязкой) туристско-рекреационные центры (города и другие населенные пункты, располагающие туристской инфраструктурой) и основные туристские объекты. Главный итог исследования, проведенного под эгидой Русского географического общества, состоит в разработке методики тотального освоения туристского пространства. Сущность предложенного алгоритма состоит в следующем: для эффективного развития туризма на конкретной территории необходимо сплошное (тотальное) освоение туристского пространства, что позволит получить полное представление о туристско-рекреационном потенциале всей территории. Первый шаг в освоении туристского пространства — изучение (и картографирование) опорного туристско-рекреационного каркаса территории и главных его элементов — туристско-

рекреационных центров. После этого необходимо исследовать и нанести на карту главные туристские объекты, которые составляют основу туристско-рекреационного потенциала. Таким образом, мы получаем представление о территориальной туристско-рекреационной системе (ТТРС), которая является «остовом» (можно сказать — «скелетом») соответствующего туристского пространства. ТТРС представляет собой базовый, «географический» уровень пространственной организации туризма. И уже на этом фундаменте формируется экономический (маркетинговый) уровень, где создается туристский продукт (турмаршруты, туристские кластеры и др.) [3].

Алгоритм освоения туристского пространства может быть полезен для развития туризма во всех регионах России. Использование единой методики по всей территории страны, а, возможно, создание (в перспективе) единого национального информационного портала, отражающего опорный туристско-рекреационный каркас России и основные туристские объекты, позволят совершить «прорыв» в развитии внутреннего и въездного туризма. Или, по крайней мере, сделают более систематизированной и доступной информацию для туристов. В любом случае, туристско-рекреационная деятельность должна базироваться на добротных научно-методических основах. Географическая наука в полной мере предоставляет такую возможность.

Литература

1. Зырянов А. И. География туризма: от теории к практике: монография / Пермский гос. нац. исслед. университет. Пермь, 2018. 416 с.
2. Кружалин В. И., Мажар Л. Ю. Межрегиональные туристские проекты: актуальные проблемы формирования и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Естественные науки. 2019. № 2. С. 4–53.
3. Мажар Л. Ю. и др. Межрегиональный туристский проект «Западный фасад России» / Науч. ред. В. М. Котляков. Смоленск: Свиток, 2020. 240 с.
4. Мозгунов Н. А. Сельский туризм как фактор развития территории (на примере развития Орловской области) // Региональные исследования. 2010. № 2 (28). С. 69–82.
5. Карасев А. С., Мажар Л. Ю. Методы исследования туристско-рекреационных ресурсов [Электронный ресурс]. Саранск, 2016. Режим доступа: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:32471:16509459>
6. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 303 с.
7. Мироненко Н. М., Твердохлебов И. Т. Рекреационная география. М.: Изд-во Московского университета, 1981. 208 с.
8. Мажар Л. Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы: теория и практика формирования // Вопросы географии № 139. Теория и практика туризма. М.: Издательский дом «Кодекс», 2014. С. 62–79.
9. Котляков В. М., Кружалин В. И., Мажар Л. Ю. Научно-методические основы разработки межрегионального туристского проекта «Западный фасад России» // ТУРИЗМ и РЕКРЕАЦИЯ: фундаментальные и прикладные исследования. Труды XV Международной научно-практической конференции / Под ред. В. И. Кружалина. Т.15. Тверь: Тверь, 2020. С. 32–46.

L. Mazhar

Scientific and methodological basis for the development of tourist space

Smolensk Centre for Research and Education, Smolensk,
Russian Federation

e-mail: larisamazhar@yandex.ru

Abstract. *The article reveals the theoretical foundations of the tourism spatial organization based on the territorial tourist and recreational system (TTRS). The foundation of this system is constituted by the supporting tourist and recreational space frame of the territory. The comprehensive study of this framework contributes to the total development of the tourist space. The proposed methodology was duly tested in the development of the Interregional Tourist Project “Western Facade of Russia”, which was carried out under the auspices of the Russian Geographical Society. This approach can be recommended for implementation in other regions of Russia.*

Keywords: *tourist space, territorial tourist and recreational system, supporting tourist and recreational space frame of the territory, tourist center, tourist object.*

References

1. Zyryanov A. I. Geografiia turizma: ot teorii k praktike: monografiya. Permskiy gos. nach. universitet. Perm, 2018. 416 p. (in Russian).
2. Kruzhalin V. I., Mazhar L. Yu. Mezhregionalnie turistskie proekty: aktualnye problemy formirovaniya i perspektivy razvitiya. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Estestvennye nauki. 2019. no. 2. pp. 4–53. (in Russian).
3. Mazhar L. Yu. i dr. Mezhregionalniy turistskiy proekt “Zapadniy fasad Rossii”. (ed.) V. M. Kotlyakov. Smolensk: Izdatelstvo “Svitok”, 2020. 240 p. (in Russian).
4. Mozgunov N.A. Selskiy turizm kak faktor razvitiya territorii (na primere Orlovskoy oblasti). Regionalnye issledovaniya. 2010. no. 2 (28). pp. 69–82. (in Russian).
5. Karasev A.S., Mazhar L.Yu. Metodi issledovaniya turostsko-rekreacionnih resyrsov [Electronic resource]. Saransk, 2016. URL: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:32471:16509459>. (in Russian).
6. Maergoiz I. M. Territorialnaya struktura hozyaistva. Novosibirsk: Nauka? 1986. 303 p. (in Russian).
7. Mironenko N. S., Tverdohlebov I.T. Rekreacionnaya geographiya. M.: Izdatelstvo moskovskogo universiteta, 1981. 208 p. (in Russian).
8. Mazhar L. Yu. Territorialnie turostsko-rekreacionnie sistemi: teoriya i praktika formirovaniya. Voprosi geographii no. 139. Teoriya i praktika turizma. M.: Izdatelskiy dom “Kodeks”, 2014. pp. 62–79. (in Russian).
9. Kotlyakov V. M., Kruzhalin V. I., Mazhar L. Yu. Nauchno-metodologicheskie osnovi razrabotki mezhregionalnogo turistskogo proekta “Zapadniy fasad Rossii”. Turizm i rekreaciya: fundamentalnie i prikladnie issledovaniya: Trudi XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii. Vol. 15. Tver: Tver , 2020. pp. 32–46. (in Russian).

Поступила в редакцию 25.05.2021 г.

УДК 911.3

Д. В. Мартемьянов¹,
А. И. Даньшин²

***Территориальные и внутриотраслевые
структурные сдвиги в сельском
хозяйстве Таджикистана и Киргизии***

^{1,2} ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: dany-c1998@yandex.ru¹, alivda@yandex.ru²

Аннотация. Статья посвящена трансформации сельского хозяйства в Таджикистане и Киргизии за постсоветский период. Анализ структурных и территориальных сдвигов позволил выделить основные направления развития отрасли в указанных странах. Исследование показало полную противоположность структур как с точки зрения распределения посевной площади, так и производства продукции между категориями хозяйств, связанную с институциональными изменениями — сдвигом в укладах. Установлено, что некоторые районы с товарным производством в прошлом ориентируются на натуральное хозяйство, отражая произошедшую деградацию производства.

Ключевые слова: структурные сдвиги, территориальные сдвиги, география сельского хозяйства, постсоветское пространство, Таджикистан, Киргизия.

Введение

С момента распада СССР минуло 30 лет, что делает актуальным анализ влияния произошедших геополитических трансформаций на экономику, в том числе и на сельское хозяйство постсоветских стран в период рыночного развития. Эта работа может стоять в одном ряду со множеством исследований постсоветских трансформаций в различных областях жизнедеятельности почти всех республик бывшего СССР, однако географические исследования сельского хозяйства не так часто встречаются. Рассмотрение именно Киргизии и Таджикистана во многом связано с тем, что данные страны имеют тесные, налаженные связи с Россией, перед распадом СССР имели примерно одинаковый базис экономики, а в настоящее время, несмотря на географическую близость и относительно равные «стартовые условия», серьезно различаются по многим параметрам современного сельского хозяйства. Географические факторы развития этих государств предполагают значительную дифференциацию многих элементов хозяйства и общества. В обеих странах сельское хозяйство остается важнейшим сектором экономики. К тому же, эти страны относительно малоизучены и в меньшей степени упоминаются в литературе о «переходном периоде» [1; 2].

В работе предполагается выявить сдвиги в сельском хозяйстве Таджикистана и Киргизии с учетом устоявшегося в научном сообществе понимания структурных и территориальных сдвигов за счет анализа структурного изменения вклада различных категорий хозяйств в сельскохозяйственное производство в постсоветский период.

Методологическая основа сформирована на основе работ ученых: экономико-географов, экономистов, представителей аграрного направления науки.

Материалы и методы

Изучение изменений (сдвигов) в различных отраслях производства и экономики регионов, стран в целом является необходимым для установления сути происходящих процессов и направления их развития. Структурные и территориальные сдвиги — неотъемлемый аспект развивающейся экономики [3]. Отметим отсутствие четкой дефиниции понятия, что позволяет исследователям часто трактовать термин, исходя из целей и задач работы. «Новый Палгрейв: словарь по экономике», один из авторитетных словарей, определяет сдвиг как «...изменение относительного веса важных компонентов агрегированных показателей экономики, таких как национальный продукт и расходы, экспорт и импорт, а также население и рабочая сила» [4]. Для характеристики структуры сельскохозяйственной отрасли мы опираемся на определение В. В. Ивантера, обобщившего исследование в экономике структурных сдвигов и характеризующего структуру экономики в целом как количественную сторону в соответствии с долей, которую занимает отрасль в системе производства [5]. У него сдвиг — изменение (важное — существенное) этой количественной стороны. На протяжении 100 лет понимание процесса структурных сдвигов почти не менялось. Первый пятилетний план СССР подразумевал под структурными сдвигами в сельском хозяйстве изменение удельного веса главнейших отраслей сельского хозяйства [6]. На этих же принципах строится анализ в диссертации А. Д. Ступова — одной из первых в СССР (1963 г.), посвященной структурным сдвигам в экономике в целом и в сельском хозяйстве в частности [7]. Дальнейшие работы придерживаются примерно такой же позиции. Л. Б. Вардомский, как автор, сочетающий в своих исследованиях принципы экономической географии и экономики, занимающийся сдвигами последние 40 лет, рассматривает структурные изменения в экономике как изменения в отраслевой структуре ВДС [8]. То есть, и экономисты, в том числе занимающиеся территориальной организацией сельского хозяйства, и экономико-географы сходятся на том, что структурные сдвиги в сельском хозяйстве оказываются обусловленными процессами перестроения экономики, развитием новых форм хозяйствования и аграрных рынков. Связаны они с трансформационными процессами в институциональной, организационной, технологической сфере.

Интерес к количественной оценке структурных изменений (сдвигов) повышается в переломные для экономического развития периоды. По мнению О. Ю. Красильникова, занимавшегося в своей диссертации исследованием структурных сдвигов в экономике России переходного периода, понятие сдвигов в наибольшей степени отражает характер протекающих в экономических структурах трансформационных процессов [9]. Математическая статистика оперирует конкретным и устоявшимся набором показателей для анализа сдвигов. Важнейшими являются индексы Казинца, Гатева, Салаи. В этих же целях в аграрных исследованиях применяется критерий В. М. Рябцева (изменяется от 0 до 1, от полной идентичности до полной противоположности структур соответственно, при этом значения выше 0,150 характеризуют существенный

структурный сдвиг) [10], который, на наш взгляд, наиболее полно позволяет решить поставленные во введении задачи:

$$JR = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_{it} - x_{it-1})^2}{\sum_{i=1}^n (x_{it} + x_{it-1})^2}} \quad (1),$$

где x_{it} — доля i -й отрасли в валовом показателе в период t ;
 n — число элементов рассматриваемой совокупности.

Данная формула может использоваться не только в экономической науке, но и в географических исследованиях, поскольку позволяет выявить территориальные сдвиги, произошедшие в производстве (отразить их масштаб), если принять единицы АТД за элементы структуры в отношении какого-либо абсолютного показателя. Мы используем эту закономерность для исследования как территориальных по АТД (по производству), так и структурных сдвигов (по продуктам). Имеет смысл сравнивать производственные сдвиги между регионами, но это не входит в задачи исследования. Кроме того, важнейшим методом, позволившим выявить территориальные сдвиги в производстве, стал кластерный анализ.

Результаты и обсуждение

Условия развития сельского хозяйства рассматриваемых стран одновременно и схожи, и различны, особенно с точки зрения природной компоненты. Киргизия находится несколько севернее Таджикистана. Важнейшей физико-географической особенностью исследуемого региона является горный рельеф. Горы занимают 85% территории, а орографический аспект абсолютно определяет развитие и специализацию сельскохозяйственного производства в любой исторический период. Наличие равнинных пространств влечет увеличение доли растениеводства. Однако в рассматриваемых странах за последние 30 лет изменения происходили под влиянием экономико-политических процессов, способствовавших дифференциации производства, связанной с физико-географическими условиями, и увеличению различий в сельскохозяйственной организации территории. Институциональный фактор пронизывает все остальные отрасли, но в сельском хозяйстве исследуемых стран имеет не первостепенное значение. Киргизия — открытая и демократическая страна, а в Таджикистане роль лидера страны очень значима, что накладывает отпечаток на развитие государств. Киргизия провела референдум по земельному вопросу в середине 1990-х гг. (земля находится в частной собственности), с помощью иностранных специалистов разработала отраслевые программы для приоритетных секторов в условиях изменения климата, в которые вошел и аграрный сектор. Актуальны для горных регионов страны усилия, направленные на комплексное управление пастбищами.

С распадом СССР крупные государственные предприятия в большинстве своем прекратили существование, но им на смену пришли сельскохозяйственные организации акционерного типа, появились новые формы (индивидуальные предприниматели, фермерские (дехканские) хозяйства). Уменьшение размеров хозяйств по площади привело к росту доли ручного труда в производстве продукции стран. Значительных внутриотраслевых структурных сдвигов не наблюдается, однако малый бизнес, менее товарный, становится все активнее.

В Таджикистане до 1997 г. сохранялись советские типы хозяйств, а земля до сих пор находится в собственности государства (возможны операции на рынке земли под видом передаваемых прав). Лишь после 2007 г. начались реформы, связанные с введением рыночных механизмов для стимулирования отрасли и развития фермерства. Наибольшие структурные сдвиги в отрасли произошли ввиду появления фермерских хозяйств, которые стали преемниками общественных сельскохозяйственных предприятий, они же — ведущие производители продукции. В структуре посевных площадей и производстве продукции произошли наиболее мощные сдвиги, вплоть до полного изменения структур (Таблица 1). Именно постепенная институционализация фермерства и реорганизация колхозов были драйверами этого сдвига.

Таблица 1

**Институциональный сдвиг постсоветского периода
(структура производства по категориям хозяйств, %)**

		Киргизия			Таджикистан (* — 1998)		
		1990	2019	JR	1991	2016	JR
Посевная площадь	Общественный сектор	93	4	0,942	63	14	0,714
	Хозяйства населения	7	13		37	21	
	Дехканские хозяйства	0	83		0	65	
Производство продукции	Общественный сектор	45	1,5	0,611	52*	4	0,437
	Хозяйства населения	55	40,5		46*	72	
	Дехканские хозяйства	0	58		2*	24	

Составлено авторами

Стартовые условия развития отрасли в странах были одинаковые — в 1995 г. они производили по 0,5 млрд долл. США сельхозпродукции, а сельское хозяйство играло одинаковую роль в экономиках. К 2019 г. доля сельского хозяйства в ВДС значительно сократилась (на 17,5 п. п. для Таджикистана и 28,5 п. п. для Киргизии), возросло валовое производство (в 2,2 раза в Киргизии и в 3,7 раза в Таджикистане в сопоставимых ценах). На 2018 г. Таджикистан оставался более аграрной страной, чем Киргизия, институты социальной сферы развивались менее успешно.

Растениеводство в Киргизии, демонстрирующее экстенсивное развитие, в последние 30 лет увеличило свою долю до 54% в сельскохозяйственной продукции, тогда как в советское время животноводство доминировало. В Таджикистане растениеводство за счет более южного положения и наличия больших площадей равнинных пространств остается очень значимым, достигая 70% в ВПС, но постепенно доля животноводства увеличивается. Территориальные сдвиги по регионам Киргизии характеризуются низким уровнем различий (0,108). Основные изменения произошли ввиду уменьшения площадей в Нарынской области, самой высокогорной, но и самой бедной с существенной эмиграцией населения. В Таджикистане важные территориальные сдвиги будут рассмотрены ниже, однако и структурные сдвиги более значительны (Таблица 2).

Таблица 2
Структурные сдвиги в посевных площадях Киргизии и Таджикистана
(доля групп культур в общей посевной площади, %)

КИРГИЗИЯ	2006	2019	JR	ТАДЖИКИСТАН	2006	2019	JR
Зерновые	66	70	0,053	Зерновые	46	54	0,111
Сахарная свекла	1	2		Хлопчатник	30	21	
Хлопчатник	5	3		Картофель	3	5	
Табак	1	0		Овощи	4	7	
Масличные культуры	8	3		Бахчи	1	0	
Картофель	8	9		Кормовые	15	13	
Овощи	4	6					
Бахчи	1	1					
Плодово-ягодные	5	6					
Виноград	1	1					

Составлено авторами

Значительные сдвиги произошли в эффективности производства (более 100% за период), поскольку рыночные механизмы требуют совершенствования технологии для снижения издержек. Это характерно для всей номенклатуры продукции стран (Таблица 3). Большое значение имеет и эффект базы (особенно в Таджикистане). Произошло «вытягивание» урожайности на более адекватные современным реалиям показатели (механизация, химизация, севооборот), но далеко не максимальные для соответствующих природных условий. До сих пор остро стоит проблема совершенствования поливов для рационального использования воды.

Таблица 3
Структурные сдвиги в эффективности производства в Киргизии и Таджикистане
(урожайность сельскохозяйственных культур, ц/га)

	КИРГИЗИЯ			ТАДЖИКИСТАН		
	1990–1995	2015–2019	Δ, %	1990–1995	2012–2016	Δ, %
1	2	3	4	5	6	7
Пшеница	23,3	24,3	4	11,2	31,1	178
Ячмень	20,2	22,2	10
Кукуруза на зерно	51,1	63,7	25	33,5	111,9	234
Рис	14,8	35,2	138	22,4	68,2	205
Сахарная свекла	176,3	477,6	171
Хлопок-сырец	24,3	31,9	31	22,3	20,2	-9
Табак	22,7	24,5	8
Масличные культуры	8,4	11,4	35
Картофель	119,4	167,9	41	128,4	232,8	81
Овощи	160,0	195,6	22	178,7	286,9	61

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7
Бахчи	95,2	218,9	130
Фрукты	27,4	48,8	78	31,1	35,9	16
Виноград	40,1	15,9	-60	41,4	55,9	35

Составлено авторами

Животноводство продолжает играть важную роль в производстве обеих стран в первую очередь для внутреннего обеспечения продукцией (Таблица 5). В советское время производство продукции основывалось на научных принципах с учетом высотной поясности и соблюдением сезонного пастбищеоборота. На первый план выходили показатели продуктивности каждого животного без достижения оптимальной рентабельности производства в целом. Наибольшие внутриотраслевые сдвиги в структуре поголовья происходили до 2000 г. в обеих странах, в дальнейшем эти процессы стабилизировались (низкий уровень сдвигов по JR). Особенностью современной Киргизии является рост доли лошадей как индикатора восстановления рабочего поголовья (замена техники).

Таблица 5

Структурные сдвиги в поголовье сельскохозяйственных животных в Киргизии и Таджикистане (доля группы животных в общем поголовье, %)

	КИРГИЗИЯ			JR ₁₉₉₀₋₂₀₁₉ = 0,215	ТАДЖИКИСТАН		JR = 0,051
	1990	2000	2019		2000	2016	
Коровы	16	29	30	JR ₂₀₀₀₋₂₀₁₉ = 0,032	52	51	
Свиньи	6	3	1		0	0	
Овцы и козы	58	40	42		39	45	
Лошади	12	25	23		8	4	
Домашняя птица	9	3	4		

Составлено авторами

Территориальные сдвиги на уровне районов наиболее интересно оценить по Таджикистану (2005–2016 гг.), где процесс изменений был более коротким по времени и более интенсивным по содержанию. Рассмотрим сдвиги на примере производства зерна и мяса (Рис. 2). Критерий Рябцева (JR) по этим видам продукции равен 0,142 и 0,112, что характеризует низкий уровень территориальных различий.

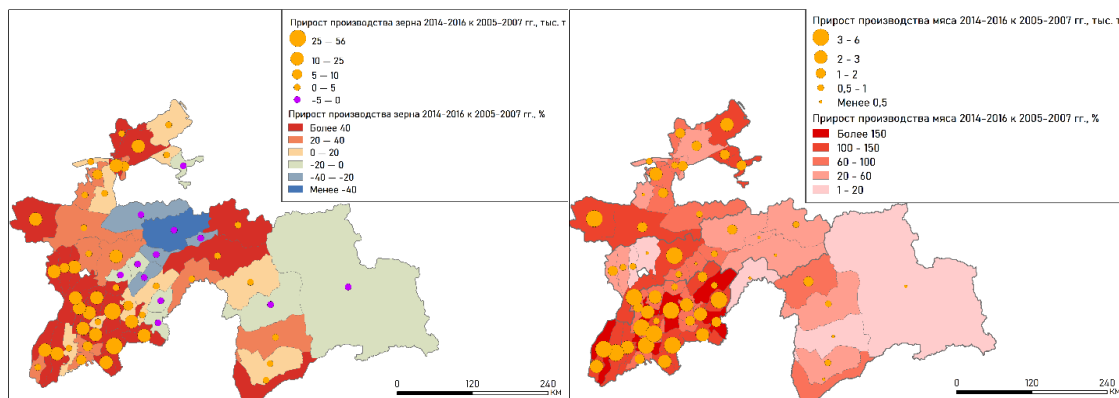

Рис. 2. Территориальные сдвиги в производстве зерна (слева) и мяса в Таджикистане.

Составлено авторами

В пространственном отношении производство зерна значительно уменьшилось в горных районах (Каратегинский и Алайский хр.) с экстремальными условиями для выращивания культур. В остальных районах, особенно в равнинных, показатели или сохранились или увеличились. Лидером в производстве зерна остается Дангаринская степь (центральная часть Хатлонской обл., район нового орошаемого освоения) — 8%. С Фархорским районом они являются лидерами по увеличению вклада в производство (по 2,5%). Районы-лидеры 2000-х гг. несколько уменьшили свое значение, а середняки заняли ведущие позиции. В производстве мяса сдвиг почти нулевой, что связано со сложностями перераспределения структуры производства между районами (опора только на природные кормовые угодья). Наибольшее увеличение вклада в производство связано с Дангаринским районом, во многих районах-лидерах начального периода наоборот произошло значительное снижение вклада (Гиссар, Гафуров, Турсунзаде — Центральный Таджикистан), несмотря на рост производства. Лидером стал пристоличный Вахдат.

Трансформации в специализации отражают территориальные сдвиги более комплексно. Для этой цели проведен кластерный анализ по абсолютным нормированным значениям производства 4 важнейших видов продукции для экономики и самообеспечения — зерно, хлопчатник, молоко и мясо за период 2005–2007 и 2014–2016 гг. (рис. 2).

Выявлены 5 устойчивых кластеров, позволяющих говорить о трансформации сформировавшихся типах сельского хозяйства внутри этих категорий. Районы с максимальным интенсивным производством всех продуктов специализацию не поменяли, это важнейшие области орошаемого хлопководства. В горных районах, где упор в основном делается на самообеспечение населения, кластеризация показала меньшую значимость исследуемых продуктов, но всё же животноводческая составляющая в некоторых районах возросла. В районах Гиссар и Турсунзаде (одних из главных производителей сельскохозяйственной продукции) произошла драматическая деградация хозяйства с переходом скорее в натуральное, однако многие позиции районов все еще значимы. Понимание причин таких серьезных изменений требует дополнительного изучения других факторов, влияющих на сдвиги, например, эмиграции узбекского населения из этих районов. Но в целом, кластерная модель дополнила используемые ранее

методы и позволила определить основные сдвиги в специализации малых территорий муниципального уровня, что сложно сделать при описательном взгляде на данные.

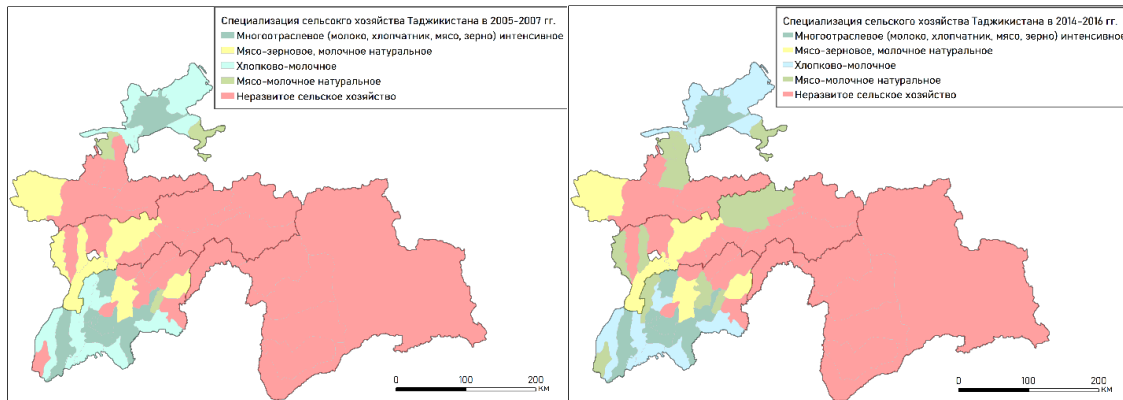

Рис. 3. Изменения специализации районов Таджикистана, выявленные на основе кластерного анализа.

Составлено авторами

Выводы

Анализ структурных сдвигов показал, что факторы, влияющие на них, могут быть связаны с изменением политической и экономической ситуации в Таджикистане и Киргизии:

- В исследуемых странах произошел практически полный отказ от крупных предприятий с доминированием в структуре производства и посевных площадей хозяйств населения и крестьянских (деханских) хозяйств, что означает с одной стороны, завершающийся переход к рыночным отношениям, а с другой — сохраняющийся высокий уровень ручного труда, малоземелье, низкую производительность хозяйств и натуральный тип производства, ориентированный исключительно на внутривозвращенное самообеспечение;

- Несмотря на примитивизацию уклада, урожайность культур за постсоветский период выросла, что стало следствием введения новых сортов, химизации и механизации, применения усовершенствованных севооборотов (совместные исследования местных и европейских ученых). Рыночные механизмы позволили мелким хозяйствам стать эффективнее общественных (но именно крупным хозяйствам, ориентированным на государственную продовольственную безопасность, оказывается максимальная поддержка). Продуктивность сельскохозяйственных животных в малых формах хозяйств остается катастрофически низкой, так как они связывают свое развитие с товарным растениеводством. Различия выявляются в сдвигах уровня урожайности отдельных культур между странами ввиду складывающейся разной рыночной специализации;

- Наибольшие сдвиги произошли в обрабатываемых землях, они несут скорее структурный (отказ от трудоемких культур — хлопчатника), а не территориальный характер, но со становлением рыночных отношений заметно абсолютное сокращение площадей в низкопродуктивных и наиболее суровых в климатическом отношении регионах, которые ранее в условиях планового

хозяйства имели существенные посевные площади, а на современном этапе развития экономики стали неконкурентоспособными (Нарынская область);

• Выявленные направления сдвигов в специализации позволили определить наиболее развитые в сельскохозяйственном отношении районы, а также на локальном уровне проследить комплексное изменение в производстве той или иной продукции. На данном этапе исследования кластерная модель требует совершенствования путем добавления новых показателей, которые способны дать более целостное представление о производстве и его изменениях с последующей аналитической интерпретацией результатов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГО «Постсоветское пространство глазами географов: 30 лет спустя»

Литература

1. Spoor M. Agrarian transition in former soviet Central Asia: A comparative study of Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan. ISS Working Paper Series. General Series. 1999. Vol. 298. pp. 1–29.
2. Шен Цюн. Анализ сельскохозяйственного сотрудничества Китая и Центральной Азии в рамках стратегии «Один пояс, один путь» // Журнал Хэнаньского сельскохозяйственного университета. 2016. Т. 50. № 1. С. 140–146.
3. Goddard E. et al. Economics of structural change in agriculture // Canadian Journal of Agricultural Economics. Revue canadienne d'agroeconomie. 1993. Vol. 41, Ussue 4. pp. 475–489.
4. Durlauf S. N. et al. (ed.). The new Palgrave dictionary of economics. London, UK: Palgrave Macmillan, 2008.
5. Белкин В. Д., Ивантер В. В. Плановая сбалансированность: установление, поддержание, эффективность. Экономика, 1983.
6. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР / Госплан СССР. 3-е изд. Москва: Плановое хозяйство, 1930.
7. Ступов А. Д. Социалистическое преобразование и структурные сдвиги в сельском хозяйстве Болгарии: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Акад. наук СССР. Ин-т экономики мировой соц. системы. Москва: 1963.
8. Вардомский Л. Б., Пылин А. Г. Структурно-экономические изменения в странах СНГ в 1991–2012 гг.: тенденции и перспективы // Россия и современный мир. 2014. №. 1 (82).
9. Красильников О. Ю. Структурные сдвиги в экономике. 2001.
10. Федорченко А. В. Количественная оценка и картографирование территориальных сдвигов в отраслях мирового хозяйства // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 1.

**D. Martemianov¹,
A. Danshin²**

Territorial and intra-sectoral structural shifts in agriculture in Tajikistan and Kyrgyzstan

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
e-mail: dany-c1998@yandex.ru¹, alivda@yandex.ru²

Abstract. *The article is devoted to the transformation of agriculture in Tajikistan and Kyrgyzstan in the post-Soviet period. Analysis of structural and territorial shifts made it possible to identify the main directions of development of the industry in these countries. The study showed the complete opposite of the structures, both in terms of the distribution of the cultivated area and the production of products between the categories of farms, associated with institutional changes - a shift in patterns. It has been established that some areas with commercial production in the past are oriented towards subsistence farming, reflecting the degradation of production that has taken place. To analyze structural and territorial shifts, we used the Ryabtsev criterion, statistical analysis and cluster analysis. The data has been visualized. So, in the studied countries there was an almost complete rejection of large enterprises. Now in the structure of production and sown areas, households of the population and peasant farms predominate. This means, on the one hand, the completion of the transition to market relations, and on the other hand, the continuing high level of manual labor, land shortages, low productivity of farms and a natural type of production. The crop yield in the post-Soviet period has increased, which was the result of the introduction of new varieties, chemicalization and mechanization, and the use of improved crop rotations. Market mechanisms allowed small farms to become more efficient than large ones. Differences are revealed in the shifts in the level of productivity of individual crops between countries due to the emerging different market specialization. The productivity of farm animals in small forms of farms remains catastrophically low. The greatest shifts have taken place in the area of cultivated land; they are more structural than territorial in nature. With the formation of market relations, an absolute reduction in areas is noticeable in the regions with low productivity and the most severe in climatic terms, which at the present stage of economic development have become uncompetitive (Naryn oblast). The identified directions of shifts in specialization made it possible to determine the most agriculturally developed regions, as well as to trace a complex change in the production of a particular type of agricultural products at the local level. At this stage of the research, the cluster model requires improvement by adding new indicators that can give a more holistic view of production and its changes, followed by an analytical interpretation of the results.*

Keywords: *structural shifts, territorial shifts, geography of agriculture, post-Soviet space, Tajikistan, Kyrgyzstan.*

References

1. Spoor M. Agrarian transition in former soviet Central Asia: A comparative study of Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan. ISS Working Paper Series. General Series. 1999. Vol. 298. pp. 1–29.
2. Shen Q. Analysis of agricultural cooperation between China and Central Asia in the framework of the strategy “One Belt, One Road”. Journal of Henan Agricultural University. 2016. vol. 50. No. 1. pp. 140–146. (in Russian).
3. Goddard E. et al. Economics of structural change in agriculture. Canadian Journal of Agricultural Economics. Revue canadienne d'agroeconomie. 1993. Vol. 41, Ussue 4. pp. 475–489.
4. Durlauf S. N. et al. (ed.). The new Palgrave dictionary of economics. London, UK: Palgrave Macmillan, 2008.

5. Belkin V. D., Ivanter V. V. Planned balance: establishment, maintenance, efficiency. Economics, 1983. (in Russian).
6. Five-year plan of national economic development of the USSR. State Planning Committee of the USSR. 3rd ed. Moscow: Planned economy, 1930. (in Russian).
7. Stupov A. D. Socialist transformation and structural changes in agriculture in Bulgaria: Dr. econ. Sciences. Acad. Sciences of the USSR. Institute of World Social Economics. systems. Moscow: 1963. (in Russian).
8. Vardomsky L. B., Pylin A. G. Structural and economic changes in the CIS countries in 1991–2012: trends and prospects. Russia and the modern world. 2014. no. 1 (82). (in Russian).
9. Krasilnikov O. Yu. Structural shifts in the economy. 2001. (in Russian).
10. Fedorchenko A. V. Quantitative assessment and mapping of territorial shifts in the sectors of the world economy. Bulletin of Moscow University. Ser 5. Geography. 2017. Vol. 1. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.06.2021 г.

УДК 631.15

С. В. Пашков¹,
Г. З. Мажитова²

**Сельский туризм как детерминанта
сервисной экономики староосвоенных
районов Казахстана**

^{1,2}Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева,
г. Петропавловск, Республика Казахстан
e-mail: sergp2001@mail.ru¹

Аннотация. Сельское экзистическое пространство Северо-Казахстанской области, зародившись в XVIII в., пережив периоды расцвета во время столыпинской аграрной реформы и целинной кампании, в постсоветский период переживает деградацию в связи с массовым оттоком населения в городскую местность и переездом в Российскую Федерацию. Причиной этого является катастрофическая безработица, обусловленная технологическим перевооружением сельского хозяйства и отсутствием непроемкой сферы на селе. На основе и в связи с территориальными исследованиями сделан SWOT-анализ и предложены перспективные направления сельского туризма — наиболее устойчивой детерминанты сервисной экономики староосвоенных районов.

Ключевые слова: агротуризм, дестинация, Северо-Казахстанская область, сельская экономика, SWOT-анализ

Введение

В допандемийном 2019 г. мировой ВВП составил 87,752 трлн долларов, из которых 9,2 трлн (10,4%) обеспечила туристская отрасль. По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, в 2020 г. доля участия туризма и путешествий в мировом ВВП рухнула на 49,1%, составив в абсолютном выражении лишь 4,7 трлн долларов (5,5%), число занятых в отрасли сократилось с 334 до 272 млн человек [1].

Именно события, связанные с распространением коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг., обусловившие закрытие границ между странами, а также интегративное влияние социально-экономических, политических, экологических и др. рисков, характерных для главных туристских регионов мира (Передняя Азия, Северная Африка, Закавказье и др.), инициировали поиск резервов для диверсификации и развития новых форм внутреннего туризма. Одной из таковых является сельский туризм, получивший широкое распространение в странах Запада как по вкладу в формирование туристского продукта, так и по числу реципиентов его услуг, занимая стабильное II место после пляжного туризма по данным показателям.

Зародившись в странах ЕЭС в 80-х гг. прошлого века, сельский туризм сформировался как некий компенсационный механизм традиционного агробизнеса. Помимо страхования посевов от неурожая или, напротив, обвала цен при перепроизводстве аграрной продукции, он обеспечивал фермерам дополнительный гарантированный доход. В странах Восточной Европы после распада соцлагеря, а вместе с ним и плановой экономики с фиксированными

ценами, как на сельхозпродукцию, так технику и ресурсы, сельский туризм помог снивелировать в 90-х гг. последствия кризисных явлений в аграрной экономике. Впоследствии объекты сельского туризма Зарубежной Европы, благодаря совместной поддержке государства и различных туристских ассоциаций, объединились в единую дестинацию с определенными внутренними социально-экономическими и информационно-коммуникационными различиями [2; 3].

В настоящее время число потребителей услуг сельского туризма в мире неуклонно возрастает, с учетом пандемийных ограничений на выезд данный вид туризма стал наиболее популярным в зарубежных странах, что вызвало новую волну интереса к рассмотрению этого явления и целесообразности развития в Казахстане.

Постковидная статистика обвала стоимости туристских услуг по Казахстану еще более удручающая, чем в среднем по миру: доля туризма в ВВП страны обвалилась с 5,2% в 2019 г. до 2,4% (-56,1%) в 2020 г., число занятых сократилось на 23,5% (до 339,1 тыс. чел.). И если доля участия международного туризма в формировании туристского продукта страны рухнула на 80%, то внутренний туризм просел в 2020 г. «лишь» на 42,4% (до 233 и 777 млрд тенге в абсолютном выражении, соответственно) [1].

Столь высокие допандемийные показатели Казахстана, озвученные выше, достигнуты за считанные годы и стали возможными благодаря принятой Концепции развития туристской отрасли до 2023 г. (далее — Концепция) [4], гарантирующей финансовую и информационную поддержку новым объектам турбизнеса, особенно ориентированным на зарубежных потребителей турпродукта. К 2025 г. вклад туризма в ВВП предполагалось увеличить до 8% — с 9,6 до 16 млрд долларов в абсолютном выражении [5]. Однако в вышеупомянутой Концепции основная ставка делается на культурно-познавательный и лечебно-оздоровительный виды туризма, в то время как агротуризм (сельский туризм) государством рассматривается как нечто среднее между инструментом охраны окружающей среды, способствующим вовлечению в этот процесс местного (читай, сельского населения) и один из способов для развития малого и среднего бизнеса регионов. В качестве мер по развитию сельского туризма, носящих сугубо декларативный характер, в Концепции предлагается введение понятийного аппарата агротуристской деятельности, а также методическая и информационная помощь в открытии и продвижении гостевых домов на местном уровне [4].

В мире сформировались определенные модели (типы) организации сельского туризма [6]. На постсоветском пространстве (исключая прибалтийские страны, развивающиеся в другой экономической формации), наиболее успешный опыт формирования и развития сельского туризма сложился в Белоруссии. Данный факт объясняется компактностью территории, максимальным в СНГ и Восточной Европе уровнем урбанизации (80%) и особенностями развития аграрной экономики и сельского экистического пространства [7].

Значительный опыт в организации сельского туризма имеет Российская Федерация [8]. Достаточно большое внимание развитию сельского туризма в последнее время уделяется в Республике Казахстан. Интерес к нему является результатом, прежде всего, аграрной специализации экономики страны. Наряду с этим, среди факторов, способствующих развитию данного вида туризма, следует отметить близость к природе, относительно небольшую стоимость, пребывание

отдыхающих в благоприятной экологически чистой среде вдали от урбанизированной территории, возможность поучаствовать в различных видах деятельности и мероприятиях, связанных с сельским хозяйством, натуральные продукты питания, обладающие высоким качеством и ценностью [9].

Как уже было отмечено, в Казахстане еще с советских времен сделана ставка на лечебно-оздоровительный и культурно-познавательный туризм, что вполне объяснимо, учитывая уникальные природные объекты и значительную инфраструктурную базу, созданную тогда же. Главным ограничивающим фактором развития данных видов туризма является периферийное размещение основных объектов турбизнеса (крайний север, юг и восток) и большой территориальный разрыв с потребителями туруслуг, что обострилось после переноса в 1997 г. столицы в Акмолу (нынешний Нур-Султан). В то же время иные виды внутреннего туризма находятся на стадии формирования, либо не получили должного развития в силу ряда причин.

В качестве объекта исследования нами выбран типичный аграрный регион — Северо-Казахстанская область (далее — область), что фундируется рядом объективных предпосылок. Область является наиболее староосвоенной в сельскохозяйственном отношении, доля сельхозугодий — 87% при доле участия пашни в 61% (!). На АПК приходится свыше 50% в ВРП (779 млрд тенге в 2020 г.) при всевозрастающей доле в формировании агропродукта продукции земледелия (75%). Однако последний факт объясняется исключительно ростом мировых цен на сельскохозяйственную продукцию в последние годы, поскольку ставка в земледелии области на почвоистощающие масличные культуры (лен-кудряш и рапс) привела к дегумификации пахотных почв и снижению урожайности, что прогнозировалось нами в ранее опубликованных работах [10; 11].

Исчерпав ресурсы природного агропотенциала, в том числе, естественного плодородия пашни, пришло понимание неизбежности диверсификации сельской экономики, поиска и конструирования ее новых вариаций, прежде всего, третичного сектора и его наиболее экологически устойчивой формы — сельского туризма. В настоящее время туризм в области, как и в целом по стране, переживает не лучшие времена: в 2020 г. его доля в ВРП области (1,5 трлн тенге), в сравнении с предыдущим годом, упала с 0,9% до 0,35%.

Материалы и методы

В ходе исследования выполнен обзор научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, посвященных различным аспектам сельского туризма. Изучены нормативно-правовые акты, касающиеся вопросов регулирования данного вида деятельности, государственные программы, связанные с развитием туристской отрасли и мерами поддержки сельского туризма в Республике Казахстан.

В качестве исходных данных послужили фондовые, опубликованные материалы, картографические, статистические данные. В исследовании использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сравнительно-географический и системный подход.

Общие теоретические и практические (прикладные) аспекты развития сельского туризма рассмотрены в работах многих авторов. Среди них, в частности, следует назвать труды: В. В. Абрядиной (2014), Н. М. Беловой (2013),

Е. Я. Лебедевко, Е. Н. Кислова, В. Е. Торикова (2020), В. И. Шостки (2011), J. W. Kloeze (1994), P. Jordan et al. (2016) и др. [12–17]. Особое внимание последние исследования российских ученых уделяют развитию сельского туризма в постпандемийный период [18; 19].

В Республике Казахстан изучение развития сельского туризма долгое время выполнялось, главным образом, в рамках географических рекреационных исследований. Подавляющее большинство авторов рассматривает частные вопросы сельского туризма, опыт его организации и развития в регионах. Отдельные работы, хотя и посвящены изучению объективных предпосылок зарождения сельского туризма на примере отдельных областей, по-прежнему руководствуются унифицированными методиками безо всякого учета специфики казахстанской сельской экономики, пространственного размещения потенциальных объектов турбизнеса и менталитета реципиентов турпродукта.

Анализ литературы позволил сформировать теоретическую базу исследования, определить и обосновать сущность сельского туризма, выделить его основные признаки, роль и значение в экономике, а также других сферах деятельности, факторы и особенности развития в различных странах.

В настоящее время в отечественной и зарубежной литературе сложилось множество точек зрения и подходов к определению категории «сельский туризм». Согласно одного из них, сельский туризм является тождественным понятием по отношению к аграрному. Общими признаками, объединяющими данные категории, является временное пребывание туристов в сельской местности (территориальная локализация) с целью отдыха и их участие, выполнение сельскохозяйственной работы. Ряд авторов, наряду с вышеперечисленными признаками, в понятие сельский туризм включают использование не только природных, но и исторических, культурных, этнографических ресурсов местности, а также организацию спортивных мероприятий, рыбалки, охоты, обучению видам деятельности (занятия) населения, проживающего в сельской местности [20]. Согласно другой позиции, сельский туризм является более емким понятием. Он выступает в качестве сектора туристской индустрии и включает в себя аграрный туризм, как один из видов или направлений, а также экологический, спортивный, медицинский, паломнический и др. Тем самым сельский туризм подразумевает все виды рекреационной деятельности в сельской местности и может быть дифференцирован в зависимости от целей, мотивации, вида деятельности, средству размещения, содержания и характеру отдыха [9].

Многие авторы, рассматривая роль и значение сельского туризма, отмечают, что данный вид туризма может стать отправной точкой для формирования новой социально-экономической формации в сельской местности [21], обеспечить альтернативную занятость сельского населения [22], послужить фактором диверсификации отраслевой структуры экономики сельских территорий [9; 23].

По нашему мнению, сельский туризм представляет собой особое интеграционно-симбиотическое направление туристической деятельности, связанное с использованием в целях туризма и формирования турпродукта *всех* эвентуальных ресурсов сельской местности. Он может включать в себя как пассивное наблюдение за сельской жизнью, так и непосредственное участие в ней, посещение не только сельского жилища и сельхозпредприятий, а также выполнение там определенных работ, но и окрестных природных объектов, обладающих туристской аттрактивностью.

Результаты и обсуждение

Как уже было отмечено, регион является наиболее староосвоенным в Казахстане, история земледелия насчитывает без малого 270 лет. Специализация земледелия из зернового инварианта постепенно смещается в сторону экспортных высокодоходных масличных культур, что, в свете перехода на адаптивно-ландшафтное земледелие с диджитализацией основных технологических процессов привело к росту экономического плодородия пашни (в 2020 г. с 1 га пашни выход продукции составил рекордные 137,7 тысяч тенге).

Аграрный профиль экономики области, усиливающийся с каждым годом, наложил отпечаток на структуру населения. Регион всегда являлся одним из самых «сельских» в стране с максимальной плотностью сельского населения в бытность КазССР (9 чел/км²), в настоящее время доля сельского населения превышает 56% (при доле селян в среднем по Казахстану — 41%), несмотря на непрерывный переток сельского населения в поисках лучшей доли в городскую местность (из северных районов, как правило, в областной центр, г. Петропавловск, южных — в столицу, г. Нур-Султан). Помимо этого, продолжается, преимущественно из северных районов, выезд на ПМЖ в Россию. На протяжении всего постсоветского периода область имеет устойчивую убыль населения, сократившегося с 1989 г. (последней советской переписи) на 41% — максимальный в Казахстане показатель. Несмотря на это, в сельской местности наблюдается катастрофическая безработица в разы выше официальной (4,9% на апрель 2021 г.), имеющая ряд как объективных, так и субъективных предпосылок. Главным образом, она обусловлена продолжающимся с начала нулевых годов технологическим апгрейдом сельского хозяйства, интенсификацией и цифровизацией отрасли и, как следствие, высвобождением большого количества трудовых ресурсов. Все это вкупе с массовым отъездом привело к деградации сети сельских поселений и их безлюдности (плотность сельского населения обвалилась до 3,1 чел/км²), непрерывному сокращению числа сельских населенных пунктов (т.н. оптимизация «неперспективных» сел), коих в области осталось 635, хотя еще в 2017 г. насчитывалось 673 аулов и сел. Кроме того, на селе исчез третичный сектор экономики, примитивная обслуживающая сфера осталась лишь в районных центрах и, как правило, в сельских населенных пунктах с населением свыше 2 000 человек, еще более усугубив депрессивный характер развития сельских территорий. Фактическая безработица в сельской местности, составляющая десятки процентов, маскируется официальной статистикой категорией «самозанятое население» (имеющие огород и скот, а значит — средства к существованию).

В то же время область отличается чрезвычайно развитой транспортной сетью: помимо 9 000 км автомобильных дорог (плотность автодорог является наиболее густой в республике — 9,1 км/100 км²), соединяющих область со всеми граничащими регионами Казахстана и России, также через ее территорию проходят две субширотные железнодорожные магистрали (Транссибирская и Среднесиирская) и субмеридиональная — Трансказахстанская. Последней магистралью область соединена с главным рекреационным районом Казахстана, получившим новый импульс развития после переноса столицы, Щучинско-Боровской курортной зоной, инфраструктура туристического обслуживания которой насчитывает 178 объектов вместимостью более 13 тысяч мест. За летнее время в допандемийный период курортную зону посещали в среднем 500 тысяч отдыхающих, за год — до 1 млн гостей.

Несмотря на все увеличивающуюся долю агропродукта в структуре ВРП и продолжающуюся интенсификацию агросферы, область обладает уникальными природными и социально-экономическими ресурсами для развития третичного сектора сельской экономики, а именно — сельского туризма.

Климат области, хотя и является резко континентальным, с длительной морозной зимой и коротким, но жарким летом, приемлем для круглогодичной организации сельского туризма. Треть территории области расположена в пределах лесостепной зоны, остальная — в степной, в зоне сочленения Западно-Сибирской равнины и Сарыарки (Казахского мелкосопочника), рекреационная ценность ландшафтов области была оценена авторами в ранее опубликованных работах [24]. Основная масса сельских населенных пунктов расположена вдоль берегов р. Ишим и его притоков, а также многочисленных озер — степных блюдец, коими изобилует область (более 3 000 озер). Порядка 8% территории области занято лесами, преимущественно березово-осиновыми колками, что повышает привлекательность сельской местности для организации туристической деятельности.

Наиболее востребованной с точки зрения рекреационного потенциала и судя по количеству посещений в летний период, является Шалкар-Имантауская курортная зона (38 баз отдыха с одновременным размещением более 3 000 человек), расположенная на юго-западе области в пределах двух одноименных озер. В допандемийном 2019 г. объекты курортной зоны приняли рекордные 45 тысяч человек, из них каждый девятый — россиянин. Несмотря на принятую масштабную программу по развитию курортной зоны, модернизацию инфраструктуры, что позволит увеличить число принимаемых туристов до 400 тысяч/год, главным сдерживающим фактором развития остается значительная удаленность как от областного центра, г. Петропавловска — 250 км, так и столицы — 400 км (для сравнения: расстояние от Нур-Султана до центра Щучинско-Боровской курортной зоны, г. Щучинска, лишь 220 км).

Наиболее предпочтительным инструментарием анализа целесообразности развития сельского туризма в области выступает SWOT-анализ — универсальный метод стратегического планирования, используемый для оценки явлений и факторов, оказывающих влияние на тот или иной объект. Все явления и факторы, так или иначе относящиеся к развитию сельского туризма области, разделены нами на 4 категории: сильные стороны (Strengths), слабые стороны (Weaknesses), возможности (Opportunities), угрозы (Threats) (табл. 1).

С учетом анализа имеющегося природного и социально-экономического потенциала, наиболее перспективными направлениями сельского туризма в области являются исторический, этнографический и экологический его виды.

Потенциальные объекты для развития исторического туризма репрезентативны и представлены музейным комплексом «Ботай» (Айыртауский р-н) — место первой в мире domestikации лошади (эпоха энеолита, 5 500 лет назад), музейным археолого-этнографическим комплексом городища раннего железного века Ак-Ирий (Кызылжарский р-н) и городищем Кызылоба (Уалихановский р-н) — руины древних мавзолеев Средневековья (середина — конец XIV в.). Наиболее перспективным вариантом событийного сельского туризма видится организация ежегодного фестиваля «KUMYZ FEST» (праздник кумыса). До сих пор фестиваль проводился в Петропавловске, однако «прописка» в музее «Ботай», чего добиваются власти Айыртауского района, окажет синергетический эффект как для популяризации музейного комплекса в стране и за рубежом, дополнительному развитию Шалкар-Имантауской курортной зоны, так и даст

мощный импульс сельхозпроизводителям окрестных сел. По единовременному охвату потребителей турпродукта данный фестиваль является наиболее массовым в области, привлекая гостей и представителей турбизнеса не только из Казахстана, но и приграничных регионов Российской Федерации. Потенциальный турпродукт объектов исторического туризма: изготовление и дегустация кумыса, бешпармака, других казахских национальных блюд, конные состязания (байга), верховая езда, театрализованные представления и реконструкция сражений (поединки пеших и конных воинов), изготовление конной упряжи, гончарных изделий, а также из кожи и камня.

Таблица 1

SWOT-анализ развития сельского туризма в Северо-Казахстанской области

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
<ul style="list-style-type: none"> – ландшафтное многообразие территории области; – развитая транспортная инфраструктура сельской местности; – полиэтничный состав населения сельской местности; – относительно низкая стоимость услуг сельского туризма в сравнении с другими видами турбизнеса 	<ul style="list-style-type: none"> – критически низкая доля горожан (44%) — потребителей турпродукта, сконцентрированная, преимущественно, в областном центре; – отсутствие законодательной базы развития сельского туризма в Казахстане; – не выстроенная маркетинговая система сферы услуг и сельского туризма, в частности; – диффузный характер сельского расселения запада и востока области; – незаинтересованность турбизнеса в развитии внутреннего туризма и сельского, в частности (низкая прибавочная стоимость) – отсутствие квалифицированных кадров
Возможности (O)	Угрозы (T)
<ul style="list-style-type: none"> – развитие внутреннего въездного туризма; – стабилизация численности сельского населения; – развитие высокостоймостного органического сельского хозяйства; – создание благоприятного инвестиционного климата для развития сельской местности; – рост производства и сбыта сельхозпродукции агроформированиями области; – увеличение доли участия сервисной экономики в ВРП региона 	<ul style="list-style-type: none"> – слабая окупаемость инвестиций; – низкая платежеспособность городского населения региона

Составлено авторами

Этнографический вид туризма перспективен для развития национальных сел, что особенно актуально в условиях региона. Сельское население области является одним из самых многонациональных в стране, учитывая пространственно-временную динамику и особенности дискретного заселения региона (Столыпинская аграрная реформа, депортация украинцев, поляков Западной Украины, немцев Поволжья и коренных народов Кавказа, целинная кампания и др.). Мононациональные села (казахские аулы) расположены,

преимущественно на юго-востоке области (Акжарский и Уалихановский районы), остальное сельское экистическое пространство — полиэтнично. В качестве факторов-предикторов объектов нами выбраны: доля участия представителей этнической группы в селе (ауле) — не менее 25% и наличие национального культурного центра. Особый интерес представляет польская диаспора — крупнейшая не только в области, но и Казахстане, сконцентрированная в Тайыншинском районе. Потенциальный турпродукт: изготовление и дегустация национальных блюд (гастротуры), изготовление национальной одежды, знакомство с духовной культурой этносов Казахстана.

Экологический туризм является единственным видом сельского туризма, уже получившим ограниченное развитие на территории области в виде баз отдыха в пригородной зоне областного центра. Помимо этого, весьма перспективным видится развитие био- и экохозяйств в пригородных агроформированиях (пермакультурные хозяйства), занимающихся овощеводством и плодоводством. Набирающая популярность рыбалка на арендованных зарыбленных водоемах с отдыхом в гостевых домиках повышает привлекательность данного вида туризма. Кроме того, при составлении комбинированных туров целесообразно включение памятников природы, расположенных в непосредственной близости от туробъектов для повышения их привлекательности. Потенциальный турпродукт: дегустация продукции органического земледелия, рыбная ловля, посещение подсобных хозяйств и частных подворий для кормления скота и птицы.

Для визуализации объектов нами составлена карта территориальной организации сельского туризма региона (рис. 1).

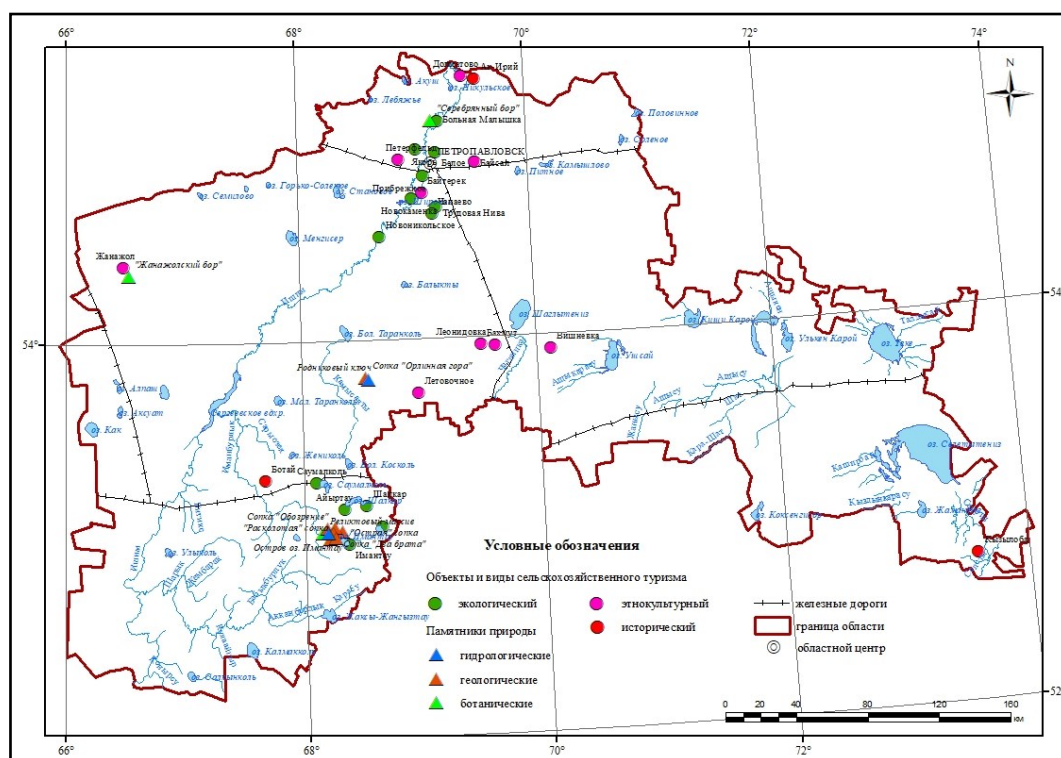

Рис. 1. Территориальная организация сельского туризма Северо-Казахстанской области (перспективные центры).

Составлено авторами.

Заключение

Староосвоенные районы Казахстана, исчерпав природные ресурсы сельскохозяйственного развития, а также учитывая смену социально-экономической формации, приведшие в итоге к деградации сельской местности, нуждаются в новых альтернативных формах сельской экономики, одной из которых является сельский туризм.

Выполненные исследования позволили выявить и обосновать направления развития сельского туризма в регионе. Первоочередным же шагом по практической реализации Концепции должна стать организация (по примеру западных стран) казахстанской ассоциации сельского туризма, которая позволит координировать деятельность субъектов турбизнеса области, инкорпорировав потенциальные объекты в систему турбизнеса области и Казахстана.

Организация альтернативной занятости сельского населения староосвоенных районов в свете интенсификации агропроизводства, а также учитывая весь спектр выше озвученных социальных проблем сельской местности, возможна лишь на основе государственно-частного партнерства. Основной проблемой организации турбизнеса в области была и остается заполняемость туристских объектов лишь в летний период, главная задача состоит в ориентации формируемой туристской дестинации на круглогодичную деятельность, учитывая репрезентативность представленных объектов и природно-рекреационных ресурсов. Выходом из создавшейся ситуации могла бы стать организация в осенне-зимне-весенний период комбинированных туров. Создание современного специализированного туристского комплекса области позволит повысить конкурентоспособность непромышленной сферы села, укрепить межотраслевые связи, что в итоге даст долгосрочный импульс развития сельской экономике.

Представленные в работе рекомендации по организации сельского туризма в области могут быть полезны для региональных органов власти, представителям туристического бизнеса, лицам, изучающим те или иные аспекты развития третичного сектора экономики сельских территорий.

Литература

1. Официальный сайт Всемирного совета по туризму и путешествиям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wttc.org/Research/Economic-Impact> (дата обращения: 01.07. 2021)
2. Барлыбаева А.А., Ситнова И.А., Насыров Г.М., Ишназарова З.М. Зарубежный и отечественный опыт формирования агротуристских дестинаций // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2018. № 6 (9). С. 43–51.
3. Naug R. Hindelang — an alliance of extensive mountain farming with tourism. La Canada. Nambe 6, December 1996. pp. 7–8.
4. Об утверждении Концепции развития туристской отрасли Республики Казахстан до 2023 года / Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 406.
5. Доля туризма в ВВП Казахстана вырастет с \$9,6 млрд до \$16 млрд к 2025 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/57288/>

6. Искакова К. А., Актымбаева А. С., Жакупова А. А. Концептуальные подходы в организации сельского туризма (мировой опыт) // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия географическая. 2016. № 1/2 (42). С. 295–302.
7. Аношко Я. И. Сельский туризм Беларуси: современное состояние и перспективы развития. Минск: Четыре четверти, 2020. 220 с.
8. Геращенко Л. И. Сельский туризм в России: общие тенденции и региональные особенности // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 39. С. 448–451.
9. Оборин М. С. Системное развитие сельского туризма как фактор социально-экономического развития сельских территорий России // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 1. С. 117–126.
10. Пашков С. В., Шаяхметова А. С. Постцелинная дегумификация пахотных почв Северо-Казахстанской области // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16), № 1. С. 145–156.
11. Пашков С. В., Присич М. В. Интенсификация растениеводства Северо-Казахстанской области: экологические противоречия // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16), № 2. С. 50–62.
12. Абряндина В. В. Туризм сельских территорий — состояние, проблемы и перспективы развития. М.: Угрешская типография, 2014. 198 с.
13. Белова Н. М. Регулирование развития сельского туризма. Чебоксары: Чебоксарский филиал СПБГЭУ, 2013. 162 с.
14. Лебедько Е. Я., Кислов Е. Н., Ториков В. Е. Сельский туризм. СПб: Изд-во «Лань», 2021. 260 с.
15. Шостка В. И. Сельский туризм как вид рекреационной деятельности. Симферополь: ООО «Изд-во Типография «Ариал», 2011. 408 с.
16. Kloeze J. W. The Benefits of Rural Tourism, the Role of the State, and the Aspects of Training and Cooperation/ Formal Speech held at the Central and East European Federation for the Promotion of the GreenS of Rural Tourism Conference «Rural Tourism Development in Bulgaria and in the Balkan Countries», Karlovo. 1994.
17. Jordan P., Navadi-Nagy K. X., Maroși Z. Tourism as a Driving Force in Rural Development: Comparative case study of Romanian and Austrian Villages. Tourism: An International Interdisciplinary Journal, 2016, Vol. 64, Ussue 2, pp. 203–218.
18. Мирошниченко Т. А., Подгорская С. В. Современные тенденции и перспективы развития сельского туризма в России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 3. С. 119–126. DOI: 10.21209/222792452021273119126.
19. Гамидова А. Э. Сельский туризм в постпандемийный период // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1 (127). С. 162–166.
20. Клевченков М. Г. Теоретико-методологические подходы к сущности сельского туризма // Теория и технология сферы услуг. 2013. № 1 (15). С. 212–218.
21. Вашуров М. В. Сельский туризм как фактор становления новой социально-экономической формации в сельской местности // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2014. № 3. С. 17–21.

22. Нехода Е. В., Турлов А. В., Загайнов А. А. Сельский туризм и занятость (на примере Томской области) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 3. С. 43–55.
23. Пашков С. В., Мажитова Г. З. Агротуризм как альтернативная форма развития сельских территорий // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2021. Т. 36. С. 75–87. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2021.36.75>
24. Mazhitova G. Z., Pashkov S. V., Wendt J. A. Assessment of Landscape-recreational Capacity of North Kazakhstan Region. *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2018. Vol. 23. no. 3. pp. 731–737.

S. V. Pashkov¹,
G. Z. Mazhitova²

Rural tourism as determinant of service economy of old-developed areas of Kazakhstan

^{1,2}Manash Kozybayev North Kazakhstan University,
Petropavlovsk, Kazakhstan
e-mail: sergp2001@mail.ru¹

Abstract. *The rural ekistics space of the North Kazakhstan region originated in the 18th century, having experienced heyday during the Stolypin agrarian reform and virgin soil campaign, but it is undergoing degradation in the post-Soviet period due to the massive outflow of population to the urban area and its move to the Russian Federation. The reason for this is catastrophic unemployment because of technological re-equipment of agriculture and the lack of a non-productive sector in the countryside. On the basis and in connection with territorial research, SWOT analysis was made and authors proposed perspective directions of rural tourism as the most stable determinant of the service economy of old-developed areas.*

Keywords: *agrotourism, destination, North Kazakhstan region, rural economy, SWOT-analysis*

References

1. Oficial'nyj sajt Vsemirnogo soveta po turizmu i puteshestvijam. [Electronic resource]. URL: <https://wttc.org/Research/Economic-Impact/> (in Russian).
2. Barlybaeva A. A., Sitnova I. A., Nasyrov G. M., Ishnazarova Z. M. Zarubezhnyj i otechestvennyj opyt formirovanija agroturistskih destinacij, Biosfernoe hozjajstvo: teorija i praktika. 2018. no. 6 (9). pp. 43–51. (in Russian).
3. Haug R. Hindelang — an alliance of extensive mountain farming with tourism, La Canada. Nambe 6, December 1996. pp. 7–8.
4. Ob utverzhdenii Konceptii razvitija turistskoj otrasli Respubliki Kazahstan do 2023 goda. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30 ijunja 2017. no. 406. (in Russian).
5. Dolja turizma v VVP Kazahstana vyrastet s \$9,6 mlrd do \$16 mlrd k 2025 godu [Electronic resource]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/57288/> (in Russian).

6. Iskakova K. A., Aktymbaeva A. S., Zhakupova A. A. Konceptual'nye podhody v organizacii sel'skogo turizma (mirovoj opyt), Vestnik KazNU im. al'-Farabi. Serija geograficheskaja. 2016. no. 1/2 (42). pp. 295–302. (in Russian).
7. Anoshko Ja. I. Sel'skij turizm Belarusi: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija. Minsk: Chetyre chetverti, 2020. 220 p. (in Russian).
8. Gerashhenko L. I. Sel'skij turizm v Rossii: obshhie tendencii i regional'nye osobennosti, Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. no. 39. pp. 448–451. (in Russian).
9. Oborin M. S. Sistemnoe razvitie sel'skogo turizma kak faktor social'no-jekonomicheskogo razvitija sel'skih territorij Rossii, Servis v Rossii i za rubezhom. 2020. Vol. 14. no. 1. pp. 117–126. (in Russian).
10. Pashkov S. V., Shajahmetova A. S. Postcelinnaja degumifikacija pahotnyh pochv Severo-Kazahstanskoj oblasti, Geopolitika i jekogeodinamika regionov. 2020. Vol. 6 (16), no. 1. pp. 145–156. (in Russian).
11. Pashkov S. V., Prisich M. V. Intensifikacija rastenievodstva Severo-Kazahstanskoj oblasti: jeknologicheskie protivorechija, Geopolitika i jekogeodinamika regionov. 2020. Vol. 6 (16), no. 2. pp. 50–62. (in Russian).
12. Abrjandina V. V. Turizm sel'skih territorij — sostojanie, problemy i perspektivy razvitija. M.: Ugreshskaja tipografija, 2014. 198 p. (in Russian).
13. Belova N. M. Regulirovanie razvitija sel'skogo turizma. Cheboksary: Cheboksarskij filial SPbGJeU, 2013. 162 p. (in Russian).
14. Lebed'ko E. Ja., Kislov E. N., Torikov V. E. Sel'skij turizm. SPb: Izd-vo “Lan”, 2021. 260 p. (in Russian).
15. Shostka V. I. Sel'skij turizm kak vid rekreacionnoj dejatel'nosti. Simferopol': OOO “Izd-vo Tipografija «Arial»”, 2011. 408 p. (in Russian)
16. Kloeze J. W. The Benefits of Rural Tourism, the Role of the State, and the Aspects of Training and Cooperation. Formal Speech held at the Central and East European Federation for the Promotion of the GreenS of Rural Tourism Conference “Rural Tourism Development in Bulgaria and in the Balkan Countries”, Karlovo. 1994.
17. Jordan P., Havadi-Nagy K. X., Marosi Z. Tourism as a Driving Force in Rural Development: Comparative case study of Romanian and Austrian Villages. Tourism: An International Interdisciplinary Journal, 2016, vol. 64, Ussue 2, pp. 203–218. (in English).
18. Miroshnichenko T. A., Podgorskaja S. V. Sovremennye tendencii i perspektivy razvitija sel'skogo turizma v Rossii, Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. Vol. 27. no. 3. pp. 119–126. <https://doi.org/10.21209/222792452021273119126> (in Russian).
19. Gamidova A. Je. Sel'skij turizm v postpandemijnyj period, Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2021. no. 1 (127). pp. 162–166. (in Russian).
20. Klevchenkov M. G. Teoretiko-metodologicheskie podhody k sushhnosti sel'skogo turizma, Teorija i tehnologija sfery uslug. 2013. no. 1(15). pp. 212–218. (in Russian).
21. Vashurov M. V. Sel'skij turizm kak faktor stanovlenija novej social'no-jekonomicheskoy formacii v sel'skoj mestnosti, Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2014. no. 3. pp. 17–21. (in Russian)

22. Nehoda E.V., Turlov A.V., Zagajnov A.A. Sel'skij turizm i zanjatost' (na primere Tomskoj oblasti), Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika. 2015. no. 3. pp. 43–55. (in Russian)/
23. Pashkov S. V., Mazhitova G. Z. Agroturizm kak al'ternativnaja forma razvitija sel'skih territorij, Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Nauki o Zemle. 2021. Vol. 36. pp. 75–87. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2021.36.75> (in Russian).
24. Mazhitova G. Z., Pashkov S. V., Wendt J. A. Assessment of Landscape-recreational Capacity of North Kazakhstan Region. GeoJournal of Tourism and Geosites. 2018. Vol. 23. no. 3. pp. 731–737.

Поступила в редакцию 12.07.2021 г.

УДК 913

А. В. Федорова¹,
В. Н. Федоров²

Роль малых городов в развитии сельских территорий

¹ ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: ferbatim1997@mail.ru

² ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Российская Федерация
e-mail: fedorovw_nik@mail.ru

Аннотация: *Малые города в сельской местности — забытый, но актуальный объект географического исследования. На смену дихотомического понимания «город-село» приходит идея континуума между городом и сельской местностью [3]. Авторы рассматривают вопросы теории и практики центр-периферийных отношений в контексте устойчивого развития сельских территорий.*

Ключевые слова: *сельская территория, малые города, устойчивое развитие.*

Введение

В исследовании сельских территорий существуют весьма разные подходы, обусловленные спецификой самого объекта научного анализа. Необходимо обозначить исследователей, занимающихся изучением городов и сельской местности. Так, А. И. Алексеев, Н. В. Зубаревич в своих исследованиях опирались на географию населения, сельской местности, социальную географию [1]. А. И. Алексеев читал курс лекций по «Географии населения с основами демографии», «Социальная география и геоурбанистика» и т. д. А. И. Тревиш исследовал ряд проблем регионального развития, урбанизации, социально-экономической динамике территорий разного масштаба [2]. Под термином «сельская территория», как правило, понимается «внеурбанизированное пространство», включающее в себе сельские поселения с окружающим природным ландшафтом, объекты производства и жизнедеятельности населения с соответствующей инфраструктурой (производственной, социальной, экологической, институциональной и пр.).

Рассматривая сельскую территорию как сложную систему, следует отметить, что поступательное ее развитие во многом определяется имеющимся ресурсным потенциалом и характером его использования. Практика показывает, что потенциал развития сельских территорий весьма неоднороден и характеризуется ярко выраженной пространственной дифференциацией.

Материалы и методы

При написании работы использовались различные **методы исследования:** метод поиска и отбора, сравнительный, метод системного анализа, структурный, математический и статистический.

Метод поиска и отбора (анализа) заключается в рассмотрении, прочтении различных литературных источников, касающихся данной темы. Из большого

количества просмотренных каталогов в библиотеках и электронных средствах информации был отобран и генерализирован материал по ключевым проблемам и перспективам развития проблемы сельских территорий.

Сравнительный метод старейший общегеографический метод, заключающийся в выявлении сходства и различий в объектах, явлениях и процессах, их свойствах и состояниях.

Метод системного анализа — научный метод познания, представляющий собой последовательность действий по установлению структурных связей между переменными или элементами исследуемой системы. Опирается на комплекс общенаучных, экспериментальных, естественнонаучных, статистических, математических методов.

Математический и статистический методы: числовые характеристики наряду с различными другими являются обязательным элементом географических исследований. С помощью данных методов составляются диаграммы, таблицы, ведутся подсчеты во времени и в пространстве. Также велика их роль и при составлении каких-либо прогнозов.

Результаты и обсуждение

Социально-экономическое пространство сельских территорий мозаично, «разорвано» на отдельные ареалы концентрации производства и населения. Подобный «экономический и социальный каркас» складывался в ходе исторического развития экономики страны в целом и отдельных ее регионов. Среди факторов, определяющих территориальную структуру руральных зон, следует выделить внешние составляющие — это экономико- и транспортно-географическое положение, ландшафтное окружение и, несомненно, наличие в пределах транспортной доступности городов, выступающих в роли «центров притяжения».

В эпоху глобализации и возрастающей роли городских агломераций в социально-экономическом развитии периферийных территорий (как правило, сельской местности) «на обочине человеческой цивилизации» остаются малые города, незаслуженно забытые многими исследователями. Следует отметить, что именно малые города, в силу исторической привязанности к сельской территории, весьма «колоритный» объект географического анализа. Подобные поселения «впитали» в себя природно- и социально-экономическую специфику введения хозяйственной деятельности, национальные обычаи и традиции сельского населения, его менталитет. Поэтому изучение характера взаимодействия и взаимовлияние «город–село», «город–сельская территория» имеет определенный научный и практический интерес.

Как нам представляется, в социально-экономическом плане многие малые города и их близлежащее окружение сталкиваются с проблемами демографического характера — это снижение рождаемости и повышение смертности населения, его миграция в крупные города (мегаполисы), минув малые городские поселения, рост численности лиц старше трудоспособного возраста и т. д. Все это весьма печально сказывается на демографической ситуации в регионе, что в конечном итоге приводит не только к дефициту рабочей силы, в т. ч. из-за оттока трудоспособного населения, но и к свертыванию сельской поселенческой сети и запустению сельских территорий.

В научной среде подобные структурные сдвиги в экономике и социально-политической жизни общества получили широкий резонанс. Ряд исследователей отмечают тот факт, что сельская община утратила свою средообразующую функцию, переняв «городской образ жизни и характер поведения». Однако, следует отметить, что сельский житель является носителем «традиционного уклада», хранителем традиций и верований, крестьянской культуры и деревенской повседневности.

Как нам представляется, связующим звеном между сельской местностью и урбанизированной территорией являются малые города, которые в силу своей специфики географического положения наиболее «приближены» к сельскому образу жизни.

Как правило, малые города — это базовые центры межселенного обслуживания. Именно здесь размещены объекты социально-бытовой и социально-культурной инфраструктуры, предоставляющие разнообразные виды услуг сельскому жителю повседневного, периодического и эпизодического характера. Поэтому транспортная (и не только!) доступность учреждений сферы обслуживания должна стать прерогативной местных органов власти, депутатского корпуса и органов социальной опеки.

В своих исследованиях многие ученые-географы и экономисты обращают внимание на комплексное развитие сельских территорий. В связи с этим важна системная организация хозяйственной деятельности с учетом специализации аграрного сектора. Представляется, что размещение предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья в малых городах призвано стабилизировать экономическую ситуацию в регионе, обеспечить местное население необходимыми рабочими местами.

В заключении следует отметить, что сельская территория и малые города — это центры духовного возрождения России. Обладая высоким культурным и нравственно-эстетическим потенциалом, они становятся объектом рекреации и туризма (этнографического, событийного, экологического и пр.). В связи с этим возрождение сельских территорий, устойчивое и поступательное развитие малых городов, наращивание их ресурсного потенциала должны стать общенациональной задачей.

Выводы

Таким образом, малые города играют весьма важную роль в социально-экономическом развитии сельских территорий. Диалектика их взаимоотношений основана на сопряженных причинно-следственных связях во всех сферах жизни и деятельности общества. Наша задача — сохранить историческую преемственность между городом и селом, приумножить их материальное и духовное благо во имя процветания родного Отечества.

Литература

1. Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е гг. Под ред. Ж. А. Зайончковской. М.: . 1999. С. 83–94

2. Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
3. Miner, H. (1952). The folk-urban continuum. *American Sociological Review* 17, 529–537.

A. V. Fedorova¹,
V. N. Fedorov²

The role of small cities in the development of rural areas

¹St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation

e-mail: ferbatim1997@mail.ru

²Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russian Federation

e-mail: fedorovw_nik@mail.ru

Abstract. *Small towns in rural areas are a forgotten but relevant object of geographical research. The dichotomous understanding of “city–village” is being replaced by the idea of a continuum between the city and the countryside [3]. The authors consider the issues of theory and practice of center-peripheral relations in the context of sustainable development of rural areas.*

The authors in this article point out the factors that determine the territorial structure of the rural zones. They distinguish the following external components—this is the economic and transport-geographical position, landscape environment and, undoubtedly, the presence of cities within the transport accessibility, acting as “centers of gravity”. An explicit emphasis is made on the fact that it is small towns, due to their historical attachment to rural areas, a very “colorful” object of geographical analysis. This is explained by the fact that the analyzed settlements “absorbed” the natural and socio-economic specifics of the introduction of economic activity, national customs and traditions of the rural population, its mentality. Therefore, the study of the nature of interaction and mutual influence “city–village”, “city–rural area” has a certain scientific and practical interest.

A number of problems of the socio-economic plan are highlighted. Especially affecting the demographic situation in the region, which ultimately leads not only to a shortage of labor, but also due to the outflow of the able-bodied population, but also to the collapse of the rural settlement network and the desolation of rural areas.

The authors put forward the thesis that the connecting link between the countryside and the urbanized area are small towns, which, due to their specific geographical location, are most “close” to the rural way of life. It is noted that small towns are the basic centers of inter-settlement services. It is here that the objects of social and social and cultural infrastructure are located, providing various types of services to the villager of a daily, periodic and episodic nature. Therefore, the transport accessibility of service sector institutions should become the prerogative of local authorities, deputies and social welfare bodies.

It seems possible to systematically organize economic activity, taking into account the specialization of the agricultural sector. Thus, it is clearly seen that the location of enterprises for the processing of agricultural raw materials in small towns is intended

to stabilize the economic situation in the region, to provide the local population with the necessary jobs.

The authors also come to the conclusion that rural areas and small towns have a high cultural, moral and aesthetic potential, they become objects of recreation and tourism (ethnographic, event-driven, ecological, etc.).

Keywords. *rural area, small towns, sustainable development.*

References

1. Alekseev A. I., Zubarevich N. V. The urbanization crisis and the countryside of Russia. Migration and urbanization in the CIS and the Baltic states in the 1990. (ed.) Zh. A. Zayonchkovskaya. M.: 1999. pp. 83–94. (in Russian).
2. Nefedova T. G, Pokrovsky N. E., Treyvish A. I. Urbanization, deurbanization and rural-urban communities in the context of the growth of horizontal mobility of the population. Sociological studies. 2015. no. 12. pp. 60–69. (in Russian).
3. Miner H. (1952). The folk-urban continuum. American Sociological Review 17, 529–537.

Поступила в редакцию 05.07.2021 г.

УДК 911.3

Д. Н. Морковская¹,
Н. В. Чугунова²,
Н. С. Кухарук³

Мобильность населения сельских территорий Центрально-Черноземного района и возможности диффузии инноваций

^{1,2,3}ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация
e-mail: darya.morkovskaja@yandex.ru¹,
Chugunova@bsu.edu.ru², kuharuk@bsu.edu.ru³

Аннотация. Центрально-Чернозёмный район, с его уникальным природно-хозяйственным потенциалом, под совокупным влиянием многих факторов, главным из которых являлась урбанизация, претерпел значительные изменения в экистических процессах. Урбанизация способствовала метрополизации региональных столиц, ускорила процессы миграции из сельской местности и малых городов, изменила социально-экономическое, экистическое и демографическое пространство территорий. Исследование выявило роль социальной мобильности населения в трансформации расселения, демографических потерях села, изменении качества населения. Определено, что самые радикальные изменения произошли в росте численности населения пригородных и сокращении численности населения периферийных и собственно приграничных районов исследуемых областей. Структура экономики, высокая длительная мобильность молодых, образованных, креативных людей из сел в региональные метрополисы приводят к изменению качества человеческого капитала, сложностям восприятия технологических новаций в сельской местности. Результаты проведенной работы имеют практическое и теоретическое значение: предоставляют возможность принимать обоснованные управленческие решения пространственного развития региона, выявлять новые проблемы кардинальных изменений территориальной организации российского общества.

Ключевые слова: мобильность, население, экистика, территориальная, социальная, миграции, новации, Центрально-Черноземный район, приграничье.

Введение

Исторически сложившееся расселение России радикально меняется в результате действия ряда факторов: социально-экономических, урбанистических, демографических, достижений научно-технического прогресса, приводя к изменениям рисунка городского и сельского расселения.

Для сельской местности (не только Центрально-Черноземного района) последних десятилетий характерна высокая вынужденная социальная мобильность населения, вызванная сокращением занятости населения, стабильно высокой напряженностью на рынках труда. В структуре занятости сельского населения сельское хозяйство теряет значение, поскольку индустриальные способы производства сельскохозяйственной продукции сокращают число

занятых, другие же сферы приложения труда не создаются, что в итоге приводит к системной безработице и вынужденной территориальной мобильности (миграции) и, как следствие, последующей деградации многих староосвоенных территорий. Истончение сельской среды большинства районов старого освоения страны [1] вызвало перестройку расселения и привело к разным последствиям.

К позитивным изменениям сельской местности можно отнести повышение мобильности населения, способность человека изменять место работы и проживания, развивать коммуникабельность, воспринимать новую информацию, менять социальный статус. Измененные количественные (масштаб) и качественные характеристики сельской местности оказывают противоречивое влияние на развитие конкретной территории, общества.

Необходимость исследования роли сельской местности в пространственной организации общества осознана давно, о чем свидетельствуют многочисленные работы социальных географов, социологов, экономистов.

Непосредственно сельской местности России посвящен ряд интересных работ Т. Г. Нефедовой [2, 3]; трансформации сети сельского расселения, важности качества населения, его активности — статья А. И. Алексеева [4], экологическим функциям, феномену эколого-ресурсного «диссонанса» в сельскохозяйственной сфере — работа Н. Н. Клюева [5]. Авторы данной статьи также внесли скромный вклад в изучение сельского расселения [6, 7]. В России провозглашены принципы устойчивого сельского развития [8]; сельскому аспекту устойчивого развития городов посвящалась 19 сессия ООН Хабитат [9].

Объектом исследования данной работы является территория Центрально-Черноземного района (Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская области), предметом изучения — процессы мобильности сельского населения района.

Основными задачами работы являлись оценка распределения и перераспределения населения по территории Центрально-Черноземного района; установление роли социальной мобильности сельского населения в демографических потерях сельской местности, изменениях качества его населения, проблемах диффузии инноваций; поиски возможной модели будущего сельского расселения.

В Центрально-Черноземном районе (ЦЧР) проживает 7,2 млн человек — 4,8% населения Российской Федерации, 2,3 млн сельских жителей [10], при этом территория района составляет один процент площади страны.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составляют систематизированные и обработанные авторами официальные данные статистических сборников Росстата РФ и его территориальных органов, материалы собственных исследований авторов.

Базовыми материалами для создания векторных карт послужили данные сервиса data.nextgis.com, таблицы атрибутов которых верифицированы и дополнены статистическими данными о численности населения (на 01.01.2010, 01.01.2019, 01.01.2020). Для создания картосхем использован программный комплекс ArcGIS 10.5, обеспечивший ввод, обработку, анализ, моделирование и компоновку геоданных.

Использованные методы изучения — сравнительно-географический, математической статистики, ГИС-технологий, системно-структурного анализа.

Результаты и обсуждение

К актуальным проблемам территориальной мобильности сельского населения Центрально-Черноземного района (ЦЧР) отнесены следующие результаты.

Рост мобильности населения, сокращающий долю и численность сельского населения в субъектах России — характерные тенденции в территориальной организации общества (ЦЧР не исключение) последних десятилетий. В 1970 году доля городского населения ЦЧР составляла 39%, в 2020 г. — 66%. Самые значительные сокращения численности сельских жителей произошли в Курской и Тамбовской областях. Решающим фактором изменений численности населения являются миграции — территориальная мобильность с преобладанием направления «периферия-центр», приводящая к концентрации, сосредоточению населения в пригородах больших городов, областных центров — региональных метрополисов.

В Центрально-Черноземном районе в XXI в. основу системы населения и расселения составляют формирующиеся шесть крупных агломераций (метрополисные ареалы [11]) с центрами в городах Белгород, Старый Оскол, Воронеж, Курск, Липецк, Тамбов, вокруг которых наблюдается сгущение населения и расположены самые крупные по численности населения муниципальные образования (МО) областей. Лишь Курская область выделяется меньшим сгущением населения вокруг региональной столицы и равномерной локализацией муниципальных образований низкой численности населения (рис.1).

«Сжатие пространства» протекает при сокращающейся численности населения ЦЧР с 8,0 млн человек в 1970 г. до 7,1 млн человек в 2020 г. (11%) как следствие демографических процессов, усиления территориальной мобильности населения за пределы района, урбанизации. В составе района в течение 50-ти лет стабильным ростом численности населения отличалась лишь Белгородская область (на 25%) вследствие значительного миграционного притока. Детальный анализ динамики численности сельского населения по МО с 2010 по 2020 г. свидетельствует о «локационном» типе сжатия» [17], грозящим потерей обжитых, экономически активных земель периферии областей, усилением поляризации, фрагментацией пространства. Локационное сжатие идет параллельно с коммуникационным: ростом доступности центров за счет увеличения густоты автомобильных дорог [18], автомобилизации населения, скорости передвижения, пространственной дифференциацией размещения населения.

Самые значительные сокращения численности сельского населения произошли в Курской и Тамбовской областях (рис. 2).

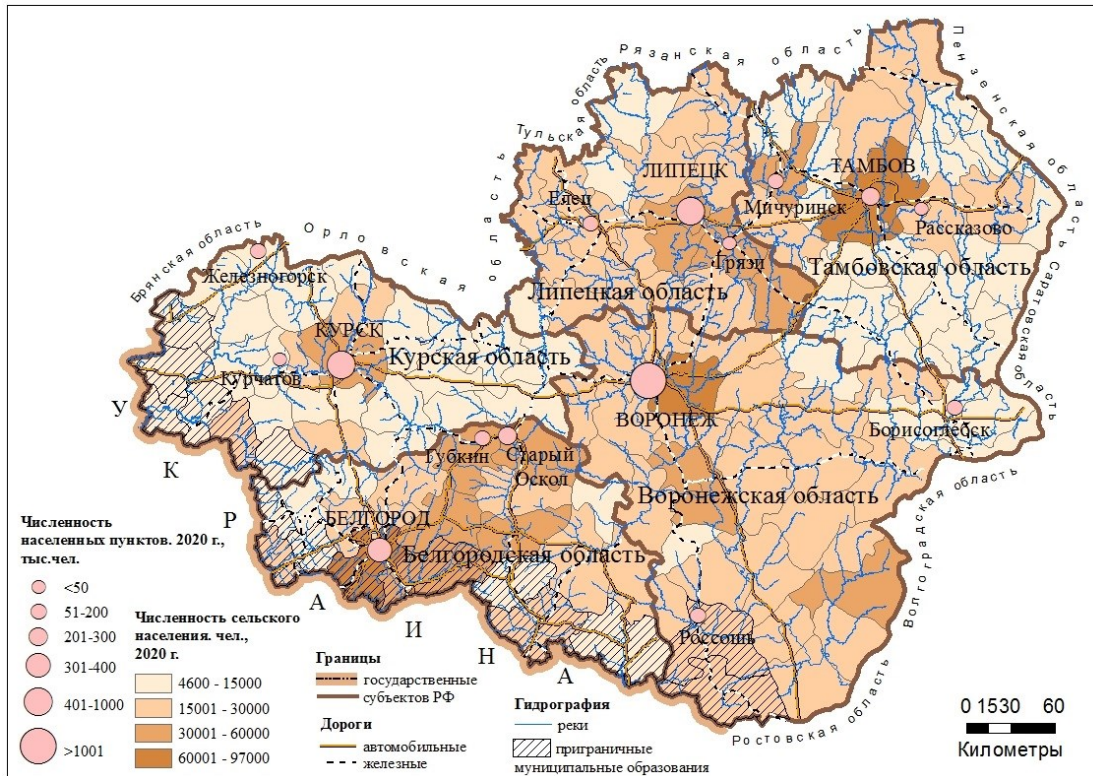

Рис. 1. Расселение населения Центрально-Черноземного района. 2020 г. Рисунки 1-4 составлены по [12, 13, 14, 15, 16].

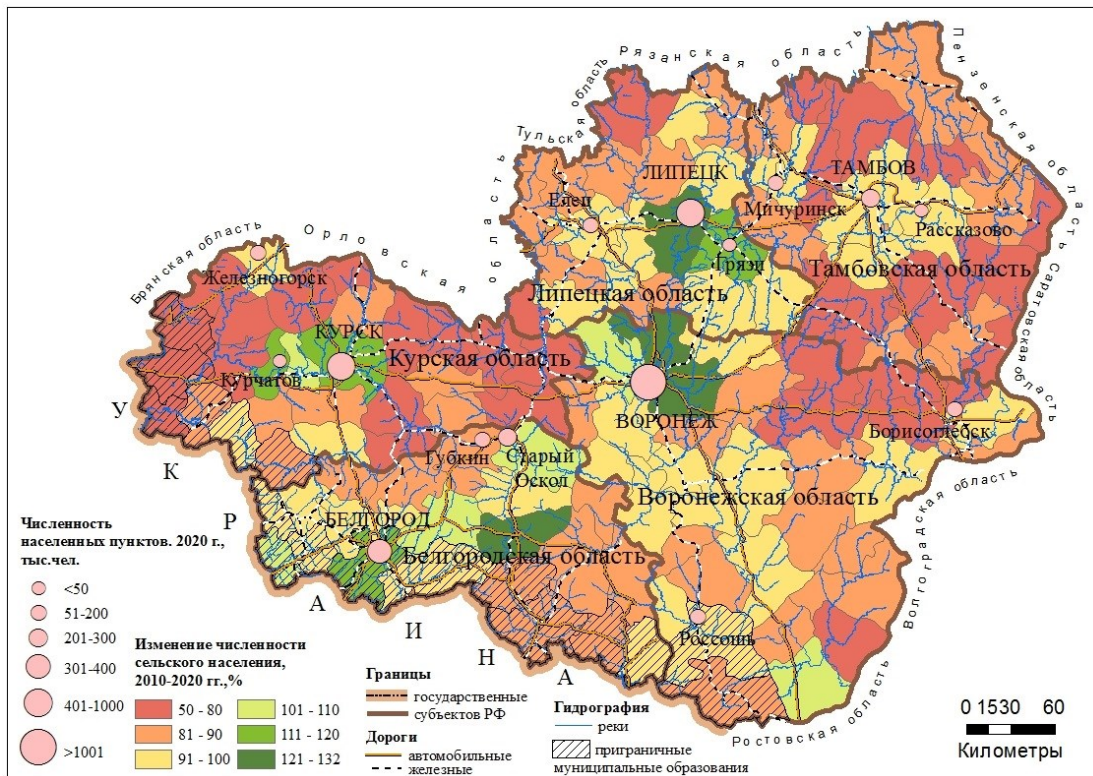

Рис. 2. Изменение численности сельского населения муниципальных образований Центрально-Черноземного района. 2010–2020 гг., %.

Особенностью Центрально-Черноземного района является приграничное положение с Украиной трех областей — Белгородской, Воронежской, Курской: с 2002 по 2019 г. численность населения областей сократилась на 5.1%, население собственно приграничных территорий — на 7.1%, увеличение было отмечено только в пригородном Белгородском районе. Самые значительные падения численности населения приграничных районов произошли в Курской области — за последние десять лет на 19% [19]. Поскольку численность населения любой территории зависит от действия двух факторов — естественного и механического движений, то при перманентной естественной убыли во всех областях ЦЧР доминантным фактором стали масштабы миграций и их сальдо.

Миграции в данной статье рассматриваются как вид социальной мобильности населения, признак и фактор развития урбанизации, сочетающий вертикальную (переход по ступеням служебной иерархической лестницы) и горизонтальную мобильность (перемещение в географическом пространстве).

Согласно результатам наших расчетов, *высокое положительное сальдо миграции* характерно только для областных столиц — региональных метрополисов и их пригородов, за исключением Тамбовской области (рис. 3). Тамбовская область имеет худшие показатели: лишь в трех районах положительное сальдо миграции, в то время как в Воронежской области в 2/3 районов (68%), Курской области в четверти районов (26%).

Не диверсифицированная структура экономики села, безработица, низкий уровень благоустройства, неразвитая социальная среда, привлекательный образ крупного города увеличивают мотивацию отъезда населения из сельских населенных пунктов.

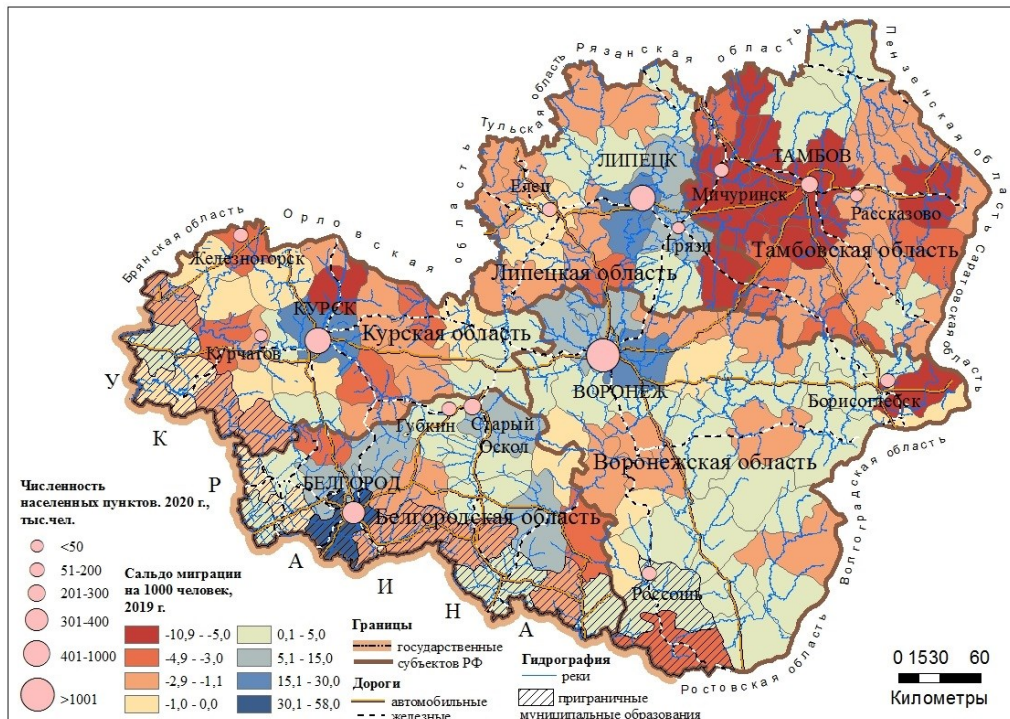

Рис. 3. Сальдо миграции. 2019 г., на 1 000 чел.

В собственно *приграничных районах* положительное сальдо миграции становится редким показателем: в Белгородской области из девяти порубежных районов — лишь в четырех с разницей в показателях от 4 704 в Белгородском (одновременно пригородном) до 18 человек в Ровеньском; Курской — из шести — в Рыльском; Воронежской из двух — в Россошанском.

Детальную картину подвижности населения отражает *коэффициент миграционной подвижности населения* (КМПН) территории, определяемый как отношение суммы прибывших и выбывших к численности населения, на тысячу жителей. Центрально-Черноземный район отличается дифференцированными показателями среднего арифметического значения коэффициента миграционной подвижности населения, рассчитанного на две даты — 2010 и 2019 г. Очень высокие коэффициенты территориальной подвижности (мобильности) характерны для периферийных районов: Ракитянского Белгородской области; Богучарского, Семилукского Воронежской; Данковского, Грязинского Липецкой; Дмитриевского, Пристенского, Хомутовского Курской; абсолютного большинства — Тамбовской; низкие — для районов, расположенных вокруг городов (рис. 4).

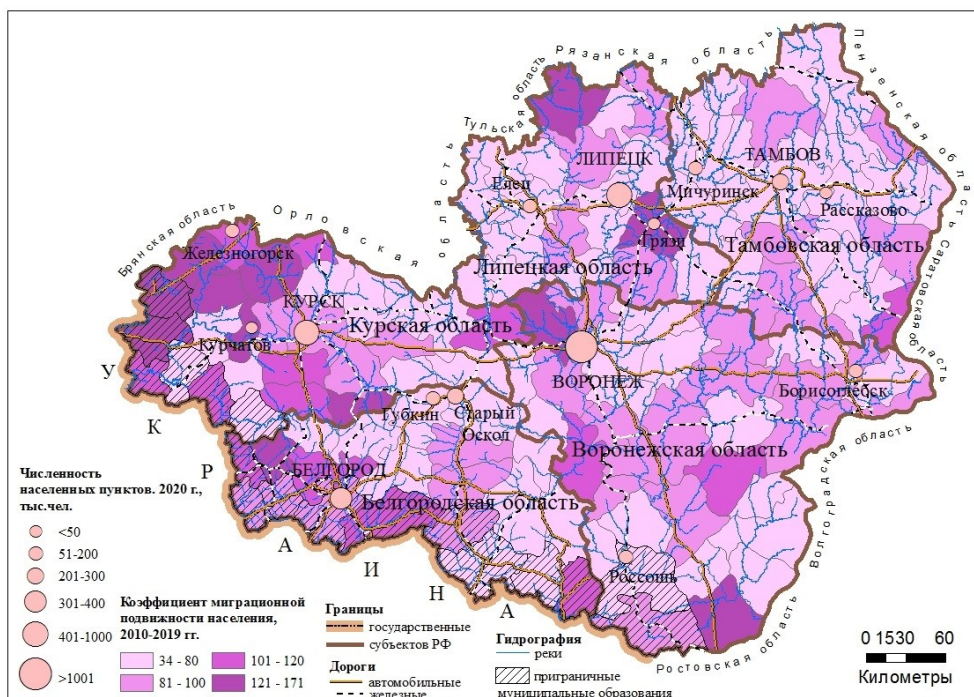

Рис. 4. Коэффициент миграционной подвижности населения. 2010–2020 гг. На 1 000 чел. Среднее арифметическое.

Следствием высокой территориальной мобильности сельских жителей, длительным отрицательным сальдо миграции могут быть затруднения в диффузии инноваций, особенно технологических.

Поскольку мобильность сельского населения в региональные метрополисы характерна преимущественно для молодых, образованных, креативных людей, то следствием их оттока становится «отрицательный» социальный отбор. Для определения доли лиц со специальным средним и высшим образованием в составе сельского населения как акторов восприятия инноваций мы обратились к

официальной государственной статистике, но, к сожалению, Росстат отображает результаты лишь последней переписи населения 2010 г. и предлагает обобщенный показатель «доля лиц с уровнем образования не ниже среднего профессионального». Из его данных следует, что специалисты с уровнем образования не ниже среднего профессионального составили в сельском населении 34%, в городском — 54% с незначительной дифференциацией по областям [19]. По столь «размытому» показателю трудно сделать конкретные выводы. Заметим лишь, что сельский образ жизни глубинных районов не предполагает высокой общественной активности в силу низкой плотности населения, немногочисленности контактов, сложностей в повышении образовательного уровня. Но проникновение потребительских инноваций в определенной степени модернизируют образ жизни.

Большую часть населения сельской местности составляют жители средних лет и старше, менее восприимчивых к процессам распространения инноваций и поэтому вероятность проникновения технологических инноваций в сельскую местность может быть низкой. К сдерживающим новации факторам следует отнести немногочисленность в сельской местности «новаторов» и многочисленность «отстающих» — «консервативных, сосредоточенных на «традициях», не любящих перемены, принимающих инновации только когда они стали общепринятой нормой, категорий людей с низким социальным статусом и низкой финансовой обеспеченностью» [20. С. 6].

Определенные выводы о социальной мобильности населения можно сделать на основе структуры занятости населения по отраслям экономики.

Согласно данным статсборника «Регионы России», основными видами деятельности (занятости) в ЦЧР являются торговля оптовая и розничная, обрабатывающие производства, сельское хозяйство (табл.). Повышенная доля занятых в сельском хозяйстве на фоне РФ и ЦФО обоснована специализацией ЦЧР в общероссийском разделении труда, высокая же доля торговли («торговый флюс») свидетельствует о псевдотерциализации в районе (полагаем, что COVID-19 переведет часть торговли в виртуальное пространство).

Таблица 1
Распределение численности занятых в экономике по видам экономической деятельности, %. 2019 г.

	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Обрабатывающие производства	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Образование	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
РФ	6.7	14	19.0	7.6	6.2
ЦФО	4.3	13.9	20.8	6.2	5.2
Белгородская	12.9	16.2	17.3	9.3	6.3
Воронежская	12.3	13.4	22.5	7.1	6.5
Курская	12.1	13.9	20.7	9.6	7.0
Липецкая	10.9	17.8	18.7	6.5	6.5
Тамбовская	22.4	13.4	17.1	7.4	6.4

Составлено по [19. С. 21]

Сборник не отображает порайонной занятости населения в науке, научно-технической сфере, информационном обслуживании. Можно лишь высказать предположение, что высокая занятость в торговле и первичном секторе не содействуют инновационному развитию областей, сельской местности, в частности.

Следует заметить, что общество, жизнь людей стремительно меняются и «эффект колеи» — унаследованные различия между модернизирующимся центром и традиционной сельской периферией изменяются, а в сельских пригородах столиц — стираются.

Ранее отмечено [21], что никто достоверно не знает, каким окажется грядущее общество. Мир стоит на пороге информационного, цифрового общества, в котором знания будут играть решающую роль и произойдет объединение труда и средств производства. В таком обществе меняется форма организации производства: нет необходимости в концентрации производства, как это имело место в индустриальном обществе, и каждый может полноправно участвовать в производственном процессе, находясь в удалении от крупных промышленных центров, проживая в маленьком городе или сельской местности.

В России активно формируется дистанционная занятость, создаются модели новой волны миграции из городов в экологически чистые районы, осуществляются необходимые деловые коммуникации через Интернет независимо от места жительства — технологии инфокоммуникаций предоставляют такую возможность, открываются новые вероятности сельской местности.

Выводы

Проведенное исследование показало перераспределение населения в направлении «периферия-центр», установило рост мобильности сельского населения, следствием которого стало сокращение его доли и численности в составе района, наиболее значительное в приграничных с Украиной областях ЦЧР.

Анализ типов «сжатия» пространства выявил доминанту в сельском расселении «локационного» сжатия, усиливающую поляризацию расселения, фрагментацию пространства.

Рассчитанный коэффициент миграционной подвижности населения отобразил высокую мобильность населения в периферийных районах, низкую — в пригородных.

Территориальная мобильность населения высоко дифференцирована: в меньшей степени оттоком сельских жителей затронута Воронежская область с явным преобладанием районов с положительным сальдо миграции, в Белгородской области - примерно половина, Липецкой — две/пятых, Курской — четверть районов. Худшие показатели по ЦЧР в Тамбовской области — лишь три района из 23 имеют положительное сальдо миграции.

В собственно приграничных районах мобильность населения особенно высока: из 17-ти порубежных районов в 11-ти отрицательное сальдо миграции.

Длительная, высокая территориальная мобильность молодых, образованных, креативных людей из сел приводит к ухудшению человеческого капитала сельской местности. Высока вероятность сложного восприятия населением

технологических новаций, диффузии инноваций в сельскую местность. Значительная доля торговли и первичного сектора в структуре занятости населения также могут затруднить инновационное развитие общества.

Но, возможно, формирующееся информационное и цифровизирующееся общество, рост потребительских новаций, удаленная работа из села изменят грядущее общество сельской местности.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №20-05-00074.

Литература

1. Трейвиш А. И. Старые районы 30 лет спустя в условиях постиндустриального сжатия пространства / Староосвоенные районы: генезис, исторические судьбы, современные тренды развития // Отв. редактор В. Н. Стрелецкий. М.: ИП Матушкина И. И., 2019. С. 12–24.
2. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
3. Нефедова Т. Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону, 2018. С. 4–21.
4. Алексеев А. И. Человек и природа в развитии сельской местности Нечерноземья // Региональные исследования, 2014. № 4. С. 81–87.
5. Клюев Н. Н. Эколого-ресурсный диссонанс в сельском хозяйстве российских регионов / Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография, ред. кол.: Л. И. Попкова (отв. ред.), И. Е. Требушкова, С. А. Казаков. Курск, КГУ, 2017. С. 391–397.
6. Чугунова Н. В., Полякова Т. А. Современные тенденции эволюционного развития сельского расселения региона / География: история, современность, перспективы // Сборник научных трудов. Под ред. Г. С. Гужина. Краснодар. Кубанский госуниверситет, 2012. С. 531–543.
7. Чугунова Н. В., Морковская Д. Н. «Мертвые» деревни в структуре сельского расселения Центрально-Черноземного района / Географические исследования Сибири и сопредельных территорий // Материалы Международной географической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика В. В. Воробьева (Иркутск, 21–25 октября 2019 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 97–101
8. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2669918-pall.html>. (дата обращения: 14.03.2021).
9. 19 сессия ООН Хабитат [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://uchebana5.ru/cont/1528702-p3.html>. (дата обращения: 15.11.2020).
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Стат. сб. // Росстат. М., 2020. 1402 с.
11. Чугунова Н. В., Нарожняя А. Г. Внутренняя структура агломераций и городского пространства Центрально-Черноземного района средствами ГИС // Управление городом. Теория и практика. № 3 (37), 2020. С. 56–62.

12. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst14/DBInet.cgi>. (дата обращения: 18.03.2021).
13. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst20/DBInet.cgi>. (дата обращения: 18.03.2021).
14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst38/DBInet.cgi>. (дата обращения: 18.03.2021).
15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi> (дата обращения: 18.03.2021).
16. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области. [Электронный ресурс] Режим доступа: (дата обращения: 18.03.2021). <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst42/DBInet.cgi>.
17. Трейвиш А. И. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией / Проблемы географической реальности. IX сократические чтения // Сб. докл. Под ред. В. А. Шупера. М., 2012. С. 166–190.
18. Чугунова Н. В., Нарожняя А. Г., Полякова Т. А., Кухарук Н. С., Морковская Д. Н. Поляризация пространства Белгородской, Воронежской, Курской областей: роль региональных столиц // Известия Русского географического общества, 2021, Том 153, № 2. С. 18–29.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf. (дата обращения: 18.03.2021).
20. Носонов А. М. Теория диффузии инноваций и инновационное развитие регионов России // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 3–16.
21. Чугунова Н. В. Сельская местность региона: расселение — прошлое и неопределенное будущее // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Санкт-Петербург-Ростов-на-Дону, 2014. № 3. С. 122–134.

**D. N. Morkovskaya¹,
N. V. Chugunova²,
N. S. Kukharuk³**

***Mobility of the population of rural areas of
the Central Black Earth Region and the
possibility of diffusion of innovations***

^{1,2,3}Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation
e-mail: darya.morkovskaja@yandex.ru¹,
Chugunova@bsu.edu.ru², kuharuk@bsu.edu.ru³

Abstract. *The Central Black Earth Region, with its unique natural and economic potential, under the combined influence of many factors, the main of which was urbanization, has undergone significant changes in ekistic processes. Urbanization contributed to the metropolisation of regional capitals, accelerated the processes of migration from rural areas and small towns, changed the socio-economic, ekistic and demographic space of the territories. The study revealed the role of social mobility of the population in the transformation of settlement, demographic losses in the*

countryside, and changes in the quality of the population. Definitely, the most radical changes took place in the growth of the population of the suburban areas and the decrease in the population of the peripheral and border areas of the regions under study. The structure of the economy, high long-term mobility of young, educated, creative people from villages to regional metropolises lead to a change in the quality of human capital, difficulties in the perception of technological innovations in rural areas. The future of the countryside is presented to the authors of the article as complex and contradictory. The results of the work carried out have practical and theoretical significance: they provide an opportunity to make informed managerial decisions on the spatial development of the region, to identify new problems of cardinal changes in the territorial organization of Russian society.

Keywords: *mobility, population, economics, territorial, social, migration, innovations, Central Black Earth Region, borderland.*

References

1. Trejvish A. I. Starye rajony 30 let spustya v usloviyax postindustrial'nogo szhatiya prostranstva. Staroosvoennye rajony: genezis, istoricheskie sud'by, sovremennye trendy razvitiya. (ed) V. N. Streleczkij. M.: IP Matushkina I. I., 2019. pp. 12–24. (in Russian).
2. Nefedova T. G. Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoj Rossii. Otvetny geografa. M: LENAND, 2013. 456 p. (in Russian).
3. Nefedova T. G. Faktory i tendencii izmeneniya sel'skogo rasseleniya v Rossii. Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskikh geografov-obshchestvovedov. Rostov-na-Donu, 2018. pp. 4–21. (in Russian).
4. Alekseev A. I. Chelovek i priroda v razvitii sel'skoy mestnosti Nechernozem'ya. Regional'nye issledovaniya, 2014. no. 4. pp. 81–87. (in Russian).
5. Klyuev N. N. Ekologo-resursnyy dissonans v sel'skom khozyaystve rossijskikh regionov. Strategiya razvitiya prigranichnykh territoriy: tradicii i innovacii: monografiya, red. kol.: L. I. Popkova (otv. ed.), I. E. Trebushkova, S. A. Kazakov. Kursk, KGU, 2017. pp. 391–397. (in Russian).
6. Chugunova N. V., Polyakova T. A. Sovremennye tendencii evolyucionnogo razvitiya sel'skogo rasseleniya regiona. Geografiya: istoriya, sovremennost', perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov. (ed.) G. S. Guzhina. Krasnodar. Kubanskiy gosuniversitet, 2012. pp. 531–543. (in Russian).
7. Chugunova N. V., Morkovskaya D. N. "Mertvye" derevni v strukture sel'skogo rasseleniya Central'no-Chernozemnogo rayona. Geograficheskie issledovaniya Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Materialy Mezhdunarodnoy geograficheskoy konferencii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. V. Vorob'eva (Irkutsk, 21–25 oktyabrya 2019 g.). Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2019. pp. 97–101. (in Russian).
8. Konceptiya ustojchivogo razvitiya sel'skikh territoriy Rossiyskoy Federacii na period do 2020 g. [Electronic resource]. URL: <https://refdb.ru/look/2669918-pall.html>. (reference date: 14.03.2021). (in Russian).
9. 19 sessiya OON Xabitat [Electronic resource]. URL: <https://uchebana5.ru/cont/1528702-p3.html>. (reference date: 15.11.2020). (in Russian).
10. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2020. Stat. sb. Rosstat. M., 2020. 1402 p. (in Russian).

11. Chugunova N. V., Narozhnyaya A. G. Vnutrennyaya struktura aglomeratsiy i gorodskogo prostranstva Central'no-Chernozemnogo rayona sredstvami GIS. Upravlenie gorodom. Teoriya i praktika. no. 3 (37), 2020. pp. 56–62. (in Russian).
12. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Belgorodskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst14/DBInet.cgi>. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
13. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Voronezhskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst20/DBInet.cgi>. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
14. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Kurskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst38/DBInet.cgi>. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
15. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Tambovskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi> (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
16. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Lipetskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst42/DBInet.cgi>. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
17. Trejvish A. I. Szhatie social'nogo geoprostranstva: mezhdru real'nost'yu i utopiey / Problemy geograficheskoy real'nosti. IX sokraticheskie chteniya. Sb. dokl. (ed.) V. A. Shupera. M., 2012. pp. 166–190. (in Russian).
18. Chugunova N. V., Narozhnyaya A. G., Polyakova T. A., Kukharuk N. S., Morkovskaya D. N. Polyarizatsiya prostranstva Belgorodskoy, Voronezhskoy, Kurskoy oblastey: rol' regional'nykh stolits. Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva, 2021, Vol. 153, no. 2. pp. 18–29. (in Russian).
19. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2020: R32. Stat. sb. / Rosstat. M., [Elektronnyy resurs] URL: 2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
20. Nosonov A.M. Teoriya diffuzii innovatsiy i innovatsionnoe razvitiye regionov Rossii. Pskovskiy regionologicheskii zhurnal. 2015. no. 23. pp. 3–16. (in Russian).
21. Chugunova N. V. Sel'skaya mestnost' regiona: rasseleniye — proshloe i neopredelennoye budushhee. Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov. Sankt-Peterburg-Rostov-na-Donu, 2014. no. 3. pp. 122–134. (in Russian).

Поступила в редакцию 03.06.2021 г.

УДК 911.3-027.21 [911.3:316]-027.21

А. Б. Шве́ц¹,
Н. В. Кисе́лёва²,
И. Н. Воро́нин³,
Д. А. Во́льхин⁴,
А. Н. Яковле́в⁵

Сельские территории Крыма: границы и содержание образа

^{1,2,3,4,5} Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: fusion10@mail.ru¹, nvkis60@mail.ru², voronin.igor53@yandex.ru³, lomden@mail.ru⁴, andrey_yakovlev84@list.ru⁵

Аннотация. В статье приводятся результаты социологического исследования проблем, состояния и перспектив развития нерекреационных территорий Крыма «Сельские территории Крыма: проблемы, образ жизни, перспективы». Исследование выполнено с применением социокультурного подхода в общественно-географическом изучении сельских территорий региона. Дана характеристика содержания и границ географического феномена «Иной Крым». Выявлена дифференциация сельских районов Крыма (Предгорный и Горный Крым, Степной Крым, Присивашье и Керченский полуостров) по характеру социокультурных процессов.

Ключевые слова: сельская местность, сельский образ жизни, социологический опрос, «Иной Крым», сельские районы Крыма.

Введение

Изучение сельских территорий не является новой проблемой для российской общественной географии. В разные исторические периоды географическая наука формировала образы сельских территорий на основе объективного сравнения двух разных стратегий освоения человеком окружающего пространства: урбанизма и рурализма. Точки соприкосновения этих стратегий находились в сопоставлении итогов расселения городского и сельского населения. Априори считалось, что урбанизм в практике государственного управления расселением более притягателен для большинства людей, особенно молодых, а мир деревни — уходящая натура. События последних лет, связанные с поиском мест изоляции от ковидной пандемии, напомнили исследователям о том, что урбанизм — это во многом стратегия накопления рисков (социальных, экологических, политических, культурных). В пандемию более комфортно изолироваться от излишних контактов не в городе с его замкнутыми пространствами многоквартирных «человейников», а в деревенской «глуши» с её возможностью для людей самостоятельно регулировать степень сомкнутости их личного пространства.

Мир села — важнейшая составная часть образа жизни населения любой страны. Это, конечно, далеко не социальный рефугиум, но, безусловно, пространство сохранения социокультурных основ общества. Здесь многие процессы и понятия повседневности, затёртые стремительным темпом городской жизни, получают иное звучание и пространственный смысл. Трудно представить решение жителями сёл проблемы качественной неравноценности их социального статуса, в сравнении с горожанами, на площадях и майданах. В городе

социальный протест — привычный способ стихийной самоорганизации общества, в селе — нарушение традиции долготерпения у людей, сформировавших общность по длительным трудовым, а не сиюминутным конфронтационным связям с миром. Село, наряду с городами, решает стратегически важные задачи сохранения этнокультурного разнообразия общества, регулирует процесс планетарного расселения людей, обеспечивает социокультурный контроль над способами освоения территорий, создавая в них феномен уникальности или «инаковости».

Современное изучение сельской местности в российском общественно-географическом контексте содержит ряд проблемных вопросов, которые требуют как теоретического, так и методического осмысления. Среди этих вопросов отметим необходимость внесения понятийной чёткости в определение сельской местности, сельского образа жизни, совмещения отраслевого и социокультурного подходов в освещении проблематики сельской местности.

Социокультурный подход в изучении сельской местности представляется нам как объективный образ территории, созданный не только с позиций исследователя, но и с учётом мнений того сообщества людей («человеческого капитала»), которые на ней проживают. Это территориальное сообщество формирует свою систему ценностей, благосостояния, здоровья, мотивировки действий и выполняет по отношению к стране или отдельному её региону определённые функции, локализованные в области аграрных отношений, продовольственной безопасности и сохранения культуры, способной диалектически дополнить урбанистическую.

Целью работы стало выявление проблемных вопросов теории и практики междисциплинарного изучения сельской местности для корректировки теоретико-методического аппарата географических исследований этого типа территории в условиях полиэтнического региона, которым является современный Крым в составе двух политико-географических субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Под *сельской территорией* мы предлагаем понимать особый тип местности, в пределах которого выделяются поселения и межселенные территории земледельческой или иной аграрной эксплуатации, заселённые людьми, имеющими сложившиеся навыки, традиции и ценности сельского образа жизни.

Ещё в 1880 г. появилась одна из первых географических работ по изучению сельской местности П. П. Семёнова, который только в 1906 г. получит почётную приставку к своей фамилии Тян-Шанский, с которой он и войдет в историю географической науки, — «Мураевенская волость. Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины в России». Исторический контекст появления этой работы связан с преобразованием русской сельской общины в Рязанской губернии, а более широко — Центральной России, после отмены крепостничества. Мир крестьянства стремительно менялся и необходимо было уловить типичные черты этих изменений.

Работа П. П. Семёнова стала первой в ряду географических исследований сельской местности с применением социологической методики подворового опроса крестьян, позволившей изучить их сущностные и статистические характеристики. Современная общественная география России выполняет, по сути, аналогичную задачу междисциплинарного, совместно с социологией,

изучения сельской местности. Это позволяет значительно расширить объяснительную базу общественно-географического знания, дополнить его статистико-аналитическую и картографическую информацию о территории живыми оценками людей, проживающих на ней.

Вершиной российской классики географического изучения сельской местности признана также книга В. П. Семёнова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России», вышедшая в 1910 г. В этой работе впервые была проведена типология пространственных форм «русской оседлости» как результата славянской колонизации Русской равнины, сочетавшей «зональные» и «азональные» (т.е. зависимые и независимые от распределения почв и растительности) признаки.

Попытка повторить монографию В. П. Семёнова-Тян-Шанского в реалиях конца XX века была предпринята коллективом географов Института географии РАН в 2001 г. и вышла под динамичным названием «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» [1]. Главное достоинство книги — сравнительно-географический характер столетних итогов развития городов и сельских территорий Европейской России, которые во многом подтвердили методическую догадку В. П. Семёнова-Тян-Шанского о приоритетном значении природных критериев в типологическом изучении процесса формирования сельского расселения и образа жизни.

В советский период фундаментальным научным трудом по изучению сельской местности стала монография С. А. Ковалёва «Сельское расселение (географическое исследование)», изданная в 1963 г. [2]. В последующем представления о функциях сельской местности и образе жизни её населения были дополнены монографическими трудами А. И. Алексеева [3; 4] и Т. Г. Нефёдовой [5], статьями Н. В. Зубаревич [6; 7]. Анализ эволюции взглядов современных географов-обществоведов на сущность и неоднозначность понятия «сельская местность» проведен М. Ю. Присяжным [8].

Вопросы методологии социологического изучения сельской местности представлены в работах Ю. В. Арутюняна, доказавшего материалами эмпирических исследований мысль о том, что внутриклассовые различия между социально-профессиональными группами сельского населения сильнее межклассовых [9; 10], Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной, начавших системное изучение деревни, основанное на мысли о том, что «городская часть общества продолжает эксплуатировать его сельскую часть» [11]. Постсоветская социология российского села представлена оригинальными работами Центра крестьяноведения и аграрных реформ, созданного в начале 1990-х гг. с участием ученых Манчестерского университета и Института отечественной истории РАН [12]. Труды Центра выполнены в традициях А. В. Чаянова — создателя отечественного междисциплинарного научного крестьяноведения, методология которого сформирована вокруг представления о крестьянстве не только как социальном слое, но как особом образе жизни и мировосприятии.

Представители российской социологии села, подобно исследователям отечественной общественной географии, неоднократно отмечали необходимость новых методологических ориентиров в изучении мира современной российской деревни. Обе науки сходятся в том, что современное российское село оказалось перед новыми вызовами, сформированными «...агрессивными рыночными отношениями: переделом собственности (на землю, средства производства,

основные и оборотные средства производства и капиталы), ликвидацией прежних организаций и форм сельскохозяйственного производства» [13, с. 95]. Социально-экономическая и пространственная организация советского села новой общественной системе не подходит, что обнаруживается в ускоряющейся динамике вымирания российских деревень практически во всех регионах страны. Ни социология, ни общественная география не в силах остановить этот процесс, но создать его междисциплинарный мониторинг для фиксации границ глубины явления, дающих понимание тенденций и сдвигов в территориальной структуре общественных процессов, — задача вполне реальная.

Материалы и методы

Для проведения междисциплинарного исследования сельской местности выбран Крымский полуостров в границах Республики Крым и города Севастополя. В этих субъектах сельскохозяйственный тип освоения территории и сельское расселение населения является абсолютным антиподом рекреационному варианту социокультурной освоенности, доминирующему по информационной «раскрученности» в средствах массовой информации и иных источниках.

Сельскую (нерекреационную) местность Крыма мы условно обозначили геоконцептом «Иной Крым». Геоморфологически он совпадает с равнинными территориями северной, центральной, западной частей Крымского полуострова, а также с Керченским холмогорьем. В ландшафтном отношении — это степные пространства, распаханые более чем на 70% и занимающие четыре пятых всей территории Крымского полуострова. Южную границу «Иного Крыма» в равнинной части полуострова можно условно провести по линии Евпатория – Саки – Гвардейское – Кировское – Приморский.

Вместе с тем, мы понимаем, что в предгорно-низкогорной части Крыма также имеются селения, где сельский образ жизни по характеру демографических процессов, структуре занятости населения, слабой транспортной доступности территории и её оторванности от городских центров подобен равнинному или степному Крыму. Предгорно-низкогорная часть Крыма — это также слабо освоенная в информационном отношении территория Крымского полуострова, которую трудно назвать «фасадом Крыма». Таким образом, пространство «Иного Крыма» в административном отношении представляет компактный массив территорий равнинных (степных) районов и фрагментированного рельефом пространства предгорья и отдельных обжитых участков Крымских гор, перемежающееся территориями городов и городских округов (рис. 1). Из этого пространства нами исключены приморские территории, кроме северо-западных частей Черноморского и Раздольненского муниципальных районов, всего Присивашья и южной части Керченского полуострова, сельские населённые пункты которых не имеют рекреационной специализации.

Рис. 1. Районы сельских территорий Крыма, формирующих геоконцепт «Иной Крым».

Разработано авторами, 2021 г.

«Иной Крым» концентрирует в своих административных пределах более 100 сельских поселений, в которых проживает более 60% сельского населения полуострова. Выделяя сельские территории Крыма с указанием их ландшафтных и геоморфологических особенностей (Степной, Горно-Предгорный, Присивашский районы) мы подчеркивали дифференциацию их локалитетов в пределах схем природно-географических районов, выделенных в Крыму П. Д. Подгородецким [14] и Е. А. Позаченюк [15].

Для выделения границ «Иного Крыма» помимо природных особенностей локалитета сельских территорий полуострова было учтено начертание их административных границ. Без административной соотнесённости сельских территорий сложно интерпретировать их статистические характеристики необходимые для проведения социологического опроса общественного мнения населения сельских населённых пунктов, попадающих в категорию «Иного Крыма».

В июне 2021 г. авторами был проведен опрос общественного мнения жителей 30 сельских поселений 14 муниципальных районов Республики Крым и города федерального значения (гфз) Севастополь, выбранных в качестве ключевых для интерпретации проблем, состояния и перспектив развития рекреационных территорий Крыма «Сельские территории Крыма: проблемы, образ жизни, перспективы» (табл. 1).

Таблица 1

Состав сельских населённых пунктов Крыма, выбранных в качестве ключевых для интерпретации результатов соцопроса «Сельские территории Крыма: проблемы, образ жизни, перспективы» (июнь 2021 г.)

№	Муниципальные районы по субъектам федерации	Сельские населённые пункты
	Республика Крым:	
1	Бахчисарайский район	Верхоречье, Соколиное
2	Белогорский район	Ароматное, Земляничное
3	Джанкойский район	Мирновка, Придорожное
4	Красногвардейский район	Петровка, Найденовка
5	Красноперекопский район	Ишунь, Красноармейское
6	Кировский район	Журавки, Токарево
7	Ленинский район	Марьевка, Уварово
8	Нижнегорский район	Жемчужина, Изобильное
9	Первомайский район	Кормовое, Правда
10	Раздольненский район	Ботаническое, Ковыльное
11	Сакский район	Вересаево, Сизовка
12	Симферопольский	Денисовка, Широкое
13	Советский район	Краснофлотское, Урожайное
14	Черноморский район	Далёкое, Окунёвка
15	гфз Севастополь	Верхнесадовое, Хмельницкое

Составлено авторами, 2021 г.

Сельские поселения отбирались по трём критериям (табл. 2):

1) локализации в пределах исследовательских районов Крымского полуострова, выделенных по ведущим ландшафтно-геоморфологическим признакам: *Присивашье и Керченский полуостров, Степной Крым, Предгорный и Горный Крым*;

2) миграционной динамике населения: миграционный прирост и убыль населения;

3) транспортной доступности административного центра: до 30 мин.; от 30 до 60 мин.; свыше 60 мин.

В опросе общественного мнения использовалась стратифицированная выборка, в которой существенными критериями респондентов сельского населения в возрасте от 18 лет и старше являлись: половозрастные и этнические характеристики. В качестве процедуры сбора социологических данных в исследовании применялся один из основных опросных методов — прямое индивидуализированное интервьюирование с использованием стандартизированной анкеты.

Общее число опрошенных составило 315 чел. Половая принадлежность респондентов представлена 43,2% мужчин и 56,8% женщин (половозрастная структура населения Республики Крым по итогам переписи населения 2014 г. зафиксировала мужчин — 45,9%; женщин — 54,1%, в городе Севастополь соответственно 46,2% и 53,8%). Этническая структура респондентов целевой аудитории распределилась следующим образом: русские — 53,7%; украинцы — 21,6%, крымские татары — 20,6%, представители других национальностей — 3,8%, отказавшиеся назвать национальность — 0,3%.

Возрастные когорты опрошиваемых были представлены: 18–30 лет — 14,6%; 31–45 лет — 23,8%; 46–60 лет — 32,4% и старше 60 лет — 29,2%.
Статистическая ошибка выборки в среднем составила 4,5%.

Таблица 2

Признаки отбора сельских поселений Крыма для интерпретации результатов соопроса «Сельские территории Крыма: проблемы, образ жизни, перспективы» (июнь 2021 г.)

№	Населенный пункт	Миграционная динамика сельского поселения, 2015–2019 гг., (прирост +, убыль -)	Зона транспортной доступности административного центра, мин.	Районы
1	с. Красноармейское	–	30–60	Присивашье и Керченский полуостров
2	с. Придорожное	–	< 30	
3	с. Изобильное	–	30–60	
4	с. Урожайное	–	< 30	
5	с. Токарево	+	< 30	
6	с. Уварово	+	< 30	
7	с. Марьевка	–	30–60	
8	с. Петровка	+	< 30	Степной Крым
9	с. Найденовка	–	> 60	
10	с. Жемчужина	+	30–60	
11	с. Краснофлотское	–	< 30	
12	с. Мирновка	+	< 30	
13	с. Ишунь	–	< 30	
14	с. Кормовое	–	> 60	
15	с. Правда	–	< 30	
16	с. Ботаническое	+	< 30	
17	с. Ковыльное	–	< 30	
18	с. Сизовка	–	> 60	
19	с. Вересаево	+	< 30	
20	с. Далекое	–	30–60	
21	с. Окуневка	+	30–60	Предгорный и Горный Крым
22	с. Широкое	+	30–60	
23	с. Верхоречье	–	< 30	
24	с. Соколиное	+	30–60	
25	с. Ароматное	+	30–60	
26	с. Земляничное	–	30–60	
27	с. Журавки	+	< 30	
28	с. Денисовка	+	< 30	
29	с. Хмельницкое	+	30–60	
30	с. Верхнесадовое	–	> 60	

Составлено авторами, 2021 г.

Результаты и обсуждение

Изучение образа и качества жизни крымских сёл связано с определением проблемного поля проживания в сельской местности, **иерархии и степени проявленности основных проблем** в представлениях представителей различных социальных и территориальных групп населения. В ходе опроса общественного мнения респонденты отмечали основные проблемы сельских поселений, среди которых первое место в иерархии заняла проблема безработицы и нехватки рабочих мест, отмеченная почти половиной опрошенных. Более 30% респондентов отметили низкие доходы (зарплаты и пенсии), плохое качество дорог, отсутствие газификации, а также отдаленность или отсутствие аптек. Более 20% респондентов в качестве основных проблем выделили отсутствие или недостаток банкоматов в сёлах, недоступность медицинских услуг, отсутствие или недостаток освещенности общественных мест. Остальные проблемы имеют меньшую степень проявленности, от 10 до 20% респондентов отметили следующие проблемы: отсутствие центрального водоснабжения и канализации, отсутствие предприятий/организаций по оказанию бытовых услуг, отсутствие тротуаров, плохую организацию общественного транспорта, отсутствие или отдалённость учреждений культуры и мест отдыха, отсутствие условий для развлечения детей, загрязненность окружающей среды, отсутствие условий для занятий физкультурой и спортом и ряд других проблем. Наименьшую важность для респондентов имеют проблемы с частотой ответов менее 10%: плохая организация работы ЖКХ, отсутствие или отдаленность детских садов и школ, а также отсутствие или отдаленность торговых точек. 4,4% опрошенных заявили, что в сельской местности нет никаких проблем.

В разрезе социальных групп, выделенных по разным признакам, проблемное поле сельских местностей Крыма характеризуется следующими параметрами. В целом иерархия проблем в ответах мужчин и женщин совпадает, однако есть ряд гендерных особенностей в этом вопросе. Респонденты-женщины в целом чаще, чем мужчины, отмечают наличие тех или иных проблем, поэтому удельный вес подавляющего большинства проблем, отмеченных женщинами, выше, чем в ответах мужчин. Исключением из этого правила выступают 2 проблемы — отдаленность/отсутствие учреждений культуры и мест отдыха, а также плохая организация работы ЖКХ. Эти проблемы мужчины отмечали чаще, чем женщины.

Восприятие основных проблем сельской местности имеет ряд особенностей для респондентов разных возрастных групп. Безработицу и нехватку рабочих мест, как наиболее острую проблему с частотой ответов более 50%, отметили респонденты двух возрастных когорт (от 18 до 30 лет, от 46 до 60 лет). Т. е. проблема трудоустройства сельских жителей Крыма наиболее актуальна для молодых специалистов и специалистов предпенсионного возраста. Для молодёжи (18–30 лет) больше, чем для лиц других возрастных групп, играет значение проблемы отсутствие или недостаток банкоматов, отдаленность или отсутствие детских садов. Респонденты в возрасте старше 60 лет чаще, чем респонденты других возрастных когорт, отмечали проблемы низких доходов (пенсии), отсутствие газификации, отдаленность или отсутствие учреждений культуры и мест отдыха.

У респондентов — представителей наиболее многочисленных этнических групп (русских, украинцев, крымских татар), проживающих в Крыму, в пятёрку основных проблем входят практически одинаковые позиции, но с разным удельным весом отметок проблем в качестве основных. У респондентов из числа крымских татар лидирует проблема безработицы, которую отметили почти 60% опрошенных. Эту же проблему отметили 44,4% русских и 38,2% украинцев. По этой проблеме результаты оказались наиболее контрастными в разрезе этнических групп. Отсутствие газификации, как одну из основных проблем сельской местности отметили более 40% крымских татар, менее 30% украинцев и более 30% русских. Проблему плохого качества дорог в сельской местности украинцы и крымские татары (более 40%) отмечали чаще, чем русские (33,1%).

Несмотря на существование проблем сельской местности Крыма, имеющих повсеместное распространение на полуострове, и их высокий уровень проявленности в ответах респондентов, в выделенных по природным особенностям трёх районах Крыма иерархия и острота этих проблем неодинаковы и имеют местную специфику (рис. 2). Главная проблема крымских сёл по усреднённым оценкам всех респондентов — безработица и нехватка рабочих мест — занимает первое место в рейтинге проблем в Степном Крыму (45,5% ответов респондентов), а также в Присивашье и Керченском полуострове (61,7% ответов, что существенно выше среднекрымского показателя), тогда как жители Предгорного и Горного Крыма на первое место (54,4% ответов) ставят проблему газификации сёл. Проблема низких доходов также помещена в пятёрку самых острых проблем жителями трёх районов.

В сравнении со средним показателем по Крыму эта проблема оказалась наиболее острой в восточных и северо-восточных районах полуострова (с частотой ответов 43,3%), в Степном Крыму важность этой проблемы для жителей сёл оценена на уровне среднекрымского показателя, в Предгорном и Горном Крыму степень проявленности данной проблемы ниже, чем в других районах. Высокая актуальность данных экономических проблем крымских сёл в целом согласуются с общероссийскими трендами в сельской местности [16].

Три рассматриваемых сельских района Крыма объединяет низкий уровень проявленности проблем, связанных с отдалённостью или отсутствием детских садов, школ и торговых точек, эти проблемы не отнесены участниками опроса к категории основных. Очевидно, что развитие сети образовательной и коммерческой инфраструктуры, реализация государственной программы «Школьный автобус» в сельской местности в последние годы существенно снизили проблему транспортной доступности объектов социальной сферы для жителей крымских сёл. По другим проблемам сельской местности жители выделенных трёх районов Крыма не были единодушны в своих оценках.

К категории основных проблем сельской местности, часть которых указана выше, с частотой ответов более 30% жители Присивашья и Керченского полуострова относят отсутствие газификации, плохое качество дорог, недоступность медицинских услуг, в том числе аптек. Сельчане северо-востока и востока Крыма отметили степень сложности и важности проблем выше среднекрымских показателей по 13 проблемам из 20 рассматриваемых позиций и только по шести позициям их оценки оказались более благоприятными, чем в других районах Крыма. Поэтому данный район характеризуется самым высоким в Крыму интегральным уровнем проявленности проблем в сельской местности.

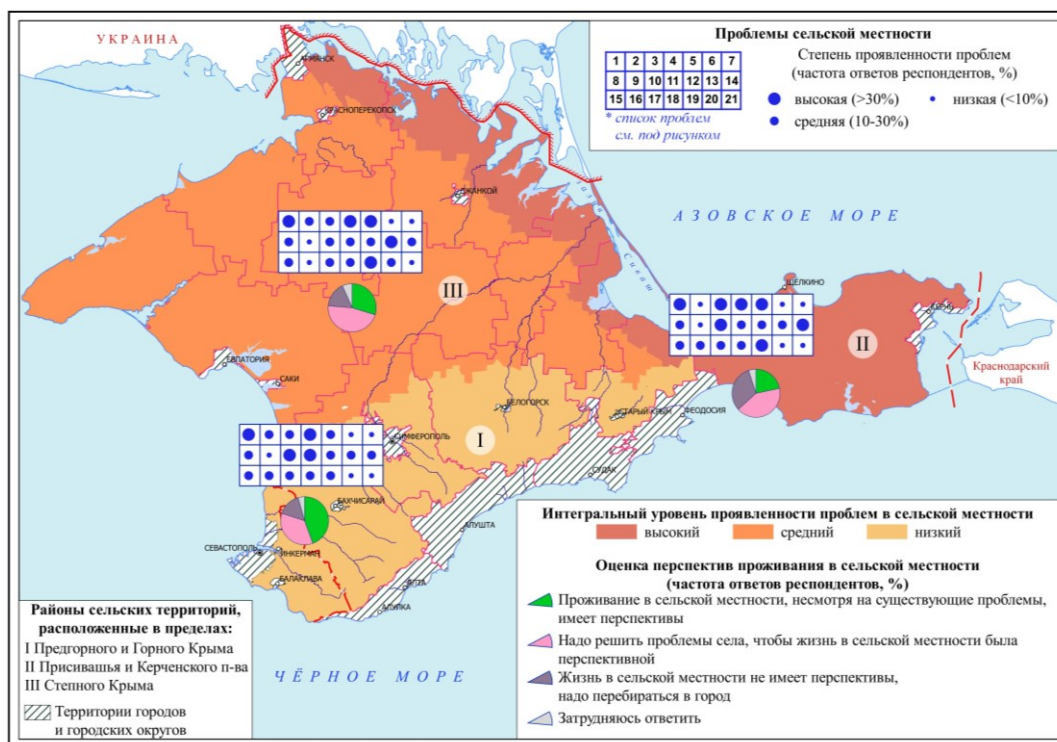

Рис. 2. Проблемное поле сельских территорий Крыма и перспективы проживания в сельской местности, по оценкам респондентов крымских сёл из разных районов полуострова.

**Проблемы сельской местности:*

1 — безработица, нехватка рабочих мест;	13 — отсутствие или недостаток банкоматов;
2 — загрязнённость окружающей среды;	14 — отсутствие или недостаточная освещённость общественных мест;
3 — недоступность медицинских услуг;	15 — отсутствие организаций по оказанию бытовых услуг;
4 — низкие доходы (зарплаты, пенсии);	16 — отсутствие условий для занятий физкультурой и спортом;
5 — отдалённость или отсутствие аптек;	17 — отсутствие условий для развлечения детей;
6 — отдалённость или отсутствие детских садов;	18 — плохая организация общественного транспорта;
7 — отдалённость или отсутствие торговых точек;	19 — плохое качество дорог;
8 — отдалённость или отсутствие учреждений культуры, мест отдыха;	20 — плохая организация работы ЖКХ;
9 — отдалённость или отсутствие школ;	21 — нет проблем.
10 — отсутствие газификации;	
11 — отсутствие центрального водоснабжения и канализации;	
12 — отсутствие тротуаров;	
- Разработано авторами, 2021 г.

Сельские жители Степного Крыма к проблемам безработицы и низких доходов в ТОП-5 добавляют следующие проблемы: плохое качество дорог, отдалённость или отсутствие аптек, отдалённость или отсутствие банкоматов. Иные проблемы респонденты называли с частотой ниже 30%. Для этого района характерен средний интегральный уровень проявленности проблем в сельской местности, т.к. количество проблем с частотой ответов жителей данного района выше, ниже и на уровне показателей для всего Крыма распределились в равных долях.

Перечень и степень проявленности основных проблем сельской местности Предгорного и Горного Крыма, наиболее близко расположенного к урбанизированным и главным рекреационным территориям полуострова, в оценках местных жителей существенно отличаются от двух других районов Крыма, более периферийных и депрессивных. Например, в оценках сельских жителей данного района была выявлена повышенная обеспокоенность проблемами отсутствия центрального водоснабжения и канализации (частота ответов 33,3%), отсутствие или недостаточная освещённость общественных мест (27,8%), на фоне низкой частоты по ряду других проблем. Повышенная важность таких проблем указывает на бóльшую степень вовлечённости стандартов городского образа жизни в сельское пространство Предгорья. В целом проживание в Предгорье и Горном Крыму местные сельские жители оценили более благоприятно. Количество проблем с уровнем остроты выше среднекрымской ситуации составило — 6, на уровне среднекрымских показателей — 3 проблемы, ниже среднекрымских показателей — 11 проблем. Таким образом Предгорный и Горный Крым характеризуется относительно низким интегральным уровнем проявленности проблем в сельской местности.

Важным индикатором современного состояния и будущего сельской местности является оценка *перспектив у жителей сёл* в разрезе разных социальных групп и типов сельских районов.

Учитывая ответы всех респондентов, можно сделать вывод, что почти треть респондентов (32,4%), оценивая перспективы у жителей сельской местности, отметили, что несмотря на существующие проблемы, проживание в сельской местности имеет перспективы. Относительное большинство респондентов (42,5%) считают, что надо решить проблемы села, чтобы жизнь в сельской местности была перспективной. Менее 20% респондентов ответили, что жизнь в сельской местности не имеет перспектив и надо перебираться в город. Таким образом в исследуемых районах Крыма большая часть респондентов скептически настроена относительно их перспектив, как жителей сельской местности. Такой результат указывает на депрессивность большинства крымских сёл и непривлекательность сельского образа жизни. Однако степень остроты этой проблемы неодинакова в разрезе различных когорт респондентов. В гендерном отношении у респондентов-мужчин больший скепсис по отношению к перспективам проживания в сельской местности, чем у респондентов-женщин. Мужчины чаще, чем женщины, считают, что жизнь в сельской местности не имеет перспектив и надо перебираться в город. Сравнивая взгляды респондентов разных возрастных когорт на перспективы проживания в сельской местности, следует отметить, что в когорте от 31 до 45 лет относительное большинство (42,7%) составляют респонденты, считающие, что такие перспективы есть, несмотря на наличие проблем. Более половины респондентов среди молодежи (от 18 до 30 лет) и каждый второй среди лиц старшего возраста (46–60 лет) считают, что перспективы есть, но только при условии решения существующих проблем. Результаты ответов респондентов-представителей различных этнических групп указывают на то, что русские настроены более оптимистично в отношении будущего крымских сёл, чем украинцы и крымские татары. Более трети русских считают, что проживание в сельской местности имеет перспективы, даже несмотря на существующие проблемы. Доля таких респондентов среди украинцев и крымских татар составляет менее 30%. При этом более 20% респондентов из числа украинцев и крымских татар считают, что жизнь в сельской местности не имеет перспектив и

следует переезжать в город, удельный вес подобных ответов у русских респондентов не превышает 20%.

Сравнивая ответы респондентов, проживающих в селах с разной миграционной динамикой, следует отметить, что удельный вес ответов о перспективности проживания в сельской местности, несмотря на существующие проблемы, или при условии решения таких проблем, практически одинаков в сёлах с миграционным приростом и миграционной убылью населения. Но доля респондентов, считающих, что жизнь в сельской местности не имеет перспективы и надо перебираться в город, выше в селах с отрицательной миграционной динамикой, чем с положительной — 21,4 и 17,4% соответственно.

В разрезе выделенных трёх сельских территорий Крыма по природным особенностям ответы респондентов о перспективности или неперспективности жителей сельской местности коррелируют с уровнем проявленности проблем (рис. 2). У респондентов, проживающих в сёлах Предгорного и Горного Крыма, модальную группу (44,4%) составляют выбравшие ответ: «Проживание в сельской местности, несмотря на существующие проблемы, имеет перспективы». При этом доля респондентов, считающих, что перспективы есть при условии решения существующих проблем, тоже довольно высока — 35,6%. На этом фоне, среди респондентов, проживающих в других районах, относительное большинство составляют ответы: «Надо решить проблемы села, чтобы жизнь в сельской местности была перспективной». Доля таких ответов у респондентов, проживающих в сёлах Присивашья и Керченского полуострова, составляет 41,6%, а в сёлах Степного Крыма — 46,6%. Ответы респондентов показали, что у сельчан Присивашья и Керченского полуострова скептические настроения по поводу перспектив проживания и будущего их сельской местности вдвое выше (около 32%), чем у жителей сёл других районов Крыма. Наличие множества нерешённых проблем сельской местности на северо-востоке и востоке Крыма и высокая степень обеспокоенности местных жителей по этому поводу в совокупности создают такой тип социального здоровья в данном сельском локалитете, при котором жизнь в нём видится местным жителям неперспективной.

Характер и степень сформированности сельского образа жизни и локальной сельской культуры зависят от длительности проживания в сельской местности взрослого населения (степень оседлости) и поколенческого выбора места жительства со стороны молодёжи (закреплённость младших поколений).

Согласно результатам опроса, более половины респондентов проживают в сельской местности более 10 лет, 40,3% респондентов проживают с рождения и около 10% — менее 10 лет. Среди женщин и мужчин преобладают респонденты, проживающие в сельской местности более 10 лет. При этом доля мужчин, проживающих в сельской местности с рождения, превышает аналогичную долю женщин, и наоборот, доля женщин, проживающих в сельской местности более 10 лет, превышает аналогичную долю мужчин. Половина респондентов из числа молодёжи проживает в сельской местности с рождения. В возрастной когорте от 31 до 45 лет относительное большинство составляют респонденты, проживающие в сельской местности с рождения. В двух возрастных когортах (среднего и старшего поколения) модальные группы составляют респонденты, проживающие в сельской местности более 10 лет. Для опрошенной сельской молодёжи Крыма характерна самая высокая доля лиц, проживающих менее 10 лет (около 20%). Удельный вес респондентов с наименьшей продолжительностью проживания в сельской местности

сокращается в направлении от младшего поколения к старшему поколению. Таким образом, именно для молодёжной части сельских жителей проблема распространения сельского образа жизни в современных условиях социально-экономического развития Крыма имеет наиболее актуальный характер.

Среди представителей наиболее многочисленных этнических групп Крыма преобладают респонденты, проживающие в сельской местности более 10 лет. Среди представителей славянских этносов (русских и украинцев) удельный вес респондентов, проживающих в сельской местности с рождения, выше, чем аналогичная категория респондентов среди крымских татар. При этом доля лиц с продолжительностью проживания в селе менее 10 лет выше среди русских респондентов.

Поколенческий выбор проживания в сельской местности респонденты охарактеризовали следующим образом. У большинства респондентов (59,4%) в сельской местности проживают дети, у четверти респондентов в сельской местности проживают внуки. Дети не проживают в сельской местности у 27,3% респондентов, а внуки — у 21,6%.

Среди женщин больше респондентов, чем среди мужчин, у которых в сельской местности проживают дети и внуки. Более контрастные результаты получились в разрезе возрастных групп. Среди респондентов разных возрастных когорт преобладают ответы о проживании детей в сельской местности. В возрастной когорте от 46 до 60 лет более 40% респондентов отметили, что их дети не проживают в сельской местности. У 34,8% респондентов старшего поколения дети не проживают в сельской местности. Доля таких респондентов в возрастной когорте от 31 до 45 лет составляет 14,7%. У половины респондентов старшего поколения внуки проживают в сельской местности, в возрастной когорте от 46 до 60 лет доля таких ответов снижается до 28,4%. Аналогичная закономерность наблюдается при выборе ответа: «Внуки не проживают».

У большинства представителей наиболее многочисленных этнических групп Крыма дети проживают в сельской местности. В ходе исследования была зафиксирована разница в ответах о выборе места проживания детей и внуков у респондентов разной этнической принадлежности. Ответы респондентов — «дети не проживают» — по частоте распределились в следующей последовательности: украинцы (39,7%), русские (26,6%), крымские татары (18,5%), представители других национальностей (15,4%). Более четверти респондентов из числа русских и украинцев ответили, что их внуки проживают в сельской местности, у респондентов из числа крымских татар удельный вес аналогичных ответов не превышает 20%. Наибольший удельный вес респондентов, чьи внуки не проживают в сельской местности, был отмечен среди украинцев. Таким образом, наименьший уровень закреплённости младших поколений в сельской местности в изучаемых районах Крыма среди наиболее многочисленных этнических групп характерен для украинцев, наибольший — для крымских татар, а русские занимают промежуточное положение.

Характеристики оседлости взрослого населения и закреплённости младших поколений в сельских районах Крыма с различными ландшафтными и геоморфологическими условиями имеют ряд местных особенностей (рис. 3). По количеству наименее оседлых сельчан с длительностью проживания в сельской местности менее 10 лет районы Крыма различаются незначительно, на 1,1–2,6%, с минимальной отметкой в Степном Крыму (8,5%). Основные различия районов были

выявлены по доле респондентов, проживающих в селе более длительное время, и по закреплённости молодых поколений.

Район Присивашья и Керченского полуострова характеризуется наибольшей среди других районов Крыма долей респондентов, проживающих в сельской местности с рождения (53,3%), что существенно выше показателя, полученного для всего Крыма. При этом в данном районе доля респондентов, проживающих в селе более 10 лет на 15–20% ниже, чем в среднем по Крыму и другим районам полуострова. Относительно высокая оседлость взрослого сельского населения в северо-восточных и восточных районах Крыма сочетается с относительно низкой долей проживающих в сёлах детей (55%) и внуков (23,3%) респондентов и, наоборот, повышенной долей детей и внуков, не проживающих в сельской местности (соответственно 28,3 и 26,7%). Только в сёлах района Присивашье и Керченский полуостров доля респондентов, чьи внуки проживают в сельской местности, меньше таковой для респондентов, чьи внуки не являются сельскими жителями. Выявленная ситуация коррелирует со скептическими настроениями жителей этого района относительно перспектив проживания в сельской местности, которые чувствует молодёжь. Сохранение подобной обстановки непривлекательности для молодёжи проживания в данном районе усилит процессы старения населения и вымирания малых сёл.

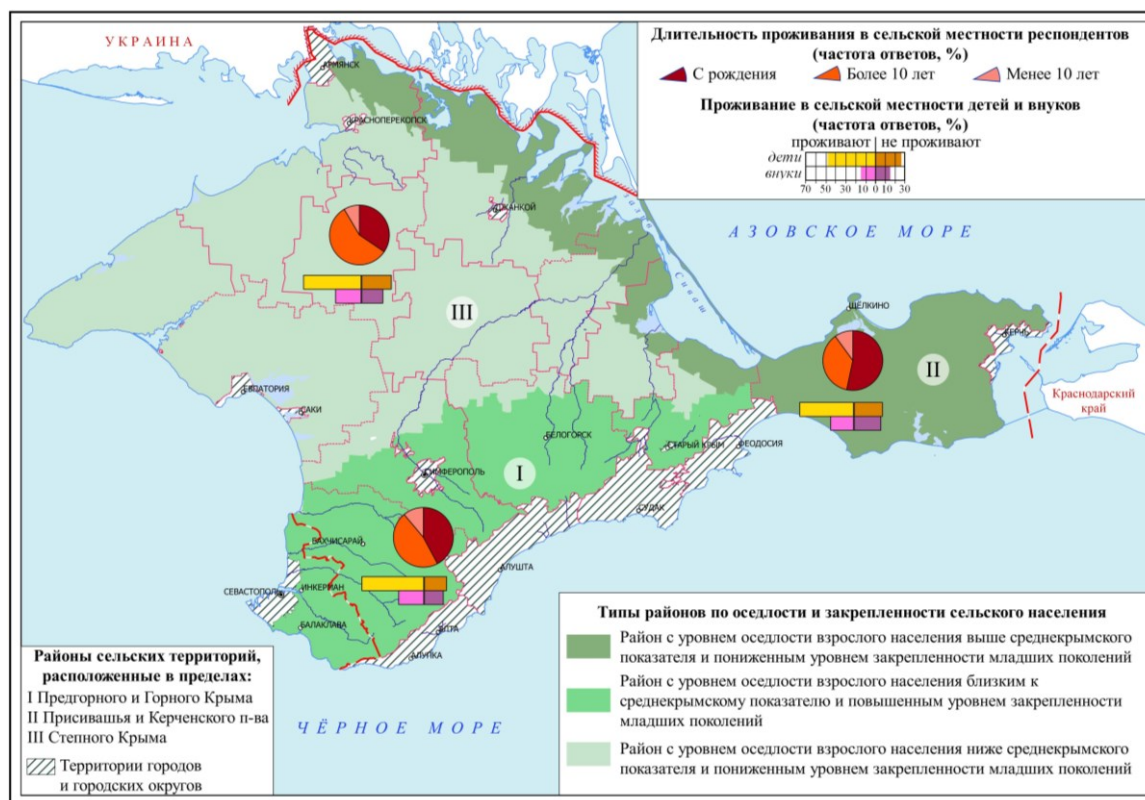

Рис. 3. Длительность проживания респондентов в сельской местности и поколенческий выбор места проживания жителей Крыма.

Разработано авторами, 2021 г.

Для Степного Крыма характерно преобладание респондентов, проживающих в сельской местности более 10 лет, но не с рождения, их доля составила 57%, что

существенно выше показателей для всего Крыма и других районов полуострова. Выбор младших поколений проживать или не проживать в сельской местности в Степном Крыму близок к общекрымской ситуации. Однако стоит отметить пониженную долю проживающих и повышенную долю не проживающих в сельской местности детей респондентов данного района относительно результатов опроса для всего Крыма.

Для Предгорного и Горного Крыма характерно почти равное распределение респондентов по категориям лиц, проживающих в сельской местности с рождения (частота ответов 42,2%) и более десяти лет (частота ответов 46,7%). Для младших поколений данного района проживание в сельской местности является более привлекательным, чем в других районах. Более 63% респондентов данного района ответили, что их дети проживают в сельской местности, что существенно выше, чем в других районах Крыма, соответственно, доля респондентов, чьи дети не проживают в селе, ниже, чем в целом по Крыму и другим районам. Для Предгорного и Горного Крыма характерно наибольшее превышение утвердительных ответов над отрицательными ответами респондентов по поводу проживания их детей и внуков в сельской местности. Охарактеризованный поколенческий выбор в сочетании с относительно высокой оценкой респондентов данного района перспектив сельских жителей указывает на более благоприятное состояние социального здоровья и экономической ситуации в предгорном сельском локалитете Крыма.

Синтезируя ответы респондентов о длительности их проживания и поколенческом выборе проживания в сельской местности, можно типологизировать рассматриваемые районы Крыма следующим образом. Присивашье и Керченский полуостров относится к типу сельских районов с уровнем оседлости взрослого населения выше среднекрымского показателя и пониженным уровнем закреплённости младших поколений. Степной Крым характеризуется уровнем оседлости сельского населения ниже среднекрымского показателя и пониженным уровнем закреплённости младших поколений. Предгорный и Горный Крым — сельский район с уровнем оседлости взрослого населения на уровне среднекрымских показателей и повышенным уровнем закреплённости младших поколений.

Пространственная мобильность сельских жителей и её высокая интенсивность являются маркерами нарушения баланса между размещением производства, объектов социальной инфраструктуры и расселением населения. Пространственно мобильное и immobile сельское население — это разные по своему ценностному комплексу типы территориальных сообществ людей, две разные тактики образа жизни. Сельские жители, регулярно выезжающие из села в город, чаще это трудовые и образовательные поездки, т.е. маятниковая миграция, ведут своего рода «промежуточный» образ жизни, сельско-городской, которому присущи совмещение модернистских урбанистических и традиционных руральных ценностей и моделей поведения. Влияние городских агломераций на сельские территории может привести к такой ситуации, когда «различия между городскими и сельскими жителями городской агломерации меньше, чем различия между сельскими жителями городских агломераций и сельскими жителями периферийных, внеагломерационных, территорий» [1, с. 139]. От пропорций мобильного и immobile населения в данном сельском локалитете, будет зависеть его социокультурный тип, в частности стереотипы поведения молодёжи. Поэтому важной задачей в рамках нашего

исследования стало изучение маятниковых миграций сельского населения Крыма, их структуры по частоте поездок и целям.

Существование множества нерешённых проблем с занятостью и сферой услуг в крымских сёлах, решение проблем транспортной доступности городов и административных центров и рост автомобилизации населения являются факторами возрастающей пространственной мобильности сельского населения Крыма, которая имеет свои особенности в разрезе различных социальных и территориальных групп населения.

Более половины респондентов в селах Крыма ответили, что выезжают за пределы своего населённого пункта либо ежедневно (25,7%), либо еженедельно (31,7%). Почти не выезжают 18,1% и выезжают ежемесячно 23,5%. Эти результаты свидетельствуют о высокой мобильности населения исследуемых территорий полуострова.

Результаты нашего исследования согласуются с социально-демографической закономерностью бóльшей миграционной подвижности мужчин по сравнению с женщинами и бóльшей пространственной мобильности молодёжной группы среди всех возрастных когорт населения. Мобильность представителей разных этнических групп отличается незначительно и близка к общекрымским тенденциям. Среди представителей наиболее многочисленных этнических групп Крыма чаще других за пределы своего населённого пункта выезжают русские.

Влияние транспортно-географического фактора в вопросе мобильности сельских жителей проявляется следующим образом. Ежедневные поездки за пределы своих населённых пунктов совершают от 20 до 30% жителей сёл разной транспортной доступности административного центра. В ответах респондентов, совершающих еженедельные поездки, отмечается следующая тенденция — чем дальше расположен административный центр муниципального района, тем чаще жители таких сёл совершают еженедельные поездки. В ответах иммобильных респондентов отмечается обратная тенденция — чем дальше расположен административный центр муниципального района, тем чаще жители таких сёл выбирают ответ: «Почти не выезжаю».

Результаты опроса о целях поездок респондентов за пределы населённого пункта позволили соотнести потребности жителей сельских территорий Крыма и их проблем. Несмотря на то, что отсутствие или отдалённость торговых точек, как одну из основных проблем сельской местности, отметило незначительное количество респондентов, выезжать за покупкой товаров и некоторых продуктов приходится более половине сельских жителей полуострова. Около 40% респондентов ответили, что выезжают за пределы своего населённого пункта на работу, лечение и/или оздоровление. Почти 28% опрошенных выезжают за пределы своих населённых пунктов для оформления документов, а более четверти — с целью посещения друзей и/или родственников. Для реализации других потребностей сельские жители Крыма покидают свой населённый пункт намного реже, особенно с целью отдыха, занятий спортом и получения образования.

Мобильность населения сельского Крыма имеет свои гендерные особенности. Поездки мужчин вдвое чаще, чем женщин, связаны с работой. В свою очередь женщины чаще, чем мужчины, выезжают с целью лечения и оздоровления, а также, посещения родственников и друзей. Доля женщин, выезжающих с целью образования и обучения, практически втрое больше, чем мужчин. Удельный вес женщин, совершающих поездки с целью лечения и оздоровления в 1,5 выше, чем

мужчин. Таким образом, мужчины больше вовлечены в маятниковую миграцию, а женщины в поездки для получения различных услуг.

Возрастные особенности респондентов отразились на результатах опроса о целях поездки следующим образом. Более половины респондентов из молодёжной когорты и возрастной когорты от 31 до 45 лет совершают маятниковые миграции. Удельный вес таких респондентов в возрастной когорте от 46 до 60 лет тоже достаточно высок — 42,2%. Люди старшего поколения с целью работы выезжают за пределы своего населённого пункта значительно реже — 10,6%. Значительная доля респондентов разных возрастных групп вынуждена выезжать за покупкой товаров и некоторых продуктов. Среди молодежи доля таких респондентов составляет 45,7%, а среди представителей остальных возрастных когорт — более 50%, что вполне закономерно с учётом основной нагрузки снабжения семьи необходимыми продуктами, падающей на родителей. С целью продажи продукции собственного производства совершает поездки мизерное количество жителей всех возрастов, проживающих в сёлах, в которых проводился опрос. Здесь также отмечается закономерность снижения удельного веса ответов со снижением возраста респондентов.

Фактор удалённости сёл от административных центров повлиял на следующие особенности мобильности сельского населения Крыма, проживающего в разных зонах транспортной доступности. От 50 до 60% жителей сёл всех зон транспортной доступности вынуждены выезжать за покупками товаров и некоторых продуктов. Этот показатель составляет 60% (максимум) в сёлах с транспортной доступностью административного центра от 30 до 60 мин. и 53,3% (среднее значение) в сёлах с транспортной доступностью более 60 мин., что может объясняться, как длительностью поездки, так и графиком работы общественного транспорта. Наибольший показатель маятниковой миграции отмечен в сёлах зоны дальней транспортной доступности (более 60 мин.). Почти 47% респондентов в этих сёлах отмечают в качестве причины поездок работу. В зонах ближней и средней транспортной доступности удельный вес респондентов, совершающих маятниковые поездки, превышает 30%.

Влияние транспортно-географического фактора и местных условий на рынке труда и услуг формируют комплекс локальных особенностей мобильности сельского населения Крыма. Дифференциация рассматриваемых сельских районов с разными природными условиями по частоте и целям поездок населения выглядит следующим образом (рис. 4).

Районом с наиболее мобильным сельским населением является Предгорный и Горный Крым: 73,4% респондентов этого района ответили, что регулярно (каждый день, один или несколько раз в неделю) выезжают за пределы своего населённого пункта. Удельный вес таких ответов в сёлах Присивашья и Керченского полуострова составляет 51,7%, в сёлах Степного Крыма — 50,9%. В Предгорном и Горном Крыму только 11,1% респондентов ответили, что почти не выезжают из своего села, в Степном Крыму, Присивашье и Керченском полуострове доля иммобильных респондентов оказалась выше — 20 и 23% соответственно. Для двух последних районов характерна повышенная доля респондентов, покидающих своё село всего лишь один или несколько раз в месяц.

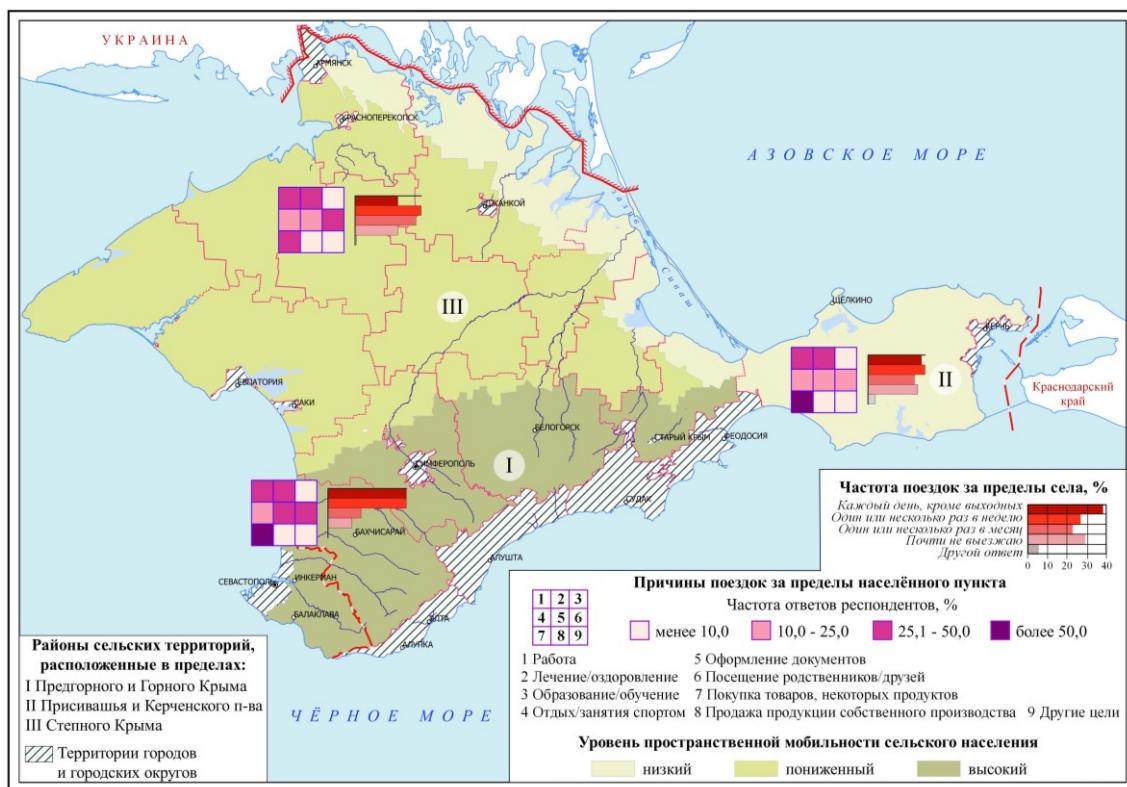

Рис. 4. Частота и цели поездок за пределы населённого пункта жителей сёл разных районов Крыма.

Разработано авторами, 2021 г.

Иерархия целей поездок респондентов является идентичной для сёл трёх рассматриваемых районов: чаще всего жители исследуемых сёл выезжают за пределы своего населённого пункта с целью покупки товаров, далее следуют цели поиска работы, лечения, оздоровления и оформления документов. Но частота выбора перечисленных категорий в каждом из районов неодинакова. Наиболее существенные различия были зарегистрированы по следующим позициям. Респонденты Предгорного и Горного Крыма заметно чаще выезжают за пределы села с целями покупки товаров и некоторых других продуктов (62,2% против 55% и 49,1% в других районах) и работы. Среди жителей Степного Крыма выше доля выезжающих за пределы села с целью лечения и оздоровления (более 41% против 32–33% в других районах), отдыха и занятия спортом. Несмотря на редкость поездок жителей крымских сёл с целью продажи продукции собственного производства, респонденты Предгорного и Горного Крыма, а также Степного Крыма, делают это чаще, чем респонденты из Присивашья и Керченского полуострова.

Таким образом, фактор территориальной близости крупных и средних городов для сельских районов Крыма оказывает большее влияние на мобильность их населения, чем контрасты в уровне развития сферы услуг, количестве и качестве рабочих мест в направлении город–село, поскольку районы, где проявленность проблем сельской местности выше и территориальная удалённость от главных экономических центров региона наибольшая, характеризуются относительно низкой пространственной мобильностью сельского населения. Городские агломерации Симферополя, Севастополя и южнобережных курортов вовлекают население

Предгорья в свою систему перемещений населения, которая отличается от маятниковых миграций в более периферийных сельских районах Крыма. Обобщая ответы респондентов о маятниковой миграции, Предгорный и Горный Крым следует относить к сельским районам с высокой пространственной мобильностью населения, Степной Крым — к району с пониженной пространственной мобильностью сельского населения, а Присивашье и Керченский полуостров — к району с относительно низкой мобильностью сельского населения.

Важными компонентами сельского образа жизни являются *особенности аграрных отношений, уровень доходов сельских жителей* и участие в них личного подсобного хозяйства и прочих источников заработка. Для выяснения характеристик перечисленных позиций респондентам были заданы соответствующие вопросы. В одном из таких вопросов жителям исследуемых сёл Крыма было предложено определить уровень их доходов, но не в денежном эквиваленте, а в качественных оценках с указанием того, на покупку каких категорий товаров хватает их доходов. В отличие от статистической величины доходов в денежном выражении, которую можно получить в соответствующих ведомствах, выбранный в нашем исследовании не количественный, а качественный, подход позволяет выявить представления и самооценки сельских жителей об уровне их финансовой обеспеченности.

Относительное большинство, составлявшее более трети респондентов, при оценке своих доходов выбрали вариант ответа: «Денег хватает на еду и одежду, но не могу позволить себе покупку товаров длительного пользования». Немногим более четверти респондентов (26,0%) ответили, что денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но они не могут себе позволить покупку автомобиля, квартиры и т. п. У 5,7% респондентов не хватает денег даже на еду, а для 12,1% опрошенных средств достаточно, чтобы купить всё, что они считают нужным. Таким образом, большая часть респондентов оценивает свои доходы на низком и среднем уровне.

Сравнивая ответы мужчин и женщин, следует отметить более критический подход у женщин в оценке доходов, одной из причин которого может быть патриархальность нашего общества, когда основной груз бытовых проблем ложится на женские плечи.

В ответах респондентов разных возрастных когорт можно отметить определённые закономерности. Молодёжь значительно реже, чем люди более старшего возраста, отмечает варианты ответов, характеризующие их уровень доходов как очень низкий, низкий и невысокий. При этом более половины из молодых респондентов оценивают свой уровень доходов, как средний. Очевидно, более высокая пространственная мобильность молодёжи позволяет частично сгладить проблему низких доходов. Также существенной причиной сглаживания остроты этой проблемы является отсутствие детей у большинства респондентов молодёжной когорты.

Дифференциация исследуемых трёх сельских районов Крыма по уровню доходов выглядит следующим образом (рис. 5).

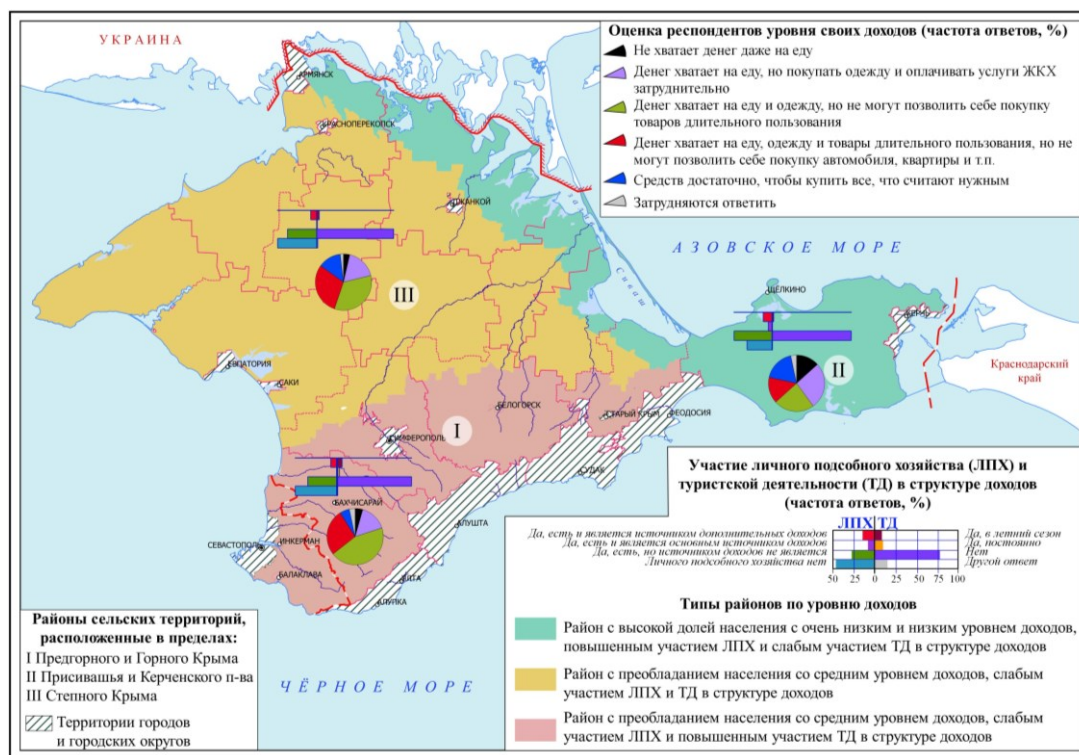

Рис. 5. Доходы жителей сёл нерекреационного Крыма.
Разработано авторами, 2021 г.

Наименее обеспеченными себя ощущают респонденты Присивашья и Керченского полуострова. Респонденты, проживающие в сёлах востока и северо-востока Крыма, чаще, чем респонденты из других районов, отметили варианты ответов, характеризующие их уровень доходов как очень низкий («Не хватает денег даже на еду») и низкий («Денег хватает на еду, но покупать одежду или оплачивать услуги ЖКХ затруднительно»), в сумме частота этих ответов составила 40%. Частота ответов по этим же позициям в двух других районах составила почти вдвое меньше — около 21%. На этом фоне в оценках своего уровня доходов как невысокого («Денег хватает на еду и одежду, но не могу позволить себе покупку товаров длительного пользования») минимальный показатель (23,3%) зафиксирован в ответах людей, проживающих в сёлах Присивашья и Керченского полуострова, средний показатель (34%) — в сёлах Степного Крыма, максимальный (44,4%) — в сёлах Предгорного и Горного Крыма. Более 20% сельчан Степного Крыма, Предгорного и Горного Крыма охарактеризовали свои доходы, как средние («Денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могу себе позволить покупку автомобиля, квартиры, дачи и т. п.») Аналогичный уровень доходов в сёлах Присивашья и Керченского полуострова отметили лишь 15,1% респондентов. При этом именно в районе Присивашья и Керченского полуострова зафиксирована самая высокая частота варианта ответов (18,3%), характеризующего высокий уровень доходов респондентов («Средств достаточно, чтобы купить все, что считаю нужным»). В Предгорном и Горном Крыму доля респондентов с наиболее высокими доходами существенно ниже (5,6%), чем в других районах. Подобная картина, наиболее вероятно, является отражением эффекта «социальной желательности», когда

респондент не хочет признаваться в существующих трудностях, а также заниженного уровня требований у сельских жителей наиболее депрессивных территорий, привыкших довольствоваться малым. С другой стороны, полученные результаты о дифференциации доходов свидетельствуют о наличии проблем социально-экономического неравенства как внутри сельских районов Крыма, так и между сельскими районами полуострова. Среди рассматриваемых районов наибольший уровень расслоения населения по доходам можно идентифицировать по ответам респондентов в Присивашье и Керченском полуострове. Наиболее контрастные различия по уровню доходов отмечаются в паре районов Горно-Предгорный Крым и Присивашье с Керченским полуостровом.

Оценивая личное подсобное хозяйство (ЛПХ) в качестве источника дохода почти половина респондентов крымских сёл, в которых проводился опрос, ответили, что у них нет ЛПХ. Высока доля респондентов (41%), которые имеют ЛПХ, но оно не является источником дополнительных или основных доходов. Дополнительным источником доходов личное подсобное хозяйство является только для 8,9% опрошенных, а основным — для 1% респондентов. От 43% до 49% респондентов трёх возрастных когорт (молодёжь, средний и старший возраст) ответили, что личного подсобного хозяйства у них нет. Основным источником доходов личное подсобное хозяйство является лишь для 2,2% молодёжи и около 1% респондентов от 46 лет и старше. Источником дополнительных доходов ЛПХ является для 13% молодёжи, доля респондентов остальных возрастных когорт, для которых ЛПХ является источником дополнительных доходов, не превышает 10%.

Относительное большинство респондентов из числа всех наиболее многочисленных этнических групп Крыма отметили, что у них отсутствует ЛПХ. Но при этом для 3,1% крымских татар личное подсобное хозяйство является основным источником доходов, тогда как эту категорию ответа выбрали только 0,6% русских и не отметил никто из респондентов-украинцев и представителей других национальностей.

По-разному респонденты различных районов Крыма отвечали на вопрос о личном подсобном хозяйстве как источнике доходов (рис. 5). Более половины респондентов, проживающих в сёлах Степного, Предгорного и Горного Крыма ответили, что не имеют ЛПХ. В сёлах Присивашья и Керченского полуострова об отсутствии ЛПХ заявили треть респондентов, но при этом 50% опрошенных в сёлах этого района отметили, что продукция ЛПХ используется только для себя и/или семьи. Ответы о ЛПХ как основном источнике доходов получены только от жителей сёл одного района — Присивашье и Керченский полуостров, где таких респондентов оказалось около 5%. Источником дополнительного дохода ЛПХ назвала незначительная часть респондентов во всех районах. Таким образом, даже в сельской глубинке Крыма большая часть домохозяйств к настоящему моменту теряет сельскохозяйственную функцию, из сёл региона вымывается крестьянский образ жизни. Ограничения природно-ресурсного характера (прежде всего дефицит водных ресурсов), недостаточный объём производства и высокая стоимость кормов, наличие альтернативных источников доходов, в том числе за счёт маятниковых миграций, и привлекательность городских стандартов жизни превращают ведение натурального хозяйства в малопривлекательную сферу занятости для жителей крымских сёл, особенно в районах, находящихся под влиянием агломерационного эффекта крупных городов [17].

Исследование крымских учёных [18] показало, что наличие туристско-рекреационных функций территории является одним из ведущих факторов развития системы расселения в Крыму, который замедляет процессы сокращения и оттока населения из сёл. В ходе нашего исследования эта закономерность была проверена для сёл нерекреационного Крыма. Большая часть респондентов (более 95%), в том числе в разрезе социальных групп по гендерному, возрастному и этническому признакам, указали, что их доходы не связаны с туристической сферой. При этом жители сёл, где наблюдается миграционный прирост населения, более чем в 2 раза чаще получают доход от туристской деятельности постоянно или в летний сезон по сравнению с сёлами с миграционной убылью населения (5,8% против 2,5% соответственно). Таким образом, стабилизационная роль туристско-рекреационной деятельности в численности населения сёл Крыма была подтверждена в ответах респондентов.

В разрезе трёх исследуемых районов были получены данные о роли туристской деятельности в доходах сельских жителей, которые в целом согласуются с уровнем рекреационной освоенности их территорий. Наиболее активно в туристско-рекреационную деятельность вовлечены респонденты, проживающие в сёлах Предгорного и Горного Крыма: почти 8% опрошенных указали, что их доходы связаны с туризмом постоянно или только в летний сезон. Респонденты других районов заметно реже связывают свои доходы с туристской деятельностью и только в летний сезон: 3% респондентов в Степном Крыму и 1,7% — в Присивашье и Керченском полуострове.

Выводы

Результаты, полученные в ходе социологического опроса сельских жителей Крыма, подтвердили ряд тенденций развития сельских территорий региона, которые отражены в научных работах и обоснованиях к региональным стратегиям и программам социально-экономического развития. Сопоставление результатов опроса по вопросам, раскрывающим взаимосвязанные процессы, показало высокий уровень корреляции и когерентность с социально-демографическими закономерностями. Указанные факты свидетельствуют о высокой степени достоверности и объективности полученных результатов об образе жизни сельских территорий нерекреационного Крыма.

Использование метода соцопроса для решения общественно-географических исследовательских задач и социокультурный подход в изучении сельской местности позволили получить данные о сельских районах Крыма, которые невозможно добыть путём дистанционного зондирования Земли, дешифрирования космических снимков или в статистических сборниках. Предложенное полимасштабное деление Крыма на «Крым рекреационный» (информационно востребованный с преобладанием городского образа жизни) и «Иной Крым» (нерекреационный, информационно невостребованный, периферийный с доминированием сельского образа жизни) с последующим выделением трёх сельских районов Крыма по их ландшафтно-геоморфологическим условиям позволило выявить территориальные различия в социокультурных процессах на типологически нетождественных территориях Крыма.

Обобщая ответы жителей различных сёл Крыма по всем вопросам анкеты, можно сформулировать географический образ «Иного Крыма» — это сельские районы с повышенной пространственной мобильностью населения, непривлекательностью и слабой перспективностью сельского образа жизни в представлениях местных жителей. Для территориальных сообществ сельских жителей всех районов Крыма характерно вымывание крестьянского образа жизни, домохозяйства с сельскохозяйственной функцией — редкость в крымских сёлах. Пространственная мобильность (регулярные поездки за пределы села) или эмиграция воспринимается жителями сельской местности Крыма как главный способ решения многих своих бытовых, социальных и экономических проблем. Главным регулятором интенсивности этого процесса выступает транспортно-географическое положение населённых пунктов, которое выражается в транспортной доступности главных экономических и административных центров Крыма.

Результаты исследования указывают на формирование такого характера социального здоровья в сельских локалитетах Крыма, при котором теряется ценность и привлекательность проживания на данной территории. Наименее благоприятная ситуация социокультурного развития была выявлена в сёлах Присивашья и Керченского полуострова, по отдельным направлениям — в Степном Крыму. Более благоприятная ситуация в сельской местности Предгорного и Горного Крыма, находящегося под бóльшим влиянием агломерационных эффектов Симферополя, Севастополя и курортных городов. Проблема распространения и закрепления ценностей сельского образа жизни в исследуемых крымских сёлах наиболее остро проявлена в молодёжной среде. В связи с этим существующие межпоколенческие различия в отношении к проблемам в сельской местности, запросам к качеству жизни, пространственной мобильности и характере аграрных отношений, с одной стороны, и низкая интенсивность решения проблем социально-экономического развития сельских территорий Крыма, с другой стороны, в будущем будут ускорять процессы старения сельского населения региона и вымирания крымских сёл. Протекание процессов развития крымских сёл по такой негативной траектории будет угрожать сохранению этнокультурного разнообразия Крыма.

Результаты исследования имеют практическое значение. Например, в выборе направлений улучшения уровня социальной инфраструктуры или оценке целесообразности создания сети аптек, предприятий банковских услуг и других центров оказания услуг населению в сёлах. Перед региональными властями стоит задача выбора стратегии развития сельских территорий Крыма в их взаимодействии с городскими центрами: первый вариант — сдерживать процесс деградации сельской местности, развивать экономические и социальные функции сёл и местных центров расселения, снижать депопуляцию и отток населения из сельской местности, популяризируя и стимулируя сельский образ жизни в молодёжной среде; второй вариант — эффективно управлять процессами урбанизации, субурбанизации и агломерирования в зоне влияния крупных и средних городов, повышать качество жизни населения на этих территориях, вовлекая в эти процессы население из сельской глубинки, расширяя городские пространства и сжимая сельские пространства региона. Возможно, региональные условия потребуют создания особой крымской конструктивной модели

повышения эффективности системы расселения населения и стратегии развития «Иного Крыма».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00725 А.

Литература

1. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник / ред.-сост.: Т. Нефёдова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
2. Ковалёв С. А. Сельское расселение (географическое исследование). М.: Издательство Московского университета, 1963. 371 с.
3. Алексеев А. И. География сельской местности. Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Науки о Земле». № 3. М.: Знание, 1989. 48 с.
4. Алексеев А. И. Многоликая деревня (население и территория). М.: Мысль, 1990. 266 с.
5. Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
6. Зубаревич Н. В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 3. С. 26–38.
7. Зубаревич Н. В. Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 2. С. 12–14.
8. Присяжный М. Ю. Социально-географические исследования сельской местности в России. // Молодой ученый. 2011. № 4 (27). Т. 1. С. 127–133.
9. Арутюнян Ю. В. Опыт социологического изучения села. М.: Изд-во МГУ, 1968. 104 с.
10. Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. 376 с.
11. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск: Наука, 1980. 344 с.
12. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследования сельской России / под ред. Теодора Шанина. М.: МВШСЭН: РОССПЭН, 2002. 588 с.
13. Хагуров А. А. Некоторые методологические аспекты исследования российского села // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 95–111.
14. Подгородецкий П. Д. Крым: Природа. Симферополь: Таврия, 1988. 192 с.
15. Современные ландшафты Крыма и сопредельных акваторий: Монография / научный редактор Е. А. Позаченюк. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 611 с.
16. Нефедова Т. Г. Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 5. С. 7–18.
17. Гусаков Т. Ю. Постсоветское крымское село: социально-экономическая трансформация // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018 Т. 5. № 2. С. 160–177.
18. Яковенко И. М., Войтеховский Д. В. Туристско-рекреационные ресурсы в развитии системы расселения Крымского рекреационного района // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 191–199.

A. B. Shvets¹,
N. V. Kiseleva²,
I. N. Voronin³,
D. A. Volkhin⁴,
A. N. Yakovlev⁵

Rural territories of the Crimea: borders and the content of the image

^{1,2,3,4,5}V. I. Vernadsky Crimean Federal University Taurida
Academy, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: fusion10@mail.ru¹, nvkis60@mail.ru²,
voronin.igor53@yandex.ru³, lomden@mail.ru⁴,
andrey_yakovlev84@list.ru⁵

Abstract. *The article presents the results of a sociological study of the problems, state and prospects of development of non-recreational territories of the Crimea “Rural territories of the Crimea: problems, lifestyle, prospects”. The study was carried out using a socio-cultural approach in the socio-geographical study of rural areas of the region. The characteristic of the content and boundaries of the geographical phenomenon “Other Crimea” is given. The differentiation of rural areas of the Crimea (Foothill and Mountain Crimea, Steppe Crimea, Prisivashye and Kerch Peninsula) by the nature of socio-cultural processes is revealed.*

The socio-cultural approach to the study of rural areas is presented to us as an objective image of the territory, created not only from the standpoint of the researcher, but also taking into account the opinions of the community of people (“human capital”) who live on it. This territorial community forms its own system of values, well-being, health, motivation for actions and performs certain functions in relation to the country or its individual region, localized in the field of agrarian relations, food security and preservation of culture that can dialectically complement the urban one.

Summarizing the answers of residents of various villages of the Crimea on all the questions of the questionnaire, it is possible to formulate a geographical image of the “Other Crimea”—these are rural areas with increased spatial mobility of the population, unattractiveness and poor prospects for a rural lifestyle in the views of local residents. The territorial communities of rural residents of all regions of the Crimea are characterized by the washing out of the peasant way of life, households with an agricultural function are rare in Crimean villages. Spatial mobility (regular trips outside the village) or emigration is perceived by residents of rural areas of the Crimea as the main way to solve many of their domestic, social and economic problems. The main regulator of the intensity of this process is the transport and geographical location of settlements, which is expressed in the transport accessibility of the main economic and administrative centers of the Crimea.

The results of the study indicate the formation of such a nature of social health in rural localities of the Crimea, in which the value and attractiveness of living in this territory is lost. The least favorable situation of socio-cultural development was revealed in the villages of Prisivashye and the Kerch Peninsula, in certain areas—in the Steppe Crimea. The situation is more favorable in the rural areas of the Foothill and Mountain Crimea, which is greatly influenced by the agglomeration effects of Simferopol, Sevastopol and resort cities. The problem of spreading and consolidating the values of the rural way of life in the studied Crimean villages is most acutely manifested in the youth environment. In this regard, the existing intergenerational differences in attitude to problems in rural areas, demands for quality of life, spatial mobility and the nature of agrarian relations, on the one hand, and the low intensity of solving problems of socio-economic development of rural territories of the Crimea, on the other hand, will accelerate the processes of aging of the rural population of the region and the extinction of Crimean villages in the future.

Keywords: rural area, rural lifestyle, sociological survey, "Other Crimea", rural areas of the Crimea.

References

1. Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: sto let peremen: Monograficheskij sbornik. (ed.) T. Nefyodova, P. Polyana, A. Trejvish. M.: OGI, 2001. 560 p. (in Russian).
2. Kovalyov S. A. Sel'skoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963. 371 p. (in Russian).
3. Alekseev A. I. Geografiya sel'skoj mestnosti. Novoe v zhizni, nauke, tekhnike. Ser. «Nauki o Zemle». no. 3. M.: Znanie, 1989. 48 p. (in Russian).
4. Alekseev A. I. Mnogolikaya derevnya (naselenie i territoriya). M.: Mysl', 1990. 266 p. (in Russian).
5. Nefedova T. G. Sel'skaya Rossiya na pereput'e: Geograficheskie ocherki. M.: Novoe izdatel'stvo, 2003. 408 p. (in Russian).
6. Zubarevich N. V. Transformaciya sel'skogo rasseleniya i seti uslug v sel'skoj mestnosti. Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2013. no. 3. pp. 26–38. (in Russian).
7. Zubarevich N. V. Razvitie sel'skih territorij Rossii, social'nye i gendernye problemy. Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal. 2017. no. 2. pp. 12–14. (in Russian).
8. Prisyazhnyj M. YU. Social'no-geograficheskie issledovaniya sel'skoj mestnosti v Rossii. Molodoj uchenyj. 2011. no. 4 (27). Vol. 1. pp. 127–133. (in Russian).
9. Arutyunyan YU. V. Opyt sociologicheskogo izucheniya sela. M.: Izd-vo MGU, 1968. 104 p. (in Russian).
10. Arutyunyan YU. V. Social'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR. M.: Mysl', 1971. 376 p. (in Russian).
11. Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoj derevni. Novosibirsk: Nauka, 1980. 344 p. (in Russian).
12. Refleksivnoe krest'yanovedenie: Desyatiletie issledovaniya sel'skoj Rossi. (ed.) Teodora SHanina. M.: MVSHSEN: ROSSPEN, 2002. 588 p. (in Russian).
13. Hagurov A. A. Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovaniya rossijskogo sela. Sociologicheskie issledovaniya. 2009. no. 2. pp. 95–111. (in Russian).
14. Podgorodeckij P. D. Krym: Priroda. Simferopol': Tavriya, 1988. 192 p. (in Russian).
15. Sovremennye landshafty Kryma i sopredel'nyh akvatorij: Monografiya / nauchnyj redaktor E. A. Pozachenjuk. Simferopol': Biznes-Inform, 2009. 611 p. (in Russian).
16. Nefedova T. G. Dvadcat' pyat' let postsovetskomu sel'skomu hozyajstvu Rossii: geograficheskie tendencii i protivorechiya. Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2017. no. 5. pp. 7–18. (in Russian).
17. Gusakov T. YU. Postsovetskoe krymskoe selo: social'no-ekonomicheskaya transformaciya. Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2018. Vol. 5. no. 2. pp. 160–177. (in Russian).
18. Yakovenko I. M., Vojtekhovskij D. V. Turistsko-rekreacionnye resursy v razvitii sistemy rasseleniya Krymskogo rekreacionnogo rajona. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. 2018. Vol. 4 (70). no. 2. pp. 191–199. (in Russian).

Поступила в редакцию 06.09.2021 г.

УДК 338.48-44 (1-22)

И. М. Яковенко¹,
Н. В. Страчкова²

Сельский туризм: систематизация понятия и осмысление тенденций

^{1,2}Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: yakovenko-tmu@ya.ru¹, natastrachkova@mail.ru²

Аннотация. В статье систематизировано понятие сельского туризма, его движущих сил и общемировых тенденций. Сельский туризм рассматривается как комплекс туристско-рекреационных занятий в сельской местности, связанный с отдыхом на природе и приобщением к традиционному сельскому хозяйству и сельскому укладу жизни. Описаны основные положительные и негативные детерминанты современного процесса сельского туризма. Общемировыми тенденциями развития сельского туризма являются рост числа участников, диверсификация функциональной структуры, расширение географического ареала сельского туризма, усиление социально-экономического, социокультурного и экологического воздействия сельского туризма на региональное развитие, возрастание роли государства, национальных и международных ассоциаций в управлении сельским туризмом.

Ключевые слова: сельский туризм, аграрный туризм, сельская местность, ассоциация сельского туризма.

Введение

Сельский туризм выступает неотъемлемой частью современного развития сельских территорий и экономической деятельности жителей села, имеющей целью достижение высокого уровня благосостояния и качества жизни.

Зародившись в XIX веке, проведение отдыха в сельской местности набирало популярность на протяжении всего XX века, но особенно активно масштабы сельского туризма росли в 1990–2000-х гг. Анализируя особенности развития сельского туризма в Зарубежной Европе, А. Н. Булгакова отмечает, что с 1997 по 2000 г. число сельских туристов почти удвоилось и достигло 60 млн чел. [1]. В работах многих исследователей, в т. ч. географов, экономистов, социологов, культурологов, специализированных научных институтов, государственных и общественных организаций рассмотрены теоретические концепции сельского туризма, выявлены его движущие силы, оцениваются условия организации и управления, обобщен передовой опыт налаживания программ сельского туризма в разных странах и регионах [1–20; 22–33].

Сельский и аграрный туризм выступают предметом многочисленных исследований и в России. Комплексный анализ текущего состояния сельского туризма в России, проведенный в 2019 г. И. В. Лебедевой и С. Л. Копыловой, подтвердил его приоритетность для развития многих регионов страны. Сельский туризм развивается в 64 субъектах Российской Федерации; в 2019 г. в стране функционировало 4 500 сельских объектов размещения туристов, из них 3 500 сельских гостевых домов и около 1 000 агротуристических фирм, около

19 тыс. иных объектов (ремесленных домов, мастерских промыслов и ремесел, сельских «музеев традиционного быта», сельских маршрутов и т. д.). По расчетам авторов, количество туристов, посетивших объекты сельского туризма, составляет около 8 млн чел. (22% от всех внутренних туристов), а суммарный годовой доход зарегистрированных объектов достигает 2 млрд руб. в год [20].

Введение в российское законодательство в июне 2021 г. понятия сельского туризма, включая поправки в законы «Об основах туристской деятельности в РФ» и «О развитии сельского хозяйства» обеспечит его государственное регулирование и государственную поддержку. По мнению депутатов Государственной думы, это может привести к росту выручки фермеров от этой сферы деятельности в 2030 году до 5 млрд рублей, обеспечить рост рынка агротуризма в 7 раз с созданием до 60 тыс. новых рабочих мест [21].

Несмотря на постоянный научный интерес к обозначенной теме и декларируемые цели реализации стратегий и программ развития сельского туризма, в специальной литературе отсутствует единство в трактовке понятийно-терминологического аппарата сельского туризма, оценке его социального и экономического эффекта, понимании объективных закономерностей развития, проблем и перспектив.

Целью данной статьи явилась систематизация представлений о сущности, роли и месте сельского туризма в развитии сельских территорий.

Материалы и методы

Исследование строилось с использованием литературно-аналитического метода, в рамках которого изучались разнообразные библиографические и статистические источники, имеющие отношение к сельскому и аграрному туризму. Особое внимание уделено обобщению опыта развития этого сегмента индустрии туризма в России и за рубежом, что позволило выявить долговременные тенденции.

Результаты и обсуждение

В широком смысле слова сельский туризм трактуется как комплекс мероприятий туристского бизнеса, связанный с предоставлением услуг в сфере отдыха и туризма в сельской местности, на природе. В ряде стран понятие сельского или аграрного туризма закреплено законодательно или вводится в общее пользование национальными ассоциациями организаций сельского туризма. С июня 2021 г. Государственная дума Российской Федерации законодательно определяет сельский туризм как «предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью до 30 тыс. человек для отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, знакомства с работой сельхозпроизводителей» [21]. Следует заметить, что в некоторых европейских стратегиях присутствует количественный критерий отнесения населенных пунктов к центрам сельского туризма — не более 10 тыс. жителей.

В докладе ОЭСР «Стратегии развития туризма и сельских районов» (1994 г.) подчеркивалось, что сельский туризм является сложным многогранным видом деятельности и не ограничивается только фермерским туризмом. Он также включает в себя отдых на природе с особыми интересами и экотуризм, пешие

прогулки, скалолазание и верховую езду, приключенческий, спортивный и оздоровительный туризм, охоту и рыбалку, образовательные поездки, туризм искусства и наследия, а в некоторых областях этнический (аутентичный) туризм [19]. Среди обязательных компонентов сельского туризма отмечают также: собственно сельская местность (т. е. территория с низкой плотностью населения, открытыми пространствами, сетью небольших поселений с преобладающим сельскохозяйственным и лесохозяйственным типами природопользования и слабо развитой инфраструктурой); сельская жизнь (местный уклад, традиции, способы ведения сельского хозяйства, народные промыслы и ремесла, местные праздники, этнокультурные особенности, народная музыка, танцы); местная кухня (традиционные блюда, напитки); сельское наследие (традиционная сельская планировка и застройка, архитектура зданий, культовые здания и др.); активные компоненты сельских турпродуктов (пешие походы, верховая езда, велосипедные походы, водные виды спорта, охота, рыбная ловля, сбор грибов и ягод и др.). Ключевой фигурой, предоставляющей услуги проживания, питания, организующей досуг и решающей организационные вопросы туристов, является сельская семья; при этом ведущим объектом размещения туристов выступает сельская усадьба (ферма), в т. ч. собственное жилье семьи или гостевой дом, построенный на приусадебном участке [22].

Функциональное разнообразие видов туристско-рекреационных занятий в сельской местности обусловило широкое использование таких смежных с термином «сельский туризм» (*rural tourism*) определений, как «сельский зеленый туризм» (*rural green tourism*), с акцентом на аспектах природопользования, «агротуризм» (*agrotourism*) и «фермерский туризм» (*farm tourism*), с указанием на приобщение туристов к сельскохозяйственным работам во время пребывания в селе или на ферме.

Идеи систематизации видов сельского туризма были реализованы в ряде работ. Так, А. В. Колдаев выделяет виды сельского туризма, основываясь на видах рекреационных занятий, которые можно реализовать в сельской местности. К сельским видам туризма автор относит этнографический, детский, образовательный, гастрономический, промысловый, спортивный, приключенческий, познавательный, экзотический, оздоровительный, а также комбинированный туризм, проявляющийся в объединении нескольких видов отдыха на селе [23]. Изучение видов туризма, их ресурсного обеспечения, целей и результатов предпринято А. И. Костяевым [24], И. Л. Поляковой и М. П. Григорьевой [10]. С. М. Трофимова для классификации сельского туризма использовала такие признаки, как регион проведения туризма, потребности в туристском путешествии, основные средства размещения, основные средства передвижения, виды размещения, продолжительность путешествия, состав группы, организационные формы [25]. А. В. Трухачев выделяет признаки классификации сельского туризма в виде основных аттракций, удовлетворяющих потребности туриста в отдельном виде рекреационных занятий в сельской местности, среди которых:

- активное использование результатов (продуктов) сельскохозяйственного производства в различных формах — гастрономический туризм, агротуризм;
- активное использование инфраструктуры сельского туристского объекта или в целом сельской местности — зеленый (деревенский) туризм,

- усадебный туризм, этнографический туризм;
- активная промысловая деятельность, в т. ч. в диких и культурных сельских территориях — охотничий туризм, рыболовный туризм, сбор дикорастущих плодов, трав, ягод и т. д. [26].

Большинство исследователей придерживаются мнения о том, что сельский туризм не является альтернативой городскому туризму. В странах ОЭСР принята концепция континуума, демонстрирующая взаимосвязь городских и сельских рекреационных занятий, а также тех, которые могут развиваться как в городской, так и в сельской местности [19]. По мнению М. Холла и С. Пейджа, не весь туризм, который происходит в сельской местности, является строго «сельским», он может быть «городским» по форме, но развиваться в сельской местности. К этому типу относятся дачные поселки, построенные в сельской местности крупные курортные комплексы, тематические парки и др. [34].

Сельский туризм — многофакторный процесс, компоненты которого развиваются под влиянием детерминант как позитивного, так и негативного характера (табл. 1).

В процессе изучения современных практик отечественного и зарубежного сельского туризма был установлен ряд долговременных тенденций.

1. *Рост числа участников сельского туризма.* По последним оценкам, интерес к нему проявляют около 35% населения европейских стран [2]. Основной целевой аудиторией выступают жители крупных городов, причем, если первоначально туристские потоки формировались преимущественно из лиц пенсионного возраста и семей с детьми, то в настоящее время отмечается увеличение доли лиц среднего и молодого возраста. Данные социологических опросов, проводимых в России, свидетельствуют, что подавляющая часть сельских туристов формируется из числа внутренних туристов: каждый пятый внутренний турист путешествует по селам и деревням страны. 39% туристского потока едет из регионального центра, 20% — из ближайших городов региона, 14% — из мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург), иностранные туристы составляют около 7% [20]. В странах, специализирующихся на сельском и аграрном туризме (США, Италия, Испания, Австрия, Великобритания, Польша, Австралия), число сельских туристов оценивается от 4 до 8 млн чел. в год.

2. *Рост уровня диверсификации сельского туризма.* Диверсификация предполагает расширение функциональной структуры туристско-рекреационных занятий в сельской местности. Например, в Испании участникам сельского туризма предлагается более 4 тысяч различных вариантов отдыха и развлечений [7]. Рост диверсификации рассматривается как средство увеличения доходов и преодоления проблем развития сельских территорий за счет мультипликативного эффекта в таких сферах, как розничная торговля, транспорт, гостиничный бизнес, медицинское обслуживание.

3. *Расширение географического ареала сельского и аграрного туризма.* К данному процессу подключаются развивающиеся страны Африки, Азии, Латинской Америки.

4. *Усиление влияния сельского туризма на социально-экономическое развитие сельских регионов.* По экспертным оценкам, сельский туризм в Евросоюзе приносит ежегодно в среднем 10–20% от общего дохода туристической индустрии, но в различных странах этот показатель варьирует от 2 до 40% [20]. Сельский туризм способствует росту предпринимательской активности и

качества жизни сельских общин. Вместе с тем, следует иметь в виду такие сдерживающие рост сельского туризма ограничители, как сезонная или неполная занятость (основным, а не дополнительным видом деятельности туризм является не более чем для 30% хозяев), отсутствие стартовых капиталов у жителей бедных сел для налаживания туристского бизнеса. Велик риск проявления таких долговременных негативных последствий, как формирование «туристской монокультуры» — снижение интереса или даже отказ от менее прибыльных и трудоемких видов сельскохозяйственного (лесохозяйственного, рыбохозяйственного и др.) производства и переработки сырья.

Таблица 1

Детерминанты развития сельского туризма

Компоненты туристского процесса	Стимуляторы	Ограничители
1	2	3
Потребитель услуг сельского туризма	<ul style="list-style-type: none"> • Рост информированности о рекреационных возможностях сельской среды, популяризация сельского туризма в СМИ • Желание уйти от стрессов городской жизни Перегруженность традиционных туристских дестинаций • Экологизация мышления • Изменение структуры трудовой занятости и переход к краткосрочным отпускам • Утверждение модели отдыха «3 E» (развлечение, возбуждение, образование) 	<ul style="list-style-type: none"> • Консерватизм массовой культуры потребления • Стереотипы рекреационного поведения
Ресурсный потенциал	<ul style="list-style-type: none"> • Сравнительные преимущества сельских территорий (чистый воздух, неизменность и эстетическая привлекательность ландшафтов) • Наличие объектов культурного наследия • Улучшение транспортной доступности • Сохранение аутентичной культурной среды, традиционного образа жизни 	<ul style="list-style-type: none"> • Отсутствие общественно значимых объектов природного и культурного наследия, их неудовлетворительное состояние • Слабая транспортная доступность • Недостаточное количество специализированных средств размещения, их низкая комфортность • Отсутствие профессиональных компетенций у работников, занятых в сельском туризме

Продолжение таблицы 1

1	2	3
<p>Туристско-рекреационный продукт</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Расширение онлайн-продаж • Потенциальный эффект для экономики региона (сохранение и создание новых рабочих мест; дополнительный доход занятых в сельском, лесном хозяйстве, промыслах и смежных производствах; рост доходов от продажи товаров декоративно-прикладного искусства) • Потенциальный социальный эффект (сдерживание оттока местного населения; консолидация общества; рост идентичности; возрождение национальных традиций, обычаев, ремесел, культуры) • Потенциальный экологический эффект (сохранение природных ландшафтов и традиционной культурной среды) • Эффективная работа региональных туристских информационных центров 	<ul style="list-style-type: none"> • Рост транспортных издержек из-за удорожания энергоносителей • Ухудшение мировой конъюнктуры (финансовые кризисы) и конъюнктуры туристского рынка вследствие стихийных бедствий, эпидемий, терроризма, военных действий • Слабое взаимодействие фермеров (крестьян), туристского бизнеса и местных органов власти в создании туристского продукта • Потенциальная опасность изменения структуры природопользования под влиянием туризма и рост нагрузки на природные и культурные объекты • Потенциальный рост розничных цен и цен на участки под строительство • Коммерциализация традиционной культуры • Сезонность рынка сельского туризма
<p>Управление</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Возрастание роли местных сообществ в управлении • Наличие законодательной базы и стратегических моделей развития сельского туризма • Частно-государственное инвестиционное партнерство • Помощь государства в обучении сельских жителей, предлагающих услуги сельского туризма • Содействие формированию имиджа сельских территорий • Систематические исследования рынка сельского туризма 	<ul style="list-style-type: none"> • Неразвитая нормативно-правовая база развития сельского туризма • Отсутствие комплексной системы стимулирования деятельности в сфере сельского туризма • Слабая система продвижения сельского туризма, отсутствие узнаваемых брендов

Среди отрицательных экономических последствий развития сельского туризма также упоминаются усиление инфляционных процессов, повышение розничных цен на продукты питания, рост цен на участки под строительство и рост арендной платы, угрозу сезонной безработицы, увеличение экономического неравенства между сельскими жителями, производящими услуги сельского туризма, и остальными членами сельских общин.

5. Рост социокультурных последствий от развития сельского туризма. Все исследователи единодушны в высокой оценке развития сельского туризма для социокультурной сферы села. В селах строятся объекты социальной инфраструктуры — объекты торговли и общественного питания, медицинские пункты, спортивные сооружения, объекты аттракции, появляются интересные событийные мероприятия. Формируется культурная идентичность местных жителей — интерес к изучению истории своего края, возрождению местных традиций, обычаев, фольклора. Сельский туризм способствует оптимизации структуры занятости населения по гендерному признаку (рост занятости женщин), акцентирует внимание на этнических меньшинствах сел и проблеме сохранения их идентичности в условиях ассимиляции.

Сельский туризм не свободен от ряда негативных последствий — социальных аномалий (ухудшение криминальной ситуации, алкоголизм, проявления вандализма со стороны туристов по отношению к объектам культурного наследия и др.). Массовый приток туристов нередко порождает проявления псевдокультуры, в т. ч. производство низкопробной сувенирной продукции, суррогатных форм народного творчества, архитектурные излишества. Традиционному укладу жизни села угрожает смена ценностных ориентаций, включая жажду наживы, и потенциальные конфликты в системе «гость–хозяин».

6. Рост экологических последствий от развития сельского туризма. Устойчивость развития и экологизация технологий декларируются последователями и пропагандистами сельского и аграрного туризма и предполагают бережное отношение к природным и культурным ландшафтам, сокращение потребления воды, ресурсов, энергии, сохранение качества окружающей среды, местной флоры и фауны. В реальности использование автомобильного транспорта для перевозок туристов приводит к загрязнению воздуха и почвы, а превышение рекреационных нагрузок на природных и культурных объектах — к дигрессии почвенно-растительного покрова, замусориванию территории, шумовому загрязнению.

7. Усиление государственной поддержки сельского и агротуризма. Государственная поддержка развивается по нескольким направлениям и включает совершенствование нормативно-правовой базы, реализацию государственных программ по развитию сельского и агротуризма, введение систем льготного кредитования и налоговых льгот, формирование специализированных электронных баз данных и интерактивных порталов, имиджологическую работу и др. Многоплановая систематическая помощь государства организаторам сельского туризма является спецификой западноевропейской модели управления (в т. ч. британской, германской, итальянской, испанской). В частности, в ЕС министерства сельского хозяйства выделяют финансовые ресурсы из фондов развития сельских территорий на проекты, имеющие отношение к фермерскому или агротуризму. Государство инициирует и поддерживает специальные программы развития сельского туризма. Примером успешной практики является

реализованный Финской национальной ассоциацией по сельскому туризму «Национальный проект по развитию сельского туризма» (2007–2013 гг.) и его второй этап (2012–2014 гг.). На основе предварительного анализа были оценены потребности сельских территорий, определены турпродукты с потенциалом развития, разработаны критерии качества услуг в сельском туризме, созданы условия для предпринимательства [2]. Задачи развития сельского туризма могут включаться в документы стратегического планирования развития сельских территорий, например, такой раздел присутствует в Австрийской программе развития сельских районов на 2014–2020 гг.

8. *Укрепление роли профильных ассоциаций в организации и управлении сельским туризмом.* Ассоциации сельского, сельского зеленого, аграрного туризма типичны для структуры управления туризмом высокоразвитых стран. На ранних стадиях развития сельского туризма параллельно могут функционировать несколько ассоциаций (например, в Испании до 2012 г. на одну ассоциацию приходилось в среднем 37 сельских домов); впоследствии они централизуются по региональному или функциональному признаку. К крупным национальным ассоциациям относится Ассоциация агротуризма Австрии, которая контролирует около 40 тыс. спальных мест в сельской местности и обеспечивает прием 2 млн туристов. Профильные ассоциации осуществляют взаимодействие фермерских хозяйств и властных структур, оказывают помощь в подготовке кадров, выпускают методические пособия по приему и обслуживанию сельских туристов, лоббируют принятие необходимых бизнесу законов в правительстве, ведут реестр производителей услуг сельского и агротуризма, проводят маркетинговые исследования и поддерживают специальные сайты.

В России *Национальная ассоциация организаций по развитию сельского и экотуризма* объединяет физических и юридических лиц, работающих в данном направлении в регионах страны. Ассоциация работала с 2013 по 2016 г., в 2019 г. был проведен ребрендинг организации. В 2020–2021 гг. ассоциация реализует проект «Школа сельского туризма. Объединение и поддержка организаторов сельского туризма в России». Мероприятия проекта запланированы в 16 регионах РФ (Архангельская, Саратовская, Томская, Калининградская, Калужская, Кировская, Мурманская, Иркутская области, Краснодарский, Алтайский края, Республики Алтай, Татарстан, Коми, Бурятия, г. Севастополь) и г. Москва [35].

Национальные ассоциации сельского туризма в целях международного кооперирования могут входить в состав международных профильных организаций. В Европе к их числу относятся «European network for rural development» и «European Federation of Rural Tourism» (Eurogites); последнюю формируют 30 национальных и региональных организаций из 26 европейских стран. Помимо целей популяризации сельского туризма, образовательных и консультативных функций, международные профильные организации решают задачи инвестиционной поддержки проектов развития сельского туризма, включая софинансирование с министерствами, ведомствами, фондами определенной страны.

9. *Сельский туризм выступает важным объектом брендинга.* Бренды разрабатываются на уровне стран, территорий, направлений, локальных объектов, событий и др. По данным И. В. Лебедевой и С. Л. Копыловой, в России сформирована система крупных региональных брендов: опрошенные субъекты выделяют 45 брендов объектов сельского туризма, 205 брендов-понятий и

387 брендов крупных событийных мероприятий [20]. В ТОП-100 Национального рейтинга туристических брендов России (по версии Центра информационных технологий «Рейтинг» и журнала «Отдых в России») включены 13 брендов, имеющих отношение к сельскому туризму, в т. ч.: «Алтайский мед» (22 позиция), «Адыгейский сыр» (23 позиция), «Вологодское масло» (33 позиция), «Астраханский арбуз» (34 позиция), «Тамбовская картошка» (44 позиция), «Костромской сыр» (57 позиция), «Донские раки» (86 позиция) [36].

10. В научно-методической литературе, документах стратегического планирования, трудах общественных организаций, в СМИ отмечаются многочисленные нерешенные проблемы развития сельского и агротуризма. Универсальными для разных стран признаны проблемы усиления мотивации хозяев сельских усадеб к организации программ сельского туризма; разработки методов оптимального управления туристскими потоками, в т.ч. координации действий местных сообществ, туристского бизнеса, властных структур; способов успешной интеграции туристской и природоохранной активности, внедрения современных цифровых технологий и др.

В России к числу ключевых проблем развития сельского туризма относятся несовершенство законодательной базы, отсутствие систематической государственной поддержки (гранты, субсидии, льготы и преференции) и внимания местных властей к проблемам сельского туризма, необходимость качественного улучшения системы гостеприимства и специальной инфраструктуры, тенизация туристского бизнеса, слабая кооперация и несогласованность действий различных сегментов организационно-управленческой структуры, низкий уровень профессиональной туристской подготовки собственников ферм и гостевых домов, отсутствие единых стандартов качества услуг. Наиболее детальный анализ состояния сельского туризма в России и системную концепцию радикальной оптимизации этой сферы туризма представили эксперты Национальной ассоциации организаторов сельского и экотуризма (АНО АРСИ) [2, 20].

Выводы

Сельский туризм выступает динамичным и высокоэффективным сектором современного туристского движения и охватывает разнообразные виды туристско-рекреационных занятий, проводимые в сельской местности, включающие отдых на природе и знакомство с традиционным укладом сельской жизни, аутентичной культурой и работой местных сельскохозяйственных производителей. В основу классификации сельского туризма должен быть положен функциональный принцип — виды и формы туристско-рекреационных занятий, реализуемые в сельской местности. Программы сельского туризма часто носят комбинированный характер и включают элементы культурного, этнографического, экологического, эногастрономического туризма.

Сельский туризм развивается под влиянием многих движущих сил, среди которых важнейшую роль играют желание людей уйти от стрессов городской жизни и экологизация мышления. В статье систематизированы главные детерминанты развития сельского туризма, в том числе стимуляторы и ограничители, касающиеся потребителей услуг сельского туризма, туристско-рекреационного продукта и системы управления.

Анализ научно-методических изданий позволил сформулировать основные тенденции развития мирового процесса сельского туризма — поступательный рост числа участников сельского и аграрного туризма, лидирующие позиции урбанизированных высокоразвитых стран; рост диверсификации и расширение географического ареала мирового движения сельского туризма; усиление влияния сельского туризма на социально-экономическое и социокультурное развитие сельских регионов; рост экологических последствий от нерегламентированного сельского туризма; рост влияния государственной политики в сфере сельского туризма, включая различные направления правовой и экономической поддержки; усиление координирующей роли профильных ассоциаций в организации и управлении сельским туризмом.

Сельский туризм сталкивается с необходимостью решения общемировых, национальных и региональных проблем. Важную роль в прорывном развитии сельского туризма может сыграть координация действий государства, местных сообществ, туристского бизнеса по мотивации потребительского спроса и предпринимательской активности жителей села в сфере туризма, совершенствованию материально-технического обеспечения сельского туризма, цифровизации, маркетингу и брендингованию сельских территорий, реализации инновационных подходов к рекреационному природопользованию на принципах устойчивости. Эффективные стратегии развития сельского туризма невозможны без обобщения опыта развития данного направления и критического осмысления глобальных тенденций мирового туристского процесса.

Литература

1. Булгакова А. Н. Особенности развития сельского туризма в Зарубежной Европе / Сб. ст.; под ред. д-ра геогр. наук А. Ю. Александровой. М.: Кнорус, 2003. С. 312–332.
2. Пантюхина С. Аналитический обзор стратегий и практического опыта некоторых Европейских стран в развитии сельского туризма. Москва: АНО АРСИ, 2019. 35 с.
3. Виноградова О. В. Проблемы и стратегические приоритеты развития сельского (зеленого) туризма в Украине: региональный аспект // Проблемы економіки. 2013. № 4. С. 183–191.
4. Власенко З. Т. Агрорекреационный потенциал и возможные пути развития агротуризма Иркутской области // Аграрно-экономическая наука о проблемах инновационного развития агропромышленного производства: Материалы I международной научно-практической конференции. Омск: изд-во ОГАУ, 2007. С. 190–195.
5. Волков С. К. Развитие агротуризма // Менеджмент в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 140–143.
6. Гварлиани Т. Е., Бородин А. Н. Сельский и аграрный туризм как специфические виды туризма // Пространство экономики. 2011. № 4–3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskiy-i-agrarnyy-turizm-kak-spetsificheskie-vidy-turizma> (дата обращения: 07.09.2021).
7. Григорьева М. П. Сельский туризм: понятие, история и тенденции развития // Международный научный журнал «Символ науки». 2006. № 1. С. 93–96.

8. Зайцева В. М. Мировые тенденции развития сельского и агротуризма // Экономика. Управління. Інновації. 2013. № 2 (10).
9. Круглов В. Н. Проблемы развития секторов аграрного и экологического туризма в современной России // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 10. С. 65–70.
10. Полякова И. Л., Григорьева М. П. Сельский туризм: классификации и особенности организации // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 5 (75). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskiy-turizm-klassifikatsii-i-osobennosti-organizatsii> (дата обращения: 08.09.2021).
11. Рутинский М. И., Зинько Ю. В. Сельский туризм: уч. пособие. Киев: Знання, 2006. 271 с.
12. Филимонова И. Ю., Попова О. Б. Перспективы развития сельского туризма в Оренбургской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docplayer.ru/34307055-Perspektivy-razvitiya-selskogo-turizma-v-orenburgskoy-oblasti-filimonova-i-yu-popova-o-b-orenburgskiy-gosudarstvennyu-universitet-g.html> (дата обращения: 08.09.2021).
13. Шишова Е. Зарубежный европейский опыт развития агротуризма // Курорты. Сервис. Туризм. 2016. № 3–4 (32–33). С. 110–115.
14. Butler R., Hall C. M., Jenkins J. Tourism and recreation in rural areas. Wiley, Londres, 1998.
15. Canoves G., Villarino M., Priestley G. K., Blanco A. Rural tourism in Spain: an analysis of recent evolution. Geoforum, 2004, no. 35, pp. 755–769. [Electronic resource]. URL: www.elsevier.com/locate/geoforum.
16. Deroi L. A. About rural and farm tourism. Tourism Recreation Research, 1991, no. 16 (1), pp. 3–6.
17. Roberts L., Hall D. Rural tourism and Recreation: Principles to Practice. Wallingford: CABIPublishing, 2001.
18. Sharpley J., Sharpley R. Rural tourism. An Introduction. London: International Thomson Business Press, 1997.
19. Tourism Strategies and Rural Development. Orgnsisation for Cooperation and Development. Paris, 1994. 94 p.
20. Лебедева И. В., Копылова С. Л. Результаты исследования «Текущее состояние сельского туризма в России, выявление проблем и перспектив в развитии сельского туризма в стране (2019 год)». М.: АНО АРСИ, 2019. 44 с.
21. Сельский туризм стал законным // RATA news. 17.06.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ratanews.ru/news/news_17062021_2.stm. (дата обращения: 08.09.2021).
22. Яковенко И. М., Лозова Д. В. Сельский туризм как фактор социально-экономического развития равнинного Крыма // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2018. Том 4 (70). № 1. С. 80–95.
23. Колдаев А. В. К вопросу о классификации сельского туризма // Вестник РМАТ. 2012. № 2–3 (5–6). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-klassifikatsii-selskogo-turizma> (дата обращения: 08.09.2021).
24. Костяев А. И. Развитие туризма в сельской местности // Никоновские чтения. 2020. № 25. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-turizma-v-selskoj-mestnosti> (дата обращения: 08.09.2021).

25. Трофимова С. М. Территориальная организация сельского туризма в Байкальском регионе (на примере Республики Бурятия). Автореферат дис. канд.-та геогр. наук: Улан-Удэ, 2005. 23 с.
26. Трухачев А. В. Проблемы классификации сельского туризма // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 8 (55). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-klassifikatsii-selskogo-turizma> (дата обращения: 08.09.2021)
27. Евпланов А. Осенью сельский туризм переживает пик популярности / Российская бизнес-газета: Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/09/25/selo.html> (дата обращения: 06.09.2021).
28. Заричная А. А. Европейский опыт развития сельского туризма // Экономика Крыма. 2011. № 4 (37). С. 265–269.
29. Адамеску А. А., Воскресенский В. Ю. Сельский туризм как инновационный фактор развития аграрно-промышленного комплекса // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 13. С. 82–87.
30. Здоров А. Б. Комплексное развитие туризма в сельской местности // Проблемы прогнозирования. 2012. № 4. С. 149–153.
31. Концепция развития сельского туризма, как одного из направлений по расширению сфер занятости сельского населения в Российской Федерации. М.: ФГУ РЦСК. 2008. 56 с.
32. Концепция развития сельского туризма в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://мниап.рф/rural-tourism> (дата обращения: 06.09.2021).
33. Rural tourism — an overview. October 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cupdf.com/document/rural-tourism-an-overview-filerural-tourismpdf/rural-tourism-an-overview.html> (дата обращения: 08.09.2021).
34. Hall M., Page, S. J. The geography of tourism and recreation. Environment, place and space, Third Edition. Routledge publishing, 2006. 530 p.
35. Школа сельского туризма. Проект Национальной ассоциации организаторов сельского и экотуризма России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://selturacademia.ru/proekt-schola-selskogo-turizma.html> (дата обращения: 10.09.2021).
36. Национальный рейтинг туристических брендов (ТОП-100) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/turizm-rating> (дата обращения: 10.09.2021).

I. Yakovenko¹,
N. Strachkova²

Rural tourism: systematization of the concept and understanding of trends

^{1,2}V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: yakovenko-tnu@ya.ru¹, natastrachkova@mail.ru²

Abstract. *Rural tourism is a dynamic and highly effective sector of the modern tourist movement and covers various types of tourist and recreational activities conducted in rural areas, including outdoor recreation and acquaintance with the traditional way of rural life, authentic culture and the work of local agricultural producers. The classification of rural tourism should be based on the functional principle — the types and forms of tourist and recreational activities implemented in rural areas. Rural*

tourism programs are often of a combined nature and include elements of cultural, ethnographic, ecological, and enogastronomic tourism.

Rural tourism is developing under the influence of many driving forces, among which the most important role is played by the desire of people to escape from the stresses of urban life and the greening of thinking. The article systematizes the main determinants of the development of rural tourism, including stimulants and constraints related to consumers of rural tourism services, tourist and recreational products and management systems.

The analysis of scientific and methodological publications allowed us to formulate the main trends in the development of the world process of rural tourism — the progressive growth in the number of participants in rural and agricultural tourism, the leading positions of highly developed urbanized countries; the growth of diversification and expansion of the geographical area of the world movement of rural tourism; the strengthening of the influence of rural tourism on the socio-economic and socio-cultural development of rural regions; the growth of environmental consequences from unregulated rural tourism; the growing influence of state policy in the field of rural tourism, including various areas of legal and economic support; strengthening the coordinating role of specialized associations in the organization and management of rural tourism.

Rural tourism faces the need to solve global, national and regional problems. An important role in the breakthrough development of rural tourism can be played by the coordination of actions of the state, local communities, tourist business to motivate consumer demand and entrepreneurial activity of rural residents in the field of tourism, improving the material and technical support of rural tourism, digitalization, marketing and branding of rural areas, the implementation of innovative approaches to recreational environmental management based on the principles of sustainability. Effective strategies for the development of rural tourism are impossible without generalizing the experience of the development of this direction and a critical understanding of the global trends in the world tourism process.

Keywords: *rural tourism, agricultural tourism, rural area, rural tourism association.*

References

1. Bulgakova A. N. Osobennosti razvitiya sel'skogo turizma v Zarubezhnoj Evrope. (ed.) d-ra geogr. nauk A. YU. Aleksandrovoj. M.: Knorus, 2003. pp. 312–332. (in Russian).
2. Pantyuhina S. Analiticheskij obzor strategij i prakticheskogo opyta nekotoryh Evropejskih stran v razvitiu sel'skogo turizma. Moskva: ANO ARSI, 2019. 35 p. (in Russian).
3. Vinogradova O. V. Problemy i strategicheskie priority razvitiya sel'skogo (zelenogo) turizma v Ukraine: regional'nyj aspekt. Problemi ekonomiki. 2013. no. 4. pp. 183–191. (in Russian).
4. Vlasenko Z. T. Agrokreativnyj potencial i vozmozhnye puti razvitiya agroturizma Irkutskoj oblasti. Agrarno-ekonomicheskaya nauka o problemah innovacionnogo razvitiya agropromyshlennogo proizvodstva: Materialy I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk: izd-vo OGAU, 2007. pp. 190–195. (in Russian).

5. Volkov S. K. Razvitie agroturizma. Menedzhment v Rossii i za rubezhom. 2014. no. 3. pp. 140–143. (in Russian).
6. Gvarliani T. E., Borodin A. N. Sel'skij i agrarnyj turizm kak specificheskie vidy turizma. Prostranstvo ekonomiki. 2011. no. 4–3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskiy-i-agrarnyy-turizm-kak-spetsificheskie-vidy-turizma> (reference date: 07.09.2021). (in Russian).
7. Grigor'eva M. P. Sel'skij turizm: ponyatie, istoriya i tendencii razvitiya. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Simvol nauki». 2006. no. 1. pp. 93–96. (in Russian).
8. Zajceva V. M. Mirovye tendencii razvitiya sel'skogo i agroturizma. Ekonomika. Upravlinnya. Innovacii. 2013. no. 2 (10). (in Russian).
9. Kruglov V. N. Problemy razvitiya sektorov agrarnogo i ekologicheskogo turizma v sovremennoj Rossii. Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2011. no. 10. pp. 65–70. (in Russian).
10. Polyakova I. L., Grigor'eva M. P. Sel'skij turizm: klassifikacii i osobennosti organizacii. Servis v Rossii i za rubezhom. 2017. no. 5 (75). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskiy-turizm-klassifikatsii-i-osobennosti-organizatsii> (reference date: 08.09.2021). (in Russian).
11. Rutinskij M. I., Zin'ko YU. V. Sel'skij turizm: uch. posobie. Kiev: Znannya, 2006. 271 p. (in Russian).
12. Filimonova I. YU., Popova O. B. Perspektivy razvitiya sel'skogo turizma v Orenburgskoj oblasti. [Electronic resource]. URL: <http://docplayer.ru/34307055-Perspektivy-razvitiya-selskogo-turizma-v-orenburgskoy-oblasti-filimonova-i-yu-popova-o-b-orenburgskiy-gosudarstvennyy-universitet-g.html> (reference date: 08.09.2021). (in Russian).
13. SHishova E. Zarubezhnyj evropejskij opyt razvitiya agroturizma. Kurorty. Servis. Turizm. 2016. no. 3–4 (32–33). pp. 110–115. (in Russian).
14. Butler R., Hall C. M., Jenkins J. Tourism and recreation in rural areas. Wiley, Londres, 1998.
15. Canoves G., Villarino M., Priestley G. K., Blanco A. Rural tourism in Spain: an analysis of recent evolution. Geoforum, 2004, no. 35, pp. 755–769. [Electronic resource]. URL: www.elsevier.com/locate/geoforum.
16. Deroi L. A. About rural and farm tourism. Tourism Recreation Research, 1991, no. 16 (1), pp. 3–6.
17. Roberts L., Hall D. Rural tourism and Recreation: Principles to Practice. Wallingford: CABIPublishing, 2001.
18. Sharpley J., Sharpley R. Rural tourism. An Introduction. London: International Thomson Business Press, 1997.
19. Tourism Strategies and Rural Development. Orgnsisation for Cooperation and Development. Paris, 1994. 94 p.
20. Lebedeva I. V., Kopylova S. L. Rezul'taty issledovaniya “Tekushchee sostoyanie sel'skogo turizma v Rossii. vyyavlenie problem i perspektiv v razvitii sel'skogo turizma v strane (2019 god)”. M.: ANO ARSI, 2019. 44 p. (in Russian).
21. Sel'skij turizm stal zakonnyim. RATA news. 17.06.2021. [Electronic resource]. URL: https://ratanews.ru/news/news_17062021_2.stm. (reference date: 08.09.2021). (in Russian).
22. YAkovenko I. M., Lozova D. V. Sel'skij turizm kak faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya ravninnogo Kryma. Uchenye zapiski KFU imeni

- V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. 2018. Vol. 4 (70). no. 1. pp. 80–95. (in Russian).
23. Koldaev A. V. K voprosu o klassifikacii sel'skogo turizma. Vestnik RMAT. 2012. no. 2–3 (5–6). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-klassifikatsii-selskogo-turizma> (reference date: 08.09.2021). (in Russian).
 24. Kostyaev A. I. Razvitie turizma v sel'skoj mestnosti. Nikonovskie chteniya. 2020. no. 25. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-turizma-v-selskoj-mestnosti> (reference date: 08.09.2021). (in Russian).
 25. Trofimova S. M. Territorial'naya organizaciya sel'skogo turizma v Bajkal'skom regione (na primere Respubliki Buryatiya). candidate's thesis. Ulan-Ude, 2005. 23 p. (in Russian).
 26. Truhachev Aleksandr Vladimirovich Problemy klassifikacii sel'skogo turizma. Servis v Rossii i za rubezhom. 2014. no. 8 (55). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-klassifikatsii-selskogo-turizma> (reference date: 08.09.2021). (in Russian).
 27. Evplanov A. Osen'yu sel'skij turizm perezhivaet pik populyarnosti / Rossijskaya biznes-gazeta: Oficial'nyj sajt. [Electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2012/09/25/selo.html> (reference date: 06.09.2021). (in Russian).
 28. Zarichnaya A. A. Evropejskij opyt razvitiya sel'skogo turizma. Ekonomika Kryma. 2011. no. 4 (37). pp. 265–269. (in Russian).
 29. Adamesku A. A., Voskresenskij V. YU. Sel'skij turizm kak innovacionnyj faktor razvitiya agrarno-promyshlennogo kompleksa. Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2012. no. 13. pp. 82–87. (in Russian).
 30. Zdorov A. B. Kompleksnoe razvitie turizma v sel'skoj mestnosti. Problemy prognozirovaniya. 2012. no. 4. pp. 149–153. (in Russian).
 31. Konceptiya razvitiya sel'skogo turizma, kak odnogo iz napravlenij po rasshireniyu sfer zanyatosti sel'skogo naseleniya v Rossijskoj Federacii. M.: FGU RCSK. 2008. 56 p. (in Russian).
 32. Konceptiya razvitiya sel'skogo turizma v Rossii. [Electronic resource]. URL: <http://mniap.rf/rural-tourism> (reference date: 06.09.2021). (in Russian).
 33. Rural tourism — an overview. October 2010. [Electronic resource]. URL: <https://cupdf.com/document/rural-tourism-an-overview-filerural-tourismpdf.html> (reference date: 08.09.2021).
 34. Hall M., Page, S. J. The geography of tourism and recreation. Environment, place and space, Third Edition. Routledge publishing, 2006. 530 p.
 35. SHkola sel'skogo turizma. Proekt Nacional'noj associacii organizatorov sel'skogo i ekoturizma. Rossii. [Electronic resource]. URL: <https://selturacademia.ru/proekt-schola-selskogo-turizma.html> (reference date: 10.09.2021). (in Russian).
 36. Nacional'nyj rejting turisticheskikh brendov (TOP-100). [Electronic resource]. URL: <https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/turizm-rating> (reference date: 10.09.2021). (in Russian).

Поступила в редакцию 11.09.2021 г.

РАЗДЕЛ II

ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ

УДК 913:338(470.22)

В. В. Акимова¹,
А. С. Наумов²,
Д. С. Елманова³,
Е. С. Величко⁴,
М. А. Топников⁵,
М. С. Волков⁶

Сезонность и социально-экономическое развитие сельских территорий (на примере южных районов Республики Карелия)

^{1,2,3,4,5,6}ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация;

¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: varvaraakimova1576@gmail.com¹, alnaumov@mail.ru², elmanova@gmail.com³, elizvelich@gmail.com⁴, mtopnikov@geogr.msu.ru⁵, volkov-m-s@mail.ru⁶

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния сезонности на социально-экономическое развитие сельских территорий южной части Карелии. Данное исследование основано на полевых данных, полученных в результате полуструктурированных глубинных интервью с экспертами из кругов местного сообщества. Было выявлено, что влияние сезонности является довольно косвенным, являясь составной частью других факторов: экономических, инфраструктурных, институциональных, социальных и т. д. Хотя сезонность чаще всего воспринимается как негативное явление с точки зрения социально-экономического развития, современные виды экономической деятельности характеризующиеся пиком активности в разные сезоны года, смягчают влияние сезонности и даже получают от этого определенные преимущества. На основе собранных материалов разработана типология сельских поселений южной части Карелии по характеру влияния сезонности (с преимущественно положительным и преимущественно отрицательным эффектом).

Ключевые слова: сельское развитие, сезонность, Республика Карелия.

Введение

В условиях роста внутрирегиональных диспропорций в уровне жизни и, как следствие, активизации неконтролируемого оттока сельского населения в города, поддержка устойчивого социально-экономического развития сельских территорий является одной из первостепенных задач, которые стоят перед Российской Федерацией. Одной из форм проявления проблем развития сельской местности является высокая роль сезонности, имеющая значимые экономические и социальные последствия, которые необходимо учитывать в рамках формирования эффективной региональной политики. Республика Карелия, расположенная на северо-западе европейской части России, подвержена влиянию сезонных факторов. Этот эффект усиливается за счет того, что 13 из 18 ее муниципальных образований приравнены к регионам Крайнего Севера. Остальные пять напрямую относятся к этой категории. Еще две важные особенности — это близость к

шестимиллионной агломерации Санкт-Петербурга и 798 км границы с Финляндией.

Целью данного исследования является анализ влияния сезонности на социально-экономическое развитие сельских территорий на микрогеографическом уровне (уровне сельских поселений). В данной статье делается попытка определить, является ли сезонность важным фактором социально-экономического развития Карелии; как сезонность влияет на уровень и типы сельских поселений. Наш подход имеет комплексный характер и анализирует все проявления сезонности, влияющие на социально-экономическое развитие региона, в то время как иные исследователи, как правило, рассматривают только один аспект сезонности (к примеру, мобильность населения или плотность потока дачников).

Методическая и методологическая база исследования

Термин сезонность в научных работах российских и зарубежных исследователей, а также в энциклопедических словарях имеет несколько различных определений, но все они сводятся к общему: сезонность — это регулярно повторяющиеся изменения динамики различных показателей с определённым периодом, одинаковым каждый год.

Главное отличие сезонных колебаний экономических показателей от прочих циклических экономических колебаний заключается в малой их длительности и ежегодном повторении. Канадский исследователь Чирнтан Басу прямо указывает на краткосрочность как основную черту сезонных колебаний [1].

Основные зарубежные исследования, посвящённые сезонности, рассматривают её, в первую очередь, как своего рода помеху для определения более долгосрочных экономических циклов. Одна из основных статистических задач, которая решается в эконометрическом анализе — разложение временных рядов — ставит своей целью корректировку сезонности различных явлений для выявления долгосрочных трендов. Разработкой методов и инструментов для оценки роли сезонности в экономической деятельности в западных странах занимались экономисты Е. Дагум [2], М. Ловелл [3], С. Хиллеберг [4] и другие. С. Хиллеберг отмечает, что использование в экономическом анализе данных, очищенных от так называемого «сезонного шума», может привести к потере важных сведений о функционировании различных систем на той или иной территории.

Важная отличительная особенность сезонности — привязка причин сезонных колебаний к временам года. Факторы, которые напрямую зависят именно от природных условий, меняющихся в течение года, являются главными причинами сезонности в хозяйстве отдельного населённого пункта или целой страны. Том Баум (Университет Глазго) и Свенд Лундторп (Датский ресурсный центр туризма) [5] исследовали сезонность на рынке туристических услуг, где выделили два типа сезонности:

- естественная сезонность как производная от климатических условий (температуры воздуха и воды, уровня осадков и их типа — твёрдые или жидкие, продолжительности светового дня и т. д.),
- институциональная сезонность, являющаяся следствием решения масс потребителей.

Согласно выводам Т. Баума и С. Лундторпа, институциональная сезонность гораздо менее предсказуема, чем естественная. Тем не менее, и ей присуща некоторая стабильность: работа образовательных учреждений с летними каникулами значительно сказывается на количестве и качестве спроса и предложения в сфере туризма.

Более подробно институциональную сезонность рассматривал американский экономист Тед Джадиц [6]. Он определил два основных типа факторов, которые влияют на сезонность:

- предсказуемые и регулярные события (Новый год и Рождество, День благодарения и т. д.);
- социальные условия, влияющие на выбор периода года для осуществления тех или иных планов (школьные каникулы летом, студенческие каникулы после зимней сессии).

Сезонность имеет довольно долгую историю изучения среди советских и российских учёных. В кандидатской диссертации «Сезонные ритмы социально-экономических процессов в регионах России» Д. Ю. Землянский выделяет следующие основные этапы изучения сезонности в XX в.:

- формирование научного представления о внутригодовой ритмике социально-экономических процессов в работах С. Кузнецова [7], П. Бурсака [8], А. М. Гинзбурга и Г. И. Дукора [9] в 1920–1930-х гг., когда основное внимание уделялось исследованию сезонности в сельскохозяйственном и промышленном производстве;

- изучение роста роли поведенческих и социальных факторов в формировании сезонных колебаний в работах Дж. Мирона [10], Р. Барски [11], Дж. Джилл [12], Р. Рау [13] и др. в конце 1970-х гг.

На рубеже XX–XXI вв. ряд отечественных исследователей продолжил исследование сезонности, среди них Е. Г. Яковенко [14], В. А. Губанов [15], Б. Г. Мазманова [16], В. М. Тарасевич [17]).

Д. Ю. Землянский относит сезонность в связи с предсказуемыми и регулярными событиями к квазисезонным процессам. По мнению учёного, сезонность проявляется именно в зависимости от социально-экономических процессов (работы предприятия, поведения рабочей силы и т. д.) и от ритмов природы.

Полевые исследования проводились 26 января – 5 февраля 2019 г. в трех муниципальных образованиях Республики Карелия: Прионежском, Пряжинском и Олонецком, в которых были посещены 22 сельских населённых пункта: Ведлозеро (948 жителей (2018)), Видлица (1 632), Деревянка (1 616), Ильинский (2810), Кварцитный (808), Киндасово (14), Кинерма (6), Коткозеро (744), Крошнозеро (319), Куйтежа (576), Ладва (2 132), Матросы (1 389), Мегрега (664), Михайловское (377), Нижняя Салма (47), Новая Вилга (1 765), Рыбрека (427), Святозеро (658), Сяпся (338), Чална (2 580), Шелтозеро (857), Эссойла (1 742). Помимо сельских поселений полевые работы проводились в центрах муниципальных районов: пгт Пряжа, городах Олонец и Петрозаводск. Выбор данных районов обоснован общностью их географического положения в южной части Республики Карелия на границе с Ленинградской областью, сходством структуры хозяйства, значительным влиянием административного центра региона — города Петрозаводск.

Изучение сезонности в сельских территориях южной Карелии в ходе экспедиции проводилось с помощью полуструктурированных глубинных интервью с экспертами из местного сообщества из числа представителей власти (24 интервью), бизнеса (29), сферы образования (45) и культуры (18), общественности (27) по следующим темам:

- сезонность на предприятиях — основных местах приложения труда в сельском поселении, наличие высокого и низкого сезона в работе предприятий, неполной занятости;
- временная занятость населения в разные сезоны года и её значимость в доходах местных жителей;
- наличие личных подсобных хозяйств и их роль в самообеспечении местных жителей;
- сезонные миграции в сельское поселение (дачники, туристы) и из него (рабочие и др.);
- отражение сезонности на инфраструктуре сельского поселения — как приток туристов и дачников, а также погодные условия и прочие сезонные факторы влияют на функционирование инженерной инфраструктуры, магазинов, коммунальных служб, общественного транспорта и т. д.;
- наличие местных праздников в сёлах и влияние смены времён года на дату их проведения.

•

Результаты и обсуждение

В ходе полевой части исследования было выявлено, что основным фактор, определяющий степень влияния сезонности на сельских жителей — это экономическая специализация населённого пункта по максимальной занятости местных жителей. Выделяются следующие основные типы специализации населённых пунктов:

- в которых расположены предприятия или организации, не связанные с использованием природных ресурсов и оттого практически не подверженные влиянию сезонности, кроме вопросов, касающихся инженерной инфраструктуры;
- в которых работают предприятия горнодобывающей промышленности, слабо подверженные сезонности: она сказывается на производственном процессе, но практически не влияет на занятость населения;
- основное население которых работает на сельскохозяйственных или лесопромышленных предприятиях, где сезонность часто отражается на характере занятости населения и таким образом значительно влияет на жизнь населённого пункта в целом;
- максимально подверженные влиянию сезонности — в которых отсутствует «системообразующее» предприятие и где население либо самозанято, либо работает вахтовым методом в других населённых пунктах.

Анализ проявления сезонности и её влияния на жизнь сельских населённых пунктов южной Карелии позволил выявить следующие закономерности.

1. Во всех исследованных населённых пунктах южной Карелии в равной мере сезонность отражается в ведении ЛПХ, сборе ягод и прочих дикоросов, инженерной инфраструктуре, проблемах с общественным транспортом.

2. По-разному сезонность на территории исследования проявляется в занятости местного населения и изменении его численности за счет туристов и дачников.

Для выделения типов населённых пунктов по влиянию сезонности на их социально-экономическую сферу было проведено сравнение степени влияния сезонности по двум последним пунктам. По влиянию сезонности на занятость населения сельские населённые пункты можно распределить по трём группам: (1) внесезонные, где большинство населения заняты во внесезонных организациях — Дом инвалидов и престарелых (Видлица), психиатрическая больница (Матросы) и внесезонный туризм (Кинерма); (2) горнопромышленные, которые в некоторой степени подвержены влиянию сезонности; (3) лесохозяйственные и сельскохозяйственные, в т.ч. те, где есть «системообразующее» предприятие, а также с диверсифицированной занятостью местного населения. В некоторой степени сезонность нивелируется в населённых пунктах, расположенных недалеко от Петрозаводска: Новой Вилге, Чалне и Деревянке. Снижение влияния сезонности здесь связано с миграционными процессами: с маятниковой рабочей миграцией, причем как из сельских населённых пунктов в город, так и наоборот на работу на горнопромышленных предприятиях; с переездом горожан в сельские населённые пункты в частные дома, но с сохранением рабочего места в Петрозаводске.

По влиянию сезонности на фактическую численность населения можно выделить следующие группы населённых пунктов: (1) дачные и туристически привлекательные, расположенные в основном на берегу озёр; (2) окружённые СНТ, но значительно меньше ощущающие на себе приток дачников и туристов летом, расположенные недалеко от Петрозаводска; (3) небольшие по численности населённые пункты, где дачниками в основном являются те, кто уехал из села и возвращается летом в старые собственные дома. Исключением является Кинерма, значимый туристический центр, где практически не проявляется сезонность в связи с относительно равномерным потоком туристов в течение года.

При сопоставлении степени влияния сезонности на занятость населения и на объём туристических (и дачных) потоков выявлены две большие группы типов населённых пунктов южной Карелии по характеру влияния сезонности: преимущественно положительное и преимущественно отрицательное (рисунок 10).

Преимущественно положительное влияние сезонности главным образом отражается в возможности развития туристического потенциала.

1а. Средние по численности населённые пункты, местное население которых занято главным образом на горнодобывающих предприятиях. В силу своего местоположения у озёр (а Чална — благодаря Вотчине карельского Деда Мороза Талви Укко) данные населённые пункты очень привлекательны для туристов и дачников (Чална, Эссойла, Кварцитный, Рыбрека). В этот же тип необходимо отнести и Шелтозеро: несмотря на то, что в самом населённом пункте нет карьера, он имеет большую связь с Рыбрекой и Кварцитным, где работают жители Шелтозера. Кроме того, в Шелтозере работает цех по обработке камня, и расположено оно на берегу Онежского озера. Связывает Шелтозеро с Рыбрекой и Кварцитным также их вепское население. Населённые пункты данного типа подвержены влиянию сезонности с положительной стороны: у них есть большой потенциал для развития туризма, но при этом основная деятельность местного

населения приносит стабильный довольно высокий доход, не подверженный большим сезонным колебаниям.

1б. Средние по численности населённые пункты, основное население которых занято в организациях внесезонной деятельности (Видлица, Матросы). Основное проявление сезонности здесь — большой туристический поток. Как и горнодобывающие населённые пункты, представители данного типа имеют большой туристический потенциал, что можно назвать позитивным проявлением сезонности.

1в. Очень маленькие населённые пункты без системообразующего предприятия, но имеющие объекты культурно-исторической ценности. Кинерма уже активно реализует свой туристический потенциал и практически не испытывает влияния сезонности на объёмы туристического потока. Киндасово принимает туристов главным образом летом на фестивале юмора, но туризм здесь не «поставлен на поток», что делает деревню все ещё уязвимой для негативных проявлений сезонности. Преобладающее население Киндасово — люди пенсионного возраста, в то время как инициативные организаторы фестивалей проживают в других населённых пунктах и приезжают в деревню только на мероприятия.

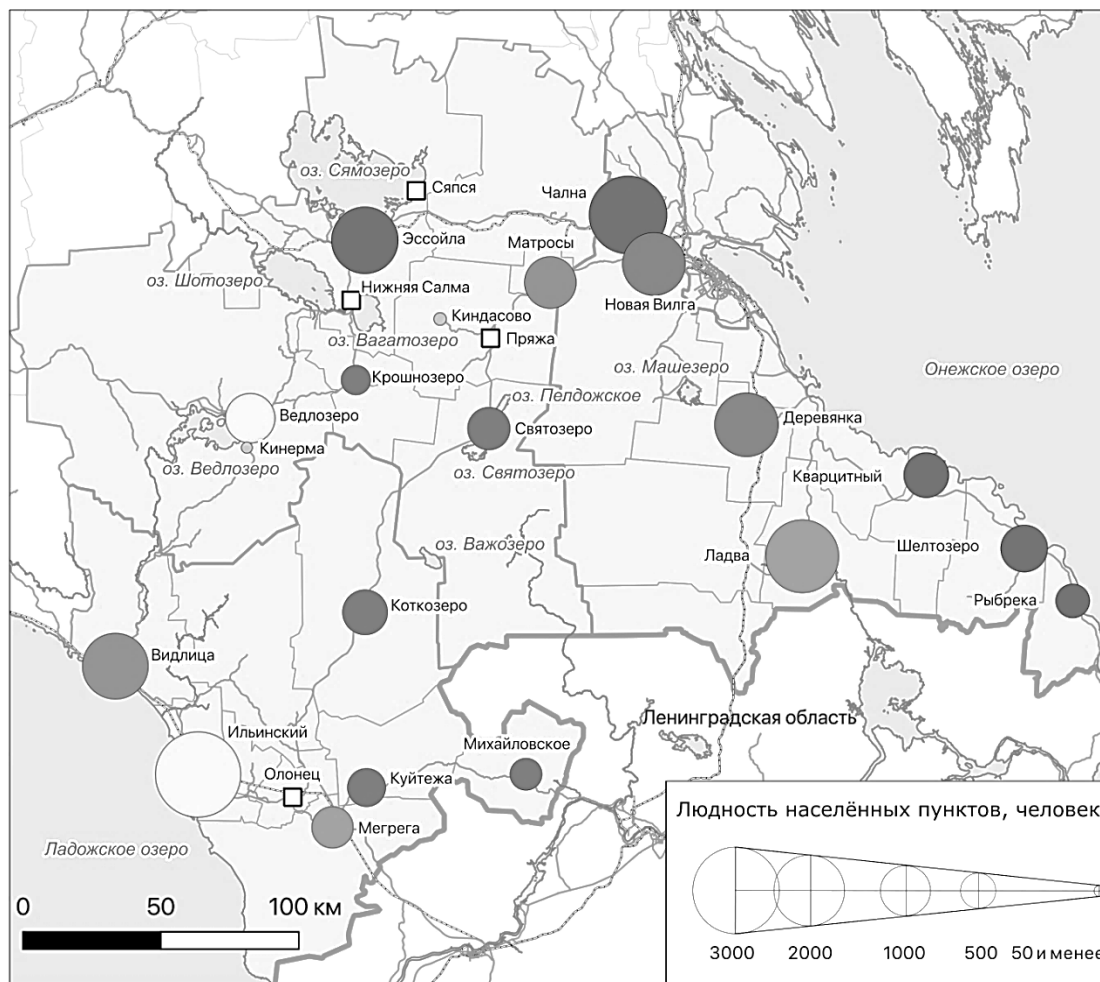
Преимущественно негативное влияние сезонности сказывается в отрицательном влиянии на занятость населения.

2а. Небольшие по численности населённые пункты с диверсифицированной занятостью населения, основная масса дачников в которых — их бывшие жители (Михайловское, Куйтежа, Коткозеро, Святозеро, Крошнозеро). Эти населённые пункты наиболее уязвимы для негативного влияния сезонности из-за отсутствия постоянного стабильного заработка, что способствует миграции местных жителей в другие населённые пункты, вымиранию деревень и переходу их в категорию своеобразных дачных посёлков, заселённых только в теплое время года.

2б. Населённые пункты с крупной сельскохозяйственной организацией и малым количеством дачников (Ладва, Мегрега). Данные населённые пункты очень подвержены влиянию сезонности в отношении занятости населения из-за особенностей производственного процесса: летом нужно больше сотрудников (для полевых, уборочных и прочих работ), чем зимой.

2в. Довольно большие по численности населённые пункты, главное предприятие в которых — сельскохозяйственная организация, и которые принимают значительное количество дачников летом (Ильинский и Ведлозеро). Данные населённые пункты значительно подвержены сезонности в отношении как занятости населения (скорее негативное влияние сезонности, в том числе и массовые отпуска работников в ягодный сезон, препятствующие нормальному ходу производственного процесса), так и притока дачников летом, которые оказывают довольно сильную нагрузку на местные магазины, оставляют мусор на берегах озёр и рек и бросают на произвол судьбы собак, уезжая на зиму в город.

3. Особняком стоят Новая Вилга и Деревянка, относящиеся к средним по численности горнодобывающим населённым пунктам, окружённым СНТ и расположенным довольно близко от Петрозаводска. Сезонность здесь практически не проявляется ни в занятости населения, ни в изменении численности населения за счёт дачников или туристов. Данные населённые пункты имеют тесную связь с Петрозаводском, что также значительно нивелирует проявления здесь сезонности.

Типология населённых пунктов южной Карелии по характеру влияния сезонности

1. Преимущественно положительное

- 1а. Большие и средние, горнодобывающие, туристические, "дачные"
- 1б. Средние, крупные внесезонные организации, туристические
- 1в. Очень маленькие, туристические

2. Преимущественно негативное

- 2а. Маленькие, нет крупного предприятия, "дачные"
- 2б. Большие и средние, сельскохозяйственные
- 2в. Большие и средние, сельскохозяйственные, туристические, "дачные"

3. Сезонность не проявляется

- другие населенные пункты

Рис.1. Типы населённых пунктов южной Карелии по характеру влияния на них сезонности с точки зрения местных жителей.

Составлено авторами по данным проведённых экспертных интервью.

Описание типов населённых пунктов и характера влияния сезонности на них находит своё отражение в общих настроениях жителей данных населённых пунктов. Практически во всех поселениях, отнесённых нами к группе типов с преимущественно положительным влиянием сезонности, мы встречали активных

представителей власти, бизнеса и общественности, которые отличались позитивным настроем и делились большими планами на будущее своего села. В то же время в населённых пунктах, отнесённых нами к другой группе типов, в ходе интервью чаще звучали различные жалобы и воспоминания о лучшем прошлом.

Выводы

Среди факторов, влияющих на социально-экономическое развитие сельских территорий, сезонность имеет большое значение. Однако, её влияние является скорее опосредованным, входя в состав других факторов: экономического, инфраструктурного, институционального, социального и др. Несмотря на северные условия, сельские жители южной Карелии, как и других регионов России, подвержены влиянию сезонности. При приближении к республиканскому центру — Петрозаводску — влияние сезонности на сельские территории ослабевает (это наблюдается в таких населённых пунктах, как Новая Вилга, Деревянка). Можно предположить, что в зависимости от географического положения региона варьирует продолжительность сезонов, а не сферы её проявления.

Сезонность чаще всего воспринимается как негативное явление с точки зрения развития сельских территорий за счёт изменений в занятости населения. Традиционно сезонность подразумевала под собой высокую экономическую активность летом и низкую зимой. В настоящее время в южной Карелии развиваются такие современные виды экономической деятельности, которые отличаются пиком активности в другие времена года (туризм, рыбоводство). В связи с этим летний максимум экономической активности несколько сглаживается (Чална, Коткозеро). Однако в некоторых населённых пунктах различные виды экономической деятельности имеют схожий годовой график активности, что усиливает влияние сезонности и усугубляет соответствующие проблемы в сфере занятости (Ведлозеро, Ильинский).

Большое влияние на резистентность к сезонности оказывает экономическая специализация населённого пункта. В частности, в южной Карелии минимальное влияние сезонность оказывает на населённые пункты, где существуют крупные организации, специализирующиеся на социальном обеспечении — они в наименьшей степени зависят от погодных условий и природных ресурсов, тем самым являясь «внесезонными» (Матросы, Видлица). Населённые пункты с крупными предприятиями в большинстве своём также слабо подвержены негативному влиянию сезонности (Михайловское, Куйтежа).

Сезонность оказывает значительное воздействие на растениеводство в связи с зависимостью от агроклиматических условий и особенностями технологического процесса. Напротив, для наиболее развитой в южной Карелии отрасли сельского хозяйства — молочного животноводства (Мегрега, Ильинский) — смена сезонов практически не имеет никакого значения, в том числе благодаря новым подходам к производственному процессу (круглогодичному осеменению и т. д.).

Важным проявлением сезонности, как и во всей России, является неформальная занятость населения в форме сбора и сбыта дикорастущих ягод, грибов, лекарственных трав и т. д. Сбыт осуществляется как напрямую

приезжающим туристам и/или дачникам, так и представителям перерабатывающих компаний. Значимость этого вида деятельности в наполнении личного бюджета отмечали в 14 из 22 посещённых сельских поселениях.

Сезонность выражена и в работе инженерной инфраструктуры. Зимой в связи с погодными условиями и ростом спроса на услуги тепло- и электроснабжения повышается аварийность систем, что повышает расходы на их обслуживание.

Увеличение численности населения в летний период за счёт дачников и туристов оказывает двоякое влияние. С одной стороны, наблюдается рост торгового оборота в местных магазинах, повышение востребованности библиотек, расширение числа участников сельских культурных мероприятий (Шёлтозеро, Коткозеро, Матросы, Крошнозеро, Мегрега). С другой стороны, в некоторых населённых пунктах это приводит к росту цен и невозможности покупки товаров первой необходимости в связи с большим спросом (Деревянка, Михайловское, Эссойла). Кроме того, летом возрастает и нагрузка на систему вывоза ТБО.

В зимний период часто наблюдаются нарушения в функционировании системы общественного автотранспорта. Территориальные различия сезонной динамики срывов рейсов определяются направлением маршрутов и удалённостью от регионального центра — Петрозаводска. Направление задаёт «фондовый» сезонный максимум, а удалённость «видоизменяет» сезонную структуру, выделяя в отдельных случаях иные максимумы срывов.

На основании собранных в ходе экспедиции материалов разработана типология сельских населённых пунктов южной Карелии по характеру влияния сезонности на их социально-экономическое развитие с точки зрения местных жителей. Выявлены два основных типа сельских населённых пунктов (с преимущественно положительным и преимущественно отрицательным влиянием сезонности), а также особый тип со слабым проявлением сезонности.

Литература

1. Basu C. The Difference Between Seasonal Economic Fluctuations & Cyclical Economic Fluctuations [Electronic resource]. URL: <http://smallbusiness.chron.com/difference-between-seasonal-economic-fluctuations-cyclical-economic-fluctuations-36101.html> (reference date: 05.03.2021).
2. Dagum E. B. Modelling, forecasting and seasonally adjusting economic time series with the X-11 ARIMA method. Journal of the Royal Statistical Society. Series D (The Statistician). 1978. Vol. 27. no. 3/4. pp. 203–216.
3. Lovell M. C. Seasonal adjustment of economic time series and multiple regression analysis // Journal of the American Statistical Association. 1963. Vol. 58. no. 304. pp. 993–1010.
4. Hylleberg S. Seasonality in Regression. Orlando: Academic Press, 1986. 284 p.
5. Baum T., Lundtorp S. Seasonality in Tourism. United Kingdom: Elsevier, 2001. 194 p.
6. Jaditz T. Seasonality: economic data and model estimation. Monthly labor review. 1994. Vol. 117. no. 12. pp. 17–22.
7. Kuznets S. Seasonal variations in industry and trade. New York: National Bureau Economic Research, 1933.

8. Bursak P. J. Seasonal variations in employment in manufacturing industries. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1931.
9. Ginzburg M, Dukor G. I. Seasonality and seasonal fluctuations in industry and the national economy. Moscow: State Technical Publishing House, 1930.
10. Miron J. A. The economics of seasonal cycles. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1966.
11. Barsky R. B., Miron J. A. The seasonal cycle and the business cycle, New York: National Bureau of Economic Research, 1988.
12. Gill G. J. Seasonality and agriculture in the developing world: A problem of the poor and powerless. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
13. Rau R. Seasonality in human mortality: a demographic approach, Berlin, Heidelberg: Springer, 2007.
14. Яковенко Е. Г., Басс М. И., Махров Н. В. Циклы жизни экономических процессов, объектов и систем. М.: Наука, 1991. 191 с.
15. Губанов В. А. Непараметрическое выделение динамических сезонных циклов. Препринт WP2/2002/01. М.: ГУ ВШЭ, 2002. 33 с.
16. Мазманова Б. Г. Методические вопросы прогнозирования сбыта. Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 1. 27 с.
17. Тарасевич В. М. Экономико-математические методы и модели в ценообразовании. Ч. 1. Ленинград: Изд-во Ленинградского финансово-экономического института, 1991. 179 с.

V. V. Akimova¹,
A. S. Naumov²,
D. S. Elmanova³,
E. S. Velichko⁴,
M. A. Topnikov⁵,
M. S. Volkov⁶

***Seasonality and socio-economic development
of rural areas (on the example of the southern
regions of the Republic of Karelia)***

^{1,2,3,4,5,6}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

e-mail: varvaraakimova1576@gmail.com¹,alnaumov@mail.ru²,
elmanova@gmail.com³,elizvelich@gmail.com⁴,
mtopnikov@geogr.msu.ru⁵,volkov-m-s@mail.ru⁶

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the influence of seasonality on the socio-economic development of rural areas in the southern part of Karelia. This study is based on field data obtained from semi-structured in-depth interviews with experts from the local community. It was found that the influence of seasonality is rather indirect, being an integral part of other factors: economic, infrastructural, institutional, social, etc. Although seasonality is most often perceived as a negative phenomenon in terms of socio-economic development, modern types of economic activity are characterized by peak activities in different seasons of the year, thus mitigating the influence of seasonality and even benefiting from it. On the basis of the collected materials, a typology of rural settlements in the southern part of Karelia was developed according to the nature of the influence of seasonality (with a predominantly positive and predominantly negative effect).*

Keywords: *rural development, seasonality, Republic of Karelia.*

References

1. Basu C. The Difference Between Seasonal Economic Fluctuations & Cyclical Economic Fluctuations [Electronic resource]. URL: <http://smallbusiness.chron.com/difference-between-seasonal-economic-fluctuations-cyclical-economic-fluctuations-36101.html> (reference date: 05.03.2021).
2. Dagum E. B. Modelling, forecasting and seasonally adjusting economic time series with the X-11 ARIMA method. *Journal of the Royal Statistical Society. Series D (The Statistician)*. 1978. Vol. 27. no. 3/4. pp. 203–216.
3. Lovell M. C. Seasonal adjustment of economic time series and multiple regression analysis // *Journal of the American Statistical Association*. 1963. Vol. 58. no. 304. pp. 993–1010.
4. Hylleberg S. *Seasonality in Regression*. Orlando: Academic Press, 1986. 284 p.
5. Baum T., Lundtorp S. *Seasonality in Tourism*. United Kingdom: Elsevier, 2001. 194 p.
6. Jaditz T. Seasonality: economic data and model estimation. *Monthly labor review*. 1994. Vol. 117. no. 12. pp. 17–22.
7. Kuznets S. *Seasonal variations in industry and trade*. New York: National Bureau Economic Research, 1933.
8. Bursak P. J. *Seasonal variations in employment in manufacturing industries*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1931.
9. Ginzburg M, Dukor G. I. *Seasonality and seasonal fluctuations in industry and the national economy*. Moscow: State Technical Publishing House, 1930.
10. Miron J. A. *The economics of seasonal cycles*. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1966.
11. Barsky R. B., Miron J. A. *The seasonal cycle and the business cycle*, New York: National Bureau of Economic Research, 1988.
12. Gill G. J. *Seasonality and agriculture in the developing world: A problem of the poor and powerless*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
13. Rau R. *Seasonality in human mortality: a demographic approach*, Berlin, Heidelberg: Springer, 2007.
14. Yakovenko E. G., Bass M. I., Makhrov N. V. *Tsikly zhizni ekonomicheskikh protsessov, ob"ektov i sistem*. M.: Nauka, 1991. 191 p. (in Russian)
15. Gubanov V. A. *Neparametricheskoe vydelenie dinamicheskikh sezonnykh tsiklov*. Preprint WP2/2002/01. M.: HSE, 2002. 33 p. (in Russian)
16. Mazmanova B. G. *Metodicheskie voprosy prognozirovaniya sbyta*. *Marketing v Rossii i za rubezhom*. 2000. no. 1. 27 p. (in Russian)
17. Tarasevich V. M. *Ekonomiko-matematicheskie metody i modeli v tsenoobrazovanii*. Part 1. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo finansovo-ekonomicheskogo instituta, 1991. 179 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 12.07.2021 г.

УДК 911.3

М. Ю. Аксенова¹,
Э. Ф. Мифтякова²

Геодемографическая ситуация сельской местности Ульяновской области в 2002–2019 гг.

^{1,2}ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Российская Федерация
e-mail: 82axmarina@mail.ru¹, elmira03.92@yandex.ru²

Аннотация. Статья описывает геодемографическую ситуацию в Ульяновской области за последние семнадцать лет (2002–2019 гг.). В работе произведен анализ проблемы геодемографического развития сельского населения Ульяновской области. Выявлены определенные демографические угрозы развития Ульяновской области.

Ключевые слова: геодемография; рождаемость; смертность; миграция; естественная убыль, Ульяновская область.

Введение

Геодемографическая ситуация отражает совокупность исторически сложившихся на данной территории в определенное время связей демографических процессов и структур с социальной инфраструктурой и образом жизни пространственно локализованных групп населения. Демографическая ситуация — это индикатор, который моментально реагирует на уровень и качество жизни населения в том или ином регионе. Геодемографическая ситуация территории формируется под воздействием целого ряда факторов. Классификация данных факторов очень условна [1].

На развитие демографических процессов оказывают влияние объективные и субъективные факторы. Группа данных факторов индивидуальна для каждого субъекта РФ. Современная демографическая ситуация в регионах России определяется сочетанием следующих факторов: неспецифических; специфических социально-экономических; специфических демографических (геодемографических) [2].

Актуальность данного исследования определяется тем, что анализ геодемографической ситуации раскрывает систему пространственных взаимосвязей между демографическими процессами и структурами, а также социально-экономическими, политическими и экологическими региональными факторами. Комплексная оценка эффективности демографического развития региона, безусловно, является важным элементом процесса управления регионом.

Важнейшими геодемографическими процессами и структурами в регионе являются естественное и механическое движение, возрастно-половая и социально-экономическая структура населения, людность поселений, размещение населения и пр. [3] Геодемографическая ситуация региона формируется под влиянием большого количества факторов: демографические, социальные, экономические, экологические, расселенческие.

Материалы и методы

Для анализа изменений состояния геодемографического пространства были использованы метод исторического анализа, статистический, сравнительный, системно-структурный анализ, метод пространственного анализа, картографический анализ.

Основной исследовательской базы представляют первичные данные о населении: текущий учет демографических событий, переписи населения, списки и регистры населения. Перечисленные источники информации взаимно дополняют друг друга, что создает условия для получения достоверной геодемографической ситуации.

Результаты и обсуждение

Ульяновская область расположена на Восточно-Европейской равнине. Площадь области равна 37,18 тыс. км², среди субъектов РФ по данному показателю регион занимает 59 место. Ульяновская область условно подразделяется на холмистое Предволжье (3/4 территории), расположенное на Приволжской возвышенности, и равнинное Заволжье (1/4 территории), большая часть которого занимает древнюю террасу Волги. Климат Ульяновской области умеренно континентальный, характеризуется умеренно холодной зимой и теплым летом, формируется под воздействием континентального воздуха умеренных широт.

Размеры и конфигурация территории Ульяновской области обуславливают ее внутреннюю географию. Область разделена на 21 административный район, на ее территории расположены 6 городов и 29 поселков городского типа и около 970 сельских населенных пунктов (в том числе 61 без населения).

Геодемографическая ситуация в Ульяновской области, как и в целом по стране, характеризуется сложностью и нестабильностью. В настоящее время существуют определенные демографические угрозы развитию Ульяновской области. Одна из основных угроз — это снижение численности населения. Численность постоянного населения Ульяновской области на 1 января 2019 года составила 1 238,4 тысяч человек и уменьшилась по сравнению с 2002 годом на 144,4 тысяч человек — на 10,44%, численность сельского населения уменьшилась на 69,2 тыс. человек — на 6,8% (табл. 1).

Таблица 1
Динамика численности сельского населения Ульяновской области
(на начало года)

Годы	Городское и сельское население, тыс. чел.			В общей численности населения, в %	
	всего	городское население	сельское население	городское население	сельское население
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
1959	1116,9	401,3	715,6	36	64
1970	1225,2	638,9	586,3	52	48
1979	1267,8	798,8	469,0	63	37
1989	1396,2	995,3	400,9	71	29
2002	1382,8	1011,6	371,2	73	27

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
2003	1 378,9	1009,2	369,7	73	27
2008	1 308,6	958,2	350,4	74	26
2010	1 292,8	950,6	342,2	74	26
2018	1 246,6	938,8	307,9	75	25
2019	1 238,4	936,4	302,0	76	24

Составлено по [4–13].

За 17 лет (с 2002 по 2019 г.) изменения численности сельского населения произошли во всех муниципальных образованиях Ульяновской области, особенно эти изменения коснулись сельской местности (табл.2). Из таблицы 2 видно, что в период с 2002 по 2019 г. сельское население Ульяновской области повсеместно уменьшилось, лишь в период с 2010 г. в Чердаклинском районе численность сельского населения незначительно увеличилось, более чем на 500 человек.

Таблица 2

Динамика численности сельского населения по муниципальным образованиям Ульяновской области, чел.

Муниципальное образование	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2019 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
Базарносызганский район	15 853	13 161	9 126	6 686	5 271	4 381	3 359
Барышский район	41 050	30 629	26 437	22 236	19 213	16 402	13 455
Вешкаймский район	34 177	23 952	18 721	15 238	13 510	11 181	8 828
Инзенский район	42 917	34 712	25 990	19 430	16 729	12 681	9 701
Карсунский район	41 846	33 725	25 780	19 388	16 158	13 539	10 970
Кузоватовский район	37 218	31 665	25 853	21 669	18 542	14 889	11 747
Майнский район	37 489	29 312	24 478	21 332	19 774	16 919	14 035
Мелекесский район	44 914	40 238	32 806	27 563	27 328	25 311	21 912
Николаевский район	48 123	41 548	30 745	25 512	23 857	21 128	17 433
Новомалыклинский район	22 720	22 543	18 081	14 929	17 167	15 837	13 652
Новоспасский район	25 291	16 218	13 082	12 915	12 814	11 443	10 374
Павловский район	23 208	21 931	14 343	11 851	10 609	9 708	7 817
Радищевский район	21 263	18 076	12 504	11 280	10 882	9 720	8 123
Сенгилеевский район	18 372	14 548	12 054	10 910	9 904	9 191	8 153
Старокулаткинский район	23 293	20 683	17 438	13 557	11 430	9 364	6 486

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Старомайнский район	33 582	21 919	16 965	13 933	13 241	11 804	10 221
Сурский район	42 028	32 424	24 147	18 388	15 255	12 841	10 020
Тереньгульский район	32 195	23 018	18 554	16 291	15 108	13 557	12 090
Ульяновский район	41 237	33 720	27522	28 515	26123	25 958	25 495
Цильнинский район	42 051	35 871	31 028	26 824	24463	23 868	20 959
Чердаклинский район	36 360	33 340	26 866	24 482	31 085	30 009	30 556

Составлено по [4–13].

Для Ульяновской области характерна неравномерная рассредоточенность сельского населения (рис. 1). Высокая плотность сельского населения характерна для 4 муниципальных образований (Новомалыклинский, Ульяновский, Цильнинский, Чердаклинский районы).

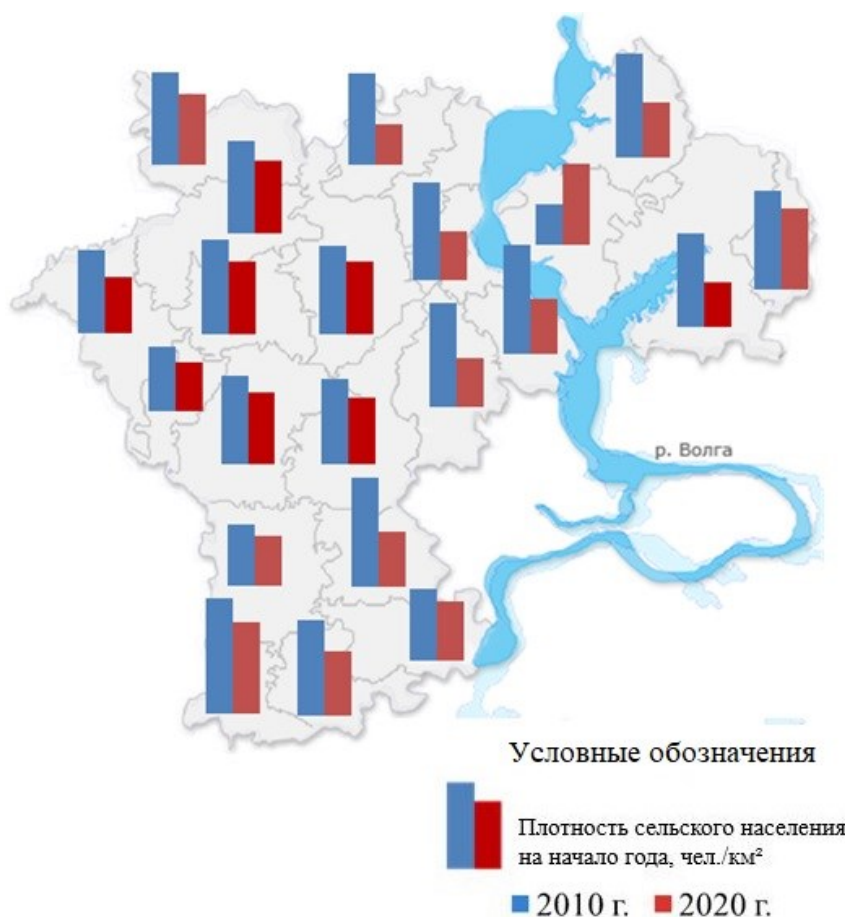

Рис. 1. Плотность сельского населения в муниципальных образованиях Ульяновской области чел./км² (2010 и 2020 г.) (на начало года).

По данным Всероссийской переписи 2002 г. население Ульяновской области проживало в 33 поселках городского типа, в 2010 г. — 29. Уровень урбанизации более 50% характерен для трех муниципальных образований: Базарносызганский (53,6%), Инзенский (58,2%), Сенгилеевский (62,3%). Низкий уровень урбанизации имеют районы: Николаевский (28,2%), Тереньгульский (26,7%), Новомалыклинский (19,3%), Цильнинский (14,5%) (рис.2).

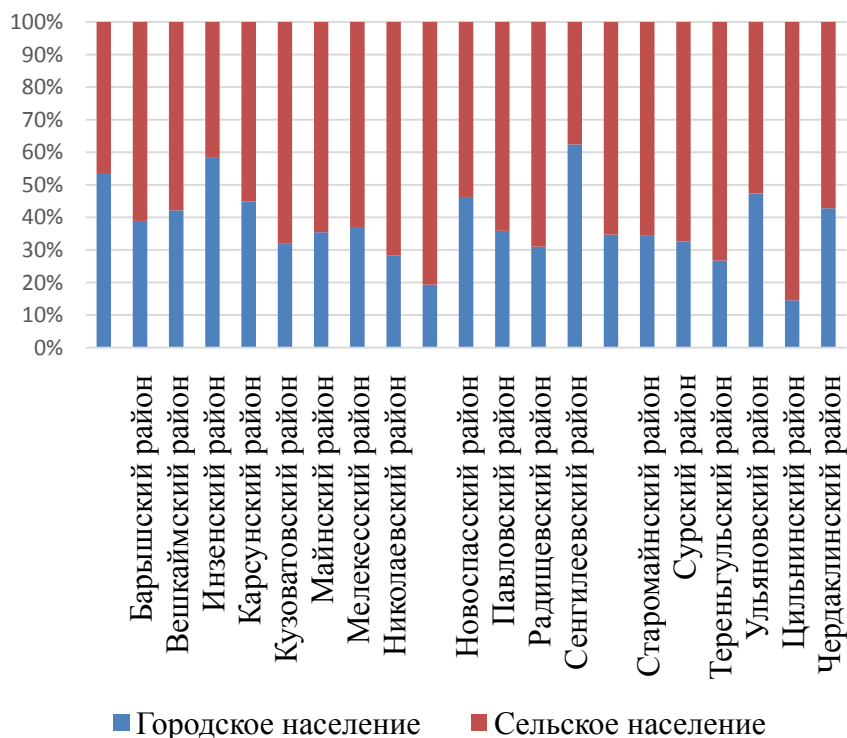

Рис. 2. Соотношение городского и сельского населения по муниципальным образованиям Ульяновской области, %.

Рассматривая демографические процессы, происходящие в сельской местности в период с 2002 по 2010 г. (табл. 3), можно заметить, что большую долю сельских населенных пунктов составляют поселения с числом жителей до 1 000 жителей.

Таблица 3
Динамика численности сельских населенных пунктов Ульяновской области (ед.)

Сельские населенные пункты с числом жителей, чел.:	2002 г.	2010 г.	Изменения 2010 к 2002 г.	
			Количество	%
до 500	719	748	17	104,0
501–1 000	177	153	24	86,4
1 001–2 000	68	49	19	72,0
2 001–3 000	10	14	-4	71,4
3 001–5 000	5	4	1	125
Свыше 5 001	1	2	-1	50
Итого	980	970	-10	101

Составлено по: [4; 5].

В 2002 г. в них было сконцентрировано более половины всех жителей сельской местности (60,5%). Практически без изменений численность сельских жителей сохранилась и в 2010 г. (60%). В сельских населенных пунктах с числом жителей менее 100 чел. сосредоточено 2% в 2002 г. и 2,8% в 2010 г. [6; 7]. В перспективе эти населенные пункты могут стать нежилыми.

Показатели естественного движения населения в Ульяновской области представляют неоднозначную картину. Так по величине суммарного коэффициента рождаемости область занимает 27 место среди субъектов Российской Федерации (на 2017 г.) [4]. Число родившихся в области в период с 2013 по 2019 г. уменьшилось практически в 2 раза (табл. 4) [4; 5; 6].

Таблица 4

**Показатели рождаемости сельского населения Ульяновской области
(на начало года)**

Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Число родившихся (на 1 000 населения)	11,1	11,3	8,9	8,6	7,7	7,2	6,7

Составлено по: [14–18].

Показатель общей смертности населения в Ульяновской области с 2013 до 2016 г. возрастал до 2017 г., после этого рубежа смертность имеет тенденцию к снижению показателей (табл. 5).

Таблица 5

**Показатель общей смертности сельского населения Ульяновской области
(на начало года)**

Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Показатель общей смертности (на 1 000 населения)	17,0	17,6	18,0	17,7	17,1	17,2	15,8

Составлено по: [14–17].

В структуре общей смертности населения Ульяновской области в 2017 году ведущее место занимали болезни системы кровообращения — 53,4%, вторую строку — новообразования — 15,3%, на третьем месте — несчастные случаи, отравления, травмы — 8% [15–17]. В целом по области наблюдается естественная убыль населения.

В возрастной структуре сельского населения области доля лиц трудоспособного возраста сократилась за период 2013–2019 годов на 14,5%. Доля пожилых людей в общей численности сельского населения увеличилась на 6,6%. Наряду с этим отмечается уменьшение на 4,8% доли лиц моложе трудоспособного возраста (табл. 6) [14–17].

Таблица 6
Возрастная структура сельского населения Ульяновской области (на начало года)

Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7	8
Численность населения моложе трудоспособного возраста, тыс. чел.	50 211	50 400	50 278	49 646	48 791	47 778	46 398
Численность населения трудоспособного возраста, тыс. чел.	186 063	180 667	175 066	170 008	164 612	159 173	153 624
Численность населения старше трудоспособного возраста, тыс. чел.	94 661	95 642	96 860	98 186	99 535	100 900	102 011

Составлено по [14–17].

Одним из главных факторов снижения численности сельского населения Ульяновской области является трудовая миграция. За период с 2013 по 2019 год в результате миграционного обмена область потеряла в сельской местности 15 380 чел. Миграционная убыль на 1 января 2013 года составила 2 285 чел. (-7,0 чел. на 1 000 населения). На 1 января 2015 года отмечалось некоторое снижение миграционной убыли -1 442 чел. или — 4,5 на 1 000 населения (табл. 7), но к 2019 г. миграционная убыль вернулась к состоянию 2013 года [14–17].

Таблица 7
Миграция сельского населения Ульяновской области (на начало года)

Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Миграционный прирост, убыль (-) населения, человек, (разность между прибывшими и ушедшими)	-2 285	-2 476	-1 442	-2 029	-2 173	-2 786	-2 189
Миграционный прирост, убыль (-) населения (человек), на 1 000 чел.	-7,0	-7,6	-4,5	-6,4	-7,0	-9,1	-7,3

Составлено по [12–18].

Таким образом, общее снижение численности сельского населения Ульяновской области за последние четыре года в большей степени обусловлено миграционным оттоком трудоспособного населения.

Выводы

Высокая смертность является реальной демографической угрозой для населения Ульяновской области. Причинами этого процесса являются старение населения, негативные демографические последствия прошлых периодов, рост смертности пожилого населения, снижение качества здоровья, травматизм на производстве, ДТП, низкий уровень и качество жизни, ухудшение экологической ситуации. В 2019 г. смертность в сельской местности превысила рождаемость в 2,3 раза. Неблагополучное положение сложилось в Старокулаткинском (-17,3%), Инзенском (-12,9%), Павловском (-12,8%) и Сурском (-12,8%) районах, где наибольшие показатели смертности по области. Наименьшие показатели смертности были отмечены в Чердаклинском (-4,5%) и в Ульяновском (-4,6%) районах, при среднем показателе по Ульяновской области -5,0%. В среднесрочной перспективе, учитывая старение населения, необходимо готовиться к росту числа ежегодно умирающих в сельской местности.

Для сельской местности Ульяновской области характерна устойчивая миграционная убыль населения. Миграционные потоки между сельской местностью и городскими поселениями возросли и стали одной из демографических угроз области.

В результате высокого миграционного оттока сельского населения сокращается его численность, усиливается деформация возрастной структуры, уменьшается численность молодежи, растет число лиц старших возрастов, увеличивается демографическая нагрузка на трудоспособное население. Негативным последствием миграции сельского населения является отток специалистов с высшим и средним образованием, что создает дефицит квалифицированных кадров и приводит к снижению трудового потенциала.

Для решения проблем в сельской местности Ульяновской области её Правительством было организовано «Агентство по развитию сельских территорий Ульяновской области», которое принимает ряд мер, направленных на:

- развитие малых форм хозяйствования на селе;
- повышение инвестиционного потенциала сельских территорий Ульяновской области;
- развитие сельских территорий Ульяновской области;
- работу с сельскими старостами;
- работу по поддержке местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности;
- проведение иридиевых мероприятий
- развитие садоводства.

Литература

1. Валентей Д. И., Кваша А. Я. Основы демографии. М.: Мысль, 1989. 287 с.
2. Логинова Н. Н. география населения с основами демографии: учеб.-метод. пособие. Саранск: [б. и.], 2011. 88 с.
3. Кормишкин Е. Д. Экономическая безопасность региона: теория, методология, практика. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 2002. 144 с.
4. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 1. Численность и размещение населения Ульяновской области. [Электронный ресурс] Режим доступа:

- http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения 28.02.2020).
5. Всероссийская перепись населения 2002 года. Том 1. Численность и размещение населения Ульяновской области.
 6. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960. 523 с.
 7. Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям и областям. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php. (дата обращения 28.02.2020).
 8. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность наличного населения РСФСР, автономных республик, автономных областей и округов, краев, областей, районов, городских поселений, сел-райцентров и сельских поселений с населением свыше 5000 человек. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php. (дата обращения 28.02.2020).
 9. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php. (дата обращения 28.02.2020).
 10. Официальная статистика. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/statistics/sphere/ (дата обращения: 24.01.2019).
 11. Современная демографическая ситуация в Ульяновской области [Электронный ресурс] / Евразийский союз ученых. 28.03.2015 № 03 (12). Режим доступа: <http://euroasia-science.ru/ekonomicheskie-nauki/sovremennaya-demograficheskaya-situaciya-v-ulyanovskoj-oblasti/> (дата обращения: 24.01.2019).
 12. Статистический ежегодник. Ульяновская область. 2018 г. Ульяновск, 2018, том 1.
 13. Статистический ежегодник. Ульяновская область, 2019: Стат.сб. Том 1. Ул., 2019. 166 с.
 14. Статистический ежегодник. Ульяновская область, 2014: Стат.сб. Том 1. Ул., 2015. 166 с.
 15. Статистический ежегодник. Ульяновская область. 2015 г. Ульяновск, 2015, том 1.
 16. Статистический ежегодник. Ульяновская область. 2016 г. Ульяновск, 2016, том 1.
 17. Статистический ежегодник. Ульяновская область. 2017 г. Ульяновск, 2017, том 1.
 18. Список субъектов Российской Федерации по суммарному коэффициенту рождаемости [Электронный ресурс] / Wikipedia Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_субъектов_Российской_Федерации_по_суммарному_коэффициенту_рождаемости (дата обращения: 24.01.2019).

M. Aksenova¹,
E. Miftakhova²

Geodemographic situation of the rural area of the Ulyanovsk region in 2002–2019

^{1,2}Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russian Federation
e-mail: 82axmarina@mail.ru¹, elmira03.92@yandex.ru²

Abstract. *A comprehensive assessment of the effectiveness of the demographic development of the region is an important element of the regional management process. The article describes the geodemographic situation in the Ulyanovsk region over the past seventeen years (2002–2019). The geodemographic situation in the Ulyanovsk region, as well as in the whole country, is characterized by complexity and instability. Currently, there are certain demographic threats to the development of the Ulyanovsk region. One of the main threats is the decline in the population. The most important geodemographic processes and structures in the region are natural and mechanical movement, age-sex and socio-economic structure of the population, population density of settlements, population placement, etc. The geodemographic situation of the region is formed under the influence of a large number of factors: demographic, social, economic, environmental, settlement.*

The paper analyzes the problem of geodemographic development of the rural population of the Ulyanovsk region. Demographic threats to the development of the Ulyanovsk region have been identified. The study used the method of historical analysis, statistical, comparative, system-structural analysis, the method of spatial analysis, cartographic analysis, analyzed changes in the state of geodemographic space. The basis of the research base is the primary data on the population: current accounting of demographic events, population censuses, lists and registers of the population.

The purpose of the article is to analyze the geodemographic situation in the Ulyanovsk region over the past seventeen years (2002–2019) and to present proposals for solving the main problems.

Keywords: *geodemography; birth rate; mortality; migration; natural decline, Ulyanovsk region.*

References

1. Valentey D. I., Kvasha A. Ya. *Osnovy demografi*. M.: Mysl, 1989. 287 p. (in Russian).
2. Loginova N. N. *Geography of the population with the basics of demography: textbook.- method. Manual*. Saransk: [B. I.], 2011. 88 p. (in Russian).
3. Kormishkin E. D. *Economic security of the region: theory, methodology, practice*. Saransk: Mordovia Publishing House. un-ta., 2002 144 p. (in Russian).
4. All-Russian Population Census of 2010. Volume 1. The number and location of the population of the Ulyanovsk region. [Electronic resource]. URL: http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (reference date: 28.02.2020). (in Russian).
5. All-Russian population census of 2002. Vol. 1. The number and location of the population of the Ulyanovsk region. (in Russian).
6. All-Union population census of 1959. The population of the USSR according to the census on January 15, 1959 by republics, territories, regions, national districts,

- districts, cities, urban-type settlements, district centers and large rural localities (according to administrative-territorial division on January 1, 1960). Moscow: Central Statistical Office under the Council of Ministers of the USSR, 1960. 523 p. (in Russian).
7. All-Union population census of 1970. The number of available population of cities, urban-type settlements, districts and district centers of the USSR according to the census data for January 15, 1970 by republics, territories and regions. [Electronic resource]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php. (reference date: 28.02.2020). (in Russian).
 8. All-Union population census of 1979. The number of available population of the RSFSR, autonomous republics, autonomous regions and districts, territories, regions, districts, urban settlements, villages-district centers and rural settlements with a population of more than 5,000 people. [Electronic resource]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php. (reference date: 28.02.2020). (in Russian).
 9. All-Union population Census of 1989. The population of the USSR, the RSFSR and its territorial units by gender. [Electronic resource]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php. (reference date: 28.02.2020). (in Russian).
 10. Official statistics. [Electronic resource]. The territorial body of the Federal State Statistics Service for the Ulyanovsk Region. URL: http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/statistics/sphere/ (reference date: 24.01.2019). (in Russian).
 11. Modern demographic situation in the Ulyanovsk region [Electronic resource]. Eurasian Union of Scientists. 28.03.2015 no. 03 (12). URL: <http://euroasia-science.ru/ekonomicheskije-nauki/sovremennaya-demograficheskaya-situaciya-v-ulyanovsk-oblasti/> (reference date: 24.01.2019). (in Russian).
 12. Statistical Yearbook. Ulyanovsk region. 2018-Ulyanovsk, 2018, Vol. 1. (in Russian).
 13. Statistical Yearbook. Ulyanovsk region, 2019: Stat. sat. Vol. 1. Ul., 2019. 166 p. (in Russian).
 14. Statistical Yearbook. Ulyanovsk region, 2014: Stat. sat. Vol. 1. Ul., 2015 166 p. (in Russian).
 15. Statistical Yearbook. Ulyanovsk region. 2015-Ulyanovsk, 2015, Vol. 1. (in Russian).
 16. Statistical Yearbook. Ulyanovsk region. 2016-Ulyanovsk, 2016, Vol. 1. (in Russian).
 17. Statistical Yearbook. Ulyanovsk region. 2017-Ulyanovsk, 2017, Vol. 1. (in Russian).
 18. List of subjects of the Russian Federation by the total birth rate [Electronic resource]. Wikipedia URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/List_of_subobjects_of_the_Russian_Federation_with_the_sum_of_the_nascence_coefficient (reference date: 24.01.2019). (in Russian).

Поступила в редакцию 21.06.2021 г.

УДК 911.3+314.7 (571.1/.5)

Н. В. Воробьев

Миграционная динамика сельского населения сибирского макрорегиона

ФГБУН «Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН»,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: nikvlv54@gmail.com

Аннотация. Проводится сравнительно-географический анализ и оценка миграционной динамики сельского населения в сибирских регионах в 2011–2020 гг. Определены характер динамики процессов и ключевые миграционные проблемы для макрорегиона и его отдельных регионов. Главная проблема — миграционный отток населения села сократился втрое за десятилетие, но остается основным источником динамики населения. Дается систематизированное представление о сельской миграции для разработки региональной политики.

Ключевые слова: сельская миграция, динамика населения, постсоветский период, регион, Сибирь.

Введение

Проблематика демографической и миграционной динамики регионов России достаточно представлена в научной литературе [1–3]. Современные научные разработки проблем сельской миграции не столь представительны. На пути изучения сельской миграции возникает ряд проблем, в том числе информационной обеспеченности детальных разработок. По мере изучения выявляются различные векторы, градиенты, контрасты миграционных процессов. Исследования миграции позволяют утверждать, что «пригородные/периферийные различия миграционного баланса сельских территорий выражены сильнее, чем пространственно-географические (зональные)» [4, с. 39]. Миграционная проблематика весьма ограничено представлена в комплексных географических работах XXI века по Сибири [5].

Ранее нами выявлялся ряд географически выраженных постсоветских тенденций миграции: «снижение объема постоянной миграции при росте временной (учитываемой по месту пребывания); центростремительный внутрирегиональный вектор движения мигрантов; отрицательный, «западный» межрегиональный вектор движения мигрантов; положительный вектор межгосударственного движения мигрантов; миграционное обезлюдение периферийных территорий; замедление экстенсивной урбанизации из-за исчерпания демографических ресурсов села и роста цен на городское жилье; усиление субурбанизации в зонах влияния крупнейших городов; стягивание населения в городские агломерации Транссибирского экономического коридора» [6, с. 177]. Определены ключевые показатели для каждого региона: saldo миграции, подвижность населения, соотношение внутренних и внешних миграций, внутрироссийских и межгосударственных миграций, роль регионального центра в миграционном движении населения [7].

Цель исследования заключается в выявлении социально-географических особенностей постсоветской динамики миграции сельского населения Сибири.

Задачи, решаемые для достижения цели:

- рассмотреть тенденции динамики сельской миграции,
- охарактеризовать миграционные процессы по регионам,
- представить роль миграции в динамике сельского населения.

Материалы и методы

Объектами изучения являются территории сибирского макрорегиона в историко-культурных границах Сибири, включая 16 регионов-субъектов Российской Федерации: 10 регионов, составляющих Сибирский федеральный округ; входящие в Уральский федеральный округ Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО); входящие в Дальневосточный федеральный округ Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Забайкальский край. Предметом исследования является миграция сельского населения Сибири, которое составляет 17% сельского населения России, а сама территория Сибири занимает 57% площади России.

Используются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), в том числе статистические сборники и бюллетени за ряд лет [8–10]. Исследуемый период — 2010–2020 гг., при этом особое внимание уделяется периоду 2016–2019 гг., в которые действовали основные стабильные факторы и тенденции миграции (до 2011 г. статистический учет миграции отличался от современного, в 2014–2015 гг. был приток беженцев с Украины, в 2020 г. сказывалось влияние пандемии COVID-19). Цель настоящего исследования — анализ и систематизация тенденций и проблем миграции сельского населения в регионах Сибири. В содержательном смысле миграционные проблемы — систематически воспроизводящиеся диспропорции (в составе населения, рабочих местах, жилье и т. д.) между миграцией и соответствующей стороной развития территориальных систем.

Важнейшими для социально-географического изучения являются тенденции изменения заселенности территории, территориальной дифференциации миграционных процессов, взаимосвязи населения и территории. Так, сеть населенных пунктов сократилась за счет как городских, так и сельских населенных пунктов. Особенно сильно (на 1/3) уменьшилось количество поселков городского типа. «Административный перевод 2,4 млн чел. из городских жителей в сельские привел к тому, что реальная ситуация была искажена статистикой. Во многих регионах России общая картина динамики сельского населения между переписями 1989 и 2010 гг. оказалась неверной: вместо реального уменьшения сельского населения статистика показала его рост» [11, с. 32].

Методология исследования построена на приложении географического подхода к массовому статистическому материалу, характеризующему миграцию населения. Автор руководствовался системным подходом, опирались на анализ литературных и статистических материалов, демографические, статистические, сравнительно-географический и картографический методы, количественную оценку потенциала территории. Проводился анализ хода миграционных процессов, при этом в центре внимания стоит территориальная дифференциация и интеграция процессов территориального движения населения.

Результаты и обсуждение

В динамике численности населения произошло несколько переломов, разделяющих относительно стабильные периоды. Если в конце советского периода развития (1970–1991 гг.) численность населения Сибири увеличилась на 4 млн чел., то на протяжении постсоветского периода 1992–2007 гг. она сократилась на 1,8 млн человек. Последующий этап 2007–2011 гг. характеризовался стабилизацией численности, а этап 2012–2015 гг. — увеличением численности на 0,3 млн чел., обусловленной естественным приростом населения, далее начинается новый этап сокращения населения. В современных условиях происходит убыль сельского населения в целом за счет суженого воспроизводства населения и миграционного оттока, при положительном влиянии муниципально-территориальных преобразований в нескольких регионах (см. табл. 1)

Таблица 1
Прирост сельского населения сибирских субъектов РФ в 2016–2020 гг. (чел.)

Регион	общий прирост	в том числе:		
		естественный прирост	миграционный прирост	МТП*)
ХМАО-Югра	-1 051	2 590	-3 641	0
ЯНАО	164	4 065	-3 901	0
Тюменская область без ао	-4 985	-3 100	-1 885	0
Республика Алтай	3 417	3 560	-143	0
Республика Тыва	5 137	7 454	-2 317	0
Республика Хакасия	-6 209	-1 131	-5 078	0
Алтайский край	-43851	-21 556	-22 295	0
Красноярский край	-16 457	-8 490	-11 658	3 691
Иркутская область	16 730	3 141	-840	14 429
Кемеровская область	-16 068	-7 316	-8 752	0
Новосибирская область	-5 554	-8 101	2 547	0
Омская область	-24 873	-5 505	-19 368	0
Томская область	-1 691	-1 553	-138	0
Республика Бурятия	-970	4 632	-5 602	0
Республика Саха (Якутия)	-2 649	9 831	-12 480	0
Забайкальский край	-12 449	140	-18 434	5 845
Сибирь	-111 359	-21 339	-113 985	23 965

*МТП — муниципально-территориальные преобразования.

Составлено автором по [9].

Миграционная убыль сельского населения Сибири в 2011–2020 гг. существенно (в три раза) затормаживается (рис. 1). Четко выделяются периоды относительного постоянства тенденций показателя отрицательного сальдо миграции: 2011–2013 гг. — уровень оттока населения превышает 60 тыс. чел.; 2014–2015 гг. — уровень оттока снижается почти вдвое; 2016–2019 гг. — уровень оттока населения колеблется от 35 до 20 тыс. чел.

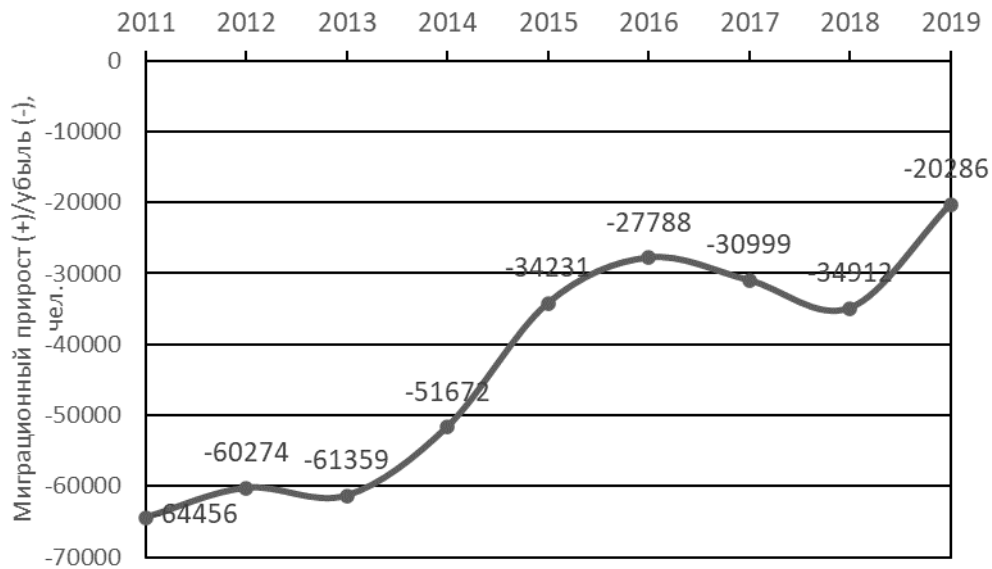

Рис. 1. Динамика миграционной убыли сельского населения Сибири (2011–2020).
Составлено согласно расчетам автора по данным [9].

Статистико-географический обзор миграционных процессов, построенный по регионам, показывает текущее состояние, тенденции и проблемы миграции сельского населения Сибири (рис. 2).

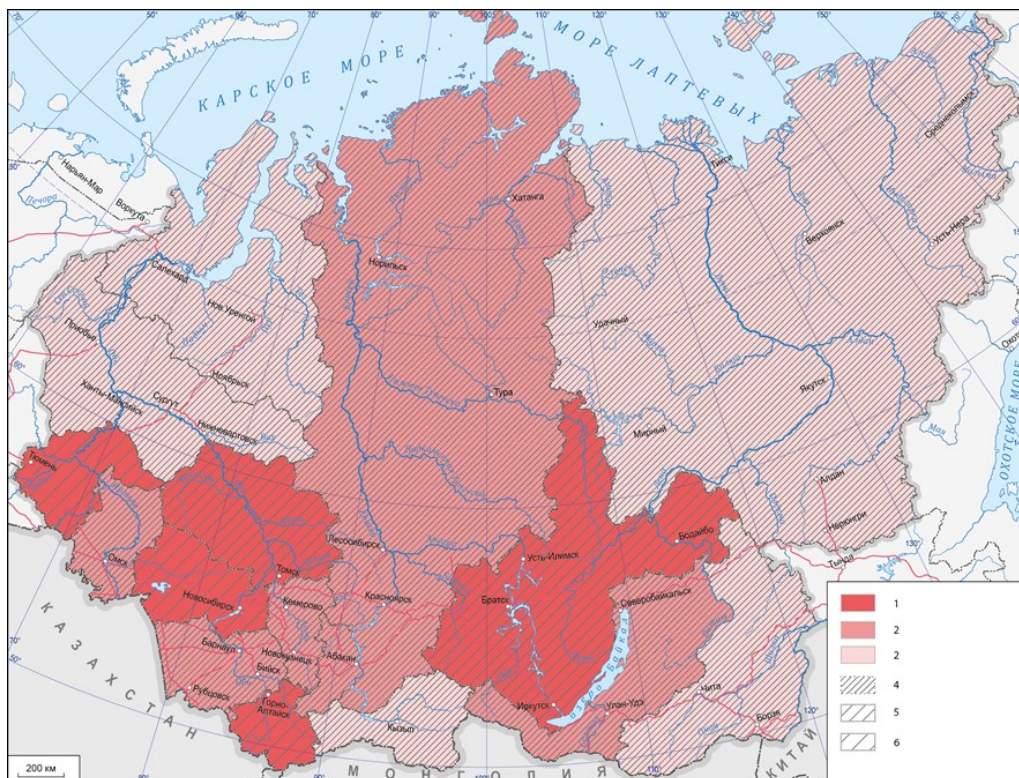

Рис. 2. Миграционная убыль сельского населения регионов Сибири (2010–2020).
Величина миграционной убыли (% в год): 1 — -5...0; 2 — -10...-5; 3 — <-10.
Постоянство миграционной убыли: 4 — всегда; 5 — почти всегда; 6 — преобладает.
Составлено согласно расчетам автора по данным [9].

ХМАО–Югра (в 2020 г. сельское население — 125,4 тыс. чел. или 7,5% всего населения региона) имеет сальдо миграции (-3,6 тыс. чел.) за 2016–2019 гг. Отток сельского населения постоянен, он превышает 10‰ в год. Миграционная подвижность населения вдвое превышает среднесибирский уровень. Экономическое благополучие нефтяной отрасли предопределяет миграционную ситуацию в ХМАО. Из-за высокого спроса на рабочую силу в нефтедобыче и смежных отраслях — ХМАО имеет большой миграционный оборот населения.

ЯНАО (87,4 тыс. чел. или 23,0%) — сальдо миграции — (-3,9 тыс. чел.), отток сельского населения постоянен (-12,1 ‰) в год. Укорененность населения ЯНАО ниже, чем в других сибирских регионах, поскольку население округа сформировано за счет поколений недавних мигрантов и их потомков, зарабатывающих на газодобыче. Миграционная подвижность населения вдвое превышает среднесибирский уровень.

В *Тюменской области без автономных округов* (500 тыс. чел. или 32,5% в 2020 г.) — сальдо сельской миграции составляет (-1,9 тыс. чел.). Отток сельского населения был 7 из последних 10 лет и постепенно сокращается. Внутриобластные миграции ориентированы на областной центр — Тюмень — лидер среди сибирских городов по абсолютному и относительному миграционному приросту населения. Одним из основных источников миграционного роста населения Тюмени являются переселенцы из своей сельской местности.

Омская область (521,8 тыс. чел. или 27,1%) — один из сибирских лидеров по абсолютной миграционной убыли сельского населения (-19,4 тыс. чел.). Характерны внутренние миграции и низкая подвижность населения. Вследствие моноцентричности области половина внутренних мигрантов направляется в Омск. Главные детерминанты миграционных потерь — низкая заработная плата и неполноценная инфраструктура.

Новосибирская область (581,8 тыс. чел. или 20,8%) — регион с незначительным миграционным приростом сельского населения в последние годы. Сальдо миграции в 2016–19 гг. — (2,5 тыс. чел.), а в 2011–2014 было (-13,3 тыс. чел.). Наибольшая убыль населения происходит в удаленных муниципальных районах. Основной полюс притяжения людей — Новосибирская городская агломерация.

Томская область (297,8 тыс. чел. или 27,6%) — один из сибирских регионов с минимальной миграционной убылью сельского населения (-0,1 тыс. чел.) Внутриобластная миграция составляет менее 50% всего миграционного оборота населения.

Кемеровская область–Кузбасс (370,6 тыс. чел. или 13,9%) — сальдо сельской миграции составляет (-8,8 тыс. чел.). Внутрирегиональные миграции преобладают над внешними. Внутри области миграционный прирост сложился в Кемеровском и Новокузнецком городских округах и соответствующих районах.

Алтайский край (997,6 тыс. чел. или 43,0%) — абсолютный лидер как по численности сельского населения, так и по его миграционной убыли — (-22,3 тыс. чел.) за 2016–2019 гг. Сельская местность края остается донором мигрантов для соседних урбанизированных регионов, краевого центра Барнаула и его пригородов.

Республика Алтай (155,7 тыс. чел. или 70,7%) имеет почти нулевое сальдо (-0,1 тыс. чел.) сельской миграции, при этом население возрастает за счет естественного прироста (на 0,5‰ в год). Миграционная нейтральность

республики объясняется низким качеством жизни, компенсируемым свойствами уникальной природы и хорошей экологической обстановкой.

Красноярский край (664,0 тыс. чел. или 23,2%) имеет отрицательное сальдо сельской миграции (-11,7 тыс. чел.). Относительные миграционные показатели сложились на среднесибирском уровне. Межрегиональный обмен сельским населением приводит край к потерям, не компенсируемым межгосударственными миграциями. Миграционный прирост города Красноярска затормаживается.

Республика Хакасия (161,2 тыс. чел. или 30,2%) имеет миграционный отток (-5,1 тыс. чел.). Половину миграционного оборота составляют внутрорегиональные связи, которые обеспечивают прирост населения Абакана. Наиболее тесные связи у республики с Красноярским краем, на который приходится более половины межрегиональной миграции.

Республика Тыва (149,6 тыс. чел. или 45,7%) — сальдо сельской миграции (-2,3 тыс. чел.). Продолжается миграционный отток сельских жителей титульной национальности в столицу республики — Кызыл. Миграция русских, в отличие от тувинцев, направлена за пределы республики [12].

Иркутская область (524,3 тыс. чел. или 21,9%) имеет незначительное отрицательное сальдо сельской миграции (-0,8 тыс. чел.). Отсутствие других полюсов роста приводит к тому, что большинство сельских и городских мигрантов переселялось в областной центр — Иркутск и сопредельные с ним населенные пункты Иркутского и Шелеховского районов.

В Республике Бурятия (402,0 тыс. чел. или 40,8%) сальдо сельской миграции составляет (-5,6 тыс. чел.). С 1990 г. практически во всех муниципальных образованиях республики наблюдалось отрицательное сальдо миграции, кроме пригородного Иволгинского и горнодобывающего Окинского районов. Город Улан-Удэ растет за счет сельских жителей и концентрирует уже 46% населения Бурятии. Улан-Удэнскую пригородную зону сформировали выходцы из сельской Бурятии.

Забайкальский край (337,2 тыс. чел. или 31,9%) имеет отрицательное сальдо сельской миграции (-18,4 тыс. чел.), что делает регион сибирским лидером по интенсивности оттока (-14,7‰) сельского населения. Внутри края только Чита способна привлекать людей, которых из Забайкалья выталкивают проблемы продуктивной занятости населения, уровня зарплат, качества жизни в целом. «В отношении внутрорегиональных перемещений существует стойкий тренд в истощении ресурсов сельской местности — наблюдается постепенное измельчение сельских населенных пунктов» [13, с. 312].

В Республике Саха (Якутия) (329,3 тыс. чел. или 33,9%) сальдо миграции составляет -12,5 тыс. чел. Миграция населения в основном замкнута внутри республики. Миграционная активность высокая в центрах горнодобывающей промышленности и низкая у коренных малочисленных народов Севера. Из промышленных районов миграционные потоки направлены преимущественно за пределы республики, а центр Якутии и сельские районы имеют устойчивые миграционные связи в пределах республики [14].

Соотношение компонентов динамики сельского населения отображается в виде типов динамики населения, где все возможные соотношения естественного и миграционного компонентов изменения численности населения выражены в виде I–VIII типов динамики населения. Реальная карта типов динамики 2016–2020 гг. состоит из 5 типов, а II, III и IV типы с миграционным притоком населения не

встречаются на региональном уровне (рис. 3). V тип (убыль населения: естественная убыль превышает миграционный приток) есть только в Новосибирской области. Данная типология хорошо отображает доминирование миграционного оттока населения как основного фактора современной динамики населения сибирских регионов.

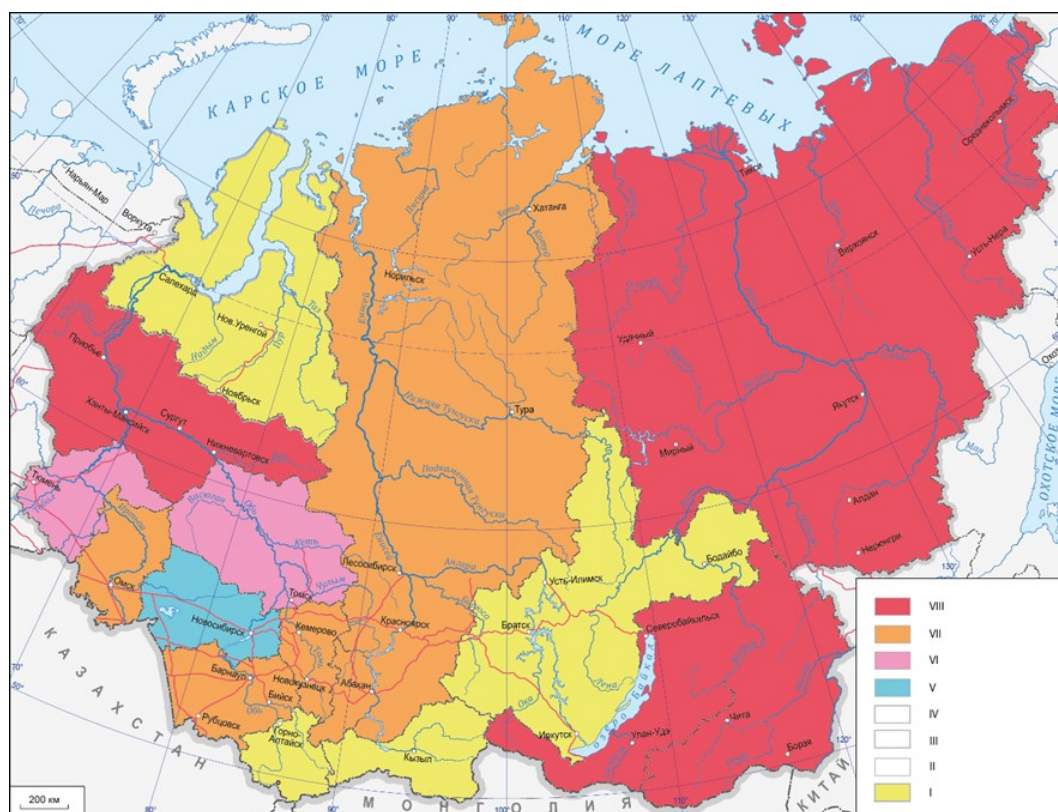

Рис. 3. Типы динамики сельского населения регионов Сибири (2016–2020). Типы динамики населения (составлено согласно расчетам автора по данным [9]): VIII. Убыль населения: миграционный отток превышает естественный прирост, VII. Убыль населения: миграционный отток превышает естественную убыль, VI. Убыль населения: естественная убыль превышает миграционный отток, V. Убыль населения: естественная убыль превышает миграционный приток, IV. Рост населения: миграционный приток превышает естественную убыль, III. Рост населения: миграционный приток превышает естественный прирост, II. Рост населения: естественный прирост превышает миграционный приток, I. Рост населения: естественный прирост превышает миграционный отток.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить социально-географические особенности постсоветской динамики сельской миграции сибирского макрорегиона:

В современных условиях происходит убыль сельского населения в целом за счет суженого воспроизводства населения и миграционного оттока, при положительном влиянии муниципально-территориальных преобразований в

нескольких регионах. Во втором десятилетии XXI в. абсолютная величина миграционного оттока снизилась втрое.

Статистико-географический обзор миграционных процессов, построенный по регионам, показывает текущее состояние, тенденции и проблемы миграции сельского населения Сибири. Миграционная убыль (в среднем — 6,3‰ в год) сельского населения регионов Сибири колеблется в диапазоне (-2,1 — (-14,7 ‰) в год.

Типология динамики населения хорошо отображает доминирование миграционного оттока населения как основного фактора современных изменений численности сельского населения сибирских регионов. Из четырех теоретически возможных типов динамики с миграционным притоком населения встречается только один в расчете на шестнадцать сибирских регионов.

Полученное представление о динамике сельской миграции можно использовать для разработки региональной политики.

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы: АААА-А21-121012190019-9).

Литература

1. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Демографическая динамика регионов России и ее компоненты в 1959–2017 гг. // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 4–20.
2. Красинец Е. С., Рязанцев С. В., Шевцова Т. В. Миграционные процессы: состояние, тенденции и проблемы государственного регулирования // Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие. М.: Экон-Информ, 2015. С. 13–31.
3. Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Демографическая безопасность регионов Сибирского федерального округа: оценка рисков // Вестн. Новосиб. гос. ун-та экономики и управления. 2016. № 1. С. 10–21.
4. Мкртчян Н. В. Миграция в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика 2019. Том. 3. № 1. С. 39–51. <https://doi.org/10.3897/ropesop.3.e34780>
5. География Сибири в начале XXI века: в 6 т. / Гл. ред. В. М. Плюснин. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2014. Т. 3. Хозяйство и население / Отв. ред. Н. М. Сысоева, С. В. Рященко. 251 с.
6. Воробьев Н. В. Миграция населения Сибири: постсоветские тенденции // География и природ. ресурсы. 2019. № 5. С. 172–177. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-5(172-177)
7. Воробьев Н. В. Миграционные тенденции и проблемы регионов Сибири // География и природ. ресурсы. 2020. № 5. С. 178–184. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-5(178-184)
8. Демографический ежегодник России. 2010–2019: Стат. сб. / Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 01.06.2021).
9. Численность и миграция населения Российской Федерации. 2011–2019: Стат. бюлл. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный

- ресурс]. Режим доступа: <https://gks.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения 01.06.2010).
10. Регионы России. 2010–2019: Стат. сб. / Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 01.06.2021).
 11. Чучкалов А. С., Алексеев А. И. «Новые» сельские населенные пункты — бывшие поселки городского типа // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6. С. 18–34.
 12. Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 85–92.
 13. Шворина К. В. Миграционная подвижность населения Забайкальского края как показатель развития территории // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4(14). Вып. 4. 2018. С. 310–318.
 14. Сукнёва С. А. Тенденции миграционной динамики в Республике Саха (Якутия) // Вестн. СВФУ. Сер. Экономика. Социология. Культурология. 2017. № 1 (05). С. 31–40.

N. V. Vorobyev | ***Migration dynamics of the rural population of the siberian macroregion***

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation
e-mail: nikvly54@gmail.com

Abstract. *A comparative geographical analysis and assessment of the migration dynamics of the rural population in the Siberian regions in 2011–2020 is carried out. The purpose of the study is to identify the socio-geographical features of the post-Soviet dynamics of migration of the rural population in Siberia. To achieve the goal, the following tasks are being solved: to consider the trends in the dynamics of rural migration, to characterize migration processes by region, to present the role of migration in the dynamics of the rural population.*

The objects of study are the territories of the Siberian macroregion within the historical and cultural boundaries of Siberia, including 16 regions-constituent entities of the Russian Federation: 10 regions that make up the Siberian Federal District; Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra (KhMAO) and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) included in the Ural Federal District; the Republic of Sakha (Yakutia), the Republic of Buryatia, the Trans-Baikal Territory which are all included in the Far Eastern Federal District. The subject of the research is the migration of the rural population of Siberia, which makes up 17% of the rural population of Russia, and the territory of Siberia itself occupies 57% of the area of Russia. The data of the Federal State Statistics Service (Rosstat) are used. Particular attention is paid to the period 2016–2019, in which the main stable factors and trends of migration operated (until 2011, the statistics of migration differed from the current one, in 2014–2015 there was an influx of refugees from Ukraine, in 2020 the impact of the COVID-19 pandemic affected the migration enormously).

The research methodology is based on the application of the geographical approach to the mass statistical material characterizing the migration of the population. The author was guided by a systematic approach, based on the analysis of literary and statistical

materials, demographic, statistical, comparative geographical and cartographic methods. A statistical and geographical overview of migration processes, built by region, shows the current state, trends and problems of migration of the rural population of Siberia.

The ratio of the components of the dynamics of the rural population is displayed in the form of types of population dynamics, where all possible ratios of the natural and migration components of the change in the population size are expressed in the form of I–VIII types of population dynamics. Real map types of population dynamics 2016–2020 consists of 5 types, and types II, III and IV with a migratory influx of population are not found at the regional level.

The study made it possible to identify the socio-geographical features of the post-Soviet dynamics of rural migration in the Siberian macroregion. In modern conditions, there is a decline in the rural population as a whole due to the narrowed reproduction of the population and migration outflow, with a positive influence of municipal-territorial transformations in several regions. In the second decade of the XXI century the absolute value of the migration outflow has decreased threefold. The migration loss of the rural population in the regions of Siberia ranges from -2.1 to -14.7‰ per year. The typology of population dynamics reflects the dominance of the migration outflow of the population as the main factor in changes in the size of the rural population. Of the four theoretically possible types of dynamics with a migration inflow of population, only one occurs per sixteen Siberian regions. The obtained understanding of the dynamics of rural migration can be used to develop regional policy.

Keywords: rural migration, population dynamics, post-Soviet period, region, Siberia.

References

1. Rybakovskiy O. L., Tayunova O. A. Demograficheskaya dinamika regionov Rossii i ee komponenty v 1959–2017. *Narodonaseleniye*. 2019. Vol. 22. no. 1. pp. 4–20. (in Russian)
2. Krasinets E. S., Ryazantsev S. V., Shevtsova T. V. Migratsionnyye protsessy: sostoyaniye, tendentsii i problemy gosudarstvennogo regulirovaniya. *Narodonaseleniye sovremennoy Rossii: vosproizvodstvo i razvitiye*. M.: Ekon- Inform. 2015. pp. 13–31. (in Russian)
3. Soboleva S. V., Smirnova N. E., Chudayeva O. V. Demograficheskaya bezopasnost regionov Sibirskogo federalnogo okruga: otsenka riskov. *Vestn. Novosib. gos. un-ta ekonomiki i upravleniya*. 2016. no. 1. pp. 10–21. (in Russian)
4. Mkrtchyan N. V. Migratsiya v selskoy mestnosti Rossii: territorialnyye razlichiya. *Naseleniye i ekonomika* 2019. Vol. 3. no. 1. pp. 39–51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>. (in Russian)
5. *Geografiya Sibiri v nachale XXI veka: v 6 t.* (ed.) V. M. Plyusnin. Novosibirsk: Akad. izd-vo “Geo”. 2014. Vol. 3. Khozyaystvo i naseleniye. 251 p. (in Russian)
6. Vorobyev N. V. Migratsiya naseleniya Sibiri: postsovetskiye tendentsii. *Geografiya i prirod. resursy*. 2019. no. 5. pp. 172–177. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-5(172–177) (in Russian)
7. Vorobyev N. V. Migratsionnyye tendentsii i problemy regionov Sibiri. *Geografiya i prirod. resursy*. 2020. no. 5. pp. 178–184. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-5(178-184) (in Russian)

8. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2010–2019: Stat. sb. Rosstat. [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (reference date: 01.06.2021). (in Russian)
9. Chislennost i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii. 2011–2019: Stat. byull. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Electronic resource]. URL: <https://gks.ru/folder/11110/document/13283> (reference date: 01.06.2010). (in Russian)
10. Regiony Rossii. 2010–2019: Stat. sb. Rosstat [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (reference date: 01.06.2021). (in Russian)
11. Chuchkalov A. S. Alekseyev A. I. “Novyye” selskiye naselennyye punkty — byvshiye poselki gorodskogo tipa. Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2019. no. 6. pp. 18–34. (in Russian)
12. Balakina G. F. Anayban Z. V. Osobennosti etnoregionalnoy migratsii v Tuve. Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2016. no. 10. pp. 85–92. (in Russian)
13. Shvorina K. V. Migratsionnaya podvizhnost naseleniya Zabaykalskogo kraya kak pokazatel razvitiya territorii. Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Vol 4 (14). Issue. 4. 2018. pp. 310–318. (in Russian)
14. Sukneva S. A. Tendentsii migratsionnoy dinamiki v Respublike Sakha (Yakutiya). Vestn. SVFU. Ser. Ekonomika. Sotsiologiya. Kulturologiya. 2017. no. 1 (05). pp. 31–40. (in Russian)

Поступила в редакцию 18.06.2021 г.

УДК 914/919

Н. А. Гринкевич¹,
В. Н. Пинязик²

Анализ состояния и динамики сельского расселения Белорусского Полесья

¹Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

e-mail: natasha.grinkevich.99@mail.ru

²Научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

e-mail: pinyazik@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрено состояние и основные проблемы демографического и социально-экономического развития сельской местности Белорусского Полесья, а также факторы и условия современной динамики сельского расселения этого региона. За XIX–XXI вв. был создан большой комплекс научной литературы на тему сельского расселения. Основы теории расселения стали формироваться при активном участии исследователей разных профилей: философов, географов, социологов, экономистов и др. В настоящее время продолжается активная работа в области развития теории расселения, а также этой проблеме посвящаются научные конференции и семинары. К настоящему времени существует широкий набор разнообразных методов изучения сельского населения и его расселения, собран богатый статистический и картографический материал, позволяющий наглядно видеть территориальные различия в размещении сельских жителей.

Белорусское Полесье значительно отличается от остальной территории республики своим геологическим строением, рельефом, климатом, почвенным покровом, гидрологией и другими компонентами природной среды. Белорусское Полесье находится на юге Республики Беларусь и занимает большую часть Брестской, Гомельской, небольшую часть на юге Минской и Могилевской областей. К одной из основных проблем демографического развития сельской местности Белорусского Полесья относится сокращение численности сельского населения. Для Белорусского Полесья также характерно постарение возрастной структуры села. Рассматривая брачность и разводимость можно заметить, что данные показатели в Белорусском Полесье выше, чем в среднем по всей Беларуси. В 2018 г. почти во всех районах Белорусского Полесья численность занятого населения либо уменьшилась, либо осталась прежней в сравнении с предыдущим годом. Для Белорусского Полесья больше характерна внутриобластная миграция, чем межобластная. Во внутриобластной миграции преобладает межрайонная. Межобластная миграция характеризуется тем, что население Белорусского Полесья стремится выехать в столицу страны и Минскую область; население из восточных районов тяготеет к Могилевской области, а из западных районов — к Гродненской. Также для Белорусского Полесья характерна международная миграция: прибывают и уезжают в основном из/в стран СНГ (Россия, Украина, Туркменистан и др.).

Ключевые слова: сельское население, расселение населения, демографические проблемы, демографическое и социально-экономическое развитие.

Введение

В настоящее время проблемы сельского населения Белорусского Полесья и его расселения являются достаточно актуальными. На современном этапе проблема депопуляции сельской местности стоит достаточно остро. С потерей населения сельские поселения теряют свой демографический и трудовой потенциал; многие сельские населенные пункты прекращают свое существование.

Индустриальное развитие Республики Беларусь стало причиной происходящего процесса урбанизации, который оказал существенное влияние на систему сельского расселения.

Цель исследования: проанализировать сельское расселение Белорусского Полесья, выявить динамику его развития и проблемы в XXI веке.

После рассмотрения теоретических основ и методологических подходов установлено, что анализом расселения населения занималось достаточно большое количество советских и белорусских географов, например, Е. А. Антипова [1], А. А. Смолич [5], Б. С. Хорев, С. А. Ковалев [2], И. И. Пирожник [4] и многие другие. При этом основы теории расселения формировались также при участии философов, социологов, экономистов и др. Создан огромный комплекс научной литературы по данной теме и в настоящее время проводятся работы в области развития теории расселения.

Материалы и методы

Результаты исследования были получены путём анализа данных статистических ежегодников Гомельской, Брестской, Могилевской и Минской областей за 2010–2019 гг.

Для оценки состояния и основных проблем демографического и социально-экономического развития сельской местности Белорусского Полесья были выбраны следующие показатели: 1) численность сельского населения, 2) доля трудоспособного сельского населения, 3) доля старше и младше трудоспособного сельского населения, 4) общий коэффициент рождаемости и общий коэффициент смертности, 5) коэффициенты брачности и разводимости, 6) миграционный прирост/убыль, 7) численность занятого населения, 8) номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, 9) обеспеченность населения жильем в сельских населенных пунктах, 10) численность детей, приходящихся на 100 мест в учреждениях дошкольного образования.

В ходе исследования были использованы информационно-аналитические и описательные методы.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование показало, что для сельской местности Белорусского Полесья характерно:

- сокращение численности населения в 34 районах из 36;
- сокращение трудоспособного населения в 33 районах;
- увеличение доли пожилых лиц в возрастной структуре населения 31 района;
- сокращение доли младше трудоспособного возраста в 9 районах;
- уменьшение уровня рождаемости в 26 районах;

- сокращение уровня смертности в 33 районах;
- снижение коэффициента брачности в 32 районах;
- увеличение коэффициента разводимости в 9 районах;
- миграционная убыль в 32 районах;
- внутриобластная межрайонная миграция;
- сокращение занятого населения в 34 районах;
- увеличение номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников во всех районах;
- увеличение обеспеченности населения жильем в сельских населенных пунктах 33 районов Белорусского Полесья;
- увеличение числа детей, приходящихся на 100 мест в учреждениях дошкольного образования, в 25 районах.

На современную динамику сельского расселения Белорусского Полесья в какой-то мере оказывает влияние природная среда. Множество рек (Днепр, Припять, Западный Буг и их притоки), наличие озер (например, в Житковичском, Ивацевичском, Ганцевичском, Ивановском, Березовском и др. районах), заболоченность и лесистость территории влияют на среднее расстояние между поселениями. Например, в Лельчицком и Наровлянском районах под лесами занято 69,1 и 64,7% от территории районов соответственно (наибольшая лесистость в Гомельской области), в Ляховичском и Ивацевичском районах — 47 и 46% соответственно (наибольшая лесистость в Брестской области). Вообще, наибольшая лесистость среди областей наблюдается в Гомельской — 47,1% в 2018 г.

Эти факторы особенно сильно заметны на Полесской низменности, где сформировалась сеть значительно более удаленных друг от друга сельских поселений. Среднее расстояние между ними может достигать 4 километров.

Изменения в характере демографических процессов в сельской местности Белорусского Полесья повлекли за собой трансформационные сдвиги в сельском расселении.

Демографическое развитие села характеризуется уменьшением численности и понижением плотности населения. Так, численность сельского населения на Белорусском Полесье за период 2010–2019 гг. уменьшилась на 146 тысяч человек. Сокращение численности населения в сельской местности Белорусского Полесья отражает как закономерный процесс урбанизации (доля городского населения в общей численности населения Республики Беларусь в 2010 г. составляла 69,7%, а в 2019 г. — 78,4%), так и отток молодежи и квалифицированных кадров в города из-за недостатка рабочих мест, отсутствия перспектив, слабого развития социальной инфраструктуры и низкой доступности медицинских услуг. В городах лучшие условия и возможности для получения профессионального образования и выбора рабочего места. Вследствие сокращения трудоспособного населения, уменьшается занятое население на Белорусском Полесье. Например, доля трудоспособного населения в Речицком районе за период с 2011 по 2019 г. уменьшилась на 4,3%, в результате чего, доля занятого населения за период с 2011 по 2018 г. уменьшилась на 3,9%. В Светлогорском районе доля трудоспособного населения в 2011 г. составляла 50,9%, а в 2019 г. — 45%, вследствие этого занятое население также уменьшилось с 40,8% в 2011 г. до 35,3% в 2018 г [3].

Миграция село-город так же ведет к деформации половозрастной структуры сельского населения. Если ещё в 1990-х гг. пожилое население преобладало в сельской местности, то в настоящее время — в городах, хоть и в 31 районе Белорусского Полесья наблюдается увеличение доли старше трудоспособного населения, особенно в районах Гомельской области. Например, в Светлогорском районе данный показатель за период с 2011 по 2019 г. увеличился на 4,5%, в Лоевском районе — на 4,2% [3]. Кроме того, старение происходит не столько за счет роста продолжительности жизни, сколько в результате низкой рождаемости. В результате демографического старения села повышается демографическая нагрузка на трудоспособное население, увеличиваются расходы на развитие инфраструктуры пожилого населения.

Деформация половозрастной структуры сельского населения выражается в превышении числа мужчин над числом женщин в трудоспособном возрасте, так как они более мобильны, что влияет на снижение коэффициента брачности. Так, в 2019 г. в структуре сельской местности Республики Беларусь по полу в трудоспособном возрасте преобладают мужчины — 58,1%, что существенно влияет на снижение коэффициента брачности в сельской местности Белорусского Полесья (например, в Лельчицком районе в 2010 г. данный показатель составлял 8,3‰, а в 2018 г. — 5,9‰; в Глусском районе в 2010 г. — 7,9‰, а в 2018 г. уже 4,6‰) [3].

Спад рождаемости, наблюдаемый в сельской местности Белорусского Полесья, стал возможным не только из-за влияния структурных факторов (сокращение числа женщин детородного возраста), но и поведенческих (снижение потребности в детях). Например, самый низкий уровень рождаемости в 2018 г. наблюдался в Ляховичском районе — 8,5‰, при этом в 2010 г. он составлял 9,8‰. А самый высокий спад коэффициента рождаемости — в Мозырском районе (с 12,2‰ в 2010 г. до 9,9‰ в 2018 г.) [3].

Однако, в сельской местности на Белорусском Полесье наблюдается более высокий уровень обеспеченности населения жильем, чем в городах. В Глусском районе в 2018 г. обеспеченность населения жильем в сельских населенных пунктах составила 62,4 м² общей площади на одного жителя, а в городах и поселках городского типа — 33,2 м², в Мозырском районе в 2018 г. данный показатель составил 32,2 м² в сельских населенных пунктах, а в городах и поселках городского типа — 24,1 м² [3].

Также в сельской местности Белорусского Полесья увеличивается номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников во всех районах.

Экологический фактор также повлиял на характер естественного движения и миграцию. Наиболее пострадавшими территориями в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС являются как раз районы Гомельской, Брестской и Могилевской областей, которые входят в состав Белорусского Полесья. По данным Белстата, в 53 сельских населенных пунктах никто не живет. В результате переселения жителей из загрязненных территорий число населенных пунктов за 10 лет сократилось на 409. За 10 лет на 327,9 тыс. чел. сократилась численность населения, проживающего в зонах радиоактивного загрязнения.

Сельскохозяйственная освоенность территорий формирует систему равномерного размещения сельского населения. Однако, из-за радиоактивного загрязнения из сельскохозяйственного оборота были исключены 264 тыс. га.

Ключевые демографические угрозы и ограничения в сельской местности Белорусского Полесья, которые влияют на сельское расселение, связаны с сокращением числа лиц трудоспособного возраста, депопуляцией сельского населения, демографическим старением села, увеличивающим нагрузку на трудоспособное население. Следовательно, необходимы дополнительные меры демографической политики, направленные на рост численности населения, увеличения числа детей в сельских семьях, улучшение демографической ситуации в сельской местности. В перспективе правительство Беларуси должно приложить усилия для улучшения здоровья и сокращения смертности сельского населения. Необходимы инвестиции в человеческий капитал, образование и качество жизни сельского населения. Также должна быть повышена значимость миграционной привлекательности сельских территорий в регулировании численности населения.

Выводы

В результате анализа состояния и основных проблем демографического и социально-экономического развития сельской местности Белорусского Полесья можно сделать выводы о том, что здесь происходит сокращение: численности сельского населения, трудоспособного населения, уровня рождаемости, уровня смертности, коэффициента брачности, занятого населения; а также увеличение: доли пожилых лиц в возрастной структуре населения, номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников, обеспеченности жильем в сельских населенных пунктах и числа детей, приходящихся на 100 мест в учреждениях дошкольного образования. Для сельской местности Белорусского Полесья характерна миграционная убыль и внутриобластная межрайонная миграция.

Были выявлены факторы современной динамики сельского расселения Белорусского Полесья, к которым относятся природная среда (наличие рек, озёр, лесистость, заболоченность территории), изменения в характере демографических процессов (уменьшение численности населения, понижение плотности, миграция село-город, отток трудоспособного населения, деформация половозрастной структуры, спад рождаемости), экологический фактор (влияние катастрофы на Чернобыльской АЭС), сельскохозяйственная освоенность территории).

Литература

1. Антипова Е. А. Структурные и пространственные сдвиги в сельском расселении Беларуси. София: БАН, 2012, С. 35–47.
2. Ковалев С. А. Географический анализ сельского расселения в СССР: некоторые итоги и перспективы // Вопросы географии. Москва, 1988. Сб. 132. С. 25.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 15.06.2021).
4. Пирожник И. И., Антипова Е. А. Геодемографическое развитие и трансформация сельского расселения Беларуси во второй половине XX в. Минск: БГУ, 2009. С. 74–81.

5. Смоліч А. Размяшчэнне насельніцтва па тэрыторыі Беларускай ССР // Матэрыялы да геаграфіі і статыстыкі Беларусі. Мн.: Ін-т бел. культуры. Адрэс. прыроды і народнай гаспадаркі. 1928. Т. 2. С. 1–34.

N. Grinkevich¹,
V. Pinyazik² | ***Analysis of the state and dynamics of rural settlement in the Belarusian Polesie***

¹Belarusian State University, Minsk, Belarus

e-mail: natasha.grinkevich.99@mail.ru

²Institution “Scientific Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus”, Minsk, Belarus

e-mail: pinyazik@rambler.ru

Abstract. *This article focused on the state and main problems of the demographic and socio-economic development of rural areas of the Belarusian Polesie, as well as the factors and conditions of the modern dynamics of rural settlement of the Belarusian Polesie.*

For the XIX–XXI centuries a large complex of scientific literature on the topic of rural settlement was created. The foundations of the theory of settlement began to form with the active participation of researchers of various profiles: philosophers, geographers, sociologists, economists, etc. Currently, active work continues in the development of the theory of settlement, and scientific conferences and seminars are also devoted to this problem.

To date, there is a wide range of diverse methods for studying the rural population and its settlement, a rich statistical and cartographic material has been collected, which allows you to clearly see the territorial differences in the distribution of rural residents. Belarusian Polesie differs significantly from the rest of the republic in its geological structure, relief, climate, soil cover, hydrology and other components of the natural environment.

Belarusian Polesie is located in the south of the Republic of Belarus and occupies most of the Brest, Gomel, a small part in the south of the Minsk and Mogilev regions.

One of the main problems of the demographic development of the rural areas of the Belarusian Polesie is the reduction in the number of the rural population. Aging of the age structure of the village is also characteristic of the Belarusian Polesie. Considering marriage and divorce rates, one can notice that these indicators in the Belarusian Polesie are higher than the average for the whole of Belarus. In 2018, in almost all regions of the Belarusian Polesie, the number of the employed population either decreased or remained the same in comparison with the previous year. Intra-regional migration is more typical for the Belarusian Polesie than interregional one. Intraregional migration is dominated by interdistrict migration. Interregional migration is characterized by the fact that the population of the Belarusian Polesie tends to leave for the capital of the country and the Minsk region; the population from the eastern regions gravitates towards the Mogilev region, and from the western regions - to the Grodno region. Also, the Belarusian Polesie is characterized by international migration: arriving and leaving mainly from / to the CIS countries (Russia, Ukraine, Turkmenistan, etc.).

Keywords: *rural population, population settlement, demographic problems, demographic and socio-economic development.*

References

1. Antipova E. A. Structural and spatial shifts in rural settlement of Belarus. Sofia: BAN, 2012. pp. 35–47. (in Russian).
2. Kovalev S. A. Geographical analysis of rural settlement in the USSR: some results and prospects. Questions of geography. Moscow, 1988. Sat. 132. pp. 25. (in Russian).
3. National Statistical Committee of the Republic of Belarus [Electronic resource]. URL: <http://www.belstat.gov.by> (reference date: 15.06.2021). (in Russian).
4. Pirozhnik I. I., Antipova E. A. Geodemographic Development and Transformation of the Rural Settlement of Belarus in the Second Half of the 20th Century. Minsk: BSU, 2009. pp. 74–81. (in Russian).
5. Smolich A. Placement of the population on the territory of the Belorussian SSR. Materials for geography and statistics of Belarus. Minsk: In-t bel. culture. Department of Nature and National Economy. 1928. Vol. 2. pp. 1–34. (in Belarusian).

Поступила в редакцию 06.06.2021 г.

УДК 911.3

В. О. Долгова¹,
З. К. Петрова²

Перспективы развития агротуризма в Калужской области

^{1,2}ФГБУ «Центральный научно-исследовательский и проектный институт Минстроя России» (ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: pttrovaz777@mail.ru¹; Dingo93@mail.ru²

Аннотация. *Статья посвящена анализу перспектив развития агротуризма в Калужской области. Сельский туризм может стать одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Калужского региона. В настоящее время на территории области насчитывается более 110 агроусадеб, владельцы которых заняты агротуризмом, их количество продолжает увеличиваться. Необходимо восстановить сельскохозяйственное производство и осуществить модернизацию сельских поселений, обеспечить создание транспортной инфраструктуры, и затем развивать агротуризм для широких слоев населения с участием малого и среднего предпринимательства.*

Ключевые слова: *агротуризм, сельские поселения, культурные и природные ландшафты, объекты историко-культурного наследия.*

Введение

Агротуризм или сельский туризм развивается в России уже несколько лет, но пока не является лидером рынка. В Калужской области сельский туризм может стать одним из приоритетных направлений социально-экономического развития региона. Количество предпринимателей, занимающихся агротуризмом в Калужской области, составляет более 110 агроусадеб и продолжает увеличиваться. Развитию туризма в сельской местности посвящены исследования И. В. Лебедевой, С. Л. Копыловой, И. М. Карповой, Н. В. Чепурных и других. В этих исследованиях установлено, что принимаемые меры государственной и областной поддержки способствуют развитию туризма в сельской местности [1]. Владельцы предлагают размещение в комфортабельных домах, здоровое питание, организацию охоты, рыбалки и другого активного отдыха на природе. В то же время существует ряд проблем, которые субъекты сельского туризма не смогут решить самостоятельно. Это вопросы, связанные с развитием сельских поселений и туристской инфраструктуры, активным вовлечением сельских жителей в эту деятельность, формированием туристской привлекательности таких территорий и рядом сопутствующих проблем [2].

Цель настоящего исследования состоит в определении перспектив развития агротуризма с учетом социально-экономических и градостроительных условий сельских поселений в средней полосе России (на примере Калужской области).

Материалы и методы

Методика исследования основана на системно-структурном подходе. Она включает в себя изучение архивных и справочных источников, фотоматериалов, с привлечением сведений по истории, краеведению; натурные исследования

сельских поселений и культурных ландшафтов; изучение официальных государственных документов, научно-аналитических разработок и справочников, природных и историко-культурных объектов Калужской области, а также других материалов и научных публикаций.

В статье анализируются существующие на территории сельских поселений модели функционирования сельского туризма. Дано сравнение модели сельского туризма с участием малого и среднего предпринимательства с Западноевропейской моделью развития — «малое семейное хозяйство». Развитие агротуризма проведено на основе анализа социально-экономического и градостроительного развития сельских поселений.

Существующая модель функционирования сельского туризма как «национальная деревня», особенность которой заключается в создании стилизованных под национальную специфику «агротуристских деревень», «рыбачьих деревень», «пчеловодческих хозяйств» этнографических центров и тому подобных, требует больших инвестиционных ресурсов, и осуществление таких проектов под силу только *крупным предпринимателям* (рис. 1).

Рис. 1. Этнографический парк-музей «Этномир» в деревне Петрово Калужской области.

[<https://ethnomir.ru/upload/medialibrary/4cc/luvr4.jpg>].

Для увеличения доли *малого и среднего предпринимательства* в структуре сельского туризма, и, как следствие, для комплексного развития сельских территорий, необходимо предпринять ряд мер. Для начала следует достоверно определить уровень состояния и перспективы развития данного сегмента туристского рынка [3].

Западноевропейская модель развития — «малое семейное хозяйство», подразумевающая создание на базе уже существующего в сельской местности жилого фонда сети средств размещения, которые будут отвечать современным условиям комфорта, пока мало реализуется в России. Реалии большинства сельских поселений страны таковы, что и сами хозяева не имеют комфортных условий жизнеобеспечения (отсутствие водоснабжения, канализации, в ряде поселений газификации) и развитой дорожной инфраструктуры. Сначала надо восстановить сельскохозяйственное производство и осуществить модернизацию сельских поселений, развивать транспортную инфраструктуру, а потом уже

говорить о развитии агротуризма и возможности получения дополнительного заработка сельскими тружениками.

Средние и мелкие предприниматели, пытающиеся функционировать в виде новых хозяйственных объединений по сельскому туризму, «фамильных» имений или усадеб, имеют небольшие земельные угодья. Эти имения и усадьбы не обеспечены современной инфраструктурой. Предприниматели вполне понимают сезонность и кратковременность туристической деятельности и соответственно нестабильность заработка в целом, поэтому осуществление аграрной и животноводческой деятельности в таком варианте выходит на первый план. Оказалось, что сельский туризм требует немалых ресурсов и самоотдачи, а времени на реализацию сельскохозяйственной деятельности не остается. Гости всегда должны находиться в комфортных и безопасных условиях, поэтому требуется гид для проведения экскурсий в лес, чтобы объяснить какие грибы и ягоды, где они растут, и какие можно собирать во избежание отравления, а также многое другое. Вовлечение туристов в хозяйственную деятельность тоже требует времени, организации и осуществления всего процесса под присмотром персонала.

Для увеличения доли малого и среднего предпринимательства в структуре агротуризма, и как следствие для комплексного развития сельских территорий, необходимо предпринять ряд мер государственного масштаба. Экономические разработки и программы стратегии развития сельского туризма на территории РФ при финансовой поддержке государства в настоящее время весьма актуальны и частично реализуются [4].

Вместе с тем, для создания и развития познавательного туризма, привлечения инвестиций в укрепление туристской инфраструктуры села с четким индикативным механизмом реализации важным представляется сделать акцент на историко-культурное наследие Калужского региона, включая, наряду с архитектурными объектами и местами исторических сражений, историко-культурные ландшафты, промыслы и ремесла (рис. 2).

Проведенный автором анализ расположения агроусадоб, показал преимущественное их расположение вблизи туристических центров, кластеров, позволяющих совмещать различные виды отдыха от активного, созерцательного общения с природой до познавательного с посещением музея или древнего монастыря.

А как развивать сельский туризм малым и средним предпринимателям на территориях со слаборазвитой инфраструктурой, удаленных от туристических маршрутов и посещаемых историко-культурных объектов? Что показывать туристам? Разрушенные храмы и усадьбы (рис. 3)? Зарастающие аллеи садово-паркового искусства и заиленные водоемы? На многих доминирующих ландшафтных точках стоят остовы разрушенных ферм — наследия советской эпохи хозяйствования. Зброшенные агроландшафты зарастают сорной растительностью. Леса вырубаются, а действенных мер по лесовосстановлению ценными древесными породами не происходит. Котлованы карьеров от добычи ресурсов преобразуются в нарушенные ландшафты без производства работ по их рекультивации.

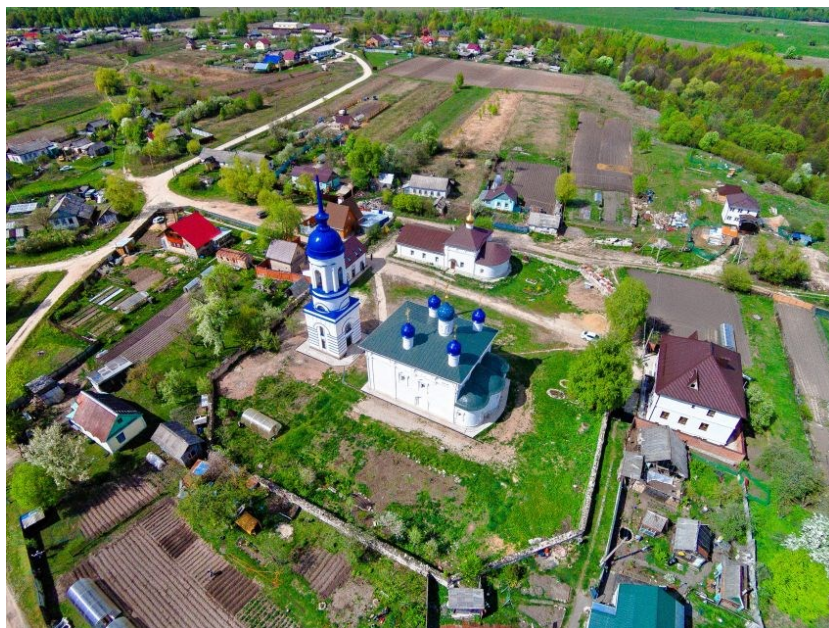

Рис. 2. Свято-Успенский Лихвинский монастырь Гремячев (первая четверть XVI в.) в селе Гремячево Перемышльского района Калужской области.
[https://sobory.ru/pic/05200/05240_20150621_022719.jpg].

Рис. 3. Церковь Живоначальной Троицы в селе Гребенкино Медынского района Калужской области — объект, который может быть причислен к историко-культурному наследию региона.
Фото автора.

Несмотря на богатое разнообразие видов кустарных промыслов и ремесел, и почти повсеместное их распространение в прошлом, в настоящее время можно выделить только несколько сложившихся центров традиционных промыслов и ремесел на территории Калужского края: Таруса, Малоярославец, Спас-Деменск, Думиничи. В большинстве своем, расположены эти центры в городской среде. Бывшие промысловые центры в прежнем качестве не существуют, но отдельные

мастера в различных районах области пытаются сохранить черты местных промыслов: лозоплетения, резьбы по дереву, ткачества, вышивания перевитью. В настоящее время государство оказывает реальную грантовую поддержку творческим коллективам и мастерам аутентичной сувенирной продукции и в этом плане есть надежда на восстановление и развитие народных ремесел и промыслов. А пока знакомство с традициями, сельским бытом и ремеслами, а также участие в сельскохозяйственных работах в большинстве случаев — это миф сельского туризма.

Результаты и обсуждение

Слишком большой пласт культуры деревни был потерян в советскую эпоху отрыва крестьянина от земли. На плечах малых и средних предпринимателей не восстановить разрушенное сельское хозяйство, традиции, культуру и историко-культурное наследие сельской местности. Только целенаправленные государственные программы и действенная поддержка по сохранению историко-культурных и природных объектов способны создать реальные условия возрождения сельских территорий.

Государственные программы развития села есть в законодательной базе страны, но пока наблюдается малый эффект их реализации. Например, законодательные направления по популяризации наследия. В настоящее время в малых городах России наружная реклама буквально заполонила все, нескончаемое количество баннеров, рекламных вывесок, пестрых растяжек и штендеров окружают жителей и туристов. Города и сельские поселения теряют свою самобытность. Можно отчетливо констатировать малое количество информационных стендов и табличек и даже дорожных указателей к объектам историко-культурного наследия; недостаточный выпуск научной, историко-познавательной и краеведческой литературы. В редком малом историческом городе можно найти книгу или хоть буклет по его истории, не говоря уже о сельских поселениях. Проблемой является то, что жители мало знают даже о местных достопримечательностях и истории своего района, соседних поселений, что плохо сказывается и на развитии внутреннего туризма.

Для того чтобы в деревню стали возвращаться за новыми впечатлениями и сельский туризм приобрел подлинную популярность, необходимо развивать прежде всего познавательный туризм. Преобладающее число объектов историко-культурного наследия имеют статус «объектов обладающих признаками объектов культурного наследия», что не подразумевает охранных обязательств к таким объектам со стороны государства. Огромное количество памятников исторического наследия регионального значения и местного значения находятся на грани разрушения, и для их сохранения и восстановления нет специальных программ, не выделяются целевые бюджетные средства, в отличие от памятников федерального значения. Это ведет к тому, что исторические и культурные объекты могут быть частично или полностью утрачены для будущих поколений, осиротив и без того небогатую инфраструктуру сел, а также может быть утрачена даже сама информация об их существовании.

На фоне строительства новых более крупных и дорогостоящих объектов в нашей стране, отношение государства к местным объектам культуры и культа, которые находятся на грани утраты, должно быть более целенаправленным на

необходимость сохранения и восстановления вышеуказанных объектов с широким привлечением сил и ресурсов общественности и государства. Распространение и популяризация информации об объектах историко-культурного значения сельской местности позволит привлечь волонтеров и меценатов к реставрационным работам и сохранению памятников архитектуры, культуры и истории.

Сельским территориям наряду с природными ресурсами, необходимо культурное многообразие. Историко-культурное пространство должно быть целостным и повсеместно распространенным по территории, а не сосредоточенным в отдельных очагах [5]. Для развития туризма необходимо создание выгодных условий. Следует отметить два важных аспекта проблемы. Во-первых, это развитие туристической инфраструктуры: гостиницы, кемпинги, спортивно-оздоровительные комплексы, развлекательные заведения и прочее, а также дороги, коммуникации, социальные объекты. Во-вторых, важно не только наличие историко-культурных объектов в малых городах и сельских поселениях Калужской области, но и сам облик этих городов и поселений, который для туриста был бы запоминающимся, притягательным, отражал историю и культуру народа, местности. К продвижению туристического потенциала региона нужно подходить инновационно. А инновационный подход заключается в создании маршрутов и проектов, которые могли не только охватывать знаменитые центры, но и малые уголки, неизвестные ранее туристам объекты.

Все проблемы можно решить не только через государственные программы, нужны усилия всего общества, воспитанное в душах молодых людей чувство ответственности за судьбу культурного наследия.

Выводы

- В настоящее время в Калужской области существуют такие модели агротуризма, как «национальная деревня», которые стилизованы под национальную специфику «агротуристских деревень», «рыбацких деревень», «пчеловодческих хозяйств» этнографических центров и тому подобных, и связаны с большими инвестиционными затратами. Осуществление таких проектов возможно только *крупными предпринимателями*. Отели-усады со «звездами», комфортабельные терема «а ля рус» со всеми удобствами пользуются спросом только среди весьма состоятельных людей и при условии высокого уровня обслуживания. На решение актуальных экономических и социально-культурных проблем развития туризма в сельских поселениях этот вид агротуризма не оказывают существенного влияния.

- Для увеличения доли *малого и среднего предпринимательства* в структуре сельского туризма необходимо определить состояние и перспективы развития данного сегмента туристского рынка. Анализ показал, что западноевропейская модель развития агротуризма — «малое семейное хозяйство», базируется на уже существующем в сельской местности жилищном фонде и предполагает создание сети жилых помещений, отвечающих современным условиям комфорта. Она пока мало реализуется в России, так как большинство сельских поселений не имеют комфортных условий жизнеобеспечения. Сначала надо осуществить модернизацию сельских поселений, развить в них транспортную инфраструктуру, а потом уже говорить о развитии агротуризма.

• Малые и средние предприниматели не в состоянии восстановить разрушенное сельское хозяйство, традиции, культуру и историко-культурное наследие сельской местности. Для этого нужны целенаправленные государственные программы и действенные меры, способные оказать реальную поддержку по сохранению историко-культурных и природных объектов, обеспечить условия возрождения сельских территорий. В законодательной базе страны есть государственные программы развития села, но пока наблюдается малый эффект их реализации.

• Для развития туризма в сельских поселениях Калужской области необходимо создание следующих условий: развитие туристической инфраструктуры (гостиницы, кемпинги, спортивно-оздоровительные комплексы, развлекательные заведения и прочее), дорог, инженерных систем и социальных объектов; изменение облика (имиджа) историко-культурных объектов в малых городах и сельских поселениях, а также самого облика этих городов и поселений, который для туриста был бы запоминающимся, притягательным.

Литература

1. Ассоциация «Сельского и агротуризма Калужской области». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://seltour40.ru/about.html>.
2. Чепурных Н. В. Региональное развитие: сельская местность // Совет по изучению производ. сил. М.: Наука, 2006. С. 61.
3. Лебедева И. В., Копылова С. Л. Методическое пособие «Сельский туризм как средство развития сельских территорий». Москва: АНО «АРСИ», 2018. С. 8.
4. Карпова И. М. Организация сельского туризма на базе крестьянского (фермерского), личного подсобного хозяйства и сельскохозяйственного кооператива // Метод. рекомен. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2011. С. 3.
5. Долгова В. О., Петрова З. К. Как возродить сельские поселения в России? // Градостроительство. 2019. № 1. С. 29–36.

V. Dolgova¹,
Z. Petrova²

Prospects for the development of agrotourism in the Kaluga region

^{1,2}FSBI “TsNIIP of the Ministry of Construction of Russia”, Moscow, Russian Federation
e-mail: pttrovaz777@mail.ru¹; Dingo93@mail.ru²

Abstract. *The article analyzes the prospects for the development of agrotourism in the Kaluga region. Rural tourism can become one of the priority directions of socio-economic development of the Kaluga region. Currently, there are more than 110 agrofarms in the region, the owners of which are engaged in agrotourism, their number continues to increase. It is necessary to restore agricultural production and modernize rural settlements, ensure the creation of transport infrastructure, and then develop agrotourism for the general population with the participation of small and medium-sized businesses.*

Keywords: *agrotourism, rural settlements, cultural and natural landscapes, objects of historical and cultural heritage.*

References

1. Associaciya "Sel'skogo i agroturizma Kaluzhskoj oblasti". [Electronic resource]. URL: <https://seltour40.ru/about.html>.
2. Шепурных Н. В. Regional'noe razvitie: sel'skaya mestnost'. Sovet po izucheniyu proizvod. sil. Moscow: Nauka, 2006. pp. 61.
3. Lebedeva I. V., Kopylova S. L. Metodicheskoe posobie "Sel'skij turizm kak sredstvo razvitiya sel'skih territorij". Moscow: ANO "ARSI", 2018. pp. 8.
4. Karpova I. M. Organizaciya sel'skogo turizma na baze krest'yanskogo (fermerskogo), lichnogo podsobnogo hozyajstva i sel'skohozyajstvennogo kooperativa. metod. rekomen. Moscow: FGNU «Rosinformagrotekh», 2011. pp. 3.
5. Dolgova V. O., Petrova Z. K. Kak vozrodit' sel'skie poseleniya v Rossii? Gradostroitel'stvo. 2019. no. 1. pp. 29–36.

Поступила в редакцию 25.03.2021 г.

УДК 911.3

Е. М. Климина¹,
А. В. Остроухов²,
В. А. Купцова³

Социально-экономические и экологические проблемы сельских поселений Приамурья

^{1,2,3} ФГБУН «Институт водных и экологических проблем ДВО РАН», г. Хабаровск, Российская Федерация
e-mail: kliminaem@bk.ru¹, Ostran2004@bk.ru²,
telma33@mail.ru³

Аннотация. В данной статье рассмотрены результаты анкетирования сельских жителей Хабаровского края. Выявлены следующие группы проблем: ухудшение социально-экономической и экологической ситуации; уменьшение количества природных ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения жителей сел; возникновение и усугубление конфликтных ситуаций с природопользователями. Рассмотрено содержание каждой группы проблем в соответствии с результатами анкетирования.

Ключевые слова: Хабаровский край, Приамурье, сельские поселения, анкетирование, социально-экономические и экологические проблемы.

Введение

Сельским поселениям Дальневосточного региона отводится весьма малое внимание в географических исследованиях с точки зрения выявления наиболее острых социальных и экологических проблем, экономических перспектив, их отражения в региональной политике. По мнению Н. В. Чепурных и др. [1], сельские территории относятся к категории проблемных регионов из-за невозможности самостоятельно решать свои проблемы и необходимости активной поддержки государства. Особенно сложная ситуация складывается для сельских поселений отдаленных регионов, характеризующихся периферийным местоположением, низкой плотностью населения, неблагоприятной демографической структурой, низкими доходами и высокой зависимостью от приоритетного сектора [2].

Для выявления всей совокупности проблем развития таких регионов необходимо учитывать систему критериев, включающих, в том числе, экологические: уникальность социально-экологической ситуации, особенности природного разнообразия и природопользования, экологическую безопасность жизни людей, перспективы сохранения окружающей среды. Для объективного взгляда на комплекс социо-эколого-экономических проблем важное значение имеет мнение жителей конкретных территорий, учитываемое с помощью интервьюирования.

В апреле 2019 г. проводился анкетный опрос жителей малых сельских поселений Нанайского района Хабаровского края, связанный с влиянием пожаров на жизнедеятельность местного населения [3]. Несмотря на достаточно узкую тему, был охвачен большой круг вопросов социально-экономической и экологической тематики, касающейся местных жителей, включая представителей коренных малочисленных народов Севера, проживающих в данных поселениях.

Цель данной работы: рассмотреть выявленные в ходе анкетного опроса проблемы, связанные с особенностями природопользования на Нижнем Амуре.

Материалы и методы

Социальный опрос охватывал жителей четырех сельских поселений Нанайского района Хабаровского края: Верхней Маномы, Нижней Маномы, Дады и Арсеньева. Опрос проводили сотрудники Института водных и экологических проблем ДВО РАН и представители общины коренных малочисленных народностей Севера. Общая численность респондентов составила 135 чел., из них: в селах Верхняя и Нижняя Манома по 20 человек, с. Арсеньevo — 45 человек, с. Дада — 50 чел. Репрезентативность выборки определялась численностью анкетированных, составляющих не менее 10% от числа жителей села.

Основные задачи, решаемые в ходе анкетирования: выявление социально-демографических условий жизнедеятельности основных групп населения, факторов деградации природных экосистем из-за пожаров, социально-экономических и экологических последствий этого для местного населения, оценка местным населением угроз для своей жизнедеятельности. Разработка анкет по данной тематике проводилась с учетом анализа имеющихся региональных методик [4, 5].

Разработанные критерии анкетного опроса учитывали следующие факторы: посещение природных объектов и их влияние на экосистемы; влияние природных пожаров на жизнедеятельность (риски, социальная и экологическая адаптация, гражданская позиция); современная экологическая ситуация, связанная с пожарами, необходимостью дальнейших действий, предпринимаемых органами государственной власти и жителями сел.

Анкета включала 45 вопросов, разбитых на блоки: а) социальный портрет участников опроса; б) социально-экономические проблемы села; в) особенности использования природных ресурсов и влияние на экологическую обстановку в районе сел и Нанайском районе в целом; 4) экологические проблемы и их влияние на жизнедеятельность сельских сообществ. В ходе анализа было важно отразить как общую ситуацию, так и различия, связанные с социально-экономическими и экологическими особенностями каждого села.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования был составлен социальный «портрет» респондентов. 68,2% опрошенных — люди в возрасте 30–60 лет. Преобладание женщин (61,5%) в анкетном опросе было связано, в частности, с тем, что мужчины трудоспособного возраста были задействованы в разных видах работ (ремонт домов, сельскохозяйственные и др.) Национальный состав респондентов (русские — 36,8%, нанайцы — 34,8%, удэгейцы — 16,3%) отражает особенности национального состава сел. Из четырех исследуемых поселений села Арсеньevo и Дада относятся к национальным, где в составе населения преобладают КМНС: в с. Дада — нанайцы, в с. Арсеньevo — удэгейцы. Все поселения, кроме с. Дада, расположены в бассейне р. Анной и его крупного притока — р. Манома. Село Дада — на берегу Амура. Численность населения в селах на 1.01.2019 составляла от 128 чел. (с. Верхняя Манома) до 496 чел. в селе Дада.

Около 40% участников анкетирования имели среднее техническое образование. Соотношение социальных групп: преобладание рабочих специальностей (35%), 27% — пенсионеры, 16,8% — служащие. Состав семьи — от 1 до 5 чел (около 30%

семей опрошенных состоят из 2 человек). Большая часть анкетированных с рождения проживают в своих населенных пунктах постоянно и выезжать оттуда не собираются.

Все сельские поселения являются небольшими по площади, имеют примерно равные площади и характеризуются отсутствием крупных промышленных предприятий. Их дальнейшее развитие в той или иной степени связано с интенсивным использованием природных ресурсов, прежде всего биологических, что, помимо национальных и местных традиций, определяется отсутствием работы у значительной части населения сел, необходимостью обеспечения семей продовольствием. Все четыре села (с. Дада — в меньшей степени) удалены от краевого центра. Они испытывают большую зависимость от местных природных ресурсов и подвержены серьезным экологическим рискам (наводнения и пожары), связанным со спецификой географического положения.

В ходе опроса было выявлено три группы проблем, содержание которых рассмотрено на основе анализа данных анкетирования.

1. Ухудшение социально-экономической и экологической ситуации в селах.

Исследование социально-экономической обстановки в значительной степени определяет взаимоотношения человека и окружающей среды. Большинство опрошенных справедливо отмечало, что экологическое состояние во многом зависит от экономического благополучия.

В ходе опроса выявлены наиболее характерные социальные проблемы для каждого села. Так, для сел Нижняя и Верхняя Манома таковой является отсутствие школы (45% опрошенных) из-за ликвидации малокомплектных школ. В качестве важнейших проблем отмечено отсутствие работы (35%) и рейсового автобуса (10%). Для с. Арсеньева большинством респондентов важной названа проблема отсутствия клуба — 70%. 44% из числа анкетированных обратили внимание на очень плохое состояние автодороги, 20% — проблемы охраны окружающей среды, связанные с конкретными локальными ситуациями.

Большая часть опрошенных (34,1%) отметила, что экологическая ситуация скорее ухудшилась, а 30,4% — что она значительно ухудшилась. В 26% анкет говорилось об ежегодном постепенном ухудшении, еще 23,7% — об ухудшении за последние 10 лет. Таким образом, общие сроки возникновения такой ситуации совпадают с периодом конца XX – начала XXI вв., когда страна находилась на пике экономического кризиса.

Проявление негативных тенденций в экологической ситуации, прежде всего, связывалось с лесными пожарами (45,2% ответивших) и упадком хозяйственной деятельности (43,7%). Кроме того, одна треть 30,4% связала ухудшение экологической ситуации с наводнениями, а 26,7% — с отсутствием финансовых средств на восстановление и охрану природной среды. Некоторые участники анкетирования назвали такие причины, как браконьерство, незаконная рубка леса, а также промышленную заготовку ресурсов.

В перечне причин, наносящих наибольший ущерб для растительного и животного мира лесных экосистем, наибольшее число участников анкетирования (66,7%) отметило промышленную заготовку леса. Лесные пожары 63% опрошенных рассматривает как непосредственную угрозу, но их возникновение связывает с деятельностью человека. Далее по убыванию в качестве причин были названы браконьерство (27,4%), неорганизованный туризм (20,7%), строительство (18,5%).

Основными виновниками пожаров большинством опрошенных были названы неорганизованные туристы и отдыхающие (73,3%), к которым жители сел относят, прежде всего, горожан, а также всех, кто не знаком с правилами поведения в лесу. Также пожары связаны, по мнению значительной части респондентов, с сотрудниками предприятий, работающих в лесу (31,1%).

Большинство опрошенных наиболее значимые экологические проблемы связывают с исчезновением или сокращением ресурсов, важных для жизнедеятельности. Важнейшая и наиболее острая проблема — сокращение рыбных ресурсов (90,4% респондентов). Второй по значимости была обозначена проблема уничтожения лесов (64,4%), далее — сокращение ресурсов дикоросов (57,8%) и промысловых зверей (49,8%). В то же время значительная часть участников анкетирования (32,6%) отметила отсутствие проблемы загрязнения воздуха, несмотря на частые пожары. Очевидно, пожары рассматриваются как частое, привычное, но временное явление. Возможно, что загрязнение воздуха ассоциируется с работой крупных предприятий, большими городами и поэтому не рассматривается как угроза жизнедеятельности селян. Таким образом, важнейшими для жителей сел являются проблемы, связанные с сокращением количества наиболее востребованных ресурсов, изымаемых ими из природных экосистем.

Поскольку жизнь селян в значительной степени связана с лесными экосистемами, значительное место в анкетировании отводилось проблемам использования ресурсов леса и их сохранения.

В вопросах о степени рациональности использования лесных ресурсов в Нанайском районе и Хабаровском крае отмечена идентичность ответов для этих административно-территориальных единиц (наименее рациональное — 1 балл — по 38% опрошенных, 2 балла — 25 и 26%, 3 балла — 31 и 29%, 5 баллов — 5 и 6% соответственно). Все это отражает представления жителей сел по использованию лесных сообществ в целом как негативные.

Однако вопрос о наиболее эффективных способах сохранения лесных сообществ вызвал определенные затруднения. 39% от общего числа участников опроса не знают, как решить эту проблему, одна треть (33%) отметила необходимость создания участков с ограничениями хозяйственной деятельности, но не для местных жителей, 20% считает, что некоторые лесные участки необходимо передавать в частную собственность. Часть опрошенных (8%) предложила свои варианты, связанные с необходимостью увеличения доли государственной собственности и усилением государственного контроля за состоянием лесных сообществ.

2. Уменьшение количества природных ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения жителей сел.

Тема природопользования — основная в анкете, была представлена в нескольких аспектах. Во-первых, выяснялись причины, частота и характер посещения природных объектов, связанные с добычей и заготовкой лесных ресурсов и рыбы. Во-вторых, рассматривалось влияние таких посещений на состояние экосистем, существующие конфликтные ситуации. Расположенный в непосредственной близости от сел Анюйский национальный парк (АНП) является зачастую источником напряженной ситуации для жителей сел, расположенных в непосредственной близости от него (жители лишены возможности охотиться и рыбачить в традиционных местах, а новые расположены достаточно далеко от мест проживания и ряд других проблем). Поэтому ответы на данный вопрос вызывали

серьезные трудности и являлись «фактором беспокойства» прежде всего для мужчин, привыкших заготавливать ранее значительные объемы данных ресурсов вблизи сел. Эта тема является своеобразным «камнем преткновения» в отношениях между местным населением и администрацией АНП, на границе с которым расположены все поселения.

Вопрос о посещении природных объектов был связан с наиболее распространенными в регионе видами природопользования, такими как пчеловодство, сбор дикоросов, охота и рыбалка. Каждый из видов природопользования было предложено рассмотреть как основные источники питания, дохода или как способ отдохнуть. Как видно из рис. 1, важнейший вид деятельности жителей сел — это рыбная ловля и сбор дикоросов, которые рассматриваются преимущественно в качестве основных источников питания. Для Арсеньева, Верхней Маномы и Дады источником питания является также и охота. Для многих жителей с. Нижней Маномы пчеловодство служит источником доходов.

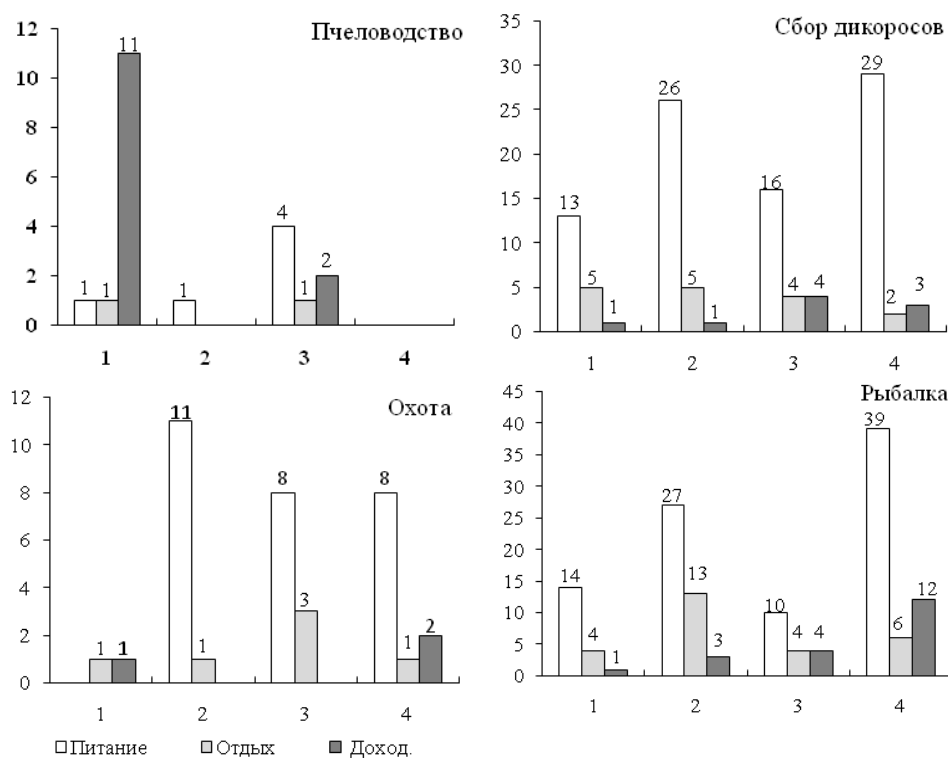

Рис. 1. Число участников анкетирования, занимающихся разными видами деятельности в лесу (по селам и видам деятельности). Сельские поселения: 1 — Нижняя Манома; 2 — Арсеньevo, 3 — Верхняя Манома; 4 — Дада.

Рассматривая удаленность от сел мест разных видов промыслов, большинство респондентов отметило расстояние не далее 10 км от села (пчеловодство, сенокосение, пастбищное скотоводство, земледелие). Однако наличие транспорта позволяет удаляться на значительное расстояние для сбора дикоросов, рыбной ловли и особенно охоты.

Большая часть анкетлируемых сельчан отметили значительную частоту посещения леса. 65% респондентов из с. Верхняя Манома несколько раз в неделю посещают лес, 45% жителей Нижней Маномы, по 18% — Арсеньева и Дады.

Посещение леса большей частью опрошенных из с. Дада (42%) несколько раз в год объясняется, скорее всего, периодичностью сезонов сбора дикоросов. Однако значительная часть анкетированных в лесу практически не бывает (слабое здоровье, страх заблудиться и т. д.). В опросе отвечавшие подчеркивали, что в последнее время стали бояться ходить в лес из-за появления там тигра. Этот фактор риска отметили жители всех сел.

Несмотря на то, что финансовую основу жизни селян составляют заработная плата и пенсионные накопления, весьма существенную помощь оказывают огород, охота и рыбная ловля, сбор дикоросов. Для сел Арсеньево и Дада обращает на себя внимание достаточно высокая, по сравнению с другими селами, доля государственных пособий, что связано с предпочтениями, которые имеют КМНС.

Сравнение данных за 2002 [5] и 2019 г. отражает картину роста объемов заготовок ресурсов леса, что связано со стабильным ухудшением социально-экономической ситуации на селе, ориентацией жителей, отдаленных сел на самостоятельное обеспечение себя и своей семьи дополнительными источниками питания. Отношение к незаконным видам деятельности (рубка леса, выжигание травы, охота и рыбалка), выявил вопрос, в котором необходимо было выбрать и квалифицировать действие по ряду критериев (уголовное преступление; нарушение, за которое нужно штрафовать; незначительный проступок; отсутствие ответа) (таблица). 58,6% ответивших назвали незаконную рубку уголовным преступлением, 31,4% — действием, за которое нужно штрафовать. Выжигание травы — этот вид деятельности традиционно осуществляется в Приамурье весной и осенью и, несмотря на то, что травяные палы представляют серьезную угрозу для пойменных экосистем, отношение к ним как к негативному действию меняется недостаточно быстро. Это мнение, возможно, отразилось в ответах: 50,2% считают, что необходимо в этом случае штрафовать, 15,9% отметили как не значимый проступок и 14,9% не смогли определить свое отношение. Охота и ловля рыбы — вид промысла, один из наиболее важных для местных жителей, поэтому он был оценен достаточно осторожно: 17,5% опрошенных расценили незаконную охоту и рыбную ловлю как уголовное преступление; 43,9% — большинство опрошенных — отметили необходимость штрафовать; 30,7% сочли мало значимым проступком и еще 7,9% не знали, как ответить.

В опросах, проведенных в 2001 г. А. С. Шейнгаузом и Г. И. Сухомировым, присутствовал данный вопрос. В таблице представлены результаты оценок за 2001 (использованы ответы только сельского населения) [5] и 2019 г. Обращает на себя внимание отношение к охоте и рыбалке, которое самая большая часть опрошенных в 2019 г. рассматривает как нарушение, подлежащее к штрафу. В то же время в 2001 г. отношение к незаконной охоте рассматривалось большинством как уголовно наказуемое преступление. Еще больше тревожит факт, что 30,7% современных жителей сел вообще не считают эти промыслы каким-либо серьезным проступком и тем более преступлением. К общим негативным тенденциям можно отнести рост числа респондентов, не считающих данные виды нарушений важными проступками и снижение доли респондентов, оценивающих их как уголовное преступление. Таким образом, выявлено усиление потребительского утилитарного отношения к промысловым ресурсам, что связано в значительной степени с неблагоприятной экономической ситуацией в небольших и малых селах, усиление зависимости населения от состояния природных экосистем.

Таблица 1

Динамика оценки нарушений в природопользовании (2001 и 2019 г.)

Годы	Оценка (% от числа ответивших)				Всего, %
	Уголовное преступление	Нарушение, подлежащее штрафу	Не важный проступок	Затрудняюсь ответить	
Незаконная рубка леса					
2001	59,4	35,1	1,4	4,0	100
2019	58,6	31,4	5,4	4,6	100
Незаконная охота (и рыбалка)*					
2001	58,8	37,1	1,5	2,6	100
2019	17,5	43,9	30,7	7,9	100
Выжигание сенокосов и полей					
2001	34,4	50,2	9,5	6,0	100
2019	25,2	44,0	15,9	14,9	100

В качестве основной причины противозаконных действий большинство опрошенных назвало ухудшение экономической ситуации и потому, мерой, способствующей улучшению экологической обстановки, по мнению 67,4% участников анкетирования может стать улучшение благосостояния сел. Вторым по значимости было выбрано расширение сети заготовительных контор по приему ресурсов леса (36,3%). Правовые меры важны по мнению 14,1% отвечавших. В то же время 8,9% не имели ответа на данный вопрос.

3. Возникновение конфликтных ситуаций с другими природопользователями.

Было обращено внимание на существующие конфликтные ситуации и угрозы. Помимо традиционных для этого региона пожаров и наводнений, общей для четырех сел угрозой было названо появление амурского тигра. Конкуренция со стороны новых природопользователей, появившихся в последние годы, в условиях высокого уровня безработицы и социально-экономических проблем, приводит к обострению конфликтных ситуаций (рыборазводный завод, Анюйский национальный парк, базы отдыха).

Выводы

Таким образом, в процессе опроса были выявлены наиболее злободневные экологические и социально-экономические проблемы и конфликтные ситуации, как для каждого села, так и общие для всех жителей этой территории. Речь идет о необходимости создания рабочих мест, условий для закрепления семей с детьми на селе (необходимость возрождения школы в селах), повышение размера пенсий. Был поднят вопрос об изменении статуса дальневосточников, в течение нескольких поколений проживающих в селе (обеспечение равных прав с КМНС). Было обращено внимание на конфликтные ситуации и угрозы.

Проведение анкетирования является важным источником информации, отражая как реальную ситуацию на местах, так и те направления в развитии сельских территорий, которые должны быть учтены в региональных и муниципальных документах социально-экономической и экологической направленности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии (MAFF), CIFOR и CGIAR (Исследовательский проект «Оптимизация жизнеобеспеченности местного населения, проживающего в зонах бореальных и тропических высокоуглеродных лесов и торфяников, в условиях глобальных изменений климата», Письмо-соглашение от 10 июля 2020 г.

Литература

1. Чепурных Н. В., Новоселов А. Л., Мерзлов А. В. Региональное развитие: сельская местность. М.: Наука, 2006. 384 с.
2. Смирнова Р. А. Сельские районы как объект социологического исследования // Социологический альманах. 2012 С. 290–302. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article>. Дата обращения 10.02.2020.
3. Лесные и лесоболотные экосистемы Приамурья и их роль в социально-экономическом развитии региона. Ред. Воронов Б. А., Хабаровск, 2020, 356 с.
4. Ефремов Д. Ф., Захаренков А. С., Копейкин М. А., Кузьмичев Е. П., Сметанина М. И., Солдатов В. В. Профилактика и меры предупреждения лесных пожаров в системе лесоправления Российской Федерации. М.: Всемирный банк, 2012. 104 с.
5. Шейнгауз А. С., Сухомиров Г. И. Оценка населением проблемы особо охраняемых территорий в горных лесах Сихотэ-Алиня. Хабаровск: изд-во «Хехцир», 2002. 49 с.

Е. М. Klimina¹,
А. В. Ostroukhov²,
В. А. Kuptsova³

Socio-economic and environmental problems of rural settlements in the Lower Amur Region

^{1,2,3}Institute of Water and Environmental Problems FEB RAS,
Khabarovsk, Russian Federation
e-mail: kliminaem@bk.ru¹, Ostran2004@bk.ru²,
telma33@mail.ru³

Abstract. This article discusses the results of a survey of rural residents of the Khabarovsk Territory. These surveys have identified the following groups of problems: deterioration of the socio-economic and environmental situation; shrinking natural resources necessary for the livelihoods of the villagers; happening and escalating conflict situations with natural resource users. The content of each group of problems is considered in accordance with the results of the questionnaire.

Keywords: Khabarovsk Territory, Amur Region, rural settlements, questionnaires, socio-economic and environmental problems.

References

1. Chepurny`kh N. V., Novoselov A. L., Merzlov A. V. Regional`noe razvitie: sel`skaya mestnost`. M.: Nauka, 2006. 384 p. (in Russian).
2. Smirnova R. A. Sel`skie rajony` kak ob`ekt sociologicheskogo issledovaniya. Sociologicheskij al`manakh. 2012. pp. 290–302. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article>. (reference date: 10.02.2020.) (in Russian).

3. Lesny`e i lesobolotny`e e`kosistemy` Priamur`ya i ikh rol` v social`no-e`konomicheskom razvitii regiona. (ed.) Voronov B. A.. Khabarovsk. 2020, 356 p. (in Russian).
4. Efremov D. F., Zakharenkov A. S., Kopejkin M. A., Kuz`michev E. P., Smetanina M. I., Soldatov V. V. Profilaktika i mery` preduprezhdeniya lesny`kh pozharov v sisteme lesoupravleniya Rossijskoj Federacii. M.: Vsemirny`j bank. 2012. 104 p. (in Russian).
5. Shejngauz A. S., Sukhomirov G.I. Ocenka naseleniem problemy` osobo okhranyaemy`kh territorij v gorny`kh lesakh Sikhote`-Alinya. Khabarovsk: izd-vo "Khekhcir". 2002. 49 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 04.06.2021 г.

УДК 911.3(497.6PC):[338.435:316.728

M. Mandić¹,
D. Delić²

Development problems and differentiation of rural areas of the Republic of Srpska

^{1,2}The Faculty of Natural Sciences and Mathematics, University of Banja Luka, The Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina
e-mail: mira.mandic@pmf.unibl.org¹, dragica.delic@pmf.unibl.org²

Abstract. *An integrated approach to the valorization of rural areas, with the aim of sustainable development, changes the perception of rural areas and establishes a multifunctional concept of development. The focus of the work is the rural area of the Republic of Srpska (RS), an entity in Bosnia and Herzegovina (B&H). By analyzing socio-geographical indicators of spatial development, the RS was differentiated according to the degree of development. The development possibilities and limitations of the selected problem areas that are in constant expansion are considered. The paper has an analytical character and the possibility of application in development policies for the revitalization of rural areas.*

Keywords: *rural areas, rural development, the Republic of Srpska, problem areas.*

Introduction

Rural areas cover about 90% of the Earth's surface. They possess the natural resources on which the economy development and the world's population survival are based. The development of rural areas was unfolding spontaneously. The integration of rural space into modern development processes is partial and conditioned by numerous factors: spatial dispersion of natural resources, proximity and functional capacity of urban centers, quality of infrastructure and development policies (national and local). The mismatch between demographic and economic growth causes poverty and developmental lagging. Valorization of rural areas only for agricultural purposes, slows down infrastructural investment and overall development and results in negative demographic processes. Deruralization is manifested in economic passivity, “atrophy” of space and rural areas lagging behind the average national development. This process characterizes less developed countries, but also certain regions in developed countries.

In terms of pronounced urban-rural polarization, after several tried and tested models of development in various regions of the world (communal development programs, green revolution, etc.), the practice of developed countries, especially the European Union (EU), saw the need to establish the concept of sustainable integral rural area development. Development policies are changing and targeting rural areas for the first time, mobilizing overall local resources and state support [1]. Various initiatives aimed at improving living conditions in rural areas emphasize the complex valorization of space, rational management of natural resources, economic and social development, preservation of cultural heritage and environment. Thus, the concept emphasizes “the integration of development and protective goals in the function of long-term sustainable development” [2, p. 61] because the development of the rural economy is based on a preserved environment. Development disparities within the same countries and regions point to the need to establish territorial cohesion and an integrated approach to development policies that also include rural areas. Approaches to development, in order to valorize geospatial potentials and establish all aspects of the concept of sustainability,

are defined in several strategic documents and development programs: European Commission COM 88, Maastricht Agreement 1993, Agenda 2000, RURAL 21 in Potsdam 2000, Council of Rural Area (2000), INTERREG and ESPON 2002, LEADER 1991–2006, Territorial Agenda and the State and Perspectives of the EU Space 2007 and 2011.

Several development funds have been established for their implementation. With the Territorial Agenda, the umbrella document for the spatial development of EU countries, the economic aspect of rural development has acquired a polyfunctional character. The sustainable concept of rural development is based on agriculture, processing industries and primarily rural and other forms of tourism. This concept is generally supported by development policies, and effects were analyzed in several scientific case studies [3, 4, 5, 6, 7, 8] and other scientific papers. Rural development is seen not only as a set of development policies with expected economic and other effects, but also as an overall transformation of rural society [9], strengthening awareness and local capacities in order to position itself in the region. These policies in the EU are based on the restructuring of family farms and national policy measures through lending, subventions, legal, economic, environmental and other measures — Common Agricultural Policy.

The social system transition in socialist countries changed the ownership structure, organization of production and chain links in the economic system, creating a crisis of social and demographic sustainability of rural areas. The crisis in rural areas development and capitalist and socialist systems has highlighted the need to reform in the field of law, economy, investment, infrastructure, spatial organization and multifunctional development for sustainability. Criticized state interventionism in socialist countries economies finds support in the new agricultural and regional policies of economic development of the European Union. The integration of development policies is necessarily preceded by a systematic survey of geosystems and socio-geographical indicators to identify opportunities, spatial conflicts and constraints on rural areas development.

The character of development processes, heterogeneity of rural areas (natural, social and cultural) exclude unique criteria for defining and differentiating rural areas on various bases, and thus planning. In terms of greater spatial integration into modern development processes, the purpose of classification into rural and urban space is called into question [10], unless if it is not in the function of practical needs [11], i.e. noticing and reducing development disparities. In the field of economics, the increased interest in rural areas has been transferred to the field of scientific theory and analytical approaches to socio-geographical research of rural areas in the function of regional development planning. Complex geographical research of the area of Balkan Peninsula began at the end of the 19th century when the Serbian geographer Jovan Cvijić established the foundations of Serbian anthropogeography. Since then, the rural area has been studied from various aspects of theoretical approach, the transformation of rural society under the influence of development processes and practical needs in the works of Serbian geographers: Dedijer, Filipović, Radovanović M., Jaćimović, Stamenković, Todorović, Mišković; and architects of rurists: Kojić, Simonović; sociologists: Ćirić and Mitrović; Croatian sociologists: Šuvar and Štambuk, and geographers Crkvenčić, Pejnović, Lukić and others. In the 1960s, geographers from the former Yugoslavia adopted a methodology for researching the functional structure of rural areas of the Polish Academy of Sciences, with which they collaborated. Geographical science in the

former Yugoslavia has developed different approaches to the study of rural areas. Part of geographers focused on examining natural conditions, others on economic-geographical factors — the “Belgrade” school. The socio-geographical approach was accepted from the “German-Munich” school and developed in the “Zagreb” school of geography. From the mentioned approaches in the geographical science of the former Yugoslav space, the geographical disciplines of rural geography — the study of rural geosystems with settlements and agrarian geography as a subdiscipline of economic geography have developed [12].

Materials and methods

The paper analyzes possibilities and limitations of applying an integrated approach to rural development in the context of understanding real problems of rural areas and implementing the concept of sustainable development on the example of the Republic of Srpska. Approaches and current development policies and strategic documents of the European Union with a focus on the Territorial Agenda are taxatively listed with review on the applicability in the Republic of Srpska [12]. Practices of other countries are given by citing scientific papers based on several positive experiences from case studies [3, 4, 5, 6, 7]. The change in the concept and strategy of rural development is seen through a comparative analysis of the approach to rural areas valorization, strategic documents of the European Union with a focus on the Territorial Agenda, scientific papers [9, 1, 12] and stated case studies. The development of geographical and other research in the rural areas of the former Yugoslavia is given by listing researchers and approaches to the study of rural areas from which rural and agricultural geography developed. The main goal of paper is to consider the development possibilities and limitations of the RS rural areas in context of new rural policies with the aim of revitalizing problem areas and establishing the concept of balanced spatial development.

The integral approach to the planning of the RS rural areas development derives from the current rural policies and experiences: Switzerland, EU, Japan, USA and others [1]. It implies consideration of the specifics of existing geosystems, complex valorization of the RS geospaces [1, 12, 13] and determination of development possibilities and limitations [14] on the basis of which adequate and long-term strategies of economic and social development are defined [2, 10, 11]. By analysing sociogeographical indicators from the 2013 Census [15], vital statistics, statistics of line ministry, changes in the spatial distribution of the population, age and household size, employment, agricultural activity, size of holdings and the occurrence of social stagnation were identified. By changes in spatial distribution and population structures, the size and functional capacity of settlement, development processes that differentiated the rural area in which the problem area of large spatial coverage is formed, about 60% of the RS area, are followed [14]. Its expansion indicates a crisis of demographic potential, functional weakening and atrophy of the settlement network and destruction of territorial capital, endangering the demographic and socio-economic sustainability of a large part of the Republic of Srpska. Demographic and socio-economic indicators confirm the differentiation of the RS area into relatively developed and underdeveloped areas [16], and thus the differentiation of development opportunities and development policies.

The genesis of problem was considered on the basis of historical-geographical method, comparison of scientific and professional literature, comparative analysis of statistical socio-geographical and demographic indicators. The indicators are statistically processed and synthesized in tabular and cartographic form. The field work at several sites confirms cabinet analyzes and indicates to the intensity of deruralization process, depopulation and rural atrophy.

Results and discussion

In Bosnia and Herzegovina area, the research in rural areas is modest. Development processes of industrialization and urbanization in the second half of the 20th century dynamically transformed geospace and differentiated development possibilities by pushing rural area out of the focus of economic, and thus scientific interests. The pronounced process of rural areas depopulation and other indicators of polarized spatial development indicated the necessity of an institutional approach to the research of rural areas. This was one of the key reasons for the adoption of the Law on Spatial Planning of BiH in 1978, development of spatial planning institutions and making the Study on Transformation and Spatial Planning of Villages in Bosnia and Herzegovina in 1985. The planned activities were interrupted by the disintegration of SFR Yugoslavia in 1991 and the Civil War in Bosnia and Herzegovina from 1992–1995. The former Yugoslav federal unit Bosnia and Herzegovina was organized by the Dayton Peace Agreement in 1995 as a state union of two entities (Federation of B&H and the Republic of Srpska) by the principle of the current spatial distribution of opposing ethnic communities in the war. Subsequently, the Brčko District was separated from the RS. This has led to the division of a large number of local self-government units (LGUs) and settlements, and migration that covers half of the Bosnia and Herzegovina population. Since then, there has been no serious scientific research or institutional planned approach to the revitalization of rural areas affected by destructive physical and anthropogenic processes. Subsequently, the Brčko District was separated from the RS.

The consequence of current administrative-territorial organization of Bosnia and Herzegovina is the great space fragmentation, settlement size degradation, functional underdevelopment and inefficiency of independent functioning of a large number of local communities. Bosnia and Herzegovina does not have a common Spatial Plan as an umbrella document for spatial development or other spatial planning documents that integrally treat space and geosystem management (hydro systems, forest, eco and agrosystems, infrastructure systems, etc.). The exception is Bosnia and Herzegovina Rural Development Strategy (2018), a document that registers existing resources, but without specific planning and binding activities.

The analyzed space of the RS has an area of 24,641.3 km², in which in 2013 there were 1,170,342 inhabitants, with an average population density of 47.5 inhabitants/km². The RS territory is organized into 64 local self-government units with large differences in size, population and achieved level of development. About 90% of the RS territory is rural area with about 50% of its population. It is differentiated by complex characteristics of geological structure, relief structure, climatic, hydrological, pedological and biogeographical characteristics. Based on their totality in the RS, three macro-regional units stand out: (Pannonian and Peripannonian, mountain-valley and sub-Mediterranean area) with specific geosystems that define natural conditions, spatial

dispersion of population, settlements and infrastructure, economic structure, i.e. overall development opportunities (Fig. 1). Hilly and low mountain areas (200–1 000 m above sea level) with over 50% of the surface dominate the relief. The Pannonian and Peripannonian area cover the northern part of the RS, about 47% of the total area, half of which is the lowland area most suitable for agriculture with the most valuable agricultural potential in Bosnia and Herzegovina.

It is the most densely populated area, concentrating 2/3 of the RS total population, a network of urban settlements, and it has developed infrastructure systems and is the axis of development of the RS [13]. Nevertheless, the network of rural settlements is slowly stagnating, which is evident from the comparative analysis of the number of inhabitants in the period of 1991-2013. The sub-Mediterranean area covers the south of the RS, it has small inhabitant number with a concentration of population in urban centers of low demographic and functional potential. The rural area is characterized by a high share of settlements in the process of spontaneous disappearance. Between these natural macro-units there is a mountain-valley area rich in forest ecosystems and intersected by rivers through which the traffic infrastructure passes, the main factor in the differentiation of spatial development of this area. The RS area is characterized by a wealth of ore, coal and water, natural heterogeneity and richness of forest and other ecosystems that enable the development of agriculture, forestry, manufacturing industries, energy and tourism. The beginning of the dispersed polyfunctional rural areas development and the rural economy in the late 80s of the last century was interrupted by the War.

The disintegration of economic system, deindustrialization, import liberalization and privatization of territorial capital have a negative impact the overall development, emphasizing the socio-economic and demographic sustainability of rural areas where agriculture and forestry exist as the only economic activities. Possibilities of establishing a more complex economic structure, which would enable socio-economic stability, due to poor labor potential and small holdings (average size of 3.5 ha), demand institutional support and a higher degree of organization. The food industry is in ownership, organizational and technological restructuring. The dynamics of closing down production cooperatives and associations of various types and re-establishment was emphasized. Although they have few members, their organization is extremely important for modernizing production and entering the market. The share of market-oriented agricultural farms is low and at the level of the RS is about 18%. According to estimates by the Ministry of Agriculture, about 45% of arable land in the RS is not cultivated. The method of valorization of natural resources (hydro potential, ore, forests) negatively affects the initiation of natural risks and the sustainability of geosystems and does not contribute to socio-economic development.

Based on the defined criteria upon the level of the RS local self-government units development [16] and other demographic and socio-economic indicators of development analyzed in the paper, developed and underdeveloped local self-government units were singled out. Observed development indicators; demographic (total population, population density, depopulation, increase in population, average age, literacy,...) and socioeconomic (share of employed population in total, share of primary sector and agricultural households, size of holdings, occurrence of social stagnation, etc.) indicate differences in the expressed values of developed and undeveloped areas (Tab. 1), on the basis of which the formed problem area in the area of the RS east and

along the line of inter-entity demarcation is observed [14, 12] where a large number of undeveloped LGUs are located (Fig.1).

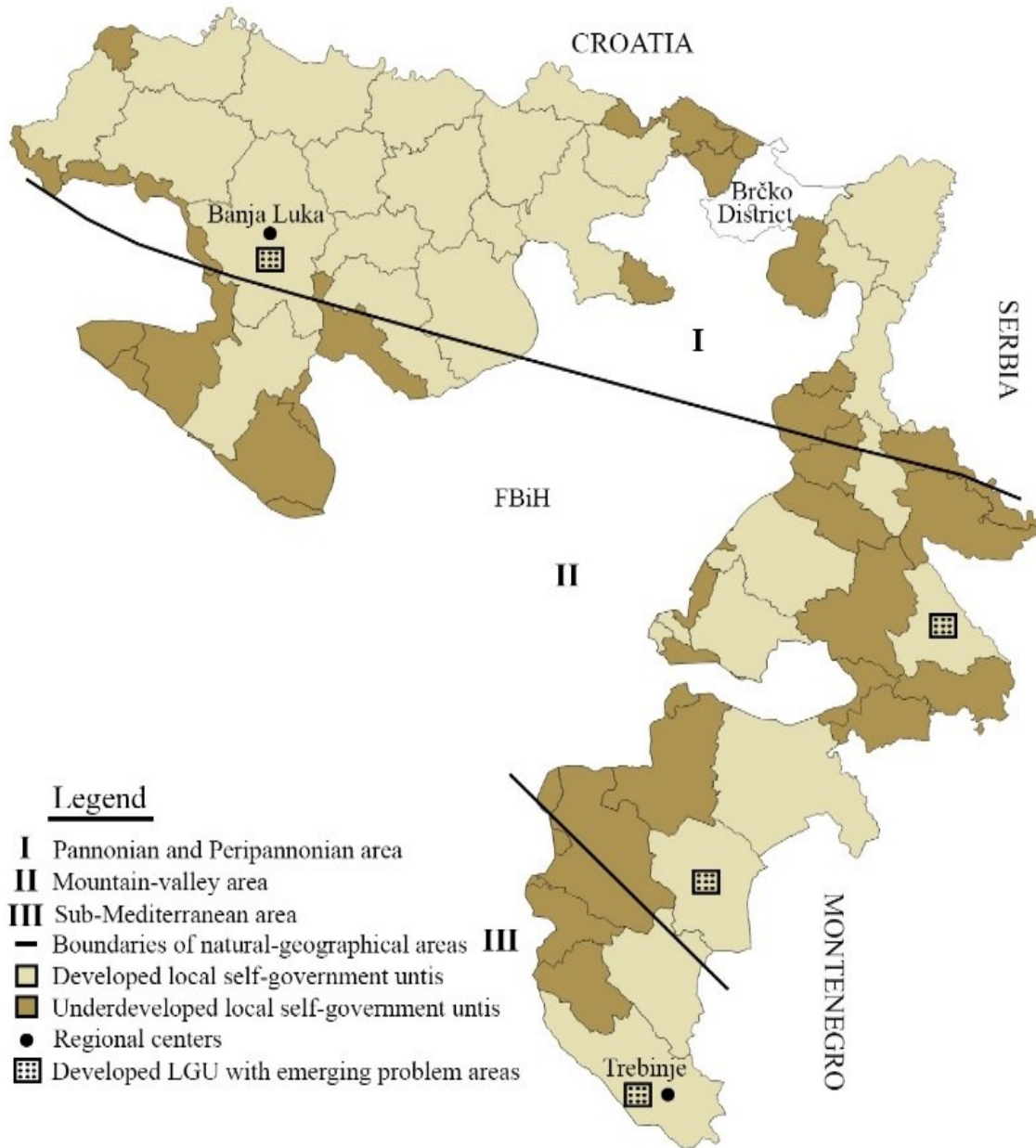

Fig. 1. Spatial differentiation of the Republic of Srpska development.
Create by the author

Table 1

Demographic and socio-economic indicators of rural development in the RS

Increase in population 2016	Developed LGUs	Undeveloped LGUs	The RS level
Share in aras	66%	34%	100%
Population number changes from 1991–2013.	9 growth	2 growth	11 growth
	21 decline	31 decline	52 decline
Share in total population in 2013	84%	16%	100%
Population density (inh./km ²) in 2013	60,4	22,7	47,5
Share of extinguished settlements and settlements in extinguishing	17%	25%	20%
Number of settlements over 10 000 inhabitants	12	0	12
Increase in population 2016	from +0,4 to -10,4‰	from -1,4 to -19,4‰	-3,8‰
Average age of LGUs	38,4-44,9	39,3-54,5	41,72
Share of one-member and two-member households	48,20%	50,30%	48,50%
Share of pensioners	12,0–25,9%	8,8–29,9%	18,50%
Proportion of illiterate population	0,9–5,6%	1,3–28,9%	3%
Share of computer literate population	22,8–48,5%	7,7–32,5%	31,70%
Share of employed population in total working age population	35,40%	32,40%	34,90%
Share of employees in the primary sector of LGUs	1,5–41,1%	0,7–84,5%	17,60%
Share in the total number of the RS households	83,56%	16,43%	100,00%
Share of agricultural households engaged in agricultural activity in the total number of households at the RS level	77,1%	22,9%	100
Share of agricultural households in the total number of LGU households	31,1%	48,2%	34,5%
Share of fallow land and uncultivated areas in total fallow land and uncultivated area of the RS	70,5%	29,5%	100
Active cooperatives and cooperatives in establishment in 2019 — share in the RS	76,50%	23,50%	100%
Passive cooperatives, in extinguishing and extinguished cooperatives in 2019 — share in the RS	67,10%	32,90%	100%

Compiled according to [12, 15 and 16].

They are characterized by a weak demographic potential of high age average, negative trends in natural and migratory movements, low level of education and activity. In the area of underdeveloped local self-government units, there is not a single urban settlement with a larger demographic (10,000 inhabitants) and functional capacity. These demographic, socio-economic and functional characteristics do not favour the initiation of economic activities and multifunctional valorization of space, which in some countries gives positive results in the revitalization of rural areas [3, 5]. The interdependence of demographic potential and the degree of socio-economic development and the possibility of economic and cultural rural areas integration into modern economic policies is evident in the RS example.

In terms of natural geosystems heterogeneity and preserved cultural and historical heritage, the initiation of various forms of rural tourism is one of the most emphasized models of revitalization of rural areas in current rural development policies. The start-up of processing industries based on the structure of agricultural production occupies a significant place in the polyfunctional concept, and in the RS example, it represents the most developed industrial sector. Agriculture, industry and tourism, if harmonized, are not in conflict and complement each other. Sustainability of rural areas, through the establishment of new rural policies based on the polyfunctionality of rural areas, have the best perspective in more developed local self-governments in which there are also smaller problem areas recognizable by settlements in extinguishing (Fig. 1; Tab.1). They are formed in infrastructurally non-integrated areas of hilly and mountainous area, even in the hinterland of regional centers (Banja Luka, Trebinje). Underdeveloped local self-government units (problem areas) do not have the necessary demographic potential and infrastructure for more complex valorization of space and independent initiation of economic development, which is a basic limiting factor and necessarily need a greater degree of state intervention and assistance. Functioning of underdeveloped rural areas in Croatia, the so-called “areas under special care of the state”, is legally defined and functionally organized through special systems of providing services to the population [10], a high degree of protection of geosystems, and represents a potential model applicable in the RS problem areas.

Conclusion

The RS rural area is differentiated by natural basis and development processes into a more prosperous area (mainly Pannonian and Peripannonian area) and areas of manifested problem character (mainly mountain-valley and sub-Mediterranean area) which are displayed in population and rural economy structure. Revitalization of problem areas is conditioned by demographic potential, functional capacity of settlements and infrastructural systems. Access to European development funds is limited by Bosnia and Herzegovina status in European integration and is mainly possible through the concept of cross-border cooperation, which is weak [12]. The institutional approach to rural development planning and their sustainability have economic and geostrategic importance for the RS development. Rural area development planning takes place without systematic approach, clear goals and procedures and is based on the initiatives and capacities of local communities, limited by demographic and economic factors. Development problems prove the need to reconsider previous approaches to rural area research and to establish a critical attitude towards modern

concepts developed in other countries and their applicability in planning the development of rural areas in the Republic of Srpska.

References

1. Gnjato R., Popović S. etc. (2011): Sustainable Rural Development and the Environment of the Republic of Srpska. Herald .15th Banja Luka: Geographical Society of the Republic of Srpska, 53–79. UDC 711.41–111 497.6 The Republic of Srpska).
2. Čavrak V. (2003): Sustainable development of rural areas in Croatia. Anthology of Faculty of Economics in Croatia, no. 1. Zagreb: Faculty of Economics Zagreb, 6177. UDC 332.14: 338.43 (497.5).
3. Byrd E. T., Bosley H. E., Dronberger G. M. (2009): Comparisons of stockholder perceptions of tourism impacts in rural eastern North Carolina. *Tourism Management*, 30 (5). 693-703. 10.1016 /j.tourman.2008.10.021.
4. Gašić M., Madžgalj J., Ivanović V., Rerić G. (2015): The impact of rural tourism on local economic development. *Ecologica* 22. 32–36. UDC 379.851: 338: 482.
5. Gao J., Wu B. (2017). Revitalizing traditional villages through rural tourism: A case study of Yuanjia Village, Shaanxi Province, China. *Tourism Management*, 63. 223–233 10.1016 / j.tourman.2017.04.003.
6. Forcan, D., Ivić M., Đuranović D., Vuković V. (2016): Sustainable development of rural areas—case studies of Vojvodina-Serbia, *School of Business* 2/2016. 1–13. 10.5937 / skolbiz2-11666.
7. Pavlović N., Kovačević-Berleković B. (2018). Tourism as a driver of rural areas — a case study of the Southeast of Bačka. *School of Business* 1/2018. 105–122. doi.10.5937 / skolbiz1-19868.
8. Christou P., Farmaki A., Evangelou G. (2018): Nurturing nostalgia?: A response from rural tourism stakeholders. *Tourism Management*, 69. 42-51. 10.1016 / j.tourman.2008.10.021.
9. Harriss, J. (1982): *Rural Development: Theories of Peasant Economy and Agrarian Change*. Hutchings on University LiNoary for Africa. London.
10. Lukić, A. (2010). On theoretical approaches to rural areas, *Croatian Geographical Bulletin* 72/2. 49-75. UDC 551.435.88 (497.583) (234.422.1).
11. Živanović, Z. (2018). A contribution to the discussion on the typology of settlements in Serbia. *Demography*, volume XV. Faculty of Geography, University of Belgrade. Belgrade. 33-49.10.5937/demografja1815033R.
12. Mandić M. (2019): Geographical aspects of rural development. *Geographical Society of the Republic of Srpska*. Banja Luka. 1-204. ISBN 978-99976-711-4-1.
13. Mandić M. Živković M. Papić D. (2018): Differentiation of rural area of Bosnia and Herzegovina in the context of sustainability of rural geosystems in the conditions of climate change. *SKUP .9* (1). Faculty of Natural Sciences. University of Banja Luka. 38–54. UDC: 55: 551.583.
14. Mandić M., Živković M. (2014): Problematic Areas of the Republic of Srpska within the context of Demographic Changes. In the book: *Matica Srpska Anthology for Social Sciences* 148. Human and Regional Development. Matica Srpska. Novi Sad. 767–776. 10.5937 / zrgfub1802143Z.

15. Population Census, households and dwellings in the Republic of Srpska in 2013–cities, municipalities, settlements. Republic Statistical Office of the Republika of Srpska, 2017. Banja Luka.
16. Development strategy of local self-government units in the Republic of Srpska for the period 2017–2021. (2017). The RS Ministry of Local Government and Self-Government Banja Luka.

М. Мандич¹,
Д. Делич²

Проблемы развития и дифференциация сельских районов Республики Сербской

^{1,2} Факультет естественных наук и математики Университета Бая-Луки, г. Бая-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина
e-mail: ¹*mira.mandic@pmf.unibl.org*, ²*dragica.delic@pmf.unibl.org*

Аннотация. *Комплексный подход к возрождению сельских районов с целью устойчивого развития меняет восприятие сельской местности и устанавливает многофункциональную концепцию развития. Основное внимание в работе уделяется сельским районам Республики Сербской (РС), образованной в составе Боснии и Герцеговины (БиГ). Путем анализа социально-географических показателей пространственного развития проведена дифференциация РС по уровню развития. Рассмотрены возможности развития и ограничения выбранных проблемных областей, которые постоянно расширяются. Статья носит аналитический характер и возможность применения в политике возрождения сельских районов.*

Ключевые слова: *сельские районы, сельское развитие, Республика Сербская, проблемные зоны*

Литература

1. Гнято Р., Попович С. и др. (2011): Устойчивое развитие сельских районов и окружающая среда Республики Сербской. Гласник, 15-й Бая-Лука: Географическое общество Республики Сербской, 53–79. УДК 711.41-111 (497.6 REPUBLIKA SRPSKA)..
2. Чаврак, В. (2003): Устойчивое развитие сельских районов Хорватии. Сборник Экономического факультета Хорватии, № 1, Загреб: Экономический факультет, Загреб, 61–77. УДК 332.14:338.43(497.5).
3. Берд Е. Т., Босли Х. Е., Дронбергер Г. М. (2009): Сравнение восприятия заинтересованными сторонами воздействия туризма в сельской местности на востоке Северной Каролины. Туристический менеджмент, 30 (5). 693–703. 10.1016/j.tourman.2008.10.021.
4. Гашич М., Маджгаль Й., Иванович В., Рерич Г. (2015): Влияние сельского туризма на местное экономическое развитие. Экологика 22. 32–36. УДК 379.851:338:482.
5. Гао Й., Ву Б. (2017). Оживление традиционных деревень с помощью сельского туризма: Пример из деревни Юаньцзя, провинция Шэньси, Китай. Туристический менеджмент, 63. 223-233 10.1016/j.tourman.2017.04.003.

6. Форцан Д., Ивич М., Джуранович Д., Вукович В. (2016): Устойчивое развитие сельских территорий — тематические исследования Воеводины — Сербия, Школа бизнеса 2/2016. 1–13. 10.5937/skolbiz2-11666.
7. Павлович Н., Ковачевич-Берлекович Б. (2018). Туризм как движущая сила сельской местности — на примере Юго-Восточной Бачки. Школа бизнеса. 1/2018. 105–122. doi.10.5937/skolbiz1-19868.
8. Христосу П., Фармаки А., Эвангелу Г. (2018): Вращивая ностальгию?: Ответ заинтересованных сторон в сельском туризме. Туристический менеджмент, 69. 42–51. 10.1016/j.tourman.2008.10.021
9. Харрисс, Дж. (1982): Сельское развитие: теории крестьянского хозяйства и аграрных изменений. Университет Хатчингс Ли-Ноари для Африки. Лондон. 1–409. ISBN-10: 0091447917.
10. Лукич, А. (2010). О теоретических подходах к сельским районам, Хорватский географический вестник 72/2. 49–75. УДК 551.435.88(497.583)(234.422.1)
11. Живанович З. (2018) Приложение к обсуждению типологии населенных мест Сербии. Демография, том XV. Географический факультет Белградского университета. Белград. 33-49. 10.5937 / демография1815033R
12. Мандич М. (2019): Географические аспекты развития села. Географическое общество Республики Сербской. Баня-Лука. 1–204. ISBN 978-99976-711-4-1.
13. Мандич М., Живкович М., Папич Д. (2018): Дифференциация сельских районов Боснии и Герцеговины в контексте устойчивости сельских геосистем в условиях изменения климата. СКУП 9 (1). Факультет естественно-математических наук. Университет Баня-Луки. 38–54. УДК: 55:551.583(497.6).
14. Мандич М., Живкович М. (2014): Проблемные районы Республики Сербской в контексте демографических изменений. В книге: Сборник Матицы Сербской по общественным наукам 148. Человеческое и региональное развитие. Матица Сербская. Нови-Сад. 767–776. 10.5937/zrgfub1802143Z.
15. Перепись населения, домохозяйств, квартир в Республике Сербской в 2013 году — города, муниципалитеты, поселки. Республиканское статистическое управление Республики Сербской, 2017, Баня-Лука.
16. Стратегия развития местного самоуправления в Республике Сербской на период 2017–2021 гг. (2017): Министерство местного управления и самоуправления Республики Сербской. Баня-Лука.

Поступила в редакцию 22.05.2021 г.

УДК 911.37

А. Р. Мухаметов¹,
И. Т. Гайсин²,
В. А. Рубцов³

Динамика численности сельского населения и населенных пунктов с 1959 по 2019 годы в разрезе экономических районов Республики Татарстан

^{1,2,3}ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация
e-mail: muhametov@inbox.ru¹, Gaisinilgizar@yandex.ru²,
Vladimir.Rubtzov@kpfu.ru³

Аннотация. Изучение территориальной дифференциации трансформации сельского населения республики позволяет выявить локальные демографические проблемы и проанализировать факторы, оказывающие влияние на состояние сельского населения и населенных пунктов республики. В статье представлен анализ изменения динамики численности сельского населения и причины ее уменьшения в разрезе экономических районов на основе Всесоюзных и Всероссийских переписей населения. Успешное экономическое развитие региона оказало, как положительное, так и отрицательное влияние на изменения в сельском расселении. Стремительное промышленное развитие экономических районов республики в советский период запустило процесс трансформации сельской местности. Рыночная реструктуризация экономики в сельской местности на современном этапе существенно изменило вектор развития сельской местности, усилив поляризацию территорий. Основными центрами тяготения сельского населения, являются экономические центры, как региональные, так и локальные. Анализ представленных данных о состоянии основных демографических показателей сельского населения республики способствует к лучшему пониманию территориальных аспектов муниципальных образований Республики Татарстан.

Ключевые слова: сельская местность, Республика Татарстан, сельское население, городское население, расселение, сельский населенный пункт, экономические районы, численность населения

Введение

Со стремительной индустриализацией и модернизацией в сельскохозяйственном производстве усиливается экономическая составляющая изменений в сельском укладе жизни. «В сложившейся ситуации демографический фактор, включая численность, качество и особенности структур населения, является критическим условием экономического развития России, что и обуславливает высокую актуальность экономико-демографического анализа» [1, с. 6]. Трансформация сельской местности происходила в течение продолжительного времени, изменив структуру и функциональность сельского населения под влиянием современных реформ. В Республике Татарстан наблюдается явно выраженная территориальная дифференциация трансформации сельского населения и расселения.

Цель исследования. Провести сравнительную характеристику изменений основных показателей сельского населения, акцентировать проблемные места (позиции) в разрезе экономических районов.

Материалы и методы

Для сравнительной характеристики динамики основных показателей сельского населения в исследуемый период в разрезе экономических районов республики использовались различные методы, в том числе демографического анализа. В ходе исследования сельского населения используется районирование, которое описано в учебнике А. С. Тайсина «География Республики Татарстан». Автор выделяет 6 экономико–географических районов: Северо-Запад, Предволжье, Северо-Восток, Юго-Восток, Закамье, Предкамье [2, с. 187].

Северо-Западный экономический район Республики Татарстан (РТ) занимает территорию в 10,9 тыс. км² (16% площади республики) и географически занимает северо-западную часть Республики Татарстан. Данный регион концентрирует промышленное и сельскохозяйственное производства [3, с. 122] и включает в себя следующие муниципальные образования: Арский, Атнинский, Верхнеуслонский, Высокогорский, Зеленодольский, Лаишевский, Пестречинский районы.

На Северо-Западе на 01.01.2020 проживало 1 647 495 человек (включая г. Казань), из них 235,6 тыс. человек сельского населения республики, что составляет всего 26,1% сельского населения Татарстана. Численность сельского населения Северо-Запада республики по статистическим данным 1959 года составляло 304,1 человека, а к 2020 году уменьшилась до 235,6 тыс. человек. Максимальное уменьшение сельского населения показал Арский район, уменьшение на 49,2 тыс. человек и Верхнеуслонский район — на 21,7 тыс. чел. В Лаишевском и Пестречинском районе численность сельского населения незначительно увеличилась. Географическое расположение данных районов благоприятно способствует увеличению численности сельского населения, в основе своем за счет естественного и механического прироста. По данным на начало 2020 года на Северо-Западе РТ среди сельского населения в трех районах рождаемость превышает смертность — Высокогорский, Лаишевский и Пестречинский районы. Коэффициент рождаемости ниже среднереспубликанского показателя в 9‰, только в Верхнеуслонском районе (7,8‰). Ниже среднереспубликанского показателя коэффициента смертности в 14,5‰ человек показатели тоже в Верхнеуслонском районе (15,7‰). Естественный прирост населения в трех районах имеет положительную величину: Высокогорском, Лаишевском и Пестречинском (по Республике Татарстан — 5,5‰). Между тем, на начало 1959 года во всех районах наблюдался естественный прирост населения.

В экономическом районе Предволжье Республики Татарстан, который включает в себя Апастовский, Буинский, Дрожжановский, Кайбицкий, Камско-Устьинский, Тетюшский районы, по состоянию на 01.01.2020 проживало всего 89,6 тыс. человек, что составляет 9,96% сельского населения республики. Это самый маленький по площади экономический район 7,5 тыс. км² (11% от площади республики). Наибольший удельный вес в его экономике имеет сельское хозяйство. Численность сельского населения Предволжья по статистическим

данным с 1959 по 2019 год уменьшилась на 145,9 тыс. человек. «Максимальную отрицательную динамику численности сельского населения с 1959 по 2019 год показывает Апастовский район, где разница составляет — 48,7 тысяч человек, это связано тем, что в 1991 году Кайбицкий район был вновь восстановлен из части территории Апастовского района. В Дрожжановском районе численность населения уменьшилась на 34,4 тыс. человек, в Буинском — на 32,4 тыс. человек, в Камско-Устьинском районе — на 16,9 тыс. человек, в Тетюшском районе — на 27,3 тыс. человек» [4, с. 344]. С 1989 года во всех районах наблюдается сокращение численности населения. В Предволжском экономическом районе Татарстана очень низкие коэффициенты рождаемости относительно общереспубликанских. Коэффициент рождаемости во всех районах ниже среднереспубликанского, который составляет 9,0‰. Вместе с тем, рождаемость в 1959 году была высокой так, к примеру, в Дрожжановском районе она составляла 37,9‰. Коэффициент смертности сельского населения на начало 2019 года остается очень высоким в республике, во всех муниципальных районах Предволжья данный показатель выше общереспубликанского — 15,1‰. Высокий коэффициент смертности выявлен в Апастовском (19,6‰), Тетюшском (22,8‰) районах. Во всех муниципальных районах естественный прирост сельского населения имеет отрицательную величину. Максимальная естественная убыль населения на начало 2019 году зафиксирована в Тетюшском районе и составила — 17,7 ‰.

Северо-Восточный экономический район расположен в северо-восточной части республики и занимает территорию в 16,3 тыс. км² (24% площади республики). Данный экономический район включает в себя городской округ Набережные Челны и 10 муниципальных районов: Агрызский, Актанышский, Мензелинский, Муслюмовский, Менделеевский, Елабужский, Нижнекамский, Сармановский, Тукаевский, Заинский.

На Северо-Востоке на 01.01.2020 проживало 1 133,2 тыс. человек, из них 193,6 тыс. человек сельское население, что составляет 21,4% всего сельского населения республики [5]. Численность сельского населения Северо-Востока республики по статистическим данным 1959 года составляла 334,1 человека, а к 2020 году уменьшилась до 193,6 тыс. человек. Максимальное уменьшение сельского населения показал Агрызский район, уменьшение на 22,7 тыс. человек и Заинский район на 23,9 тыс. человек. Увеличение сельского населения на 5,9 тыс. человек выявлено в Тукаевском районе. Географическое расположение Тукаевского района благоприятно влияет на численность сельского населения, в основе своем за счет механического прироста. По данным на начало 2020 год среди сельского населения во всех муниципальных образованиях на Северо-Востоке РТ смертность превышает рождаемость. Ниже среднереспубликанского показателя в 14,5‰, в трех районах: Тукаевском, Сармановском, Елабужском. Коэффициент рождаемости выше среднереспубликанского в следующих районах: Сармановском, Актанышском, Муслюмовском. Максимальная естественная убыль населения наблюдается в Заинском районе — 11,8‰, минимальная в Сармановском районе — 3,9‰. По данным 1959 года естественный прирост населения наблюдался во всех районах экономического района.

Юго-Восточный экономический район Республики Татарстан расположен в юго-восточной части республики и занимает территорию в 9,98 км² (14,7% площади республики), включающую в себя территорию следующих

муниципальных районов: Альметьевского, Азнакаевского, Бугульминского, Бавлинского, Лениногорского и Ютазинского. Данный регион является индустриальным центром республики.

На Юго-Востоке на 01.01.2020 проживало 507,9 тыс. человек, из них 393,0 тыс. человек городского населения и 114,8 тыс. человек сельского населения, что составляет 12,7% всего сельского населения республики. Численность сельского населения Юго-Востока республики по статистическим данным 1959 года составляла 196,8 тыс. человек, а к 2020 году уменьшилась до 114,8 тыс. человек. На начало 2019 года на Юго-Востоке РТ в Альметьевском районе наблюдается минимальная естественная убыль населения — 5,3‰ (на начало 1959 года 27,4‰). Максимальный показатель убыли населения наблюдается в Ютазинском районе — 10,8 ‰. На начало 1959 года во всех районах наблюдался естественный прирост населения. Важную роль в изменение численности населения играют миграционные процессы. С интенсивным развитием промышленного производства в данном экономическом районе сельское хозяйство постепенно ушло на второстепенные позиции. Все районные центры являются городами или поселками городского типа. Сельских населенных пунктов в данном экономическом районе 378 единиц.

Закамский экономический район Республики Татарстан расположен к югу от реки Кама и к востоку от реки Волга и занимает южную часть территории республики в 14,1 тыс. км² (20,8% площади республики), включающая в себя территорию следующих районов: Черемшанский, Чистопольский, Спасский, Аксубаевский, Алексеевский, Алькеевский, Новошешминский, Нурлатский.

В Закамье на 01.01.2020 проживало 252,7 тыс. человек, из них 48% городского населения и 52% человек сельского населения. Численность сельского населения Закамья республики по статистическим данным 1959 года составляло 315,6 тыс. человек, а к 2020 году уменьшилась до 131,5 тыс. человек.

По данным на начало 2020 года в Закамье среди сельского населения во всех муниципальных образованиях смертность превышала рождаемость. Ниже среднереспубликанского показателя числа умерших 14,5‰, только в Алькеевском районе (14,0‰). Рождаемость выше среднереспубликанского показателя в 9‰ в Алексеевском, Алькеевском и Новошешминском районах. Максимальная естественная убыль населения наблюдается в Нурлатском районе — 10,8‰, минимальная в Алькеевском районе — 3,3‰. В 1959 году естественный прирост населения наблюдался на всей территории экономического района. Пять районных центров являются городами или поселками городского типа, и три являются селами с преобладанием сельского населения. Сельских населенных пунктов в данном экономическом районе 471 единиц, минимальное количество в Новошешминском районе — 30, максимальное в Нурлатском районе — 82 единицы.

Предкамье Республики Татарстан расположено в северной части республики в правобережье реки Кама и к западу от р. Волга и занимает территорию в 9,2 тыс. км² (13,5% площади республики), включающую в себя территорию следующих районов: Балтасинского, Кукморского, Мамадышского, Рыбно-Слободского, Сабинского, Тюлячинского.

В Предкамье на 01.01.2020 проживало 194,9 тыс. человек, из них 136,5 тыс. человек сельского населения республики (70% от общего числа населения района) и всего 15,1% сельского населения республики.[6, с. 6]. По

данным на начало 2020 год в Предкамье среди сельского населения рождаемость превышает смертность только в Балтасинском районе. Рождаемость ниже среднереспубликанского показателя в 9‰ в Мамадышском (7,7‰) и Рыбно-Слободском районах (7,0‰). Ниже среднереспубликанского показателя числа умерших в 14,5‰ показатели тоже в Мамадышском (16,7‰) и Рыбно-Слободском районах (18,7‰). Естественный прирост населения выявлен в одном районе: Балтасинском (0,8‰). Ниже среднереспубликанского показателя в Мамадышском (-9‰) и Рыбно-Слободском районе (-11,7‰). На начало 1959 года во всех районах наблюдался естественный прирост населения.

Результаты и обсуждение

Анализ демографических процессов в экономических районах Татарстана, ясно выявляет и подтверждает гипотезу, что географическое положение сельских территорий повлияло на уровень их социально-экономического развития и динамику демографических показателей сельского населения Республики Татарстан. Начиная с 1990-х годов двадцатого столетия в сельском населении республики имеются серьезные проблемы в демографическом развитии [7, с. 178].

В связи с некоторыми изменениями административного устройства республики в середине прошлого века изменение численности сельского населения по экономическим районам отражает региональную специфику влияния социально-экономических факторов, которые усугубились под воздействием новых рыночных отношений в конце XX века. В таблице 1 приведена динамика численности сельского населения в разрезе экономических районов республики. Анализ данных показал, что менее всего от сокращения сельского населения пострадали Северо-Западный и Юго-Восточный регионы, а также Предкамье, где наметились положительные тенденции динамики сельских жителей. Так, к примеру, Балтасинский район Предкамья характеризуется естественным приростом сельского населения. Больше всего уменьшилась численность сельских жителей в экономических районах, где преобладает аграрная специализация хозяйства, особенно это сказалось в Предволжском экономическом районе.

Как видно из проведенного анализа статистических показателей экономических районов, общей тенденцией последствий влияния рыночных отношений на сельское население и расселение Татарстана стало сокращение численности сельского населения в аграрных экономических районах Предкамье, Предволжье, Закамье. Сказалось переселение жителей сельской местности в крупные города и районные центры. Вместе с тем, надо отметить, что резкое сокращение сельских населенных пунктов произошло во второй половине и конце прошлого века. Если с 1959 по 1989 год количество сельских населенных пунктов сократилось на 1 285 единиц, то с 1989 по 2019 год — только на 85. В период рыночной экономики максимально сократилось количество сельских населенных пунктов в Закамье (на 34). С 2002 года имеется даже некоторый рост количества населенных пунктов, по сравнению с 2010 годом, на Северо-Западе, Предкамье, Северо-Востоке (табл. 2). Вместе с тем, надо отметить, что новые населенные пункты возникают возле городов и районных центров. «Сельские населенные пункты административных районов, расположенные территориально около крупного города, становятся донором трудовых ресурсов и постепенно утрачивают сельскую идентичность путем поглощения в городскую черту» [8, с. 82].

Таблица 1
Динамика численности сельского населения по экономическим районам
Республики Татарстан (тыс. чел.)

	Районы	годы							уменьшение с 1959 по 2019 гг	уменьшение с 1989 по 2019 гг
		1959	1970	1979	1989	2002	2010	2019		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Северо-Запад	934	816	699	633	618	614	616	-318	-17
2	Предкамье	649	575	552	534	525	523	524	-125	-10
3	Предволжье	493	476	438	412	401	400	400	-93	-12
4	Закамье	790	624	562	505	477	471	471	-319	-34
5	Северо-Восток	985	854	749	694	683	687	689	-296	-5
6	Юго-Восток	597	495	442	385	377	378	378	-219	-7
	Всего	4 448	3 840	3 442	3 163	3 081	3 073	3 078	-1 370	-85

Составлено по данным переписи населения и официальным данным Татарстанстата.

Таблица 2
Динамика количества сельских населенных пунктов в экономических
районах Татарстана в период 1959 по 2019 год

	Экономические районы	годы							уменьшение с 1959 по 2019 гг	уменьшение с 1989 по 2019 гг
		1959	1970	1979	1989	2002	2010	2019		
1	Северо-Запад	934	816	699	633	618	614	616	-318	-17
2	Предкамье	649	575	552	534	525	523	524	-125	-10
3	Предволжье	493	476	438	412	401	400	400	-93	-12
4	Закамье	790	624	562	505	477	471	471	-319	-34
5	Северо-Восток	985	854	749	694	683	687	689	-296	-5
6	Юго-Восток	597	495	442	385	377	378	378	-219	-7
	Всего	4 448	3 840	3 442	3 163	3 081	3 073	3 078	-1 370	-85

Составлено по данным переписи населения и официальным данным Татарстанстата.

Выводы

Последствия рыночных реформ обусловили основные признаки развития сельской местности Татарстана: отсутствие стабильной занятости, концентрация всего основного производства и сферы услуг в крупных городах и пригородах. Аграрные районы на современном этапе не в состоянии конкурировать с

экономическими центрами. Данные факторы латентно изменяют рисунок сельского населения республики, пригородные муниципальные районы увеличиваются за счет внутренней миграции сельского населения, периферийные районы в свою очередь теряют сельское население, тем самым сокращаются и исчезают сельские населенные пункты.

Литература

1. Саградов А. А. Экономическая демография: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2005. 256 с.
2. Тайсин А. С. География Татарстана. Казань: Изд-во «Магариф», 2000. 223 с.
3. Республика Татарстан: краткий географический справочник, автор составитель И. Т. Гайсин, Р. Р. Денмухаметов, О. В. Зяблова. Казань: Татарское книжное издательство, 2013. 134 с.
4. Мухаметов А. Р., Гайсин И. Т., Рубцов В. А., Сидоров В. П. Демографические проблемы сельского населения Предволжского экономического района Республики Татарстан // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. вып.3. С. 340–348.
5. Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2020 года, статистический бюллетень, Федеральной служб государственной статистики, редакционная коллегия: Гатауллина Н. В. председатель редакционной коллегии, Казань, 2020. 27 с.
6. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2020: Статистический сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2020 г. 160 с.
7. Рубцов В. А., Байбаков Э. И., Рожко М. В., Биктимиров Н. М., Булатова Г. Н., Мустафин М. Р. Влияние социально-экономических факторов на население и систему расселения Республики Татарстан. Казань: Отечество, 2018. 192 с.
8. Мухаметов А. Р. Некоторые особенности географии сельского расселения и населенных пунктов района Предкамья Республики // Успехи современного естествознания. 2019. № 10. С. 79–83. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=37217> (дата обращения: 07.06.2021)

A. R. Mukhametov¹,
I. T. Gaisin²,
V. A. Rubtsov³

Dynamics of rural population and settlements from 1959 to 2019 in the context of economic regions of the Republic of Tatarstan

^{1,2,3}Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
e-mail: muhametov@inbox.ru¹, Gaisinilgizar@yandex.ru²,
Vladimir.Rubtzov@kpfu.ru³

Abstract. *The study of the territorial differentiation of the transformation of the rural population of the republic allows us to identify local demographic problems and analyze the factors affecting the rural population and settlements of the republic. The article presents the analysis of changes in the dynamics of the rural population and the reasons for its reduction in terms of economic regions on the basis of the All-Union and All-Russian censuses. The successful economic development of the region had both positive and negative impact on changes in rural settlement. The rapid industrial*

development of the economic districts of the republic during the Soviet period launched the process of transformation rural areas. The market restructuring of the economy in rural areas at the present stage has significantly changed the vector of rural development, increasing the polarization of territories. The main centers of gravitation of the rural population are economic centers, both regional and local. The analysis of the presented data on the state of the main demographic indicators of the rural population of the republic contributes to a better understanding of the territorial aspects of the municipal formations of the Republic of Tatarstan.

Keywords: rural area, rural population, urban population settlement, rural settlement, population size, Republic of Tatarstan, economic regions.

References

1. Cagradov A.A. Ekonomicheskaya demografiya: Uchebnoe posobie. M.: INFRA-M, 2005. 256 p. (in Russian).
2. Taisin A. S. Geografiya Tatarstana. Kazan': Izd-vo "Magarif", 2000. 223 p. (in Russian).
3. Respublika Tatarstan: kratkii geograficheskii spravochnik, avtor sostavitel' I. T. Gaisin, R. R. Denmukhametov, O. V. Zyablova. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. 134 p. (in Russian).
4. Mukhametov A. R., Gaisin I. T., Rubtsov V. A., Sidorov V. P. Demograficheskie problemy sel'skogo naseleniya Predvolzhskogo ekonomicheskogo raiona Respubliki Tatarstan. Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2020. Vol. 30. Ussue 3. pp. 340–348. (in Russian).
5. Chislennost' naseleniya munitsipal'nykh obrazovaniy Respubliki Tatarstan na nachalo 2020 goda, statisticheskii byulleten', Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki, redaktsionnaya kollegiya: Gataullina N. V. predsedatel' redaktsionnoi kollegii, Kazan', 2020. 27 p. (in Russian).
6. Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Tatarstan. 2020: Statisticheskii sbornik. Tatarstanstat — Kazan': Izdatel'skii tsentr Tatarstanstata, 2020 g. 160 p. (in Russian).
7. Rubtsov V. A., Baibakov E. I., Rozhko M. V., Biktimirov N. M., Bulatova G. N., Mustafin M. R. Vliyanie sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na naselenie i sistemu rasseleniya Respubliki Tatarstan. Kazan': Otechestvo, 2018. 192 p. (in Russian).
8. Mukhametov A. R. Nekotorye osobennosti geografii sel'skogo rasseleniya i naselennykh punktov raiona Predkam'ya Respubliki. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2019. no. 10. pp. 79–83. [Electronic resource]. URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=37217> (reference date: 07.06.2021) (in Russian).

Поступила в редакцию 29.05.2021 г.

УДК 338.48-44(470+292.471)-027.12

Е. В. Логвина

Сельский туризм как фактор влияния на развитие туристской отрасли Российской Федерации

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Институт «Таврическая академия», Республика Крым, г. Симферополь
e-mail: vivat.log.1474@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются определения «сельский туризм» и «аграрный туризм». Раскрыты виды сельского туризма, перечислены модели сельского туризма. Выявлены проблемы и предложены пути их решения, а также приведены ожидаемые результаты реализации Концепции. Сделаны выводы.

Ключевые слова: сельский туризм, аграрный туризм, субъект Российской Федерации, малобюджетные виды туризма, виды сельского туризма, туристский поток, сельская местность.

Введение

Мировой туризм характеризуется высокими темпами развития, ростом его роли в экономиках отдельных стран и регионов. Современная индустрия туризма трансформируется под воздействием глобальных экономических перемен, изменений тенденций, а с ними и общественного настроения, возникающих вследствие этого.

В настоящее время во всем мире все большую популярность приобретают малобюджетные виды туризма: экологический, спортивно-оздоровительный, этнографический, сельский зеленый туризм (агротуризм, фермерский, зеленый) и др. Для их развития не нужны значительные инвестиции, но при этом данные виды туризма могут приносить значительную прибыль.

Во многих субъектах Российской Федерации понятия «сельский туризм» и/или «аграрный туризм» отражены в законах, госпрограммах и стратегиях на региональном и муниципальном уровнях.

По данной теме работали, такие авторы как: Бугаец Т. Г. [1], Гордецкая Н. Н., Денисенко В. В. [2], Доможилкин Ж. В., Халилова М. Н. [3], Зиновьев Ф. В., Слепокуров С. А., Финогеев Б. Л., Чернявая А. Л. и другие ученые и практики туристской сферы.

Сельский туризм — это разновидность туризма, предполагающая временные выезды (путешествия) в сельскую местность с целью отдыха с предоставлением услуг гостеприимства, а также ориентированная на сохранение природного и культурного наследия и использование природных, культурно-исторических и других ресурсов, характерных для данной местности с учетом ее специфики.

Аграрный туризм — разновидность туризма, предполагающая временные выезды (путешествия) к отечественному сельскохозяйственному товаропроизводителю занимающемуся сельским туризмом. Однако, аграрный туризм является только разновидностью сельского туризма [4].

Сельский туризм активно развивается во всем мире, в том числе, и в Российской Федерации. Интерес к сельскому туризму обусловлен близостью к природе по сравнению с другими видами рекреации.

Материалы и методы.

Одной из особенностей XXI века, наряду с глобализацией, и развитием науки, информационных технологий и переходом к информационному обществу, является рост популярности идей охраны окружающей среды. За два десятилетия эти идеи охватили и сферу туризма, следствием чего стал динамичный рост «зеленых путешествий» в сельской местности, доля которых в мировом туристическом потоке уже превысила 20%. Исследования этого феномена свидетельствуют о том, что сельский туризм способен обеспечить экономическую и демографическую стабильность в сельской местности, содействовать решению социально-экономических проблем села, стать весомым фактором перспективного развития сельских территорий.

В настоящее время в литературе и практической деятельности используются многие категории, сходные по смыслу: являются «зеленый туризм», «сельский туризм», «экологический туризм», «агротуризм». Для определения понятия «сельский зеленый туризм», необходимо в первую очередь разграничить данные термины и определить их соотношение.

И так: под сельским туризмом (rural tourism) чаще всего понимают вид туризма, сконцентрированный на сельских территориях или предусматривающий размещение в сельской местности. Он предусматривает развитие туристских маршрутов, мест рекреации, сельскохозяйственных и народных музеев, центров обслуживания отдыхающих с гидами и экскурсоводами.

Понятие «сельский туризм» иногда отождествляют с понятием «агротуризм», однако чаще всего специалисты по туризму и сельскому хозяйству разграничивают данные понятия. Так Дунец А. Н., Исаев В. В., Биттер Н. В., Донскова Л. И., Ревякин В. С., Бовтун В. С., Петракова Т. Г., Герасимова О. Ю., Панин Е. Л., Косицына А. В. под агротуризмом (farm tourism) понимают «вид туризма, который предусматривает использование сельского (фермерского) хозяйства» [5].

В настоящее время в туристическом бизнесе сельский туризм занимает свою определенную нишу на туристском рынке. Современные научные исследования показывают, что ускоренное развитие сельского туризма может сыграть роль катализатора структурной перестройки экономики, обеспечить демографическую стабильность и решения социально-экономических проблем. Таким образом, определяется проблема поиска путей эффективного регионального развития сельского туризма и детального изучения факторов, влияющих на него.

Результаты обсуждения.

Техническая революция и существенные изменения устройства общества создают и новые тенденции на рынке услуг, это позволяет организовать собственное дело на абсолютно новых идеях для малого бизнеса. Одной из таких перспективных ниш, возникшей в результате моды на здоровый образ жизни, является организация и проведения туров сельского зеленого туризма.

Сельский туризм достаточно новое направление туристской индустрии.

По классификации сельский туризм является элементом устойчивого туризма и видом туризма, частично пересекающегося с экотуризмом. В самостоятельный вид туризма, сельский туризм можно выделить на основе особых форм досуговых занятий (уход за домашними животными, проба блюд местной кухни, прогулки в сельской местности) и мотивации совершения туристских поездок.

Сельский туризм — это один из эффективных видов туристской деятельности с отчетливо выраженным социально-экономическим эффектом. В зависимости от территориального положения той или иной сельской местности можно выделить условные географические типы сочетаемости сельского туризма с другими видами туризма: в горах, где нет выхода к морю. Сельский туризм может сочетаться с познавательным и спортивным; на побережье — с купально-пляжным; при посещении этнических поселений — с этнографическим и так далее. На рисунке 1 представлена классификация видов сельского туризма в зависимости формы размещения и содержания деятельности.

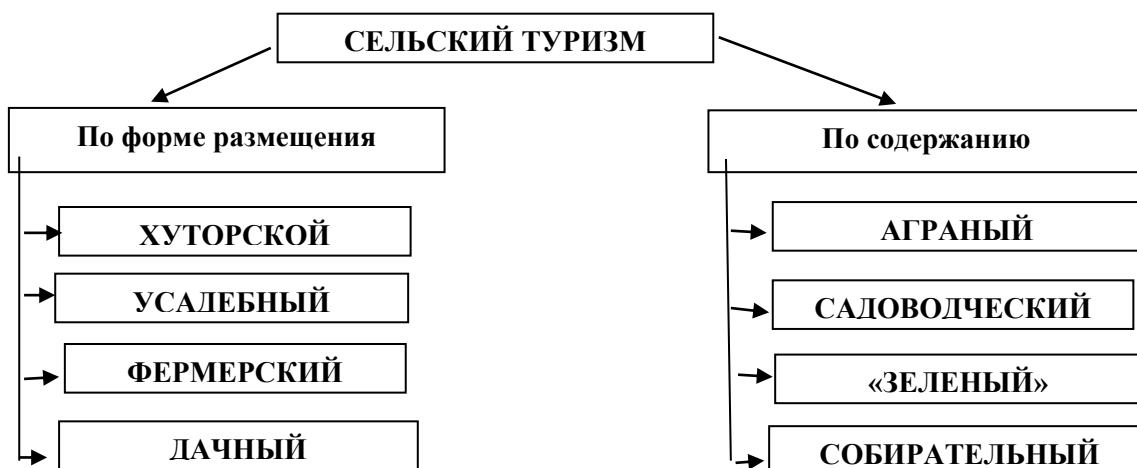

Рис. 1. Классификация видов сельского туризма [5].

Из рисунка 1. следует, что по форме размещения сельский туризм подразделяется на хуторской туризм, который включает в себя услуги по размещению в хуторских постройках, стоящих в отдалении от остальных крестьянских хозяйств. Дачный туризм характеризуется наймом жилья на летний сезон или на выходные в пригородном районе. Фермерский туризм подходит, скорее всего, для Запада (проживание на ферме), а применительно к условиям России — усадебный (для зарубежного гостя) и деревенский.

Несмотря на высокий туристский потенциал Российская Федерация, занимает незначительное место на мировом туристском рынке. На ее долю приходится около 5–6% мирового туристского потока. Достаточно актуальной является проблема развития сельского туризма в регионах России с уникальными природными, историческими и культурными туристскими ресурсами. В связи с этим необходима выработка стратегии развития туристской индустрии, включающей принятие комплекса мер по государственной поддержке в рамках федеральных и региональных программ. Однако единая федеральная концепция развития

сельского туризма пока не выработана, и во многих регионах разрабатывают свои концепции и стратегии развития туризма и такого вида как сельский туризм.

В некоторых субъектах РФ существуют законодательные акты и программы по развитию данного вида туризма. Так например, в 25 субъектах осуществляется господдержка объектов сельского туризма; — в 13 субъектах РФ термин «сельский/аграрный туризм» введен в законодательство на региональном уровне; — 7 субъектов имеют подраздел «сельский туризм» внутри муниципальных программ развития туризма; — самостоятельную концепцию развития сельского туризма имеют 6 субъектов РФ; — в 12 субъектах сельский туризм определен как приоритетное направление в рамках существующих региональных стратегий развития внутреннего и въездного туризма; — в планах мероприятий и дорожных картах по развитию туризма, утвержденных администрациями субъектов, развитие сельского туризма имеют еще 4 субъекта РФ.

А в 30-ти субъектах Российской Федерации понятия «сельский туризм» и/или «аграрный туризм» фигурируют в законах, госпрограммах, концепциях и стратегиях на региональном и муниципальном уровнях.

Без документального закрепления сельский туризм существует и развивается не менее чем в 64 субъектах РФ. Существуют примеры, когда субъект отвечает, что на его территории «отсутствует сельский туризм», а дает информацию, что «приоритетными для него являются этнографический, событийный, экологический туризм и т. д., на сельских территориях», все это говорит об отсутствии Единого понятийного аппарата, т.к. фактически все вышеназванные виды туризма, если они представлены на сельских территориях, — и есть сельский туризм.

Если рассматривать географию прибытия туристов на сельские объекты регионов, то можно сказать, что наибольшая доля приходится на — региональные центры — 39%; — из ближайших городов региона — 20%; — из других регионов — 14%; — из Москвы и Санкт-Петербурга — 20%, а на иностранных туристов приходится только 7%. Средний чек пребывания за сутки варьируется от 1 500 до 3 500 рублей [4].

В Российской Федерации получили широкое распространение 4 модели организации сельского туризма:

- сельские гостевые дома, организованные на основании имеющегося жилищного фонда в сельской местности;
- стилизованные «туристские деревни», предлагающие полноценный отдых туристам. Это могут быть «рыбачьие», «охотничьи деревни», центры ремесленничества и культуры, кулинарные центры (традиционной русской кухни, дома меда), спортивные (обучение гребле, катание на лошадях и др.);
- «национальные» или «исторические» гостевые дома (модели «Купеческий особняк», «Дом крестьянина-старожила», «Казачье подворье»);
- сельскохозяйственные парки на базе фермерских хозяйств («Отдых в фермерском хозяйстве»).

Лидерами в организации деревенского туризма являются: Владимирская, Вологодская, Ивановская, Новгородская, Архангельская, Ленинградская, Псковская, Самарская, Тверская, Тульская, Ярославская, Пензенская области, Республики Карелия и Чувашия, Татарстан и Башкортостан, Подмосковье и окрестности Санкт-Петербурга.

Сельский туризм наиболее активно развивается в Республиках Алтай, Бурятия, Карелия; Алтайском, Краснодарском краях; Архангельской, Астраханской, Белгородской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Нижегородской, Новгородской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и Ярославской областях.

Данный вид туризма в отдельных регионах России имеет свою специфику так, например, преимуществом для Ростовской области является сочетание двух направлений туризма: этнографического и сельского; Московская область ориентирована на сельский туризм. К ее основным направлениям относят:

– организацию «сельских туров» с проживанием и комплексным питанием туристов в деревенском доме, ознакомлением с традиционным сельским бытом, ремеслами, сельскохозяйственными видами работ по типу «тур-отпуск», «тур выходного дня»; — проведение «спортивно-оздоровительных маршрутов», включающих верховую езду и пеший туризм с целью изучения окружающей среды, исторического и культурного наследия территории, в том числе по местам боевой славы; — создание агротуристических хозяйств, экоферм и баз отдыха; — организацию «рыболовно-охотничьих туров» на базе охотничьих хозяйств [36].

Архангельская область выделяется на фоне других регионов количеством сохранившихся самобытных деревень, их ресурс активно используется для развития сельского туризма.

Развитие сельского туризма в Республике Бурятия формируется на базе частных усадеб и гостевых домов, многие из которых расположены на побережье озера Байкал в Баргузинском, Прибайкальском, Кабанском, Тункинском районах и т. д.

Несмотря на развитие сельского туризма, существует ряд сдерживающих факторов и ограничений:

1. отсутствие поддержки сельского туризма со стороны органов государственной власти и местного самоуправления;
2. несовершенство и недостаточность существующей законодательной базы;
3. отсутствие маркетинговых мероприятий по продвижению продукта сельского туризма на рынок;
4. низкий уровень комфорта и оборудования сельских усадеб;
5. неудовлетворительное состояние инженерной инфраструктуры и благоустройства сел;
6. недостаточный ассортимент и качество услуг туристических продуктов сельского туризма и аттракций.
7. высокие цены на услуги и отсутствие подготовленных кадров;
8. недостаточное количество мест размещения и отсутствие комфортных условий, и сервиса

Для решения данных проблем и достижения к 2030 году дохода от сельского туризма в 50 млрд рублей необходимо решить такие важные задачи:

— **на государственном уровне:**

– оптимизировать законодательство в части регулирования деятельности в сфере сельского туризма;

– включить сельский туризм в направления господдержки, разработать подпрограмму «Развитие сельского туризма» в рамках государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий».

– разработать учебные и методические материалы, программы

профессионального переобучения, повышения квалификации и обеспечить системную подготовку кадров для сельского туризма;

— **на региональном уровне:**

– развивать инфраструктуру сельского туризма за счет инструментов льготного кредитования, предоставляемых фондами развития регионов, фондами поддержки малого и среднего бизнеса;

– создание агротуристических кластеров, разработка плана мероприятий по развитию туристического и рекреационного потенциала региона, обеспечение реализации данных планов за счет финансирования региональных бюджетов совместно с федеральным бюджетом и привлекаемыми внебюджетными источниками;

– создать и благоустроить туристические тропы для пешеходных прогулок и турпоходов, объединяющие природные и сельские территории (природные и культурные ландшафты); развивать туристскую инфраструктуру в приоритетных сельских местностях в связи с наличием и ростом спроса на природоориентированные виды туризма;

— **на муниципальном уровне:**

– оказывать содействие объединению граждан (возможно, в форме ТОС), кооперации для построения и развития сети «зеленых» маршрутов по сельской местности и сельским поселениям; формировать и продвигать турмаршруты в муниципальных районах;

– содействовать самоорганизации и кооперации сельхозтоваропроизводителей районов, фермеров и организаций, оказывающих услуги сельского туризма;

– способствовать воссозданию социокультурной среды исторических поселений, «исторической/национальной деревни», усадеб, храмов, монастырей и т. д.

Ожидаемые результаты реализации Концепции отражены на рисунке 2 .

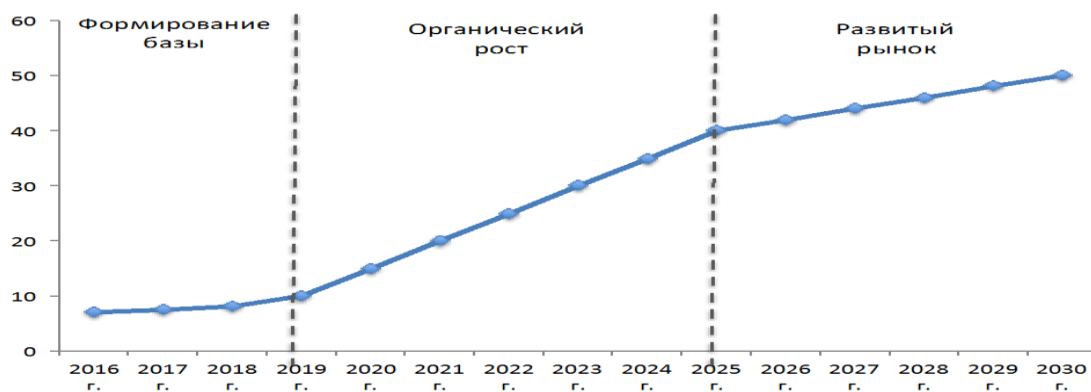

Рис. 2. Этапы реализации Концепции развития сельского туризма в России, млрд руб. [6].

Реализовать потенциал российской культуры, традиционного российского гостеприимства через развитие сельского туризма — один из главных вызовов, стоящих сейчас перед российским аграрным сообществом.

Выводы

Сельский туризм для Российской Федерации стал качественно новым направлением туристической деятельности, включающим сдачу жилья в аренду или наем, предоставление услуг питания, развлечения, изучения этнических сельских традиций. В подавляющем большинстве случаев этот вид деятельности является дополнительным к основному виду занятости. Организация собственного бизнеса в селе является занятием сложным и ответственным, требующим наличия определенных предпринимательских качеств, упорства и настойчивости, инициативы, желания работать, готовности к риску, и определенных умений и знаний, информированности в целом.

Развитие сельского туризма в Российской Федерации является актуальным, так как существует реальная необходимость в распределении туристских потоков из ставших традиционными приморских районов и изменение функций сельской местности.

С каждым годом развитие туристской отрасли в Российской Федерации становится все более стабильной и экономически выгодной.

С постоянным появлением новых видов туризма, таких как сельский, фермерский, экологический, агротуризм, возникает необходимость занесения их в существующую классификацию и определения их взаимосвязи с другими видами туризма.

Реализация крупномасштабных культурных проектов в сельском туризме будет иметь огромное социально-экономическое значение и положительный эффект как для жителей села и туристов, так и для государства в целом ввиду получения доходов сельского населения, улучшения их благосостояния и увеличения налоговых поступлений в бюджет

Литература

1. Бугаец, Т. Г. Современное состояние и перспективы развития зелёного туризма в Крыму // Таврические студии. Серия: искусствоведение. 2016. № 8 (22). С. 121–126.
2. Денисенко, В. В. Современное состояние и перспективы развития агротуризма в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2011. Том 24 (63). № 1. С. 173–185.
3. Доможилкина, Ж. В., Халилова М. Н. Современное состояние и перспективы развития агротуризма в Белогорском районе Республики Крым // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4 (ч. 2). С.340–346.
4. Лебедева И. В., Копылова С. Л. Результаты исследования «Текущее состояние сельского туризма в России. Выявление проблем и перспектив в развитии сельского туризма в стране (2019 год)». Москва: АНО АРСИ, 2019. 44 с.
5. Дунец, А. Н., Исаев В. В., Биттер Н. В., Донскова Л. И., Ревякин В. С., Бовтун В. С., Петракова Т. Г., Герасимова О. Ю., Панин Е. Л., Косицына А. В. Сельский туристский бизнес в Алтайском крае: учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 126 с.
6. Концепция развития сельского туризма в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://мниап.рф/rural-tourism/>

E. Logvina

Rural tourism as a factor of influence on the development of the tourism industry of the Russian Federation

Taurian Academy Institute, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation
e-mail: vivat.log.1474@mail.ru

Annotation. *The article discusses the definitions of “rural tourism” and “agricultural tourism”. The types of rural tourism are revealed. the models of rural tourism are listed. The problems are identified and ways to solve them are proposed, as well as the expected results of the implementation of the Concept are presented. Conclusions are made.*

Keywords. *rural tourism, agricultural tourism, subject of the Russian Federation, low-budget types of tourism, types of rural tourism, tourist flow, rural area.*

References

1. Bugaec T. G. Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija zeljonogo turizma v Krymu. Tavricheskie studii. Serija: iskusstvovedenie. 2016. no. 8 (22). pp. 121–126. (in Russian).
2. Denisenko V. V. Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija agroturizma v Krymu. Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. 2011. Vol. 24 (63). no. 1. pp. 173–185. (in Russian).
3. Domozhilkina Zh. V., Halilova M. N. Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija agroturizma v Belogorskom rajone Respubliki Krym. Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. no. 4 (part 2). pp. 340–346. (in Russian).
4. Lebedeva I. V., Kopylova S. L. Rezul'taty issledovanija “Tekushhee sostojanie sel'skogo turizma v Rossii. Vyjavlenie problem i perspektiv v razvitii sel'skogo turizma v strane (2019)”. Moskva: ANO ARSI, 2019. 44 p. (in Russian).
5. Dunec, A. N., Isaev V. V., Bitter N. V., Donskova L. I., Revjakin V. S., Bovtun V. S., Petrakova T. G., Gerasimova O. Ju., Panin E. L., Kosicyna A.V. Sel'skij turistskij biznes v Altajskom krae: uchebnoe posobie. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 126 p. (in Russian).
6. Konceptija razvitija sel'skogo turizma v Rossii. [Electronic resource]. URL: <https://mniap.rf/rural-tourism/> (in Russian).

Поступила в редакцию 09.09.2021 г.

УДК911.3

С. К. Нагиев

Сельское население Азербайджана и его демографическое развитие

Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджанская Республика
e-mail: geo_ospu@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются динамика численности и воспроизводства населения Азербайджана по экономическим районам на основе результатов переписей населения, после приобретения независимости в период 1999–2019 гг.

Выявлены факторы, оказывающие непосредственное влияние на распределение, структуру занятости городского и сельского населения, темпы роста населения и трудовых ресурсов, долю детской смертности, средней продолжительности жизни в городах и селах. Исследованы и сопоставлены результаты государственных «Программ по развитию регионов по улучшению социальных, экономических, демографических условий».

Неотъемлемой задачей является повышение уровня рождаемости, понижение смертности, в частности детской, уменьшение миграционных оттоков.

Ключевые слова: демографическая ситуация, воспроизводство населения, структура занятости, динамика численности, распределение населения, миграция населения.

Введение

Одной из важных предпосылок успешной реализации социально-экономической программы развития страны является последовательное осуществление комплекса мер эффективной демографической политики, способствующей упрочению семьи, созданию лучших условий для сочетания материнства с активным участием женщин в трудовой деятельности, увеличению продолжительности жизни и трудовой активности людей. В связи с этим большую значимость приобретают изучение развития народонаселения и социально-экономического развития, как в республике, так и её регионах.

Известно, что сложившаяся демографическая ситуация в стране характеризуется существенными различиями в характере естественного воспроизводства населения по отдельным регионам. Азербайджан относится к числу республик, где в демографическом развитии, наряду с такими благоприятными условиями в воспроизводстве населения, как относительно высокий уровень рождаемости (14,3% в 2019 г.), низкий коэффициент смертности (5,6% в 2019 г.), высокие темпы прироста населения и трудовых ресурсов, существует и ряд негативных тенденций. Среди них следует выделить процесс неуклонного снижения рождаемости, стабилизация смертности и рост ее по отдельным причинам в некоторых возрастных группах, сокращение средней продолжительности жизни в сельской местности республики, слабая территориальная и профессиональная подвижность населения [2].

В настоящее время большинство исследователей поддерживают подход, согласно которому основой экономического развития является человеческий капитал и, как следствие, инновационное развитие и прогресс.

Согласно этому подходу, демографические изменения приводят к изменениям институционального, политического и технического характера. Демографический рост может способствовать экономическому развитию, несмотря на субъективные факторы политического и природного характера. Таким образом, в соответствие с современными взглядами, демографические процессы представляют собой определяющий фактор экономического развития. При этом следует отметить, что базовыми демографическими факторами развития экономики являются: динамика рождаемости, смертности, численности населения, изменения его половозрастной структуры.

Азербайджан — это страна, сумевшая в условиях рыночной экономики войти в число ведущих стран СНГ и с распадом СССР ее геополитическая роль усилилась. Значение сел в Азербайджане чрезвычайно велико.

Материалы и методы

В работе использованы материалы теоретических и практических исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, ведущих изыскания в широком круге наук о человеке, в частности демографии и социологии, социальной географии. При рассмотрении подходов к изучению и оценке демографического развития и географии населения применяются методы ретроспективного анализа литературных источников. На базе индуктивных, дедуктивных и статистических умозаключений применяются метод теоретического синтеза и обобщения. Кроме того, при установке метазадач в демографии применяется метод моделирования.

Сложившаяся демографическая ситуация в Азербайджане обеспечивает более высокие темпы роста населения и трудовых ресурсов, по сравнению со странами СНГ в целом и с европейскими в частности. Так, если за период 1999–2019 гг. численность населения стран СНГ увеличилась на 0,4%, в Азербайджане — на 20,4,0%, а республиканский показатель среднегодового темпа прироста населения в 2 раза превышает аналогичный показатель по странам СНГ. Высокий прирост населения особенно присущ сельской местности республики, что объясняется рядом социальных, экономических и психологических факторов, условиями жизни и труда проживающего здесь населения, более устойчивым сохранением у последних традиций многодетности и соответствующих репродуктивных установок о числе детей в семье.

Несмотря на абсолютное увеличение численности сельского населения Азербайджана, его доля в общей численности населения республики постепенно уменьшается. Рост сельского населения связан с уровнем рождаемости, который в целом в селах республики более высок, чем в городах, (в 1,1 раза), и сопровождается более быстрыми темпами снижения по сравнению с городским.

Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, высоким уровнем урбанизации (в 2019 г. городского населения республики составляло 54,6% всего населения) и расширением влияния городского образа жизни на село, в частности быстрым распространением мнения, утверждающего предпочтительность семей со средней нормой детскости. В то же время семейная структура сельского

населения республики формируется все еще под влиянием национальных традиций, и высокий уровень рождаемости, слабая миграционная подвижность и низкий коэффициент разводимости, здесь определяют значительно большее, чем в городах, число семей с 2 и более детьми (среднее число детей в городе — 2,0; в сельской местности — 3,0). В современных условиях Азербайджанской Республики довольно последовательно происходит процесс сближения в уровнях рождаемости между городской и сельской местностями во всех экономических районах. Если в 1999 году в селе он был выше по сравнению с городом на 5.0 чел., то в 2019 — всего на 2.4 чел. (в расчете на 1 000 чел. населения), причем в некоторых районах уровень рождаемости в сельской местности в силу ряда социально-экономических причин несколько ниже, чем в городских поселениях [6].

Таблица 1
Среднегодовая численность населения экономических районов Азербайджана
(тыс.чел)

Экономические районы	1999			2009			2019		
	Все население	В т.ч.		Все население	В т.ч.		Все население	В т.ч.	
		Городское	Сельское		Городское	Сельское		Городское	Сельское
Азербайджан	8 032,8	4 149,1	3 965,2	8 629,9	4 464,8	4 165,1	9 981,5	5 273,9	4 707,6
Абшеронский	389,9	359,0	30,8	417,5	392,8	24,7	572,6	526,2	46,4
Гянджа-Газахский	1 092,2	499,5	592,7	1 152,6	528,8	623,8	1 284,2	587,8	696,4
Шеки-Загатальский	524,0	130,1	393,9	558,2	154,8	403,4	621,4	173,6	447,8
Лянкяранский	738,4	169,7	568,7	810,1	197,5	612,6	937,2	251,3	685,9
Губа-Хачмазский	445,4	138,5	306,9	482,1	162,6	319,5	549,4	181,8	367,6
Аранский	1 641,6	611,2	1 030,4	1 769,9	664,5	1 105,4	2 025,8	755,1	1 270,7
Верхний Гарабах	584,6	187,5	397,1	638,4	213,4	425,0	682,0	220,7	461,3
Кядбаджар-Лачинский	199,5	39,0	160,5	222,7	44,6	178,1	256,7	56,4	200,3
Горный Ширван	252,1	70,2	181,9	277,0	76,5	200,5	318,6	109,0	209,6
Нахчыванский	358,8	96,2	262,6	384,4	112,3	272,1	456,1	134,5	321,6

Госкомстат Азербайджана 2020.

Снижение общего коэффициента рождаемости сельского населения за рассматриваемый период происходило более интенсивно, чем у городского. Так, если за период 1999–2019 гг. величина общего коэффициента рождаемости городского населения увеличилась на 0.6%, то в сельской местности она составила 2.5%. Исследование этой проблемы приводит к выводу о том, что имеющаяся тенденция рождаемости в сельской местности за отмеченный период отражает закономерный процесс, свидетельствующий о переходе к новому жизненному укладу и типу воспроизводства населения, и представляет собой результат воздействия не только структурно-демографических (возрастной структуры женщин фертильного возраста, половозрастной структуры населения, брачной структуры, соотношения полов среди рождающих континентов, разводимости, миграции), а и социально-экономических факторов, к которым относятся материальный и культурный уровень жизни народа, занятость женщин в производстве, их этническая принадлежность и т. д. Важным условием,

определяющим генеративную деятельность женщин является участие их в трудовой жизни, уровень образования.

Анализ материалов переписи населения 2019 г. и данные социологических обследований среди незанятого населения свидетельствуют о том, что преобладающую долю 90% трудовых ресурсов, занятых в домашнем и арендном хозяйстве, составляют женщины, имеющие малолетних детей и проживающие в сельской местности, причем большинство из них относится к коренной национальности. Участие женщины в производстве является одним из наиболее важных факторов, оказывающих влияние на снижение уровня рождаемости. Создавшаяся демографическая ситуация и высокие темпы прироста женских трудовых ресурсов, опережающие темпы увеличения потребности хозяйства в них, обуславливает необходимость расширения сферы приложения женского труда в сельской местности, иными словами, требует развития здесь непромышленной сферы, торговли и сферы услуг, здравоохранения, значительного увеличения числа детских и дошкольных учреждений в районах, где наблюдаются более высокие уровни рождаемости, что является важным условием решения задачи повышения уровня вовлеченности женских трудовых ресурсов в производство [7].

Таблица 2

Изменение рождаемости, смертности и естественного прироста в экономических районах Азербайджана

Экономические районы	Год								
	1999			2009			2019		
	Естественный прирост	рождаемость	смертность	Естественный прирост	рождаемость	смертность	Естественный прирост	рождаемость	смертность
Азербайджан	8.8	14.7	5.9	11.3	17.2	5.9	8.7	14.3	5.6
Абшеронский	8.4	13.6	5.1	9.0	14.0	5.0	8.0	13.0	5.0
Гянджа-Газахский	7.6	14.3	6.7	8.9	15.9	7.0	8.0	15.6	7.6
Шеки-Загатальский	9.7	16.3	6.6	9.1	16.2	7.1	8.1	14.4	6.3
Лянкяранский	14.1	19.7	5.6	13.0	20.4	7.4	11.0	15.9	4.9
Губа-Хачмазский	10.0	17.3	7.3	11.3	18.3	7.0	9.3	15.2	5.9
Аранский	9.7	15.6	5.9	11.1	18.1	7.0	9.8	15.5	5.7
Верхний Гарабах	10.2	14.2	4.0	13.4	17.8	4.4	9.3	14.1	4.8
Кядьбаджар-Лачинский	12.0	17.0	5.0	14.3	20	5.7	10.0	15.7	5.7
Горный Ширван	13.0	20	7.0	15.3	23.4	8.1	13.1	20.0	6.9
Нахчыванский	10.0	15.0	5.0	14.3	19.6	5.3	7.3	11.8	4.5

Госкомстат Азербайджана 2020.

В период роста интенсивных факторов производства перехода большей части нашей страны к типу воспроизводства населения, характерного для урбанизированных стран, растет значение качественного состояния народонаселения с точки зрения его здоровья. Не случайно, что в программе экономического и социального развития страны, отмечается, что «охрана и

укрепление здоровья людей — дело первостепенной важности». Состояние здоровья и действенность проводимых мероприятий по его охране и укреплению у различных социально-демографических групп неодинакова и зависит от возраста, пола, семейного положения, условий труда, отрасли, профессии, образования, характера труда и т. д. Нередко эти факторы действуют в одном направлении и трудно поддаются ранжированию. Важными показателями, характеризующими здоровье населения, являются средняя продолжительность жизни и смертность. Последняя в нашей республике является относительно низкой, по сравнению с другими странами СНГ.

Исследование тенденций продолжительности жизни и смертности городского и сельского населения является необходимым условием для выработки целенаправленной демографической политики в регионах, ибо это реальным образом характеризует достигнутый уровень жизни, отражает в себе множество факторов, оказывающих влияние на здоровье и трудовую деятельность населения — условия жизни, труда и быта.

По мере усиления урбанизации в республике происходят существенные сдвиги в уменьшении различий между городом и селом, одновременно возникают проблемы, связанные социальной гигиеной двух сред обитания. Сравнение показателей средней продолжительности жизни за период 1999–2019 гг. в Азербайджанской Республике, свидетельствует о наличии двух противоположных тенденций, которые наметились в городской и сельской местности. В частности, за этот период в городах возросла, а в селах уменьшилась. Вместе с тем существовавший ранее разрыв в продолжительности жизни населения между городом и селом (0,4 лет) в настоящее время почти полностью сглажен, и составляет лишь незначительную величину (0,2 года).[8]

Несмотря на сближение общих уровней смертности и продолжительности жизни городского и сельского населения, повозрастная дифференциация этих показателей позволяет судить нам о некоторых достоинствах и недостатках сельского образа жизни. Так, значительные успехи достигнуты в области детской смертности в городах, уровень которой в наибольшей степени зависит от социально-экономических факторов развития: наличия квалифицированной медицинской помощи, обеспеченности услугам детских учреждений, развития жилищного хозяйства, материальной обеспеченности, сферы услуг, условий труда родителей и т. д. Если за последние 20 лет число умерших детей до 1 года на 1 000 родившихся в городах республики увеличилось на 1,6%, а в сельской сократилось — на 10,5% .

Вероятность смерти сельского жителя до 30 лет выше, чем городского, что свидетельствует о лучшем качественном составе трудовых ресурсов города в данном возрастном интервале с точки зрения здоровья. Последнее в основном можно объяснить повышенным числом смертей в сельской местности от несчастных случаев, отравлений и травм, когда внедрение в сельскохозяйственное производство современных средств научно-технического прогресса и их применение в повседневной жизни и быту сопровождаются обучением работников техники безопасности не в должной мере.

На показатель смертности существенным образом влияет характер труда занятого населения, его профессиональный статус. Исследованием установлено, что среди лиц, занятых физическим трудом, смертность выше, чем у работников умственного труда, причем в сельской местности у занятых умственным трудом

мужчин и женщин смертность ниже, чем в городской, а среди занятых физическим трудом, наоборот она выше в селах, причем у женщин в большей степени, чем у мужчин, что очевидно, связано с более благоприятным влиянием тяжелых условий сельскохозяйственного труда на здоровье женщин. Процесс дальнейшей интенсификации сельского хозяйства, вовлечение сельских жителей в несельскохозяйственные отрасли потребуют большого внимания к овладению молодежью необходимыми знаниями и навыками индустриального труда, приспособлению высвобождающихся трудовых ресурсов к запросам промышленного и строительного производства, повышению образовательного уровня трудовых ресурсов села.

Определенное влияние на сокращение средней продолжительности жизни населения в сельской местности оказывает миграция молодежи (главным образом, мужчин) в города республики, происходящая в результате имеющегося отставания уровня социально-экономического развития сельских поселений от городских, в том числе их производственной и социальной инфраструктур, что приводит к нарушению возрастных пропорций сельского населения, его старению и итоге повышению общего уровня смертности. В следствие распада СССР границы Азербайджана оказались совершенно открытыми для свободного въезда как из бывших республик Союза, так и из-за пределов.[5]

Число экономических иммигрантов, ищущих в Азербайджане заработки (в основном это выходцы из Афганистана, Пакистана, Китая, Грузии), составляет 30–40 тыс. чел. Численность официально зарегистрированных беженцев, спасающихся от войн и локальных конфликтов и обратившихся с просьбой о предоставлении убежища, насчитывает около 3 тыс. чел. (80% этого потока приходится на жителей Афганистана, Сирии, Пакистана, Ирака). Данные по третьей группе мигрантов — транзитных, для которых Азербайджан является промежуточным этапом для проникновения в развитые страны Запада, отсутствуют. По государственным оценкам на незаконных основаниях в городе находятся около 30 тыс. иностранцев.

На смену практикуемому в советское время привлечению иногородных «по лимиту» на непрестижные и вакантные рабочие места пришла практика «квотирования» на временное привлечение иностранной рабочей силы. Основная часть иностранных рабочих работают в строительном комплексе и на транспорте: соответственно 10 и 6 тыс. чел. (общее число иностранных рабочих и специалистов в 2020 г. составило 36 тыс. чел.) Крупнейшими поставщиками рабочей силы являются страны СНГ (прежде всего, Грузия, Турция, Пакистан, Афганистан).

В последнее время в связи с экономическими проблемами в странах ближнего и среднего зарубежья возросло значительное количество «краткосрочных мигрантов», которые занимают различные ниши в строительстве, в частном бизнесе, на рынках. Более или менее точный учет этой совокупности нелегальных мигрантов практически невозможен (в том числе и в связи с либерализацией легальной и нелегальной сдачи квартир). Еще одна новая группа временного населения — «бомжи», по опубликованным данным составляют 3–5 тыс. чел., фактически она больше и составляет по различным экспертным оценкам от 5 до 10 тыс. чел.

Мигрирующим из села гораздо труднее бывает адаптироваться в новых условиях, приходится испытывать ряд неблагоприятных факторов внешней среды городов. Нерегулируемый отток сельского населения, особенно в возрасте; отличающемся высокой трудовой активностью, имеет отрицательные последствия

для воспроизводства населения и формирования трудовых ресурсов в сельской местности.

Возрастание вероятности смерти после 30 лет у городского населения, в особенности у мужчин, объясняется отрицательными последствиями урбанизации, т. е. большой плотностью населения, загрязнением воздуха, насыщенностью автотранспортом и т. д. Известно, что крупное машинное, особенно высокомеханизованное производство обуславливает возрастание потребности в работниках высокой квалификации, укреплении их здоровья, создает большие возможности для развития непромышленной сферы, роста уровня организации медицинской помощи, в том числе скорой и реанимационной. В то же время в условиях урбанизированной среды возникают благоприятные условия для распространения массовых болезней неврогенного характера, т. е. сердечно-сосудистых, психоневрологических, онкологических. Если уровень удовлетворяемых потребностей и фонд времени отстают от возросших затрат сил, т. е. рабочая сила не восстанавливается полностью, происходит ухудшение качественного состояния здоровья работника, возрастает степень риска его заболеваемости и смерти.

Малая смертность сельских жителей и довольно высокая продолжительность их жизни в старшем возрасте являются аккумулярующим фактором, говорящем о тех достоинствах сельского образа жизни, которые служат укреплению их здоровья и ведут к долголетию (наличие возможностей находится на воздухе, заниматься легким физическим трудом, избегать стрессовых ситуаций, питаться более свежими продуктами и др.). Одновременно сезонность сельскохозяйственных работ, недостаточно нормальные санитарно-гигиенические условия труда и быта, отсутствие высококачественной медицинской помощи, более низкий культурный уровень, недостаточное распространение общих санитарно-гигиенических норм поведения приводят к преимущественному по сравнению с городами распространению заболеваний желудочно-кишечного тракта [2].

Улучшение здоровья населения, особенно работающего, и сокращение, в связи с этим экономических потерь — одна из важнейших задач демографической политики. В перспективе все большее значение будет приобретать организация рациональной концентрации промышленного производства в малых и средних городах, которые превратятся в региональные экономические и культурные центры, где будут созданы возможности для рационального сочетания преимуществ городской среды с теми благоприятными моментами сельского образа жизни, которые оказывают положительное влияние на здоровье населения, проживающего в небольших поселениях.

Результаты и обсуждения

Рост современного сельскохозяйственного производства диктует новые требования к качеству совокупного работника. В свою очередь возрастание возможных сроков трудовой активности населения обуславливают новые формы потребления рабочей силы, создают объективные условия для наиболее полного раскрытия духовных и физических способностей работающих, роста эффективности производства и дальнейшего сближения различий между умственным и физическим трудом, уровнем жизни городского и сельского населения.

Решение неотложных задач социально-экономического развития сел Азербайджана требует от исследователей и проектировщиков последовательного отхода от устаревших схем, отказа от эффективных, но нежизнеспособных проектных моделей, проведения сложной и кропотливой работы по комплексному изучению и трансформации территории с целью создания наиболее благоприятной среды для обитания человека XXI века. Важную в решении этой крупнейшей междисциплинарной задачи имеет применение социально-экономических подходов, нацеленных на всесторонний учет реальных процессов и особенностей развития территории и это должно отразиться в новом генплане сел Азербайджана.

Литература

1. Ахмедов Д. К. Проблемы устойчивости социально-экономического развития регионов. Москва 1980.
2. Нагиев С. К. Демографическая обстановка в Азербайджане РГО «Известия», Санкт-Петербург, 2005. С. 71–77
3. Нагиев С. К. Регулирование демографических процессов Большого Баку. Г. Алиева. Баку. 2007. С. 108–110
4. Регионы Азербайджана. ГСК 1991–2020 гг.
5. Никифоров П. А. Социально-экономический потенциал села М. 1990. С. 283.
6. Нагиев. С. К. Демографическая ситуация в сельских населенных пунктах АР. Материалы 4-х научно-практических конференций, посвященных 40-летию создания кафедры Геодезии и Картографии на тему «Инновации наук геодезии картографии в 21 веке». Баку, 2012. С. 272–277
7. Нагиев. С. К., Эфендиев В. А. Демографическая ситуация и демографическая политика в Азербайджане. Известия БГУ. Серия природных наук. Баку, 2016. № 4, С. 81–90
8. Нагиев. С. К. Сельское и городское населения регионов Азербайджана и пути повышения их уровня жизни. Материалы Национальной научно-практической конференции по стратегическим дорожным картам и географическим исследованиям республики, посвященной 95-летию со дня рождения мирового лидера Г. Алиева.

S. K. Nagiyev

Azerbaijan's rural population and their demographic development

Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
e-mail: geo_ospu@mail.ru

***Abstract:** The article examines the dynamics of the population of Azerbaijan by economic area based on the results of the census, after independence in the period 1999–2019.*

Factors have a direct impact on the distribution, employment structure of urban and rural population, population and labour force growth rates, child mortality rate, and average life expectancy in cities and villages have been identified. The results of the state's "Programs for the Development of Regions to Improve Social, Economic and Demographic Conditions" were investigated and compared.

An integral task is to raise the birth rate, reduce mortality, in particular children's, decrease of migration.

Keywords: *Demographic situation, population reproduction, employment structure, population dynamics. distribution of the population, population migration.*

References

1. Ahmedov D. K. Problemy ustojchivosti social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov. Moskva 1980. (in Russian).
2. Nagiev S. K Demograficheskaya obstanovka v Azerbajdzhane RGO “Izvestiya”, Sankt- Peterburg ,2005. pp. 71–77. (in Russian).
3. Nagiev S. K Regulirovanie demograficheskikh processov Bol'shogo Baku. G.Alieva. Baku 2007. pp. 108–110. (in Russian).
4. Regiony Azerbajdzhana. GSK 1991–2020. (in Russian).
5. Nikiforov P. A. Social'no–ekonomicheskij potencial sela M. 1990. pp. 283. (in Russian).
6. Nagiev. S. K. Demograficheskaya situaciya v sel'skih naselennyh punktah AR. Materialy 4-h nauchno-prakticheskikh konferencij, posvyashchennyh 40-letiyu sozdaniya kafedry Geodezii i Kartografii na temu “Innovacii nauk geodezii kartografii v 21 veke”. Baku, 2012. pp. 272–277. (in Russian).
7. Nagiev. S. K., Efendiev V. A. Demograficheskaya situaciya i demograficheskaya politika v Azerbajdzhane. Izvestiya BGU. Seriya prirodnyh nauk. Baku, 2016. no. 4. С. 81–90. (in Russian).
8. Nagiev. S. K. Sel'skoe i gorodskoe naseleniya regionov Azerbajdzhana i puti povysheniya ih urovnya zhizni. Materialy Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii po strategicheskim dorozhnym kartam i geograficheskim issledovaniyam respubliki, posvyashchennoj 95-letiyu so dnya rozhdeniya mirovogo lidera G. Alieva. (in Russian).

Поступила в редакцию 11.06.2021 г.

УДК 911.3

А. В. Остроухов¹,
Е. М. Климина²,
В. А. Купцова³

Природопользование местного населения и пирогенная нагрузка на вмещающие ландшафты Среднеамурской низменности

^{1,2,3} ФГБУН «Институт водных и экологических проблем ДВО РАН», г. Хабаровск, Российская Федерация
e-mail: Ostran2004@bk.ru¹, kliminaem@bk.ru²,
telma33@mail.ru³

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь природопользования местного населения таёжной зоны Дальнего Востока и пирогенной трансформации вмещающих ландшафтов. Показана значительная роль пожаров, обусловленных традиционным природопользованием, в изменении ландшафтов территории и их природно-ресурсного потенциала.

Ключевые слова: жизнедеятельность населения, экологическая ситуация, природопользование, ландшафтные пожары.

Введение

Трансформация природных комплексов в результате пожаров серьёзно сказывается на жизни коренного и местного населения северных и дальневосточных регионов нашей страны, чьё жизнеобеспечение связано с использованием природно-ресурсного потенциала экосистем [1]. Для них рыболовство, охотничий промысел, собирательство в природных ландшафтах — это не только источник существования, но и часть культуры. Пирогенные изменения влияют на продуктивность «кормящих ландшафтов», продовольственную безопасность и угрожают благосостоянию местного населения. Учитывая, что традиционное хозяйство «жестко» привязано к ландшафту, все стрессовые ситуации в природном комплексе незамедлительно отражаются на самообеспечении и социальном благополучии местного населения. Для оценки степени влияния пожаров на жизнедеятельность местного населения, проживающего на залесённых территориях, в 2019 г. были проведены геоэкологические исследования в пределах ключевого участка, условно названного «Нижний Анюй» (рис. 1). Выбор ключевого участка обусловлен доступностью территории, разнообразием природных условий и систем природопользования местного населения, относительной сохранностью лесных экосистем. Выделение внешних границ ключевого участка производилось исходя из часовой транспортной доступности территории (около 50 км) по естественным (реки) или искусственным (дороги) рубежам.

Ключевой участок площадью 8 763,4 км² располагается в правобережной части нижнего течения р. Амур в зоне контакта северо-восточной части Среднеамурской низменности и северо-западной части Северного Сихотэ-Алиня, в связи с чем достаточно чётко разделяется на горную и равнинную части. В административном отношении территория полностью входит в Нанайский район Хабаровского края.

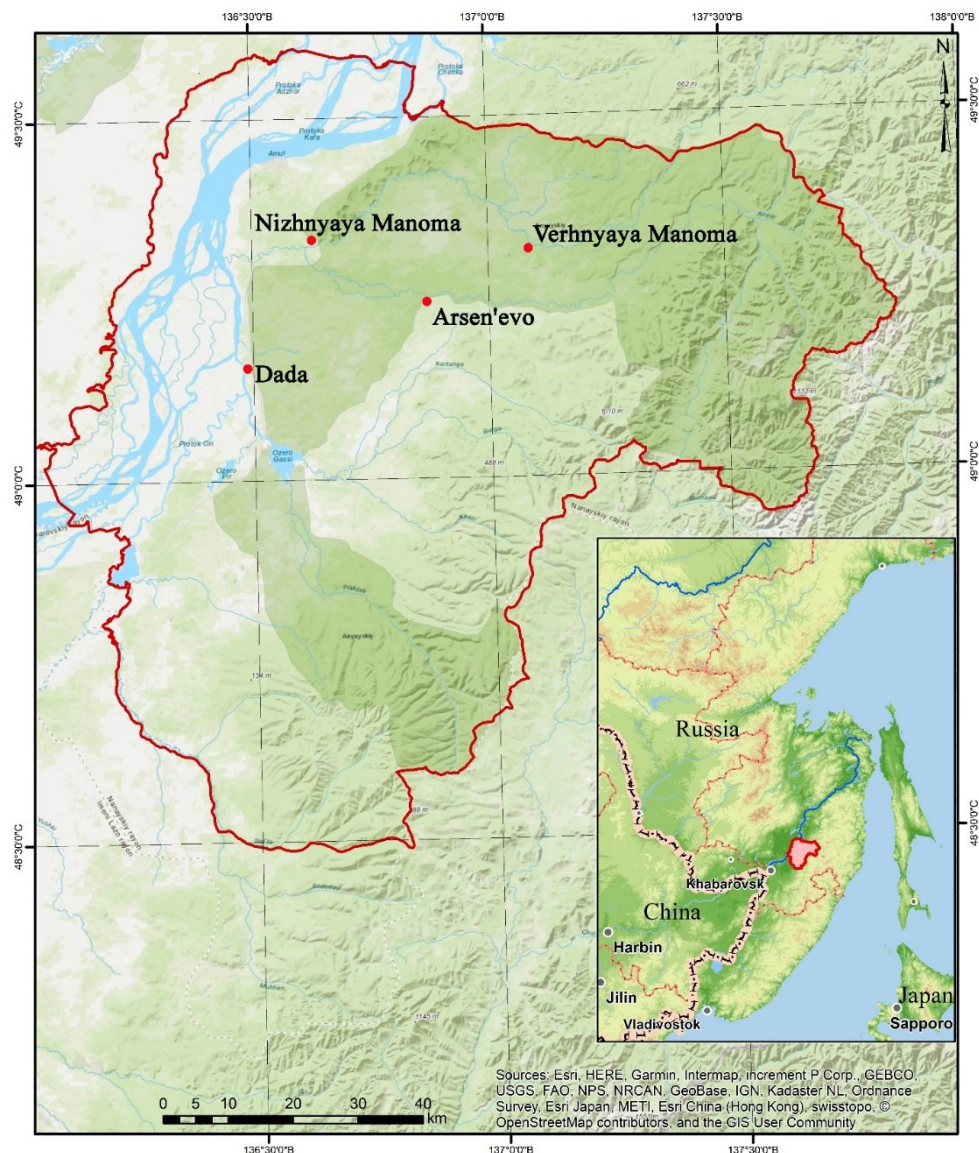

Рис. 1. Положение ключевого участка «Нижний Амур».

Составлено автором

Особенности физико-географического положения данного территориального объекта определяются:

- положением на стыке крупных морфоструктур Среднеамурской низменности и Сихотэ-Алиня, формирующие сложную систему зональных и азональных природных комплексов, высотных поясов со значительным разнообразием растительного и животного мира;

- положением в зоне континентального с элементами муссонного климата, определяющим специфические черты климата, влияющие на формирование пожароопасной обстановки;

- положением в зоне кедрово-широколиственных лесов (на северном пределе распространения), способствующих формированию уникальных природных и биологических объектов;

- наличием пойменного комплекса р. Амур, во многом определяющего

характер природопользования на данной территории;

– сочетанием динамично развивающейся социально-экономической системы Нанайского района, включающей важнейший транспортный коридор региона и территории компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, особо охраняемую природную территорию (Ануйский национальный парк).

Материалы и методы

Изучение структуры природопользования основано, прежде всего, на анализе структуры природных ландшафтов ключевого участка. В современной науке ландшафт рассматривается как природный комплекс с определенными границами, с присущей ему территориальной и компонентной структурой, непрерывно формируемый в процессе пространственно-временной динамики внутри- и межландшафтных связей [2]. Оценка природных условий позволяет соотнести выделенные на карте физико-географические единицы с преобладающими видами использования территории. При этом основными критериями развития разных видов ресурсопользования будут являться характеристики ландшафтов, связанные с особенностями орографии и климата, водного режима рек, как объектов промысла рыбы, а также растительного покрова с его важнейшей биостационарной ролью в промысловой фауне и как основы для сбора пищевых и лекарственных растений [3].

В ходе работ, на основе данных ДЗЗ среднего пространственного разрешения со спутника Sentinel-2, опубликованных и картографических материалов была разработана карта современных ландшафтов территории в масштабе 1:200 000. Она послужила пространственной основой для оценки природно-ресурсного потенциала территории. Кроме того, анализ долговременных рядов спутниковой съемки (за 1975–2019 гг.) позволил оценить пространственные масштабы распространения пожаров, выделить территории с различной степенью воздействия и кратностью прохождения лесных и природных пожаров. Всего было обработано 150 снимков со спутника Landsat 5, 7, 8 сенсоров MMS (35), TM (62), ETM (36), ETM+ (17) и 36 снимков со спутника Sentinel-2.

Высокая повторяемость травяных пожаров и чередование лет с малой и высокой горимостью, определили необходимость использования длительного периода наблюдений для определения среднесезонных характеристик природных пожаров. Обработка данных ДЗЗ проводилась методом экспертного дешифрирования в программе ArcGIS 10.5. Для компенсации возможных ошибок дешифрирования из площадей весенних пожаров текущего года удалялись территории, пройденные пожарами осенью предыдущего.

Результаты и обсуждение

В основе выделения ландшафтов ключевого участка — особенности рельефа территории. Это, прежде всего, положение в пределах двух крупных морфоструктур — Среднеамурской межгорной впадины и горной системы Сихотэ-Алинь, сформировавших основные формы рельефа — низменные и возвышенные аккумулятивные равнины, а также складчато-глыбовые низко- и среднегорья. В неоген-четвертичное время складчатое основание было перекрыто выходами вулканических пород, сформировавших обширные базальтовые плато и вулканические горы в долине р. Ануй и Пихца. В целом, на долю аллювиальных и

делювиально-пролювиальных равнинных ландшафтов приходится 28,9% территории, вулканических плато — 25,7%, вулканических гор — 6,3%, складчато-глыбовых низкогорий — 12,5%, а среднегорий — 0,4% территории. Весьма значительна доля пойменных ландшафтов, составляющих 26,2%.

Особенности климата территории связаны с её положением в зоне контакта Тихого океана и Азиатского материка, формирующей муссонную циркуляцию воздушных масс и тип климата территории. По температурным условиям рассматриваемый район расположен в зоне умеренно холодного ультраконтинентального климата [4]. Лето можно охарактеризовать как умеренно тёплое. Зима же, из-за поступления холодных воздушных масс с северными и северо-западными потоками, холодная или очень холодная. Климатические показатели для равнинной части территории являются одними из самых благоприятных в Хабаровском крае. Между тем, в целом он характеризуется как неблагоприятный для проживания человека. Это связано со следующими факторами:

1. Длительный зимний период – зима по климатическим показателям холодная (средняя температура самого холодного месяца — (-17,1...-24° С), продолжается 4,5 месяца, с высокой повторяемостью сильных ветров и метелей (20–30 дней за зиму) [4, с. 90].

2. Неустойчивость погодных условий в весенний и осенний периоды, сопровождающихся резкими амплитудами температур и давления, что негативно влияет на иммунную систему, приводит к заболеваниям органов дыхания, периферийной нервной системы, сердечно-сосудистой системы [5].

3. Высокая относительная влажность воздуха в летний период (80–82% в июле – августе) — в результате сложно переносятся даже относительно невысокие температуры воздуха.

4. Контрастность летнего и зимнего сезонов, связанная с перепадом средних температур самого теплого и самого холодного месяцев от 42,7 до -43,1° С.

По схеме ботанико-географической зональности бассейн р. Анной относится Б. П. Колесниковым [6] к двум зонам; хвойных лесов (южная подзона) и хвойно-широколиственных (смешанных) лесов (северная подзона). По схеме геоботанического районирования — к двум областям: Евразийской хвойно-лесной (Сихотэ-Алинский округ) и Дальневосточной хвойно-широколиственной (Уссурийско-Амурский округ). На территории ключевого участка выделены следующие растительные сообщества: кедрово-широколиственные, занимающие площадь 18,7 % территории, неморальные елово-пихтовые (15,7%), мелколиственно-широколиственные и широколиственные (10,3%), мелколиственные (5,4%), заболоченные лиственничники (0,9%), лесо-лугово-болотные комплексы (15,6%) и пойменные сообщества (26,7%).

Заболоченные лиственничники и лесо-лугово-болотные комплексы распространены на пологонаклонных слабодренлируемых и плоских недренлируемых участках Среднеамурской низменности. Абсолютные высоты изменяются в пределах 30–100 м. Данные ландшафты представляют значимость как клюквенно-голубичные уголья. В центральных частях они труднодоступны для освоения.

Сочетания особых геоморфологических условий и растительных сообществ формируют ландшафтные комплексы территории:

Равнинные ландшафты занимают половину площади ключевого участка, располагаясь на аккумулятивной Среднеамурской равнине. Наибольшее распространение здесь получили лесо-лугово-болотные комплексы.

Ландшафты вулканических плато занимают положение предгорных территорий (150–300 м), расположенных в основном на складчатом фундаменте Сихотэ-Алиня. Эти ландшафты являются в значительной степени измененными: кедрово-широколиственные леса сохранились преимущественно в пределах бассейна р. Пихца, в долине р. Манома наиболее широко распространены мелколиственно-широколиственные растительные формации. Территория хорошо дренируется, климатические условия достаточно благоприятны, в результате коренные растительные формации отличаются значительным биоразнообразием, обилием редких и эндемичных растений. Имеются запасы элеутерококка колючего, аралии высокой, лимонника китайского, винограда амурского.

Низкогорные ландшафты занимают площадь 26,1% территории. Абсолютные высоты изменяются в пределах от 250 до 800 м. На более низких высотах до 400–450 м отмечаются зональные кедрово-широколиственные формации, получившее наиболее широкое распространение на Гионском хребте, а также фрагментарно сохранившиеся в среднем течении Анюя. Здесь представлены виды, свойственные зоне кедрово-широколиственных лесов, имеется ресурсный потенциал пищевых и лекарственных растений, промысловых животных, однако сокращенный в легкодоступных для использования участках (по дорогам в долине р. Манома, на Гионском хребте).

Большая часть площади низкогорий (около 70%) занята темнохвойными елово-пихтовыми неморальными лесами. Именно здесь в бассейне рр. Тормасу и Анюя находятся промысловые участки охотников, по долинам р. Тормасу, Пихца и их притоков имеются пищевые и лекарственные ресурсы растений — представителей зоны кедрово-широколиственных лесов. Мелколиственные леса в пределах низкогорий так же занимают значительную площадь — 18,2%.

Среднегорные ландшафты с пихтово-еловыми и мелколиственными лесами занимают наиболее высокие части водоразделов рек. Они труднодоступны и не имеют промыслового значения.

Пойменные равнинные и горно-долинные ландшафты, широко представленные на исследуемой территории (на площади около 15%), разнообразны по природным условиям, режиму увлажнения, геоморфологическим особенностям поймы. Однако в целом можно выделить пойменные ландшафты, свойственные равнинно-предгорным и горным территориям. На первых представлены ивово-широколиственные формации, в горах — ивово-тополево-чозениевые с долинными еловыми, елово-кедровыми лесами. Пойменные ландшафты отличаются наиболее высоким биоразнообразием [7]. Особенность этих ландшафтов для традиционного освоения связана с тем, что, представляя большую промысловую ценность, они наиболее доступны для использования. Ограничивающим фактором при освоении этих ландшафтов можно назвать наличие нерестилищ на Анюе, Маноме, Пихце, а оз. Гасси — памятник природы — является местом обитания дальневосточной черепахи.

В настоящее время прямое антропогенное влияние минимально и направлено главным образом на освоение охотничьих, рыбных и лесных ресурсов. Практически не востребованы туристические и рекреационные возможности территории. Объемы лесозаготовок по сравнению с прошлыми годами невелики и затрагивают лишь предгорную и среднегорную части. В связи с существенным истощением древесных ресурсов происходит переориентация лесопользования, и приоритетными становятся

другие виды лесопользования, особенно промыслово-охотничьего и рекреационно-туристического направлений.

Отдельно, следует отметить огромные масштабы пирогенного воздействия на лугово-болотные и пойменные комплексы равнинной части территории, так, только за весну 2019 г. пожарами пройдено 1 029,8 из 9 309,2 км² (11 %) площади ключевого участка, из них лесные пожары составляют лишь 9 км² (рис. 2, 3, табл. 1). Сезон весенних травяных палов длится обычно не более 3–4 недель: начинается со времени схода снега и высыхания сухой прошлогодней травы (ветоши) на открытых участках и заканчивается с началом активного роста травянистой растительности.

Анализ масштабов и специфики распространения природных пожаров проводился на основе обработки данных ДЗЗ за период с 1975 по 2019 г. Выявлено, что суммарная площадь пожаров за 45 лет составила более 20 тыс. км² или 217% от площади территории (то есть суммарная площадь пожаров за данный период в 2,17 раза больше чем площадь территории). При этом, на долю лесных пожаров приходится лишь 7,5% (31,7% от площади лесов); луговых и лугово-болотных геосистем равнин и пойм в сумме — 91,8% (404% от площади лугово-болотных комплексов, 674% от площади пойм озёр и 988% от площади поймы р. Амур).

С точки зрения пространственного распределения пожаров в пределах территории прослеживается четкое совпадение повторяемости пожаров и расположения освоенных территорий и объектов инфраструктуры. Важную роль в качестве источников огня играет природопользование местных жителей (охота, рыбалка, заготовка дикоросов). В результате наблюдается высокая повторяемость пожаров вдоль рек и озёр, играющих роль транспортных артерий.

Специфика природопользования местного населения в районе работ связана в значительной степени с использованием недревесных ресурсов леса. В настоящее время, как и в прежние годы, сбор дикоросов широко распространен среди местного населения. Кроме традиционных недревесных ресурсов (грибы, ягоды, орехи, черемша, некоторые лекарственные травы) появились новые объекты промысла, достаточно выгодные в экономическом плане, так как идут на экспорт: плауны, сфагнум, папоротник-орляк.

Таблица 1

**Площади пожаров в границах ключевого участка
«Нижний Анюй» (1975–2019 гг.), км²**

	Всего	в т. ч. различных типов геосистем:					
		леса	луга и болота	пойма р. Амур	поймы малых и средних рек	пойма озёр	с/х земли
Площадь территории, км ²	9 309	4 770	1 448	1 074	1319	90	63
% от общей площади	100	51,2	15,6	11,5	14,2	1,0	0,7
Площадь пожаров	20 169	1 511	5 846	10 611	1 460	606	136
% от площади пожаров	100	7,5	29,0	52,6	7,2	3,0	0,7
% от площади геосистем	216,7	31,7	403,8	988,3	110,7	673,4	216,2

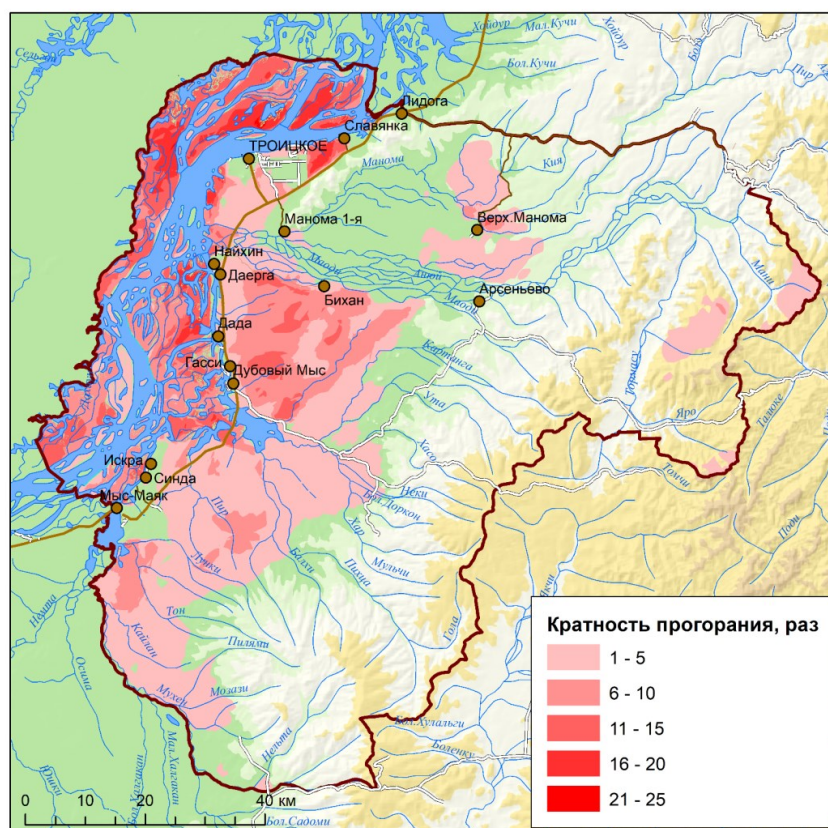

Рис. 2. Кратность прогорания территории ключевого участка «Нижний Аной» (1975–2019 гг.).

Составлено автором

Несмотря на то, что практически вся территория Нанайского района пройдена рубками и существенно пострадала от пожаров, она продолжает оставаться многолесным пространством — лесистость этой территории превышает 80% [8]. Остальная площадь занята преимущественно болотами разных типов, в основном гетеротрофными. Таким образом, речь надо вести в основном о недревесном лесопользовании и частично — болотопользовании.

В Нанайском районе эксплуатационные недревесные запасы составляют: голубики — 40 т, клюквы — 6,75 т, актинидии — 1,2 т, рябины — 4,0 т, калины — 7,7 т, лимонника — 7,5 т, корней элеутерококка — 12,0 т, корней аралии — 8,75 т, папоротника орляка — 112,9 т, грибов — 4,6 т [9]. Кроме заготовок этого сырья, объектами промысла являются черемша, гриб-чага, лист брусники и багульника болотного, березовый сок, березовые почки, лист элеутерококка, молодые побеги крапивы, соцветия леспедеции двуцветной, плоды и луб бархата амурского, мох-сфагнум магелланский, плаун и др. Перечисленное сырье пользуется постоянным и устойчивым спросом, как на внутреннем рынке, так и за рубежом страны.

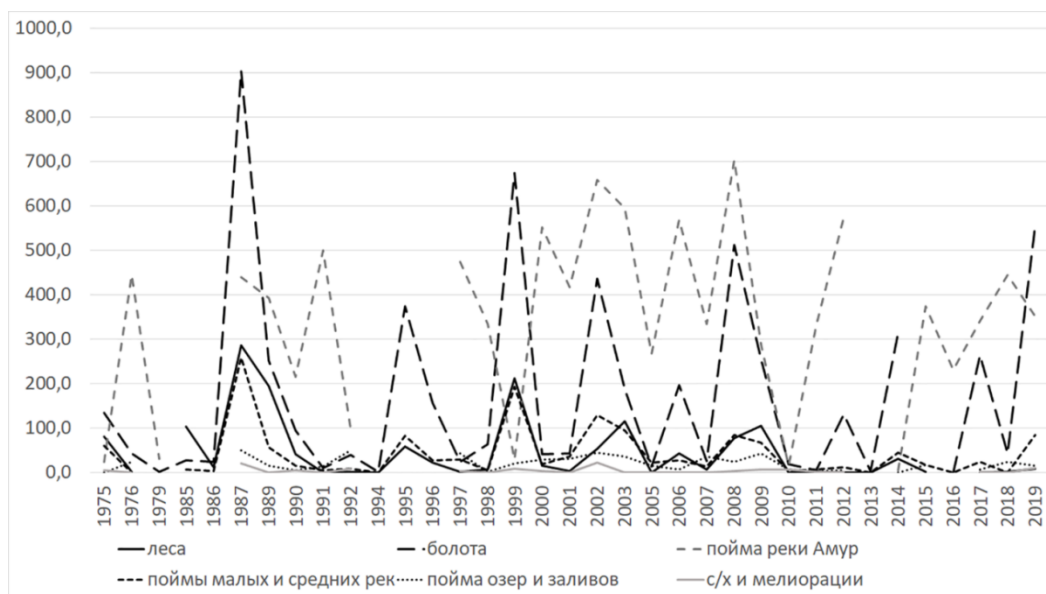

Рис. 3. Площади пожаров в пределах ключевого участка «Нижний Анной» по категориям геосистем, км².

Составлено автором

Биологическая специфика различных видов недревесных ресурсов определяет широкие варианты особенностей их пространственного распределения. Виды с широким диапазоном распространения представлены в большом количестве растительных сообществ, но не формируют зон высокой концентрации (смородина, жимолость) или имеют высокие концентрации лишь в определенных растительных сообществах (лещина, малина, грибы), и наоборот, ряд видов с четко выраженными биотопическими предпочтениями имеют ограниченное распространение, но, зачастую, большие запасы ресурсов (актинидия, лимонник).

Как видно из рис. 4, в среднем цикл луговых пожаров составляет 2–4 года, что связано с накоплением горючего материала в природных ландшафтах (главным образом, ветоши трав).

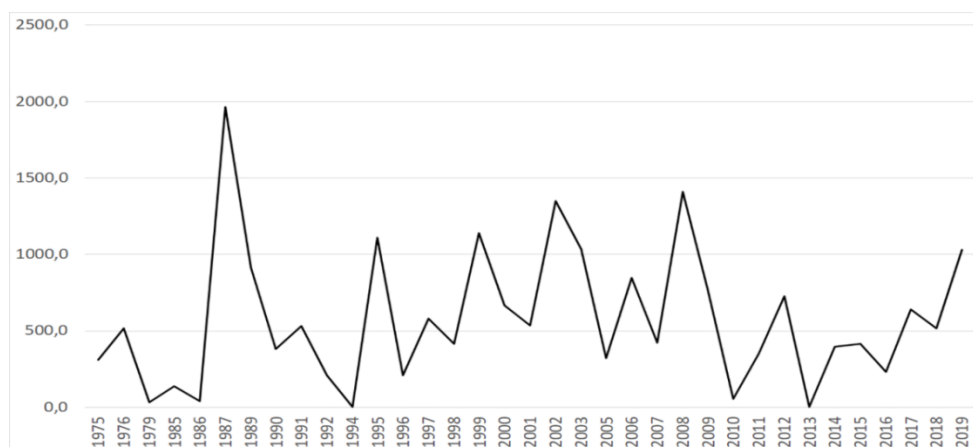

Рис. 4. Площади пожаров в пределах ключевого участка (1975-2019 гг.), км².

Составлено автором

Рассматривая влияние пожаров на современное состояние недревесных ресурсов необходимо отметить, что в связи с низкой горимостью кедрово-широколиственных лесов оно проявляется в основном для равнинных лугово-болотных природных комплексов, имеющих относительно низкий ресурсный потенциал, связанный с ограниченным количеством видов полезных растений (голубика, клюква). Тем не менее, именно эти ресурсы в значительной мере востребованы местным населением. Результаты полевых работ и анализ литературных данных показывает, что под влиянием постоянного пирогенного пресса происходит изменение трофического статуса болотных геосистем и, как следствие, их замещение иными растительными сообществами. Так, на месте мохово-кустарничкового болота с клюквой формируется осоково-кустарничковые сообщества, не имеющие в своём составе видов растений, используемых человеком.

Наряду с лугово-болотными, постоянному воздействию пожаров в весенний период подвергаются равнинные мелколиственные и мелколиственно-широколиственные леса, активно используемые местным населением для сбора черемши, папоротника, грибов. Но, весенние пожары в таких лесах отличаются низкой интенсивностью и проходят в период, когда почва ещё не оттаяла, в результате чего не повреждается корневая система пищевых растений и не наблюдается снижения запасов пищевых ресурсов.

Животный мир территории богат и разнообразен. Фауна наземных позвоночных животных имеет сложный состав и складывается из представителей нескольких фаунистических комплексов: приамурского (маньчжурского), в том числе подкомплекса открытых ценозов Приамурья, охотско-камчатского, восточно-сибирского, встречаются здесь и представители комплекса высокогорий Дальнего Востока и дауро-монгольской фауны. В горной части преобладает фауна темнохвойной тайги (охотско-камчатская). На большей части территории — в равнинной западной части, в предгорьях Сихотэ-Алиня и на низкогорном хр. Гион доминирует приамурская фауна. Здесь обитают почти все представители этого фаунистического комплекса.

Охота — один из основных видов хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, проживающих на данной территории. Охотничьи угодья обладают довольно высокой естественной продуктивностью. Богатейшие по составу растительно-ландшафтных комплексов типы охотничьих угодий располагаются от поймы р. Амур до вершин хребтов. Разнообразие растительных сообществ определяет сравнительно высокую стабильность и обилие кормовых ресурсов, защитно-гнездовых условий, а значительные площади основных типов охотничьих угодий способствуют сохранению воспроизводственных механизмов внутривидовых процессов и сохранению численности охотничьих животных на оптимальном уровне. В угодьях обитает 26 видов непосредственно охотничьих животных, которые рассматриваются как ресурсы охотничьего хозяйства. Богат и разнообразен на весенних и осенних пролетах видовой состав водоплавающей и болотно-полевой дичи, насчитывающей более 50 видов. Основными и наиболее многочисленными видами охотничьих ресурсов являются соболь, белка, колонок, норка, рябчик, изюбр. Эти виды широко распространены и заселяют все пригодные для их обитания угодья в зависимости от сезонности, наличия корма и защитных условий биотопов. Остальные виды охотничьих животных сравнительно малочисленны или редки.

Влияние пирогенного фактора на состояние охотничье-промысловых ресурсов проявляется (кроме непосредственного уничтожения животных) через коренную перестройку и деградацию местообитаний или ухудшение кормовой базы. Так, одним из главных лимитирующих факторов, определяющих численность кабарги и белки, является интенсивное вырубание хвойных лесов и обширные пожары в зоне елово-пихтовой и елово-кедровой тайги, которые привели к значительному сокращению площади таких угодий. Под влиянием пожаров в равнинной части происходит деградация массивов ягодников, являющихся важным нажировочным кормом для медведей, соболя и множества других видов животных, и массивов хвоща зимующего.

Однако в отдельных случаях лесные пожары могут выступать как фактор положительной динамики численности отдельных видов животных. Так одним из самых благоприятных местообитаний для изюбра является станция молодых (5–15 лет) мелколиственных лесов на месте гарей и рубок, так как доступные древесные побеги входят в состав предпочитаемых им кормов.

Выводы

Жизнеобеспечение коренного и местного населения таёжной зоны Дальнего Востока тесно связано с использованием природно-ресурсного потенциала вмещающих ландшафтов. Одновременно, оно же является основным фактором, определяющим высокую пирогенную нагрузку на природную среду территории.

Анализ масштабов и специфики распространения природных пожаров в пределах исследуемой территории за 1975–2019 гг. показал, что суммарная площадь пожаров составила более 20 тыс. км² или 217% от площади территории, при этом, на долю лесных пожаров приходится лишь 7,5% (31,7% от площади лесов), тогда как для луговых и лугово-болотных геосистем равнин и пойм в сумме она достигает 91,8% (404% от площади лугово-болотных комплексов, 674% от площади пойм озёр и 988% от площади поймы р. Амур). Важную роль в качестве источников огня играет природопользование местных жителей (охота, рыбалка, заготовка дикоросов).

Результаты работ показывают, что наиболее значительные последствия пирогенного воздействия проявляются для равнинных лугово-болотных природных комплексов, имеющих относительно низкий ресурсный потенциал, но в значительной мере востребованный местным населением. Постоянному воздействию пожаров в весенний период так же подвергаются равнинные мелколиственные и мелколиственно-широколиственные леса, активно используемые местным населением для сбора черемши, папоротника, грибов.

Влияние пирогенного фактора на состояние охотничье-промысловых ресурсов проявляется через коренную перестройку и деградацию местообитаний или ухудшение кормовой базы.

Работа выполнена при поддержке научного проекта Российского Фонда Фундаментальных Исследований № 19-55-80022 «Влияние урбанизации и наводнений на химическое загрязнение крупных речных бассейнов (на примере Амура)» и исследовательского проекта CIFOR (ПС от 19.03.2019).

Литература

1. Медведков А. А. Трансформация «кормящих ландшафтов» и традиционной культуры аборигенных народов Сибири в условиях изменения климата // ИнтерКарто/ИнтерГИС. 2016. Т. 22. № 1. С. 69–70.
2. Хорошев А. В. Полимасштабная организация географического ландшафта. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 416 с.
3. Рагулина М. В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 163 с.
4. Петров Е. С., Новороцкий П. В., Леншин В. Т. Климат Хабаровского края и Еврейской автономной области. Владивосток–Хабаровск: Дальнаука, 2000. 174 с.
5. Медико-географические аспекты изучения здоровья населения Дальнего Востока: Сб. науч. тр. / АН СССР, Дальневост. отд-ние, Тихоокеан. ин-т географии, Владивост. гос. мед. ин-т Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. 188 с.
6. Колесников, Б.П. Очерк растительности Дальнего Востока. Хабаровск: Кн. изд-во, 1955. 104 с.
7. Шлотгауэр С. Д. Специфика биоразнообразия растительного покрова Гассинского модельного леса и анализ его состояния // Модельный лес «Гассинский». Проблемы организации многоцелевого использования. Хабаровск: Риотип, 1999. С. 21–31.
8. Крюков В. Г., Фролов Н. М., Петренко В. В., Нечаева В. З. Правовые основы природопользования. Хабаровск: Администрация Хабаровского края, Приамурское географическое общество, 1999. 155 с.
9. Фролов Н. М., Балаганский Н. М., Болтрушко В. М., Коровин А. И., Крюков В. Г., Поминов В. Ф., Троян В. Б. Природопользование: Природные ресурсы и природопользование в Российской Федерации и в Хабаровском крае. // Учеб. пособ. для вузов. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2000. 576 с.

A. V. Ostroukhov¹,
A. V. Ostroukhov²,
V. A. Kuptsova³

The use of natural resources by the local population and the pyrogen effect on the host landscapes of the Middle Amur lowland

^{1,2,3}Institute of Water and Environmental Problems FEB RAS,
Khabarovsk, Russian Federation
e-mail: Ostran2004@bk.ru¹, kliminaem@bk.ru²,
telma33@mail.ru³

Abstract. *This study examines the relationship between the use of natural resources by the local population of the Russian Far East taiga zone and the pyrogenic transformation of the host landscapes. Authors reveal the significant role of fires caused by traditional nature management in changing the landscapes of the territory and their natural resource potential.*

Keywords: *livelihoods of the population, environmental situation, nature management, landscape fires.*

References

1. Medvedkov A. A. Transformaciya "kormyashhix landshaftov" i tradicionnoj kul'tury` aborigenny`x narodov Sibiri v usloviyax izmeneniya klimata. InterKarto/InterGIS. 2016. Vol. 22. no. 1. pp. 69–70. (in Russian).
2. Horoshev A. V. Polimasshtabnaya organizaciya geograficheskogo landshafta. M.: Tovarishestvo nauchnyh izdanij KMK, 2016. 416 p. (in Russian).
3. Ragulina M. V. Korennye etnosy sibirskoj tajgi: motivaciya i struktura prirodopol'zovaniya (na primere tofalarov i evenkov Irkutskoj oblasti). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2000. 163 p. (in Russian).
4. Petrov E. S., Novorockij P. V., Lenshin V. T. Klimat Habarovskogo kraja i Evrejskoj avtonomnoj oblasti. Vladivostok–Habarovsk: Dal'nauka, 2000. 174 p. (in Russian).
5. Mediko-geograficheskie aspekty izucheniya zdorov'ya naseleniya Dal'nego Vostoka: Sb. nauch. tr. AN SSSR, Dal'nevost. otd-nie, Tihookean. in-t geografii, Vladivost. gos. med. in-t Vladivostok: DVO AN SSSR, 1987. 188 p. (in Russian).
6. Kolesnikov B. P. Oчерk rastitel'nosti Dal'nego Vostoka. Habarovsk: Kn. izd-vo, 1955. 104 p. (in Russian).
7. Shlotgauer S. D. Specifika bioraznoobraziya rastitel'nogo pokrova Gassinskogo model'nogo lesa i analiz ego sostoyaniya. Model'nyj les "Gassinskij". Problemy organizacii mnogocelevogo ispol'zovaniya. Habarovsk: Riotip, 1999. pp. 21–31. (in Russian).
8. Kryukov V. G., Frolov N. M., Petrenko V. V., Nechaeva V. . Pravovye osnovy prirodopol'zovaniya. Habarovsk: Administraciya Habarovskogo kraja, Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo, 1999. 155 p. (in Russian).
9. Frolov N. M., Balaganskij N. M., Boltrushko V. M., Korovin A. I., Kryukov V. G., Pominov V. F., Troyan V. B. Prirodopol'zovanie: Prirodnye resursy i prirodopol'zovanie v Rossijskoj Federacii i v Habarovskom krae: Ucheb. posob. dlya vuzov. Habarovsk: Habarovskaya kraevaya tipografija, 2000. 576 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 12.05.2021 г

УДК 911.3:314.4

А. Р. Погорелов

Некоторые особенности заболеваемости населения арктических районов Республики Саха (Якутия)

ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» ДВО РАН,
г. Владивосток, Российская Федерация
e-mail: pogorelov_ar@mail.ru

Аннотация. *Представлены результаты оценки заболеваемости населения сельских арктических районов Республики Саха (Якутия). Ситуация по заболеваемости населения охарактеризована за многолетний период 2000–2018 гг. Выявлено, что для подавляющей части арктических районов рассмотренного региона типичны негативная динамика и высокие уровни заболеваемости. В целом на общереспубликанском и общероссийском фоне Арктическая зона Республики Саха (Якутия) отличается весьма напряженной заболеваемостью всего населения.*

Ключевые слова: *медико-демографическая ситуация, заболеваемость, общественное здоровье, Арктическая зона, Крайний Север, Российская Арктика, Республика Саха, Якутия.*

Введение

Арктический макрорегион приобретает все большее значение в повестке социально-экономического и пространственного развития России, что обусловлено стратегической и национальной значимостью его территорий. Отмечается, что дальнейшее развитие Арктической зоны России, в том числе ее восточных территорий, требует особых форм расселения [1], а также проведения новой демографической и миграционной политики [12]. Укрепление здесь демографического потенциала невозможно без повышения уровня общественного здоровья местного населения и улучшения условий медико-социальной среды.

Проблемам общественного здоровья населения и, в частности, заболеваемости населения Республики Саха (Якутия) посвящено множество работ. Среди них следует выделить работы Г. А. Гнатюк с соавторами [5; 11], Л. Ф. Тимофеева с соавторами [7; 14; 15] Т. Е. Бурцевой с соавторами [2, 3, 6], Т. М. Климовой, А. А. Кузьмина и И. Ш. Малогуловой [8] и др. Большой вклад в комплексное изучение здоровья населения внесла серия региональных тематических медико-географических атласов [9; 10; 13]. В то же время эта проблема остается достаточно актуальной, а разноплановые, в особенности территориальные, аспекты общественного здоровья населения арктических районов Республики Саха (Якутия) до сих пор недостаточно изучены и разработаны, что определяет актуальность проводимой нами работы.

Цель нашего исследования состояла в оценке территориальных различий многолетней общей заболеваемости населения арктических районов Республики Саха (Якутия).

Материалы и методы

Территориальный охват исследования составил 13 районов (улусов) Арктической зоны Республики Саха (Якутия) согласно Указу Президента РФ от 13.05.2019 № 220 [16], а именно Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский. Основную часть проживающего населения во всех перечисленных районах составляют представители коренных народов Севера (якуты, эвенки, эвены и др.). Общий временной охват данных составил период с 2000 по 2018 г. В информационную базу положены официальные медико-статистические данные, предоставленные Якутским республиканским медицинским информационно-аналитическим центром.

Представленная в работе оценка заболеваемости населения арктических районов Республики Саха (Якутия) построена на методике, изложенной в работе Т. В. Ватлиной [4], суть которой заключается в пространственно-временном анализе дифференциации заболеваемости населения за некоторый временной период. В нашем случае отдельно взят период 2000–2018 гг. Далее за каждый год выделялись две группы районов с заболеваемостью ниже среднего показателя по региону (отсутствие признака — 0) и выше среднего по региону (наличие признака — 1). В дальнейшем для каждого района установленные значения суммировались по всем годам. В итоге проведено ранжирование арктических районов Республики Саха (Якутия) по уровню заболеваемости населения.

Результаты и обсуждение

С 2000 по 2018 г. заболеваемость населения Арктической зоны Республики Саха (Якутия) увеличилась на 33,4% (в целом по Республике — на 23,8%, в РФ — на 6,6%) (рис. 1). При этом достаточно острая ситуация в динамике заболеваемости наблюдалась в Усть-Янском, Среднеколымском, Нижнеколымском, Аллаиховском и Эвено-Бытантайском районах. В этих районах заболеваемость в период 2000–2018 гг. возросла от 40 до 60%. В Нижнеколымском районе отмечено наибольшее значение заболеваемости населения (1 541,5%). Относительно благополучной ситуацией характеризуются Верхнеколымский и Верхоянский районы, в которых динамика заболеваемости в период 2000–2018 гг. показала позитивный тренд на уменьшение (17,1 и 21,4% соответственно). В целом заболеваемость населения арктической зоны Якутии выше общереспубликанского значения заболеваемости на 9,4%, общероссийского — на 30,2%.

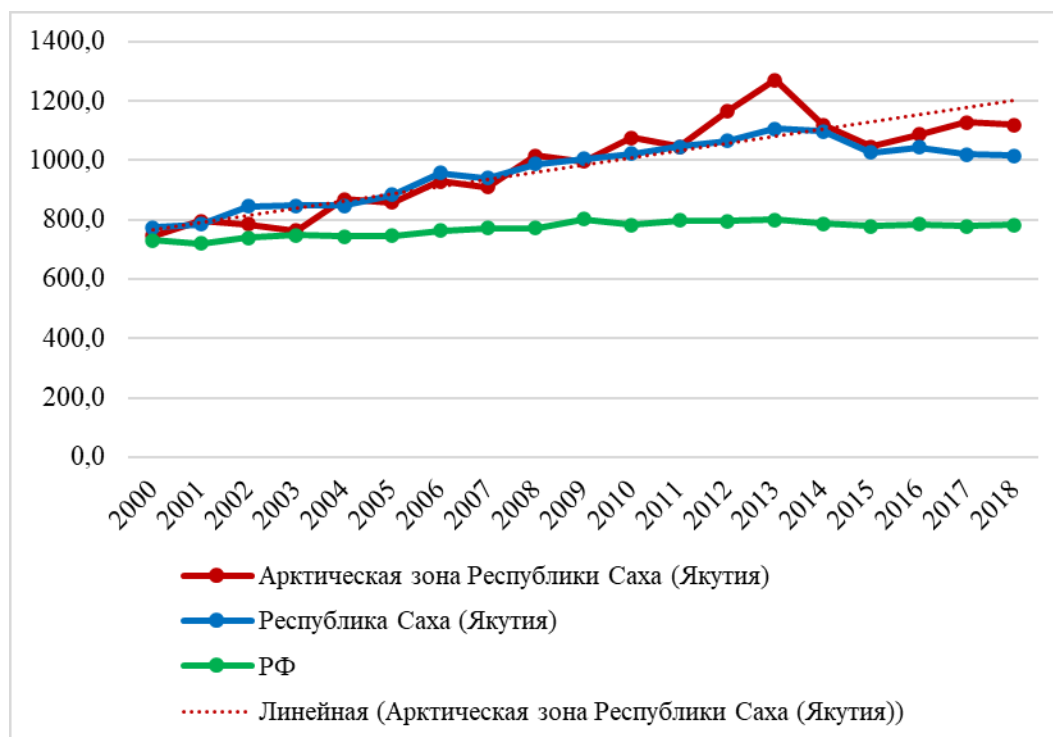

Рис. 1. Динамика заболеваемости населения Арктической зоны Республики Саха (Якутия) в сравнении с общереспубликанским и общероссийским показателями в 2000–2018 гг. (всего случаев на 1 000 чел. населения).

К 2018 г. в структуре первичной заболеваемости населения Республики Саха (Якутия) преобладает основной класс болезней органов дыхания (53,4%). С 2000 по 2018 г. заболеваемость населения болезнями органов дыхания в Республике Саха (Якутия) увеличилась на 40,3% (рис. 2). Заболеваемость по этому классу на 36,9% выше, чем в среднем по РФ. Далее следуют травмы, отравления и другие внешние причины (11,1%), осложнения беременности, родов и послеродового периода (5,8%), болезни органов пищеварения (5,5%), кожи и подкожной клетчатки (4,9%). В целом структура республиканской заболеваемости типична для арктических районов субъекта и не претерпела существенных изменений (к началу 2000 г.), но отмечается значительное улучшение ситуации по заболеваемости населения инфекционными и паразитарными заболеваниями, ухудшение по болезням органов пищеварения.

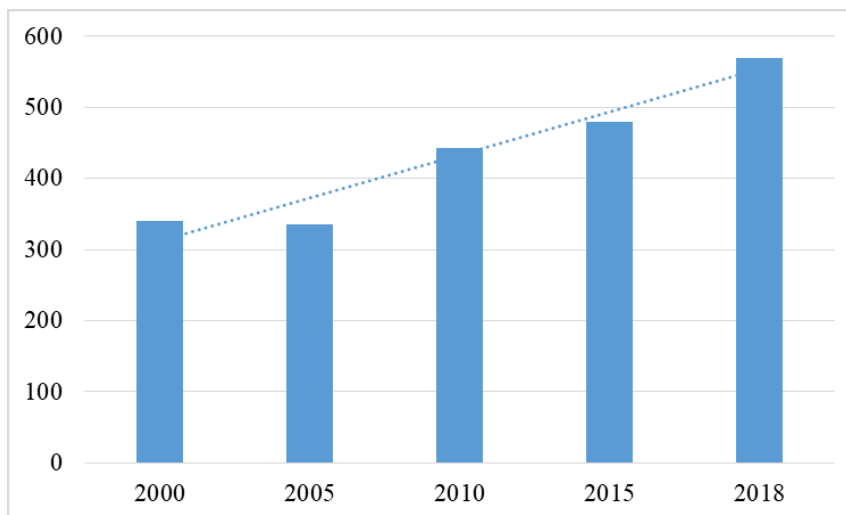

Рис 2. Динамика заболеваемости населения Республики Саха (Якутия) по классу болезней органов дыхания в 2000–2018 гг., (всего случаев на 1 000 чел. населения).

В результате расчетов, выполненных по ранее описанной методике, все арктические районы Республики Саха (Якутия) распределены на четыре группы по уровню заболеваемости населения: ниже среднего; средний; высокий; очень высокий. Полученные данные нашли картографическое отображение (рис. 3), что позволило показать некоторые особенности территориальной дифференциации многолетней заболеваемости местного населения Арктической зоны Якутии.

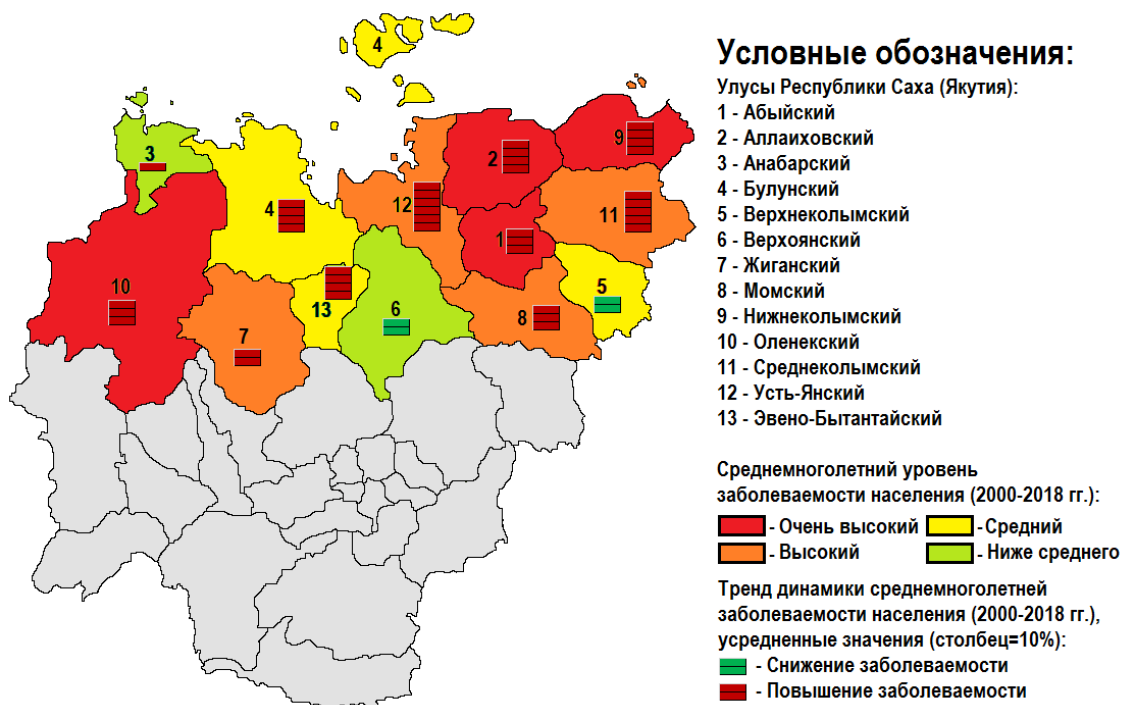

Рис. 3. Территориальная дифференциация многолетней заболеваемости населения арктических районов Республики Саха (Якутия) в 2000–2018 гг.

Уровень заболеваемости ниже среднего отмечен в Верхоянском и Анабарском районах, средняя многолетняя заболеваемость в которых составила 518,7 и 744,6‰ соответственно. При этом Верхоянский район отличается относительно благополучной ситуацией по заболеваемости населения в Арктической зоне Республики Саха (Якутия). В этом районе отмечается наименьший уровень заболеваемости и наблюдается позитивная динамика, показавшая снижение заболеваемости в период 2000–2018 гг. на 21,4%.

Средний уровень заболеваемости зафиксирован в Эвено-Бытантайском, Булунском и Верхнеколымском районах. Средняя многолетняя заболеваемость в этой группе районов составила 825,3‰. В Верхнеколымском районе средняя многолетняя заболеваемость отмечается выше общереспубликанского значения (920,8‰), обусловив тем самым переходное положение данной территории к следующей группе районов с высоким уровнем заболеваемости.

Для большинства арктических районов Республики Саха (Якутия) типичны высокий и очень высокий уровни заболеваемости населения. Высокий уровень заболеваемости отмечен в Усть-Янском, Жиганском, Среднеколымском и Момском районах. В этой группе средняя многолетняя заболеваемость составила 990,3‰. Крайне напряженная ситуация сложилась в Нижнеколымском, Абыйском, Оленекском и Аллаиховском районах, в которых установлен очень высокий уровень заболеваемости населения. Средняя многолетняя заболеваемость в этих районах составила 1 087,5‰, что на 33,1% выше общероссийского показателя.

Наблюдаются некоторые территориальные различия в уровне заболеваемости населения арктических районов Республики Саха (Якутия). Например, достаточно напряженная ситуация типична для северо-восточных районов Якутии. Одним из таких районов является Аллаиховский, в котором отмечен максимальный уровень заболеваемости (средний многолетний показатель — 1 165,5‰). Относительно удовлетворительная ситуация характерна для центральных районов Арктической зоны Республики Саха (Якутия), среди которых Верхоянский район с минимальным уровнем заболеваемости и довольно благополучной динамикой.

В целом практически для всех арктических районов республики типичен общий тренд, показавший существенный рост заболеваемости. Как правило, подобные медико-демографические особенности недостаточны освоенных территорий обусловлены множеством факторов внешней среды, решающая роль из которых принадлежит не только природно-климатическим, но и медико-социальным условиям. В связи с этим отмечается необходимость дальнейшего развития медико-социальной среды и повышения качества медицинской помощи местному населению Арктической зоны Республики Саха (Якутия) [17].

Заключение

Таким образом, в районах Арктической зоны Республики Саха (Якутия) наблюдаются определенные внутрирегиональные различия в уровне многолетней заболеваемости населения. Подтверждено, что менее напряженная ситуация сложилась в Верхоянском и Анабарском районах. Наиболее напряженная ситуация сформировалась в Нижнеколымском, Абыйском, Оленекском и Аллаиховском районах. Несмотря на то, что все арктические районы рассмотрены

в общем территориальном контексте Республики Саха (Якутия), особое внимание следует обратить на группу районов с очень высоким уровнем заболеваемости. Это обуславливает необходимость проведения исследований, направленных на проведение в данных районах более углубленного пространственно-временного анализа популяционного здоровья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-05-60103.

Литература

1. Бакланов П. Я., Мошков А. В., Романов М. Т. Географические и геополитические факторы и направления долгосрочного развития Арктической зоны России // Вестник ДВО РАН. 2015. № 2. С. 5–15.
2. Бурцева Т. Е., Григорьева А. Н., Чичахов Д. А., Евсеева С. А. Динамика основных показателей состояния здоровья детского населения Республики Саха (Якутия) // Якутский медицинский журнал. 2016. №4. С. 5–7.
3. Бурцева Т. Е., Дуглас Н. И., Слепцова С. С., Гоголев Н. М., Павлова Т. Ю., Борисова Е. А., Бульший И. С., Слободчикова М. П. Основные индикаторы эффективности государственных программ охраны материнства и детства в Арктической зоне Республики Саха (Якутия) // Якутский медицинский журнал. 2020. № 1. С. 77–80.
4. Ватлина Т. В. Влияние природных и антропогенных факторов на здоровье населения Смоленской области: дис. ... канд. геогр. наук. М., 2012. 164 с.
5. Гнатюк Г. А., Пономарева Г. А. Территориальные особенности здоровья населения РС (Я) // Вестник Якутского государственного университета. 2005. № 2. С. 81–86.
6. Евсеева С. А., Саввина М. С., Бурцева Т. Е., Часнык В. Г. Динамика заболеваемости детского населения РС (Я) за 1995–2015 гг. // Якутский медицинский журнал. 2018. № 3. С. 9–10.
7. Иванова А. А., Тимофеев Л. Ф., Потапов А. Ф., Апросимов Л. А. Медико–демографическая ситуация в арктических районах Республики Саха (Якутия) // Бюллетень Национального научно–исследовательского института общественного здоровья. 2012. № 4. С. 57–60.
8. Климова Т. М., Кузьмина А. А., Малогулова И. Ш. Региональные аспекты смертности населения Республики Саха (Якутия) // Экология человека. 2019. № 4. С. 31–38.
9. Кривошапкин В. Г., Тимофеев Л. Ф., Лазебник О. А. Здоровье населения и здравоохранение Республики Саха (Якутия) на рубеже веков: медико–географический атлас. Якутск, 2005.
10. Лазебник О. А., Иванов П. М., Тихонов Д. Г. География заболеваемости населения Республики Саха (Якутия) злокачественными новообразованиями. Новосибирск: СО РАН, 2004. 159 с.
11. Самсонова А. Н., Гнатюк Г. А. Медико–демографическая ситуация и заболеваемость населения Республики Саха (Якутия) // Московский экономический журнал. 2019. № 1. С. 60.

12. Сукнева С. А. Арктическая зона Северо–Востока России: проблемы демографического развития // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 25. С. 13–16.
13. Тимофеев Л. Ф., Кривошапкин В. Г., Лазебник О. А. Охрана здоровья населения в Республике Саха (Якутия): медико–географический атлас. Якутск, 2012.
14. Тимофеев Л. Ф., Петрова П. Г., Борисова Н. В., Туркебаева Л. К. М., Тимофеев А. Л. Заболеваемость населения в Центральной экономической зоне Республики Саха (Якутия) // Якутский медицинский журнал. 2019. № 1. С. 58–60.
15. Тимофеев Л. Ф., Саввина Н. В., Тимофеев А. Л. Медико–демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо–Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. 2017. № 4. С. 109–116.
16. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 220 // Правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/72240880>
17. Шведов В. Г., Ткаченко Г. Г., Ушаков Е. А., Чурзина А. А. Анализ основных показателей состояния социальной среды Республики Саха (Якутия) // Успехи современного естествознания. 2021. № 3. С. 92–101.

A. R. Pogorelov

Some features of morbidity in the Arctic districts of the Republic of Sakha (Yakutia)

Pacific Geographical Institute, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation
e-mail: pogorelov_ar@mail.ru

Abstract. *The topicality of the study of some territorial aspects of the population disease rate is determined by social importance of public health and human epidemiological protecting. The Arctic regions are characterized by unfavorable natural and medical and social conditions. Therefore, the issue of studying changes in population health and adaptation of the population in the arctic territories is relevant.*

The results of assessing the incidence of the population of the rural Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia) are presented. The purpose of this study lies in territorial assessment of some features of morbidity in the Arctic districts of the Republic of Sakha (Yakutia) by administrative districts (uluses).

The situation with regard to the morbidity of the population is characterized for the long-term period 2000–2018. Values were established for the population general morbidity for all administrative districts (uluses) of the Republic of Sakha (Yakutia). The final rating is compiled for the studied administrative districts (uluses) of the Republic of Sakha (Yakutia). This rating included four territorial groups on disease incidence rate (very high, high, medium, low).

The first territorial group (low incidence) includes Verkhoyansk and Anabar districts (uluses). The second territorial group (medium incidence) includes Eveno-Bytantaysky, Bulunsky and Verkhnekolymsky districts (uluses). The third territorial group (high incidence) includes Ust-Yansky, Zhigansky, Srednekolymsky and Momsky districts (uluses). The fourth territorial group (very high incidence) includes Nizhnekolymsky,

Abyisky, Oleneksky and Allaikhovskiy districts. The lowest long-term incidence rate is registered in Verkhnekolymsky district (ulus).

In all administrative districts (uluses) of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia), there is a negative trend in morbidity. The only exceptions are two districts (uluses), namely the Verkhnekolymsky and Verkhoyansk districts (uluses). A decrease in the incidence rate has been recorded in these districts. The maximum increase in the incidence was recorded in Ust-Yansky and Srednekolymsky districts (uluses).

Thus, it was revealed that negative dynamics and high levels of morbidity are typical for the overwhelming part of the Arctic regions of the considered region. In general, against the all-republican and all-Russian background, the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) is distinguished by a very intense morbidity of the entire population.

We also found a negative regional situation in the population disease rate by diseases of the respiratory system. Respiratory diseases prevail in the structure of regional morbidity (53.4% of all diseases). Regional respiratory morbidity in 2000–2018 increased by 40.3%. It is necessary to conduct long-term monitoring of respiratory diseases in the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia).

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-05-60103.

Keywords: *medical and demographic situation, morbidity, public health, Arctic zone, Far East of Russia, Russian Arctic, Republic of Sakha, Yakutia.*

References

1. Baklanov P. Ja., Moshkov A. V., Romanov M. T. Geograficheskie i geopoliticheskie faktory i napravleniya dolgosrochnogo razvitiya Arkticheskoy zony Rossii. Vestnik DVO RAN. 2015. no. 2. pp. 5–15. (in Russian).
2. Burceva T. E., Grigor'eva A. N., Chichahov D. A., Evseeva S. A. Dinamika osnovnykh pokazatelej sostojanija zdorov'ja detskogo naselenija Respubliki Saha (Jakutija). Jakutskij medicinskij zhurnal. 2016. no. 4. pp. 5–7. (in Russian).
3. Burceva T. E., Duglas N. I., Slepčova S. S., Gogolev N. M., Pavlova T. Ju., Borisova E. A., Bul'shij I. S., Slobodchikova M. P. Osnovnye indikatory jeffektivnosti gosudarstvennykh programm ohrany materinstva i detstva v Arkticheskoy zone Respubliki Saha (Jakutija). Jakutskij medicinskij zhurnal. 2020. no. 1. pp. 77–80. (in Russian).
4. Vatlina T. V. Vlijanie prirodnyh i antropogennyh faktorov na zdorov'e naselenija Smolenskoj oblasti: dis. ... kand. geogr. nauk. M., 2012. 164 p. (in Russian).
5. Gnatjuk G. A., Ponomareva G. A. Territorial'nye osobennosti zdorov'ja naselenija RS (Ja). Vestnik Jakutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. no. 2. pp. 81–86.
6. Evseeva S. A., Savvina M. S., Burceva T. E., Chasnyk V. G. Dinamika zaboлеваemosti detskogo naselenija RS (Ja) za 1995–2015. Jakutskij medicinskij zhurnal. 2018. no. 3. pp. 9–10. (in Russian).
7. Ivanova A. A., Timofeev L. F., Potapov A. F., Aprosimov L. A. Mediko-demograficheskaja situacija v arkticheskikh rajonah Respubliki Saha (Jakutija). Bjulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshhestvennogo zdorov'ja. 2012. no. 4. pp. 57–60. (in Russian).
8. Klimova T. M., Kuz'mina A. A., Malogulova I. Sh. Regional'nye aspekty smertnosti naselenija Respubliki Saha (Jakutija). Jekologija cheloveka. 2019. no. 4. pp. 31–38. (in Russian).

9. Krivoshapkin V. G., Timofeev L. F., Lazebnik O. A. Zdorov'e naselenija i zdavooohranenie Respubliki Saha (Jakutija) na rubezhe vekov: mediko–geograficheskij atlas. Jakutsk, 2005. (in Russian).
10. Lazebnik O. A., Ivanov P. M., Tihonov D. G. Geografija zaboлеваemosti naselenija Respubliki Saha (Jakutija) zlokachestvennymi novoobrazovanijami. Novosibirsk: SO RAN, 2004. 159 p. (in Russian).
11. Samsonova A. N., Gnatjuk G. A. Mediko–demograficheskaja situacija i zaboлеваemost' naselenija Respubliki Saha (Jakutija). Moskovskij jekonomicheskij zhurnal. 2019. no. 1. pp. 60. (in Russian).
12. Sukneva S. A. Arkticheskaja zona Severo–Vostoka Rossii: problemy demograficheskogo razvitija. Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2013. no. 25. pp. 13–16. (in Russian).
13. Timofeev L. F., Krivoshapkin V. G., Lazebnik O. A. Ohrana zdorov'ja naselenija v Respublike Saha (Jakutija): mediko–geograficheskij atlas. Jakutsk, 2012. (in Russian).
14. Timofeev L. F., Petrova P. G., Borisova N. V., Turkebaeva L. K. M., Timofeev A. L. Zaboлеваemost' naselenija v Central'noj jekonomicheskoj zone Respubliki Saha (Jakutija). Jakutskij medicinskij zhurnal. 2019. no. 1. pp. 58–60. (in Russian).
15. Timofeev L. F., Savvina N. V., Timofeev A. L. Mediko–demograficheskaja situacija v Respublike Saha (Jakutija). Vestnik Severo–Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Serija: Medicinskie nauki. 2017. no. 4. pp. 109–116. (in Russian).
16. Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2019 g. no. 220. Pravovoj portal “Garant”. [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/72240880>. (in Russian).
17. Shvedov V. G., Tkachenko G. G., Ushakov E. A., Churzina A. A. Analiz osnovnyh pokazatelej sostojanija social'noj sredy Respubliki Saha (Jakutija). Uspehi sovremennogo estestvoznanija. 2021. no. 3. pp. 92–101. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2021 г.

УДК 911.9

М. Р. Сафиуллин

Проблемы трансформации лесного хозяйства в сельских территориях Башкирии

ФГБУН «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация
e-mail: Marek1987@yandex.ru

Аннотация. Изучение современного состояния и проблем трансформации развития сельских территорий является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день проблем географической науки. Современная ситуация с трудовым отходничеством в большинстве сельских территорий Башкирии определяется кризисом в сельском и лесном хозяйстве, высокой безработицей и бедностью населения. Дана оценка состояния лесного хозяйства в разрезе лесничеств по сельским территориям Башкирии на основе анализа следующих показателей: лесистость сельских территорий (%); запасы лесного фонда (млн м³); структура запасов лесного фонда (млн м³, %); география лесных пожаров; площади лесных земель, пораженных пожарами (га); динамика численности населения сельских территорий (тыс. человек). Определены недостатки территориальной организации лесного хозяйства Башкирии (низкий уровень территориального использования расчетной лесосеки, отсутствие достоверной базы данных о запасах лесных ресурсов, отсутствие зонирования территории лесного фонда Башкирии по интенсивности ведения лесного хозяйства, низкая экономическая эффективность ведения лесного хозяйства, кадровый кризис). Запасы хвойных пород древесины сконцентрированы в горно-лесной зоне южно-уральской части Башкирии. На остальной территории основная часть запасов древесины приходится на мягколиственные лесобразующие породы древесины. Острой проблемой в развитии лесного хозяйства республики являются лесные пожары. За период с 2015 по 2020 год количество пожаров выросло на 3,8 раза, а площади лесных земель, поврежденных пожарами, увеличились в 4,5 раза. Лесное хозяйство Башкирии имеет большой потенциал поглощения углеродных выбросов парниковых газов нефтеперерабатывающих, нефтехимических, химических, горнодобывающих предприятий, сконцентрированных в Уфимской и Южно-Башкортостанской агломерациях и в Башкирском Зауралье, за счет повышения эффективности лесного хозяйства сельских территорий путем создания карбоновых фабрик и ферм. Результаты данного исследования могут быть использованы в прогнозировании развития лесного хозяйства сельских территорий Башкирии с учетом формирования карбоновой экономики. Работа иллюстрирована картографическими материалами и таблицами.

Ключевые слова: лесное хозяйство, сельские территории, запасы лесного фонда, карбоновая экономика, Башкирия.

Введение

В стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации — 2 030 особо выделено раздельное рассмотрение двух взаимосвязанных видов хозяйственной деятельности — лесное хозяйство и лесная промышленность. Лесное хозяйство определено как вид «...экономической деятельности, в рамках которого осуществляется система мероприятий, направленных на воспроизводство лесов, охрану их от пожаров и защиту от вредных организмов и иных негативных факторов, регулирование использования лесов и учет лесных ресурсов, в целях удовлетворения потребностей экономики в древесине и другой лесной продукции при сохранении экологических и социальных функций леса» [1, с. 3]. Такое разделение важно с позиций рассмотрения социо-эколого-экономической трансформации пространства городских и сельских территорий. Лесное и сельское хозяйство являются базовыми видами хозяйственной деятельности для сельских территорий регионов страны.

Изучение современного состояния и проблем трансформации развития сельских территорий является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день проблем российского и зарубежного общества. Сельские территории продолжают играть огромную роль в жизни общества, однако постоянно меняющиеся условия социально-экономической трансформации остро обозначили перед регионами России проблему социально-экономического и экологического развития сельских территорий. Реформирование сельских территорий в стране повлияло на многие аспекты жизни сельского населения: экономические (ликвидации колхозов и совхозов, приватизация сельскохозяйственных земель, закрытие филиалов промышленных предприятий), социальные (массовая безработица, отходничество, низкие среднедушевые доходы, пьянство, проблемы здравоохранения, социальной поддержки, ликвидация сельских поселений), демографические (падение рождаемости, рост смертности, миграционный отток молодежи, старение сельского населения, рост заболеваемости) [2]. Для Башкирии, как и для большинства других регионов России, характерны значительные преобразования в социально-экономической сфере сельских территорий, вызванные переходным периодом.

Географические исследования сельских территорий подтверждают, что сельское расселение на рыночном этапе трансформируется под воздействием большого числа слабосвязанных факторов, среди которых все большее значение приобретают факторы социально-трудовые. Устойчивое социально-экономическое развитие сельских муниципальных образований, решение социальных проблем сельского населения является условием сохранения сельских территорий и поселений. Актуальность темы исследования обусловлена поиском направлений вывода сельских территорий Башкирии из застойного перманентного кризиса за счет привязки трансформации лесного хозяйства к формирующейся карбоновой экономике.

Материал и методы

В качестве информационной базы были использованы статистические, картографические материалы по лесному хозяйству сельских территорий Башкирии в разрезе муниципальных образований и лесничеств за 2015–2020 годы, научные

публикации отечественных авторов по данной теме [3;4;5]. В качестве показателей для анализа и оценки состояния лесного хозяйства по сельским территориям Башкирии использованы следующие показатели:

- лесистость сельских территорий (%);
- запасы лесного фонда (млн м³);
- структура запасов лесного фонда (млн м³, %);
- площади лесных земель, пораженных пожарами (га);
- динамика численности населения сельских территорий (тыс. человек).

Методика исследования основана на комплексном использовании картографического, территориального, статистического и аналитического методов.

Результаты и обсуждение

Земли лесного фонда составляют 44% территории Башкортостана (6,3 млн га) и являются важным стабилизирующим природным комплексом региона. Башкирия отличается низким уровнем урбанизации и большой долей сельского населения в общей численности населения. Доля сельского населения республики составляет 37,5% на 1 января 2020 года или 1 млн 517 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1
Динамика численности сельского населения Республики Башкортостан*

Субъекты	Численность сельского населения, тыс. человек		
	2010	2019	Изменение численности населения за 2010–2019 гг.
РФ, млн человек	37,4	37,1	-0,3
Приволжский ФО, млн человек	8,7	8,1	-0,6
Республика Башкортостан	1 604	1 517	-87

*Составлена автором по: [6, с. 43–44].

Современная ситуация с трудовым отходничеством в большинстве сельских территорий Башкирии определяется кризисом в сельском и лесном хозяйстве, высокой безработицей и бедностью населения. Как видно из рисунков 1 и 2, для сельских территорий Башкирии за 1979–2019 гг. характерно стабильное сокращение численности населения за исключением 3–4 районов (Уфимский, Иглинский, Стерлитамакский, Туймазинский).

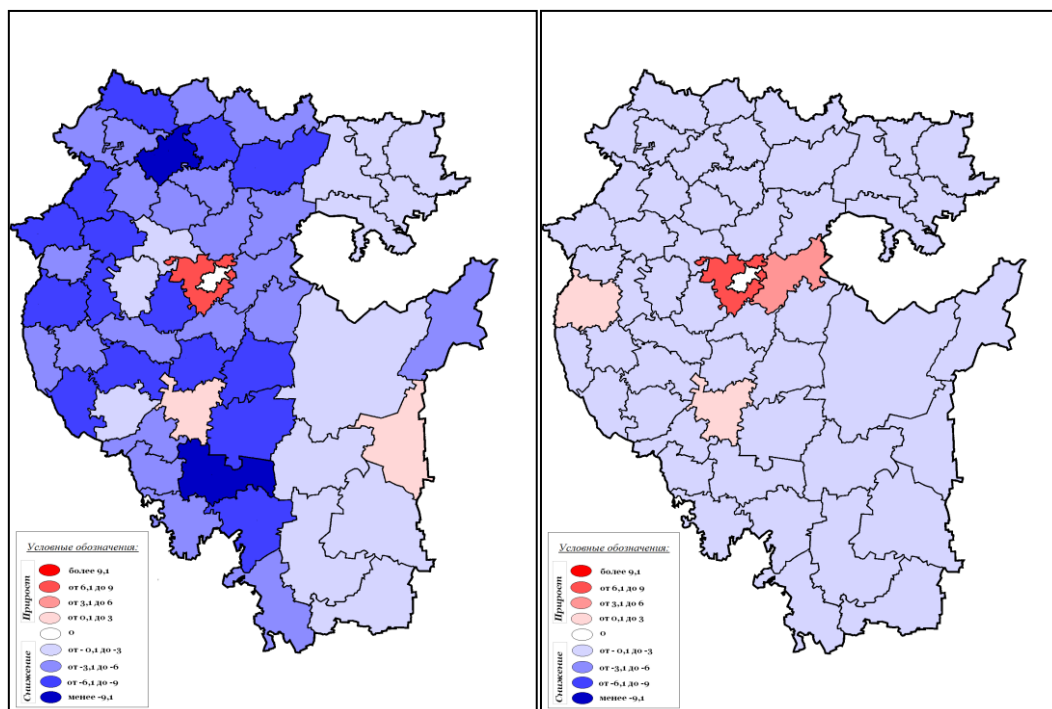

Рис. 1. Изменение численности сельского населения РБ между переписями 1979–1989 гг., тыс. человек.

Составлен автором по: [7, с. 223–227, 288–293].

Рис. 2. Изменение численности сельского населения РБ за 2010–2019 гг., тыс. человек.

Составлен автором по: [8, с. 7–40].

Лесное хозяйство Башкирии с самого начала рыночных экономических преобразований находится в состоянии глубокого кризиса. Проблемы трансформации лесного хозяйства Башкирии оцениваются в научных, аналитических исследованиях и рекомендациях ученых по выводу из кризисного состояния лесного хозяйства. К недостаткам территориальной организации лесного хозяйства Башкирии относятся [9; 10]:

- Низкий уровень территориального использования расчетной лесосеки (не более 40%);
- отсутствие достоверной базы данных о запасах лесных ресурсов;
- отсутствие зонирования территории лесного фонда Башкирии по интенсивности ведения лесного хозяйства;
- низкая экономическая эффективность ведения лесного хозяйства (лесовосстановления, экстенсивное лесопользование, системы охраны и защиты лесов, рост экономических потерь лесных ресурсов от пожаров);
- кадровый кризис в сфере лесного хозяйства, обусловленный запустением обширных сельских территорий и миграционным оттоком трудоспособного сельского населения из-за низкого уровня оплаты труда. В лесном хозяйстве Башкирии в сельских территориях занято всего 1,6 тыс. человек. При этом профильное высшее и среднее специальное образование имеют не более 30% работников лесного хозяйства. Это является одним из факторов низкой эффективности лесопользования.

Все леса Башкирии на землях лесного фонда по целевому назначению подразделяются на защитные (30%) и эксплуатационные (70%). Резервные леса в Башкирии отсутствуют. Лесистость территории Республики Башкортостан составляет 39,9%, в среднем по России — 46,6%. Лесные земли занимают 92,5% общей площади лесов (из них покрытые лесной растительностью — 97,7%, не покрытые лесной растительностью — 2,3%), нелесные земли — 7,5%. Леса на территории Башкирии преимущественно имеют естественное происхождение. Доля лесных культур и плантаций составляет 10,8%. Основными лесообразующими породами являются береза, липа, сосна, осина, ель, дуб. Они занимают около 88,7% площади, покрытой лесной растительностью, в том числе лесообразующие породы мягколиственных пород — 69,2%, хвойной — 21,5%, твердолиственной — 8,9%. Древостоями березы, ольхи черной занято 27,6%, липы — 22,3%, сосны — 15,1%, осины — 14,8%, ели, пихты — 5,5%, дуба — 4,9% площади лесопокрытых земель. Запасы хвойных пород древесины сконцентрированы в горно-лесной зоне южно-уральской части Башкирии (Авзянское, Белорецкое, Бурзянское, Кананикольское, Тирляньское и Учалинское лесничества). На остальной территории основная часть запасов древесины приходится на мягколиственные лесообразующие породы древесины (рис. 3).

За последние пять лет запасы древесины в республике увеличились на 35 млн м³. При этом произошло уменьшение запасов древесины хвойных пород на 3 млн м³, и увеличение запасов древесины мягколиственных пород на 36 млн м³. Ежегодный средний прирост запаса древесины в лесах составляет 2,8 м³ на 1 га земель, покрытых лесной растительностью (табл. 2).

Таблица 2

Запасы древесины лесного фонда Башкирии (на 01.01., млн м³)*

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Общие запасы древесины	750	762	765	769	768	785
в том числе, спелых и перестойных лесов	409	428	430	436	437	456
Хвойных пород	172	170	169	169	168	169
Твердолиственных пород	56	56	56	55	57	58
Мягколиственных пород	522	536	540	545	543	558
Общий средний прирост, млн м ³ /год	14,6	14,5	14,5	14,5	14,5	14,4

**Составлена автором по: [11, с.60].*

Острой проблемой в развитии лесного хозяйства республики становится рост количества лесных пожаров. За период с 2015 по 2020 год количество пожаров в республике увеличилось с 43 до 165, то есть в 3,8 раза. География пожароопасности лесов Башкирии представлена на рис. 4. Районы с высокой и экстремально высокой пожароопасностью лесов сосредоточены в предгорных и горно-лесных территориях Южного Урала. Наибольшее количество лесных пожаров возникает на территории Белорецкого, Бурзянского, Зилаирского, Учалинского, Баймакского, Абзелиловского, Гафурийского, Зианчуринского, Ишимбайского, Кугарчинского, Куюргазинского и Хайбуллинского районов. Уменьшение углеродных выбросов в сельских территориях Башкирии напрямую связана с решением проблемы лесных пожаров.

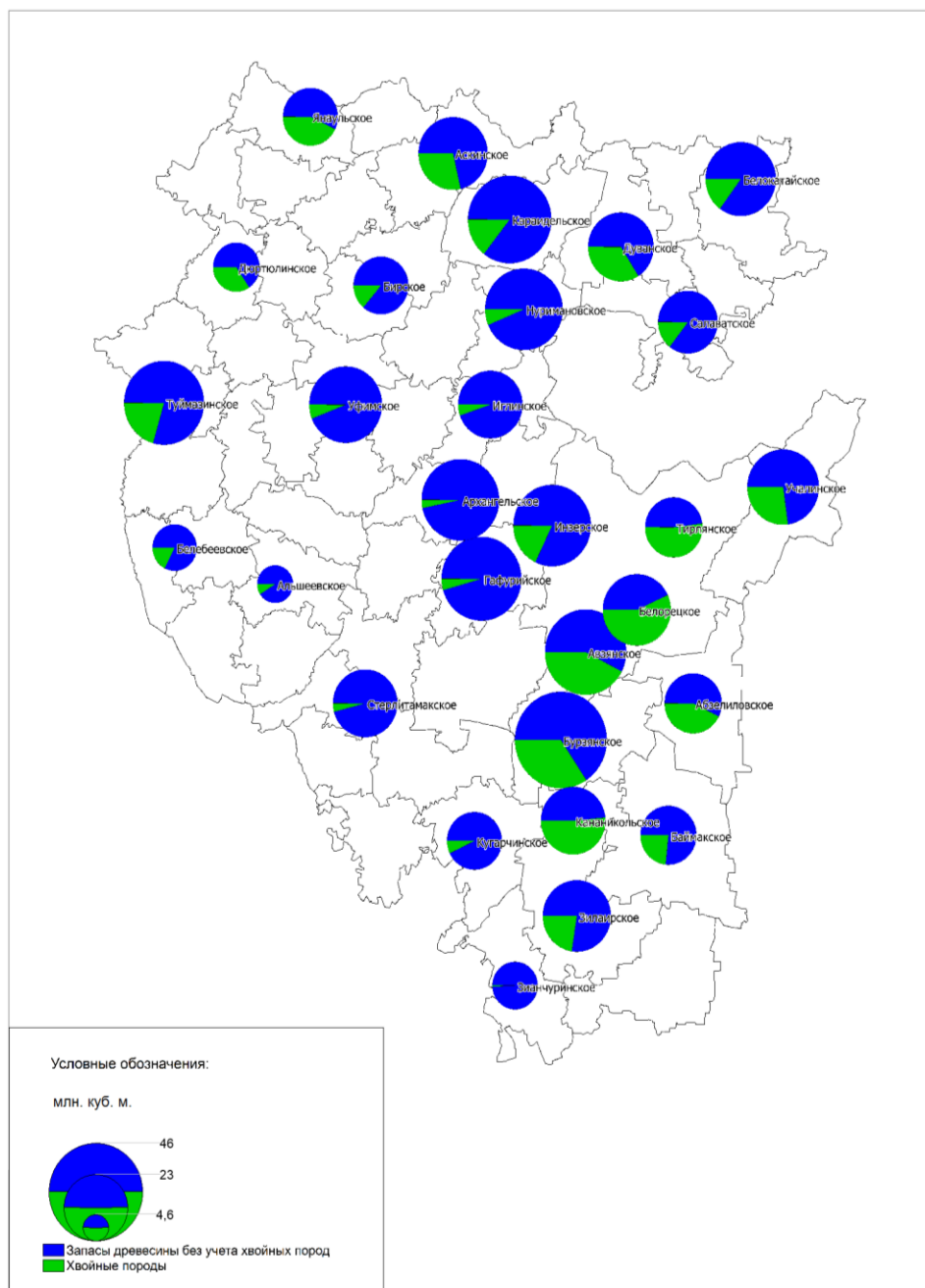

Рис. 3. География запасов древесины Башкирии по лесничествам за 2020 год.

Увеличение количества лесных пожаров в сельских территориях Башкирии сопровождается быстрым ростом площадей поражения лесных земель. За 2016–2020 годы площади лесных земель, поврежденных пожарами, в России увеличились в 3,5 раза, в Башкирии — в 4,5 раза (табл. 3).

Проблемы трансформации лесного хозяйства в сельских территориях Башкирии напрямую связаны со следующими мировыми трендами устойчивого социо-эколого-экономического развития [12]:

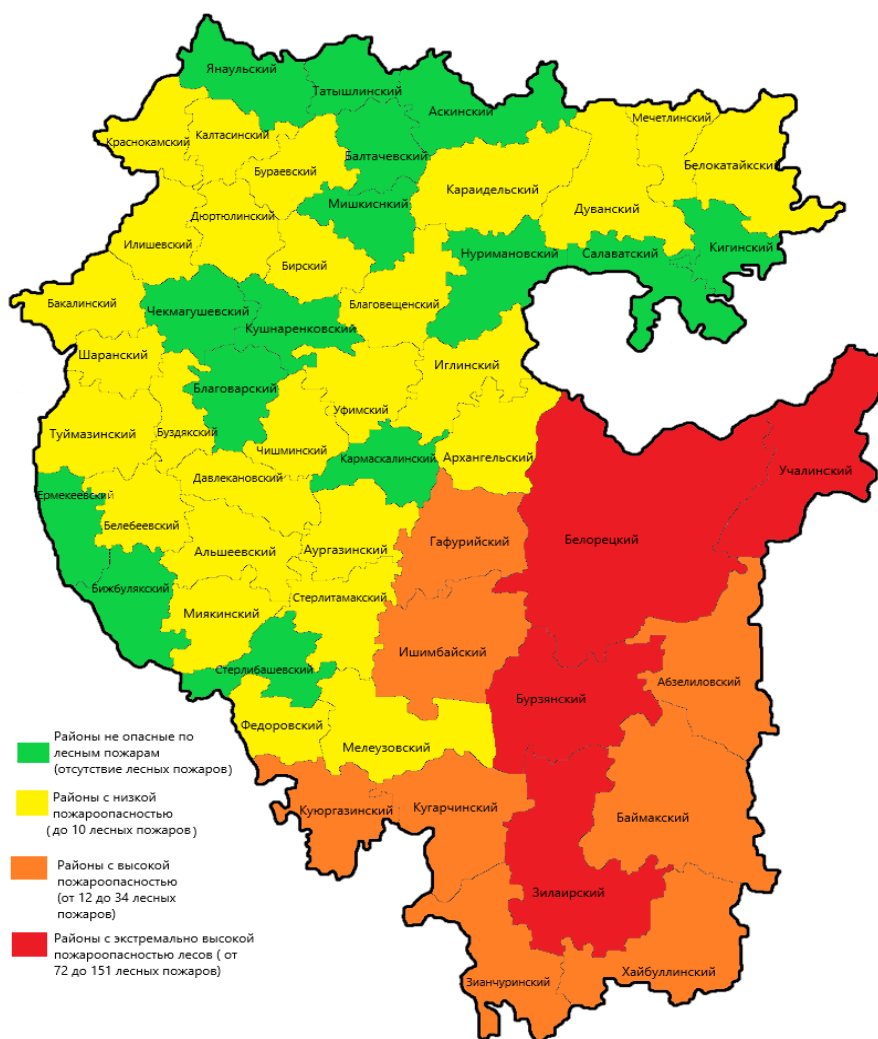

Рис. 4. География пожароопасности лесов Башкирии (по данным за 2015–2020 годы).

Таблица 3
Динамика площадей лесных земель, пройденных пожарами*

	2016г.	2017г.	2018г.	2019г.	Рост за 2016–2019 гг., %
Российская Федерация, тыс. га	2 508	3 282	7 408	8 678	346
Республика Башкортостан, га	455	340	916	2 036	448

*Составлена и рассчитана автором по: [6, с.839–841].

- приоритет в формировании «зеленой энергетики» (строительство ГЭС, солнечных, ветряных электростанций);
- формирование новой карбоновой экономики в развитых странах в связи с необходимостью предотвращения глобального потепления.

В лесном хозяйстве регионов страны в ближайшие годы начнется кардинальная трансформации в связи с формированием карбоновых полигонов и это приведет к социально-экономическим изменениям сельских территорий. В странах Евросоюза планируется ввести с 2023 года углеродный налог для

импортируемых товаров, производство которых сопровождается выбросом углеводородных парниковых газов. Для отдельных секторов экономики вступление в силу углеродного налога запланировано на 2022 год.

Трансграничное углеродное регулирование является частью программы «Зеленый курс» по экологизации и декарбонизации экономики стран ЕС. Вся продукция, которая будет импортироваться странами ЕС, должна будет иметь маркировку с указанием углеродного следа. Игнорирование стратегии сокращения выбросов углеводородных парниковых газов приведет к ограничениям экспорта из России в страны ЕС продукции нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих, нефтехимических, газодобывающих, металлургических предприятий и сельского хозяйства [13; 14]. Для решения этой проблемы на сельских территориях ряда регионов Российской Федерации начинают формировать пока специальные научно-исследовательские карбоновые полигоны (Калининградская, Новосибирская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская области, Краснодарский край, Республики Татарстан и Чечня). В перспективе будут созданы до 80 карбоновых полигонов по стране. На их базе впоследствии начнется создание карбоновых фабрик и ферм для поглощения углеводородных парниковых газов. На уровне Правительства Республики Башкортостан в мае 2021 года принято решение о формировании карбонового полигона в республике.

В Стратегии развития лесного хозяйства России — 2030 подчеркивается необходимость «...В рамках реализации Парижского соглашения по климату выполнение мероприятий по сокращению выбросов парниковых газов..., ...сохранение лесов как способ предотвращения эмиссии депонированного углерода в атмосферу и сохранения естественного потенциала экосистем по его депонированию...» [1, с. 59]. К сожалению, в Стратегии развития лесопромышленного комплекса Республики Башкортостан — 2030, принятого Правительством республики 13 ноября 2018 года, глобальный и российский тренд по формированию карбоновой экономики в сельских территориях оказались не учтенными [10].

Выводы

Лесное хозяйство Башкирии имеет большой потенциал поглощения углеводородных выбросов парниковых газов нефтеперерабатывающих, нефтехимических, химических, горнодобывающих предприятий, сконцентрированных в Уфимской и Южно-Башкортостанской агломерациях и в Башкирском Зауралье, за счет повышения эффективности лесного хозяйства сельских территорий путем создания карбоновых фабрик и ферм. Перспективные изменения в сельских территориях Башкирии связаны с трансформацией лесного хозяйства под влиянием формирования карбоновой экономики:

- Использование заброшенных сельскохозяйственных угодий, промышленных отвалов, болот под карбоновые полигоны.

- Инновационное лесоводство с переходом на выращивание видов растительности с высоким поглощением углеводородных выбросов.

- Торговля карбоновыми фабриками и фермами углеводородными квотами на российском и международном уровнях.

- Создание новых инновационных рабочих мест и дополнительные доходы сельского населения.

- Рост налоговых поступлений в республиканский и местные бюджеты сельских территорий.

- Развитие транспортной и энергетической инфраструктуры сельских территорий.

Проведенное исследование позволяет определить круг новых научных задач:

- анализ мирового и российского опыта «лучшей практики» развития карбоновой экономики применительно к сельским территориям;

- оценка возможных изменений состояния сельских территорий под влиянием карбоновой экономики;

- прогноз влияния карбоновой экономики на развитие сельских территорий;

- экономическое обоснование влияния регенеративного экологического земледелия на развитие сельских территорий.

Результаты данного исследования могут быть использованы в прогнозировании развития лесного хозяйства сельских территорий Башкирии с учетом формирования карбоновой экономики.

Литература

1. Нефедова Т. Г. десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: ЛЕННАНД. 2013. 456 с.
2. Башкардин И. . Перспективы развития лесного хозяйства Российской Федерации // Успехи современного естествознания. 2012. № 6. С. 25–25.
3. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 312-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [garant.ru»products/ipo/prime/doc/400235155/](http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/400235155/)
4. Ачох Ю. Р., Гайдук В. И. Проблемы и тенденции развития лесного хозяйства. В сб.: Вопросы современной науки. Материалы II национальной междисциплинарной конференции. Краснодар: Изд-во ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России. Краснодарский ЦНТИ. 2019. С. 12–18.
5. Сергеев И. Карбоновое земледелие — новое направление в климатическом противостоянии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ng.ru»ng_energiya/2021-06-07/14_8167_climate.html
6. Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / под науч. ред. С. Н. Бобылёва, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. М.: Экономический факультет МГУ. 2019. 284 с.
7. Как решать проблемы лесного хозяйства России? Взгляд экспертов. Резолюции научных дебатов М.: Цифровичок. 2019. 96 с.
8. Королева А. Лесная отрасль стоит на пороге масштабных изменений // Эксперт. 22 марта 2021. № 13.
9. Гамилова Д. А., Котов Д. В., Алексеева Э. Р., Качалкина К. Г., Нагимова А. З., Исангужин И. М., Кулагин А. Ю. Стратегические приоритеты, цели и задачи развития лесопромышленного комплекса Республики Башкортостан до 2030 года // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Т. 28. № 3. С. 19–24.

10. Стратегия развития лесопромышленного комплекса Республики Башкортостан на срок до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: forest.bashkortostan.ru>Деятельность>7530
11. Население Башкортостана: XIX–XXI века: статистический сборник. Уфа: Китап. 2008. 448 с.
12. Численность населения муниципальных образований Республики Башкортостан: статистический бюллетень Уфа: Башкортостанстат, 2020. 62 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Р32 Статистический сборник / Росстат. М.: 2020. 1242 с.
14. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и окружающей среды Республики Башкортостан в 2019 году. Уфа: 2020. 286 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ecology.bashkortostan.ru>Новости> Доклады и выступления.

M. R. Safiullin

Problems of transformation of forestry in rural areas of Bashkiria

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa,
Republic of Bashkortostan, Russian Federation
e-mail: Marek1987@yandex.ru

Abstract *The study of the current state and problems of transformation of rural development is one of the most urgent problems of geographical science today. The current situation with labor waste management in most rural areas of Bashkiria is determined by the crisis in agriculture and forestry, high unemployment and poverty of the population. The assessment of the state of forestry in the context of forest areas in rural areas of Bashkiria is based on the analysis of the following indicators: forest cover of rural areas (%); forest reserves (million cubic meters). m); the structure of forest reserves (million m³, %); the geography of forest fires; the area of forest land affected by fires (ha); the dynamics of the population of rural areas (thousand people). The shortcomings of the territorial organization of forestry in Bashkiria (low level of territorial use of the estimated cutting area, lack of a reliable database of forest resources, lack of zoning of the territory of the forest fund of Bashkiria in terms of the intensity of forestry, low economic efficiency of forestry, personnel crisis) are identified. Coniferous wood stocks are concentrated in the mountain-forest zone of the South Ural part of Bashkiria. In the rest of the territory, the main part of the wood reserves is accounted for by soft-leaved forest-forming wood species. Forest fires are an acute problem in the development of forestry in the republic. During the period from 2015 to 2020, the number of fires increased by 3.8 times, and the area of forest land damaged by fires increased by 4.5 times. The forestry sector of Bashkiria has a great potential to absorb hydrocarbon emissions of greenhouse gases from oil refineries, petrochemical, chemical, and mining enterprises, concentrated in the Ufa and South Bashkortostan agglomerations and in the Bashkir Trans-Urals, by increasing the efficiency of rural forestry through the creation of carbon factories and farms. The results of this study can be used in forecasting the development of forestry in rural areas of Bashkiria, taking into account the formation of a carbon economy. The work is illustrated with cartographic materials and tables.*

Keywords: *forestry, rural areas, forest resources, carbon economy, Bashkiria.*

References

1. Nefedova T. G. ten topical issues about rural Russia: answers of the geographer. M.: LENNAND. 2013 456 p. (in Russian).
2. Bashkardin I. V. Prospects for the development of forestry in the Russian Federation. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. 2012. no. 6. pp. 25–25. (in Russian).
3. Strategy for the development of the forest complex of the Russian Federation until 2030. Order of the Government of the Russian Federation no. 312-r of February 11, 2021. [Electronic resource]. URL: garant.ru/products/ipo/prime/doc/400235155/ (in Russian).
4. Achokh Yu. R., Gaiduk V. I. Problems and trends in the development of forestry.- In the collection: Questions of modern Science. Proceedings of the II National Interdisciplinary Conference. Krasnodar: Publishing House of the Federal State Budgetary Institution “Russian Energy Agency” of the Ministry of Energy of Russia. Krasnodar Central Research Institute. 2019. pp. 12–18. (in Russian).
5. Sergeev I. Carbon farming — a new direction in the climate confrontation. [Electronic resource]. URL: ng.ru/ng_energiya/2021-06-07/14_8167_climate.html (in Russian).
6. Green economy and sustainable development goals for Russia: a collective monograph. under the scientific editorship of S. N. Bobylev, P. A. Kiryushin, O. V. Kudryavtseva. M.: Faculty of Economics of Moscow State University. 2019. 284 p. (in Russian).
7. How to solve the problems of forestry in Russia? The experts' view. Resolutions of scientific debates-Moscow: Digitalichok. 2019. 96 p. (in Russian).
8. Koroleva A. The forest industry is on the verge of large-scale changes. *Expert*. March 22, 2021. no. 13. (in Russian).
9. Kamilova D. A., Kotov, D. V., Alekseeva E. R., Kachalkina K. G., Nagimova A. Z., Sanguin I. M., Kulagin Strategic priorities, goals and tasks of development of the timber industry complex of the Republic of Bashkortostan by 2030. *Samarskaya Luka: problems of regional and global ecology*. Vol. 28. no. 3. pp. 19–24. (in Russian).
10. Strategy of development of the timber industry complex of the Republic of Bashkortostan for the period up to 2030. forest.bashkortostan.ru “Activity” 7530
11. Population of Bashkortostan: XIX–XXI centuries: statistical collection. Ufa: Kitap. 2008. 448 p. (in Russian).
12. Population of the municipalities of the Republic of Bashkortostan: statistical Bulletin-Ufa: *Bashkortostanstat*, 2020. 62 p. (in Russian).
13. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020: P32 Statistical Collection. Rosstat. (in Russian).
14. State report on the state of natural resources and the environment of the Republic of Bashkortostan in 2019. Ufa: 2020. 286 p. [Electronic resource]. URL: ecology.bashkortostan.ru “News” Reports and presentations. (in Russian).

Поступила в редакцию 25.07.2021 г.

УДК: 528.946

К. Ю. Сикач¹,
Л. А. Ожегова²,
Г. В. Сазонова³

Преобразования в аграрном секторе Крыма: 2007–2017 гг.

^{1,2,3} Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: geo_region@mail.ru¹, luda-ojegova@yandex.ru², galisaz@mail.ru³

Аннотация. Аграрный сектор является ведущим и системообразующим хозяйстве Крыма, формирует агропродовольственный рынок, продовольственную и экономическую безопасность, трудовой и поселенческий потенциал сельских территорий.

На долю сельского хозяйства Крыма приходится одна десятая в структуре валового регионального продукта, при этом существует значительная диспропорция в объемах производства продукции растениеводства и животноводства. Несмотря на то, что в целом благоприятные климатически условия позволяют выращивать в республике широкий спектр сельскохозяйственных культур, Республика Крым находится в зоне рискованного земледелия, в результате чего развитие отрасли растениеводства характеризуется нестабильностью.

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации произошел целый ряд существенных преобразований в сельском хозяйстве: изменились территориальные особенности произрастания многих культур, обострились проблемы сбыта продукции, некоторые отрасли получили новые возможности развития, другие наоборот оказались в сложных условиях.

В статье представлены и обобщены результаты общественно-географического анализа преобразований в аграрном секторе Крыма под влиянием геополитических, экономических, природных и иных факторов в 2000-х и 2010-х гг.

Представлены картосхемы иллюстрирующие структуру сельскохозяйственных угодий, состояние сельского хозяйства в обозначенный период, особенности территориального развития фермерских хозяйств, динамику основных отраслей растениеводства, трансформационные процессы в животноводстве.

Выявлены основные пространственно-временные закономерности и проблемы аграрного сектора, среди которых: проблема эффективного природопользования, диспропорции в развитии отраслей сельского хозяйства, социальные проблемы сельских территорий, экономическая уязвимость личных и фермерских хозяйств (где производится большая часть продукции аграрного сектора), проблемы сбыта и конкурентоспособности продукции.

Ключевые слова: аграрный сектор, растениеводство, животноводство, Республика Крым.

Введение

Аграрный сектор Крыма является одним из ключевых системообразующих элементов экономики региона, формирующим агропродовольственный рынок,

продовольственную и экономическую безопасность, трудовой и поселенческий потенциал сельских территорий.

Создание условий для устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий, их стабильного социально-экономического развития, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, рационального использования земель, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни — одна из важнейших задач развития экономики Крыма.

Агросектор Крыма уникален, имеет значительный потенциал и претерпевает существенные пространственно-отраслевые трансформации, начиная с 2014 года, что требует проведения многосторонних научных исследований. Возможности картографической интерпретации происходящих процессов являются важной составляющей оценки и анализа сложившейся ситуации.

Сегодня в аграрном секторе Крыма существует целый ряд проблем, требующих решения для устойчивого развития данного сектора хозяйства, среди них: неэффективное использование орошаемых земель; сокращение производства в отдельных отраслях; преобладание в производстве сельскохозяйственной продукции Республики Крым вклада хозяйств населения; ухудшение материально-технического обеспечения сельского хозяйства Республики Крым, низкий уровень развития социальной инфраструктуры в сельской местности и др.

Целью статьи является определение основных пространственно-временных особенностей преобразований в аграрном секторе Крыма для формирования устойчивого развития данной базовой отрасли.

Материалы и методы

Аграрный сектор Крыма представляет собой сложную хозяйственную систему. Для ее анализа необходимо использование системного подхода.

Все показатели, используемые при анализе процессов в аграрном секторе, можно разбить на следующие группы:

1. Базовые инерционные (изменяются медленно). Дают возможность оценить территориальные масштабы явления — площади сельскохозяйственных угодий, посевные площади и др.)

2. Общие показатели. Показывают объемы и динамику производства сельскохозяйственной продукции.

3. Частные показатели.

Для оценки преобразований в сельском хозяйстве Крыма в основном были определены показатели 2007 и 2017 годов.

Статистическая информация, послужившая содержательной основой интерпретации картографических сюжетов, представлена преимущественно материалами Всероссийской сельскохозяйственной переписи (2016 год), а также данными Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и её региональных представительств — Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат). Стоит отметить, что для регионального картографирования процессов в сельском хозяйстве существенным недостатком статистической информации является отсутствие многих данных на уровне муниципальных районов.

При создании карт использовались программные продукты семейства ArcGIS, открытых ГИС-программ (QGIS и др.).

Результаты и обсуждение

Аграрный сектор в Крыму является одним из ключевых элементов в системе развития экономики полуострова, что обусловлено необходимостью обеспечения жизнеспособности населения и продовольственной безопасности региона.

Благоприятные агроклиматические условия Республики Крым всегда способствовали активному развитию сельского хозяйства. Расположение региона в умеренно-континентальном климате с субтропическими условиями в пределах Южного берега Крыма, высокие значения теплообеспеченности (сумма температур выше 10°C варьируется в пределах 3 300–4 150 $^{\circ}\text{C}$), значительные площади под черноземами (более 40% площади региона) и высокая доля земель сельскохозяйственного назначения позволяют выращивать в Республике Крым разнообразный спектр сельскохозяйственных культур [2].

Крымский полуостров разделен на следующие сельскохозяйственные зоны: Равнинный Крым (ранее орошаемый), Южный берег Крыма, предгорные районы, западное побережье.

Отличительной особенностью сельского хозяйства Крыма долго время оставалось использование орошения при выращивании различных культур. С орошаемых площадей, а это примерно 1/5 часть всех сельскохозяйственных земель (угодий), получали половину всей сельскохозяйственной продукции полуострова (Багров). В 2017 году из-за прекращения работы Северо-Крымского канала фактически орошалось 2,4% сельскохозяйственных угодий Крыма.

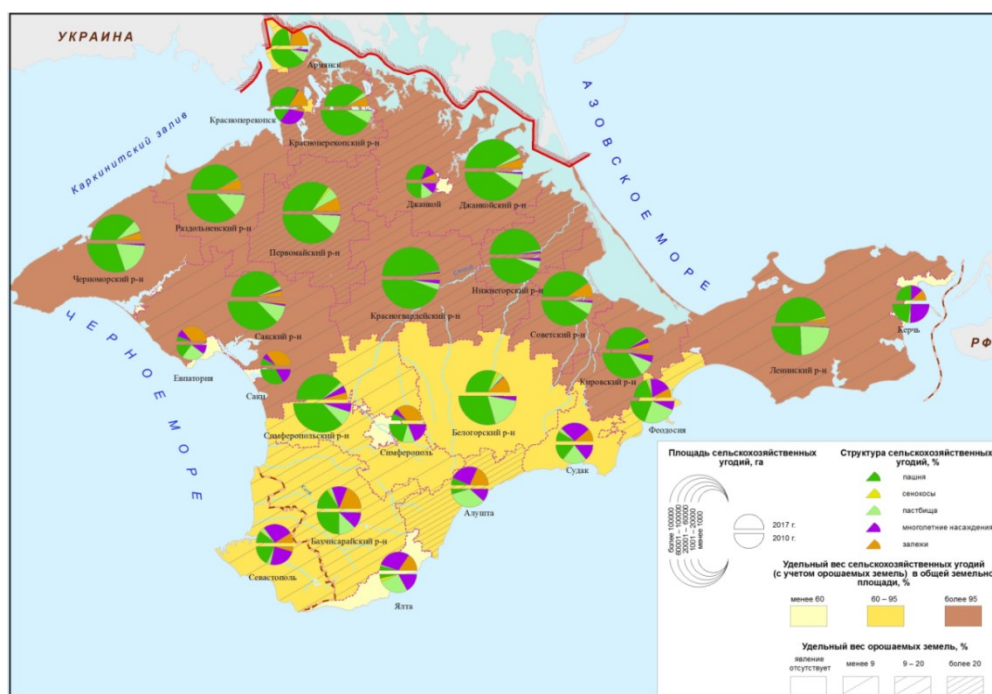

Рис. 1. Сельскохозяйственные угодья [1].

Большая часть территории Республики Крым (96,2%) занята сельхозугодиями, в городе Севастополе этот показатель немного меньше — 73,4%. По сравнению с выбранным нами для картографического анализа 2010 годом общая площадь сельхозугодий практически не изменилась (рис. 1.).

В структуре сельхозугодий полуострова в период наблюдений значительно преобладали пашни (2017 год — 68%), на втором месте находились пастбища, однако их площадь постепенно сокращается и в 2017 году составила 21%, 7,9% в 2017 году составили залежи, незначительную долю в структуре составляют многолетние насаждения (2017 — 3%) и сенокосы (0,1%). Наибольшая доля сельхозугодий в муниципальных районах Крыма, где практически вся территория административно-территориальной единицы к ним относится, но даже практически во всех городских округах более 50% земель относится к сельскохозяйственным.

Во многом благодаря значительным земельным и агроклиматическим ресурсам в Крыму в советский период сформировался развитый и высокоэффективный аграрный сектор. Но упадок 90-х гг. привел к тому, что на момент воссоединения Республики Крым и Севастополя с Россией столкнулся с многочисленными проблемами развития:

- экстенсивный путь развития аграрного сектора;
- иррациональное использование природных ресурсов;
- выращивание культур, неподходящих для климатических условий Крыма (в основном технические, масличные и зерновые культуры);
- частичное использование сельскохозяйственного потенциала полуострова (только лишь часть пахотных земель задействована в производстве продуктов);
- отсутствие развитого животноводства на полуострове (животноводческая отрасль Крыма даже на половину не обеспечивает потребности полуострова в мясе и молоке) [2].

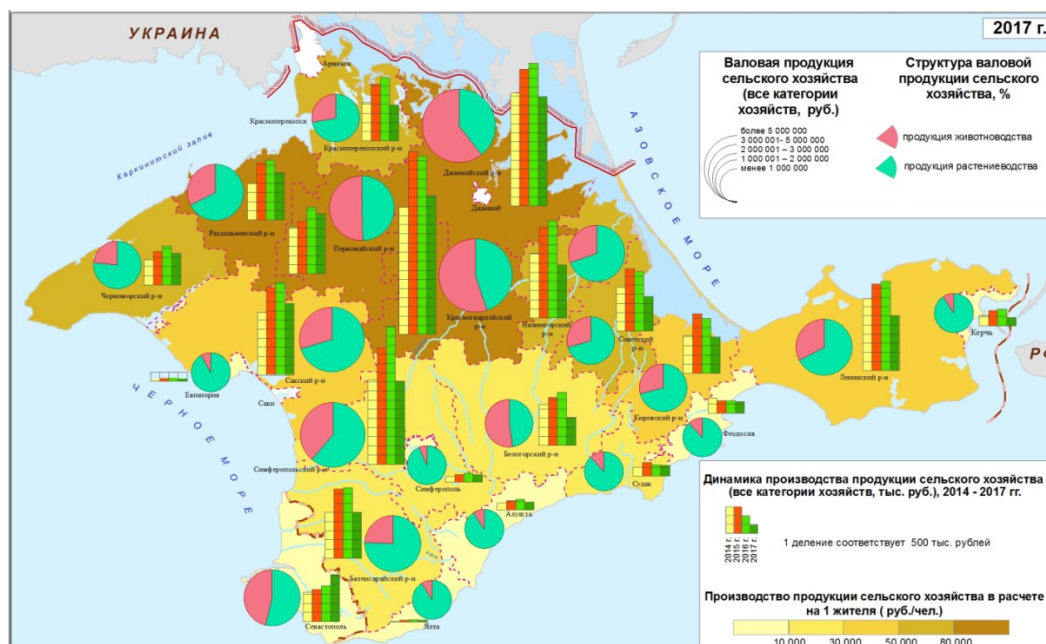

Рис. 2. Сельское хозяйство в 2017 году [1].

К 2017 году в сравнении с 1990 валовая продукция сельского хозяйства в своем стоимостном выражении сократилась в 5 раз. Современные объемы продукции сельского хозяйства возрастают с юга на север полуострова, Равнинный Крым сохраняет свою сельскохозяйственную специализацию, несмотря на прекращение орошения этой части полуострова и другие проблемы развития (рис.2).

Преобразования наблюдаются в структуре продукции сельского хозяйства. В целом во все года наблюдений валовый сбор продукции растениеводства превосходил животноводческую продукцию. В 2001 году во всех районах Крыма преобладала продукция растениеводства. В 2010 году, несмотря на трудности развития, в некоторых районах Крыма наблюдалось преобладание доли валовой продукции животноводства по сравнению с долей растениеводства (в Ленинском, Белогорском, Джанкойском, Красногвардейском и Симферопольском районах). В 2017 году в некоторых районах подобная ситуация сохранилась (в Белогорском, Джанкойском и Красногвардейском районах), но в целом преобладала продукция растениеводства.

Ведущей отраслью сельского хозяйства для всех категорий хозяйств традиционно было растениеводство. В 2014 году после прекращения водоснабжения полуострова по Северо-Крымскому каналу в растениеводстве Крыма возникла проблема изменения структуры посевных площадей. Из-за отсутствия поливной воды площадь орошаемых земель сократилась в десять раз. Перестала высеваться традиционная для Крыма зерновая культура — рис. Увеличены посевные площади под засухоустойчивыми сортами пшеницы и ячменем. Кроме того ежегодно сокращается валовая продукция растениеводства (с 2014 по 2018 год на 13%).

В общем объеме продукции растениеводства на долю зерновых культур приходится 37,5%, плодово-ягодных и винограда — 24,3%, овощей и бахчевых культур — 14,6%, семян и плодов масличных культур — 10,0%, картофеля — 5,5% (рис. 3).

Под зерновыми и зернобобовыми культурами занято 64,7% посевных площадей основных сельскохозяйственных культур. В структуре зерновых резко выделяется пшеница (60%) и ячмень (30%). Удельный вес посевов зерновых культур в общей посевной площади во всех муниципальных районах Крыма составляет более 50%. По сравнению с 2007 годом валовый сбор зерна увеличился (рис. 3). Большая часть зерновых выращивается в равнинной части Крыма.

На втором месте по количеству занимаемых посевных площадей находятся технические культуры (30% в 2017 году) представленные в Крыму различными масличными культурами, главная из которых — подсолнечник. Посевы подсолнечника занимают в Крыму 12% посевных площадей основных сельскохозяйственных культур, этот показатель возрастает с юго-запада на северо-восток, что соответствует агроклиматическим условиям произрастания данной культуры.

Наименьший удельный вес в структуре посевных площадей приходится на картофель и овощебахчевые культуры — 1,8%, при этом являясь достаточно высокодоходными культурами. В последнее десятилетие валовый сбор картофеля и овощей испытывает незначительные колебания. Лидерами по валовому сбору картофеля в Крыму являются Ленинский, Симферопольский и Джанкойский районы, овощей — Джанкойский, Нижнегорский и Симферопольский районы.

Перспективы овощеводства Крыма связывают с возрождением тепличных хозяйств, в которых будут выращиваться овощи закрытого грунта.

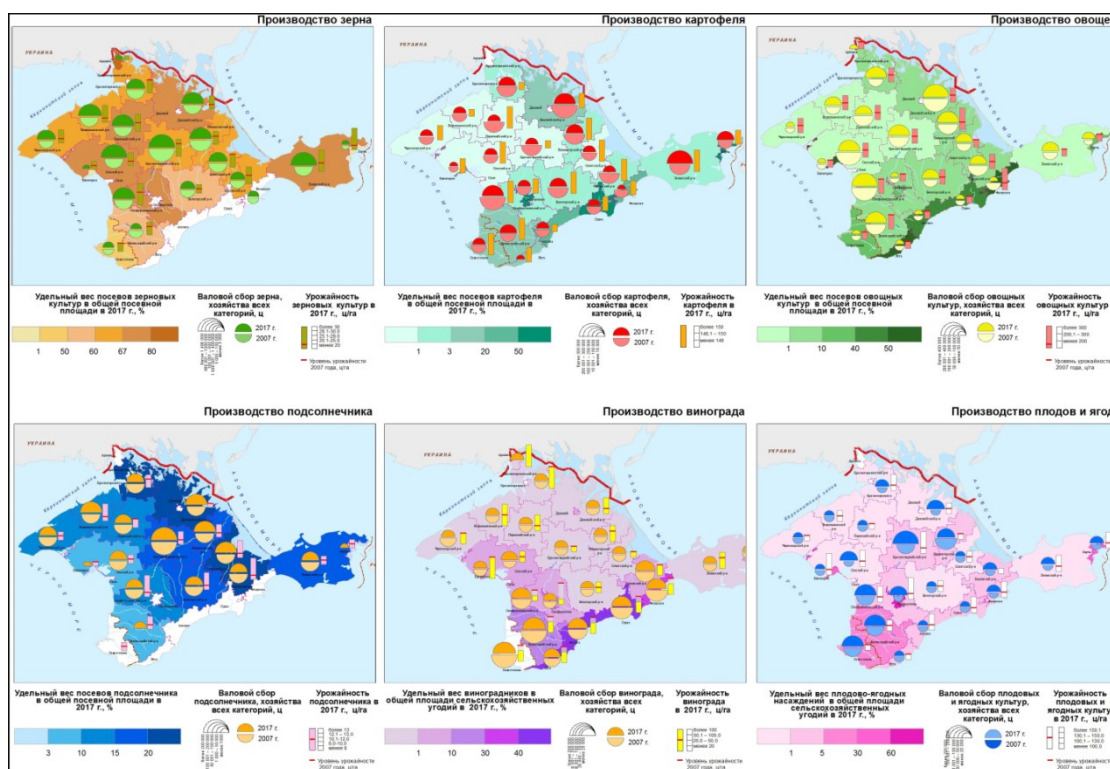

Рис. 3. Динамика отраслей растениеводства [1].

Традиционной для Крыма и определяющей хозяйственную специализацию растениеводства, является выращивание садово-ягодных культур и винограда. Под садами и виноградниками в Крыму 3% сельскохозяйственных угодий. Это не соответствует потребностям населения полуострова. В 2017 году собрано фруктов и ягод — 107,4 тыс. тонн, винограда — 66,2 тыс. тонн. Катастрофическое падение объемов сбора плодов и ягод, а также винограда в 90-х к концу 2000-х гг. замедлилось и преломилось в сторону медленного роста. После 2010 года данный показатель колеблется в основном из-за изменений урожайности культур.

Животноводство в Крыму в советский период по стоимости производимой продукции почти не уступало растениеводству. Однако по степени удовлетворения потребностей людей мясопродуктами развития данного сектора сельского хозяйства не достигает должного уровня развития. Традиционно Крым специализировался на мясо-молочном животноводстве. В Крыму при низкой продуктивности скота наблюдается постоянное снижение его поголовья. В производстве мяса в Крыму главная проблема – кормовая, так как значительная доля завозимых кормов приводит к повышению себестоимости говядины и свинины, а нередко даже к убыточности.

На 1 января 2018 года поголовье сельскохозяйственных животных составило:

- крупного рогатого скота — 111,7 тыс. голов, в том числе коров — 59,2 тыс. голов;
- свиней — 126,7 тыс. голов;

- овец и коз — 194,9 тыс. голов;
- птицы всех видов — 8237,3,3 тыс. голов.

В хозяйствах всех категорий за январь-декабрь 2017 года производство скота и птицы на убой (в живом весе) составило 140,2 тыс. тонн, молока — 242,8 тыс. тонн, яиц — 465,7 млн штук.

По итогам 2017 года объем продукции животноводства в фактических ценах составил 18 345,5млн руб.

Лидирующее место среди подотраслей животноводческого комплекса занимает молочное скотоводство, концентрация которого приходится на Белогорский, Красногвардейский, Нижнегорский, Первомайский, Сакский, Симферопольский, Ленинский районы. Концентрация свиноводства представлена в Советском, Симферопольском, Раздольненском, Первомайском и Краснопереконском районах. Овцеводство сконцентрировано в Белогорском, Первомайском, Раздольненском и Советском Районах [5]. Птица разводится повсеместно, но районами-лидерами являются Джанкойский и Красногвардейский районы (рис.4).

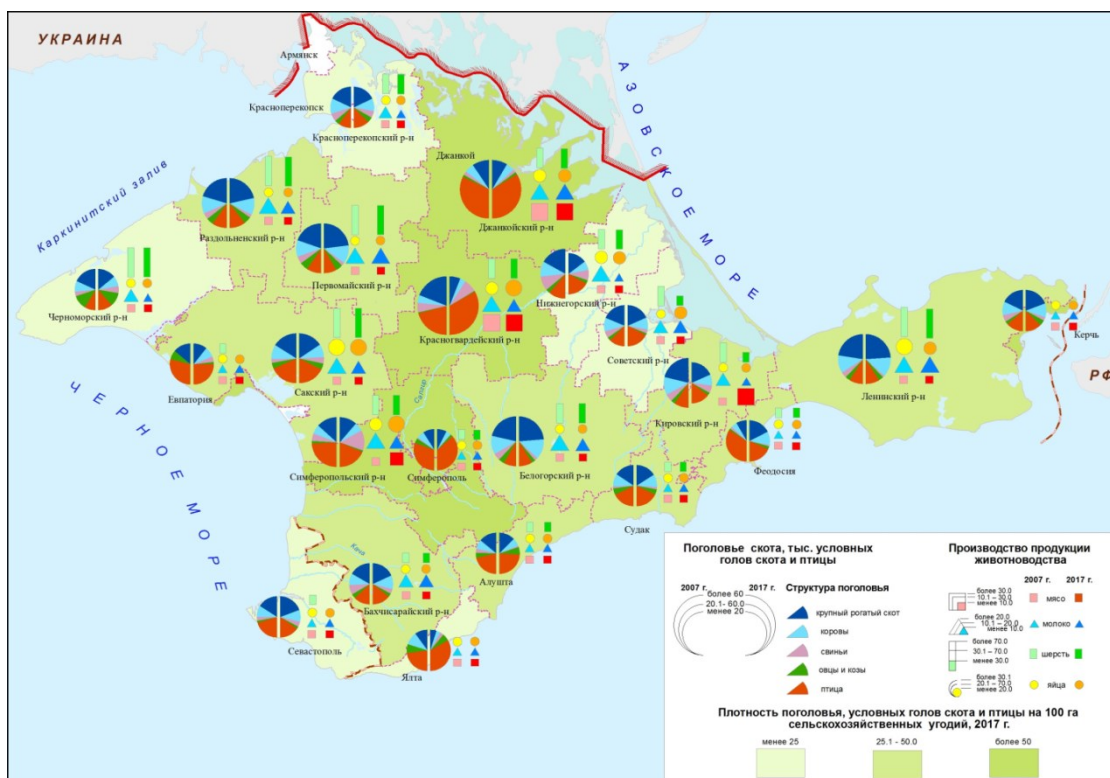

Рис. 4. Трансформационные процессы в животноводстве [1].

Растениеводство и животноводство Крыма продолжительное время практически не получало государственных дотаций для развития, что особенно важно для развития фермерских хозяйств и личных хозяйств населения.

Наиболее уязвимым звеном в развитии аграрного сектора Крыма являются фермерские и личные подсобные хозяйства жителей села, составляющие в структуре сельскохозяйственных предприятий 11,4%. В указанных хозяйствах производят около 50,0% всей продукции растениеводства и 75,0 % продукции животноводства в Крыму, что неадекватно получаемому им целевому

бюджетному финансированию [4]. Согласно данным всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года количество крестьянских (фермерских) хозяйств составило 1 201 хозяйство, что существенно меньше, чем в 2001 году (1 986 хозяйств). Подобная ситуация связана с высокими рисками и слабой поддержкой государством фермеров, в особенности в украинский период. Фермерские хозяйства и площади занимаемыми ими сельскохозяйственными землями распределены на полуострове пропорционально общей площади сельскохозяйственных земель, т. е. их количество уменьшается с севера на юг, в равнинной части Крыма большую часть сельскохозяйственных земель фермерских хозяйств составляют пашни. В предгорном Крыму в структуре земель также значительную часть занимают многолетние насаждения, на Южном берегу фермерские хозяйства практически отсутствуют (рис. 5). Наибольшее количество фермерских хозяйств находится в Джанкойском, Красногвардейском, Сакском и Советском районах.

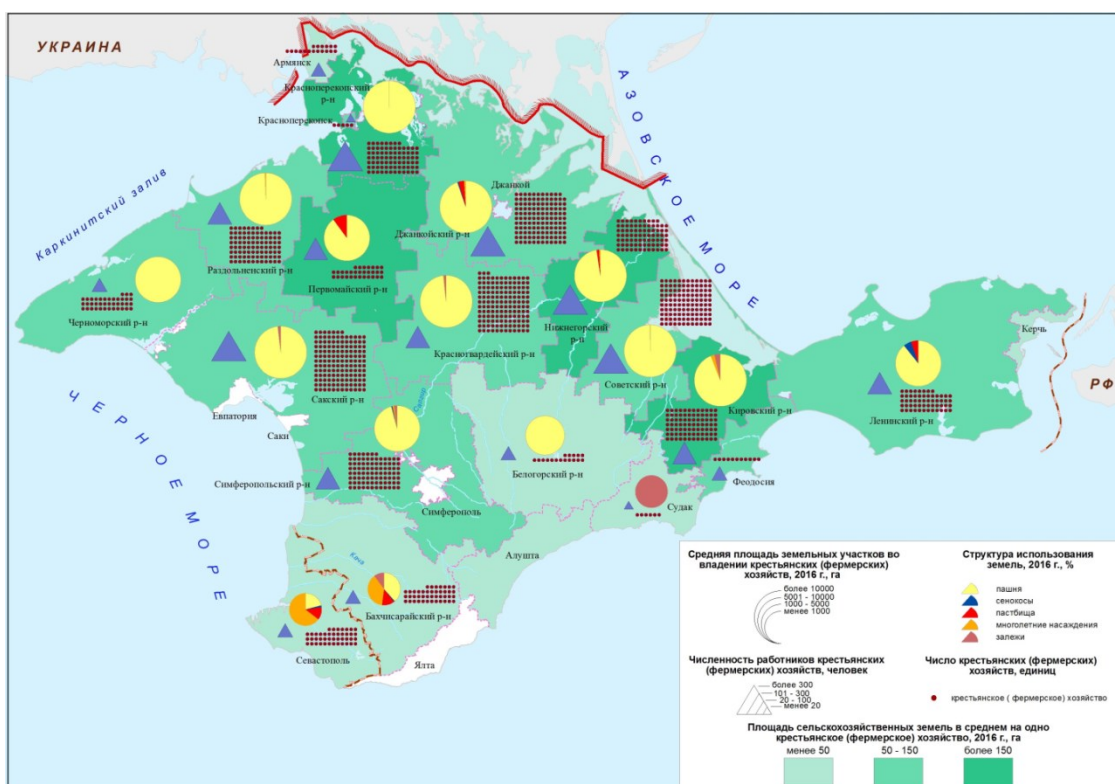

Рис. 5. Фермерские хозяйства [1].

С 2015 года в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Крым работает Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Крым, целью которой являлось повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, обеспечение продовольственной безопасности, улучшение финансовых результатов деятельности предприятий, развитие сельских территорий (программа). Аналогичная программа вновь поддержана правительством на период с 2020 по 2025 год. Общий объем финансирования — 16,6 млрд рублей [6]. Финансовая

поддержка на уровне государства оказывает положительное влияние, что обеспечивает стабилизацию ситуации в сельском хозяйстве, благоприятствует активному росту эффективности и создает условия для обеспечения продовольственной безопасности Крыма [2]

Выводы

• Комплексное атласное картографирование является неотъемлемой частью исследования преобразований в аграрном секторе Крыма, как ключевом сегменте экономики полуострова. Благодаря возможностям картографического метода возможен более полный анализ территориальных диспропорций в его развитии.

• Аграрный сектор Крыма остается одной из наиболее уязвимых отраслей хозяйства полуострова. Комплекс проблем эффективного природопользования: риск потери плодородности почв, нарушение систем севооборотов, нерациональное применение органических и минеральных удобрений ведет к уменьшению урожайности многих ключевых для полуострова культур, что усугубляется дефицитом водных ресурсов.

• На полуострове наблюдается дисбаланс развития отраслей животноводства, а именно стойкая тенденция к сокращению поголовья крупного рогатого скота, овец, свиней, что связано с неконкурентоспособностью продукции вследствие дорогой себестоимости (основная причина: нехватка кормов) и высокой доли личных и фермерских хозяйств, наиболее уязвимых в аграрном секторе.

• Несмотря на государственную поддержку до сих пор в сельском хозяйстве Крыма значителен износ основных фондов, наблюдается медленный процесс их модернизации, низкий уровень внедрения инноваций. В аграрном секторе ощущается нехватка собственных финансовых ресурсов и проблема привлечения крупных инвесторов на полуостров, в частности вследствие международных санкций.

• Проблемы аграрного сектора Крыма во многом связаны и с нехваткой квалифицированных кадров; социо-демографические проблемы развития сельских территорий: снижением численности населения в традиционно-аграрных районах Крыма и его старением.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00725 А.

Литература

1. Атлас социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. Воронина И. Н., Яковенко И. М., Швеца А. Б., Вольхина Д. А. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://atlas-crimea.ru> (дата обращения 15.03.2021).
2. Бугаева Т. Н. Сельское хозяйство Крыма: проблемы и перспективы // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2017. № 2. С. 126–131.
3. Кулакова А. В., Рывкина О. Л. Статистический анализ растениеводства в Республике Крым в 2015–2018 гг. // Экономика регионов: источники роста:

- сборник научных статей. Курск: Издательство Курский государственный университет. 2020. С.176–181.
4. Майданевич П. Н. Механизмы формирования инновационного развития аграрного сектора Республики Крым // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 3. С. 27–31.
 5. Острик В. Ю. Современное состояние и перспективы развития отрасли животноводства Республики Крым (управленческий аспект) // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2017. № 4. С.140-148.
 6. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Крым на 2015–2020 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: minek.rk.gov.ru (дата обращения 10.04.2021).
 7. Министерство сельского хозяйства Республики Крым [Электронный ресурс]. Режим доступа: msh.rk.gov.ru (дата обращения 12.04.2021).

K. Sikach¹,
L. Ozhegova²,
G. Sazonova³

Cartographic interpretation of transformations in the agricultural sector of the Crimea

^{1,2,3}V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: geo_region@mail.ru¹, luda-ozhegova@yandex.ru²,
galisaz@mail.ru³

Abstract. *The agricultural sector is the leading and system-forming economy of the Crimea, forms the agro-food market, food and economic security, labor and settlement potential of rural territories.*

The share of agriculture in the Crimea accounts for one tenth in the structure of the gross regional product, while there is a significant disparity in the volume of production of crop and livestock products. Despite the fact that generally favorable climatic conditions allow growing a wide range of agricultural crops in the republic, the Republic of Crimea is in a zone of risky farming, as a result of which the development of the crop production industry is characterized by instability.

After the Crimea became part of the Russian Federation, a number of significant transformations took place in agriculture: the territorial features of the growth of many crops changed, the problems of marketing products worsened, some industries received new development opportunities, others, on the contrary, found themselves in difficult conditions.

The article presents and summarizes the results of socio-geographical analysis of transformations in the agricultural sector of the Crimea under the influence of geopolitical, economic, natural and other factors in the 2000s and 2010s.

The cartograms illustrating the structure of agricultural lands, the state of agriculture in the designated period, the features of the territorial development of farms, the dynamics of the main branches of crop production, transformation processes in animal husbandry are presented.

The main spatial and temporal patterns and problems of the agricultural sector are identified, including: the problem of effective nature management, imbalances in the development of agricultural sectors, social problems of rural areas, economic

vulnerability of personal and farm farms (where most of the agricultural sector's products are produced), problems of marketing and competitiveness of products.

Keywords: *agricultural sector, crop production, animal husbandry, Republic of Crimea.*

References

1. Atlas of socio-cultural processes in the Crimea [Maps]. (ed.) Voronina I. N., Yakovenko I. M., Shvets A. B., Volkhina D. A. Simferopol: V. I. Vernadsky KFU, 2020. [Electronic resource]. URL: <https://atlas-crimea.ru> (accessed 15.03.2021). (in Russian)
2. Bugaeva T. N. Agriculture of the Crimea: problems and prospects. Scientific Bulletin: Finance, Banks, investments. 2017. No. 2. Pp. 126–131. (in Russian)
3. Kulakova A. V., Ryvkina O. L. Statistical analysis of crop production in the Republic of Crimea in 2015–2018. Economy of Regions: sources of growth: collection of scientific articles. Kursk: Kursk State University Publishing House. 2020. Pp. 176–181. (in Russian)
4. Maydanevich P. N. Mechanisms of formation of innovative development of the agrarian sector of the Republic of Crimea. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics and Management. 2019. No. 3. Pp. 27–31. (in Russian)
5. Ostrik V. Yu. Modern state and prospects of development of the livestock industry of the Republic of Crimea (managerial aspect). Risk: resources, information, supply, competition. 2017. No. 4. Pp. 140–148. (in Russian)
6. State program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food of the Republic of Crimea for 2015–2020 [Electronic resource]. URL: minek.rk.gov.ru (reference date: 10.04.2021). (in Russian)
7. Ministry of Agriculture of the Republic of Crimea [Electronic resource]. URL: msh.rk.gov.ru (reference date: 12.04.2021). (in Russian).

Поступила в редакцию 05.08.2021 г.

УДК 004:004.9:912.43:528.9: 528.46:528.94:528.92:911:631.11:332.3 (470.345)

К.С. Тесленок¹,
С. А. Тесленок²,
А. П. Муштайкин³,
В. Н. Маскайкин⁴

Возможности использования геоморфометрического анализа для оценки качества сельскохозяйственных угодий

¹ООО «Сурская горно-геологическая компания»,
г. Саранск, Российская Федерация
^{2,3,4}ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
e-mail: teslserg@mail.ru², anton169@mail.ru³,
mordrosgeo@mail.ru⁴

Аннотация. Рассматривается влияние отдельных геоморфометрических показателей, на свойства пахотных сельскохозяйственных угодий. Было важно показать потенциал использования предлагаемой технологии в сфере повышения экономической эффективности управления малыми территориями. Сделан вывод о возможностях использованной методики, определены сферы ее применения в практическом и географическом плане. Проведен анализ использования пахотных земель, даны рекомендации по улучшению ситуации в сфере землепользования.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственные угодья, цифровое моделирование рельефа, геоинформационное картографирование, геоморфометрия, анализ рельефа, геоморфометрический анализ, ГИС ArcGIS, речной бассейн, Виндрей.

Введение

Сегодняшнее развитие в сфере геоинформационных технологий достигло невиданных прежде высот. С помощью различных технических средств и компьютерных программ стали возможными удаленное получение и обработка географических данных, а так же их анализ, результаты которого приводят в конечном итоге к существенному улучшению в сфере землепользования, и в первую очередь — сельскохозяйственного.

В настоящее время геоморфометрический анализ определяется в качестве одного из методов современных геоморфологических исследований, и его использование позволяет получать и изучать разнообразные количественные характеристики форм рельефа на основе системы специальных измерений [1–3; 6; 8; 10–12; 15; 16]. Роль и значение таких морфометрических характеристик значительны в процессе комплексного изучения и картографирования территорий разного иерархического уровня и масштабной размерности, в ландшафтном планировании и прогнозировании их состояния и дальнейшего развития, при организации и осуществлении инженерно-геологических изысканий и др. [1; 8; 10; 11; 16]. Рельеф и его различные параметры — наиболее важный критерий, используемый и при выделении природно-территориальных комплексов разных классификационных рангов [2; 5; 10; 13; 15].

Получаемые в результате геоморфометрического анализа характеристики нашли свое применение и в сельском хозяйстве. Они позволяют достаточно легко

выявить участки, местная ландшафтная специфика и рельеф которых либо облегчает, либо, напротив, мешает осуществлению и развитию качественного земледелия и повышенной урожайности возделываемых культур, и при необходимости — вычислить их различные параметры и показатели [1; 4; 11]. Особенно примечательна эта технология тем, что позволяет с минимальными финансовыми затратами помочь в планировании не в полной мере финансово и материально обеспеченным районам и территориям. В Республике Мордовия имеется несколько таких районов, а бассейн реки Виндрей (площадь 1 140 км²; бассейн рек Парца → Вад → Мокша → Ока → Волга) как раз расположен (рис. 1) в пределах четырех из них: Атюрьевском, Зубово-Полянском, Ковылкинском и Торбеевском (на большей части территории последнего). Причем наиболее освоенной в сельскохозяйственном отношении являются центральная и, особенно, восточная часть бассейна, в то время как в западной преобладают лесные массивы.

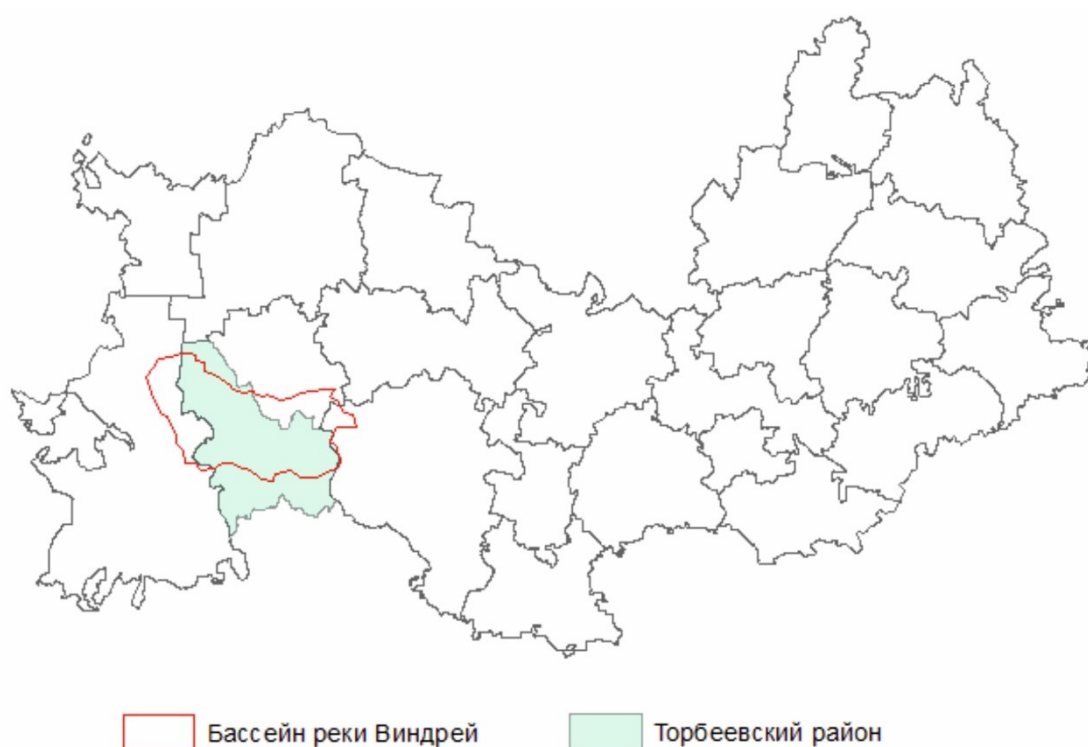

Рис. 1. Расположение бассейна р. Виндрей на территории Мордовии (вне масштаба).

Материалы и методы

Первый этап работы состоял в подборе исходных данных на исследуемую территорию и их представлении в нужном виде. Цифровые данные для работы с векторными слоями элементов рельефа, горизонталей, отметок высот и урезом воды топографической карты Республики Мордовия масштаба 1:200 000, последующего цифрового моделирования рельефа и построения серии производных карт и моделей были получены в результате выполнения серии предыдущих работ [10; 11; 14]. Данные исходных слоев были экспортированы в ГИС ArcGIS, в функционале которой заложены как возможности анализа полученных морфометрических характеристик рельефа, так и осуществления

бассейнового моделирования [5; 10; 11; 13]. Затем решалась задача построения цифровой модели рельефа (ЦМР) [1–3; 5–7; 10] на исследуемую территорию (рис. 3).

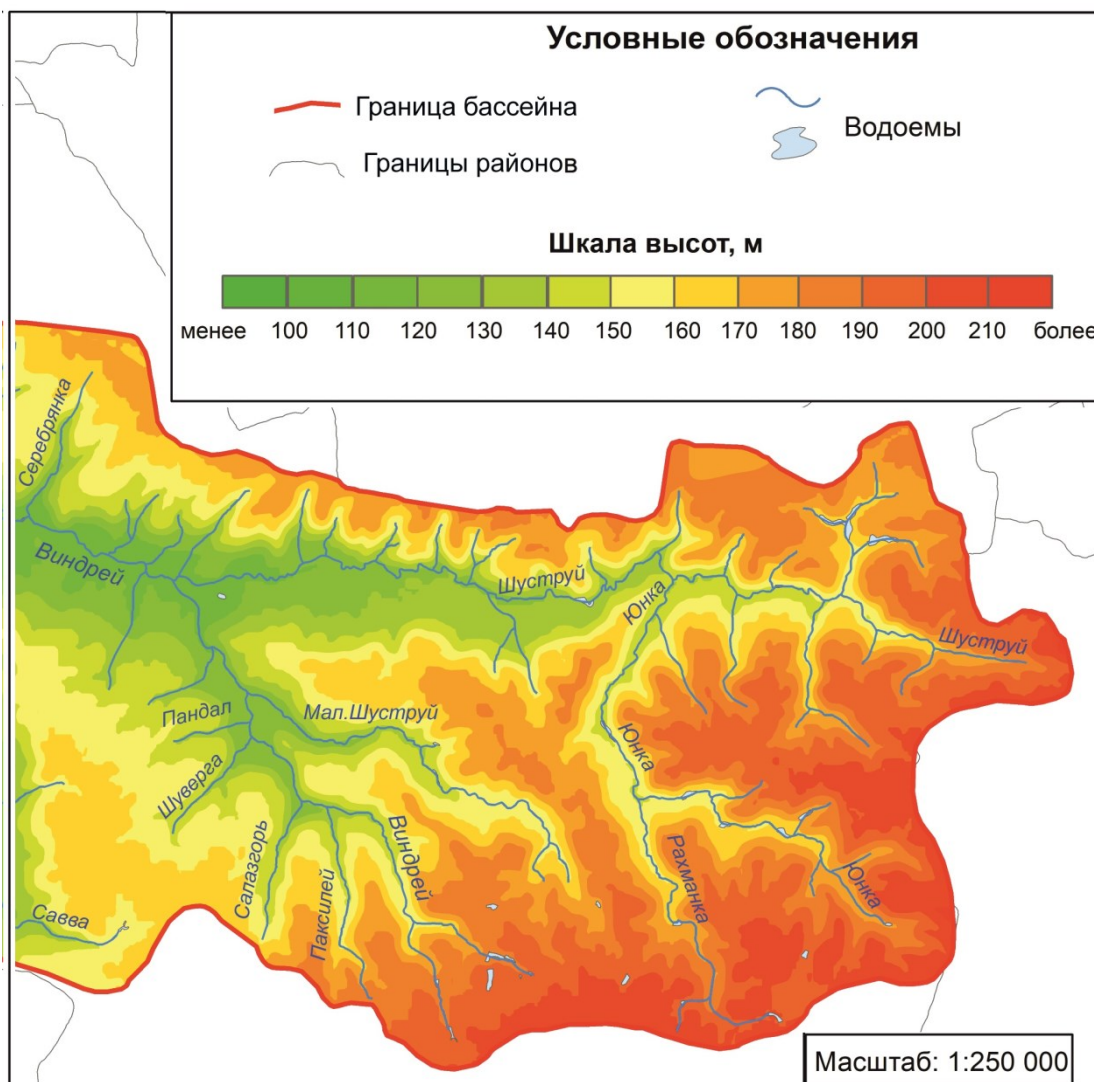

Рис. 3. Цифровая модель рельефа в пределах сельскохозяйственно освоенной части бассейна р. Виндрей (вне масштаба).

Составлено авторами

Утрированная в цветовом отношении гипсометрическая шкала применена с целью лучшего различения каждой из 13 отдельных ступеней шкалы высот. Изначально ЦМР создавалась на гораздо большую территорию, нежели площадь центральной и восточной частей бассейна р. Виндрей, для повышения качества интерполирования и точности моделирования. Затем на ее основе была получена серия производных карт и моделей [3; 5; 10; 11; 15–17], из которых в нашем случае наибольший интерес представляла карта уклонов поверхности (рис. 4).

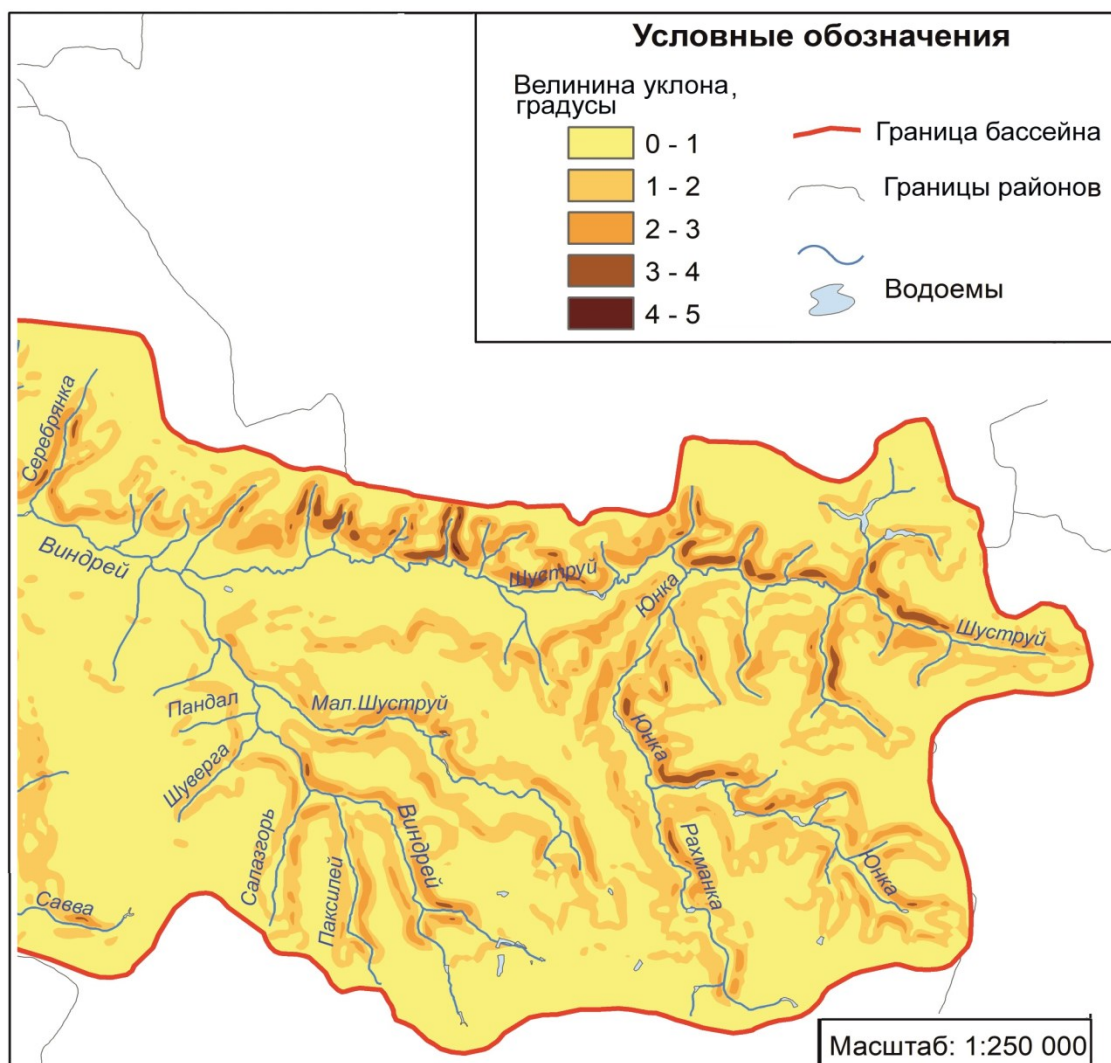

Рис. 4. Карта уклонов поверхности в пределах сельскохозяйственно освоенной части бассейна р. Виндрей (вне масштаба).

Составлено авторами

Результаты и обсуждение

На следующем этапе был проведен анализ отдельных элементов рельефа: определена их сложность, а полученные данные использованы для составления иерархической лестницы важности итогового результата. Совместное использование и анализ полученных морфометрических показателей величин уклонов поверхности (крутизны склонов) и амплитуды высот в пределах различных территориальных ячеек дало возможность выявить участки, в разной степени подверженные опасности воздействия негативных природных и природно-стимулированных процессов.

В их числе, прежде всего, такие как подтопление, затопление и заболачивание, связанные с выпадением повышенного количества атмосферных осадков, интенсивным снеготаянием, подъемом уровня водоемов и грунтовых вод. Кроме того, были выявлены такие территории, почвенный покров которых в

той или иной степени подвержен негативному воздействию разного рода природных и антропогенно стимулированных экзогенно-динамических процессов, прежде всего склоновой эрозии [1–5; 8; 11]. Это позволило на основе полученной информации провести отбор потенциально пригодных пахотных земель.

Значения каждого проанализированного геоморфометрического показателя (уклон поверхности, экспозиция, плановая кривизна, профильная кривизна, вертикальное расчленение, горизонтальное расчленение, наличие и количество основных структурных линий и др.) распределялись по двум категориям. При этом положительное влияние на качество сельскохозяйственных пахотных угодий оценивалось в 1 балл, а за отрицательное, соответственно, 1 балл снимался. Таким образом, среди всех участков сельскохозяйственных угодий, в дополнение к соответствующим в той или иной мере их природно-ресурсному потенциалу, были выявлены, проанализированы и картографированы аномальные. Они были определены как «неиспользуемые качественные» и «используемые некачественные» (рис. 5).

В результате это позволило учесть с одной стороны — отдельные участки сельскохозяйственных угодий, которые сейчас не используются, но при этом обладают высоким агропроизводственным и природно-хозяйственным потенциалом, а с другой — участки, которые напротив, целесообразнее было бы вывести из сельскохозяйственного фонда и оборота, передав под другие нужды. Территориально первая группа участков сельскохозяйственных угодий практически полностью приурочена к центральной части бассейна р. Виндрей, а вторая – к северо-восточной (см. рис. 5). При этом неиспользуемые качественные участки сельскохозяйственных угодий находятся в непосредственной близости от ближайших населенных пунктов, что позволит возобновить их хозяйственное использование в качестве пашни в максимально короткие сроки и с минимальными материальными затратами.

При проведении комплексного геоморфометрического анализа рельефа бассейна р. Виндрей средствами геоинформационных технологий были получены следующие результаты.

1. Выделены качественные в пахотном отношении, но не используемые в настоящее время (часть из них — полностью заброшенные) участки (см. рис. 5). Они характеризуются отсутствием больших значений уклонов и перепадов высот, а также не подвержены чрезмерному воздействию процессов подтопления и заболачивания. Все это гарантирует их высокую хозяйственную продуктивность и позволяет прогнозировать значительную экономическую выгоду от восстановления их пахотного использования (земледельческого освоения) и вовлечения в хозяйственный оборот.

2. Выделены некачественные используемые участки (см. рис. 5). Они характеризуются наличием всех тех негативных черт, которые отсутствуют у описанных выше качественных участков. Наиболее оптимальным хозяйственным управленческим решением в их отношении было бы рекомендовать вывести такие территории из фонда сельскохозяйственных угодий (и, особенно, из категории пашни) и передать под другие нужды.

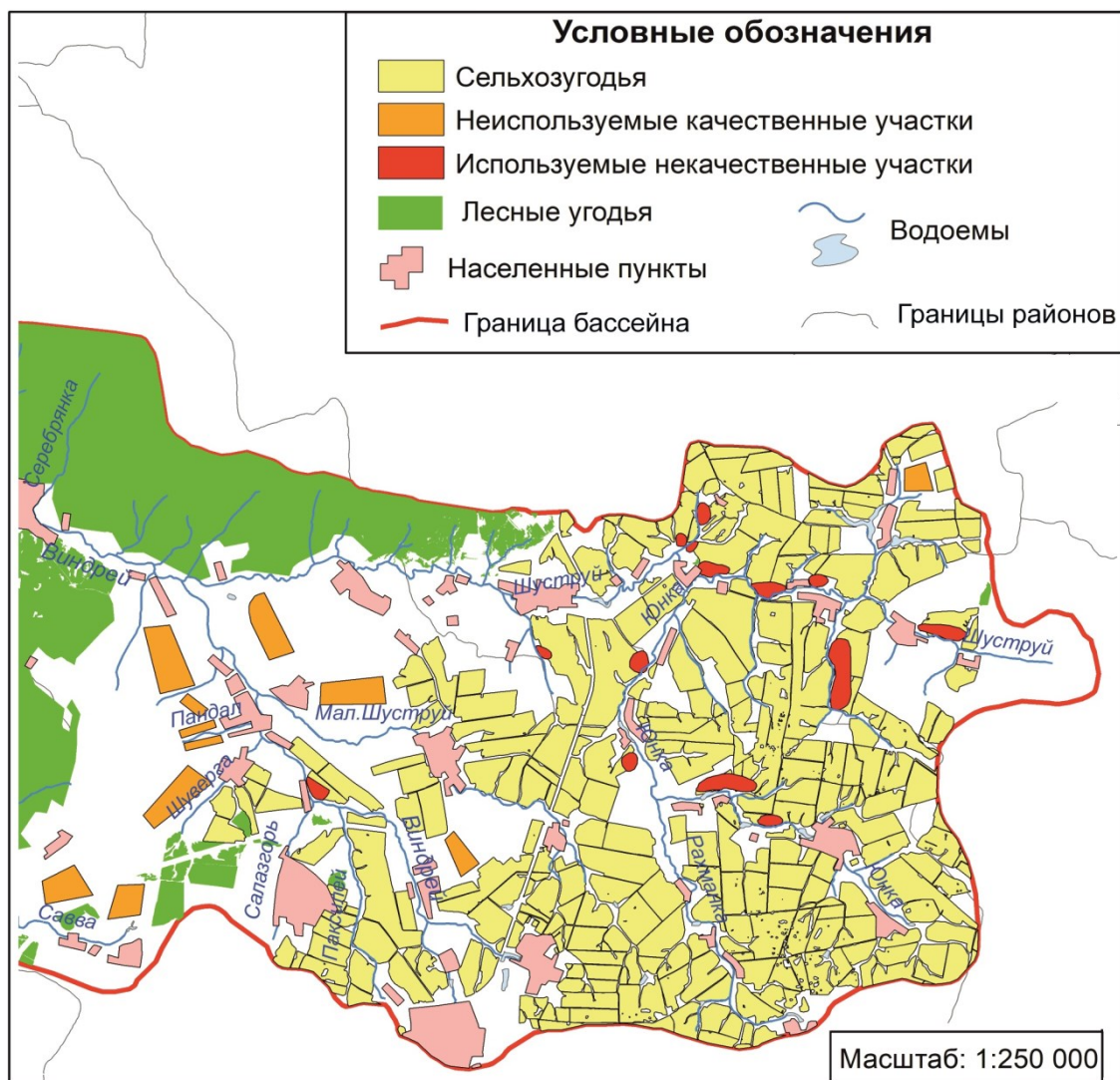

Рис. 5. Результаты анализа участков сельскохозяйственных угодий в пределах сельскохозяйственно освоенной части бассейна р. Виндрей (вне масштаба).

Составлено авторами

Наиболее целесообразным стало бы проведение на территории подобных участков постаграрных земель работ по лесовосстановлению и/или после их экологической ренатурации и реабилитации — формирование на их основе новых элементов природно-экологического каркаса [9] с последующим включением в состав земель экологического фонда и/или использованием в качестве территорий экологической компенсации. Таким образом, решались бы и задачи оптимизации локального и регионального природопользования в бассейнах малых рек [1–4; 6; 9; 10; 15; 16].

Выводы

Комплексные данные и геоинформационно-картографические материалы, полученные в результате геоморфометрического ГИС-анализа цифровой модели рельефа бассейна р. Виндрей достаточно детальны, что позволяет широко использовать их в одной из технологий определения качества

сельскохозяйственных угодий. Стоит отметить возможность и необходимость применения современных методов получения исходных геоморфологических данных, включая дистанционные методы анализа, что особенно важно для недостаточно изученных и сравнительно удаленных территорий. Хотя целью данной работы являлось исследование возможности выделения различных по качеству участков сельскохозяйственных угодий по результатам проведения комплексного геоморфометрического анализа рельефа, изученная и предлагаемая технология может быть развита и проработана дальше, прежде всего введением и использованием значительное большего числа квалификаций в рамках изучения отдельных морфометрических показателей.

Литература

1. Голл Н. В., Нечаева Т. В., Савенков О. А., Смирнова Н. В., Смирнов В. В. Методы геоморфометрии и цифрового картографирования для оценки пространственной изменчивости свойств агросерой почвы склона // Почвоведение. 2017. № 1. С. 24–34.
2. Дубровская С. А., Ряхов Р. В. Ландшафтно-экологическое районирование города Оренбурга на основе геоморфометрических и эколого-хозяйственных особенностей территории // Геоинформатика. 2020. № 4. С. 63–70.
3. Кузьмин С. Б., Данько Л. В., Черкашин Е. А., Осипов Э. Ю. Цифровые модели рельефа: методика построения и возможности использования при геоморфологическом анализе // Геоморфология. 2007. № 4. С. 33–41. <https://doi.org/10.15356/0435-4281-2007-4-33-41>.
4. Кутинов Ю. Г., Полякова Е. В., Чистова З. Б., Минеев А. Л., Мырцева Е. А. Вероятность проявления эрозионных процессов на территории Архангельской области на основе цифрового моделирования рельефа // Риски и безопасность в стремительно меняющемся мире: материалы 6-й Международной науч. конф. Прага: Социосфера. 2018. С. 44–48.
5. Минеев А. Л., Кутинов Ю. Г., Чистова З. Б., Полякова Е. В. Геоэкологическое районирование территории Архангельской области с использованием цифровых моделей рельефа и ГИС-технологий // Пространство и Время. 2017. № 2–4 (28–30). С. 267–288.
6. Невидимова О. Г., Кузнецов А. С. Морфометрическая дифференциация плотности гелиоресурса на северном макросклоне Северо-Чуйского хребта (Горный Алтай) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. С. 731. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21540>.
7. Павлова А. И. Анализ методов интерполирования для создания цифровых моделей рельефа // Автометрия. 2017. Т. 53. № 2. С. 86–94.
8. Симонов Ю. Г. Морфометрический анализ рельефа. М.–Смоленск : Издательство Смоленского государственного университета, 1998. С. 121–128.
9. Тесленок К. С., Тесленок С. . Новые элементы экологического каркаса территории как средство повышения экологической устойчивости региона // Географические аспекты устойчивого развития регионов : Междунар. науч.-практич. конф. «Географические аспекты устойчивого развития регионов», 23–24 апр. 2015 г.: материалы: в 2 ч. Ч. 1. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. С. 228–231.

10. Тесленок С. А., Манухов В. Ф., Тесленок К. С. Цифровое моделирование рельефа Республики Мордовия // Геодезия и картография. 2019. № 7. С. 30–38. DOI: 10.22389/0016-7126-2019-949-7-30-38.
11. Тесленок К. С., Муштайкин А. П., Тесленок С. А. Изучение особенностей сельскохозяйственных угодий с использованием цифровых моделей рельефа. ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Междунар. конф. М.: Издательство Московского университета, 2020. Т. 26. Ч. 3. С. 221-228. DOI: 10.35595/2414-9179-2020-3-26-221-228.
12. Флоринский И. В. Иллюстрированное введение в геоморфометрию // Альманах пространство и время. 2016. Т. 11. Вып. 1. 20 с.
13. Шихов А. Н., Черепанова Е. С., Пьянков С. В. Геоинформационные системы. Методы пространственного анализа. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. 88 с.
14. Ютяева Д. Н., Тесленок С. А., Буцацкая Н. В., Тесленок К. С. Подготовка растровых картографических материалов для геоинформационного картографирования и моделирования // Геоинформационное картографирование в регионах России: материалы VI (заочной) Всерос. научно-практич. конф. (Воронеж, 20 нояб. 2014 г.). Воронеж: Научная книга, 2014. С. 119–130.
15. Magagna A., Giardino M., Perotti L., Ferrero E. Geoscience education research merging smartphone-aided field trips and Google Earth for geomorphologic landscape analysis. GSA Annual Meeting, At Baltimore, Maryland, USA, Vol.: Geological Society of America Abstracts with Programs. 2015. Vol. 47. no. 7. 188 p.
16. McGarigal K., Tagil S., Cushman S.A. Surface metrics: an alternative to patch metrics for the quantification of landscape structure. Landscape Ecology. 2009. Vol. 24. pp. 433–450.
17. Zeiler M. Modeling our world: the ESRI guide to geodatabase concepts. Redlands: ESRI Press. 2010. 297 p.

**K. S. Teslenok¹,
S. A. Teslenok²,
A. P. Mushtaykin³,
V. N. Maskaykin⁴**

Possibilities of using geomorphometric analysis to assess the quality of agricultural land

¹“Sursk Mining and Geological Company”, Saransk, Russian Federation

^{2,3,4}Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

*e-mail: teslserg@mail.ru², anton169@mail.ru³,
mordrosgeo@mail.ru⁴*

Abstract. *Today's development in geoinformation technologies has reached unprecedented heights. With the help of various tools and programmes, it has become possible to remotely receive and process geographic data and analyse them, which leads to significant improvements in land use.*

In this article, the impact of individual geomorphometric indicators obtained during the analysis on the properties of arable agricultural land was calculated. It was important to show the potential of using the proposed technology in the field of improving the

economic efficiency of managing small territories.

The study area was the Vindrei River basin (area 1140 km²; Partsa river basin → Vad → Moksha → Oka → Volga; Republic of Mordovia), which is well suited to show the advantages of the technology being developed. When demonstrating the methodology, it was important to show how this technology can be used to improve the economic efficiency of small area management.

The first stage of work consisted in selection of initial data on the investigated territory and their presentation in the necessary form. At the second stage, the analysis of individual elements of the relief was carried out: the complexity of their obtaining and compilation was determined, as well as the hierarchical ladder of importance for the final result. The joint use and analysis of the obtained morphometric indicators of the values of surface slopes (slope steepness) and the amplitude of heights within different territorial cells made it possible to identify areas that are exposed to the risk of negative natural and naturally stimulated processes to varying degrees. These include, first of all, such as flooding, flooding and waterlogging associated with increased precipitation, intense snowmelt, rising water levels and groundwater. In addition, such territories were identified, the soil cover of which is more or less subject to the negative impact of various kinds of natural and anthropogenic stimulated exogenous-dynamic processes, primarily slope erosion. Thus, at the last stage the selection of arable lands was carried out on the basis of the received information.

The values of each analyzed geomorphometric indicator (surface slope, exposure, planned curvature, profile curvature, vertical dissection, horizontal dissection, presence and number of main structural lines, etc.) were distributed into two categories. At the same time, the positive impact on the quality of agricultural arable land was estimated at 1 point, and for a negative, respectively, 1 point was removed. Thus, among all the plots of agricultural land, in addition to corresponding to some extent to their natural resource potential, anomalous ones were identified, analyzed and mapped. They were defined as “unused high-quality” and “used low-quality”. As a result of the work, it was concluded about the possibilities of the methodology used, its scope of application in practical and geographical terms.

An analysis of the use of arable land has been carried out for the territory under study, and recommendations have been made to improve the situation in the area of land use. It is worth noting the possibility and necessity of using modern methods for obtaining initial geomorphological data, including remote analysis methods, which is especially important for insufficiently studied and relatively remote territories. Although the purpose of this work was to study the possibility of identifying different quality areas of agricultural land based on the results of a comprehensive geomorphometric analysis of the relief, the studied and proposed technology can be developed and developed further, primarily by introducing and using a significantly larger number of qualifications in the study of individual morphometric indicators.

Keywords: *agriculture, agricultural land, digital elevation modeling, GIS mapping, geomorphometry, analysis of relief, geomorphometric analysis, the GIS ArcGIS, river basin, Windray.*

References

1. Goll N. V., Nechaeva T. V., Savenkov O. A., Smirnova N. V., Smirnov V. V. *Metody geomorfometrii i cifrovogo kartografirovaniya dlja ocenki prostranstvennoj izmenchivosti*

- svoystv agroseroj pochvy sklona. Pochvovedenie. 2017. no. 1. pp. 24–34. (in Russian).
2. Dubrovskaja S. A., Rjahov R. V. Landshaftno-jekologicheskoe rajonirovanie goroda Orenburga na osnove geomorfometriceskikh i jekologo-hozjajstvennyh osobennostej territorii. Geoinformatika. 2020. no. 4. pp. 63–70. (in Russian).
 3. Kuz'min S. B., Dan'ko L. V., Cherkashin E. A., Osipov Je. Ju. Cifrovye modeli rel'efa: metodika postroenija i vozmozhnosti ispol'zovanija pri geomorfologicheskom analize. Geomorfologija. 2007. no. 4. pp. 33–41. <https://doi.org/10.15356/0435-4281-2007-4-33-41>. (in Russian).
 4. Kutinov Ju. G., Poljakova E. V., Chistova Z. B., Mineev A. L., Myrceva E. A. Verojatnost' pojavlenija jerozionnyh processov na territorii Arhangel'skoj oblasti na osnove cifrovogo modelirovanija rel'efa. Riski i bezopasnost' v stremitel'no menjajushhemsja mire: materialy 6-j Mezhdunarodnoj nauch. konf. Praga: Sociosfera, 2018. pp. 44–48. (in Russian).
 5. Mineev A. L., Kutinov Ju. G., Chistova Z. B., Poljakova E. V. Geojekologicheskoe rajonirovanie territorii Arhangel'skoj oblasti s ispol'zovaniem cifrovych modelej rel'efa i GIS-tehnologij. Prostranstvo i Vremja. 2017. no. 2–4 (28–30). pp. 267–288.
 6. Nevidimova O. G., Kuznecov A. S. Morfometriceskaja differenciacija plotnosti gelioreursa na severnom makrosklone Severo-Chujskogo hrebta (Gornyj Altaj) [Electronic resource]. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. no. 2–2. pp. 731. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21540>. (in Russian).
 7. Pavlova A. I. Analiz metodov interpolirovanija dlja sozdaniya cifrovych modelej rel'efa. Avtometrija. 2017. Vol. 53. no. 2. pp. 86–94. (in Russian).
 8. Simonov Ju. G. Morfometriceskij analiz rel'efa. M. Smolensk : Izdatel'stvo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, 1998. pp. 121–128. (in Russian).
 9. Teslenok K. S., Teslenok S. A. Novye jelementy jekologicheskogo karkasa territorii kak sredstvo povyshenija jekologicheskoy ustojchivosti regiona. Geograficheskie aspekty ustojchivogo razvitija regionov : Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. «Geograficheskie aspekty ustojchivogo razvitija regionov», 23–24 apr. 2015 g.: materialy : v 2 part. Part 1. Gomel' : GGU im. F. Skoriny, 2015. pp. 228–231. (in Russian).
 10. Teslenok S. A., Manukhov V. F., Teslenok K. S. Digital elevation modeling of the Republic of Mordovia. Geodezia i Kartografija, 2019. no. 7. pp. 30–38. DOI: 10.22389/0016-7126-2019-949-7-30-38. (in Russian).
 11. Teslenok K. S., Mushtajkin A. P., Teslenok S. A. Izuchenie osobennostej sel'skoho-zjajstvennyh ugodij s ispol'zovaniem cifrovych modelej rel'efa. InterKarto. InterGIS. Geoinformacionnoe obespechenie ustojchivogo razvitija territorij: Materialy Mezhdunar. konf. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020. Vol. 26. Part. 3. pp. 221–228. DOI: 10.35595/2414-9179-2020-3-26-221-228. (in Russian).
 12. Florinsky I. V. Illjustrirovanoe vvedenie v geomorfometriju. Al'manah prostranstvo i vremja. 2016. Vol. 11. Ussue 1. 20 p. (in Russian).
 13. Shihov A. N., Cherepanova E. S., P'jankov S. V. Geoinformacionnye sistemy. Metody prostranstvennogo analiza. Perm' : Perm. gos. nac. issled. un-t, 2017. 88 p. (in Russian).
 14. Jutjaeva D. N., Teslenok S. A., Buchackaja N. V., Teslenok K. S. Podgotovka rastrovych kartograficheskikh materialov dlja geoinformacionnogo kartografirovanija i modelirovanija. Geoinformacionnoe kartografirovanie v regionah Rossii: materialy

- VI (zaочноj) Vseros. nauchno-praktich. konf. (Voronezh, 20 nojab. 2014 g.). Voronezh : Nauchnaja kniga, 2014. pp. 119–130. (in Russian).
15. Magagna A., Giardino M., Perotti L., Ferrero E. Geoscience education research merging smartphone-aided field trips and Google Earth for geomorphologic landscape analysis. GSA Annual Meeting, At Baltimore, Maryland, USA. Vol.: Geological Society of America Abstracts with Programs. 2015. Vol. 47. no. 7. 188 p.
 16. McGarigal K., Tagil S., Cushman S.A. Surface metrics: an alternative to patch metrics for the quantification of landscape structure. *Landscape Ecology*. 2009. Vol. 24. pp. 433–450.
 17. Zeiler M. *Modeling our world: the ESRI guide to geodatabase concepts*. Redlands: ESRI Press. 2010. 297 p.

Поступила в редакцию 11.07.2021 г.

УДК 911.3

П. П. Турун¹,
Б. В. Полушковский²,
Э. Н. Сутормина³

Сельское расселение Ставропольского края: смена тенденций развития

^{1,2,3}ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Российская Федерация
e-mail: turun_geob1@mail.ru¹, boris_pol@rambler.ru²,
sutormina_ella@mail.ru³

Аннотация. В работе проведен пространственный анализ динамики сельского расселения Ставропольского края за период с середины XX века до наших дней. Определены основные особенности сельского населения региона. Большое внимание уделяется изучению вопросов взаимосвязанного расселения. Проведено зонирование территории края в зависимости от динамики численности сельского населения. Рассмотрено влияние опорного каркаса расселения на сельскую местность. Рассмотрено развития районных центров, их влияние на динамику сельского населения.

Ключевые слова: Ставропольский край, сельское расселение и его динамика, влияние опорного каркаса, районные центры.

Введение

Совершенствование расселения, всей сети населенных пунктов, образующих среду обитания человека, является важной задачей развития страны и отдельных ее регионов. Актуальность исследования изменений в размещении населения связана с существенными территориальными различиями в заселенности и освоенности, которая усложняется проблемами формирования региональных и локальных систем расселения. При изучении размещения населения и его сдвигов требуется комплексное, взаимосвязанное исследование природно-ресурсного потенциала территорий, хозяйственных комплексов и расселения. При этом территориальные различия в динамике численности населения отражают суммарное воздействие, с одной стороны, процессов урбанизации и развития сельского расселения, а с другой — естественного воспроизводства населения и его миграционного перераспределения.

Трансформация сельского расселения в условиях одновременного воздействия сложного комплекса факторов происходит неравномерно, поэтому требуется учет региональных и локальных различий этого процесса.

Материалы и методы

В течение длительного времени городское и сельское расселение развивались независимо друг от друга. Однако со второй половины XX века усиление процессов урбанизации в нашей стране привело к изменению характера трансформации и территориальной дифференциации сельского расселения. В этих условиях необходимо более глубокое исследование взаимосвязей между двумя системами расселения. Существенное влияние на понимание процессов эволюции и трансформации оказала стадийная концепция Ж. А. Зайончковской

с выделением стадий автономного, концентрированного и интегрированного расселения [1].

Среди проблем сельской местности возрастает значение изучения опорного каркаса расселения (ОКР). Исследование процессов эволюции и трансформации свидетельствует об усилении в расселении каркасности и системности. Узловые элементы опорного каркаса (крупные города) усиливают свое влияние на окружающую территорию. В результате происходит постепенный переход расселенческих структур к формам концентрированного и интегрированного расселения. Наиболее рельефно эти процессы выражены в пределах городских агломераций.

Авторские выводы в работе связаны с использованием материалов Всесоюзных (1959, 1970, 1979, 1989 г.) и Всероссийских (2002, 2010 г.) переписей населения, а также данных текущего статистического учета. Картографическое отображение информации позволяет построить серию карт по отдельным межпереписным периодам и, в целом, за весь период наблюдений, отражающих основные сдвиги в сельском расселении региона. Статистический анализ позволяет выявить структурные изменения в сети поселений и определить устойчивость сельских населенных пунктов в региональном разрезе.

Результаты и обсуждение

В настоящее время Ставропольский край занимает площадь 66,2 тыс. км². Он отличается разнообразием природных условий, аграрно-индустриальным характером развития, невысоким уровнем урбанизации. На протяжении длительного времени сохраняется высокая доля сельского населения по сравнению со среднероссийским уровнем. В 2020 г. общая численность населения Ставрополья составляла 2,8 млн чел., из которых 40,9% проживало в сельской местности [2]. Вместе с тем, усиление процессов урбанизации влияет на сокращение численности жителей села и существенную трансформацию сельской поселенческой сети.

Характерной чертой сельского населения Ставрополья является положительный характер динамики в XX веке и сохранение его высокой доли. Анализ материалов переписей населения послевоенного времени (1959–2002 гг.) показывает увеличение численности сельского населения. Сокращение числа жителей наблюдалось только в 1970-е годы, что было связано с интенсивным процессом перехода сельских поселений в города. Подобная ситуация, во многом, объясняется своеобразием благоприятной демографической ситуации, сложившейся в крае. В 1990-е годы Ставропольский край испытал на себе мощное миграционное давление, в том числе, со стороны беженцев и вынужденных переселенцев, которые прибывали из «горячих точек» Северного Кавказа и Закавказья. Несмотря на естественную убыль населения в этот период, прирост численности жителей села составил 11,2%. В 1989–2002 гг. абсолютная убыль населения была зафиксирована только в одном административном районе края, расположенном на значительном расстоянии от крупных городов региона [3; 4; 5; 6; 7; 8].

В течение этого периода происходят существенные изменения в структуре сети сельских поселений. Трансформация системы расселения связана с сокращением сельской поселенческой сети, в том числе при переходе ряда сел в

категорию городских поселений. Основные изменения структуры связаны с сокращением удельного веса малых и средних сельских населенных пунктов и увеличением крупных. В поселениях последнего типа растет численность проживающего населения. В результате такой трансформации усиливается поляризация расселения. Увеличение людности сельских поселений влияет на стабильность всей системы.

Отличительной чертой сельского расселения является концентрация населения в административных центрах — районных центрах (РЦ), которые выполняют основные функции межселенного обслуживания. Итогом развития систем расселения локального уровня является формирование города, как ее центра. Во второй половине XX века девять сельских населенных пунктов перешли в категорию малых городов. Эти административные преобразования, в том числе, привели к сокращению численности сельского населения Ставропольского края: межпереписной период 1959–1970 гг. — 4 (Зеленокумск, Изобильный, Светлоград, Нефтекумск); 1970–1979 гг. — 2 (Благодарный, Новоалександровск); 1979–1989 — 2 (Ипатово, Новопавловск); 1989–2002 гг. — 1 (Михайловск) [3; 4; 5; 6; 7].

Особенностью эволюции расселения в XX веке является усиление его каркасности. Опорный каркас расселения (ОКР) в Ставропольском крае образуют города с численностью населения более 100 тыс. чел. и транспортные магистрали их соединяющие.

Города и городские агломерации оказывают существенное влияние на сельское расселение, при этом пригородные зоны отличаются высокими темпами прироста численности населения. Используемые в советское время меры административного регулирования роста городов (в том числе курортов Кавказских Минеральных Вод — КМВ) влияли на изменение миграционных потоков, ориентированных на города, в направлении сельских поселений пригородных зон. В результате, в пределах этих территорий убыль населения и сокращение сети сельских населенных мест были выражены значительно слабее, чем в целом по региону. В результате, крупные города стабилизируют сеть малых сельских поселений.

Перераспределение сельского населения в пользу пригородов происходит за счет внешних зон, доля которых уменьшается даже при росте абсолютных показателей числа жителей села.

Анализ динамики численности сельского населения в 1959–2002 гг. и особенности его расселения позволили выделить в крае четыре зоны: для Предгорной, Западной и Восточной характерен положительный тип динамики, для Центральной — отрицательный [3; 7] (рис.1).

Предгорная и Западная зоны сформировались вокруг двух агломераций региона (Ставропольской и Кавминводской). Они отличаются самыми высокими темпами прироста населения. В пределах этих зон расположен краевой центр, единственный крупный город края (Ставрополь) и все большие города (Невинномысск, Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки).

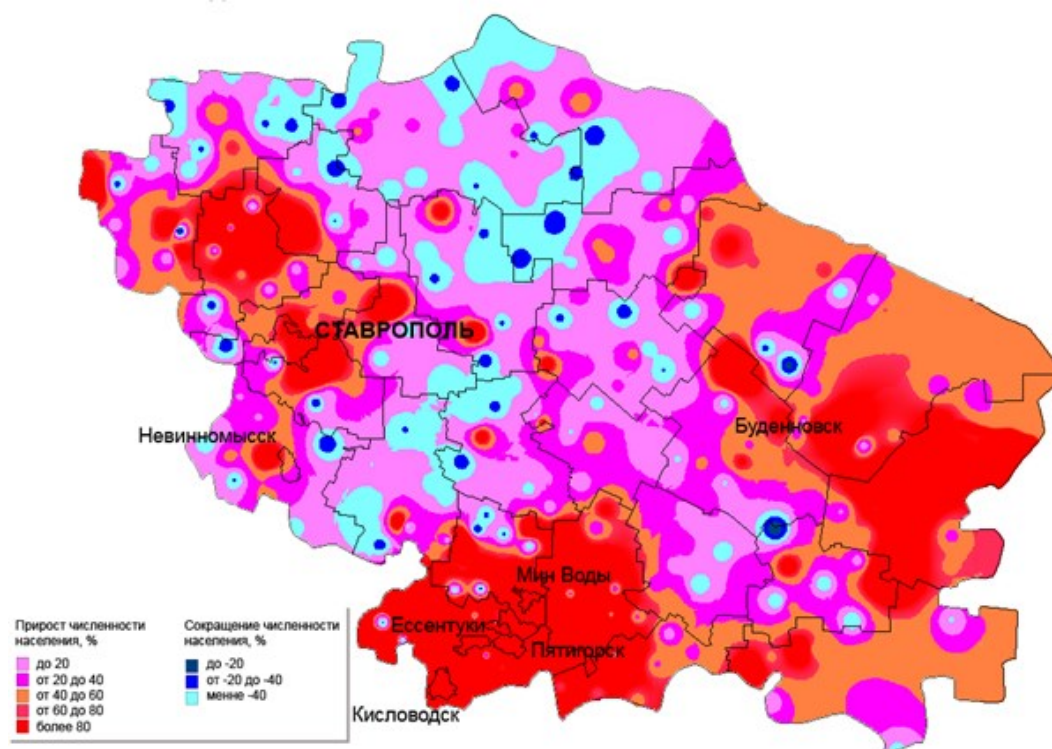

Рис. 1. Динамика сельского расселения Ставропольского края в 1959–2002 гг. [9].

На территории Западной зоны можно выделить два отдельных ареала с высокими показателями прироста сельского населения, которые совпадают с пригородами Ставрополя и Невинномысска (более 40%). При удалении от центров агломерации прирост численности сокращается до 20% [3; 7]. За пределами зоны влияния краевого центра и крупнейшего промышленного центра региона динамика становится отрицательной. В целом, именно пригородные территории определяют динамику сельского населения всей Западной зоны.

Трансформация расселения района КМВ привела к измельчению малых поселений и росту крупных, в результате усилилась поляризация пространства. Последние к 2002 г. составляли около 40% от общего числа населенных пунктов, в которых проживало абсолютное число сельских жителей (90%). Города являются стабилизирующим фактором сохранения малых поселений — в Предгорной зоне, их доля, составляющая 8,5%, относительно велика, по сравнению с другими территориями края [3; 7].

Восточная — третья зона положительных показателей прироста сельского населения, — расположена в периферийной части Ставропольского края, самой удаленной от центров городской жизни. Ее положительный прирост во многом был связан с высокой долей проживающих здесь северокавказских народов, которые отличаются высокой рождаемостью, относительно низкой миграционной подвижностью и, как следствие, положительным естественным и общим приростом. Ареал увеличения числа сельских жителей 40% и выше охватывает территорию четырех административных районов, в пределах которого выделяются пригороды Буденновска (единственный средний город в пределах зоны) и Нефтекумска с приростом 80%.

Между ними располагается Центральная зона, для которой характерна убыль населения. Динамика по межпереписным периодам изменяется. В 1989–2002 гг. в пределах рассматриваемой территории, на фоне положительного естественного и миграционного прироста, сокращение численности сельского населения наблюдалось только в северо-западной части зоны.

В целом, сельское расселение Ставропольского края отличается высоким удельным весом крупных и крупнейших населенных пунктов, в том числе людностью более 5 тыс. чел. Со временем их доля в структуре сети постоянно растёт. Наименее устойчивы средние поселения, на фоне которых удельный вес крупных и малых увеличивается при переходе в эту категорию именно средних населенных пунктов.

Для сельского расселения Ставрополя в 1959–2002 гг. характерна концентрация. В результате этого процесса относительно равномерно заселенное пространство края дробится на отдельные очаги. Расселение в значительной мере поляризуется.

В крае в пригородных зонах сельские поселения сохраняют в производственном отношении свою прежнюю сельскохозяйственную специализацию. Вместе с тем, малые, «неперспективные» ранее населенные пункты, на рубеже веков стали местами постоянного проживания или отдыха жителей города. Широкое распространение получило рекреационное расселение. Крупные города, притянув на первых порах значительную часть сельского населения и послужив, таким образом, одной из главных причин запустения деревни, со временем сделались источником репопуляции сельской местности, правда, с совершенно иным качественным содержанием [10].

Другой вариант изменений в сельском расселении характерен для значительного числа сельских районов и проявляется в депопуляции. Миграционный отток из глубинных и периферийных территорий, приводит к изменениям сети сельских поселений и исчезновению некоторых из них, особенно тех, которые обладают невыгодным экономико-географическим положением, особенно, относительно узловых и линейных элементов ОКР. Депопуляция затронула и малые, и средние, и крупные сельские поселения [10].

В 2002–2010 гг. численность сельского населения Ставропольского края уменьшилась на 0,9% [7; 8]. В советский период сокращение наблюдалось только в 1970–1979 гг., когда оно было связано с переходом ряда крупных сельских населенных пунктов в категорию городских поселений. Второй же период отличается изменением характера демографических процессов.

По сравнению с 2002 г., к концу рассматриваемого периода число сельских жителей увеличилось в пределах только девяти административных районов края (из 26). Максимальные показатели прироста наблюдались в пригородном Шпаковском районе, на территории которого находится краевой центр г. Ставрополь (13,2%). В то же время, увеличение численности населения Предгорного района, в пределах которого находятся города-курорты КМВ, составило всего 4,3%. Наиболее значимое снижение численности населения характерно для северо-восточной части края [7; 8] (рис. 2).

В этот период продолжалось сокращение сети средних поселений до 47,3%. При этом увеличился удельный вес малых (на 2,5%) и крупных населенных пунктов [7; 8].

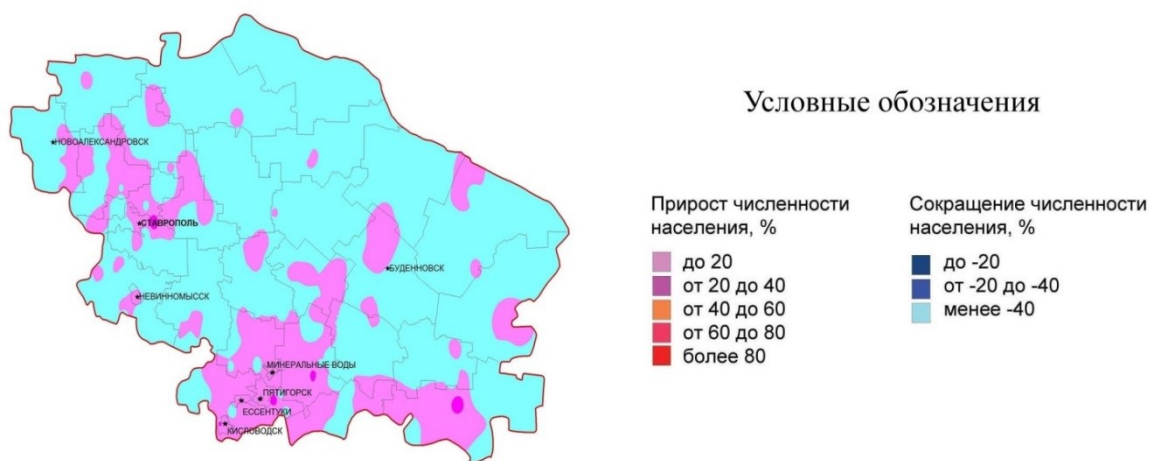

Рис. 2. Динамика сельского расселения Ставропольского края в 2002–2010 гг. [9].

Трансформация сельского расселения в это время в значительной степени зависит от развития опорного каркаса расселения. На динамику жителей села сильное влияние оказывают города, главным образом крупные и большие, в зонах влияния которых развиваются маятниковые миграции населения, сдерживающие убыль сельского населения.

Кроме того, высокая концентрация городов и сельских поселений вдоль важнейших транспортных магистралей общероссийского и регионального значения предопределила формирование сельских «глубинок» (север, центр и восток края), которые являются зонами интенсивного оттока сельского населения.

Важная роль в сельском расселении принадлежит районным центрам. На территории Ставропольского края функции таких центров в XXI веке выполняют 14 сельских поселений (54% от общего числа райцентров) [8].

На территории края, по материалам последней Всероссийской переписи населения 2010 г., некоторые села-РЦ превосходят по числу жителей малые города — с. Александровское (27,5 тыс.), с. Кочубеевское (26,8 тыс.), ст. Эссентукская (20,2 тыс.). До своего преобразования в 1998 г. в городское поселение с. Шпаковское (в настоящее время г. Михайловск) являлось самым крупным сельским поселением России (42,8 тыс. чел. в 1989 г.) [8]. Все центры административных районов увеличивали численность населения до 2002 года. Однако в 2002–2010 гг. начала проявляться и противоположная тенденция.

На Ставрополье за последнее десятилетие (2010–2020 гг.) произошло сокращение сельского населения на 3,8%, при увеличении численности городского на 3,9% [2; 8]. Это свидетельствует об усилении процессов депопуляции на селе (до начала XXI века абсолютное число сельских жителей края постоянно увеличивалось).

Динамика численности сельских жителей по отдельным муниципальным и городским округам (ранее — административные районы) представляет очень мозаичную картину. В Ставропольском крае по отдельным округам она колебалась от — 14,6% до + 3,6% [2; 8].

В 2010–2020 гг. численность сельского населения выросла на территории только трех муниципальных округов (районов) края. Рост наблюдался в пригородных Шпаковском и Предгорном округах, на территории которых

находится краевой центр г. Ставрополь и агломерация КМВ (соответственно 2,3 и 3,6%). Положительный прирост характерен и для Грачевского округа, находящегося в зоне влияния г. Ставрополя [2; 8].

Значительная часть сельского населения Шпаковского и Предгорного округов работает на предприятиях и в учреждениях города Ставрополя или городов КМВ, что препятствует оттоку жителей.

Промышленная специализация города не оказывает влияния на положительный характер динамики как его самого, так и прилегающих территорий. Крупнейшие индустриальные центры края (г. Буденновск и г. Невинномысск) и округа, в пределах которых они расположены, теряют население.

На остальной территории края произошло снижение числа сельских жителей, достигающее максимума в Труновском округе — 14,6% [2; 8].

Положение по отношению к транспортным магистралям, в том числе федерального значения, — близость или удаленность от них, сказывается на динамике сельского населения не столь значимо, как положение относительно узловых элементов ОКР.

Для районных центров характерна разнонаправленная динамика численности населения. В 1970–2002 гг., за редким исключением (сёла Арзгир и Дивное в 1970–1979 гг.), все РЦ увеличивали число своих жителей [4; 5; 6; 7]. Однако в последние десятилетия знак динамики меняется на противоположный. В 2002–2010 гг. для 57,7% административных центров характерна убыль населения [7; 8], в 2010–2020 гг. таких РЦ с положительным приростом осталось всего 4 (с. Грачевка, г. Новоалександровск, ст. Ессентукская, г. Михайловск). Обращает на себя внимание сокращение численности населения не только сельских поселений, но и средних городов края, выполняющих роль районных центров, — Буденновска, Георгиевска, Минеральных Вод [2; 8].

Концентрация населения в сельских «столицах» приводит к повышению их доли в общей численности населения района. Если в среднем по краю этот показатель в 1970 г. составлял 30,1%, то к 2020 г. он увеличился почти на треть (до 39,6%) [2; 4]. В течение 50-летнего периода большинство административных центров края (кроме Георгиевского и Минераловодского районов) увеличили свою долю в общей численности населения своей административной единицы. Самый высокий прирост (в 2,5–3 раза) наблюдался в райцентрах (с. Грачевка, с. Летняя Ставка), которые возглавляли образованные только в 1970 г. районы, и имевшие минимальную численность населения среди всех центров края этого уровня (соответственно 2,2 и 1,4 тыс. чел.) [2; 4].

Преобладающей тенденцией является рост удельного веса жителей, проживающих в райцентре — в 7 (из 26) районах он составляет более 50% [2]. Строгой закономерности, при этом, не наблюдается — это пригороды «краевой столицы» (Шпаковский район); районы, возглавляемые средними (Буденновский, Минераловодский) и малыми городами (Благодарненский, Советский); сельские районы центральной (Александровский) и глубинной (Арзгирский) части края.

Выводы

Изменения в сельском расселении Ставропольского края, начиная со второй половины XX века, связаны с концентрацией населения в крупных населенных

пунктах, в том числе выполняющих административные функции — районных (муниципальных) центрах. При этом некоторые из них перешли в категорию городских поселений.

Одна из особенностей трансформации связана с усилением концентрации сельских жителей в пригородных зонах — вокруг больших и крупных городов, а также вдоль значимых транспортных магистралей, что происходит под влиянием сузившейся демографической базы.

Основные элементы опорного каркаса расселения (узловые и линейные) оказывают существенное влияние на сеть поселений и ее устойчивость в регионе. ОКР не только скрепляет различные территории статически, но и обеспечивает их взаимосвязанное функционирование, сопрягает системы динамически. Активное взаимодействие этих центров, осуществляемое с помощью соединяющих их магистралей, обеспечивает экономическое сжатие территории. В итоге ареально- и линейно-центрические тенденции в расселение и территориальной организации хозяйства с течением времени нарастают.

При переходе к суженному типу воспроизводства усиливается поляризации в сельском расселении. Демографических ресурсов сельской местности не хватает для того, чтобы поддерживать в неизменном виде сложившуюся сеть поселений, что приводит к постепенному свертыванию сети населенных пунктов. Согласно концепции Ж. А. Зайончковской расселение Ставропольского края находится на разных стадиях развития. Для поселенческой сети некоторых районов Восточной зоны характерна стадия автономного развития. Процесс концентрации населения наиболее выражен на территории Центральной зоны, в которой происходит активное сокращение и измельчение населенных пунктов [1].

Если раньше городское и сельское расселение существовали не сливаясь, то на третьей стадии они интегрируют при развитии интенсивных производственных, трудовых и других связей, при возрастании доступности всех видов деятельности и набора услуг для населения. Такой тип расселения формируется в пригородных районах Ставропольской и агломерации Кавказских Минеральных Вод. Однако, в постсоветский период эти процессы в значительной мере замедлились.

Литература

1. Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.
2. Оценка численности постоянного населения Ставропольского края на 1 января 2020 года в разрезе муниципальных образований / Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stavstat.gks.ru>.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 года.
8. Всероссийская перепись населения 2010 года по Ставропольскому краю. Ставрополь, 2012.

9. Турун П. П. Основные черты трансформации сельского расселения Ставропольского края в 1959–2010 гг. // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. С. 322–335.
10. Город и деревня Европейской России: Сто лет перемен. М., 2001. 560 с.

P. P. Turun¹,
B. V. Polushkovskiy²,
E. N. Sutormina³

***Rural Settlement of the Stavropol Territory:
Change in Development Trends***

^{1,2,3}North Caucasian Federal University, Stavropol, Russian Federation

e-mail: turun_geo61@mail.ru¹, boris_pol@rambler.ru²,
sutormina_ella@mail.ru³

Abstract. *The work carried out a spatial analysis of the dynamics of rural settlement of the Stavropol Territory for the period from the middle of the XX century to the present day. The main features of the rural population of the region are determined. Much attention is paid to the study of issues of interrelated settlement. The zoning of the territory of the region was carried out depending on the dynamics of the rural population. The influence of the support frame of rural settlement is considered. The development of regional centers, their influence on the dynamics of the rural population is considered.*

Keywords: *Stavropol Territory, rural settlement and its dynamics, the influence of the support frame, regional centers.*

References

1. Zaionchkovskaya J.A. Demographic situation and settlement. М.: Nauka, 1991. 132 p. (in Russian).
2. Estimation of the resident population of the Stavropol Territory as of January 1, 2020 in the context of municipalities. Office of the Federal State Statistics Service for the North Caucasus Federal District. [Electronic resource]. URL: <https://stavstat.gks.ru>. (in Russian).
3. Results of the 1959 All-Union Population Census. (in Russian).
4. Results of the 1970 All-Union Population Census. (in Russian).
5. Results of the 1979 All-Union Population Census. (in Russian).
6. Results of the 1989 All-Union Population Census. (in Russian).
7. Results of the 2002 All-Union Population Census. (in Russian).
8. All-Russian population census 2010 in the Stavropol Territory. Stavropol, 2012.
9. Turun P. P. Basic lines of transformation of rural settlement pattern in Stavropol krai during 1959–2010. Problems of Geography. Vol. 135: Geography of Population and Social Geography. М.: «Кодекс» Publishing House, 2013. pp. 322–335. (in Russian).
10. The Town and the Country in European Russia: One Hundred Years of Change. М., 2001. 560 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.06.2021 г.

УДК 911.37

В. С. Удовенко¹,
О. Е. Васильева²

**Трансформация территориальной
организации сельского населения в XXI веке
(Сланцевский район Ленинградской
области)**

¹ФГБОУ ВО «МГУ им. М. В. Ломоносова», г. Москва,
Российская Федерация

e-mail: udovenko.v.s@ya.ru

²ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

e-mail: vasilyeva.o.e@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена динамика сельского расселения как один из компонентов территориальной организации сельского населения на примере Сланцевского района с 2002 по 2019 гг. Анализ распределения сельских населенных пунктов района по людности и динамики численности населения с 2002 по 2017 г. отразил продолжающуюся тенденцию на «вымывание» средних по численности населения сел и поляризацию расселения. Оценка структуры внешних связей поселений на основе данных групп сел в соцсети VK показала различия агломерационного влияния на них в зависимости от их положения по отношению к районным центрам.

Ключевые слова: территориальная организация сельского населения, расселение населения, Сланцевский район.

Введение

Рассматриваемые в данной работе территории на основе людности населения можно назвать типичными для мелкоселенного Нечерноземья России. В Сланцевском районе, как и во всей Ленинградской области, наблюдаются наиболее поляризованное расселение и влияние Петербургской агломерации [1].

В контексте данного исследования территориальная организация сельского населения рассматривается как один из компонентов территориальной организации сельской местности в целом. Еще в 1991 году при изучении территориальной организации населения сельского Нечерноземья А. И. Алексеев и А. А. Ткаченко отмечали ряд противоречий между размещением населения и размещением социальных услуг, производств, мест приложения труда и др. Авторы видели решение проблем территориальной организации в достижении соответствия между природой, расселением и организацией хозяйства [2].

В данной статье большее внимание уделено трансформации расселения сельского населения, как составляющей части территориальной организации населения.

Определение понятия сельского расселения как совокупности сельских населенных пунктов на определенной территории было заложено еще родоначальником отечественного изучения сельского расселения С. А. Ковалевым (Ковалев, 1960; Ковалев, 1963). В современной отечественной географии вопросы

сельского расселения поднимаются в работах Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвиша, А. И. Алексеева, А. А. Ткаченко и др.

К исследованиям, в которых непосредственно изучается Сланцевский район, можно отнести работы региональных экономистов, где регион рассматривается в контексте определения потенциала саморазвития территорий (Ю. А. Самохин, А. Н. Леонтьева, 2015) и в качестве примера, иллюстрирующего перспективы реализации государственной программы развития «Ленинградский гектар» (А. З. Улимбашев, 2020).

Материалы и методы

В рамках данного исследования рассмотрены все сельские населенные пункты (далее СНП) Сланцевского района Ленинградской области, не являющиеся пригородами города Сланцы (не менее 10 км на автомобиле до границ города, согласно транспортному маршруту от Яндекс-Карт). Таким образом, выявлено 123 СНП (среди 155 СНП Сланцевского района на 2017 год), 5 из которых являются административными центрами сельских поселений (далее СП): деревни Выскатка, Старополье, Загривье, Монастырек и Новоселье. Пригородами на основе расстояния до г. Сланцы определены все СНП Гостицкого сельского и Сланцевского городского поселений, а также 12 СНП Выскатского и 4 СНП Черновского поселений, — всего 32 СНП.

В качестве картографической основы для отображения в масштабе границ всех НП Сланцевского района использовалась «Народная карта» Яндекс карт с наложением 3-х слоев: административное деление, гидрография и ж/д пути.

Основные источники статистических данных: паспорт Сланцевского муниципального образования Росстата [3], статистические справочники по Ленинградской области; картографических данных: электронные карты — «Народная карта» Яндекс [4], Google Maps, публичная кадастровая карта; качественных данных: группы СНП в социальной сети VK [5], интернет-сервисы Туту, Яндекс Путешествия др. Основные методы — метод сбора и анализа статистической информации, математический, картографический и метод использования социальных интернет-сетей.

Результаты и обсуждение

Численность сельского населения Сланцевского района на 1 января 2019 года составляла 10 157 человек. Несмотря на непродолжительный рост в 2012–2015 гг. за счет миграционного прироста, за период 2002–2019 гг. население незначительно сократилось — на 3,4% (рис. 1) за счет естественной убыли населения, составившей за 2016–2019 гг. около 9‰ [3].

В Сланцевском районе в возрасте моложе трудоспособного доли женщин и мужчин приблизительно равны, но, начиная с трудоспособного возраста, доля мужчин значительно возрастает до 60% и снижается до 30% к возрасту выше трудоспособного. Это объясняется, во-первых, разницей в продолжительности жизни между женщинами и мужчинами, во-вторых, девушки реже возвращаются в сельскую местность после обучения в городе (об этом свидетельствует число выбывших до 20 лет, где преобладает доля женщин, и прибывших с 20 до 30 лет, где значительно преобладает доля мужчин).

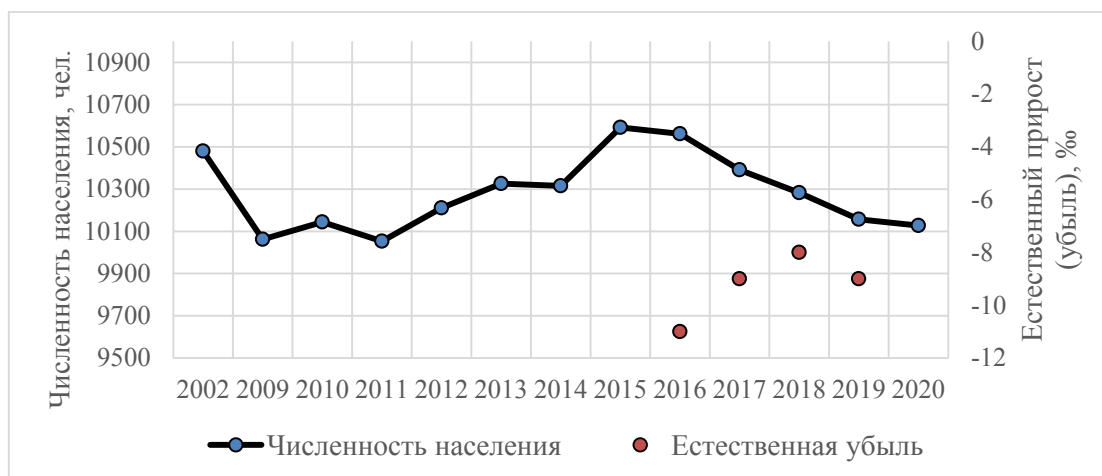

Рис. 1. Динамика численности сельского населения Сланцевского района Ленинградской области за 2002–2020 года (человек) и естественная убыль населения за 2016–2019 года (%).

Росстат [3].

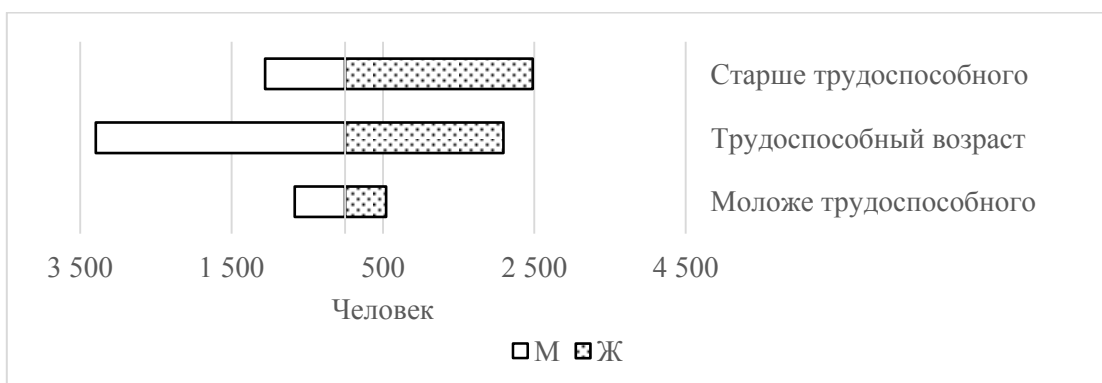

Рис. 2. Половозрастная пирамида сельского населения Сланцевского района Ленинградской области на 2020 год.

Росстат [3].

Среди СНП, не являющихся пригородами г. Сланцы, наибольшую естественную убыль населения за 2016–2019 гг. имеют населенные пункты Черновского СП — в среднем — 12,2% в год (табл. 1). Наиболее благоприятная ситуация в Новосельском поселении — в среднем — 4,8% в год, что объясняется значительным притоком мигрантов из стран СНГ в 2014–2015 годах, по сравнению, с другими поселениями и большую долю жителей трудоспособного и молодого возраста, и, как результат, пониженный коэффициент смертности (около 10% против 20% в Черновском СП на 2019 год) [3].

Доля сельского населения, проживающего в пригородных СНП (менее 10 км на автомобиле до непрерывной городской застройки г. Сланцы), составила на 2017 год 25%, сократившись с 27,6% по отношению к 2002 году. Средний размер частного домохозяйства был равен 2,2 человек по данным на 2010 год [4].

С 2002 по 2019 год сократилась численность населения всех СП, кроме Новосельского (табл. 2). Наибольшее сокращение численности населения (15%) выявлено в самом крупном и многочисленном Старопольском поселении. В

Сланцевском районе низкая плотность сельского населения — 4,6 чел./км² (2019 год) против 7,9 чел./км² в Ленинградской области. Наименьшая наблюдается в Черновском СП — 1,7 чел./км², наибольшая в Загрявском и Выскатском поселениях — 6,9 чел./км². Доля городского населения в Сланцевском районе (приходится на г. Сланцы) составляет около 76% на 1 января 2021 года [3].

Таблица 1
Показатель естественной убыли населения СП Сланцевского района Ленинградской области, не являющихся пригородными за 2016–2019 гг., %

Сельское поселение	2016	2017	2018	2019	Среднее за 2016–2019
Выскатское	-11,8	-5,1	-11	-4,8	-8,2
Загрявское	-12,9	-10,4	-7,5	-8,5	-9,8
Новосельское	-4,2	-5,9	-3,5	-5,5	-4,8
Старопольское	-11,4	-11,5	-4,1	-10,1	-9,2
Черновское	-10,2	-13,3	-10,4	-15	-12,2

Составлено автором на основе источника [3].

Таблица 2
Плотность сельского населения (2019 г.) и среднегодовой миграционный прирост в сельских поселениях Сланцевского района Ленинградской области за период 2011–2019 гг.

Адм. центр	Район	Сельские поселения, исключая Гостицкое (пригородное)				
	Сланцы	Выскатка	Загрявье	Новоселье	Старополье	Черновское
Площадь, км ²	2 191	303	155	292	682	386
Численность сельского населения, чел.	10 157	2 091	1 062	1 671	2 196	669
Плотность сельского населения, чел./км ²	4,6 (4,8 в 2002 г.)	6,9	6,9	5,7	3,2	1,7
Количество СНП	155	28	10	34	57	10
Среднее значение миграционного прироста с 2011 по 2019 года, чел.	360	-54	17	609	-2	73
-трудоспособный возраст прибывших, %	73	80	72	72	80	78
-трудоспособный возраст выбывших, %	82	74	71	95	88	78

Составлено автором на основе источника [3].

Миграционный прирост сельского населения 123 СНП Сланцевского района (исключая СНП пригородной зоны) за 2011–2019 года был положительным и составил 643 человека. Однако, около 95% прироста обеспечило Новосельское СП, где наблюдался значительный приток мигрантов из стран СНГ. В структуре прибывших за 2016–2019 года преобладает доля межрегиональных миграций — 53–58% (за исключением СП Новосельское, где 56% приходится на страны СНГ). Аналогично и в структуре выбывших — преобладание доли межрегиональных миграций — 47–54%, однако, в отличие от прибывших, здесь велика доля внутрирегиональных миграций — 28–43%, что можно объяснить миграцией местных и приезжих в областные пригороды Санкт-Петербурга с более «щадящими» налогами и стоимостью жилья.

В Новосельском СП в структуре выбывших высока доля мигрантов трудоспособного возраста в основном за счет возвращения международных мигрантов на Родину. Также отметим, что среди выбывших в среднем за 2011–2019 года преобладают миграции внутри региона, в то время как среди прибывших преобладают межрегиональные миграции.

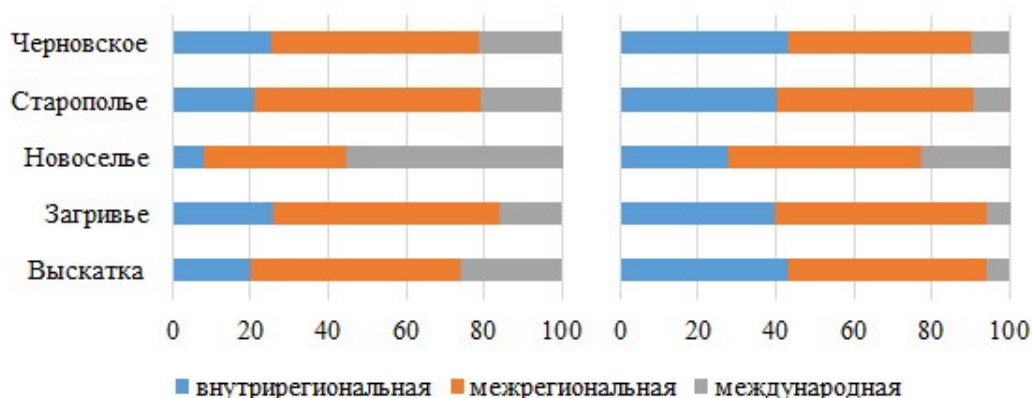

Рис. 3. Структура миграции за период 2011–2019 гг. (средние показатели за 9 лет: прибытие слева, выбытие справа).

Росстат [3].

Сельские поселения Сланцевского района являются типичными представителями мелкоселенных территорий Нечерноземья. Средняя людность всех СНП района составляет около 65 человек на 2019 год, исключая пригородную зону — 62 человека на 2017 год (показатель разнится от 40 до 130 человек в зависимости от поселения, см. табл. 3). Средняя людность СНП на 2010 год составляла около 68 человек, что на 67% ниже данного показателя по Ленинградской области — 204 человека (2010 г.) [6]. С 2002 года показатель людности изменился незначительно: уменьшился с 68 до 65 человек.

Выделенные цветом ячейки отражают уменьшение показателя по отношению к 2002 году. Составлено автором на основе источников [3], [7].

Доля населенных пунктов с численностью населения менее 100 человек на 2017 год составила около 93%, исключая пригородную зону — около 92% (от 67% в Черновском СП, где наименьшее число СНП вне пригородной зоны, до 96% в Старопольском, см. табл. 4). Данный показатель по району на 2010 год — 94%, что значительно выше показателя по Ленинградской области — 78% [6].

Таблица 3
Распределение сельского населения Сланцевского района Ленинградской области по СНП с разной людностью жителей, исключая СНП пригородной зоны на 2017 (2002) гг., %

Сельское поселение (административный центр)	Выскатка	Загровье	Новоселье	Старополье	Черновское
Средняя людность, чел.	130	107	50	40	112
Всего, чел. = 100 %	2 089	1 073	1 687	2 257	670
СНП до 10 чел., %	0,5 (1,5)	-	4,5 (6,5)	5,5 (5,5)	2,5 (1)
10–50 чел., %	10,5 (10,5)	24 (12,5)	14 (33,5)	16 (19,5)	11 (4,5)
51–100 чел., %	5,5 (2,5)	8,5 (23,5)	11 (0)	9,5 (12,5)	0 (7)
101–200 чел., %	-	-	14 (13)	-	23 (22)
201–500 чел., %	-	-	15,5 (0)	-	63,5 (65,5)
500 и более чел., %	83,5 (85,5)	67,5 (64)	41 (47)	69 (62,5)	-

Таблица 4
Распределение СНП по численности населения, исключая СНП пригородной зоны на 2017 (2002) гг., кол-во

Сельское поселение (административный центр)	Выскатка	Загровье	Новоселье	Старополье	Черновское
Всего СНП	16	10	34	57	6
СНП без населения	-	-	-	6 (1)	-
СНП до 10 чел.	3 (6)	-	18 (14)	30 (26)	2 (1)
10–50 чел.	10 (8)	8 (5)	9 (18)	16 (24)	2 (2)
51–100 чел.	2 (1)	1 (4)	3 (0)	3 (4)	0 (1)
101–200 чел.	-	-	2 (1)	-	1 (1)
201–500 чел.	-	-	1 (0)	-	1 (1)
500–1000 чел.	-	1(1)	1 (1)	2 (2)	-
1000 и более, чел.	1 (1)	--	-	-	-

Выделенные цветом ячейки отражают уменьшение показателя по отношению к 2002 году.

Составлено автором на основе источников [3, 7].

Всего в Сланцевском районе на 2019 год насчитывается 10 СНП без населения (в 2002 г. — 1 СНП без населения, в 2010 г. — 8 СНП), 6 из которых находятся вне пригородной зоны в Старопольском сельском поселении.

Структура распределения численности сельского населения по СНП района практически не претерпела изменений с 2002 к 2017 году (отклонения менее 1,5%): около 31% проживает в СНП с населением менее 200 человек, 42% с населением от 200 до 1 000, и 27% с населением более 1 000. Учитывая, что только в двух деревнях (центры СП Выскатка и Гостицы) Сланцевского района за постсоветский период и на 2017 год численность населения превышала 1 000 человек, можно сказать, что 27% сельского населения Сланцевского района проживает в 2 из 155 сельских населенных пунктах, и данный показатель остается неизменным с 2002 года.

В 3 из 5 сельских поселениях (исключая Гостицкое) за период 2002–2017 гг. увеличилась численность населения (рис. 4). Всего на данной территории 123 СНП (исключая пригородные), 19 из которых имеют численность населения более 50 человек на 2017 год, — только в 3 таких СНП в XXI веке сократилась численность населения, общая же численность населения 19-ти СНП увеличилась на 5%, их доля в данных СП составила более 80%, что лишь на 1,5% больше данного показателя за 2002 год (78,5%).

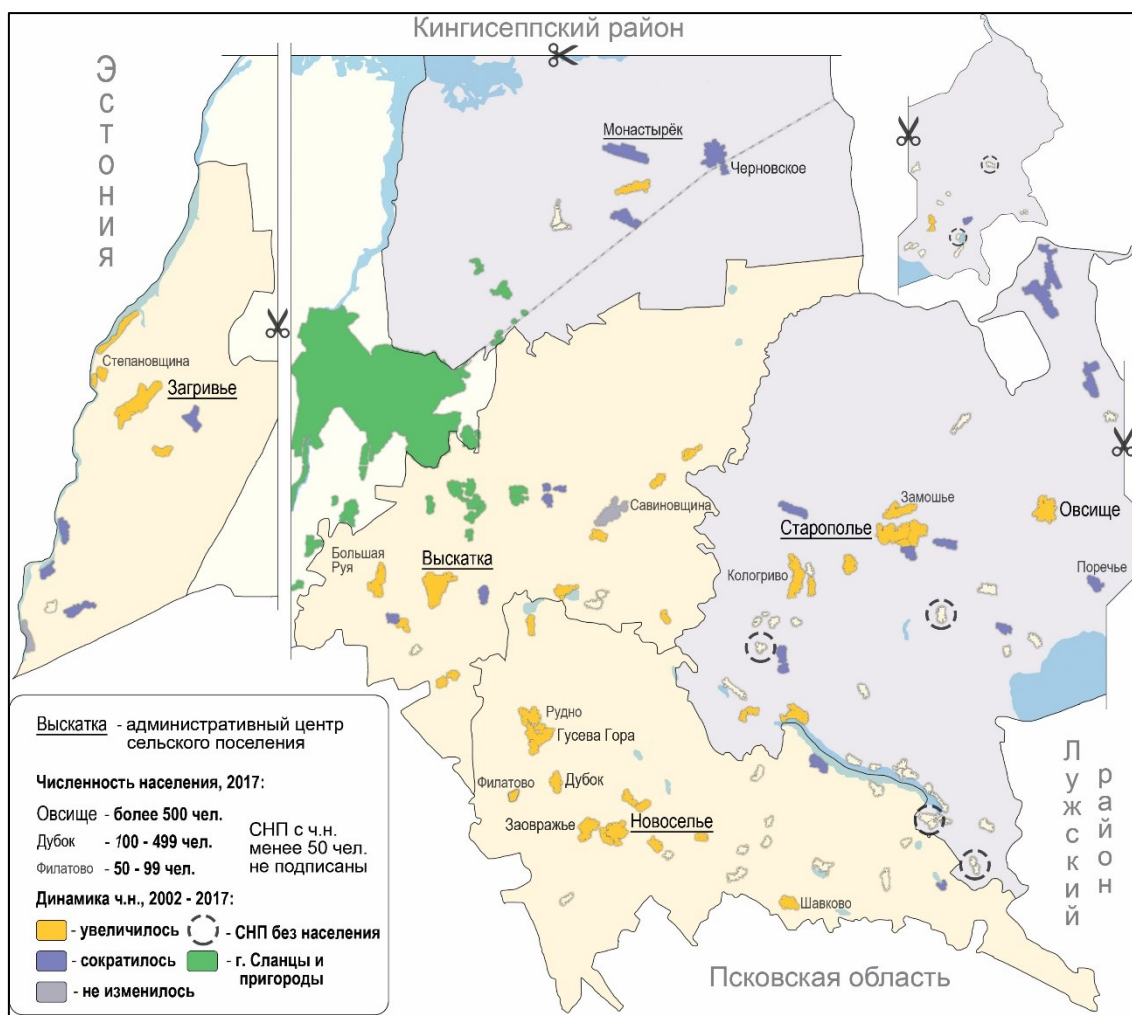

Рис. 4. Численность населения СНП на 2017 г. и динамика численности за 2002–2017 гг., исключая СНП пригородной зоны.

Источники: [3, 7].

Изучение групп в социальной сети VK административных центров сельских поселений показало сильное влияние Петербургской агломерации на сельскую местность Сланцевского района: от 39% (д. Загривье) до 63% (д. Старополье) подписчиков групп указали в качестве своего места жительства г. Санкт-Петербург (рис. 5). Во всех 5-ти СП на втором месте указан г. Сланцы — от 11% в д. Старополье до 34% в д. Загривье. Данный факт выявил логичную взаимосвязь: чем ближе сельское поселение к районному центру, чем больше рейсовых автобусных маршрутов с районным центром, тем менее заметно агломерационное влияние, так как в данном случае, связей с районным центром больше и они крепче (районный город выступает в качестве места работы, учебы и др.). Такая же взаимосвязь была отмечена ранее в работе по Лужскому, Волховскому и Приозерскому районам Ленинградской области [8].

В каждой деревне — административном центре СП — на третьем месте у подписчиков групп в местожительстве, как правило, указана сама деревня. Однако в случае с Черновским СП указан г. Кингисепп, так как до него транспортная доступность для жителей Черновского поселения такая же, как до г. Сланцы и также ежедневно курсируют автобусы «Сланцы – Кингисепп» и «Сланцы – Санкт-Петербург».

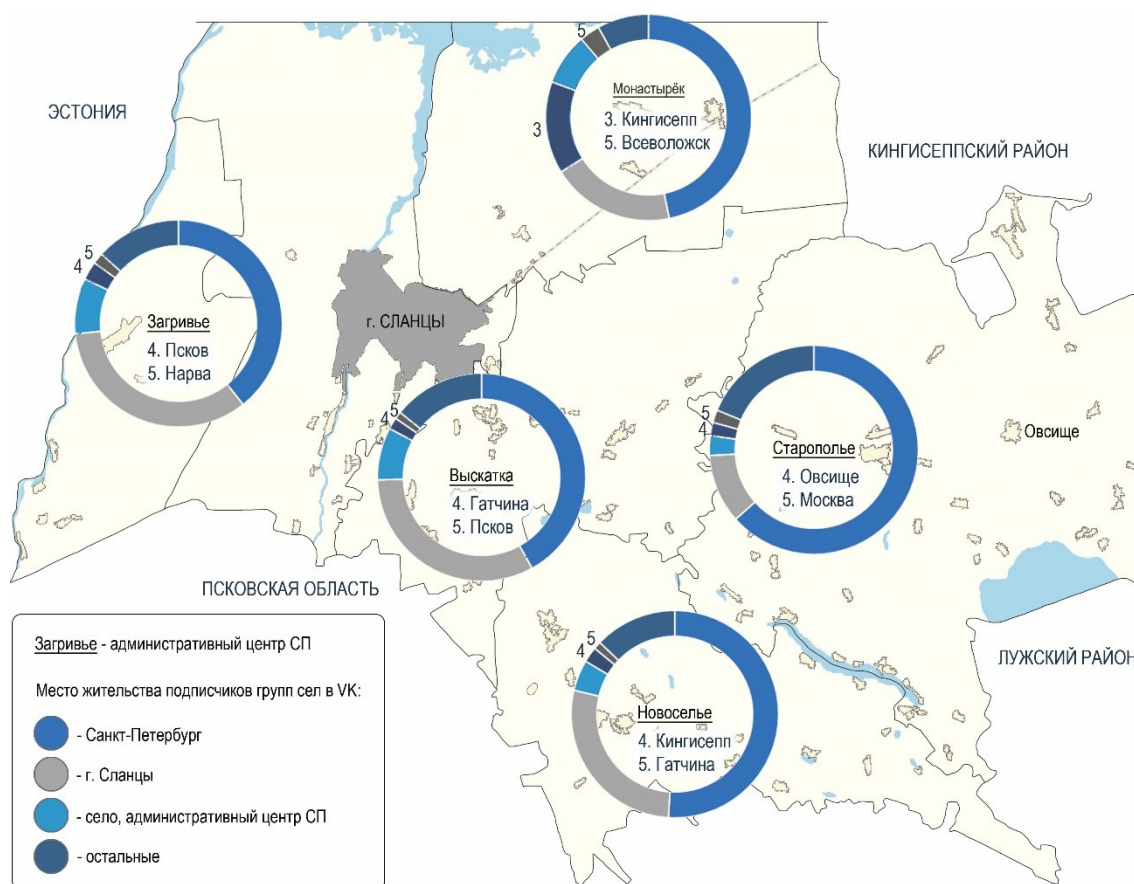

Рис. 5. Численность населения СНП на 2017 г. и динамика численности за 2002–2017 гг., исключая СНП пригородной зоны.

Источники: поиск VK [5].

Выводы

На примере Сланцевского района Ленинградской области в XXI веке по-прежнему прослеживается тенденция к уменьшению людности сельских-населенных пунктов Нечерноземной зоны, подверженной сильному агломерационному влиянию. Показатель людности, хотя не значительно, но сократился с 68 (2002 год) до 65 человек (2019 год) в среднем на СНП по району. По данному показателю Сланцевский район значительно уступает Ленинградской области (204 человек на 2010 год). Людность различается между сельскими поселениями, наименьшая отмечена в СП, расположенных на большем удалении от районного центра и имеющих худшую транспортную доступность;

Структура распределения СНП по численности населения претерпела изменения в пользу большей поляризации населения между СНП с численностью населения более 200 человек и СНП с численностью населения менее 10 человек. При этом, количество СНП (исключая пригородную зону г. Сланцы) с численностью населения более 200 человек по району увеличилось с 8 до 10, в то время, как количество СНП с численностью населения менее 10 человек выросло с 48 до 59 (из 123 рассматриваемых), что подтверждает продолжающуюся тенденцию вымывания средних для региона СНП в пользу более крупных и мельчайших. Отметим, что показатель различается в зависимости от сельского поселения: в поселении с наиболее крупным административным центром (д. Выскатка) и с регулярным автобусным сообщением с г. Сланцы наблюдается рост количества средних для региона СНП и уменьшение количества мельчайших (менее 10 человек);

При сравнении картосхем транспортной доступности поселений и динамики численности населения их СНП выявлена закономерность, согласно которой рост численности населения в СНП за период с 2002 по 2017 год зафиксирован, в основном в тех СНП, которые расположены на пути маршрута ежедневного рейсового автобуса до районного центра. Также выявлено, что расположение СНП на берегу озера, наличие в СНП действующего исторического храма не являются удерживающим население фактором;

Внешние связи жителей административных центров сельских поселений на основе данных групп СНП в соцсети VK по указанному подписчиками месту жительства наглядно отражают влияние агломерации и городов районного подчинения на СНП в зависимости от их транспортной доступности, частотности рейсовых автобусов, удаленности от областных городов: чем ближе сельское поселение к районному центру и чем больше автобусных маршрутов с районным центром, тем заметнее влияние районного центра на сельское поселение, несмотря на преобладание агломерационного влияния, что объясняется маятниковыми миграциям (работа, учеба и др. в районном центре).

Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ № 21-17-00112

Литература

1. Зубаревич Н. В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. №. 3. С. 26–38.

2. Алексеев А. И., Ткаченко А. А. Российское Нечерноземье: территориальная организация сельской местности // Вестник сельскохозяйственной науки. 1991. № 3. С. 32–39.
3. Паспорт муниципального образования: Сланцевский район [Электронный ресурс] Росстат. Режим доступа: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.asp?base=munst41 (дата обращения: 06.2021)
4. Народная карта «Яндекс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://n.maps.yandex.ru> (дата обращения: 06.2021)
5. Расширенный поиск VK [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/search> (дата обращения: 06.2021)
6. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 4.2021)
7. Административно-территориальное деление Ленинградской области 2017 год (электронный справочник) [Электронный ресурс] Режим доступа: file:///C:/Users/uvsx/Desktop/2_-_soderzhanie.pdf (дата обращения: 4.2021)
8. Васильева О. Е., Удовенко В. С. Социально-географический анализ сельских поселений с помощью инструментов социальной сети Вконтакте // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2018. № 6. С. 26–33.

V. S. Udovenko¹,
O. E. Vasilyeva²

***Transformation of the territorial organization
of the rural population in the XXI century
(Slantsevsky district)***

¹Moscow State University, Moscow, Russian Federation
e-mail: udovenko.v.s@ya.ru

²Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg,
Russian Federation
e-mail: vasilyeva.o.e@gmail.com

Abstract. The dynamics of resettlement of rural population is considered as one of the components of the territorial organization of the rural population on the example of the Slantsevsky district from 2002 to 2019. Analysis of the distribution of rural settlements of the district by number of inhabitants, and population dynamics from 2002 to 2017 reflected the continuing trend towards “washing out” of the average by population size sat down and the polarization of resettlement. Assessment of the structure of external relations of settlements based on the data of groups of villages in the VK social network showed differences in the agglomeration influence on them, depending on their position in relation to the regional centers.

Keywords. Territorial organization of the rural population, resettlement of the population, Slantsevsky district

References

1. Zubarevich N. V. Transformaciya sel'skogo rasseleniya i seti uslug v sel'skoj mestnosti. Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2015. no. 3. pp. 26–38. (in Russian).

2. Alekseev A. I., Tkachenko A. A. Rossijskoe Nechernozem'e: territorial'naya organizaciya sel'skoj mestnosti. Vestnik sel'skohozyajstvennoj nauki. 1991. no. 3. pp. 32–39. (in Russian).
3. Pasport municipal'nogo obrazovaniya: Slancevskij rajon [Electronic resource]. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst41 (in Russian).
4. Narodnaya karta «Yandex» [Electronic resource]. URL: <https://n.maps.yandex.ru> (in Russian).
5. Rasshirenyj poisk VK [Electronic resource]. URL: <https://vk.com/search> (in Russian).
6. Informacionnye materialy ob okonchatel'nyh itogah Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda. Rosstat [Electronic resource]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (in Russian).
7. Administrativno-territorial'noe delenie Leningradskoj oblasti 2017 god [Electronic resource]. URL: file:///C:/Users/uvsx/Desktop/2_-_soderzhanie.pdf (in Russian).
8. Vasil'eva O. E., Udovenko V. S. Social'no-geograficheskij analiz sel'skih poselenij s pomoshch'yu instrumentov social'noj seti Vkontakte, Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya. 2018. no. 6. pp. 26–33. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2021 г.

УДК 911.3:314

С. В. Уставщикова

Геодемографические процессы в сельской местности Саратовской области

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского»,
г. Саратов, Российская Федерация
e-mail: sveus1@yandex.ru

Аннотация. Проблемы современной демографической ситуации в сельской местности Саратовской области, ее Правобережья, наметились уже в 1970–1980-е гг. Ускоренная урбанизация привела к оттоку населения из сельской местности по величине превышающий естественный прирост. С 1990-х годов, в условиях новой экономической и социальной реальности, снизился естественный прирост и вырос миграционный отток населения из Левобережных районов. Как результат идет старение населения, его депопуляция. Численность населения 15 районов (из 38) сократилась более чем на 30% с 1989 г. Демографически устойчивое положение сохраняется только у незначительного числа районов, входящих в Саратовскую агломерацию, районов, где административный центр — большой город. Дальнейшая неизбежная депопуляция сельских территорий области будет сочетаться с нарастающей социально-экономической поляризацией пространства региона.

Ключевые слова. Сельские территории, Саратовская область, численность населения, естественная убыль, старение населения, миграционная активность

Введение

Демографическая ситуация имеет глубокую связь со стадией демографического перехода в регионе, что сопряжено с этнической структурой населения, хозяйства, культурой. Социально-экономическая ситуация в регионе и стране в целом — непосредственный фактор демографического развития. В 2020 г. оказалось, что и такой фактор как пандемия, способен сказываться на демографическом развитии. Она оказалась способна радикально и очень быстро повлиять на смертность, рождаемость, процессы миграции. В результате в регионе увеличилась смертность, сократилась рождаемость, снизился отток населения в другие регионы страны. Принятие решений отягощено на данный момент большой степенью неопределенностью будущего, что будет оказывать долгосрочное влияние на динамику всех показателей [1].

Для регионов страны характерны общность протекания экономических, социальных, политических процессов. Общим является и сокращение численности сельского населения в большинстве регионов страны. Причины этого сокращения так же схожи, за исключением некоторых специфических для региона особенностей. Динамика численности сельского населения и все связанные с ней процессы (показатели естественного воспроизводства, миграция, качественные характеристики населения) рассматриваются как центральные факторы социально-экономического развития территории, социума, уровня

инвестиционной привлекательности. Геодемографическая ситуация в регионах страны всегда требует пристального внимания властей, исследователей.

Целью исследования явились изучение геодемографической динамики населения сельских районов Саратовской области. Выявлены некоторые аспекты и факторы, влияющие на динамику сельского населения, определены современные тенденции развития.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили статьи, официальные документы, статистические сборники. В качестве статистической базы были использованы материалы всесоюзных переписей, для анализа основных геодемографических трендов постсоветских десятилетий — результаты всероссийских переписей и данные текущей демографической статистики. Методы исследования: системный, анализа и обобщений.

Проблемы современной сельской России подробно описываются в трудах А. И. Алексеева, Н. В. Зубаревич, А. Р. Мкртчана, Н. В. Мухаметова, Т. Г. Нефедовой, С. Г. Сафронова, С. Я. Сущего, В. И. Тихого, А. А. Ткаченко, А. И. Трейвиша, многих других ученых.

Интенсивные темпы урбанизации в середине XX веке в стране привели к сокращению численности сельского населения. Естественный прирост в сельской местности вскоре перестал покрывать миграционную убыль в города. В каждой сельской семье появился городской родственник, который влиял на стремление других мигрировать с целью учебы и получения лучшей работы в город.

Результаты и обсуждение

Саратовская область как административно-территориальная единица РФ образована 5 декабря 1936 года. Расположена она на юго-востоке Европейской части России. Входит в состав Приволжского федерального округа. Площадь Саратовской области равна 101,2 тыс. км². На юго-востоке области проходит государственная граница России с Казахстаном. Административно-территориальное устройство региона включает 38 муниципальных районов, в том числе по типам поселений: 39 городских и 269 сельских (в их составе 1 719 сельских населённых пунктов).

Рекой Волгой территория области делится на две, почти равные части: Правобережье и Левобережье. Левобережье отличается по многим показателям: там более равнинный рельеф, резко континентальный климат, недостаточная обеспеченность населенных пунктов водой питьевого и хозяйственного назначения; отличные от правобережных регионов тип и виды сельскохозяйственного производства, культур. История заселения и хозяйственного освоения Правобережья и Левобережья всегда являлись факторами геодемографического развития сельского населения и расселения. Если Правобережье относилось к ареалу старого и наиболее раннего заселения (конец ХУП в.), сельские поселения средней людности (100–250 человек), преобладает русское население. Заволжье заселялось в основном в XIX–XX веках (освоение залежных земель, мелиорация). Это типичный район совхозного ареала расселения с крупными редкими поселениями [2]. Поселения изначально намного лучше, чем в правобережье, были обеспечены социальной инфраструктурой, дома

в совхозах строились кирпичные. Крупные поселения дополняются значительным числом хуторов на одну семью. В население значительна доля казахов, есть мононациональные татарские, башкирские села, чеченцы, с 1990 годов — курды.

Сельское население за 60 лет (1959–2020 гг.) сократилось на 40% (на 397 тыс. человек) [3,4]. За 1989–2020 гг. население сократилось на 103,3 тыс. человек. Несмотря на то, что за это же время 8 поселков городского типа стало сельскими. Городское население сократилось за 30 лет, с учетом административных преобразований на 159,1 тыс. человек [5]. Это объясняется тем, что в области из 18 городов 13 имеют численность населения менее 50 тыс. человек, которые активно теряют население. Городское население концентрируется в Саратовской агломерации.

В регионе происходит депопуляция. Сельское население сокращается ежегодно на 6–7 тысяч человек в результате естественной убыли населения и миграционного оттока. Перепись 2010 года зафиксировала еще (с 2002 г.) 97 сельских населенных пунктов без населения, идет процесс измельчания СНП (сельских населенных пунктов) [6,7]. Причиной этому являются не только неблагоприятные демографические процессы, но и ситуация на рынке труда сельских территорий, для которого характерно резкое сокращение рабочих мест (развития современных технологий сельскохозяйственного производства, которые отличаются значительно меньшей трудоемкостью).

Сельское население Саратовской области находится на высоком уровне демографической старости. Абсолютная численность сельского населения в возрасте от 60 лет и старше на 1.01.2019 в области составила 155,2 тысячи человек, что составляет 26,4% от всего сельского населения (1989 г. — 18,4%). Численность населения в возрасте 60 лет и старше выросла во всех районах, несмотря на сокращение общей численности. Женщин в населении 60+ более чем в 2 раза больше, чем мужчин. Процесс старения Левобережья развивается «сверху» за счет современного стремительного оттока молодежи и, следовательно, увеличения абсолютной численности пожилых людей. Правобережье «стареет» и его численность сокращается в результате других процессов. Старение «снизу» в результате уже прежнего сокращения женщин фертильного возраста и, следовательно, очень низкой рождаемости и «сверху» в результате вымирания старшего поколения, несмотря на выросшую продолжительность жизни. То есть глубина старения населения Правобережья (доля населения в возрасте 80+ среди населения в возрасте 60+) выше, чем в Левобережье. В 18 районах области доля населения 60+ составляет более 25% [8]. В данных районах рождаемость ниже, смертность выше, чем в более «молодых районах», идет дальнейшая феминизация населения.

В регионе происходит пространственное сжатие, экономическая и социодемографическая поляризация внегородского пространства региона, его фрагментация и расслоение (рис. 1, 2) [9, 10].

Параметрами сжатия освоенных сельских территорий являются: поляризация системы расселения, инфраструктуры и хозяйственной деятельности [11].

Анализ расселения в пределах Саратовской области демонстрирует его увеличивающуюся разреженность в направлении от пригородов к периферии. Так, численность населения Саратовского района (район окружает город Саратов) растет. Небольшую положительную динамику демонстрирует еще один приближенный к Саратову район области — Татищевский (входит в состав

Саратовской агломерации). В Левобережье растет население Энгельсского сельского района (он окружает второй по величине город области). И район, и город Энгельс входят в Саратовскую агломерацию. Рядом с Энгельским, находится Марковский район со стабильной численностью сельского населения. В районе развивается не только сельскохозяйственное производство, но и его переработка. Именно занятость на этих предприятиях со стабильной зарплатой и способствует устойчивости населения в районе. Есть сгусток сельского населения на западе области — Балашовский район. Районный центр город Балашов, средний по величине город, 75,8 тыс. человек населения. В районе издавна выращивают сахарную свеклу, много перерабатывающих предприятий, что сохраняет стабильной численность населения. Балаковский район также на протяжении 60–50 лет сохраняет почти неизменной численность населения. Это связано с соседством большого города Балаково, который удовлетворяет сельское население района в объектах социальной инфраструктуры, обеспечивает поддержку сельхозпредприятий, фермеров, личных подсобных хозяйств.

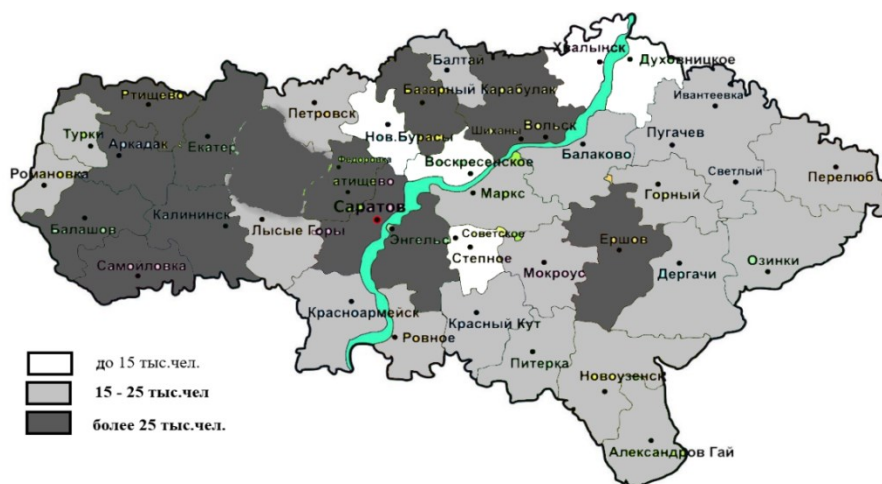

Рис. 1. Численность сельского населения Саратовской области, 1970 г., тыс. человек. Составлено автором

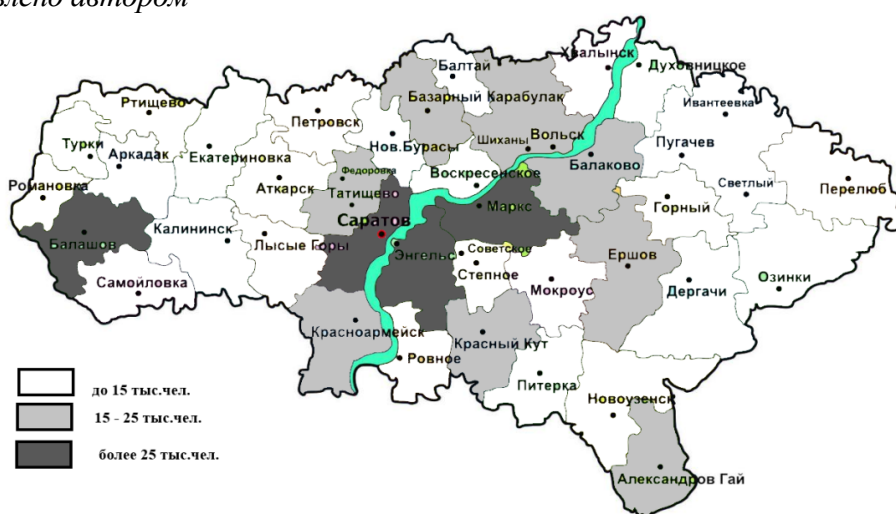

Рис. 2. Численность сельского населения Саратовской области, 2020 г., тыс. человек. Составлено автором

На периферии региона население теряют не только сельские населенные пункты, но и малые города. И это уже тенденция.

В последние десятилетия происходящая в районах области оптимизация сети объектов социальной инфраструктуры, в том числе из-за кадровых проблем форсирует сжатие сельского социально-экономического пространства [12]. В результате этого сжатия пространство деформируется, и образуются его сгустки в виде отдельных ареалов, разобщенных обширными социально-демографическими «провалами».

В регионе происходит и поляризация хозяйственной деятельности. Так в документе «Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года [12], была приведена «Комплексная (многомерная) оценка муниципальных районов и городских округов области по социально-экономическому развитию». Были выделены 9 муниципальных районов с высоким уровнем развития, 19 — средним уровнем и 10 депрессивных районов. Не смотря на высокие социально-экономические показатели, сельское население 3 из 9 высокорейтинговых районов сократилось за 30 лет (с 1989 г.) более, чем на 30%. Из 19 районов-середнячков в 8 районах убыль населения составила более 30%, в том числе в 3 районах население сократилось более чем на 50%. В то же время из 10 депрессивных, сокращение населения на 30% и более произошло только в 3 районах. На самой периферии юго-востока области территории районов рассматриваются, в некоторых случаях, просто как место жительства, например, курдского населения. Средства к существованию зарабатываются мужчинами в других регионах страны.

В итоге происходит притяжение сельскохозяйственного производства к городам (и чем крупнее город, тем мощнее его «притягательные» черты), Такая концентрация сельского хозяйства приводит к сокращению посевных площадей в полупериферийных и периферийных районах и усилению общей деградации этих территорий. Таким образом, сжатие внегородского пространства в регионе во многом объясняется поляризацией социально-экономической среды и усилением ее влияния на развитие сельских территорий, разреженностью сети городских поселений (в левобережье на 18 районов только 7 городов) и возрастанием экономической роли пригородов.

Наряду с отрицательным естественным приростом в сельской местности на сокращение населения большое влияние оказывает миграция. Отток из сельской местности Правобережья начался уже в 1980-х годах, когда в области ускорилась процессы урбанизации. Если в 1959 году городское население области составляло лишь 54,3%, то в 1979 г. — 70,8%. Росло городское население в результате миграции из сельской местности Правобережья, где из-за мелкоселенности доступность социальной инфраструктуры ухудшилась, начался процесс сселения населения из неперспективных поселений в более крупные села. Миграции в город привели к изменениям в демографической структуре населения, его постарению, увеличению смертности, сокращению рождаемости и к депопуляции. Русские семьи перешли на малодетную семью. Степень вовлеченности этносов в урбанизационные процессы различна. Русских можно назвать городскими жителями, 77,2% всех русских области — это горожане (2010 г.).

В Левобережье значительный миграционный отток населения из сельской местности начался позже. Он совпал с 1990 годами. Когда социально-экономическая ситуация сильно изменилась. Мелиоративная система пришла в

упадок. Специализация сельского хозяйства изменилась, появилось избыточная рабочая сила. Приграничные муниципальные образования — это периферийный регион области, с рискованным типом земледелия. Специализация сельского хозяйства и возможность использования сезонной рабочей силы, в том числе и из стран Средней Азии, приводит к отсутствию востребованности местного населения в сельском хозяйстве и как итог — высокому миграционному оттоку. Это порождает значительные темпы убыли населения. Самыми «сельскими» народами по расселению в Саратовской области в настоящее время остаются курды, казахи, чеченцы, езиды (горожан среди них менее 40%). Однако чеченская и казахская молодежь включилась в миграционные процессы. Численность населения 4 периферийных юго-восточных районов, мест расселения выше перечисленных этносов, сократилась на 40–50% от уровня 1989 года (исключение — Александрово-Гайский, он сохранил 92% численности населения, более 50% населения района — казахи) [13].

Коммерциализация образования приводит к 100% поступлению желающей учиться молодежи из сельской местности в учебные заведения высшего и среднего образования, причем не только в городах Саратовской области. После получения образования лишь незначительная часть выпускников возвращается на малую родину. Молодежи, призванной в вооруженные силы РФ, часто предлагается дальнейшая служба по контракту. Эти процессы ведут к сокращению молодежи в регионе и, как следствие, к изменению всех демографических процессов.

Коммерциализация недвижимости, снижение ставок по ипотечному кредитованию для молодежи, так же открывает большие возможности перетеку и закреплению молодежи в городах.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о неизбежной дальнейшей депопуляции в сельской местности Саратовской области. Все перечисленные выше причины в совокупности создают необратимые изменения в демографических процессах сельской местности Саратовской области.

Литература

1. Васильева О. Г., Пучкова Л. М. Демографические проблемы села: причины и следствия (на примере Чувашской Республики) / Вопросы региональной экономики Учредители: Технологический университет (Королев), 4 (45), 2020, С. 13–19
2. Ковалев С. А. Сельское расселение (географическое исследование). М. 1963
3. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР / Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59reg1.php> (дата обращения: 11.02.2021).
4. Саратовская область — сколько населения в 1991–2020 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://численность населения.рф/%D1%81%D0%B0%>

- D1%80%D0%B0%D1%2%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 11.02.2021).
5. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 10.03.2021).
 6. Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 14.03.2021).
 7. Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения России, субъектов Российской Федерации, городов и районов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg1.php (дата обращения: 14.02.2021).
 8. Уставщикова С. В. Демографическое старение сельского населения Саратовской области // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 171–175. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2020-20-3-171-175>
 9. Уставщикова С. В., Уставщиков В. В. Демографическая ситуация и сельское расселение в Саратовской области на рубеже веков.- Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2004. 100с.
 10. Возрастно-половой состав населения Саратовской области: Статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2012. 176 с.
 11. Преображенский Ю. В. Формирование осей развития как результат поляризации социально-экономического пространства // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 196–206.
 12. Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://investinsaratov.ru/upload/iblock/033/033577579163df20a8dad3aea696d4f2.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).
 13. Уставщикова С. В. Этнические аспекты урбанизации Саратовской области // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 30–33.

S. Ustavshchikova | ***Geodemographic Processes in Rural Terrain of the Saratov Region***

Saratov State University, Saratov, Russian Federation
e-mail: sveus1@yandex.ru

Abstract. Problems of the current demographic situation in rural areas Saratov region's Right Bank were outlined already in the 1970–1980s. Accelerated urbanization has led to an outflow of population from rural areas in terms of exceeding natural growth. Since the 1990s, in a new economic and social reality, the natural increase decreased and the migration outflow increased population from the Left Bank regions. As a result, the

population is aging, the region is depopulated. The population of 15 districts (out of 38) decreased by more than 30% since 1989. The demographically stable position is retained only in insignificant number of districts included in the Saratov agglomeration, districts where the administrative center is a big city. Further inevitable depopulation of rural areas of the region will be combined with the growing socio-economic polarization of areas in the region.

Keywords. Rural areas, Saratov region, population, natural decline, aging of the population, migration activity

References

1. Vasil'eva O. G., Puchkova L. M. Demograficheskie problemy sela: prichiny i sledstviya (na primere CHuvashskoj Respubliki). *Voprosy regional'noj ekonomiki Uchrediteli: Tekhnologicheskij universitet (Korolev)*, 4 (45), 2020, pp. 13–19. (in Russian).
2. Kovalev S. A. *Sel'skoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie)*. M. 1963. (in Russian).
3. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 g. CHislennost' nalichnogo naseleniya gorodov i drugih poselenij, rajonov, rajonnyh centrov i krupnyh sel'skih naselennyh mest na 15 yanvarya 1959 goda po respublikam, krayam i oblastyam RSFSR. *Demoskop Weekly*. [Electronic resource]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59reg1.php> (reference date: 11.02.2021). (in Russian).
4. Saratovskaya oblast' — skol'ko naseleniya v 1991–2020 godu [Electronic resource]. URL: <https://chislennost'naseleniya.rf/%D1%81%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%2%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C> (reference date: 11.02.2021). (in Russian).
5. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. CHislennost' gorodskogo naseleniya RSFSR, ee territorial'nyh edinic, gorodskih poselenij i gorodskih rajonov. *Elektron. tekstovye dan*. [Electronic resource]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (reference date: 10.03.2021). (in Russian).
6. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2002 g. CHislennost' gorodskogo naseleniya Rossii, ee territorial'nyh edinic, gorodskih poselenij i gorodskih rajonov. [Electronic resource]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (reference date: 14.03.2021). (in Russian).
7. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda. CHislennost' naseleniya Rossii, sub"ektov Rossijskoj Federacii, gorodov i rajonov [Electronic resource]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg1.php (reference date: 14.02.2021). (in Russian).
8. Ustavshchikova S. V. Demograficheskoe starenie sel'skogo naseleniya Saratovskoj oblasti // *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Nauki o Zemle*. 2020. Vol. 20, Ussue 3. pp. 171–175. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2020-20-3-171-175> (in Russian).
9. Ustavshchikova S. V., Ustavshchikov V. V. Demograficheskaya situaciya i sel'skoe rasselenie v Saratovskoj oblasti na rubezhe vekov. Saratov: *Izd-vo Sarat. Un-ta*, 2004. 100 p. (in Russian).

10. Vozrastno-polovoj sostav naseleniya Saratovskoj oblasti: Statisticheskij sbornik/ Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Saratovskoj oblasti. Saratov, 2012. 176 p. (in Russian).
11. Preobrazhenskij YU. V. Formirovanie osey razvitiya kak rezul'tat polyarizacii social'no-ekonomicheskogo prostranstva. Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvedov. 2018. no. 7. pp. 196–206. (in Russian).
12. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Saratovskoj oblasti do 2030 goda. [Electronic resource]. URL: <http://investinsaratov.ru/upload/iblock/033/033577579163df20a8dad3aea696d4f2.pdf> (reference date: 14.01.2021). (in Russian).
13. Ustavshchikova S. V. Etnicheskie aspekty urbanizacii Saratovskoj oblasti. Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Nauki o Zemle. 2014. Vol. 14, Ussue 2. pp. 30–33. (in Russian).

Поступила в редакцию 03.07.2021 г.

УДК 911.373:711.134(476.2)

Т. Г. Флерко

Структура и пространственная организация сельского расселения Гомельской области

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
e-mail: tflerco@mail.ru

Аннотация. *Представлены особенности современной структуры и организации сельской системы расселения Гомельской области Республики Беларусь. Определены факторы, влияющие на формирование и трансформацию системы расселения. Проанализированы основные показатели сельского расселения в динамике и, по сравнению с республиканскими значениями, выявлены их внутриобластные различия.*

Ключевые слова: *сельское население, расселение населения, людность поселений, плотность населения, концентрация населения, густота поселений*

Введение

Гомельская область расположена на юго-востоке Республики Беларусь, граничит с Черниговской, Киевской, Житомирской и Ровненской областями Украины, Брянской областью Российской Федерации. Современную структуру и пространственную организацию сельской системы расселения региона определили как социально-экономические, природные, так и экологические факторы. К основным социально-экономическим факторам можно отнести экономико-географическое положение области и отдельных населенных пунктов, а точнее удаленность их от городов и других местных экономических центров, транспортную доступность.

Природные условия первоначально предопределили места концентрации сельского населения исходя из благоприятности климатических, орографических, гидрологических и почвенных условий. В последующем эти факторы оказывали значительное влияние на развитие поселений, так как они определяли условия жизни и организацию сельскохозяйственной деятельности. В настоящее время природные условия населенных пунктов часто выступают в качестве рекреационных ресурсов. Перечисленные условия включает в себя понятие «природный ландшафт», которое является комплексной характеристикой природного фактора размещения сельских поселений Гомельской области.

Радиоактивное загрязнение территории в результате аварии на Чернобыльской АЭС стало одним из важнейших экологических факторов трансформации сельской системы расселения Гомельской области. Наиболее загрязненными оказались Хойникский, Брагинский и Наровлянский районы на юге и Ветковский, Чечерский, Кормянский, Добрушский и Буда-Кошелевский районы на востоке области. В результате аварии было загрязнено 64,2% земель Гомельской области [1].

Материалы и методы

Анализ структуры и пространственной организации системы расселения базируется на данных переписей населения и текущего учета Гомельского областного управления статистики и анализа. Для сбора, хранения, отображения, оценки и моделирования пространственных данных использовалась геоинформационная система ArcView GIS 3.2.

Структура сельского расселения характеризуется общими количественными показателями, такими как:

- численность сельского населения по данным переписей населения и текущего учета;
- плотность сельского населения, рассчитанная как отношение численности проживающего населения к площади территории;
- средняя людность поселений, которая определяется количеством жителей к числу населенных пунктов на данной территории;
- средняя густота (плотность) поселений, показывающая количество поселений, расположенных на площади 100 км²;
- среднее расстояние между населенными пунктами, которое зависит от количества поселений на определенной площади.

Указанные показатели представлены с помощью графических методов в динамике за постчернобыльский период (с 1986 г. по настоящее время). Проведено сравнение показателей размещения населения изучаемого региона со средними значениями по республике и с другими областями.

Логическим завершением оценки пространственного размещения сельского населения стал уровень административных районов. Информация, собранная в ГИС-пакете позволила создать картографический материал, отображающий распределение показателей размещения в пределах административных единиц.

С целью выявления изменений в пространственной структуре сельской системы расселения использовался метод, основанный на расчетах индекса территориальной концентрации населения [2; 3]. Индекс определяется по доле, которую в общей площади области занимают, соответственно, наиболее плотно населенные части ее территории. Проведена дифференциация таких территорий и выделены районы с высокой плотностью сельского населения, где проживает 50% всех жителей; районы со средней плотностью, где проживает 25% жителей, и территории с низкой плотностью населения (ниже 25% сельских жителей) [3].

Результаты и обсуждение

Система расселения Гомельской области включает 18 городов, 15 посёлков городского типа и 2 253 сельских поселений. На начало 2021 г. в области проживало 1 375,3 тыс. человек, из них 23% составляли сельские жители [4].

Проследив динамику численности сельского населения Гомельской области в современных границах, можно выделить несколько этапов в развитии системы расселения. В довоенные годы численность населения региона составляла 1 552 тыс. человек, отмечался одновременный рост городского и сельского населения. Великая отечественная война стала причиной сокращения населения Гомельской области на четверть (около 400 тыс. человек). Довоенный уровень заселённости был достигнут только к середине 1970-х гг. (рис. 1).

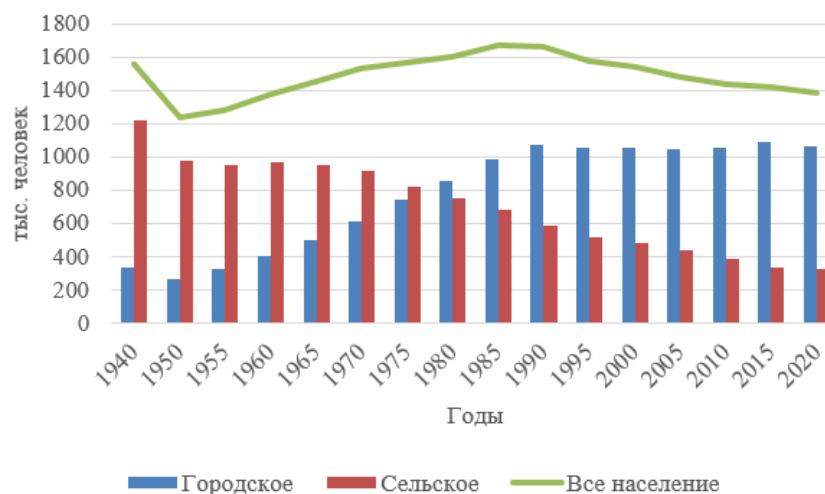

Рис. 1. Динамика численности населения Гомельской области, 1940–2020 гг.
Составлено автором по данным [5].

В 1955–1970-х гг. отмечались самые высокие темпы прироста населения (19,4%), в основном за счет роста городов. 1970–1980-е гг. отличались относительно стабильной численностью населения. В конце 1970-х гг. городское население превысило сельское. В конце 1985 г. в области было зафиксирована самая высокая численность населения — 1 983 тыс. человек. Дальнейший рост населения остановила авария на Чернобыльской АЭС, после которой прирост численности не фиксировался.

За постчернобыльский период все население Республики Беларусь сократилось более чем на 5%, сельское — на 45%. Темпы убыли населения Гомельской области 17%, в сельской местности 53%, что подтверждает значительное влияние экологического фактора на демографические процессы. Наиболее пострадавшие районы в этот период потеряли более 80% своего населения. Прирост населения имеют только 4,4% сельских населенных пунктов, которые преимущественно расположены в зонах влияния городов.

Южные области Беларуси (Брестская и Гомельская) отличаются наименьшим числом сельских поселений. На Гомельскую область приходится только около 10% сельских населенных пунктов Республики Беларусь. По числу поселений она находится на пятом месте, уступая всем областям, кроме Брестской. За последние 20 лет в стране упразднено 1 139 (4,7%) сельских поселений в результате укрупнения городов и естественной потери населения. Лидером по сокращению населенных пунктов является Гомельская область — из перечня исчезли 14,3% поселений, преимущественно без постоянного населения. Это связано в большинстве случаев с ликвидацией выселенных сельских населенных пунктов, расположенных на территории, загрязненной радионуклидами. В Брестской и Минской областях за этот период число сельских населенных пунктов уменьшилось всего на 1% (рис. 2).

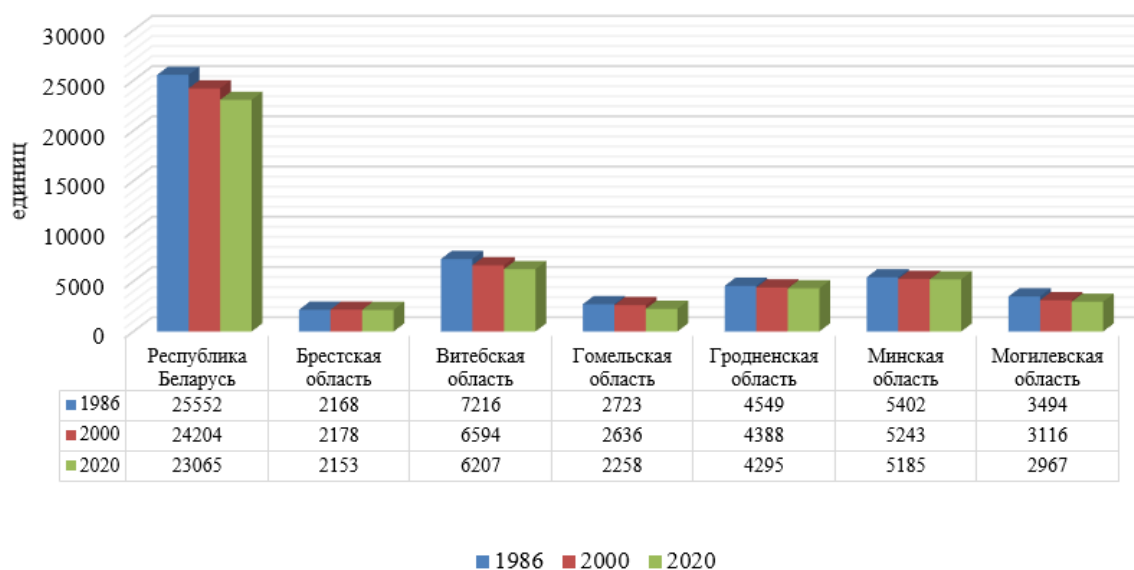

Рис. 2. Динамика числа сельских населенных пунктов в Республике Беларусь в разрезе областей.

Составлено автором по статистическим данным.

За постчернобыльский период число поселений Гомельской области сократилось на 484 единицы или 17,6% (рис. 3). В регионе на 2007 г. насчитывалось 242 (9,6%) сельских поселений без постоянного населения (преимущественно в районах загрязненных радионуклидами). Значительная часть пустующих поселений исчезла на картах только в 2015 г.

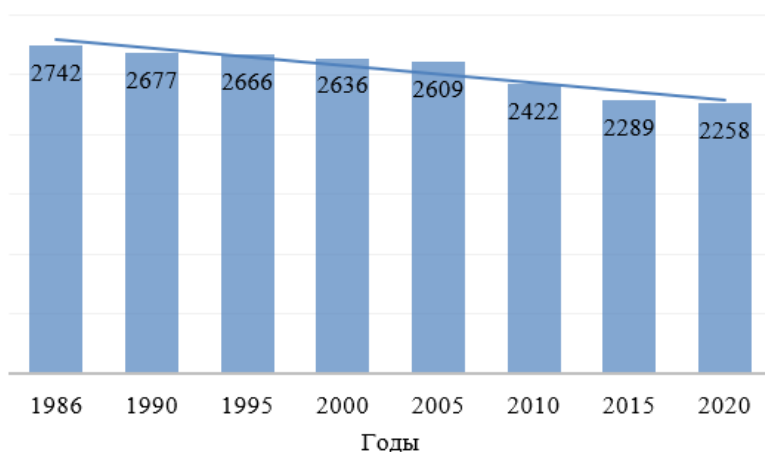

Рис. 3. Динамика числа сельских населенных пунктов Гомельской области в постчернобыльский период.

Составлено автором по статистическим данным.

Чернобыльская катастрофа в значительной мере деформировала систему сельского расселения. Средняя людность сельских населенных пунктов за период с 1986 по 2009 г. уменьшилась с 247 до 189 человек (без учета пустующих деревень) и в 2020 г. — до 143 человек (на 42% за исследуемый период). При этом

по средней людности сельских поселений область остается на втором месте в республике после Брестской области (185 человек) (рис. 4).

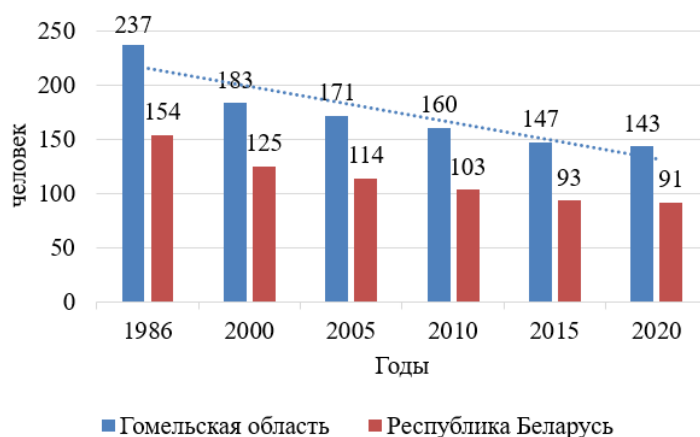

Рис. 4. Динамика людности сельских поселений в Республике Беларусь и Гомельской области в постчернобыльский период.

Составлено автором.

Основным показателем, характеризующим пространственную структуру сельского населения, является его плотность. Средняя плотность сельского населения составляет 8 чел./км², при среднереспубликанской около 10 чел./км². Меньшую плотность населения сельской местности имеет только Витебская область (6 чел./км²) и Могилёвская (7 чел./км²) области. Выше среднереспубликанского уровня этот показатель в Минской (16 чел./км²) и Брестской (12 чел./км²). В Гродненской области плотность равна среднему значению по стране.

Постчернобыльский период характеризуется поступательным сокращением плотности сельского населения как в Республике Беларусь, так и в Гомельской области (рис. 5). В среднем каждые пять лет до 2015 г. плотность сокращалась на 1–2 чел./км². В последнюю пятилетку этот процесс замедлился — плотность сельского населения установилась на отметках 10 и 8 чел./км² для страны и области соответственно.

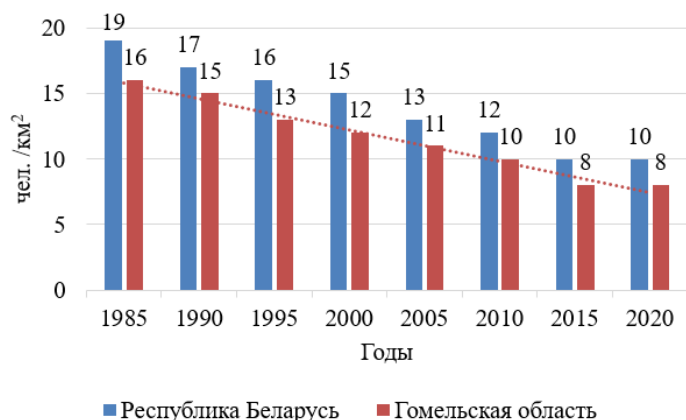

Рис. 5. Динамика плотности сельского населения в Республике Беларусь и Гомельской области в постчернобыльский период.

Составлено автором

В среднем на каждые 100 км² площади Гомельской области приходится около 6 сельских населенных пунктов при 11 в республике. Густота поселений региона самая низкая среди других областей. Она уменьшается от 16–17 населенных пунктов на 100 км² в Гродненской и Витебской областях до 6–7 — в Гомельской и Брестской соответственно.

В области наблюдается увеличение доли мелких поселений (до 50 человек) с одновременным ростом числа проживающего в них населения. За постчернобыльский период процент мелких поселений удвоился. При этом увеличивается удельный вес проживающих в крупных сельских населенных пунктах (более 1 000) при уменьшении доли этой категории деревень (табл. 1).

Таблица 1

Распределение сельского населения Гомельской области по поселениям различной величины

Показатели	Год	Типы населенных пунктов с населением, человек						
		Без населения	Мелкие, до 50	Малые, 51–100	Средние, 101–200	Полусредние, 201–500	Большие, 501–1 000	Крупные, более 1 000
Доля населенных пунктов, %	1986	0,7	23,2	19,9	20,9	22,7	9,2	3,3
	1999*	11,6	34,6	15,8	13,2	13,5	8,5	2,7
	2009*	9,5	46,9	12,4	9,8	12,4	6,8	2,1
	2019*	6,9	55,3	9,5	8,7	12,2	5,4	1,9
Доля проживающего населения, %	1986	0	2,6	6,2	12,5	30,8	26,2	21,8
	1999*	0	4,3	6,2	10,2	24,0	31,5	23,8
	2009*	0	5,6	5,5	9,0	26,5	29,4	23,9
	2019*	0	6,2	4,8	8,5	28,4	25,4	26,7

* — по данным переписи населения.

В 1999 г., по сравнению с данными на начало 1986 г., число пустующих сельских населенных пунктов увеличилось в 15 раз. За последующие 20 лет преобладающая часть из них была ликвидирована.

Изменения диспропорций между типами сельских населенных пунктов характерны для всей Республики Беларусь [6]. В среднем по стране в 2009 г. доля мелких поселений превысила 60%. Однако на фоне других областей Гомельская область, наряду с Брестской, отличается значительным количеством крупных поселений. Во всех остальных областях Беларуси мелкие поселения превышают среднереспубликанский уровень: Витебская — 72%; Могилёвская — 62,7; Гродненская — 62,5; Минская — 61,1 %.

В целях устойчивого развития сельских территорий, мотивации проживания в сельской местности и эффективного использования государственных средств для обустройства села на территории республики предусмотрено формирование качественно новых типов сельских поселков — агрогородков. Они созданы на «основе административно-территориальных единиц базового уровня, территории которых являются исторически устоявшимися административными образованиями, а также центральных усадеб сельскохозяйственных организаций» [7]. За период с 2005 по 2010 г. в республике был создан 1 481 агрогородок, больше все в Минской (325), Витебской (256) и Могилевской (202) областях. В Гомельской области статус агрогородка присвоен 238 сельским поселениям. В них проживает более 170 тыс. человек, или 39,7% всего сельского населения области.

Внутри области показатели расселения варьируют в широких пределах. Природно-ландшафтные условия первоначально предопределили плотную заселенность северо-восточной и восточной частей области средневысотных ландшафтов и редкую сеть поселений на юге, где преобладают низменные ландшафты. Прослеживается увеличение числа населенных пунктов вдоль рек. В настоящее время природный фактор играет второстепенное значение, сельская система расселения опирается на транспортные пути и городские поселения.

Плотность сельского населения отражает степень его концентрации и благоприятности проживания. Внутри региона этот показатель колеблется в пределах от 34 чел./км² в Гомельском районе до 1 чел./км² в одном из наиболее пострадавших в результате аварии на ЧАЭС Наровлянском, расположенном на юге региона.

Плотность сельского населения Гомельской области за последние 35 лет сократилась, более, чем в два раза. Среди основных причин разуплотнения можно выделить массовые переселения жителей из загрязненных радионуклидами поселений и административную ликвидацию «вымерших» поселений. Средняя людность сельских поселений находится в пределах от 69 человек в Наровлянском районе до 357 человек — в Гомельском. Известно, что от величины поселений зависит степень его антропогенной нагрузки на природных компоненты внутри населенного пункта и на прилегающих территориях. Величина поселений возрастает вокруг городов Гомель и Мозырь, в центральных и западных районах колеблется в пределах от 100 до 200 человек и снижается к периферии до значений менее 100 человек. Аналогично плотности сельского населения отмечается повсеместное сокращение величины поселений: меньше в районах, центрами которых являются города Гомель, Мозырь, Жлобин; больше — в периферийных. В 1986 г. во всех административных районах средняя людность сельских поселений составляла более 130 человек. В настоящее время в семи районах этот показатель ниже 90 человек на населенный пункт. В их число вошли территории районов, наиболее загрязненные радионуклидами.

В северо-восточных районах области преобладают мелкие и средние поселения (30–50 дворов), в западных и юго-западных районах — средние и крупные поселения, насчитывающие 100 и более дворов. Почти 60 % сельских поселений имеют население до 100 человек, более 40% — менее 50 человек. Больше всего крупных сел (свыше 1 000 человек) в Гомельском, Житковичском и Лельчицком районах.

Прямым отражением природных особенностей территории является показатель среднего расстояния между населенными пунктами. Он изменяется по административным районам в пределах от 3 до 7 км.

Одним из основных показателей, отражающих пространственную структуру системы расселения, является индекс концентрации населения. Индекс территориальной концентрации населения был рассчитан за два года: 1986 — до аварии на Чернобыльской АЭС; 2019 г. — в настоящее время.

В сельской местности Гомельской области наблюдается процесс концентрации населения в районах с крупнейшими, большими и средними городами. Однако в трех группах районов за исследуемый период происходит сокращение плотности сельского населения, как и в целом по области, при одновременном увеличении площадей территории с наименьшей и средней плотностью населения (табл. 2).

В 1986 г. половина всего сельского населения Гомельской области проживала в семи районах. В результате массовых переселений сельских жителей из загрязненных радионуклидами поселений Чечерского, Ветковского, Кормянского, Наровлянского, Лоевского и Хойникского районов возросла численность сельского населения Гомельского, Буда-Кошелевского, Жлобинского, Речицкого и других районов (рис. 6).

Динамика индекса концентрации населения за период с 1986 по 2019 г. свидетельствует о последовательном уменьшении территории, где сконцентрирована половина сельских жителей региона, которые проживают в районах с наивысшей плотностью сельского населения.

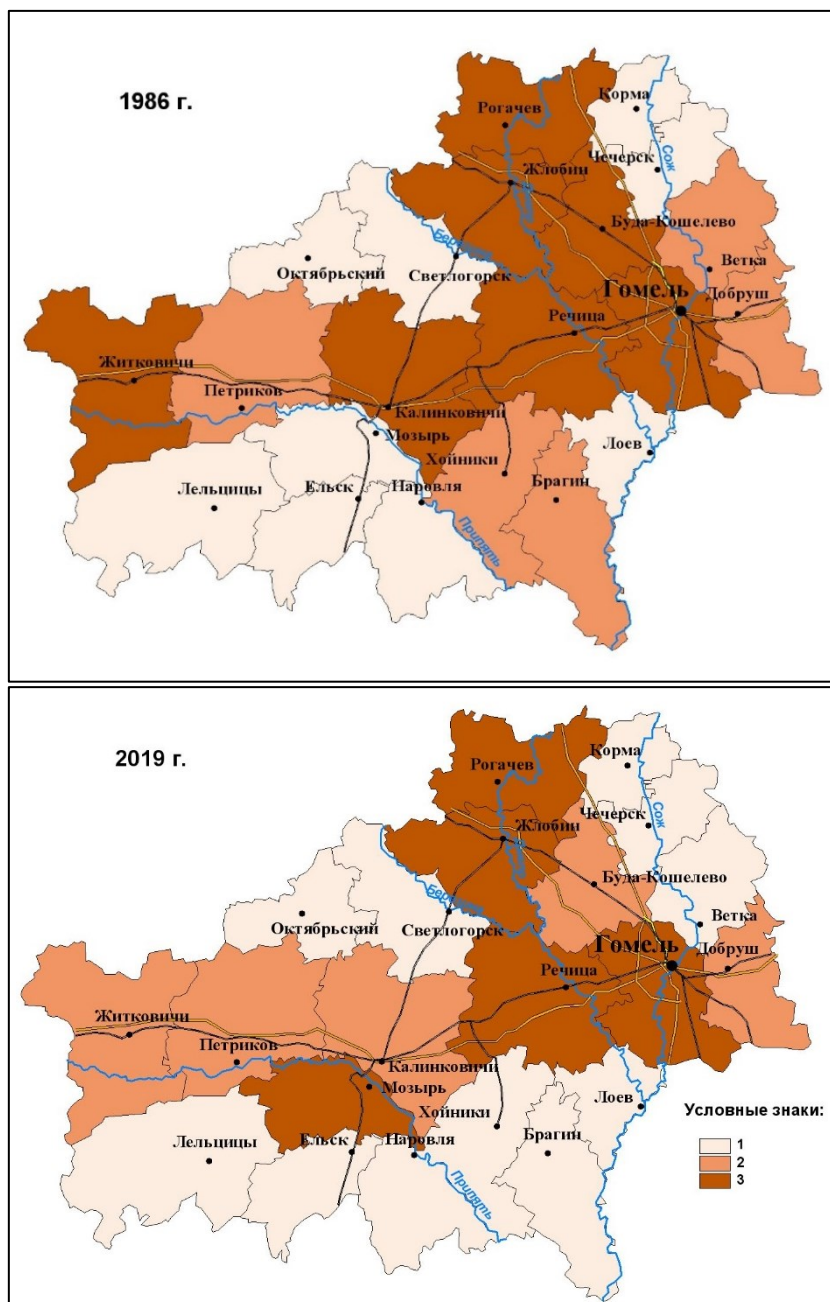
За отмеченный промежуток времени указанная территория уменьшилась на 14,1%, в основном за счет районов с самой низкой плотностью населения, где проживает 25 % сельских жителей области. Плотность населения сократилась во всех группах поселений, больше всего с минимальной численностью населения. Это доказывает усиление концентрации населения вокруг городов Гомель, Мозырь и Жлобин. Отток населения произошел преимущественно из районов, наиболее загрязненных в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

Таблица 2

Динамика территориальной концентрации сельского населения Гомельской области за постчернобыльский период (1986–2019 гг.)

Группа районов	Показатель	Годы	
		1986	2019
1	Средняя плотность населения, чел./км ²	20	15
	Доля территории области, %	40,1	26,0
2	Средняя плотность населения, чел./км ²	16	7
	Доля территории области, %	24,4	28,7
3	Средняя плотность населения, чел./км ²	12	4
	Доля территории области, %	35,5	45,3
Всего	Средняя плотность населения, чел./км ²	16	8
	Доля территории области, %	100	100

Группы районов по концентрации населения: 1 — наивысшая (50% от общего количества); 2 — средняя (25%); 3 — наименьшая (25%).

3 — наивысшая плотность населения (50% сельских жителей области);
2 — средняя (25%); 1 — наименьшая (25%)

Рис. 6. Распределение районов Гомельской области по плотности сельского населения. Составлено автором.

Выводы

Особенными чертами сельской системы расселения Гомельской области являются: относительное низкое число сельских поселений — всего 1/10 часть населенных пунктов страны и самые высокие темпы его сокращения (на 14,3% за последние 20 лет); второе место после Брестской области по средней людности сельских поселений (143 человека); плотность населения ниже средней по

республике (8 чел./км² при 10 чел./км² в стране); самая низкая плотность сельских поселений в стране — 6 населенных пунктов на 100 км²; постепенное увеличение доли мелких поселений (до 50 человек) с одновременным ростом числа проживающего в них населения (47% сельских поселений при среднереспубликанском уровне 60%).

Социально-экономические и природно-ландшафтные факторы предопределили характер внутриобластных различий в системе сельского расселения. Размещение сельских населенных пунктов с большей плотностью отмечается вдоль рек, транспортных магистралей и вокруг городов. Природно-ландшафтные условия предопределили плотную заселенность северо-восточной и восточной частей области и редкую сеть поселений на юге. Наибольшей плотностью сельского населения характеризуются районы, центрами которых являются города Гомель, Мозырь и Жлобин, а также расположенные преимущественно на средневысотных ландшафтах. Прямым отражением природных особенностей территории является показатель среднего расстояния между населенными пунктами — он увеличивается от средневысотного северо-востока до низинного юго-запада.

Литература

1. Радиационная обстановка на территории Республики Беларусь (масштаб 1:1 000 000) / Комитет по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь. Минск: РУП «Белкартография», 2003.
2. Урланис Б. Ц. Теория статистики. М.: Статистика, 1973. 439 с.
3. Струк М. И. Региональные особенности оптимизации окружающей среды Беларуси. Минск: Беларус. наука, 2007. 252 с.
4. Гомельская область в цифрах, 2021. Статистический справочник. Минск, 2021. 84 с.
5. Статистический ежегодник Гомельской области, 2020. Минск, 2020. 451 с.
6. Антипова Е. А. Геодемографические проблемы и территориальная структура сельского расселения Беларуси. Минск: БГУ, 2008. 327 с.
7. Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы. Минск: Беларусь, 2005. 96 с.

T. G. Flerko | ***Structure and spatial organization of rural settlement of the Gomel region***

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Republik of Belarus
e-mail: tflerco@mail.ru

Abstract. *The article reveals the features of the modern structure and organization of the rural settlement system of the Gomel region of the Republic of Belarus. The factors, that influence the formation and transformation of the settlement system have been determined. The main indicators of rural settlement are analyzed in dynamics and in comparison with the nationwide values, intraregional differences of that indicators are revealed.*

The modern structure and spatial organization of the rural settlement system in the region was determined by both social, economic, natural and environmental factors. The main social and economic factors include geographical position of the region and individual settlements, or rather their distance from cities and other local economic centers, transport accessibility. Natural conditions initially predetermined the places of concentration of the rural population; later these factors had a significant impact on the development of settlements. Currently, the natural conditions of settlements often act as recreational resources. Radioactive contamination of the territory as a result of the accident at the Chernobyl nuclear power plant has become one of the most important environmental factors in the transformation of the rural settlement system of the Gomel region.

The following features of the rural settlement system of the Gomel region were revealed: a relatively low number of rural settlements — only 1/10 of the whole country's settlements and the highest rates of its contraction (by 14.3% over the past 20 years); the second place after the Brest region in the average population of rural settlements (143 people); the population density is below the national average (8 people/sq.km against 10 people/sq.km nationwide); the lowest density of rural settlements in the country — 6 settlements per 100 sq.km; a gradual increase in the share of small settlement types (up to 50 people) with a simultaneous increase in the number of population living in there (47% of rural settlements with an average nation level of 60%).

Social, economic and natural landscape factors predetermined the pattern of intraregional differences in the system of rural settlement. Rural settlements are more densely located along rivers, transport routes and around cities. Natural landscape conditions predetermined the dense population of the northeastern and eastern parts of the region and a rare network of settlements in the south. The highest density of the rural population is a character of the districts, the centers of which are the cities of Gomel, Mozyr and Zhlobin, as well as those located mainly in medium-altitude landscapes. A direct reflection of the natural features of the territory is the indicator of the average distance between settlements — it increases from the middle-altitude northeast to the low-lying southwest.

Using the index of territorial concentration of the population, the dynamics of the spatial structure of the settlement system is determined. In rural areas of the Gomel region, there is a process of concentration of the population in areas with the largest, large and medium-sized cities. However, during research period, in three groups of districts there was a decrease in the density of the rural population, as well as in the region as a whole, with a simultaneous increase in the area of the territory with the lowest and middle population density. The dynamics of the index for the period from 1986 to 2019 indicates a consistent decrease in the territory where half of the rural residents of the region are concentrated, who lives in areas with the highest rural population density.

Keywords: *rural population, population settlement, population density of settlements, population density, population concentration, density of settlements.*

References

1. Radiacionnaja obstanovka na territorii Respubliki Belarus (masshtab 1:1 000 000). Komitet po zemel'nym resursam, geodezii i kartografii pri Sovete Ministrov Respubliki Belsrus. Minsk: RUP «Belkartografija», 2003. (in Russian)
2. Urlanis B. C. Teorija statistiki. M.: Statistika, 1973. 439 p. (in Russian)
3. Struk M. I. Regional'nye osobennosti optimizacii okruzhajushchei sredy Belarusi. Minsk: Belsrus. nauka, 2007. 252 p. (in Russian)
4. Gomelskaja oblast' v cifrach, 2021. Statisticheskij spravocnik. Minsk, 2021. 84 p. (in Russian)
5. Statisticheskij ezhegodnik Gomel'skoj oblasti, 2020. Minsk, 2020. 451 p. (in Russian)
6. Antipova E. A. Geodemograficheskie problemy i territorial'naja struktura sel'skogo rasselenija Belarusi. Minsk: BGU, 2008. 327 p. (in Russian)
7. Gosudarstvennaja programma vozrozhdenija i razvitija sela na 2005–2010 gody. Minsk: Belarus, 2005. 96 p. (in Russian)

Поступила в редакцию 21.07.2021 г.

УДК 332.1 + 63 (571.63)

А. М. Харитонов

О возможной роли лесов в обеспечении занятости сельского населения Приморского края

ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» ДВО РАН,
г. Владивосток, Российская Федерация
e-mail: mavr@tig.dvo.ru

Аннотация. Лесные ресурсы Приморского края оказывают значительное влияние на структуру и численность занятых в сельском и лесном хозяйстве края. Среди древесных пород здесь особенно велика роль липы. Ведь до 90% ежегодных заготовок меда приходится именно на нее. При этом собственные леса сельхозпредприятий сегодня отдельно не рассматриваются статистикой, хотя могли бы играть существенную роль, как было в дорыночный период, когда они вместе с государственными лесами обеспечивали серьезный рост занятости на селе.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморский край, липа, лесозаготовки, заготовки меда, занятость населения, сельское население, численность населения

Введение

13,4 млн га или 82% территории Приморского края составляет общая площадь земель лесного фонда и земель иных категорий, где расположены леса. Из них на собственно леса сельхозпредприятий приходилось примерно 0,6 млн га. Впрочем, промышленная ценность сельских лесов невелика, т.к. в них практически полностью отсутствуют хвойные породы.

Динамика численности населения Приморского края в последние годы отрицательная. Если в 2009 г. здесь проживало 1 970 тыс. чел. (в т.ч. 24,1% — сельского), то в 2019 г. только 1 903 тыс. При этом численность сельского населения в процентном отношении сократилась значительно больше — до 22,6% [1]. Но до сих пор в крае насчитывается более 600 крупных сельских поселений.

В Дальневосточном регионе Приморский край выделяется развитым сельским хозяйством, наряду с Амурской областью. В отдельные годы величина заготовок меда в крае является одной из самых высоких на Дальнем Востоке и в Российской Федерации в целом.

Материалы и методы

Для рассмотрения роли лесов в обеспечении занятости сельского населения края нам предстоит рассмотреть распространение в Приморском крае липняков и собственно лесов сельхозпредприятий, наряду с государственными лесами, которые также все еще обеспечивают работой немалую часть сельских лесозаготовителей, что мы рассматривали в своей прежней работе [5].

Лесная отрасль для районов нового освоения является «пионерной». Впрочем, таковыми для края лесозаготовки следует считать уже с некоторой натяжкой. Дело не только в том, что значительная часть леса заготавливается

жителями формально поселений городского типа, но и значительной степенью освоения лесов Приморского края. Некоторые из них уже по нескольку раз пройдены промышленными рубками и порой потеряли свое промышленное значение. Пионерными лесозаготовки пока еще можно уверено объявлять только на северо-востоке края.

Одним из немногих производств, сохранившихся в сельской местности в условиях рыночных отношений, стало пчеловодство. Липовые насаждения занимают значительную часть среди лесов центральных районов края (рис. 1). На липу приходится подавляющая часть медосборов — в среднем 90%. В настоящее время производство меда в крае несколько снизилось, по сравнению с советским периодом, когда в крае собирали почти половину меда России.

В настоящее время в перечне официально зарегистрированных в крае личных подсобных хозяйств, имеющих в собственности пчелиные семьи, насчитывается порядка 800 чел. Им принадлежит от 2 до 400 пчелосемей на человека (в среднем 30–35 пчелосемей на хозяйство), т. е. всего около 28 тыс. пчелосемей.

Таблица 1
Производство меда в хозяйствах всех категорий (по данным [2])

	2005	2010	2015	2017
Дальний Восток	3 185	3 721	7 109	6 861
Приморский край	1 951	2 590	4 948	5 004
Хабаровский край	151	313	534	534
Амурская область	858	544	929	811
Еврейская автономная область	213	260	690	504
Россия в целом	52 469	51 006	67 120	65 157

Составлено автором

Следует учесть, что основной медонос липа в крае хорошо цветет далеко не каждый год. Однако в годы высоких медосборов объемы меда, как правило, перекрывают убытки прошлых лет. Вот только стоимость сахара для подкормки пчел в крае порой бывает неоправданно высока.

В условиях перехода к рынку в сельской глубинке стали нерентабельными заготовки ряда лесных дикоросов, которые ранее обеспечивали едва ли не полную занятость с помощью ряда государственных и кооперативных организаций.

В дорыночные времена заготовки меда проводили коопзверопромхозы, госпромхозы, лесхозы, райзаготконторы, межхозяйственные лесхозы, специализированные пчелосовхозы и некоторые другие более мелкие предприятия. Именно плановые монополизированные этими структурами закупки меда позволяли им быть рентабельными и содержать убыточные отрасли — охотничье хозяйство, в частности. Как только планово-экономическая система страны была разрушена, начался развал порожденных ею организационных структур, обеспечивающих занятость нескольким тысячам человек в сельской местности Приморья.

Исключения здесь очень редки. Пока еще сохраняются заготовки кедровых орехов, немалая часть урожая которых идет на экспорт. В небольших количествах заготавливают грибы, ягоды, папоротник и черемшу. Резко снизились заготовки

лекарственного сырья.

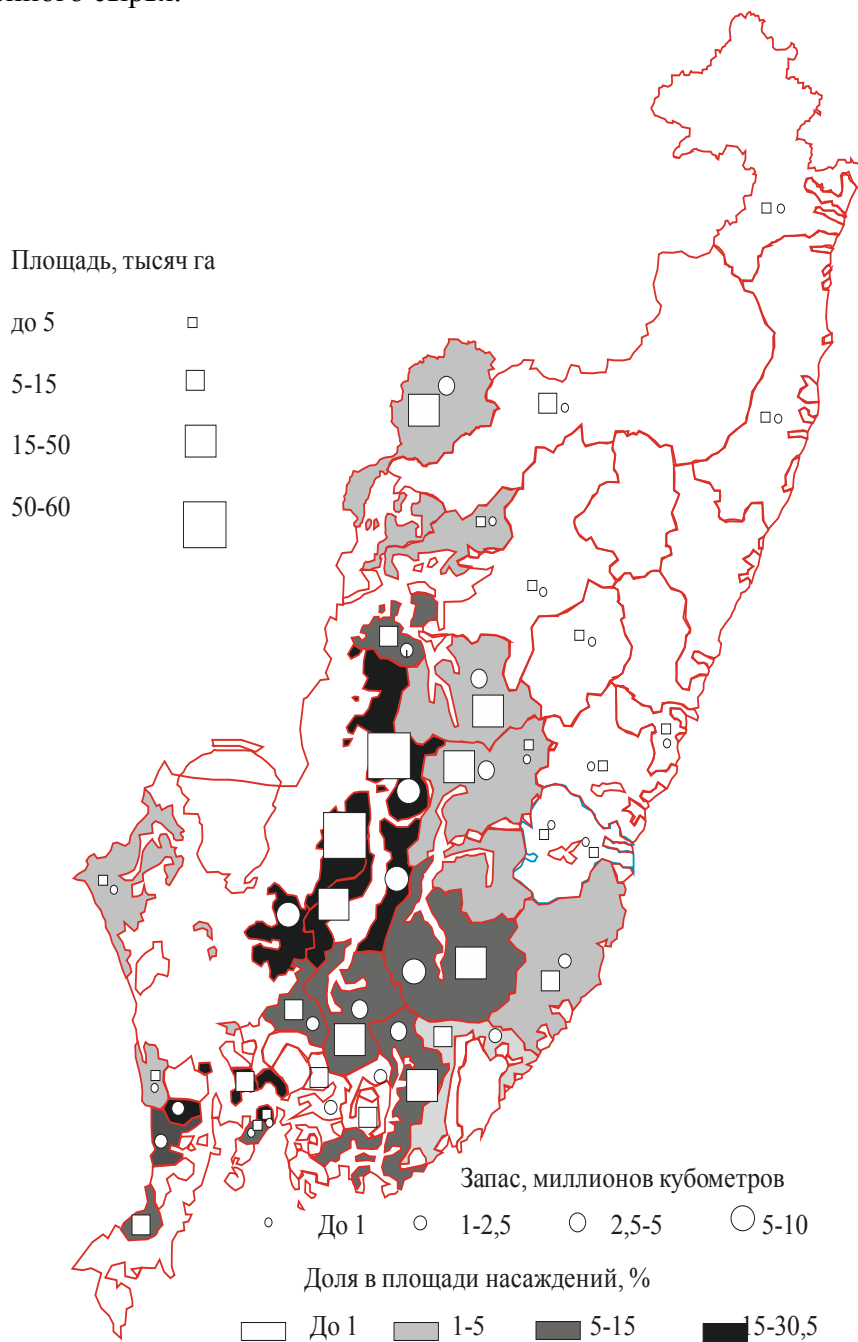

Рис.1. Насаждения липы в Приморском крае.

Составлено автором

Не назовешь процветающим и современное охотничье хозяйство Приморья. В нём занято порядка 500 чел. ежегодно [3], не считая собственно охотников-любителей. При этом охотничьи хозяйства (96 из 98 пользователей) полностью или частично расположены на землях лесного фонда.

В Приморье снизилась внутренняя потребность в заготовках древесины для промышленных и бытовых нужд, что повлекло за собой определенную деградацию лесной промышленности по величине объемов производства. Однако,

официально на лесозаготовках занято порядка 45% от числа работников отрасли, что достаточно важно для развития сельской местности.

На фоне государственных лесов бывшие леса сельхозпредприятий выглядят достаточно бедно (рис. 2). Как мы уже отмечали, их доля в составе лесов края низка, кроме того, в них практически полностью отсутствуют наиболее ценные хвойные древесные породы (табл. 2). Площадь сельских лесов по отдельным районам Приморского края не превышает 35 тыс. га, а запас древесины — 3,5 млн м³. Соответственно, невелик и запас насаждений на 1 га площади лесов, который обычно не превышает 100 м³.

Таблица 2

Распределение покрытых лесом площадей по колхозным и совхозным лесам Приморского края на 1.01.1988

Порода	Площади		Запас	
	Тыс. га	%	Млн. м ³	%
Сосна	0,6	0,1	0,02	0,06
Ель, пихта	2,5	0,5	0,48	1,4
Кедр	1,4	0,3	0,13	0,4
Итого хвойные	4,5	0,9	0,63	1,8
Дуб	228,3	44,6	14,47	41,4
Твердолиственные, всего	341,0	66,6	22,27	63,7
Береза	33,8	6,6	2,18	6,2
Осина	64,0	12,5	4,14	11,8
Мягколиственные, всего	166,7	32,5	12,07	34,5
Край, всего	512,2	100	34,97	100

Составлено автором по данным «Приморсксельхозлеса».

Существуют серьезные проблемы со статистическим учетом данной категории лесов. Лесоустройство в лесах сельхозпредприятий всегда запаздывало. Некоторые материалы за давностью лет и вовсе утеряны. Не древесными ресурсами для промышленных заготовок эти леса с местной точки зрения также не располагают. По этой причине при лесоустройстве местные лесоустроительные экспедиции внимания им вообще не уделяли. В то же время с точки зрения западных лесоустроителей приморские сельские леса были достаточно богаты ресурсами грибов, ягод, лекарственного сырья [4].

Сельские леса края долгое время оставались фактически бесхозными, лишь изредка в случае чрезвычайных ситуаций за ними присматривали работники обычных лесхозов. К подобному положению вернулись и в настоящее время. А между тем в 1980-90-е гг. была предпринята попытка привести сельские леса Приморья в определенный порядок. Была создана Всероссийская организация Россельхозлес и организован ее приморский филиал, несколько раз менявший свое название в период своего относительно недолгого существования (табл. 3).

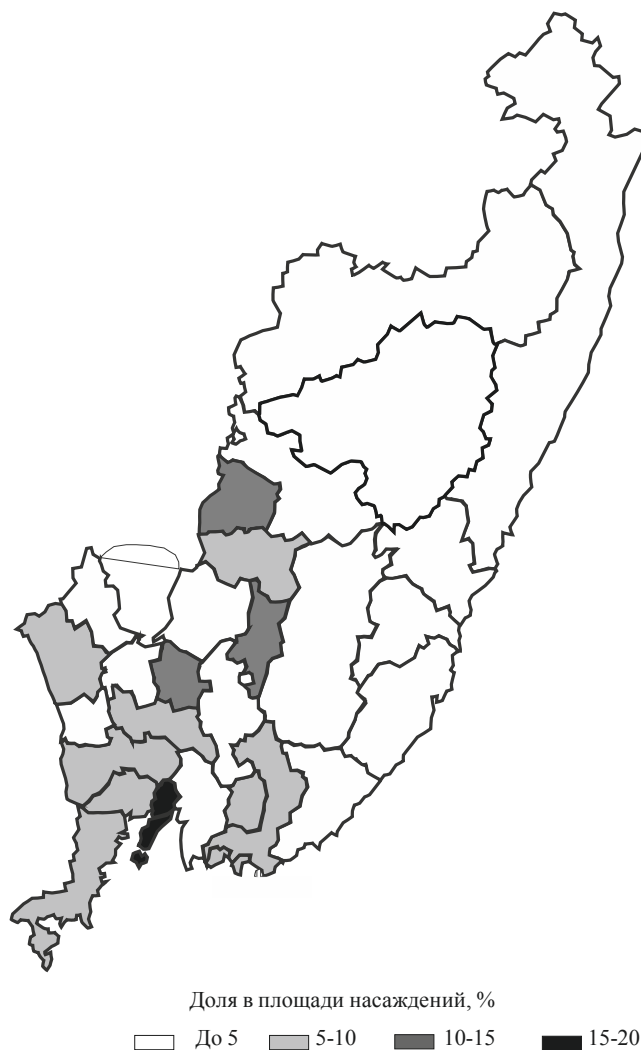

Рис. 2. Распространение сельских лесов по районам Приморского края.

Таблица 3

Состав межхозяйственных лесхозов Приморского края

Межхозяйственные лесхозы	Дата организации	Последнее лесоустройство	Общая площадь лесов, тыс. га	Вступило хозяйств
Черниговский	1978	1989	23,8	9
Кировский	1978	1989	26,6	10
Лесозаводский	1980	1989	38,6	10
Партизанский	1987	1990	53,1	13
Шкотовский	1989	1990	11,4	5
Анучинский	1990	1978	12,6	8
Уссурийский	1978	1977	31,5	8
Спасский	1978	1977	42,1	19
Все леса сельхозпредприятий края		1977–1978, 1983, 1990	549,7	223

Составлено автором по данным Приморсксельхозлеса.

Впрочем, ведение лесного хозяйства в сельских лесах с самого начала было весьма затратной идеей. Для полного освоения приморских сельских лесов требовалось, по подсчетам автора, порядка 1 000 занятых, что было сопоставимо с численностью занятых в обычных лесхозах. Это объяснялось худшим качеством насаждений, мелкими и весьма удалёнными друг от друга выделами, что резко повышало транспортные расходы на эксплуатацию таких лесов.

По указанным выше причинам в условиях рыночных отношений государство избавилось от потенциально нерентабельных структур. С 2005 г. упоминания о связанных с межхозяйственными лесхозами организаций исчезают, хотя ряд подобных лесхозов прекратил свое существование еще ранее. Сельская местность лишилась порядка 300 уже организованных еще в советский период рабочих мест. Впрочем, Чугуевский межхозяйственный лесхоз расформировали еще в 1988 г., а ряд других планируемых к организации лесхозов так и не появился в связи с переходом экономики страны на рыночные отношения.

Нами замечена любопытная закономерность, связанная с лесным комплексом края. Даже в годы всеобщего кризиса его производства оказались более устойчивы и менее подвержены экономическому спаду, по сравнению с иными специализированными предприятиями края. Очевидно, это связано с тем, что уровень заготовки не древесных ресурсов в большей степени зависит от урожая, чем от реального спроса.

Кроме того, немалая часть древесных заготовок оседает среди сельских жителей и помогает им переживать кризисные периоды. По счастью для сельских лесов — они не представляют промышленного интереса в настоящее время, по этой причине их величина даже немного увеличивается, что показали проводимые лесоустройства. Не следует сбрасывать со счетов и выполняемые лесами сельхозпредприятий полезащитные и другие подобные функции, которые порой даже более важны, чем использование лесов для хозяйственных нужд.

Результаты и обсуждение

Таким образом, непродуманная лесная политика в Приморском крае оказала значительное влияние на состояние занятости его сельского населения экономически связанного с лесом. Из-за просчетов в организации лесного дела в Приморском крае получило широкое распространение «теневых» лесозаготовок — как варианта сельской самозанятости.

Однако, эти заготовки привели исчезновению жизненно важных для сельской глубинки производств. Через 5–7 лет, когда запасы древесины для рубок в легкодоступных местах Приморского края будут исчерпаны окончательно, проблема лесостроительства ещё сильнее обострится [5].

Проводимые в лесном хозяйстве Приморского края мероприятия по преобразованию организационной структуры лесного хозяйства в первую очередь повлияли на пчеловодство. В частности, был отменен многолетний запрет на вырубку основного медоноса — липы. Это привело к резкому росту заготовок древесины липы и сказалось на медосборе. Потребовалось несколько лет, прежде чем жалобы пчеловодов были приняты во внимание и запрет на рубки липняков возобновили. Однако проведенные рубки уже успели основательно расстроить ресурсы медосборов в крае [6]. По последним данным возможные ресурсы заготовки меда в крае снизились примерно до 45 тыс. т ежегодно, тогда как ранее

они оценивались вдвое больше.

Следовательно, несмотря на сохранившиеся ошибки в лесозаготовительной деятельности, наносящие существенный урон лесным ресурсам Приморского края, особенно «теневые» лесозаготовки, сельское население продолжает пользоваться в условиях растущей безработицы возможностями экономического выживания, связанными с лесными промыслами. Важно сохранить традиционные для Приморского края формы ведения лесного хозяйства в мало затронутых вырубками массивах кедровника в его северо-восточных районах.

Результаты исследований, представленные в статье, получены в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема «Географические и геополитические факторы в инерционности, динамике и развитии разноранговых территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России», № АААА-А16-116110810013-5. Раздел 1).

Литература

1. Демографический ежегодник Приморского края: Статистический сборник / Приморскстат, 2019. 90 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.
3. Сельское и лесное хозяйство Приморского края. Статистический сборник/ Приморскстат. 2019. 98 с.
4. Харитонов А. М. Межхозяйственные лесхозы и их роль в развитии лесопользования в лесах сельхозпредприятий Приморского края // Никоновские чтения. Устойчивое развитие сельской местности: концепции и механизмы. М.:ЭРД, 2001. С.366–368.
5. Харитонов А. М. Роль лесного комплекса в занятости населения лесоресурсного типа (на примере Приморского края) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 6. Вып. 3. 2020 г. С.294–300.
6. Чипизубова М. Н.. Липа в лесах Приморского края: проблема сохранения // Комаровские чтения. Вып. LXIV. Владивосток, 2016. С. 101–118.

A. M. Kharitonov

On the possible role of forests in providing employment for the rural population of Primorsky Krai

Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation
e-mail: mavr@tigdvo.ru

***Abstract.** The forest resources of Primorsky Krai have a significant impact on the structure and number of people employed in agriculture and forestry in the region. Among the tree species here, the role of linden is especially great. After all, up to 90% of the annual honey harvest falls on it. At the same time, the own forests of agricultural enterprises are not considered separately by statistics today, although they could play a significant role, as it was in the pre-market period, when they, together with state forests, provided a serious increase in employment in rural areas.*

Keywords: *the Far East, Primorsky Krai, logging, linden, honey harvesting, employment, rural population, population size.*

References

1. Demograficheskij ezhegodnik Primorskogo kraja: Statisticheskij sbornik. Primorskstat, 2019. 90 p. (in Russian)
2. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018: Stat. sb. Rosstat. M., 2018. 1162 p. (in Russian)
3. Sel'skoe i lesnoe hozyajstvo Primorskogo kraja. Statisticheskij sbornik. Primorskstat. 2019. 98 p. (in Russian)
4. Haritonov A.M. Mezhkhozyajstvennye leskhozy i ih rol' v razvitii lesopol'zovaniya v lesah sel'hozpredpriyatij Primorskogo kraja. Nikonovskie chteniya. Ustojchivoe razvitie sel'skoj mestnosti: koncepcii i mekhanizmy. M.: ERD, 2001. pp. 366–368. (in Russian)
5. Haritonov A. M. Rol' lesnogo kompleksa v zanyatosti naseleniya lesoresursnogo tipa (na primere Primorskogo kraja). Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Vol 6. Ussue. 3. 2020. pp. 294–300. (in Russian)
6. Chipizubova M. N. Lipa v lesah Primorskogo kraja: problema sohraneniya. Komarovskie chteniya. Ussue. LXIV. Vladivostok, 2016. pp. 101–118. (in Russian)

Поступила в редакцию 15. 06. 2021 г

УДК 911.37

В. В. Шаймарданова

**Функциональная структура
неурбанизированных территорий:
проблемы и перспективы**

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Российская Федерация
e-mail: valeriyashaim@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу функциональной структуры агломерационной зоны г. Казани. Дифференциация территории агломерации по функциональному признаку позволила сопоставить взаиморасположение отдельных функций среды друг с другом. В данной статье на примере Высокогорского района Республики Татарстан, являющимся периферийной зоной Казанской агломерации, рассматривалось изучение функциональной структуры неурбанизированных территорий.

Ключевые слова: функциональные зоны, городская агломерация, неурбанизированные территории, сельские поселения, развитие территорий.

Введение

Городская агломерация современных крупнейших городов России — это сочетание городских поселений, взаимосвязанных и устойчиво взаимодействующих друг с другом. В то же время городская агломерация включает и сельские поселения и территории, особенно в ее периферийных частях. Организация гармоничного развития городской агломерации — долгий и сложный процесс. При этом развитие городских территорий существенно отличается от неурбанизированных, подверженных специфичным сложностям. Одним из способов организовать городскую структуру — это дифференцировать ее по выполняемым функциям территорий. В науке данный процесс чаще всего сопоставим с проведением функционального зонирования, основные подходы к пониманию которого были изложены во многих трудах, в частности Толстихина Д. О., Потаповой Е. В., Грачевой И. В., Матюшкиной Л. А. и др. [1–4].

Главной задачей анализа функциональной структуры города является поиск оптимального и рационального размещения активных функций на территории, т.е. сформировать наилучший план функционального зонирования для развития территории [4]. Однако размещение активных городских функций не ограничивается городской чертой, а зачастую выносится за ее пределы. Например, для города-миллионника Казани (Республика Татарстан) характерно наличие крупных жилых массивов в пригородной зоне, что создает частичный перенос селитебной функции города в пригород. И чем крупнее город, тем более выражено подобное влияние.

Следовательно, становится целесообразно анализировать функциональную структуру не единичного города, а целой городской агломерации. Агломерация сочетает в себе как урбанизированные, так и неурбанизированные территории, игнорировать которые при планировании развития территории нельзя.

Функциональное зонирование агломерации как метод проводится достаточно редко в силу ряда причин. В первую очередь, недостаточный опыт межмуниципального сотрудничества, необходимого при комплексном решении вопроса функционального зонирования агломерации. В тоже время функциональное зонирование не имеет строгой регламентации, что создает предпосылки для использования этого инструмента для различных нужд. Изучение функциональной структуры агломерации необходимо для проведения качественных мероприятий по ее развитию.

В контексте данной статьи особое внимание уделяется анализу функциональной структуры неурбанизированных территорий городской агломерации на примере Казанской агломерации Республики Татарстан. Рассмотрение городской агломерации без учета входящих в нее сельских территорий ограничивает развитие. Пригородная зона г. Казани как объект исследования проявляется в ряде исследований. Например, в работе Закировой Ю. А. выявляются зоны опережающего развития пригородной зоны Казани [5], а Дембич А. А. в своей работе предлагает выявление зон функциональной концентрации в городе и пригороде [6]. Пригородная зона Казани в большинстве содержит именно неурбанизированные территории, являющиеся перспективными для расширения города, следовательно, изучение функциональной нагрузки на эти территории необходимо.

Материалы и методы

Анализ функциональной нагрузки на неурбанизированные ландшафты в данной работе проводился для территории части Казанской агломерации, приходящейся на Высокогорский района Республики Татарстан. Границы любой агломерации подвижны, при этом агломерация — это не только форма расселения, но и форма пространственной организации различных сфер и видов деятельности, образованная компактно расположенными городами и населенными пунктами, объединенными интенсивными и регулярными связями различного характера [7]. Определение границы Казанской агломерации проводилось путем построения транспортной изохроны. Таким образом в границы вошла та часть города Казани и прилегающих к нему районов, которая находится в пределах 60 минутной транспортной доступности. Так как целью являлся только Высокогорский район, методами геоинформационных систем была получена территория Казанской агломерации, находящаяся в нем.

Определение функциональной структуры Высокогорского района заключается в выделении соответствующих функциональных зон. Существует множество подходов к классификации функциональных зон, наиболее общими из которых можно считать представленные в энциклопедии «Архитектура и градостроительство»: селитебная, производственная, коммунально-складская и зона внешнего транспорта [8]. Однако этого недостаточно, т. к. городская агломерация содержит и межселенные территории. Поэтому при анализе функциональной структуры использовалась авторская классификация территорий по функциональному признаку:

1) Селитебная зона индивидуальной и многоэтажной застройки с единичными объектами социальной инфраструктуры.

2) Общественно-деловая зона, где сосредоточены здания и территории приложения человеческого труда, не связанные с производством и промышленностью, а также транспортом.

3) Хозяйственно-производственная зона сосредотачивает объекты производства, промышленности, хранения и обслуживания объектов производственной сферы. В качестве подзон выделяется подзона промышленных объектов, занятая непосредственно объектами производства, и складская подзона, в которой размещаются крупные складские комплексы и логистические центры, расположенные обособленно.

4) Зона коммунальной инфраструктуры.

5) Зона транспортной инфраструктуры.

6) Сельскохозяйственные зоны — зоны распространения сельского хозяйства в границах агломерации — пашни, пастбища, теплицы, сельскохозяйственные предприятия (фермы и подсобные хозяйства) и объекты, непосредственно с ними связанные.

7) Общественно-рекреационная зона — территории благоустроенных парков, скверов, лесопарков и т. д., объекты отдыха и спорта, а также набережные и парки аттракционов.

8) Зеленая зона — территории неблагоустроенных лесопарков, водоемов, природоохранных территорий, водоохраных зон, лесные массивы, крупные лесополосы.

9) Зоны специального назначения — военные объекты, кладбища, полигоны хранения опасных отходов.

10) Зоны сезонной рекреации — садовые товарищества и кооперативы, огороды.

11) Зоны перспективного освоения — те территории, которые на данный момент не выполняют конкретные и определенные функции, пустуют, либо являются перспективными.

В границах Высокогорского района представлены все перечисленные зоны.

Выявление тех или иных функций территории проводилось на основе комплексного сравнения и сопоставления данных нескольких картографических источников — Публичной кадастровой карты, Гео-справочника 2GIS, сервиса Яндекс.Карты, а также космоснимков, представленных через сервис GoogleEarth. Построение карт осуществлялось в среде геоинформационной системы ArcGis 10.6.

Результаты и обсуждение

Построенная карта Казанской агломерации подтвердило тезис о ее многофункциональности. Наиболее функционально многогранными в агломерационном поясе Казанской агломерации являются территории вдоль основных транспортных направлений — в западном, северо-восточном и южном направлениях. Высокогорский район находится в северо-восточной части агломерации. Функциональная структура объекта исследования представлена на карте (рис. 1).

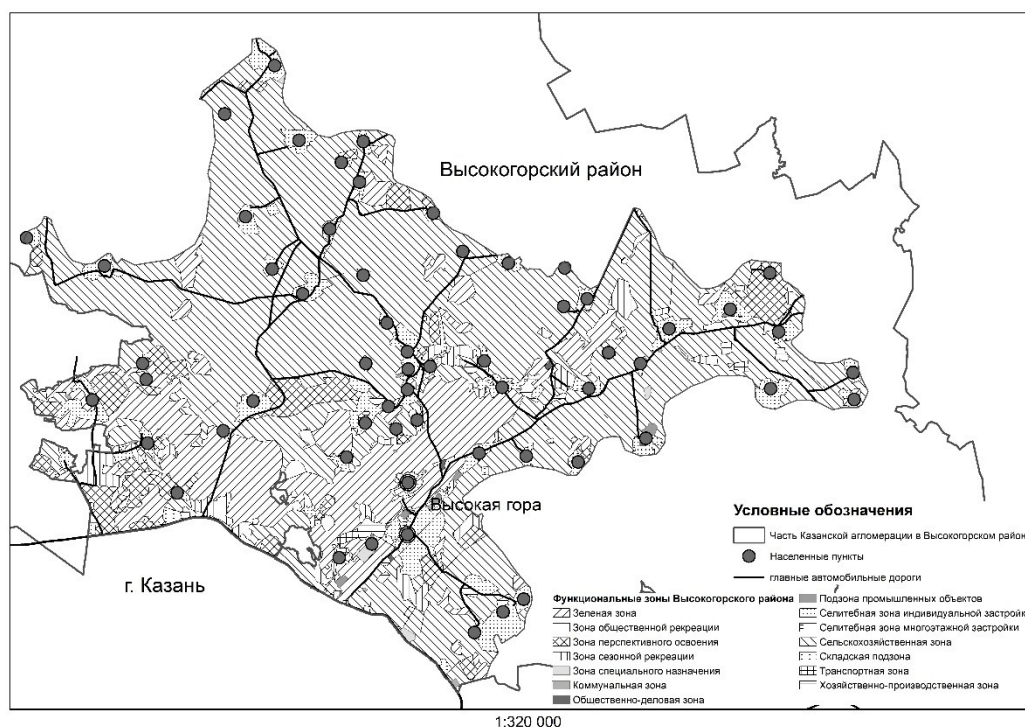

Рис. 1. Функциональная структура части Казанской агломерации на территории Высокогорского района Республики Татарстан.

Составлено автором

Анализируя представленную карту, в первую очередь стоит отметить тяготение большинства функциональных зон к границе с Казанью и основной транспортной магистралью в направлении северо-востока. Это связано с наибольшей временной доступностью данных территорий.

Условно в функциональном контексте можно разделить данную карту по концентрации на южную, восточную и северную части. Южная часть района характеризуется существенным преобладанием зеленой зоны, выступающей в качестве буфера между крупным городом — Казанью — и его пригородной зоной. В данном случае наблюдается закономерность распространения и зоны сезонной рекреации — большая ее доля тяготеет к зеленой зоне. Восточная часть, расположенная вдоль основной транспортной магистрали, характеризуется относительным разнообразием функциональных зон, здесь представлены все. Северная часть отличается существенным преобладанием сельскохозяйственной зоны.

Что касается распространения селитебных зон, то все они расположены по транспортным путям. Селитебные зоны в Высокогорском районе представлены в основном зонами индивидуальной застройки. Селитебные зоны многоэтажной застройки распространены в границах населенного пункта Высокая гора и являются локальными. Преобладание зон индивидуального строительства отражает процессы субурбанизации, когда в пригородной зоне формируются коттеджные поселки современного типа. Близость к городу-центру дает возможность формирования таких территорий в Высокогорском районе. Существующие поселения разрастаются,

формируются новые, что ведет к трансформации функциональной структуры неурбанизированных территорий данного района.

Подтверждением этому может служить большое количество территорий резервного фонда (по данным Кадастровой карты). Данные участки являются перспективными с точки зрения развития г. Казани, роста населенных пунктов района, дифференциации функциональной структуры. При этом процесс развития данных территорий идет медленно. О скорости урбанизации данных территорий говорит наличие таких зон, как общественно-деловая, зона общественной рекреации, коммунальная зона. Распространение данных зон говорит о сформированности функционального каркаса территории, о разнообразии выполняемых территорией функций. В случае с Высокогорским районом данные зоны представлены локально, что говорит о необходимости в городе-ядре Казани как в источнике приложения труда и объектов отдыха и рекреации.

Основная территория Высокогорского района выполняет сельскохозяйственные функции. Здесь располагаются большие площади пашни, крестьянские хозяйства, объекты переработки сельскохозяйственной продукции. В отсутствие на территории района крупных промышленных предприятий, периферия Казанской агломерации отличается преобладанием аграрной специфики. Однако и на данных участках наблюдается частичный переход в зоны перспективного освоения, в основном близ населенных пунктов.

Что касается распространения хозяйственно-производственной зоны, то оно не отличается выраженной закономерностью размещения, кроме как тяготением к селитебным зонам. При этом, основную долю предприятий здесь занимают предприятия аграрного комплекса.

Процентное соотношение функциональной структуры Высокогорского района представлено в таблице (табл. 1).

Таблица 1
Площадь отдельных функциональных зон Высокогорского района

Название функциональной зоны	Площадь, %
Сельскохозяйственная	60
Зеленая	18
Селитебная	10
Перспективного освоения	6
Сезонной рекреации	3
Хозяйственно-производственная	2
Общественной рекреации	0,4
Транспортная	0,2
Специального назначения	0,2
Общественно-деловая	0,1
Коммунальная	0,1

Площадь рассчитана от общей площади Казанской агломерации в границах Высокогорского района.

Следует отметить, что несколько зон занимают менее 1% площади, их роль в функциональной дифференциации района невелика. Наибольшую долю, более

половины всей территории района занимает сельскохозяйственная зона — основная функция неурбанизированных территорий агломерации (рис. 2).

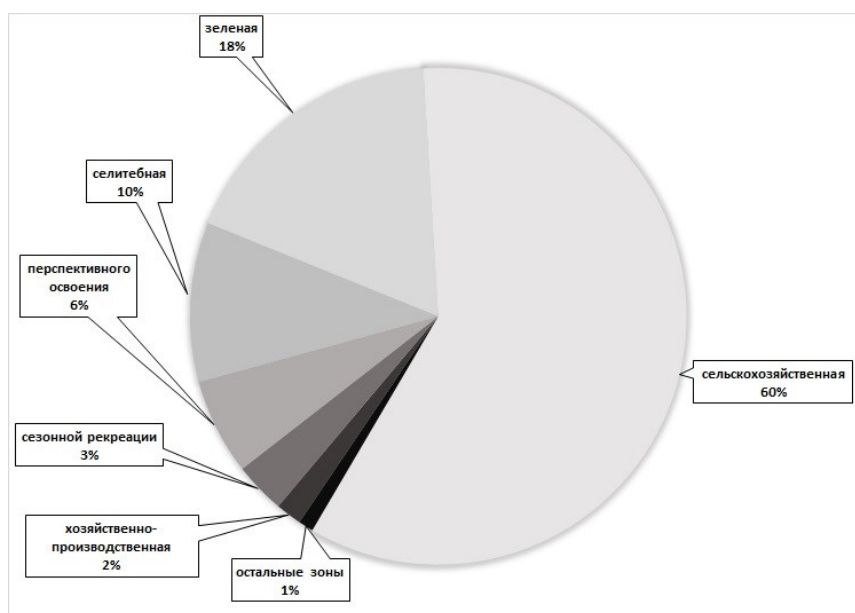

Рис. 2. Структура основных функциональных зон Высокогорского района по соотношению их площадей.

Составлено автором

По диаграмме видно, что зона перспективного освоения занимает 4-ое место по площади. Территории этой зоны являются приоритетными при планировании развития.

Анализируя построенную карту и диаграмму, нами отмечается, что неурбанизированные территории Высокогорского района занимают существенные площади, что создает дополнительные трудности планирования развития территории агломерации. Эта территория Казанской агломерации находится в стадии формирования.

Выводы

Построение карты функциональной структуры Высокогорского района позволило наглядно продемонстрировать современную функциональную нагрузку на территории внутри агломерации, а также выявить наиболее её функционально дифференцированные участки. Именно эти территории являются векторами развития агломерационной зоны. При этом межселенных и неурбанизированные участки являются не только перспективными с точки зрения освоения территориями, но и связующими элементами агломерации. Естественные процессы субурбанизации в пригородной зоне г. Казань начинают формировать отдельные очаги полифункциональности, в первую очередь в таких населенных пунктах, как Высокая гора. В продолжении развития данного процесса сельскохозяйственные и зеленые зоны должны формировать связность узлов и элементов агломерации друг с другом.

При этом для г. Казань характерен перенос отдельных функций города в его пригород, что также является перспективным для Высокогорского района,

располагающегося в непосредственной близости. В частности, характерной чертой переноса таких функций в Высокогорский район является активный рост селитебной зоны индивидуальной застройки.

С помощью инструмента функционального зонирования территории можно регулировать концентрацию населения и производства, загрязнение окружающей среды, обеспечивать рациональное размещение всех функций городской среды не только в черте единичного города и поселения, но и в пригородной зоне. Таким образом, с помощью анализа функциональной структуры неурбанизированных территорий достигается комплексность при формировании конкурентоспособной среды, позволяющей учитывать не только преимущества отдельных территорий, но и межселенных участков.

Литература

1. Толстихин Д. О., Соколова В. И. Функциональное зонирование городской территории. Геоэкологическое обоснование // Геоэкология урбанизированных территорий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecoguild.narod.ru/trudycpg/oglav.htm> (дата обращения 20.05.2020).
2. Грачёва И. В., Староверова М. В. Функциональное и экологическое районирование территории промышленного центра (на примере г. Коврова) // Безопасность в техносфере. 2009. № 6. С. 23–30.
3. Матюшкина Л. А., Калманова В. Б. Картографическое обеспечение экологического планирования территории среднего промышленного города / Л.А. Матюшкина // ИнтерКарто/ИнтерГИС. 2016. Т. 22. № 2. С. 286–300.
4. Потапова Е. В., Зелинская Е. В. Функциональное зонирование территории городов // Вестник ИРГТУ. 2014. № 7 (90). С. 43–50.
5. Закирова Ю. А., Хуснутдинова С. Р., Юринова А. О. Формирование функционально пространственной модели агломерационного пояса г. Казань // Известия КазГАСУ. 2016. № 1 (35). С. 87–94.
6. Дембич А. А., Закирова Ю. А., Латыпова М. С. Казань — ресурсы и перспективы полицентричного развития. Известия КазГАСУ. 2017. № 3 (41). С. 57–66.
7. Любовный В. Я. Городские агломерации России: от стихийного к целенаправленному развитию // Муниципалитет: экономика и управление. 2015. № 1 (10). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-aglomeratsii-rossii-ot-stihiynogo-k-tselenapravlennomu-razvitiyu> (дата обращения: 04.03.2019).
8. Архитектура и градостроительство. Энциклопедия / гл. ред. А. В. Иконников. М.: Стройиздат, 2001. 688 с.

V. Shaimardanova

The functional structure of non-urbanized territories: problems and prospects

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
e-mail: valeriyashaim@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the functional structure of the agglomeration zone of Kazan. The main task of analyzing the functional structure of a*

city is to find the optimal and rational placement of active functions on the territory, i.e. form the best functional zoning plan for the development of the territory. However, the placement of active urban functions is not limited to the city limits, but is often taken outside of it. For example, the million-plus city Kazan (Republic of Tatarstan) is characterized by the presence of large residential areas in the suburban area, which creates a partial transfer of the city's residential function to the suburbs. And the larger the city, the more pronounced such an influence. It is advisable to analyze the functional structure of not a single city, but an entire urban agglomeration. The agglomeration combines both urbanized and non-urbanized territories, which cannot be ignored when planning the development of the territory.

In the context of this article, special attention is paid to the analysis of the functional structure of non-urbanized territories of the urban agglomeration on the example of the Kazan agglomeration of the Republic of Tatarstan, in particular on the territory of the Vysokogorsky district of the republic. The definition of the functional structure consists in the allocation of the corresponding functional zones: residential zone of individual and multi-storey buildings, public and business zone, economic and production, communal infrastructure zones, transport infrastructure zones, agricultural zones, public and recreational zones, green zones, special-purpose zones, zones seasonal recreation, zones of prospective development.

Based on the constructed map of functional zones, the location of certain functions within the non-urbanized territories of the agglomeration is analyzed. These territories are the vectors of development of the agglomeration zone. At the same time, inter-settlement and non-urbanized areas are not only promising from the point of view of the development of territories, but also connecting elements of the agglomeration. Natural processes of suburbanization in the suburban area of Kazan are beginning to form separate foci of polyfunctionality, primarily in such settlements as Vysokaya Gora. In the continuation of the development of this process, agricultural and green zones should form the connectivity of the nodes and elements of the agglomeration with each other. By analyzing the functional structure of non-urbanized territories, complexity is achieved in the formation of a competitive agglomeration environment.

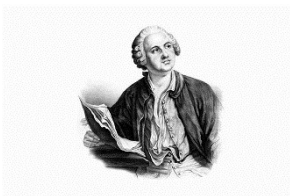
Keywords: functional zones, urban agglomeration, non-urbanized territories, rural settlements, development of territories

References

1. Tolstikhin D. O., Sokolova V. I. Funktsional'noye zonirovaniye gorodskoy territorii. Geoekologicheskoye obosnovaniye. Geoekologiya urbanizirovannykh territoriy. [Electronic resource]. URL: <http://ecoguild.narod.ru/trudycpg/oglav.htm> (reference date: 20.05.2020). (in Russian).
2. Grachova I. V., Staroverova M. V. Funktsional'noye i ekologicheskoye rayonirovaniye territorii promyshlennogo tsentra (na primere g. Kovrova). Bezopasnost' v tekhnosfere. 2009. no. 6. pp. 23–30. (in Russian).
3. Matyushkina L. A., Kalmanova V. B. Kartograficheskoye obespecheniye ekologicheskogo planirovaniya territorii srednego promyshlennogo goroda. InterKarto/InterGIS. 2016. Vol. 22. no. 2. pp. 286–300. (in Russian).
4. Potapova Ye. V., Zelinskaya Ye. V. Funktsional'noye zonirovaniye territorii gorodov. Vestnik IrGTU. 2014. no. 7 (90). pp. 43–50. (in Russian).

5. Zakirova YU. A., Khusnutdinova S. R., Yurina A. O. Formirovaniye funktsional'no prostranstvennoy modeli aglomeratsionnogo poyasa g. Kazan'. Izvestiya KazGASU. 2016. no. 1 (35). pp. 87–94. (in Russian).
6. Dembich A. A., Zakirova YU. A., Latypova M. S. Kazan' — resursy i perspektivy politsentrichnogo razvitiya. Izvestiya KazGASU. 2017. no. 3 (41). pp. 57–66. (in Russian).
7. Lyubovnyy V. YA. Gorodskie aglomeratsii Rossii: ot stikhiynogo k tselenapravlennomu razvitiyu. Munitsipalitet: ekonomika i upravleniye. 2015. no. 1 (10). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-aglomeratsii-rossii-ot-stihiynogo-k-tselenapravlennomu-razvitiyu> (reference date: 04.03.2019). (in Russian).
8. Arkhitektura i gradostroitel'stvo. Entsiklopediya. A. V. Ikonnikov (ed.). M .: Stroyizdat, 2001. 688 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 07.06.2021 г.

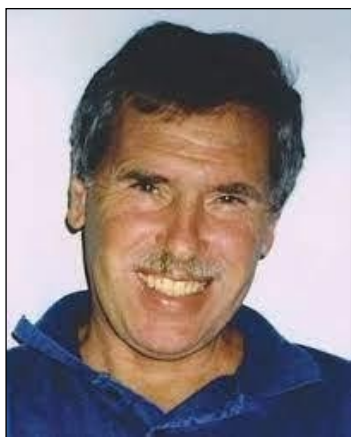
РАЗДЕЛ III

ЛИЦА НАУКИ

А. А. Бейдык

**Светлым человеком остался навсегда
(к 80-летию со дня рождения проф.
Н. С. Мироненко)**

Мелитопольский государственный педагогический университет имени Богдана Хмельницкого, г. Мелитополь, Запорожская область, Украина

Н. С. Мироненко (1941–2014)

В сентябре 2021 г. профессору Николаю Семёновичу Мироненко (1941–2014 гг.) — выдающемуся ученому-географу, страноведу, теоретику рекреационной географии и талантливому педагогу исполнилось 80 лет.

Когда кто-то пишет об известном и порядочном человеке в связи с датой его рождения или ухода из жизни, он, этот пишущий, или знал юбиляра (что, вероятно, самое главное), или является его почитателем и некоторым образом знатоком, или каким-либо другим образом соприкасался с биографией выдающейся личности.

Так я когда-то писал о Ф. Ф. Конюхове — путешественнике-экстремале № 1 в мире, с которым встречался в 1990 г. во Владивостоке, о французском мореплавателе Лаперузе, вспоминая, как проходил, направляясь на о. Кунашир и далее — на о. Итуруп, пролив его имени между о. Хоккайдо (Япония) и о. Сахалин, соединяющий-разделяющий Охотское и Японское моря, о выдающемся путешественнике и разведчике Н. М. Пржевальском, на могиле которого (Киргизия, берег оз. Иссык-Куль) побывал в июне 1973 года.

Любознательный и прилежный Коля Мироненко, родившийся в степной и безводной крымской глубинке (с. Придорожное Джанкойского района) оканчивает семилетку, затем — гидрометеорологический техникум в Херсоне, а в 1963 г. — с золотой медалью и полную среднюю школу. После службы в армии — учёба в Крымском пединституте им. М. В. Фрунзе, а после его окончания — работа ассистентом на кафедре экономической географии родного вуза. С 1970 г. судьба Николая Семёновича связана с МГУ, где он прошёл путь от аспиранта до доктора наук, профессора, заслуженного деятеля науки, заведующего одной из ведущих кафедр географического факультета.

В письме к Исааку Моисеевичу Маергойзу, которое опубликовано, выпускник Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе Николай Мироненко показал несомненную научную мотивацию, желание учиться в аспирантуре именно у выдающегося мэтра и продвигать вперёд географическую науку. Правильность этого выбора подтвердила дальнейшая судьба Николая Семёновича: после учёбы в аспирантуре (1970–1973) на геофаке МГУ он под руководством профессора И. М. Маергойза в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию («Рекреационное районирование Черноморского побережья (СССР, Болгария, Румыния)»).

Научно-практический опыт анализа социально-экономических и природных составляющих рекреационной среды он использовал в 1974–1975 гг., работая на

Кубе (факультет географии Гаванского университета). Позже, возвратившись в Москву, Н. С. Мироненко не прерывал научные связи с Кубой, используя свой опыт, знания, талант педагога и научного руководителя при подготовке диссертаций кубинских аспирантов. Николай Семёнович и меня подключал к этому — я направлял отзывы на авторефераты диссертаций трудолюбивых кубинских аспирантов (Пэвида Росалес Ариэль, Эрос Салинас Чавес и др.), которые впоследствии успешно защищали свои работы (всего профессор Н. С. Мироненко подготовил 20 кандидатов и докторов наук).

Надо сказать и о том, что сотни студентов, стажёров, аспирантов, окружавшие Николая Семёновича, учились у него ремеслу географа и педагога — всегда сдержанный, предусмотрительно-деликатный, он создавал поле особого тяготения, пребывая в котором, обогащались все — и ученики, и учитель. Мой друг — ученый секретарь спецсовета географического факультета Тбилисского госуниверситета Александр Давидович Рондели (1942–2015) (в будущем — известный грузинский политолог и международник), рассказывал мне о блестящих лекциях Николая Семеновича в Тбилиси, куда он приезжал в конце 1970-х годов читать отдельные темы по географии мирового хозяйства и рекреационной географии.

Помнят Николая Семеновича и в Болгарии. С этой благословенной землёй и болгарскими учёными его связывало творческое и конструктивное взаимодействие, результатом которого (не единственным) была монография «Рекреационные системы» (1986). Коллектив геофака МГУ, Н. С. Мироненко и его болгарские коллеги М. Бочваров и М. Воденска предприняли благодарные усилия для выхода прекрасного совместного труда, обобщающего результаты сотрудничества учёных двух стран в изучении территориальных рекреационных систем (ТРС). В книге систематизируются факторы становления, функционирования и развития пригородных (Москвы, Софии), приморских, горных, бальнеологических рекреационных систем, даётся оценка рекреационных ресурсов и раскрывается методика анализа ТРС.

Николаю Семёновичу был присущ широкий круг научных интересов. Его имя золотыми буквами вписано в географию мирового хозяйства, геополитику, политическую географию, методологию страноведческого анализа, теорию конкурентоспособности. Но в его 80-й юбилей всмотримся в молодого Николая Мироненко и как теоретика рекреационной географии, аналитика её предмет-объектной сущности, автора (совместно с профессором И. Т. Твердохлебовым) первой на советском и постсоветском пространстве фундаментальной монографии — «Рекреационная география», вышедшей в 1981 г., когда ему было 39 лет. В этой книге, на радость читателям, чудесным образом соединился опыт многолетнего преподавания и взращивания «научного молодняка» профессора И. Т. Твердохлебова, с одной стороны, и с другой — знания об отечественном и зарубежном Причерноморье — объекте настойчивого и многотрудного поиска обретающего зрелость молодого Н. С. Мироненко. Решающим было и то, что оба работали в Крыму, который был и остаётся одним наиболее привлекательных в шеренге туристско-рекреационных пространств планеты.

Дальнейшее постижение рекреационно-географической проблематики было продолжено и в 1988 г., когда Н. С. Мироненко защитил докторскую диссертацию на тему «Рекреационная среда зарубежных европейских стран-членов СЭВ (социально-географическое исследование)». Но, пожалуй, самым выдающимся

трудом Николая Семеновича является монография «Страноведение. Теория и методы», увидевшая свет в 2001 году — году его 60-летия. Вероятно, эту работу можно причислить к числу главных в жизни ученого, работу, которая писалась вдохновенно, на протяжении многих лет. И вдохновение это выражено в трех строчках посвящения: «Посвящается моему дорогому человеку Е. В. М.». Конечно, это — Елена Валентиновна Миланова, коллега и помощник Николая Семеновича, участница многих творческих проектов и обсуждений, случившихся и на кафедрах МГУ, и в экспедициях — отечественных, зарубежных, особенно, кубинских. Десять глав (36 подразделов) — акупунктурных методологических точек страноведения — раскрывают его фундаментальные позиции — предмет-объектную сущность, алгоритм исследования, пространственные структуры, географическое положение, природу, расселение, инфраструктуру, типологию. Напомним, что в 1994 г. проф. Н. С. Мироненко за книгу «Методика страноведческого исследования» был удостоен премии им. А. Н. Анучина. «Писать прекрасно — значит одновременно прекрасно мыслить, прекрасно чувствовать и прекрасно выражать, то есть обладать в равной мере умом, душой и вкусом» (Жорж Бюффон (1707–1788), французский натуралист, математик, писатель и художник).

Все мои встречи с Николаем Семёновичем состоялись в 1980-е годы, на это же время приходится и наша переписка. Николай Семёнович тогда работал над докторской, а я — над кандидатской диссертацией. А познакомились мы в апреле 1981 г. в Москве. Через год, в октябре 1982 г. была ещё одна встреча на памятной сессии Научного совета по проблемам биосферы «Рациональное использование и охрана курортных и рекреационных ресурсов Крыма», проходившей в Ялте. В Крым тогда съехалось много известного народа — учёных и высоких чиновников (В. С. Преображенский, М. А. Орлик, К. М. Сытник, В. И. Переведенцев, Б. К. Бойченко) — это было знаковое событие для набиравшего популярность по всему миру рекреационно-туристского тренда. Все заседания проходили в гостинице «Ялта», которая тогда была «визитной карточкой» всего Крымского Причерноморья.

Н. С. Мироненко и А. А. Бейдык
(Крым, октябрь 1982 г.)

На той незабываемой конференции Николай Семёнович, пожалуй, был самым элегантным и привлекательным участником — стройный, в темно-зелёном велюровом костюме, московский интеллигент, находящийся в нескольких годах от защиты докторской, пребывающий на своей малой родине — благословенной и патриотической крымской земле. «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» (А. П. Чехов).

Те несколько дней мы были постоянно вместе — теплым осенним днём отправлялись на экскурсию, присутствовали на мастер-классе по дегустации крымских вин, когда вдвоём, сидя за трёхместным столиком,

на котором было строго выставлено 3 луча (подобно эмблеме «Мерседес») наполненных рюмок, «обнулили» один из них, нарушив тем самым строгие правила дегустации. Разумеется, главным на крымском форуме были идеи, перспективы, алгоритмы решения, обсуждения и контакты. Позже, во время и деловой, и дружеской переписки, я несколько лет получал письма с улицы Саянской — московского адреса Николая Семёновича, в одном из которых он писал, что «... Ялта нас сблизила неформально».

Сейчас понимаешь, что это было счастливое время развития отечественной науки и образования. Николаю Семёновичу оставалось несколько лет до защиты докторской, а мне — кандидатской. Но время мудро своей неумолимостью. Именно его движение мотивирует спешить, что-то создавая, до того, как отпущенная нам квота иссякнет. Наша последняя заочная встреча с Николаем Семёновичем состоялась в начале 2000-х годов, когда он через И. В. Пилипенко, «восходящую звезду» российской и европейской географии, передал мне свою соавторскую книгу «Конкурентоспособность в системе мирового хозяйства: пространственный анализ». Не это ли ещё одно подтверждение постоянного поиска нового и расширения круга научных интересов, присущие Николаю Семёновичу?

Во времена Союза МГУ и другие классические университеты страны, их географические и геолого-географические факультеты, преподаватели и руководители практик, подобно Николаю Семёновичу, воплощали в реальность захватывающие маршруты — и по территории нашего Отечества, и по зарубежью. Всё увиденное и прочувствованное входило в каждого студента незабываемыми впечатлениями, ценными навыками, навсегда вплеталось в их память и профессиональную деятельность.

Сила факультетов, особенно представляющих науки о Земле, определяется пятью факторами: 1) традицией и историей; 2) преподавательским составом; 3) базами практик; 4) материально-технической базой; 5) перспективами развития. После 1991 г. я не раз бывал на бывшей учебной базе МГУ в Апшенце (близ пгт Ясиня в Закарпатской обл. Украины), где в своё время проводил полевые практики Николай Семёнович. После распада СССР стационар на р. Чёрная Тиса (бассейн Дуная) перешёл к геофаку Киевского университета. Помнится, как разбирая оставленные москвичами бумаги, я наткнулся на прекрасно выполненные крупномасштабные геоморфологические карты, отчёты, свидетельствовавшие о самом высоком уровне географического образования в МГУ. В этом контексте закарпатская база, как «реперная точка», усиливала привлекательность любого естественного факультета.

Вспоминая «золотое» 8-летие (1984–1991) дальних маршрутно-производственных практик (прецедента которых на Украине не было, нет и не будет), которыми я руководил и которые объединяли сотни студентов, обучающихся на геофаке Киевского университета имени Т. Г. Шевченко, озвучу простую истину: от Мурманска, Петрозаводска и Ленинграда до Иркутска, Владивостока и Южно-Сахалинска, от Белого моря до Японского, от Онежского озера и до Телецкого, от Байкала до озер Ханка и Хасан, в десятках городов и десятках вузов, куда мы обращались, нам никто ни разу не отказал в размещении или в какой-либо другой поддержке, не взяв при этом ни копейки. Такие возможности давала нам наша великая страна, имеющая лучшее в мире образование — и не только географическое.

Охватывая взглядом маршруты и пространства в России, Заполярье, на Украине, в Европе и Америке, которые исходил и изъездил Николай Семёнович, понимаешь, что дороги эти — существенное начало его духовной силы. Николай

Семёнович был существом света, в которого судьба вдохнула лёгкую божественную энергию и, вспоминая сейчас его добрые дела, мы понимаем, что потенциал Сверхъестественного и Достигнутого сформировали его научная мотивация, заточенность на результат, постоянство целей и посланные судьбой единственные люди — давшие ему жизнь и соратники по профессии. Мы помним и чувствуем его, поэтому он не ушёл, он с нами навсегда.

Поступила в редакцию 15.08.2021 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Барвара Владимировна	Кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»; ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Москва, Российская Федерация
Аксенова Марина Юрьевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры географии и экологии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Российская Федерация
Баранов Андрей Владимирович	Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления факультета управления и психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация
Бейдык Александр Алексеевич	Доктор географических наук, профессор, профессор кафедры туризма, социально-экономической географии и краеведения Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого, г. Мелитополь, Запорожская область, Украина
Васильева Ольга Евгеньевна	Кандидат географических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Величко Елизавета Сергеевна	Студент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, географического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Волков Максим Сергеевич	Студент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, географического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Вольхин Денис Антонович	Кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Воробьев Николай Владимирович	Кандидат географических наук, доцент, ФГБУН «Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН», г. Иркутск, Российская Федерация
Воронин Игорь Николаевич	Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии и территориального управления факультета географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

Гайсин Ильгизар Тимергалиевич	Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики географического и экологического образования, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация
Горохов Станислав Анатольевич	Доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт географии РАН», г. Москва, Российская Федерация
Гринкевич Наталья Александровна	Магистрант, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
Гусаков Тимур Юрьевич	Научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Даньшин Александр Иванович	Кандидат географических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Делич Драгица	Ассистент, магистр географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке, Республика Сербская, Босния и Герцеговина
Дмитриев Руслан Васильевич	Докторант, старший научный сотрудник, кандидат географических наук, ФГБУН «Институт географии РАН»; ФГБУН «Институт Африки РАН», г. Москва, Российская Федерация
Долгова Виктория Олеговна	Научный сотрудник отдела «Территориальные основы градостроительства», ФГБУ «Центральный научно-исследовательский и проектный институт Минстроя России», инженер-архитектор садово-паркового и ландшафтного строительства, г. Москва, Российская Федерация
Дружинин Александр Георгиевич	Доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону), ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт географии РАН», г. Москва, Российская Федерация
Елманова Дарья Сергеевна	Кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории общественной географии и страноведения, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Иванищева Надежда Александровна	Доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой географии и методики преподавания географических дисциплин ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Российская Федерация

Имангулов Линар Рамилович	Выпускник бакалавриата, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Каширина Екатерина Сергеевна	Кандидат географических наук, старший преподаватель филиала МГУ в городе Севастополе, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт развития города, г. Севастополь, Российская Федерация
Киселёва Наталья Васильевна	Кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений наук, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», руководитель филиала Фонда развития гражданского общества (ФОРГО) в Симферополе, ученый секретарь Крымского отделения РАПН, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Климина Елена Михайловна	Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт водных и экологических проблем ДВО РАН», г. Хабаровск, Российская Федерация
Купцова Виктория Алексеевна	Научный сотрудник, ФГБУН «Институт водных и экологических проблем ДВО РАН», г. Хабаровск, Российская Федерация
Кусов Иван Сергеевич	Директор Института развития города ФГАОУ ВО «Севастопольского государственного университета», г. Севастополь, Российская Федерация
Кухарук Наталья Степановна	Кандидат биологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация
Логвина Елена Владимировна	Кандидат экономических наук, доцент, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Мажар Лариса Юрьевна	Доктор географических наук, доцент, главный научный сотрудник, АНО «Смоленский научно-образовательный центр», г. Смоленск, Российская Федерация
Мажитова Гульнур Забихулаевна	Старший преподаватель, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Республика Казахстан
Мандич Мира	Доктор географических наук, профессор, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке, Республика Сербская, Босния и Герцеговина
Мартемьянов Даниил Витальевич	Студент-бакалавр, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Маскайкин Виктор Николаевич	Кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры физической и социально-экономической географии, заместитель директора НИИ экологии, научный руководитель минералогического музея, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация

Мифтякова Эльмира Фиргатовна	Специалист по учебно-методической работе, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Российская Федерация
Морковская Дарья Николаевна	Студентка кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация
Мухаметов Айрат Ринатович	Заместитель декана подготовительного факультета для иностранных учащихся по образовательной деятельности ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация
Муштайкин Антон Павлович	Студент, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
Нагиев Салех Касум оглы	Кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии Азербайджана и методики преподавания географии, Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
Наумов Алексей Станиславович	Кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Ожегова Людмила Александровна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Остроухов Андрей Вячеславович	Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт водных и экологических проблем ДВО РАН», г. Хабаровск, Российская Федерация
Пашков Сергей Владимирович	Кандидат географических наук, доцент, декан, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Республика Казахстан
Петрова Зоя Кирилловна	Доктор архитектуры, советник РААСН, главный научный сотрудник отдела «Территориальные основы градостроительства» ФГБУ «Центральный научно-исследовательский и проектный институт Минстроя России», академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ), Почетный архитектор России, член Союза архитекторов России, г. Москва, Российская Федерация
Пинязик Валентина Николаевна	Кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Погорелов Артур Русланович	Младший научный сотрудник, ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» ДВО РАН, г. Владивосток, Российская Федерация
Полушковский Борис Викторович	Кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры физической географии и кадастров, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Российская Федерация
Рубцов Владимир Анатольевич	Доктор географических наук, профессор, профессор кафедры сервиса и туризма, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Российская Федерация
Савоскул Мария Сергеевна	Доктор географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Сазонова Галина Васильевна	Старший преподаватель кафедры туризма, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Сафиуллин Марат Радикович	Кандидат географических наук, старший научный сотрудник, ГАНУ «Институт стратегических исследований АН Республики Башкортостан», г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация
Сикач Ксения Юрьевна	Кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Страчкова Наталья Васильевна	Кандидат географических наук, доцент, кафедра туризма, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Российская Федерация
Сутормина Элла Николаевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и кадастров, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Российская Федерация
Тесленок Кирилл Сергеевич	Инженер-гидрогеолог, ООО «Сурская горно-геологическая компания», г. Саранск, Российская Федерация
Тесленок Сергей Адамович	Кандидат географических наук, доцент кафедры геодезии, картографии и геоинформатики, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация

Топников Михаил Александрович	Студент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Турун Павел Петрович	Кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры физической географии и кадастров, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Российская Федерация
Удовенко Владислав Сергеевич	Аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
Уставщикова Светлана Владимировна	Кандидат географических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация
Федоров Владимир Николаевич	Кандидат географических наук, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация
Федорова Анастасия Владимировна	Магистрант 1 курса, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Флерко Татьяна Григорьевна	Старший преподаватель кафедры геологии и географии, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь
Харитонов Александр Михайлович	Научный сотрудник, ФГБУН «Тихоокеанский институт географии» ДВО РАН, г. Владивосток, Российская Федерация
Чугунова Надежда Васильевна	Кандидат географических наук, доцент ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация
Шабалина Наталия Владимировна	Кандидат географических наук, доцент, кафедра рекреационной географии и туризма, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт развития города, г. Севастополь, Российская Федерация
Шаймарданова Валерия Валерьевна	Ассистент кафедры географии и картографии ИУЭФ, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Российская Федерация
Швец Александра Борисовна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

Яковенко Ирина Михайловна	Доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Яковлев Андрей Николаевич	Старший преподаватель кафедры геоэкологии, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ	3
А. В. Баранов ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВАХ КРЫМА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ	5
Т. Ю. Гусаков СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ И МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ	15
Р. В. Дмитриев, С. А. Горохов СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В СИСТЕМАХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ МЕСТ	26
А. Г. Дружинин ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА ...	34
Н. А. Иванищева СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ТЕРРИТОРИИ	45
Л. Р. Имангулов, М. С. Савоскул ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ БАШКИРИИ (НА ПРИМЕРЕ ФЕДОРОВСКОГО РАЙОНА).....	55
И. С. Кусов, Н. В. Шабалина, Е. С. Каширина РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В СЕВАСТОПОЛЕ В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА.....	67
Л. Ю. Мажар НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОСВОЕНИЯ ТУРИСТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	78
Д. В. Мартемьянов, А. И. Даньшин ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ВНУТРИОТРАСЛЕВЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ТАДЖИКИСТАНА И КИРГИЗИИ	87
С. В. Пашков, Г. З. Мажитова СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СЕРВИСНОЙ ЭКОНОМИКИ СТАРООСВОЕННЫХ РАЙОНОВ КАЗАХСТАНА.....	98
А. В. Федорова, В. Н. Федоров РОЛЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ	111
Д. Н. Морковская, Н. В. Чугунова, Н. С. Кухарук МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ЦЕНТРАЛЬНО- ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА И ВОЗМОЖНОСТИ ДИФФУЗИИ ИННОВАЦИЙ	116
А. Б. Швец, Н. В. Киселёва, И. Н. Воронин, Д. А. Вольхин, А. Н. Яковлев СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ КРЫМА: ГРАНИЦЫ И СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗА.....	128
И. М. Яковенко, Н. В. Страчкова СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ И ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ	154

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ	169
В. В. Акимова, А. С. Наумов, Д. С. Елманова, Е. С. Величко, М. А. Топников, М. С. Волков СЕЗОННОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)	171
М. Ю. Аксенова, Э. Ф. Мифтякова ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2002–2019 ГГ.....	182
Н. В. Воробьев МИГРАЦИОННАЯ ДИНАМИКА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО МАКРОРЕГИОНА	193
Н. А. Гринкевич, В. Н. Пинязик АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ДИНАМИКИ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ.....	204
В. О. Долгова, З. К. Петрова ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРОТУРИЗМА В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ	211
Е. М. Климина, А. В. Остроухов, В. А. Купцова СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПРИАМУРЬЯ.....	219
М. Mandić, D. Delić DEVELOPMENT PROBLEMS AND DIFFERENTIATION OF RURAL AREAS OF THE REPUBLIC OF SRPSKA	228
А. Р. Мухаметов, И. Т. Гайсин, В. А. Рубцов ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ С 1959 ПО 2019 ГОДЫ В РАЗРЕЗЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН.....	239
Е. В. Логвина СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	247
С. К. Нагиев СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА И ЕГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	255
А. В. Остроухов, Е. М. Климина, В. А. Купцова ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПИРОГЕННАЯ НАГРУЗКА НА ВМЕЩАЮЩИЕ ЛАНДШАФТЫ СРЕДНЕАМУРСКОЙ НИЗМЕННОСТИ.....	264
А. Р. Погорелов НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ).....	276
М. Р. Сафиуллин ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ БАШКИРИИ.....	285
К. Ю. Сикач, Л. А. Ожегова, Г. В. Сазонова ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ КРЫМА: 2007–2017 ГГ.....	296
К.С. Тесленок, С. А. Тесленок, А. П. Муштайкин, В. Н. Маскайкин ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕОМОРФОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ.....	307

П. П. Турун, Б. В. Полушковский, Э. Н. Сутормина СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ: СМЕНА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ.....	318
В. С. Удовенко, О. Е. Васильева ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XXI ВЕКЕ (СЛАНЦЕВСКИЙ РАЙОН ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	327
С. В. Уставщикова ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	338
Т. Г. Флерко СТРУКТУРА И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.....	347
А. М. Харитонов О ВОЗМОЖНОЙ РОЛИ ЛЕСОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ.....	359
В. В. Шаймарданова ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НЕУРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	367
РАЗДЕЛ III. ЛИЦА НАУКИ	376
А. А. Бейдык СВЕТЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ ОСТАЛСЯ НАВСЕГДА (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФ. Н. С. МИРОНЕНКО)	378
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	383
СОДЕРЖАНИЕ	390